

Жизнь
Наука
Мировоззрение

Н.П. Куранов

Как на свете жить.
В поисках ответа

ТОМ 2

Москва
Издательство ДАР/ВОДГЕО
2017

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДАР/ВОДГЕО»

Николай Петрович Куранов

КАК НА СВЕТЕ ЖИТЬ. В ПОИСКАХ ОТВЕТА

ТОМ 2

Москва

2017

УДК 502, 504, 556

КАК НА СВЕТЕ ЖИТЬ. В ПОИСКАХ ОТВЕТА. ТОМ 2
М., «ДАР/ВОДГЕО», 2017 г. 596 с.

ISBN 978-5-98826-016-5

Основную часть книги известного российского ученого в области прикладной гидрогео-экологии, гидротехники, водного и жилищно-коммунального хозяйств, лауреата премии правительства России, Почетного строителя России, профессора, доктора технических наук Куранова Н.П. составляют биографические данные автора, позволяющие проследить путь босоногого паренька из деревенской глубинки страны до директора столичного головного научного института, Государственного научного центра. Книга охватывает значительный период развития данной отрасли в СССР и постсоветский период, сложности выживания и становления науки в России после развала СССР.

Книга печатается в двух томах. В первом томе приведены интересные сведения из жизни замечательных людей и крупных советских и российских ученых, с кем доводилось работать и встречаться автору, отражено взаимодействие бизнеса и науки. Большое место уделено развитию научного и проектного бизнеса в России, проблемам малого и среднего бизнеса.

Автор много путешествовал по стране и миру. Этому посвящен второй том книги. Путевые заметки проникнуты любовью к жизни, к прекрасному, к Родине, к семье, к женщине. На фоне политических и производственных событий в мире и России в течение последних десятилетий они позволяют не только глубже понять период становления новой Российской государственности в сердцах и мыслях обыкновенных тружеников, но и вычленивать, принять и полюбить национальные интересы и особенности россиян.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, на тех, кому интересно анализировать закономерности судеб на фоне происходящих в мире, стране и семье событий.

ISBN 978-5-98826-016-5

e-mail: Prokofieva@darvodgeo.ru, www.darvodgeo.ru
© Издательство «ДАР/ВОДГЕО»
Большой Саввинский пер., дом 9, стр. 2

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 17. НЕПУТЕВЫЕ ПУТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ.....	5
Бегство в субтропики. 13-27 марта 1999 г.....	6
Сочи. Санаторий «Заполярье», или «Начало старости». 4-24 марта 2000 г.....	29
Истоки. 4-8 января 2001 г.....	32
Путешествие в созвучье! 10-11 июня 2001 г.....	39
Рождество в медвежьем углу. 4-8 января 2002 г.....	43
Смоленщина.....	46
Майское ассорти. 27.04.2002 г. – 13.05.2002 г.....	48
Рождество в Карелии. 5-7 января 2003 г.....	54
Глухомань Ивановская. 12-14 июня 2003 г.....	58
Ухо Диково поля. 21-23 февраля 2004 г.....	60
Остров Крым – Весна! 16.04.2004 г. – 07.05.2004 г.....	62
Селигер. Повторение пройденного. 4-8 января 2005 г.....	87
Тамбовские «волки». 11-12 июня 2005 г.....	94
Кубанская юность. 1-6 июня 2006 г.....	98
Очарование Алтая. 29.12.2006 г. – 11.01.2007 г.....	101
Брянская рапсодия. 23-25 февраля 2008 г.....	104
На водах. 19.04.2008 г. – 08.05.2008 г.....	107
Серебряный северо-западный набег. 7-21 июля 2013 г.....	117
Орловские изразцы. 11-13 июля 2014 г.....	123
Мастер Тула. 8-10 января 2015 г.....	125
Римские каникулы в авто. 18-28 марта 1995 г.....	126
Голубой бизнес, или Путешествие на Кипр. 19-22 октября 1995 г.....	138
Галопом по Европам. 27.03.1996 г. – 08.04.1996 г.....	143
Дунайские волны. 25.07.1997 г. – 09.08.1997 г.....	164
Берлин – деловой визит. 16-20 ноября 1997 г.....	187
Романтическое путешествие, или Монте-Карло из Рио-де-Жанейро! 7-19 августа 1999 г....	196
Малая кругосветка или «Достойная старость». 22.08.2000 г. – 16.09.2000 г.....	221
Осеннее лето. 30.09.2001 г. – 20.10.2001 г.....	253
Мираж. 26.10.2002 г. – 17.11.2002 г.....	269
Коралл Шарм Эль Шейха. 26.04.2003 г. – 10.05.2003 г.....	294
Весна в ноябре. 7-28 ноября 2003 г.....	298
«К черту на Кулишки!». 16-27 июля 2004 г.....	326
Неспешное восхождение к Иисусу Христу. 29.10.2004 г. – 19.11.2004 г.....	347

Белая Русь. 6-7 марта 2005 г.....	366
За Одессу и ... Царь-град. 15.04.2005 г. – 6.05.2005 г.....	369
Индия – юбилею посвящается! 12.12.2005 г. – 06.01.2006 г.....	380
Скандинавия. 20.06.2006 г. – 02.07.2006 г.....	402
Юбилейное поднебесье. 06-29 ноября 2006 г.....	417
«Мрачный» Чудо-Остров. 28.04.2007 г. – 12.05.2007 г.....	442
Двухконтинентальное турне. 06.10.2007 г. – 09.11.2007 г.....	467
Новогодняя вылазка (или «Что такое нравственность»). 28.12.2007 г. – 12.01.2008 г.....	483
А нужен ль нам берег Турецкий? 25.04.2009 г. – 07.05.2009 г.....	490
Вся Германия. 27.12.2009 г. – 13.01.2010 г.....	495
Из грязи в князи, или Путешествие в будущее. 18.04.2010 г. – 02.05.2010 г.....	505
15 лет спустя, или Швейцарский банк. 16-25 октября 2010 г.....	511
65 – Робинзоновское продолжение старости. Декабрь 2010 г.....	517
Его Величество Еврейство. 7-21 апреля 2011 г.....	519
Колониальная рапсодия. Остров Гаити. 31.10.2011 г. – 10.11.2011 г.....	527
Чешская быль. 25.11.2012 г. – 13.12.2012 г.....	528
Американские горки. 21.03.2013 г. – 12.04.2013 г.....	530
Своё ничьё (или прихватизация Арктики). 5-20 января 2014 г.....	539
Япония! Край Земли и верх цивилизации.....	544
Испанские зигзаги. 18.08.2014 г. – 01.10.2014 г.....	550
Армянское радио! 15-19 октября 2014 г.....	554
Цыганочка с выходом! 6-11 июля 2015 г.....	557
Юбилей Пенсионера. 19.11.2015 г. – 24.12.2015 г.....	560
Путешествие в семью. 25.04.2016 г. – 31.05.2016 г.....	579
Желанные, неведанные жемчужины Индокитая. 5-19 марта 2017 г.....	582
ЭПИЛОГ или немного о себе и о жизни.....	592

ГЛАВА 17. НЕПУТЕВЫЕ ПУТЕВЫЕ ДНЕВНИКИ

Велик ли земной шар? А это как посмотреть! Территория-то при современных технологиях перемещения и общения действительно не велика. А вот разнообразие природы, населения, традиций – безгранично, как безгранична глубина наших чувств и ощущений, как бесконечны микромир и вселенная!

Чтобы крепко и сознательно любить свою Родину, желательно увидеть весь мир. Этот тезис давно засел в моей голове и вот из любви к родине я «вынужден» был объехать почти весь земной шар.

Так уж случилось, что занимаясь одним из самых увлекательных для меня занятий, т.е. путешествуя, я по горячим следам писал о своих впечатлениях в дневнике. Писал тут же, во время путешествия в автобусе, на корабле, в отелях и ни разу, никогда не правил их, считая несовершенство записей, связанное с поспешностью, мелочью по сравнению с их девственностью. Проблема у меня сейчас не в том, что писать об этих путешествиях – дневниковые записки я и помещу сюда, в мою, по сути, исповедь. Проблема в том, что их много и они не систематизированы. Как их представить? Да уж ладно, как-нибудь да представлю. Если читатель найдется, он и сам в них разберется!

Пожалуй, выберу я все-таки календарный принцип: от самых ранних к самым поздним. Так лучше отражаются те естественные исторические изменения, которые происходили за это время и в нашей стране, и в мире. Динамика исторических преобразований за время моих путешествий поражает – от развала отдельных стран и даже империй (СССР) до локальных войн в разных концах земли (смены правительств, теракты природные катаклизмы и т.п.), что коренным образом влияет на ощущения путешественника.

Некоторые дневниковые ощущения мне хотелось передать в подобию стихотворного стиля, в других случаях – прозой, а, иногда – смесь того и другого. Это вызвано не сознательным выбором автора, а стихийным обобщением сиюминутной совокупности эмоций, настроения, времени и места, когда эта запись в дневнике производилась. Сознательным было лишь:

- обязательность ведения записей;
- приемка-сдача этих записей по частям;
- общая приемка-сдача всей рукописи в конце путешествия;
- получение гарантий, что дневниковые записи будут служить основой для выпуска семейного иллюстрированного издания, посвященного данному путешествию, куда, кроме дневниковых записей, войдут и фотографии, которыми сопровождалось путешествие.

Приемку общего и по частям осуществляет жена, которая уже дома, в кабинетной тиши и в удобное для нее время, сроки выпускает это иллюстрированное издание. Иногда между записями в дневнике и иллюстрированным их изданием проходят годы.

Приемку общего и по частям осуществляет жена, которая уже дома, в кабинетной тиши и в удобное для нее время, сроки выпускает это иллюстрированное издание. Иногда между записями в дневнике и иллюстрированным их изданием проходят годы.

Замечено, что чем больше этих лет проходит, тем интереснее вспоминать, уже многое выветрилось из памяти временем. И это дает тебе силы вновь и вновь вести дневники путешествий, несмотря на самочувствие и дефицит времени. «Надо, Федя!» - как сказано нашим классиком и одобрено женой! Все это вместе позволяет сохранять традиции ведения дневника путешествий в нашей семье. Впервые здесь, в этой главе собраны почти все дневниковые записи о путешествиях. В отдельности они существуют в иллюстрированном варианте в нашем семейном архиве. Я понимаю, конечно, что трудно назвать предложенное ниже дневником путешествий. Скорее это не дневник путешествий, а некоторые заметки по мотивам путешествий. Подражая Дмитрию Крылову – это скорее непутевые путевые дневники путешествий. Так и будем их называть!

Вначале представлены записи, сделанные в путешествиях по России.

Бегство в субтропики. 13-27 марта 1999 г.

13 марта 1999 г. Суббота. День первый. День приезда.

Незрима паутина всех забот,
Когда живешь ты ими, дышишь, существуешь,
Но чтобы оторваться – боже, сколько же хлопот ...
И вот все в прошлом, ты уже кайфуешь!

Была Москва, а вот уже и Сочи,
Сменен пейзаж снегов на пальмы сень.
Стоит вопрос: «Чего ж ты все же хочешь?
Как хочешь ты «убить» свой первый день?»

Здесь главный наш помощник – опыт.
Пока жуешь шашлык – спроси, прочти.
И только лишь закончен кофе – допинг
Готов и план - в гостиницу пошли.

Забросили вещички и в «Ревьеру» -
Так по-французски парк здесь наречен.
Курортный корень – здесь зачали веру:
«Быть месту отдыха». И Сочи обречен!

Здесь Ницца, Канны и Сан-Ремо
Окутаны в кавказский колорит.
Гуляли мы и были немые:
Восторг застрял в зобу. Жену знобит,

Хотя мы от снегов к платанам,
Но женщине всегда нейдет.
И в неге дрожью отзовется
Тепло ль, восторг, любовь к Иванам.

Магнолией усеяны аллеи,
В Ривьере выстроились в ряд
Известные в чугунах корифеи,
И будто бы на нас они глядят!
Тургенев – тот суров, но узнаваем,
А Чехов – вовсе не простак.
Цивильный Грибоедов – интеллектуален.
Мудры Толстой и Герцен. Гоголь как пятак

Везде один и тот же! За что такая участь,
Как Ленину - с протянутой рукой,
Как Горькому – ну, туча тучей,
Как Пушкину – с курчавой головой.

Да, кстати, Ленин, Пушкин

И здесь опять живее всех живых
Собою наводнили Сочи,
Хоть не бывали, вроде б, в понятиях.

Другое дело некто Хлудов,
Он дачку эту и создал.
Почетный гражданин Москвы и жил без блуда.
Быть может потому, никто сим именем ничто не обозвал!

С Ривьеры – к речке Сочи и на стрелку, к морю,
Где тюлька плотным строем собрала людей.
Хемингуэй, я знаю, был бы доволен,
Любил толпу у моря! Так - то веселей!
Прогулка по морю.
Жена опять дрожит.
В «Приморской базе»
С лечебной целью винный «аппетит».

И все же спать уже пора -
Экскурсия на завтра с раннего утра.

.....
А море тихо катит волны,
В постель вливается бром-йод.
Сегодня спать -
На завтра предстоит поход.

14 марта 1999 г. Воскресенье. День второй. Водопады.

С экскурсиями здесь не все в порядке.
Сезон еще вдали, поэтому терпи.
С утра морские ванны и зарядка,
Затем, быть может, будет что-то впереди.
Набралось если на автобус –
Тогда вперед: раскручивается «глобус».

Сегодня «глобус» показал на Адыгею
Большой Кичмай с рекой Шахе.
С восторгом мы вбираем ахинею
Про тещу, бурку, чудеса в седле.
Нам в сакле все преподнесли
И чаем даже обнесли.

Та сакля в чайном поле залегла
И вот шапсуг – потомок адыгейцев
Снабдил ее кой чем. И сакля зачала
Туристскую тропу, как будто в дом индейцев.
Улбых – шапсуг, дородный краснобай
Несет историю, шашлык и каравай.

Черкесы гордые смотрелись любо-мило
И саклю переполнил праздный сброд.
Затем все снова по машинам
На лань бегущую – Шахе. Её мы брали вброд.
Немного так поупражнялись
И у форелей оказались.

Форель та в чанах. Все пристойно.
Разрухи нет. Бежит вода спокойно.
И рыбка плещется, и поят нас вином,
И только после этого мы к ним идем –
К тому, к чему стремились будто в рай:
К тридцатке водопадов на Кичмай.

Нас зрелище, ей богу, захватило.
Каскады эти до сих пор в глазах.
И что-то мощное здесь рядом пронеслось...
Традиция рождалась на глазах:

Я в каждом водопаде искупался,
Хоть 10 градусов вода,
Но пиком, безусловно, оказался
Момент, когда за мной пошла жена.
Экскурсовод был вне себя,
Гордился нами - знай страна!

К традиции ведь шли не просто так.
Мы знали – было на поляне...
Младое местное вино и за пятак
Шло в «жилу» нам, как шляпа даме.

Дорога к этим водопадам
Была сама себе музей,
Петляла в горы, шла по морю,
Держала мысль больших людей.
Здесь дача президента, Примакова.
И Дагомыс с Хеопской пирамидой,
И Горький собственным горбом
Добыл писателя планиду.
Для всех пробил походную дорогу,
Себе ж талант и путь без бога.

Здесь Христианство насаждал
Сам ученик Христа - Андрюша Первозванный.
Мужик в Руси о том прознал
Лишь через тыщу лет. Ну вот ведь окаянный,
В субтропиках застрял, к сугробам не пошел!
Христос, каких учеников себе нашел?

Являлся нам не только дух.
Являлись нам и обнаженья:
Гора Мамайка, как пастух,
Собрала здесь веков творенья.
Геомузей нам показал
Периоды, эпохи. Все, что бог послал!

Еще - про дерево-гигант, что в 26 обхватов.
Ему, прижавшись, отдают всю нечисть супостаты.

Автобус встал, все побежали,
И всю корысть свою отдали.
Потом уж только спохватились,
Как жить теперь, скажи на милость?

Закончен день при водопадах...
В «Приморской» пили до упаду!

.....
Шумит приморская волна
Уже в постели тишина.

15 марта 1999 г. Понедельник. День третий. Дендрарий, Дружба.

Подъем! Экскурсий нет.
Дождь обложил на целый день.
Путеводитель дал совет.
И... разложилась наша лень.

Дендрарий в дождь - он перед нами!
Мы двое - больше ни души.
Экскурсовод «НИИ» - глазами
Дал знать, чтоб мы его спасли.

И за 16 деревянных
Он нам рассказ явил на сутки
Как о проблемах о дендрарных,
Так о зарплатах, о желудках.

Вообще, мужик он мировой,
С научной, светлой головой.
Сейчас такие не нужны,
Им хуже, чем во времена войны.

Нет, он не жаловался нам –
Зимой его спасал каштан.
Он говорил не о себе,
Тужил за сочинских людей.
Сейчас он в Грецию стремился
Продаться в рабство в некий храм,
А то здесь можно удавиться –

«НИИ» о том поведал нам.

Но это было между делом
В случайно павшую минуту.
А в основном душа-то пела
Про дендро, сакуру, про шутки,
Какие сказаны о фито.
Отдались мы ему и все забыто.
Впились в его рассказ про Худякова.
Талантливый издатель и магнат
Своей Надежде подарил «Надежду»,
Купив «Надежду» у ее творца.
Верна была как будто, но «Надежду»
Не посетила так до своего конца.

Теперь та дачка – есть дендрарий!
Советы отняли для нас,
Создав НИИ, расширив гамму,
Построив планы в профиль, в фас.

Здесь фейхуа и кедр ливанский,
Клубничный, вроде, эвкалипт,
Магнолий-карлик и гигантский
Бамбук, лианы и тростник.
Не знаю все я имена,
Скажу лишь в общем – ляпота.

Привить, скрестить, обрезать -
Такой глагол меня не занимал.
Я плавал в гармоничности природы,
Я, можно так сказать, в ней утопал.
А если и экзотику иметь в виду,
То был я словно какаду.

Ну, какаду не какаду,
А страусов в руках держали.
Их только-только на беду
Из Африки сюда прислали.

Один не выдержал нагрузки,
Решил расстаться с жизнью сам.
Разбег, удар, и ладно б гузкой –
Башкой в бетон – и к небесам.
Теперь остались здесь вдвоем,
А может дело как раз в том?

Беседки, лебеди, павлины и пруды,
Лужайки Англии туманной.
Все отшагали, оглядели мы

Под голос из «НИИ» печальный.
Потом тепло мы попрощались
И дальше в той же плоскости остались.

Пошли под дождь на знаменитость.
Есть в Сочи цитрус - всем как брат.
На нем печать под знаком – слитность
Всех наций, видов – без затрат.
Сначала Зорин-садовод
Доверил Шмидту из Полярья
Привить к лимону мандарин.
Так был зачат здесь Дружбы «блин»!

Потом ... Ван Клиберн, космонавты,
Спецы, артисты эту вахту
Продолжили. Кто смог,
Тот и оставил черенок.

Теперь на дереве растет
Никто не знает какой плод.
Но с уважением идут
И «блин» пекут, пекут, пекут.

Сейчас уже имеет он
Большой музей. Со всех сторон
Ему землю люди шлют,
А к ней картинку иль салют.
Кто в виде башни, кто - горшка...
Собрала все это она,
Старушка, божий одуванчик.
От Зорина пошла «лоза»!

Она двоих нас приняла,
Под дождь стоявших у «искусства».
В лоно науки отвела,
А там нам душу излила
Про всех великих и простых,
Что были здесь! Как и святых,

Несущих Дружбу на руках
В народы мира. О грехах
Она ни слова не сказала,
Лишь: «Как держать теперь музей?
Хоть занавески бы навесить.
Зарплату, ладно уж, не ждем».

Нас проводила за калитку
Под тем же проливным дождем.

Из Дружбы все светилась святость...
И долго в нас еще сидел
Ее святой, почти, удел!
.....
Море штормит, волна шумит,
Жена о Дружбе говорит...

16 марта 1999 г. Вторник. День четвертый. Назад к обезьянам.

Проснулся рано, полон сил,
На море вышел пробежаться,
Весну по жилам пропустил,
Пора и к морю уж податься.

Штормит, бодрит, к себе манит,
В себе уверен я, однако!
Вперед! И с буны головой
В пучину волн под божьим знаком.

Прекрасен у Нептуна мир,
Его люблю, готов к лобзанию.
И тут Нептун меня накрыл –
Реву на буне без сознанья.

Хрип, рык, какой-то вой,
Лежу и слышу раненого зверя.
Где я и что со мной,
Я сам себе сейчас не верю.

Прокручиваю пленку, как во сне,
Меня о крюк какой-то долбануло.
Инстинкт сработал – я уж не в воде,
Сознанье вверх куда-то потянуло.

Пока в горячке - нужно б до жены
В постель, под крылышко забраться,
А дальше уж дела судьбы,
И, может, время будет разобратся.

Кто я и что со мной,
Тот свет иль этот? И как сжиться с болью?
Но вот мой рев все же прошел
Я осознал себя – дурак безмозглый.

Кто ж лезет в море в шторм,
Да с железобетонной буны?
Теперь я это не забуду.
Но поезд мой уже ушел.

Нашел ты что хотел, нашел.

Но, слава богу, жив остался,
Лишь бок на месяц поломался,
Да отпуск двух – коту под хвост.
Ну, хватит, ведь сегодня пост.
Терпеть сам бог велел.
А что по плану я хотел?

По плану - на гору Ахун,
Но это явно чересчур.
Я больше нынче не проказник,
Сегодня в жилу обезьянник.

Глядишь, научат чему предки,
Не будешь больше, деловой,
Бросаться в омут с головой.

Все, решено, поковыляли,
За Адлер, к Псоу, на границу
Там обезьянник, нам сказали.
Привет, Макаки, от столицы!

Немного мы подрастерялись:
Везде они и мы вдвоем.
Потом под обезьян вписались!
Нам было говорить о чем.

Здесь космонавты в общей стае
И сценок много колоритных,
Вот кормят грудью важно мамы,
Вот папы - сексу приоткрыты.

Детеныши приникли к мамам
В любом стремительном полете,
А папа занят: что пошамать,
Хотя бы вшу вот эту слопать.

Когда какая-то горилла
Зачем-то жутко вдруг завыла,
То вспомнил - слышал я с утра
Подобье этого: «Ры-а-а ...»
И до меня дошло тогда,
Что так рычал на море я.

Детьми клянусь теперь вовек,
От обезьяны человек!

Болтались несколько часов

Вдвоем как будто в общей стае.
Служитель с нами был готов
Делиться личными вещами.
Ну, например, зачем за 200 ре
Он чистит клетки шимпанзе!?

Вообще, я в обезьяннике впервые.
Но вижу - Ельцин вмазал влет.
Здесь планы были, ох, большие.
На 100 гектар теперь разброд.

Все новоселы – недострои,
Какой-то просто чудо-град.
Вообще, не поняли сначала,
Что там за бункеры стоят.
Такой бетономонолит
С маргышкой как-то не глядит.

Что Ельцин рушит обезьян -
Изьян, иль это не изьян?
Не понял этот он изьян,
Зачем нам столько обезьян?

Забыл он, правда, про врачей,
Которым мало ведь мышей.
Им надо резать обезьян,
Как не крути и здесь изьян!
Еще один нюанс замечу;
Нам рожи корчил каждый член,
Потом я понял этот «крен»:
Моя, косая рожа из-за буны,
У них восторг особый будит.

Закончен наш поход сюда,
Где на отшибе, на границе
Забыто всеми, как изьян,
Большое племя обезьян.

.....
«Приморская» стоит на месте,
Волна по-прежнему шумит,
Мне выпить можно, это лестно,
Но спать нельзя – «бифштекс» болит.

Но это, братцы, ерунда.
В субтропиках полно вина!
О боли больше ни словечка.
Пай мальчик я. Я как овечка!

17 марта 1999 г. Среда. День пятый. Царская рыбка.

Я с рыбой вырос, кланяюсь ей низко,
Я с ней не голодал после войны.
Сын рыбака - я не рыбак и близко,
Но труд рыбацкий знаю – не цветы.

Всегда в воде в мороз и в солнце,
Всегда в бударке - стол и дом.
Они проявлены как горцы,
Они двужильные как слон.

Но то - про Волгу и про Каспий.
Форель – всегда особняком,
Бог дал мне по дороге странствий
Попасть в ее родимый дом.

В долине Мзымты есть хозяйство,
Где ту форель родят, растят.
Ее в неделю дважды доят,
Но все равно потом коптят.

Форели дай теченье, свежесть,
Она не карп тебе какой.
И вот, с десяток где-то, скважин
Качают воду день деньской.
Нельзя на час остановиться,
Нет час воды – и нечему ловиться.

Я жил когда-то с рыбоводом,
Учил их даже курень брать.
С форелью встретил ненароком
То, где учил. Но, так сказать,
В головку мне не приходило,
Как доят рыб здесь их светила.

Здесь каждый понедельник и четверг
Дояры рыбок ублажают
И таз к тётъ Тане придвигают.
И тетя Таня, вот крест мне,
Дает такое Ка Пе Де –

Куда как тем американцам!
Мы нос утерли иностранцам.
Но, правда, хищники жуют
Заморский (финский) чудо-фрукт.

Вообще-то то, что посетили –
Хозяйство, где-то в сто гектар.

Оно – крупнейшее в Союзе,
Что богу душу уж отдал.
Четыреста тонн форели в год -
Такой у мастеров доход.

Открытое место, бетонные лотки,
В них царская рыбка резвиться, играет.
Не трудно представить у скольких людей
И что же за чувство сие вызывает!
Отсюда следует, что главный штат,
Конечно, охрана из бывших солдат.

Но при такой большой охране...
Про это лучше не вещать.
А в дегустационном зале
Нам было, что душе принять!

Уха, жареха, малосолка, вино, икра –
Не выдержала здесь моя душа.
С собой мы взяли и живую.
В «Приморской» через три часа
Продолжились с форелью чудеса.

.....

А море все шумит, шумит,
Жена от впечатлений уже спит.

18 марта 1999 г. Четверг. День шестой. Ущелье Агуры.

Сочи - море и горы, и горные речки.
Горная речка - Горянка - краса.
Есть среди многих одна, что от «печки»,
То есть, от Сочи уже хороша.

Средней воды, ни тоща, ни велика,
Где-то у моря с Мацесты берет
Часть ее силы, что лечит калеку.
Экокупальня приветливо ждет

Путника-старца иль просто туриста -
Всяк обливается тухлой средой.
Это прилюдье симфонии вечной,
Что назвалось здесь Агурой - рекой.

Целое дело - тропа вдоль Агуры.
Взрывы в шпурах – вот орудье бичей,
Что принесли ее нам как культуру,
Чтоб созерцали величье идей,

Созданных богом. Величье идеи!

Ведь не случайно преданье ведет
Вон в тот обрыв, там скала – Прометея,
Где он прикован и печень клюет

Горный орел ему. Жуткое зверство?
Девичье сердце Агуры зашлось -
Она Прометею шашлык с луком, с перцем.
Ну, и вино у ней тоже нашлось.
Боги прознали (им тоже хотелось)
И Прометея лишили вина.

Ну, а Агура? Агура зарделась
И от богов уже вниз понесла
Воду, став речкой красивой.
Цепь водопадов построились в ряд.
Есть и пещеры, загибы, обрывы,
Все, чем велик этот край и богат.

Дальше и выше скалы Прометея
Орлиные горы, красавец каньон....
Тут у меня отказала трахея
И под ручонки меня, под уклон
Вниз под гору, где раскинулся Бахус
В виде старухи с пуховым платком.
Я был не против, мой бок, моя пакость
В ауре винной, как хрен с огурцом.

.....

В «Приморской» расцветилось море!
Раздевались долго, да уснули вскоре.

19 марта 1999 г. Пятница. День седьмой. Дагомыс.

Уж так случилось - жил полвека
Почти полмира повидал,
Но нашего Советского Кавказа
У моря я, почти что, и не знал!

Ведь слово Сочи - для меня виденье,
И ничего нет общего с «реал».
Теперь уж напиталось мое воображенье
«Головорезов», можно так сказать, узнал.

Однако все еще расплывчатая мысль
При звуке местном – Дагомыс.
Услышал, видел с птичьего полета,
Что комплекс там какой-то есть,
Но с чем, не знаю, его есть.

Тогда вперед на Дагомыс.

Он – северная часть Большого Сочи,
А знаменит он тем, что здесь кумыс
Еще цари любили очень.

Они здесь домик заложили,
До нас дошли одни конюшни,
Кумыс здесь чаем заменили,
Он стал гвоздем экологухни.

Потом уж современные цари
Здесь супер комплекс возвели.
Сейчас он малость устарел.
Уже не смотрится ...И не счастлив его удел,
Пустой стоит, как царь с сумою,
Иль рыцарь с посидевшей головою.

Его немного осмотрели,
Отметив статью, но без убранства.
Затем в бассейне пролетели
Часы. Мы будто после пьянства

Оттуда вышли, нас качает,
Ведь утро началось с Мацесты!
А та вода не так ласкает -
Она огнем жжет, как невеста.

Невинность - главное богатство.
Мацеста - всех болящих братство.
Я с детства слышал о Мацесте.
Знал - есть такое место,
Оно хромого выправляет,
Горбатого же выпрямляет.
Как пропустить такое чудо,
Тем более, что бок – «бифштекс»
Являл собой больное «блюдо» –
Прилечь нельзя, не то что секс.

И вот уж Старая Мацеста
Где, как легенда говорит,
Одна красавица - невеста
Вручила бесу свою жизнь.
Чтоб излечилось ее племя.

Разверзлась бездна, приняла
Горянку бесовское племя,
А вверх водичка потекла
Лишь подставляйте люди темя!
Народ гурьбой под водопад...
С тех пор лечебницы стоят.

Идет понурый в них народ,
Назад – уж водят хоровод.
И мы, пробившись сквозь кордон,
Лежали в ваннах как русалки.
Мой бок исчез, я окрылен,
Жена ж - за сердце: «Валерьянки!»
Насилу все же откачали.
Вот, братцы, не было печали.
Мораль. Она здоровому - под дых!
Не лезь – Мацеста для больных!

.....

Закончен день и море посветлело.
В «Приморской» славно время пролетело.

20 марта 1999 г. Суббота. День восьмой. Дельфинарий.

Безбрежной глубины природы
Пока еще не исчерпали мы.
Сейчас надеются народы,
Что есть мудрее нас – киты.

Придумали богов, чтоб оправдалась глупость,
Которую творим мы на земле:
Убьем, своруюем иль проявим скупость,
Покаемся и снова «на коне».

Сейчас же модно говорить,
Что в мире человек не господин.
Разумных много. Фаворит
Средь таких – дельфин.
На море видел я дельфинов,
Но там их разум не доступен.
Шедевры разума картины
Есть в дельфинарии. Допустим!

Билеты взяты и вперед
В Адлер, в дельфинарий сегодня в поход.
Сам Адлер - центр малярии
Чудесным образом судьбы.

Был превращен в царя вершины.
В орла. Филологи - творцы.
Среди жилья, где пролетарий,
Обосновался дельфинарий.

Вид из него: восток – вершины,
На запад - море перед вами.
Красив овал под бескозырку,
В котором детство ожило,

И где святое свойство - братство
Само собою создалось.
А шоу - не наив, а простота
И не концерт, а совершенство,
И намерений чистота!
А ощущенья - верх блаженства.

Они учили нас как жить
И в том – большие мастера.
На лицах спутников моих
Одна сплошная доброта.

Куда на час девалась злоба
И схоронилось безразличье,
Флюиды буйствовали, чтобы
Торжествовало лишь величье.

Дельфин-флюид скрестился с нашим
И родилась та чистота.
Я за такое вот крещенье,
Продай, дельфин, мне семена.

Продай, сказал, и сразу вспомнил
Дельфин дельфина рисовал.
Три тыщи ре. за ту картину
Один мужик шутя отдал.
То ли под действием флюидов,
То ль новых русских (тип - кретин)
Тому подобных инвалидов
Не тронет ни один дельфин.
Вот опустела бескозырка,
А мы сидим в ауре века.
А может всех людей в бутылку,
Дельфину - место человека?

Все стихло, закончен шоу бег.
Я снова тот же человек.
Ну, нет! Немножечко другой.
Дельфин, спасибо, бог с тобой!

.....

В «Приморской», впрочем, как всегда
И теплота, и доброта!

21 марта 1999 г. Воскресенье. День девятый. Красная Поляна.

Когда я был уж мужем зрелым
Опять мне страшно повезло:
Судьба мне подарила горы
И альпинистов ремесло.

Протопал много перевалов
И ледников, вершин, каньонов
Впитал блаженство я привалов
И солидарность компаньонов.

Величьем гор был очарован,
Привычен клямке рюкзака,
Туристской песней околдован
И едким запахом костра.

Быть может потому и подарил Иисус
Мне восхождение на Эльбрус.

Потом узнал я горный слалом
С детьми без лыж на пятой точке.
Иткол, Чегет с присущим жаром
Поведали мне свои строчки.

И снова мне сегодня повезло
В субтропиках не только моря нега.
Я понял, сочинцев немного «повело»
На почве преклоненья перед снегом.

Все в памяти своей хранят:
«На санках я катал ребят».
Поэтому не мудрено – советуют все рьяно
Увидеть глазом хоть одним, что значит
Красная Поляна.

Она за сотню верст, в горах
Хребта Кавказского Большого.
И вот наш «Пазик» на горах,
Шофер «взнуздал коня лихого».

Нужны здесь крепки удила
Дорога вьется спираль-планом
Здесь пропасть, здесь отвесная скала
«Невесты слезы» бьют фонтаном.

На пасеке устроен перекур:
Горячий сбитень, Лидия и медовуха,
Альпийский мед каштановых кровей
И чача – виноградная сивуха.

Здесь Черномырдин и Немцов.
Их «теремок» в обычном блеске
На фоне винодел - творцов
Все выглядит весьма зловеще.

Но вот и база. То фундамент,

Откуда ввысь идет подъемник,
И горнолыжников орнамент
Уже мелькает. Ты невольник.

Тебя несет цепей стихия.
То дождь, то снег тебе в лицо.
В крови сбращения лихие
В смеси со страхом. Хорошо!

Все чувства сразу, вместе, скопом
Пока болтаешься в цепях
И вот тебя выносит боком
К вершине, той, что вся в снегах.
Здесь царство лыж, здесь их эфир,
Здесь счастья жизни элексир.

А у «фундамента» характер свой -
Раскинул здесь шатры другой,
Торговый местный колорит.
У нас отменный аппетит.
Я местное любил всегда –
Здесь и еда, здесь и судьба!
Морщинами лицо изрыто,
Гречанка чем-то угощает.
Печально речь свою ведет:
«Жестока жизнь, жесток народ!
На рынке даже нет покоя
От Сталина до наших дней.
Ну кто-нибудь, да угнетает,
Но я живу, ращу детей...»

И долго нас благодарила,
Что у ней взяли голубцы...
Автобус наш остановила
Чинара с очередной войны.

Деды Кавказ нам воевали -
Под ней-то мир и подписали!
И подвели под ней черту:
Кавказ Российский. Быть сему!

Целый век и тридцать пять
Прошло с той памятной поры.
А все бурлит Кавказ, бурлит...
Чинара чтит мира дары!
Потом нарзан с названием Чвиженсе,
А в мыслях путь на Туапсе.
Пора сменить нам обстановку.
Но это завтра. Нам «обновка»,

Ой, как нужна: похожи стали на улитки.
Мы хоть довольные, но мокрые до нитки.

Ведь целый день вода небес
То в лед, то в снег переходила.
Как будто от Нептуна бес
Решил проверить наши силы.
Проверил. Мы дрожали,
Но и за это беса обожали!

.....

Чем отогрелись – это ясно.
В «Приморской», как всегда, прекрасно.

22-23 марта 1999 г. Понедельник-вторник. День десятый-одиннадцатый. Бросок на Туапсе.

В Сочах мы плавали в блаженстве,
Бодрил всегда бродячий дух.
Да, Сочи может совершенство,
Но разве не найти для двух
Еще заманчивее край?
Где ново – там и рай!

Наметили наш путь на Север.
На юг – граница на замке:
В Сухуми пропускают женщин
Мужчин под зад. Особо в бороде.
За рупь «морская» электричка
Везет чуть больше двух часов
До Туапсе. Но дух напичкан
В известном месте шилом чудаков.
Станция Лазаревская! Что-то на слуху!?
И электричка в сей же час
Уж далее бежит без нас.

Да это город! Микрорайон большого Сочи!
Сначала он не глянулся нам очень.
На море пусто, все в руинах – от причалов до шашлычных.
Но постепенно в Лазаревской жизнь нам показалась из приличных.

От моря дальше городок живет
Обычной трудовой, надеюсь, жизнью.
И дендро по курортному цветет,
А с горки классно прелести все видно.

Вот центр, ущелье, церковь, море, парк!
И пусть мы не нашли хотя б подобье схемы
(Для осознания этого, помилуйте, я стар!).
На горке поняли, что, где смотреть, что с нами, где мы!

Мы с удовольствием болтались
По прелестям курортным этим.
И с мнением таким остались –
Здесь стоит отдыхать и нам, и нашим детям!

А ночь-то провели мы в Туапсе,
На ощупь часа три бродили.
И только утром поняли вполне,
Что путь-то в рай нам свиньи подложили.

Совсем иным сей город проживает.
Курорт быть может есть, но не заметил я.
Народ здесь выживает, а не отдыхает
То порт, промышленность, ж/д дорога и земля.

Да, море, пальмы, кипарисы,
Но все не для таких каприз,
Которых требует бездельник.
Портовый парень он, рубаха,
А для отпускника, прости, неряха.

Почуяв истину, проникли в ход событий,
Ведь Туапсе от роду менее двухсот.
Здесь Вельяминов, Лазарев наделали открытий -
Важнейшее из них: тут главным должен пароход!

Когда шапсугов, турков прогоняли,
И когда Гитлера встречали!
Да и сейчас здесь кормит весь народ
Все та ж корова – пароход.

Но я бездельник, мне подай другое,
А если нет – тебя уж не хочу.
Бросок закончен, я назад в былое!

.....

Снова в «Приморской» бок в волнах мочу.

24 марта 1999 г. Среда. День двенадцатый. Иосиф Виссарионович Сталин.

Что говорить – огромного масштаба личность!
Его не час, а годы изучать.
Сейчас же штрих мне кажется не лишним,
Как в Сочи Сталин тьму нам излучал.

Закрываются двери к Сталину на дачу,
Но как же быть, ведь шило-то сидит
И мы к охране наудачу.
Охрана в ночь придти велит.

Ну, в ночь так в ночь. Тогда на день - к Ахуну.
В зените солнце, и душа поет!
Почти забыл про бок, про буну,
Гора лежит у наших ног.

Гора Ахун для Сочи - площадка смотровая!
Часами можно все смотреть подряд
И что ласкает взгляд, что не ласкает.
Вам в Сочи уши прожужжат:
Кто на Ахуне не бывал,
Тот и Сочи не видал.

Ну вот, теперь бывал –
И что же я видал?
Да не видать оттуда Сочи.
Для этого высоко очень.

Я видел Адлер, Псоу на границ,
И так почти до Туапсе!
Ты как орел на башне, птицей
Паришь на этой высоте!

А под тобой домов-то нет,
Там не дома, там их макет.
Вот горы, море – это да!
Ахун с масштабностью друзья!

Здесь ледники и снежные вершины,
И реки, водопады и долины!
Там море, ущелья, та ж Мацеста на Агуре.
Экскурсовод все время балагурил –

Мол, Сталина не видно за самшитом,
Поэтому не бойтесь, все будет шито-крыто.
Самшитовые рощи здесь сейчас реликты,
Хоть много, как в Сибири пихты.
Вид с Ахуна прекрасен не только на Сочи,
Теперь я знаю это точно.
Еще одна гора, что Ахун открывает
Иосиф Сталин называют.
Заметил как-то Джугашвили,
Что башня будет к месту там.
За 2-3 месяца срубили
И служит людям на века.

У дачи Сталина такая же судьба.
С ней, будто с лялькой, 9 месяцев носились.
А что в итоге получилось
Скажу под вечер уже я.

Ах да! Уж ночь пришла,
Пора на дачу нам, пора.

Та дача тоже на горе,
И мы начали восхождение
Среди субтропиков цветенья.
Тишина, одни лишь запахи летают
И вдруг оттуда выбегают
Два борзых очень крупных пса.

Жена в отключке. Втихую, к Сталину, в ночи,
Собаки! Что сулит преданье!!!?
Тюрьма! Молчи и не ропщи.
Не признавай с вождем свиданья!
А что сказать? Здесь Сталин ведь!
Но перед кем держать ответ?

Не знаем как, но добрались
Мы до заветной в даче кнопки.
Охраннику мы поклялись
Молчать как рыбы, как селедки.

А дача та - точный квадрат.
Зеленая. Средь рощи пальм, дачу не видно,
Куда б ни бросил ты свой взгляд!
А был бассейн, да горец видный
Повел рукою – все убрать
И стала роща подрастать!

Вот здесь двуспальная кровать,
Очко, все красным деревом обшито.
А здесь смотри...Едрена мать,
Жена опять страхом прошита.
Вошла спокойно в кабинет,
Зная, что Сталина там нет.

Но только дверца затворилась
Жена без памяти свалилась.
Пред нею Сталин на коне,
Как Баб-Яга на помеле.
Потом, когда уж отошла,
Все помаленьку поняла.
Не на коне - на стуле с трубкой,
И не живой – из воска с губкой.

С тем, кто из воска, подружились.
В баньку с бассейном – считай, помылись!
Потом был бильярд и кинозал,
Все, все нам Сталин показал!

Провел застолье у камина -
Рябой был как сама невинность!

А в общем я бы так сказал -
Со вкусом, без излишества, добротю.
Нет, здесь не скажешь - беззаботно,
Мол, вождь на даче пребывал -
Пахал на даче он, пахал!

Охранник дал совет на счет собак,
А мы предались размышленью
О том, что видели, что, как,
И что же это за явление
Иосиф Сталин-Джугашвили.

.....

В «Приморской» снова гнездо свили.

**25-27 марта 1999 г. Четверг, Пятница, Суббота.
Дни тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый. Прощанье с морем.**

Однако, странно получилось,
Что мой рассказ давно идет,
А главное все очереди ждет.
Наверное, так жизни и присуще -
От суеты в глазах рябит,
А сущность выйти не спешит.

А сущность здесь, конечно, море.
Его «гуляем» целый день,
И взад, вперед как челноки
С охотой мереем шаги.

Его любимы расцветьем,
Вбираем шум его волны,
И в нем купаемся как дети,
С ним думы думаем свои.

Вот эти главные занятия
Вдвоем, как молодым объятья!
Весь отпуск мы «прообнимались»,
А тем и счастливы остались.

А в перерывах – зарисовки.
Одна из них – фитомузей.
Клинтон, бросай свои винтовки!
Албанец, серб - бросай скорей

Свои преступные разборки.
Смотри, на пяточке земли,

Можно сказать, что на задворках
Гармонию любви изобрели

Из фито, дендро, черепков
Построили дворец дворцов!
Туда вошел - уже улыбка,
Повсюду слышишь будто скрипку.
Все время счастье на лице.
Без бриллианта, но в венце!

Ну, и еще вам зарисовка:
Бах, Гайдн, ре минор
Нас подняли и опустили.
И так возвышенно притом.

Особенно старался Шнитке,
Он истину при нас искал.
Чуть богу душу не отдал
Под звук божественной той скрипки!

Прощайте, Сочи!
Я здесь любил почти что все,
Мне было очень хорошо!
Сюда дорогу не забуду,
Когда на пенсии я буду!

Страна магнолий, что – то в тебе есть,
И этому отдал я честь!
Девчонкой стала здесь жена:
Наивной, чистой как дитя!

Она забыла про года,
Купалась в море, став моржом,
И все суланже целовала...
И я причем здесь был, причем!!

.....

С «Приморской» тяжело расставаться,
Уют, комфорт и райский вид!
Любил поутру наслаждаться,
Спускаясь к морю среди еще одетых Афродит.

Последние часы пришли
Жена склонилась над агавой,
Я с пальмы слез и отошли
Деньки с тропической приправой.

P.S. В мужском серьезном разговоре
Нептуна я благодарил,
Что жизнь мою он сохранил.

Сочи. Санаторий «Заполярье», или «Начало старости». 4-24 марта 2000 г.

Дух путешествий! Где же ты, ау?!
Куда унес тебя мой заработанный артроз?
При первой же возможности везу
Себя, любимого, как старый паровоз
В ремонт. В Мацесту. В Сочи.
Мол, развалился! Нету больше мочи!

«Ты ж в Сочи был недавно
И что же там смотреть?» –
Так мне твердил второе я
«Лечиться! Хватит песни петь.
Заезжена, чай, сбруя у коня!»

И вот путевка, самолет,
«Каюта», койка и вперед.
Лечи хоть сутками артроз,
Здесь это – массовый психоз.
Но прежде выслушай лекторий,
Что есть такое – санаторий.

Полвека на земле живу
И знал об этом понаслышке,
Мол, там едят и пьют,
И «кустотерапевные» привычки.
Там танцы под гармошку,
А лечат – понарошку!
Быть может так оно и есть
Посмотрим, раз нам оказали честь!

Норильский комбинат!
Его Величество с названием – никель.
Роскошный комплекс на Ривьерском берегу.
Пятнадцать лет назад здесь «санаторят ники»
Труда, морозов, рудников и
Прочих «через не могу».
Да и сейчас здесь много норильчан,
Еще не все у немцев, англичан.
Все корпуса – каскадом к морю,
И современный «дагомысский» вид!
С балкона видны море, горы -
Хоть в синь, хоть ввысь гляди.

Гектар на 20 территорий
Затуено, зафикусено все ...
Такой соцстрах мне выдал санаторий:
Вода и свет, уют, тепло, светло.

Как будто это вовсе не Россия,
Как будто нас не бьет Чечня.
Норильский Никель, прими от нас спасибо
За то, что ты и есть сегодня – чудеса!

Все это внешне. Что ж внутри?
Тебя врачи серьезно принимают,
К компьютеру, к УЗИ всех направляют.
А дальше ... Дальше сам гляди.

Тебе вот нужно то и можно это,
Иди туда, а в это не ходи.
Коль силы есть – не будет тебе вето,
Желанья нет – тогда сиди.
Смотри любимый телевизор
И водку пей, но за свои ...
Раскручивает так «провизор»
Клиентов этак тыщи три!
День – два и график ваш готов,
Теперь вперед - без липших слов.
Здесь сотни разных «терапий».
То ты бежишь на мануалку,
То на магнит, на лазер иль на фито,
Весь день в каких-то раздевалках
И лишь под вечер – шито-крыто.
Чуть ноги тащатся на ужин.
Артроз, такой Вам отдых нужен?

Я это все испил до дна
Шальным был, точно, без вина.
Вином, конечно, поправлялся,
Поэтому и жив остался!

И все ж венцом была Мацеста,
Ее чуть тухлый нежный яд.
Нас доставляли в это место,
Автобус брал потом назад.
Высокий зал, обилье кресел
И ванны – полуавтомат.
С начала века все это «отвесил»
Царь батюшка, немножко фат.

А Ленин передал народу
И в центр площади присел.
Толпа людей в любую непогоду
И до сих пор стремиться к ней.

Со всех окрестных заведений
Наверное, Мацеста – гений,

Раз целый век в нее спешит
Побитый жизнью инвалид.

Скажу уж сразу заодно,
Ничто не ублажило так его,
Как нежный яд безжизненной неволи.

Узнал, что море Черным оказалось,
Поскольку в глубине безжизненность осталась.
Так катаклизмы миллионов лет
Использует для блага человек.

Могу писать пособие про лазер и массаж,
Но все же гимн пою Мацесте.
Им далеко – такой вот антураж –
Как старой жинке до невесты.

А вкупе с ней – бассейн с морской водой
И сауной – по 3 часа балдели.
Прошу простить жаргон такой.
Другого слова нет. Ну, разве - млели.

Но здесь ведь нет того оттенка,
Когда от стенки и до стенки
Плывешь ты «надцать» раз подряд
В бассейне метров 50!

Спасибо Вам, мсье артроз,
Что подарил такое чувство.
Я был развалиной вчера -
Сегодня я готов к безумству.

Как жаль, что рядышком жена,
А то б, а то б... ой, что-то колет
Подай таблетку иль вина.....
Устал, на сон так клонит.

Меня укутай, обогрей,
И все-таки плесни, налей.
Я сладко так потом усну.
Ты погуляй на берегу -
Морской ведь воздух так полезен,
Я не смогу – я так болезен.....

За три недели было все:
Театр Зимний с балалайкой,
С церковным хором - без фоно,
И Николаевской «утрянкой».
Чай под самшитным потолком

Под звуки ласковой свирели.
Шашлык на пасеке со сбитнем. Спрос – битком!
И трутню гимн в усатом исполнении.

На праздник женщин – «Заполярный» бал,
И шоу в рыжем исполнении.
Я всех любил, жену – ласкал,
Артроз мой был в изнеможении.

И были шахматы, кино,
Кубанский хор – двойник мой приткий,
Романс под кукарачу и «бюле»,
Кафе на море, жаль – без скрипки!

.....
Артроз не выдержал и сник,
И я отбросил дальше клюшку.
Начало старости! Проник!
Как старость хороша! Быть может даже слишком!

Истоки. 4-8 января 2001 г.

А может не случайно
Первым маршрутом в Новом тысячелетии
Стал маршрут к истокам Волги,
Истокам Руси, моим истокам?
Экватор ведь шестого десятка перевалил -
Вдруг не успеешь ненароком.

.....
По Тверской на Тверь, на Питер
Мчит автобус мимо «Яра»,
В микрофон зеленый свитер
Нам вещает про «Баяна»,

Про фашистов, про охоту,
Что в Завидово ведется,
Как про царские заставы
Средь народа молва вьется.

Как на танки шли с бутылкой.
Вот Чайковский, там Леонов
И что Петр - царь московский
Как и Пушкин - из Вяземов.

Питер не заслуженно
Двух гениев присвоил
Колыбель – Москва,

Сей город их «построил»!

Так вкатили на Торжок
В желтый милый городок.
Превосходен вид с реки.
Солнце, снег глаза слепит.

Сказкой кажутся соборы,
Но, как водится, заборы
Полегли везде и вся
Как же - Русская земля!

Были кожа, лен, подушки.
Сейчас в «живых» здесь только Пушкин
Не захватишь из Торжка
Два сафьянных башмачка.

Анну Керн - иди гляди,
Остальное - бог суди!
Мы умчались к Осташкам
Наш приют сегодня там.

Остров «светлица» - деревня.
Два десятка здесь домов.
Сребро-голубые сосны
Прикрывают голь жильцов.

Рядом с редкою сосной
Город Нила - храм людской.
Остров - храм, как у Пушкина - Буян,
А приданье говорит:
Видишь, крест вон там стоит.
Здесь в пещере жил да был
Старец странный - некто Нил.

Кореньями лишь питался,
Не ложился – столбцевался:
На крюках висел всю жизнь -
Тем и святость заслужил.

За Городомлей на восточном берегу озера расположилась деревня Пески.

История этой небольшой деревеньки богата событиями, немymi свидетелями которых стали старинные каменные дома с красивыми украшениями на карнизах и наличниках. В 1615 г. именно в деревне Пески было заключено перемирие России со Швецией.

Из деревни Пески на лодках приятно доплыть до близлежащего острова Столбный, на котором расположен действующий мужской монастырь Нилова Пустынь. Здесь находятся мощи Святого Нила Столбенского, канонизированного в XVI в. На территории монастыря сохранились многочисленные постройки и памятники архитектуры, в том числе Богоявленский собор, который был построен по проекту, первоначально разработанному для Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге.

Добраться до Ниловой Пустыни можно по автодороге как из города Осташков (около 10 км), так и из деревни Пески.

И теперь здесь монастырь
Как Исакий - всех пленил.
Мне ж припомнился Моршанск
Там такой же есть гигант.
И колоны по шесть штук
С четырех сторон
И ступени к ним ведут
К мощам на поклон.
Служба у мощей идет,
К ним паломником народ
Тянется из разных мест.
Нил чудил, а праху - честь.

Сюда когда-то корабли
Из других земель вели.
Вот и пристань для купцов,
Вот тюрьма для подлецов.

Здесь вот - с семгой, с осетриной,
Здесь простым - вода с начинкой.
Жизнь бурлила вверх и вниз,
А сейчас убогость, плиз.

Только издали - дворец,
А как ближе - так конец
Величавости, красе.
Мощи Нила - да и те

Растерзали пополам.
Я их видел тут и там.
Там - в Осташкове, в музее,
Здесь - в соборе во гробу.

Возродись былая слава
Так желаю, так хочу.

Чтобы радость, мощь былая
Чтоб убогость отошла.
Чтоб с открытым сердцем жить,
Чтобы строить и любить.

Эти строки я писал
В пустыре на Рождество.
Монастырь в ночи молчал
В небе ж выплыло оно!
Средь недельной пелены
Озарился лик луны

И две звездочки при ней.

Написал и ей же ей
Снова все заволокло...
Мощи Нила чувуют все
Он мне с неба подал знак.

Думай, мол, и так и сяк
Ну, ж, прощай милая пустынь
В мир пойду
За мыслью, чувством.

Мир сегодня - Селигер
Ледник сделал. Верь не верь.
Средь бесчисленных островов
Райский дом для рыбаков.

Всюду водной тверди гладь
В позе Нила - благодать.
Нил сидел страдая так.
Современный же рыбак

Ловит кайф, а не угря,
Что ж - другие времена.
Полуостров типа клин
Выбрал некий господин

Для рыбацкого житья.
То Евстафий был, не я.
Вкруг него народ селился,
Но Евсташка не забылся.
Малость лишь преобразился.

Клин Евсташкин был когда-то,
Стал Осташков - вот те нате.
И теперь сей городок
На туризм все больше гнет.

Развалилось все и вся.
Селигер ж - манит ловца
Красотой своей всегдашней.
Осташи на день вчерашний

Развернулись (хочут жить!)
Просят малость подсобить.
Мол, наш город заповедник
Петру - Кате современник!

Нету нови в Остахах -

Старина в наших сердцах.
Нас банкиры обучали
Нас банкиры заставляли

Разряжаться и гулять,
Выпивохов не пускать
На гулянье приказали
И еще - мы здесь встречали

Александра. Вот сюжет
На картине. Много лет
Здесь себя кой - кто находит.
Вон художник с жинкой бродят.

И вообще - мы по проекту
Здесь живем - хвала префекту.
А уж с грамотой дружны
Мы с доцарскою поры

Чем последний наш мужик
Развлекается в ночи?
Он с миледи пребывает
Се устои укрепляет.

Посмотрел я на Осташков
Милый малый городок.
И лицо свое имеет,
Душу, корни ... Что ж, дружок

Пусть тебе светит удача
Да и денежки в придачу.
Вряд ли свидимся еще
Понесу твое добро
Я в другие направленья.
Дай же бог тебе терпенья.

Ну, теперь назад, к истокам.
Вертолет поднял нас боком
И понес над Селигером,
Где святая атмосфера

Полутронутой глуши.
Лес еловый. Ни души.
Кое-где дорога вьется,
Да рыбак все гнется, гнется.

Вот на Ширковом погосте
Приземлились с неба гости -
По Тверские, по Кижы

Из Москвы к тебе пришли.

Здесь одна из топора
«Гарно» сделана «изба».
Метров сорок в высоту,
Метров в тридцать в ширину.

На конце в чешуйку купол,
Эту штучку я уж щупал.
В Архангельске, на Валааме,
В Суздале, на Соловках
В Костроме и на Кижях!
Только здесь всего одна, но достойная она.

Словно ель средь водной глади.
Здесь лишь храм кирпичный рядом,
Да источник с серебром,
Указатель с юморком:
Мол в округе ничего,
А туда пойдешь - там все.

И Париж, и Гваделупа,
А в округе - только скука
Вертолет опять же боком
Нас из Ширково поднял
В Гваделупистую даль.

Так простились мы с погостом.
Расскажу теперь как в гости
В Верхневолжье мы пришли,
Что с собою унесли.

Жителей на все село – четыре человека.
Ан здесь Волга зачала! Оказалось - в прошлом веке:
Все судили да рядили где конец концов
И в болоте освятили, где разлом! Где шов,
По которому бежит из глубин водица.
Как я рад что привелось той водой умыться

Продолжая путешествие по Березовскому плесу, можно посетить деревню Свапуше, которая является отправным пунктом экскурсии к истоку Волги. Назад возвращаемся, обращая свой взор на южный берег плеса.

Как я рад, что довелось помолить о благе,
Что дает простая жизнь, всемогущей влаге!
Пусть Итиль, пусть Ра, пусть Волга - в этом разве суть?
Ты дала мне силы, долгий интересный путь.

Я люблю, и я любим
Близкими, друзьями

И не стану я другим.
Я силен веками.

Спрессовались и вошли
С грудным молоком,
С песней сердца и души,
Волжским говорком.

И теперь, стоя в часовне
Всемогущей влаги
Я беру как из жаровни
Силу и отвагу.

Как достойно старость встретить,
Чтоб родные все мои не смогли заметить.
Чтобы вкус не потерять
Ни к любви, ни к доброте,
Чтоб внучатам передать
Все, что дали мне.

Вот такие вот раздумья
Были в этой дали.
Поклонюсь еще разок
Всемогущей влаге.

В Рождество банкет, застолье.
Рассказал я притчу – тост,
Будто Нила из подполья
Вывел на погост.

Мол, скажи мне, преподобный,
Где добро, где зло подробно.
И сказал мне Нил тогда:
«Человек есть кладезь зла.
Человек и склад добра, мудрости и счастья.
Я от мира убежал, чтоб не впасть в ненастье.

А тебе я так скажу.
Ты держись Туриста,
Он с собой берет добро,
С ним легко и чисто».

Прав, наверно, старый Нил -
Я здесь чисту воду пил!

Путешествие в созвучье! 10-11 июня 2001 г.

Сказали: «Ладога и Волхов -
Туда ваш должен путь лежать».
Нам собираться ведь недолго
Бросок в купе и ... так держать!

Лелей в себе туристский зуд,
Чтоб было с чем на Божий суд!

Сначала, может быть, про речку,
Чья Ильмень - мать, ну, а отец -
Сам Новгород явился «печкой».
Родили Волхов! Он творец!

Пустился к Ладоге, а по дороге
Рождал и мощь, красу, пороги!

На нем, по плану ГОЭЛРО...
Не думайте, что понесло.
Смотрите сами – ГЭС стоит,
И алюминиевый копит,

Турбины лопасть омывают!
Да, Волховчане дело знают!

И рыбакам, скажу, приволье!
Они забрались в нижний бьеф,
Там сиг, лосось – рыбам раздолье!
Сам видел. Утверждаю, что не блеф,

Поскольку тут же доказали –
Копченым, свежим угощали.

От «шведистых» турбин, от Ленина созданья
Чрез Волхов – городок, что только что «созрел»
Как плод отцов (осознанное созиданье!!!) -
Наш путь на Ладогу. А их там оказалось две!

Одна, конечно ж, от Петра!
Другая - та давно была!

Петровская зовется новой.
Он повелел каналы рыть,
Чтоб грузы в Питер образцовый,
Могли б в моря не выходить,

А прямиком к дворцам, каналам.
И сразу стало их навалом!

Не умещались тут уже
Суда в каналах на воде.

Тогда, дородная Катюша,
Добавила, дела пошли.
С канавами росла и «суша».
Так до сих пор живут они,
Пленя живостью, покоем,
Ненужностью! Теперь - изгой!
Ведь город то не нужен там.
Быть может только рыбакам.

Здесь Волхов в Ладогу впадает
Здесь браконьер нужды не знает:
Лови всё море и крепи
Мошну свою и ... боль страны.

Вторая Ладога – старье,
В прямом и переносном смысле.
Была столица, ё-моё,
Теперь здесь, будем честны – кисло!

От роскоши былой остались крепость, храм и фреска!
Зато природы красота вам предъявляет вексель веско.

В глазах – раздольная река
С холма былых захоронений,
Веселый храм и ... красота –
Природы «чудное мгновенье».
Детдом монастыря и вещей, может быть, Олег.
Все ныне тлен, а завтра, верю, будет новый век!

Мы потянулись к красоте:
Нашли пещеры на реке,
И водной гладью любовались.
Со Старой Ладогой расстались!

Теперь от Волхова к Неве,
К ее от Ладоги истоку,
И где каналы, помнишь, те
Концом «заехали» в протоку.

Здесь вырос от Петра не вдруг
Раздрызга - город: Шлиссельбург!
Читаем: город речников.
Да, интересно - он каков?

Скорей, скорей на пароход!
И вот уж водный наш поход

Закончен, не успев начаться.
Крепость «Орешек». Может стать

Сюда уж больше не приду –
Рассказ подробней поведу.

То остров. От него Нева
Из Ладоги берет начало.
Здесь шведов много лет встречала
России твердая рука.

Потом - здесь царская тюрьма.
Потом - от немцев бастион.
Теперь науку кормит он.
Его все изучают, изучают:
Периодически копают.

И мы о том, раскрывши рот,
Ушами внемлем. Вот народ!

Нет, просто почитать книжонку.
Мы ж ухватились за девчонку,
Что нас по крепости ведет.
Она - лихой экскурсовод.

Вот здесь повесили того,
Вот здесь такой-то удавился,
А здесь акустика! Чудно,
Профессор даже удивился!
Меня привлек здесь общий вид:
Смесь мрака с красотой - пленит.

Но надо дальше - мы в пути.
Поселок Саблино с Толстовской дачей.
Река Тосна. Сокровища нашли:
Перитовое золото считали здесь удачей.

Вели здесь добычу различных глин
Лет 300-400 - такая вот зарядка!
Теперь - пещерный дух пленил
Как прежде золотая лихорадка.

Бродили мы в могильном мраке,
Внимали байкам под фонарь,
С восторгом принимались враки
И про покойников, про тварь,
Что там живет и процветает.
Скажу: пещеры впечатляют.

Я видел за морем пещеры,
Где поражала чудность форм.
А здесь - естественность могилы,
Воображению - простор.

Совсем другое! Простота,
Но чем-то мне близка она!

Еще равнинный водопад,
Где множество людей сидят.
Кто удит, кто «дымит» шашлык,
А там фаты нетленный блик.

И я, созревший для купанья,
Принял Тосновские лобзанья.

Здесь край – гармония созвучий!
Какой же наш язык певучий:
Орешек, Ладожка, ладья,
Суворов... Что же это я
Забыл об этаким явлении?!

Он в новой Ладоге квартировал.
Там бюст его и дом стоял.
По фото видно, как же чтут
Его в Швейцарии и тут.
Здесь - лишь сгоревшее бревно.
Там дом-музей. Ну, каково?

А, впрочем, что же удивляться?
Нам от талантов некуда деваться!!!

Быть может, я еще забыл,
Что видел ли иль что вкусил?
Не важно! Снова понял я,
Что мне мила родна земля!
И буду я ее любить
Пока дышу – есть смысл жить!

А вот и Питер подкатил.
Его я тоже ведь любил.
Жаль, времени нет, но хочется очень
Взгляд бросить на белые ночи!

Взгляд бросили и укатили в Москву
Да, я турист! Да, я – живу!

Рождество в медвежьем углу. 4-8 января 2002 г.

Каргополь – Каргупполе – медвежий угол ...
Сюда занес нас рок событий.
Еще осталась где-то удаль,
Как оберег от чаепитий.

Еще осталось что-то в сердце,
Что унесло в мороз со стоном.
В святую Русь, какую Герцен
Не разбудил доселе звоном.

Я слышу говорок на «та»,
Открытых лиц улыбок грустных
И редкой краски небеса,
Что в храмах Каргопольских гулких.
Мне близок стал тройник Лядины,
Начальной школы уголок,
Где под грибы, под ряпус мило
Промчался славный вечерок.

С какой-то вышивкой, набивкой
И домотканым, что ль, станком,
С калядкой бабушек в накидках,
С картавым детством босиком.

Здесь бьется жизнь одной лишь силой,
Что в карих светится глазах.
На них стоит сейчас Россия,
Без них нет жизни в деревнях.

Я вырос вот в такой же школе,
Но был в нас дух вперед и ввысь.
Сейчас в Лядинах быть бы живым,
Одной лопатою кормись!

И все ж сумели они благодать
В нас поселить, с ней проводить,
И им была, я видел, радость
С Москвой немножко хоть побыть.

Онежская земля с под озера, что Лачей
(Каргополочка) – красиво так зовут.
Там будто по Карельски, Вологодски,
Но все же по Архангельски поют.

И говорят по Беломорью -
Со множеством «Надысь, роготить, лещом»!
Но, Боже, как же мне приятно

Пожить с таким вот говорком,

Послушать байки про Ульяну,
Что поражает своим вкусом,
Увидеть на развалинах жилища
Березки три - как крест Иисуса.

Кроме Лядины с тройником
Был Ошевенск с монастырем.
Он весь в руинах как Россия,
И чудеса здесь ни при чем.

Ошевенск для Севера
Как Сергиев Посад для средней полосы,
Но их судьба - два берега
У времени – реки.

Не верю в возрождение монастыря.
А церкви деревянные – вот это да!
Они, я верю, возродятся!
И в этом - Ошевенску шанс подняться.

В восьмерике на четверике мне понравились небеса:
Бревна, словно лучи, идут от Христа!
В каждом секторе, а их восемнадцать,
Роспись своя, но апостолов двенадцать.
Поскольку свято место пусто не бывает,
То остальное Божья мать с Магдалиной заполняют.

Вообще-то, боги интересны
Здесь сегодня лишь туристам.
Всем остальным они по барабану,
Здесь даже служба в Рождество,
Едва ли прибыльна карману.

И неспроста! Как попадыха здесь поет,
Что просто жуть тебя берет.
Я выдержал лишь пять минут,
А то уж думал - мне капут!

Бегом из храма на Онегу:
Отдался безмятежно снегу
И тем в живых остался я –
Козел в платке та попадыха.

Здесь бога чтят не поклоняясь
И это любо очень мне.
Частушки ж здесь в другой цене.
Их пели нам везде и все

От бабки старой до мальчика,
Все славят секс, а не творца.

Гармонь, калядки и гаданья
С ансамблем в вышитых холстах,
С лошадкой, пеньем и преданьем
Про Рождество в этих краях.

Так ночь прошла под Рождество
Как волшебство под небесами!
И всем нам было хорошо,
И хорошо им было с нами!

Все было возвращеньем в детство:
И деревенские обеды,
И с бабками про жизнь беседы,
И полоскание в реке,
Пацан с гармошкой в руке.

Все это я подспудно ждал,
Но вот чего не ожидал,
Так это изобилье храмов
В квадратном метре городка!
В них нет разрухи - чудеса!

И это в Северном краю
В медвежьем, в общем-то, углу!

А уровень музеев здешних,
И их подача на туриста!
О, Каргополье, ты безгрешно,
И, как-то по особенному, чисто!

Так время пролетело быстро.
Я не успел всего сказать,
И быт как нужно передать.

Но все ж скажу - вновь понял я,
Что Русь безмерно мне близка!
P.S. Я опорфунился немножко,
В заднюю сдвинув Копоушку.
Обабок, Ельшей не вспомнил!
Да, и про рыжиков кадушку!

Но все письмом не передашь,
Если там сам не побываш,
Святых камней не целоваш!

Смоленщина

На Смоленск и в мужской праздник –
Все логично! Тому быть:
Бог-судьба большой проказник
Так решил нас одарить.
Не на Муром или Тулу,
А на фронт и на культуру!

Вот автобус на проспекте,
Что Кутузов имя дал,
И пошел рассказ о «секте»
С главным словом убивал.
Ну, а с нашей стороны:
«Защищал» - сказали б мы.

От Москвы и до Смоленска,
С бородой - ЭМ ВЭ ТЭУ,
Про французов и про немцев
Вел рассказ чуть в хрипоту.
Никого он не увлек,
Но и грусть не приволок.

Гид - в зубах как будто слово вязнет
И душа его знобит ...
Так добрались мы до Вязьмы,
Где нам стол уже накрыт.
Вязьма, что тебе сказать,
Мать кому ты иль не мать?
Сильно нищая, чуть дышит,
Голь видна со всех сторон.
Про деревню перо пишет
Только скорбь да стон.
Не хотел бы, но нет мочи.
Сердце рвется, сердце хочет ...

Жить в довольстве, в чистоте,
Вязьму ж бьет судьба по харе,
Мать-деревня, что ж в тебе
Лиха, как песка в Сахаре?
Побросали все тебя,
Блудным сыном стал и я ...

Вот поставил в храме свечку,
Вот в трехглавый монастырь,
Что стоит века у речки,
Я с монашкой ходил.
И как будто отлегло –
Может худшее прошло?

Может, будет в поле лен,
И мужик смекальный, трезвый
Вспомнит, как Наполеон
Шаромыгою облезлым
Из России изгнан был.
Ну, мужик, не позабыл?

Все в душе моей кипит,
Но не видно мужика!!
Вязьма вечным будто спит,
На коленях мать-земля.
А за Вязьмою Хмелита
Благо не совсем забыта.

Как на речке, на Хмелитке
Буйно хмель когда-то рос.
Вот открыли нам калитку,
Подбежал какой-то пес.
И пошел для нас рассказ,
Чуть возвышенный подчас.

Грибоедов он, однако!
Грибоедов с двух сторон.
Была матушка – богачка,
А отец как фанфарон.
Он кутила и картежник,
Но сумел и соблазнил.
Гений родился как сапожник:
Где, когда от мира скрыл.

Но потом все обошлось,
Папа с мамой жили врозь.
Мама с Сашей во Хмелите,
Где нарядный вид усадьбы
Стал Российской элитой.

Но отправился до свадьбы
В Петербург, и в декабристы
Чуть нароком не попал.
На Кавказ его со свистом
Царь, не мудрствуя, сослал.

Да тому ж дуэль, любовь –
Вот и охлаждай там кровь.
Но блестящий ум везде
Может стать в большой цене!

Композитор и поэт,
Дипломат и сердцеед –

Он Персидский мир принес!
А любовь свою пронес
До могилы, где в стихах
Чавчавадзе окропила прах
«Для чего пережила,
Скажи, тебя любовь моя».
Вбирал я «Горе от ума»
В усадьбе дивного крыльца,
И думал: как ладонь судьба!
От детства до нелепого конца!
Неужто, злополучная судьба
Для всех, кто с «горем от ума!»?

Об этом ж думал в Новоспасском,
Когда в гостях у Глинки был.
Его родители как в сказке
Явили миру страсть и пыл.
Украл сестру отец, что горец!
За то судьба «блеснула» вновь:
Все дети умерли в младенцах!
И Глинка был здоровьем плох.

Но, правда, были две сестры,
Прожившие по многу лет.
А Мише выпал чей билет?

И было много что еще,
Но в мой дневник сегодня не вошло!
И так прервалась песня эта.
Прости, Смоленск, ты многое мне дал,
Но не хватило сил, устал.
И ни оружием поэта,
Ни прозой уж не возвернешь,
Что же за чувства пали в душу.
Не смог писать! Ну, так что ж?!

Майское ассорти. 27.04.2002 г. – 13.05.2002 г.

Не было бы счастья ...
Вмазал мне в юности один студент «по чашечке»,
И вот уж третий год вынужден использовать Мацестинскую «кашечку»!
На этот раз в майские каникулы,
Всем выдав предписанья и артикулы!

На время прихватил жену,
Чтоб ощутила, что и как ...
Она потом назад, на куличичи -
Остался на море один как перст толстяк.

Что делать? Как тут ни крути
Один лишь выход – ассорти!

Мочусь в Мацесте,
Просаливаюсь в море!
В бассейн и баню не пускаю зонд,
Отдав все время бремя путешествий
В театр Зимний, к Путину, на фронт.

Да, да, на фронт. В Понтийское ущелье,
Грузины где с абхазцами в «ладу»,
А русский миротворец им сюда подбросил
Еще и «сверхмиролюбивую» Чечню!
Конечно, хочется мне видеть
Своим наметанным уж глазом:
Абхазия как Ницца или Сектор Газза?

И вот мы на границе.
«Казачий рынок» - наша сторона.
Убогий, грязный вид,
Шмонают сумки нищеты.
А паспортный контроль лишь сами паспорта:

Не нужны визы гражданам России!
Впервые я в такой стихии!

Возьми к себе, Россия дорогая!
Абхазец, русский – братья мы навек,
Но мы разводим лишь руками
И рады б, но ... Докатился человек!

Загнал он сам себя в тупик.
Поникла нация. И я поник!

Но выше голову!
Ты не политик, ты турист,
И вот уж слышен ветра свист,
Автобус в горы мчит

На Сталинскую дачу,
Что над морем повисла на горе.
Она из всех «сестер» удачна.
Ее он больше всех любил.
И есть за что. Вполне!

Скромна, строга, с добротною отделкой
Из «грабистых» пород,
Что здесь же и растут.
По всем другим такие же «проделки»

Я видел на Валдае, в Сочи, тут.
Похожи как цыплята -
Ни дать, ни взять!
Отец-то ведь один - усатый дядь!
Не терпит разнообразья паранойя ...

Природа же везде своя,
А здесь его любимое, святое -
Колхидская сосна!
Она не только укрывает,
Но и микробы убивает.

Сейчас здесь может жить любой:
Плати и домик твой
В придачу с Алилуевой Светланой.

Все это говорю не спьяну:
Ее здесь «домик» тоже притулился.
Теперь я знаю: был еще,
Но жаль печеная картошка
Слизала это «полотно».
То было (можно так сказать) вчера -
Пожар. Сгорело все дотла!
Еще раз оглядел я «хату»:
Клозет, бильярдная и кинозал,
Куда из местных пацанов любой
Мечтал попасть и попадал!

Потом ему, обычно, помогали:
«Он ж видел Сталина!
Его он гладил по головке!».
Так мог бедняк карьеру сделать при сноровке.

Красавица Гагра в следах мародерства:
Пуста и грязна - кафешка после обжорства!
Лишь горы и Рица не знают войны,
А берег, дорога хранят ее следы!

С трудом «задымили» форель.
Ну что ж, на Пицунду теперь.

Пустой монастырь. Православие под орган!
И снова война. У церкви оргазм:
Разрушить ей хочется тот инструмент!
Сломает, конечно, лишь ищет момент!

У дачи Хрущева последний приют,
Купаемся в чистой воде – отдохнуть дают
На знаменитом, теперь безлюдном, пляже.

И от этого еще гаже!
Для меня сейчас Абхазская война -
Это загаженная красота и пустота!

Прощальный взгляд на мерседесы
У Сталинской дачи. Хозяева - по будуарам!
Колхидский лес, где «Сам» бродил без стюардессы
С невидимой в кустах охраной!

И через Гагры и Рицу ...
Абхазия – хочу напиться!
Такая жалость, вот те хрен,
Как будто прикоснулся
К обтрепанной Софи Лорен!

Немного перекурим от войны
И в Сочи к Путину не в гости на блины,
А в Красную Поляну, на вершины,
Где снег, метель и льдины.

Но все же по порядку.
Я был там года три назад
Все тот ж маршрут, и даже Чвижепсе
В медвежьем уголке. Все те!

И пасека с рассказом далеко не плотским,
И слезы девичьи, где только что Ростоцкий
Кино снимал да и разбился.
Поселок греков - Красная Поляна - он преобразился!

Здесь пятизвездочный отель, который в Сочи – то один!
На 25 тысяч туристов в день!
С канатною дорогой, где снег в июле господин.
Я там попал в футболке под метель!
Спас, как всегда, глинтвейн.

Внизу - хичин. На удочку - форель.
Горланил песни в одиночку -
Под солнце, дождь и под метель!
Ведь день Победы, день рожденья Окуджавы.
О нем и пел и о державе!

В горах далеко голос раздавался,
А каждый встречный мне махал и улыбался
Особенно японцы: «Холосо-о-о!»,
И я для них поддал еще!

И вспомнил как на Кубе в день Победы
Я с немцами случайно пообедал!

Как я для них пропел Катюшу
Победно и злорадно, мать их в душу!

А что же Путин? Нет его. Дела.
Поэтому и в Новоперedelкино гора!
Ее мы там ему мастрячим
И с удовольствием судачим,
Что горы к Магометам ходят
Если их Путиным зовут.

Они его везде находят.
И мы, конечно, тут как тут!
Ребята! Нужен Вам дренаж!
А без него - не тот пейзаж!

Об этом хватит. Снова про Мацесту,
Как жених про невесту,
Как лысый про кудри,
Как дурак, что он мудрый!

Так вот. Я чувствую, что в жилу,
Приобретаю силу,
Но нет ведь рядом милой!
Поэтому для разнообразья
Снова вперед на Абхазию.

На этот раз похлеще марафон
Называется Новый Афон!
Снова Псоувская граница,
Снова среди коров автобус мчится.

Средь природы красоты,
Средь руин и нищеты
И ... о, боже, чудо-град
Вдруг предстал под мойный взгляд!

Лишь потом я узнаю,
Что возник он аж в году....
Александр – император
Правил бал. Не узурпатор,

Лучший русский мирный царь.
Заложил здесь государь
Лично, собственной рукою,
Камень, что с горы Афон
Был монахом привезен.

Так стоит с тех пор собор,
Радует не только взор,

Христианство насаждает,
Чудом, изредка, снабжает.

А руками он творит
То, что до сих пор горит.
Я про дело - водопад!
Гидролампочки горят

До сих пор в монастыре!
Они одни во всей стране.

Есть и царская аллея
И на грешников поклеп ...
Удивил меня, и, млея,
Я пошел в пещерный блок.

Здесь не меньше удивился:
Все пещеры - хоть куда!
Пусть убога здесь обслуга,
Но ведь это ерунда,
Когда есть что посмотреть
Можно в ухо и не петь.
Я и сам-то разберусь -
Все-таки ученый «гусь».

Уж немерено пещер
Повидал на свете «хэр»:
Пальма, Ладога и Сочи.
Вот теперь Афон, и очень
К ним проник я, между прочим.

Так скажу: «Афон хорош
Тем, что здесь смотри что хош!»
Есть здесь залы «молодые»,
Есть - гигантский вещь-мешок,

Есть и очень «пожилые» -
Сталогмитовский поток.
От души полюбовался
И ... с Афоном попрощался.

В Гагре сделал остановку,
Ведь она «косит» под Ниццу,
Но при данной обстановке -
Зяблик пыжется в жарптицу!

«Майский вечер в Гагре»,
Евстигнеев в колоннаде ...
Не чечетку, а подагру

Встретил я на той эстраде ...
Хватит ныть, ведь море то ж,
А былое не тревожь!

Ну-ка, присмотришь к себе,
Кто ты был и кем ты стал?
Я руины представлял,
А теперь спешу к жене,
Словно как к невесте!
Этот гимн не мне - Мацесте!

Рождество в Карелии. 5-7 января 2003 г.

Звенит мороз под хрустом снега,
Краснеет нос, седеет бровь.
«Ведь у карелов в Рождество ты не был!» –
Бузит во мне бродяжья кровь.

Я знал Онегу с теплохода,
И из палатки тоже знал.
Меня, всегда любившем воду,
Сюда «лешака» зазывал.

Но вот в рождественский мороз
Сюда впервые черт принёс.

Не пожалел! Виновница-природа
Предстала сказочной тайгой.
Белее снега в ней сугробы,
И хвойный запах не такой!

А люди здесь и есть народ,
Что в заводи души храню.
Не дай Бог бизнеса нещадный рот
Проглотит щедрую стерню.

Здесь беспросветный свет глуши
Хранит естественность души!

.....

Улыбки баек домовых -
Кикимор, чудиков, иных
Нечистых в доме частных кукол.
Сегодня там я их «застукал».

Вела те байки раскрасотка.
У мужиков, смотрю, чесотка!
В избе карельской - всё наоборот.

Красивой речью опьянён народ!
И начал вдруг всерьёз гадать,
Кому, за что та благодать?

Звучала музыка в шикарном зале,
В лихой пустились люди пляс,
Я видел - сотни танцевали
И труженик, и лоботряс.

Как будто массовый гипноз.
Я сам освоил этот воз
И лихо с «жинкой» танцевал,
И во все горло подпевал!

Виной одна старушка - божий одуванчик.
Легко ей открывался этот ларчик.
Нас Дед Мороз в лесу и под гитару
Под градусом не смог поднять.
А мягкий голосок старушки
Поднял в центр зала не двоих, а рать!

На «трезвую», в хрустальном зале.
Как часто в жизни это вы видали?
Конечно, видели мы кое-что в кино,
А это с нами - вот оно!
Но ещё больше поразился,
Когда с семьёю я ввалился
В одну избушку ранним утром.
Мол, так и так – замерзли малость!
С дороги. Жуткая усталость.

И что же – нас они за стол!
Пошёл душевный разговор
Про жизнь, про хлеб и про детей.
И вот уж песня полилась...
Тут божья искра пронеслась!!

За полчаса друзьями стали.
Литовец Юстас - был пленным здесь на Киваче,
Кивачка Галка, экскурсовод. Ее узнали -
С десяток лет назад ее мы здесь уже встречали!
Тогда мы автостопом брали водопад.
Сейчас они нас не хотели отпускать!

Стали активно приглашать
Почаще в гости приезжать.
И даже показали нам избу,
Где будем жить мы как в раю.

В деревне вырос я и знаю наперед -
Это и есть народ!

Чудесен лик твой, Рождество!
Ты подарил нам божество,
Которое я увезу в Москву,
Авось до смерти сохраню!

А что же город преподнёс?
Я помню речку Лососинку,
Где в устье пушечный завод
Поставили не под сурдинку
Меньшиков и Петр – царь!
Теперь там сельский «инвентарь».

Онежский тракторный завод
Карелам благо в дом несёт.
Ведь тягачами валят лес,
А это нынче деньги, вес.
Работа есть почти для всех
И это хлеб, жизнь, а не блеф.

Так что Карел с утра
Вкушает милости Петра.

Его здесь часто мы встречали –
Не только в дельте Лососинки,
Но и на Бахуса тропинке:
Петровский водочный завод!

Впервые дегустировал настойки
С самим царем у барной стойки!
И не случайно, не по пьяни,
А в фешенебельном ресторане!

Тот ресторан был в честь Петра.
Вошёл он в зал уверенной походкой
И пробыл с нами два часа.
Ну как тут было не напиться
В сочельник, в канун Святого Рождества!

Ещё «живет» он на Онеге,
Спиной на озеро глядит.
Взор властен, но в какой-то неге.
Царь мудр, не тиран стоит!

Это нам по нраву, мы сказали.
Тот, в ресторане, был такой ж.
Может, потому меньше печали -

Здесь каждый памятник хорош!

И дерево желаний без колоколов,
И скелеты-рыбаки! Прощай, улов.
А шесть норвежских девчат -
То всенародный целовальник.
Здесь «пушки с пристани палят»
И парижанка – «рассадник» аморали.

К улыбкам Петр здесь готов
Так показал нам Криксунов!
На набережной дышится легко, как в парке роз,
Но долго там нельзя - мороз.

А от него – «Акватика» спасенье.
Воистину, там воскресенье плоти!
Немного наберись терпенья
И ты себя «заштопал»!

Попробуй разной баньки свойства,
Массаж, джакузи и напор струи.
Спокойно, лучше без геройства!
Тогда блаженство впереди!

Великое создание в Карелии - АквО.
Не только занимались плотью и речами,
Но укрепляли дух, и мысли, то да се
Под Александра Невского свечами.

И было много что ещё,
Но всё словами не сказать.
Хотите видеть сами Вы,
Тогда вам надо побывать!

P.S.

Жена твердит: скажи, зима -
Не серебром, а золотом покрыта!
Да - золотом, скажу,
Чтоб не была жена сердита.

Ещё скажу про водопад,
Как скован панцирем ледовым.
Не думал, что второй гигант - Кивач –
Перед морозом столь хреновый.
Наросты, правда, впечатляют,
Но люди больше изумляют!

Я поздравляю с Рождеством народ на Киваче!
Туда «приперлись» мы в мороз на тягаче.

Глухомань Ивановская. 12-14 июня 2003 г.

Бежали с Суздаля, Владимира-столицы
В болотистые - Палех или Шую
И здесь, вдали от колесницы,
Что на Руси всегда бушет,
Осели. Стали мирно жить,
Да и ремёсла разводить.
До этого, здесь Угро-финны
Своим невежеством блистали.
У них Славяне, так уж вышло,
Курносый нос себе забрали.
Сюда сегодня занесло
Бродячей жизни колесо!
Вот Шуя – милый городок.
Был Всероссийской мыловарней,

И шубы шить когда-то мог.
Потом холст мог дубить шикарно.
Сейчас полёг тот городок -
Сегодня Шуя занемог.

Мужской и женский монастырь -
Вот всё, что может Шуйский стиль.
А ведь от этого сельца
Фамилия Шуйских разнеслась!

Он в той деревне, чай, Дунилово,
Где Дуня – первая жена Петра.
Она чуть ноги унесла
По дурости своей от батюшки-царя.

Мужской Николо-Шартомский монастырь!
Силён и знатен. Везде подворья наплодил.

А женский монастырь
От наркоты девчонок десятка три уж защитил.
Шукшина, Никита Михалков -
От них идёт послушницам покров.

А Палех и Холуй – другого сорта.
У них дома покрепче и свежей!
Они иконописческого толка,
Так что дела идут повеселей.
Сейчас ведь в моде сказка и икона!
Что Пушкин, что Иисус Христос!!
Причина главная исконна-
Нужда, прищучившая хвост.
Здесь каждый пятый -

Прекрасный мастер по росписи папье-маше!
Уверен, что для них ненастья
Уже остались в стороне.
Они и отпрысков здесь ж обучают!
Холуй и Палех – процветают.

Того же класса, но на Волге,
Плесовый Юрьевец лежит.
К нему наш путь был самый долгий,
Там нам... Леонтьев предстоит.
Ну, заодно – Андрей Тарковский
(Солярис, Зеркало, Рублёв) -
Он в Юрьевце, считай, родился,
Жил даже, несколько годков.

В том доме сделали музей.
Конечно, он не Колизей,
Но детство, юность, зрелость, смерть -
Можно потрогать, посмотреть.

Три брата Зодчих – Веснены-
Отсюда, с Юрьевца, пошли.
Об их трудах на русский свет
Молва прошла... про туалет!

Мелькнул нам Юрьевец с пригорка
Своей зажатостью к воде,
И оканьем забавной тётки,
Что про Леонтьева вполне
Доходчиво порассказала:
Мол, пел всегда, и было мало!
Не зря, мол, хлеб жуёт Валера -
Ему б - музей за это дело!

Ещё уха на островах
И крест - на крыше в Волге - храма.
Вот что оставлено в сердцах
От Юрьевца – считай, немало!

В Иванове толпа, салют,
Весь город в общей дискотеке!
А в Кинешме нашли приют
О жизни мысли, и о веке.
Ведь там Островский жил да был.
Он там героев сотворил.
И там Паратов перед храмом
В грязь бросил шубу своей даме.

В глазах уютная убогость шири,

Что набережной Волга придаёт.
В беседках Кинешмы, как в лире,
Эфирность зыбится, плывёт.

А люди? Мне близка глубинка!
Своей великой простотой
В восторг ансамбль песни-пляски
Меня поверг, как ни один святой.

В ансамбле –
Жизни превосходство!
В святом ж - как правило - юродство!

И непосредственность толпы
Во время дивного салюта!
Не умерла, Россия, ты!
Да, ты, Россия, без приюта,
Но главное, что ты с душой!..
Таким вернулся я домой!

P.S. Искусство Палеха! Ты так жену пленило,
Что всю дорогу лишь твердила:
“Я очарована, потрясена!” -
Вот с человеком, что наделала она –
Иконы смесь со сказкой!
Плеснула в жену лаской!

Ухо Диково поля. 21-23 февраля 2004 г.

Рязань – Липецк – Елец.
Такой путь проделал Ваш молодец.
Начало и конец – Москва.
Об этом «ухе» и пойдет молва.

Алексашка Меньшиков, Старинная Коломна,
Красавица княжна заражена в Зарайске –
И многое другое слышал по дороге
Пока брали Рязань в автобусной «койке».

Ну, а в Рязани у Кремля
(На стрелке - краше нет бугра)
Народ собрался на блины,
На дань бессмертной старины.

Под рассыпуху и частушку
Сожгли чучело «старушки»!
Русь вся в оси:
Кремль - блин – Есенин,

Что у собора лишь по грудь.
Мне эта ось - как дух весенний,
Как божий лик, как его суть!

И дальше, дальше - в дико поле,
Где Русь зачала казаков,
Где Пётр железо начал делать
На страх «заюженных» врагов.

Где минеральная водичка,
И грязь лечебная растёт –
Такое у Липецка личико,
Таков здесь «поп и приход»!

И снова Пушкин через бабку,
Но нов Плеханов и народовольцы,
И Липецкая липа, словно сказка,
Нас записала в добровольцы.

Сюда приехать летом отдохнуть,
На Липецкий металлургический взглянуть
И взглядом поласкать цветы,
Что от Дворянской к дамбе проросли.

Откуда лёгкость с простотою в городке?
Неважно - есть она везде!
На Галичьей есть на горе,
В Задонском – Тихона – монастыре,

В купальне, что в глухом лесу,
В Ельце... Вот здесь я попрошу
Чуть задержать дыханье.
Елец – под Суздаля создание.

Не только 32 собора,
Но и дома с музеем спорят.

Патриархальный городок ...
Здесь Бунина исток!
Нобелевский пьедестал
Пред нами будто бы предстал.
Елец можно щитом назвать
И от Орды, да и от чванства.
Ну, что на это вам сказать –
Я полюбил такое вот мещанство.

Дикое поле казаков
Мне приглянулось, и я слов
Не пожалею благодарных.

В судьбе твоей не много дней отрадных!

Сейчас в Москве салют,
Считаю, в честь поля дикого дают!

.....

А Дон с Воронежем ворожат,
И сердце русское тревожат!

Остров Крым – Весна! 16.04.2004 г. – 07.05.2004 г.

Свобода

День первый: 16 апреля 2004 г. (пятница)

«Апельсины из Марокко», «Остров Крым» -
Они как братья - близнецы,
Как юности, Отечества
Пленительнейший дым!

Позднее – государственный уж муж -
Спасал от истощения Сиваш.
Сюда же провожал на практику детей,
Чтобы вгрызались здесь в гранит,
Учились здесь грешить!

Еще Алушта мельком, Лазурное - как бред
И, в общем, весь на Крым
Был мой набег!
Сейчас, почти что в 60,
Решил Крым покорить,
То есть – узнать!

С моей второе Я
(жена, конечно же, – жена)
Унес нас самолет
И Симферополь – первый наш оплот.

Не показался – очень уж обшарпан,
Безотраден вид,
Но нас Ялта ждет –
Путь наш туда лежит.

Беглый взгляд, экспресс-опрос,
И мы в Ливадии – то ялтинцев оплот.

Боткин Романовых сюда водрузил,
И поселок ожил!
А вскоре – город он.
Да, мы в Ливадии! Как сон

Дворец и море, парк,
Но нам нет места, кроме «конуры».
Легко и запросто в нее вошли –
Могли бы и в шалаш.
И это важный козырь наш.
.....

И опьянили запахи весны и моря
Ау, работа!? Я оторвался! Я свобо-о-ден !?

Бахчисарай

День второй: 17 апреля 2004 г. (суббота)

Случайный бомж должен творить,
Иначе чем он день займет?
Да, именно такой «случай»
Нас бросил на Бахчисарай.

Без окон келья – до свиданья,
Нас ждут из вечности созданья.
Через Алупку, Кичкине, Мисхор,
Через путчистовский Форос
Помчались вглубь, казалось, в сердце
Крыма, где был и есть татар Форпост!

Пошел рассказ и про Тавриду,
Про амазонок времена,
И византийское влиянье,

Как турки здесь водрузились,
И как с Гиреем подружились.
Но - чу... вот миг, вот этот край.
И въехал я в Бахчисарай!

Не так противный городишко,
Как думал я, стремясь сюда.
И в этом юркая мыслишка
Мне шепчет: «Главное – весна!

Вот если б летом занесло,
То так бы вонюю понесло,
Что не поднялась бы рука
Писать безгрешные слова,

А на убогость напирать,
На серость, пыль – вот как сказать
Про этот город должен ты».
Нет, лучше я уж про цветы,

Про бойкий крик бабья на рынке,
Про прибраность вокруг долин.
Бахчи-сады – вот что пленило,
Вот что и мне придало сил
Испечь приятный каравай
Про город. Про – Бахчисарай!

Ну, а дворец – здесь сил не надо,
Здесь муза «жарится» сама -
Немного «специй» ей востока,
И... успевай писать слова!

Бахчисарайский фонтан
Прелестный лик дворца Гиреев.
И трон его, диванный зал,
Ковровый вязи пьедестал,
Гарем пред башней не заменят.

Какой-то дивной высоты
От скромной искренней слезы,
Что каплет, чашу ту переполняя.
Затем еще, еще, журчит
И скорбь к красавице Диляре
Как гимн любви уже звучит!
Две розы гения-повесы
Венчают дело рук ПОЭТА!
Каким мерилom то измерить?
Да, только величайшей верой в это!

В творца, в любовь и в красоту!
Лишь так взмывают в высоту!
Под Пушкиным фонтан подрос,
И вечным стал как Бог - Христос!

Дворец в долине. Он вполне...
И будущим еще живет.
Спустился он с Чуфут-Кале,
Когда турецким стал оплот.

На гору я взобрался все же,
В пещерах что-то прокричал.
Но все сейчас в таких руинах,
Какие в Грециях видал.

Историей дышат эти места,
Былого не будет уже никогда.
Лишь вид на ущелья (и это не мало)
Я рад, что нога там моя побывала.

И там же в ущелье монахи снуют -
Давно схоронились от лютых гонений.
Так в скалах, по сей день, как звери живут
Вдали от эпох, революций, волнений.
Отделали в той же скале монастырь.
Я видел, как сына семья там крестила,
И как пробубнил ярмонах свой псалтырь...
Но таинство, все же, в присутствии - было!

На этом, пожалуй, закончу.
Про силу искусства уже говорил,
Про связи времен что-то дал невзначай.
С собой увожу тот клочёчек земли,
Что гордо зовётся – Бахчисарай.

От Ливадии к «России»

День третий-четвертый: 18-19 апреля 2004 г. (воскресенье-понедельник)

Пора из конуры куда-нибудь прибиться,
А то зачем стремился в Крым,
Как будто бы, к своей жар-птице?

С Ливадией не склеилось и мы в «России».
Здесь будем набирать здоровье, силы.
В недавнем прошлом – члены лишь ЦеКа.
Теперь любой - платите-ка и кушайте озон!
Пока нам некогда. Еще в нас - Робинзон!

Он кинул снова в центр Крыма -
Гора с названьем – Четырдаг.
Её подземный мир мы мимо
Пройти не смели. Ну, никак!

Да как пройдёшь – ведь неземная красота!
Пещерный мир хорош всегда,
Но этот – выше ожиданья.
Я спелеолог уж бывалый
Могу подземные созданья
От плевел отделить. О, боже правый
Как оказалось – Крым пещерный
Блестает в мире! Видел сам.
Он, Мраморной пещеры мир – безбрежный,
И живописный как Адам.

В том смысле – всё обнажено.
Причуды столаснитов - пред тобою!
И существо моё поражено
Разнообразьем! Что со мною?

Неужто лучше, чем в Мальорке,
Иль в Новоафонской стороне?
Нет, нет! Не в этом дело. В Нью-Йорке
Лучше что ли, чем в Москве?
Скажу прямее – уровень высок
У всех пещер! Под потолок!

И я приятно удивлён,
Поскольку в этот мир влюблён -
В мир сказок, таинства и волшебства!
Хвала Вам, Мраморная! Да, хвала!

Спустились с гор, вошли в «Россию»,
И в ритме местной суеты
Мы быстро прелести постигли
Присанаторной красоты.

Парк, море, кухня, процедуры -
Губа у нас всё же не дура.
Для отдыха и для леченья.
Не жизнь - сплошные развлечения.

Под ночь решили взять Гурзуф.
И взяли этот городишко.
Вот две скалы, Гурзуфский парк,
Пляж, Гора Медведь. Ну, хватит,
Слишком увлеклись! Уж ночь настала.
Пора в «Россию». Спали мало!

Экскурсотерапия

День пятый-шестой: 20-21 апреля 2004 г. (вторник-среда)

И понеслось! Режим? Санреки!
Тебя струёй, шприцом и грязью!
В вечер чуть продираешь веки,
Чтоб каберне вкусить с приязнью.
А как же Робинзонов дух –
Нет, нет, ещё он не потух.

Нашли мы щель и для Партлита:
Теперь так Фрунзенское зовут.
Там Дельфинарная элита
Нам показала Крыма суть,

То есть, морское чудодейство.
Его я видел уж не раз!
Как в назидание злодейству
Рецепт бы выписал, наказ,
Чтоб вместо церкви – в дельфинарий!

Тогда б истории сценарий
Мог быть совсем, совсем иной...

То было всё под Аю Даг -
С обратной стороны Гурзуфа.
Вон там Шаляпин под скалой
Свой бас мочил, лаская ухо

Хозяйке ближнего имения,
И сторговал его богеме,
Но революция, сомненья
И уж в Париже русский гений...

С тех пор Шаляпинской зовётся
Скала Султанка. Как ведётся
Молва при гении крепка –
Пропел, а помнят на века

Средь санаторной суеты
Мелькнул Алупкинский дворец.
Вот уж не думал, не гадал,
Что изощрится так творец!

Он Англию направил в Крым
На то причины есть. Не дым,
И не химера – граф Воронцов!
При англичанках молодость губил.
Когда ж заматерел в боях и ратном деле,
То, поразмыслив, так решил:

«Пусть под красавицей Ай Петри
Возникнет местный Букингэм»
И вот тепер шальные ветры
В Алупке преподносят всем
Не только быт его и нравы,
Но и английские «приправы»!
Сам замок – стиль Тюдор,
Фонтаны, парк и давний спор:
«Осёл останется ослом,
Хотя укрась его звездами!
Где надо действовать умом,
Он только хлопает ушами»
«Осёл» всё сделал для России,
Чтоб стала Русь могучей, сильной.

Полячка ж с Пушкиным крутила,
И это тоже стало силой,
Русь прославлявшей на века!
«Кто чем богат» – спор разрешили времена!
Нужны России Пушкин, Воронцов -

Важней они и нефти и дворцов!

Алупку – лисьи норы –
Я буду помнить как раздоры,
Несущие лишь созиданья!
Сегодня хватит. До свиданья.

Экскурсотерапия-2

День седьмой: 22 апреля 2004 г. (четверг)

С утра – уже привычный - «шприц-этаж»,
Затем загар, броски на море.
Всё это – будто бы пейзаж
К картине: «В вечном сборе...»

Сегодня собрались в Фарос!
Там на скале, я видел, диво:
Немного в мире их – утёс,
Обвенчанный с чудо-собором!
Забрались на утёс.
Туда посмотришь – скалы,
Здесь море, под тобой Фарос,
Где президенты отдыхают.

А вон – Байдарские ворота
На Севастопольской стоят,
Там Сталин Горькому в подарок
Дворец отдал. Но нет, навряд
Дворец он этот подарил-
Скорей, туда он посадил
Пытливый ум, чтобы творил,
А не в Италии бузил.

С церквушки этой вся элита
Как на ладони пред тобой!
Лишь Горбачёв за той горой.
А Кучма, Путин – вот они.
Нам чуть не помешали в «Кошке»,
Но на неё мы всё ж взошли.

Отсюда вид не хуже, вообще.
На море «Кошка» – то гряда,
Что две долины отделяет.
Здесь «Десять негрятят» всегда
Теперь безмолвно прибывают

А виды! Только глянь
На Кацивели, Понизовку!
Так б и вобрал тот симбиоз!

Так и вобрал – налей перцовку,
А лучше что-то из Массандры!
Здесь всё пленит – от Олеандры
До всем известного Фароса!
Сейчас на это много спроса

Все жмутся ближе к президентам
Бедняги – так и импотентом
Не долго стать. Дышите глубже
Здесь воздух всюду благодатный,
А значит: все люди – братья....

Вот снова Воронцовский парк,
Его озёра, лебеди, фонтаны!
С Ай-Петри пьют они «хрусталь»,
И им весь год, все годы «пьяны».

Монументальный век
ландшафтного искусства!
Вот что сказали нам про парк,
Но это сказ не тот, в нём пусто.

Это пампасы на море
В гармонии с округой и любовью!
Среди причудливых камней
Журчит затейливо ручей
И можжевеловый эфир....
Так показался этот мир!

Со львами выход из дворца.
А в нем Коран,
Скрещённый с христианством.
Всё – Воронцовых чудеса!
Со вкусом всё – без чванства!

Но вот Алупка позади,
Опять Ливадия мелькнула
Экскурсотерапия – погоди,
А то меня почти замкнуло.

Но в доме – Крымское вино.
Глотнул – и сразу отлегло!

Трилогия: За здоровый образ жизни

Часть 1 – Я и вино

День восьмой-десятый: 23-25 апреля 2004 г. (пятница-воскресенье)

В прозрачном воздухе витает,
Что главное лекарство здесь – вино!
Ну, а прогулки довершают
Всё, что не сделает оно.

Не плохо так же море, парки,
Птичье пенье и цветы.
Не стали экспериментировать и мы,
Взяв весь «букет» на вооруженье!
К услугам Вашим это донесенье.

.....

Старейший винзавод
С блистательным НИИ!
Как звучно имя – «Магарач»!
Он от Голицина, что в Судаче,
Давно при Ялте. Нам на ланч
Его подали целиком.

При бочкотаре шёл рассказ
(Нет, не рассказ, а шоу),
Что цели благородней нет у Вас
Как пить вино при всяческой погоде!

С утра - сухое, далее - мадеру.
Пить, пить и пить, но всё же в меру,
Чтобы десертное на вечер пригубить,
А на ночь в Вас могли бы влить
Муската белого при Красном камне!!

Не долго думая, все к действию перешли
И быстро в образы вошли..
От каберне и до муската
Весь зал, как brave солдаты,
Всё точно выполняли приказанья.
И, сами понимаете, лобзанья
Уж вскоре были повсеместно!

Особенно с ведущим. Стало тесно
Вокруг любителя сказать,
Что надо всюду принимать!

И я сподобился беседе
О славной марке «Магарач».

Когда-то в Кучино хозяйство
Той фирмы было. Помню вскачь
Туда стремились мои дети,
Чтоб урожай пришёлся впрок.
Оплата? Кто что уволок!
Я ж шкалик в магазине брал
И «Магарач» тот «принимал»!
А здесь сейчас все дальше, дальше:
«Вот это новое, и только из НИИ;
Вот это прежнее – сравни».
Такая получилась связь времён
Да и пространства!
За это выпили с женой
Легко и просто. И без чванства,
Что это, мол, теперь не то,
Вот раньше было, так сказать...»

Спокойно! Прекрасное сегодня и сейчас вино!
Буду, что есть употреблять!

Ода вину

Не Омар-Хаям, не Есенин я
И ценитель так себе, не большой.
Но любитель я, ах – любитель я
Воспарить и мыслью, и душой!

Без меча, меча булатного
И без хитрости без людской,
Путы бытные и работные
Разрываются сами собой,

И любовь ко всем, и добро для всех -
Самый близкий путь к высоте!
Так цветы ж лоза, лейся по усам,
Возноси грехи к небесам!

Часть 2 – Царская тропа

Ливадийский дворец сотворен для Догмары!
Но истории бег закрутил, как всегда.
В ней и Боткин, Красков – вроде б вовсе не пара,
Но их роль не отняли века и года!
Для Романовых – излюбленный дворец!
Всей семьёй здесь часто время коротали,
Ведь не лёгок был царя венец,
И наследнику здесь блага не мешали.

Он страдал наследственным недугом.

Дворец, воздух, море были ему другом.
И для всех друзья – прогулки по горам.
Но вверх-вниз – не по царям!

Так возникла царская тропа,
Что как стол в горах плоска!
А теперь тропа – для ливадийцев.
Здесь сейчас сердечный терренкур,
Царская тропа сейчас для ишемийцев,
С миокардом – чаще перекур.

Вот и мы на той тропе.
Семь кэмэ шутя «свернули»,
И куда бы ни взглянули -
Всё чудесно, как во сне.

Вид от Ялты до Алушки
Перед нами. Только губки
Поджимали от восторга!
Любовались всюду, долго

Ай-Николиной хребтиной,
Ореандровой долиной,
Ливадийским же дворцом,
И от ласточки «гнездом»!

Вот в него и опустились.
Посмотрели «негрятя»,
С барабулькой и мадерой
Несколько часов подряд
Любовались, как могли,
Гнездом Ласточки в ночи!

Черчилль, Рузвельт, Сталин, Путин
С Ливадийского дворца
Отпустили нам сердца,
Что б «балдели» от «Гнезда»!

Ода Ласточкиному гнезду

Это детство моё деревенское
Переполнило душу любовью.
Дом из глины, соломы, под венчиком --
Гнездо ласточки! Плещет раздольем!

Орут птенчики здесь. Поглощают,
Все, что ласточки им предлагают!
А они и в полете стремительны
И в заботах, в любви восхитительны!

Детство в прошлом, его мне не жаль.
Но во мне с той поры прописалось:
«И ласточка, стремясь куда-то вдаль,
В прозрачном воздухе купалась»

«Гнездо» на скале! По над морем висит,
И каким-то тевтонским витает....
Но романтика та ж, и в душе все звучит,
Будто мама головку ласкает!

Часть 3 – Вино с тропею пополам

Водная гора. Су-даг, Судак.
Вот так, годами изменялось.
Я не хочу принять никак,
Что о воде, а не о рыбке:
Что значит коренной рыбак!
Давно хотел быть в Судаке,
И вот он - на моём крючке!

Он много старше фаворита,
Ведь Ялта только что открыта.
Как город – меньше двух веков.
Судак ж был Сурожем при Киевской Руси,
В тьму-тараканьском царстве,
Судгеей был при Византийском государстве.

Сейчас Судак не так, ни сяк,
И только крепостью силён.
В ней только кто не населён
За «тыщи» лет был – и не скажешь!

Но Генуэзскою зовут,
Поскольку – итальянцев труд.
Их выбил янычар,
А их уже те, печенеги.

И турки были здесь века,
Суворов в ней квартировал,
Сегодня – я вот побывал!

Она висит над Судаком
Своим жар-птициным крылом
Не даёт ему совсем пропасть
Ведь Генуэзская всё ж масть!

Где Сурож - там Кокур!
Сюда затеял терренкур
Не столько крепости смотреть,

А чтоб вино хмельное зреть.

И зрел! В Голицыных краях,
Что ныне Новый Свет зовётся,
И как уж на Руси ведётся
Бутылку выпил. На паях
С своею верною женой.

Шампанское – скажу мечтой
Вполне могу всерьёз назвать!
Всех приглашаю побывать
Здесь на Голицынской тропе!
Попробую ей гимн сыграть!

Всю жизнь отдал вину Голицын
Здесь есть завод – и с ним и без.
Как он тропу устроил! В Ницце
Знаменитый есть Англез.
Так та - в подметки не годится!

Берёт начало в можжевелах
Затем уходит камнем вниз
К сквозному гроту, что на скалах.
Контрабандистам – просто «плиз»!
Грот сухопутный сквозь скалу,
Из бухты в бухту! Сей подарок
Использовал Голицын как свой склад
Для выдержки вина, чтоб марок
Ему побольше набежало...

Тропа же дальше побежала,
Представ тропой неверных жён,
Где был для них такой экзамен:
Как кто запнулся – уличён,
«Секир-башка», на шею камень.

А кто до верха дотянул,
Того с пригорка просто пнул!
Что за напасть, к чему проруха?
Есть молодая – зачем нужна старуха!

Дальше вдоль моря поплутав,
Заходим в винотеку.
Объёмный грот в большой скале
С эстрадой, где потеху
С усладой только принимать!
Не трудно пением ласкать,
Когда такое эхо.
Каждый Шаляпиным сойдёт

Едва, едва открывши рот.
Мы проверяли это!

И снова тропка побежала,
И снова морем – чудный вид
На бухту Судака, на скалы.
Здесь даже рвань – и та блестит.

Голицын то не упустил
И зал приёмов соорудил!
Здесь лучшее вино - рекой,
Здесь явства пробуждают чувства,
И вдохновенно об искусстве -
Речь, мысли выются над толпой!

Ходили по тропе цари,
Приехав в гости к виноделу.
Как видите – сходили мы
И благодарности полны:
Искусству жить ведь нет предела!

Как бы, Голицын завещал!
Я это, правда, раньше знал,
Но так сплести эстетство с делом
Подсильно было нашим дедам!
А нам слабо! Но может быть
Ещё пожить?

«А ныне – погляди вокруг»

День одиннадцатый-двенадцатый: 26-27 апреля 2004 г. (понедельник-среда)

Пора вокруг бы оглянуться.
И вдруг... блаженно улыбнуться:
«Под голубыми небесами
Великолепными коврами..»

То море Чёрное штормит,
То кипарис ласкает вид,
Ливанский кедр при незабудке,
Тис под окном. Он при побудке
Как будто вносит умиленье,
И я ему без промедленья
Улыбку во весь рот дарю!

В «России» парк – лучший в Крыму
Ухожен, всюду птичье пенье -
Такой будильник по утрам
Я от души желаю Вам!

Вдыхаешь с легким нетерпением
Глициньи запах, фиолет –
И вы уж любите весь свет!
Добавь с лягушками концерт,
Дельфинов в море. Словно сеть
Их собрала со всего моря!

Сколь глаз мой видел на просторе –
Везде дельфинная страна.
Миллион их! Подтвердит жена.
Чтоб столько сразу подплыло --
Быть это просто не могло!

Но было, было и... прошло.
Один лишь раз такое чудо!
Можно сказать ещё про блюда,
Что подавали для меня.
Не зря сюда приехал, нет - не зря!

Скажу про Ялту, что мала,
Что не в сезон она скучна.
Всё спит, но Первый май встряхнул,
И сразу - кисть и молоток!
Туристов ждут к себе поток!

Он в Ялту жизнь вдохнул!
Киркоров, Пугачёва, Мисс Донбасс
Вдруг замелькали на обложках.
И выполз заспанный народ
Карман кого от скуки спас,
Тот на ковровых уж дорожках!

Весна бушует по Тавриде!
И в ботаническом саду,
И в Массандре у дворца,
Что для охоты и царя -
Везде и всюду вокруг нас!
И мы вбираем весны глас!

Такая прелесть, Вам скажу,
Встречать весну-красну в Крыму!

Чукурлакские страдания

День тринадцатый-пятнадцатый: 28-30 апреля 2004 г. (четверг-суббота)

«В парке Чаир распускаются розы
В парке Чаир наступает весна...»
Здесь на Мисхоре волшебные грёзы,
И Кичкинэ приглашает сюда.
«Ясной поляне» здесь двойственность личит,
С гор Англичанка на страже стоит,
С моря красавицей Персией дышит,
Ну, а «Софийка» как прежде царит!

«Дюлбер», безусловно, - Бог-искуситель,
Укрэлита тут любит гостить.
Он – мавританских кровей! Повелитель
Парковой зоны, что с чудом роднит.

Наш Церетели выкупил квоты,
Скрав от Юсуповых прелесть лозы.
Камнем в него полетели остроты,
Но оживил он дворцовость стезы

Если б не знали, что то – Церетели
Было бы больше улыбок вокруг
Но попривыкли время-качели
Сделано дело, что брат нам и друг

«В парке Чаир, распускаются розы»
С моря русалка на пляжи глядит,
А у фонтана при девушке Арзы
Али-баба неотлучно сидит.

Горький с клюкой и большим красным носом
Словно живой посреди кипарис.
Такой вот Мисхор. Я доволен «покосом».
С тем возвращаюсь в Ялту, и бриз,

И Чукурлар нас как внове встречает,
После Мисхора он словно ожил.
Он всю «Россию» достойно венчает!
Ну, наконец-то у нас заслужил,

Что б приглянулись, познали, проникли
Парковой прелестью этой страны!
Пред Чукурларом Канары поникли.
Запах глицинии в душу проник.
Да, нам Курчатова троны не дались,
Да, корпуса нам меняют подчас:
«Парк Чукурлар» – произносишь и в дали

Мысли уносят и буйствуют в нас!

Снова, как сон, с моря та ж панорама:
Вот он Чаир, Кичкинэ, весь Мисхор,
Горький, Толстой и с собачкою дама -
Всем мы с кораблика машем рукой.

Милые сердцу в весеннем соцветье
Стали места для меня, хоть я стар.
Лучшее всё и на всём белом свете
В слове едином сплелось – Чукурлар!

Большой день

День шестнадцатый: 1 мая 2004 г. (воскресенье)

Вместо введения: Херсонес!
Давным-давно за «тыщи» лет до нашей эры
Жил-был прекрасный город Херсонес:
Завидный холм у моря. Конечно, придающие
Надёжность, веру, стены. Но всё ж его попутал бес.

Он мёртв. На трупке города фисташковые роши
Они лишь эту почву признают
Но, чур! Смотри, о как прекрасны эти мощи
Пред нами всё, все времена, хоть он и пуст.

И жители его лишь мы. Вот мы – до нашей эры.
Вот здесь мы – средние века.
Эллины, греки, византийцы, тавры -
У всех свои причуды. Мы ж пока
Его по крохам обживаем:

Симпозиум – совместно пьём вино,
Вот кузница – горшки мы обжигаем,
А вот мозаичное полотно:
То Римский театр, галёрка, оркестр.

Рыбный цех – ты вялишь и солишь,
Поменьше рыбу – снизу кладешь.
Получится тогда с мукою соус,
Что очень ценится. Не устоишь

Пред прелестью такой,
Тем более, что это в мир иной,
То есть, за море отправляли.
Себе, наверно, тоже оставляли.
Там баня, несколько отделов:
Почти что XXI век!

Похоже, оголяться
Всегда едино жаждал человек!

Колонны храмов на Крутом Яру у моря.
Они сегодня символ Херсонеса.
Еще царь-колокол,
что с Нотр-Дама возвратился
И перед морем водрузился.
Доступен всем он, как повеса.
Среди развалин на Холме – жар-птица,
Как красно солнышко сияет!
Отсюда христианству удалось пробиться
На Русь святую! Всё благоухает

У Мономахова дворца-собора.
И Красно Солнышко – Владимир тут стоит!
Ведь здесь – Россию окрестили,
Достойным даром одарили!

Здесь – мощь и золото! СВЯТЫНЯ!
А всё вокруг лежит в руинах.....

P.S. В соборе Путин с Кучмой руки жмут
Быть может, боги то учтут?

Содержание дня: Севастополь

Эпиграф

Его Суворов преднарёк,
Но где же на него намёк?
Не мудрено, что позабыли –
Его ж за флот всё время били.

Нас весенней порой
В Севастополь чужой
Судьбе было угодно послать,
Чтоб познать, чтоб принять
Всё как есть – испытать,
И в гостях побывать
У флотилии нашей родной!

Севастопольский флот
Здесь двояко живёт
Лишь по краске, по цифрам признать,
Где Российская статья,
Где Украинская рать.

Не пришлось бы когда воевать.
Вот такой, вам скажу, оборот!

И шуршат над головой
Бескозырки-ленты: «Свой»!
Севастопольский флот
Здесь как прежде живёт,
Но во взглядах матросов всегда
Искры нет, есть тоска.
На Малахов курган панорамный десант
Навалился, как в Крымской войне,
И курган весь в огне.
А сейчас здесь всё в цвету,
Люди празднуют весну!

Севастопольский флот
Здесь двойко живёт
Лишь по краске, по цифрам признать,
Где Российская статья.

И шуршат над головой
Бескозырки-ленты: «Свой»!

Севастопольский флот
Здесь как прежде живёт,
Но во взгляде матросов всегда
Искры нет, есть тоска.

Вот Приморский бульвар,
Графской пристани дар.
Мы пришли посмотреть на редут –
Всё по-прежнему тут.

Лишь с орлом над головой
Память о победе той.

Севастопольский флот
Здесь двойко живёт
Лишь по краске, по цифрам признать,
Где Российская статья

И шуршат над головой
Бескозырки-ленты: «Свой»!

Севастопольский флот
Здесь как прежде живёт,
Но во взгляде матросов всегда
Искры нет, есть тоска.

Наш Нахимов стоит.
Здесь фашистский гранит.
Породнились они навсегда
Будь проклята – война.
Вдоль бульвара мы идём
И мир «ложками» гребём.
Севастопольский флот
Здесь двойко живёт
Лишь по краске, по цифрам признать,
Где Российская статья.

И шуршат над головой
Бескозырки-ленты: «Свой»!

Севастопольский флот
Здесь как прежде живёт
Но во взгляде матросов всегда
Искры нет, есть тоска

Поклонился бойцам,
Нашим дедам, отцам!
В усыпальнице свечи зажгли,
Чтобы дети могли
Слышать шум над головой,
Тот, что создан был весной!

Севастопольский бриз
Буду помнить всегда
На Приморском – любой каприз!
Бухты в праздных судах!

Севастопольский вальс
Слышу всюду вокруг,
Пусть исчезнет тоска в глазах,
Пусть искрят для подруг!

Эпиграф: Война (в изложении моего отца – Куранова Петра Ивановича: 22.01.1906 – 04.08.1973 г.)

Подняли как-то нас ночью по тревоге, затолкали в теплушки и везли целые сутки. Запомнил, что кормили хорошо. До этого голодными были, мёрзлую картошку искали на поле и тут же грызли, пока не отобрали. Поезд остановили в каком-то поле, точнее даже сказать в лесу. Но лес не густой. Выдают нам винтовки. А до этого настоящего оружия мы в руках не держали. В учебном отряде где-то между Сталинградом и Ростовом у нас были только деревянные винтовки и автоматы. Там же меня, потомственного рыбака с самого детства, назначили командиром отделения – потому что другие были совсем молодые и ничего в жизни ещё не видели. А у меня за плечами семья, пять детей, двух из которых уже похоронил и сиротство, начиная с двенадцати лет.

Ну, так вот, дали нам винтовки, по пять патронов. Не всем, правда, через одного. Остальные так и остались с деревянными винтовками – оружие добудете в бою. У фрицев этого добра навалом. А дальше – «Ровняйся! Смирно! Слушать боевую задачу! Видите сопку? Сапун-гора называется. Приказано её взять приступом через 2 часа. Вперёд! В атаку!» Хотел было уточнить, откуда лучше штурмовать, да какой там – все куда-то побежали. И я побежал.

А на гору с винтовкой долго не пробежишь. Вскоре уже выдохлись. Для немцев-то мы прекрасной мишенью были. Подождали они, пока мы выдохлись и давай нас колошматить. Пули свистят, снаряды рвутся. Один взорвался рядом со мной. Больше ничего не помню – потерял сознание.

Пришёл в себя ранним утром. Знобит меня всего. зуб на зуб не попадает. Вокруг кровавое месиво, кое-где слышу стоны. Попробовал пошевелиться – острая боль. Вижу, левая рука моя болтается, из неё кости торчат, вокруг кровью всё запеклось. Ну, думаю, если я тут ещё немного пролежу, то мне хана. Сил никаких нет. Полежал, полежал – делать нечего: надо куда-то ползти. Полз я через трупы, через раненых, умирающих всё утро, целый день и лишь к вечеру подполз к какой-то землянке – оказалась санчасть. Вокруг раненых – видимо, не видимо. Чувствую всё, силы оставляют меня. Пополз к самым дверям землянки и уже, как во сне, помню как пилили мне руку, как её перевязывали...

Отец не любил рассказывать и вообще говорить о войне. Он считал, что слишком много было «предательства» – так он называл всё то, что видел сам. Издевательства над собственным народом – вот что больше всего возмущало в войне. И до конца дней своих не терпел немцев. Ему очень трудно давались лобзания наших правителей с немецким руководством. Это не трудно понять, если учесть, что на фронт он пошёл чернявым, а через четыре месяца вернулся «как лунь». Так говорила мама.

Сапун-гора сделала его не только безруким, но и седым. Таким я его и знал всю жизнь.

Комок в горле, и слёз не сдержать
 На этой горе поседел мой отец
 Сейчас диорама, геройская рать
 А я всё о том, что какой-то подлец
 Предал столько жизней – их бросил врагу,
 Лишь свечку поставить за них я могу
 И скупю сглотнуть клокотанье в груди
 Прости мой отец, ты всё можешь, прости
 Не знаю за что, но ты всё же прости
 И всё, что есть у меня за душой
 Я знаю, твоё это всё. Ты с собой
 В могилу не взял для себя ничего...
 Стою на Сапуне и вижу... его!

Запомнил ещё рассказ о возвращении отца с фронта:

Это было поздней зимой или ранней весной. К этому времени закончился весь корм для скота. Нечем кормить корову – беда для деревенской семьи, горше которой только смерть. Под утро, до петухов, взяла мать детей, тётку Егоровну и повела их к колхозным стогам сено воровать. Вот повязали они вязанки сена, взвалили себе на спину и несут, торопятся, чтобы успеть до рассвета. Вдруг слышат – повозка едет, чьи-то голоса раздаются – а далеко слышно в предутренние часы. Залегли стяжатели колхозного сена, ни живы, ни мертвы. В те времена за такое дело Сталин известно как поступал. У отца был громкий голос, смех раскатистый. Думаю, что очень похож на мой.

«Катка» - говорит Егоровна - «да это Петькин голос!». «Да откуда ж ему взяться-то?» - шепчет мать. Но уж ноги сами поднялись и во весь дух к повозке. «Сердцун, сердцун, мы здесь!» - кричит она

забыв об опасности. А дети не могут сами скинуть вязанки и так с сеном и с криками: «Папа! Папа!» и бегут к повозке...

Мама плакала, убивалась, что отцу руку оторвало. «Дура ты Катька! Вставай на колени и благодари бога, что вернулся с фронта, живой, здоровый, без руки только. Больше на фронт не возьмут» – так говорила моя бабушка Татьяна Алексеевна.

А и правда, на фронт больше не взяли, всех остальных мужиков из села перебили на войне. А здесь даже прибыль – я родился. Так что Сапун-гора может считаться местом моего рождения.

Молчал и думал на Горе –
Двух слов сказать невмочь.
Жена заботлива ко мне,
Во взгляде – чем помочь?
Мои родители рядком, как будто бы, сидят
И как ни в чём на Первый Май со мною говорят!

Послесловие

Ницца-Ялта, видно, постаралась,
Встретила, приветливая нас!
Фейерверк, Киркоров и, вот «клево»,
Красотки - Мисс Донбасс!
Назавтра – даже Пугачёва!
Обеспечены толпы вопли!
А я – все там, я в СЕВАСТОПОЛЕ!

Высота

День семнадцатый-двадцать первый: 2-7 мая 2004 г. (понедельник-пятница)

Ай Петри

Пора уже в горы – хватит дремать,
Иль Вы их в упор не видите?
Смотри – Ай-Петри, едрёная мать,
С зубцами-рогами. Вы ж лижите
Свой пудинг, морковный бифштекс
И благородно рыгаете
Хватит лежать – амёбистый кекс
Подагру лишь так наживаете

Кругами режем серпантин
Но тпру! Разуй глаза на Учун-сун
Не дрейфь - инцифалиту карантин!
Гуляй свободно по лесу

И обрати – как воздух чист
Ионом водопада.
Он из тебя последний глист
Изгонит. Всё как надо,

Путём всё будет. Лишь всмотрись
Ты в Учун-суновску высь...

Дальше вьётся кругами тропа.
Видишь – раздольное плато.
Здесь бы коровам молока.
Ан, нет! Делают золото!

Построен аул. Размер – в Херсонес!
Шашлык, беш-бармак с пахлавою.
Пока на Ай-Петри снимаешь свой стресс,
Котлы под парами с жратвою

Взошёл на Ай-Петри – в себя всё всоси,
Чтоб Ялтой наполнились груди!
Нет в мире нигде такой красоты:
С тобой весь курорт как на блюде

Всосал? Накачался? – теперь на аул,
Он ульем у верхней канатки
Вином с аппетитом пред всеми блеснул.
А дальше – с тебя взятки гладки:

Погрузят в вагон,
Поболтают над Фито
И спустят в Мисхорскую гладь!

Ну что же Ай-Петри? Взошёл, шито-крыто!
Теперь – не боюсь умирать.
Я видел красоты с твоей высоты.
подагре отбой под гимны весны
Долина Сказок
На какой-то на поляне,
В трезве редкой, а не в пьяне,
Собрались обговорить,
Как им дальше-больше жить

Все герои и всех сказок!
Здесь мы увидели разом
Колобка, Болду с бесёнком,
Три прелестных поросёнка,

Ступу с бабою ягой,
Деда с рыбкой золотой!
И Руслана, и Гвидона,
Буратино с Артемоном,

Гуси-лебеди летят,

Белоснежка строит в ряд
Своих гномов-удальцов,
И из моря храбрецов
Здесь выводит Черномор

Да, вселенский этот сбор
Удался, скажу, на славу
Всю окресную дубраву
Превратил в улыбку, в счастье!
Испарились все несчастья

За долины, за моря!
И другая есть стезя.
Зоопарк – совсем ведь крошка,
Но побродишь в нём немножко
И полюбишь навсегда.
Здесь – родильная страна

Обезьянка народилась,
И свинья опоросилась,
И косуля принесла
Трёх косуль! Что ли нельзя?

Если зло во мне сидело,
То долина его съела!

Антон Павлович Чехов

Чеховская Ялта. Это здесь слышишь всегда! Тем более - сейчас, когда Чехову ровно сто лет! А он живет – поживает, хотя говорят его нет!

Я редко что перечитываю. Только Тургенева и Чехова. Не знаю почему, то ли мир их близок, то ли перо?! Знаю только одно - время от времени тянешься к ним. Что ж, пойдём и сейчас погостим!

Ялта - последний для Антона Павловича приют.
Ну и как же у него не побывать, не навестить его тут?!

Белая дача, когда-то окраина,
Сейчас это некая Ялты часть.
Мы побродили там всласть

По небольшому участку земли,
Который Чехов сам засадил,
А плоды вот – читатель получил!

Посидели на скамье Горького!
Как выросли кедры за век!

Интересный был человек!

Почти всю жизнь одиноким был,
Но гостей не чурался, любил
И к нему любили ходить!
И не водку ведь пить.

Не только умом, добротой веет здесь:
Высотой жизни, любви, созидания.
Это нам в назиданье

Чтоб учились: «Как жить?». Не хапать и не хамить -
Не от этого счастье будет вам!
А был ли он счастлив сам?

Я думаю – был. Не Кипер-Чеховой только, конечно!
Он Таганрог, он Мелихово в себе носил
Он с любовью всегда жил.

А как он сказал про отца, мать!
«Если когда-нибудь я достигну что-то,
То это – их работа!»

Бродя по комнатам на Белой даче,
Что сам он строил, на свои,
Я понял – Антон Павлович, Вы
Достойнейший пример для подражания!

Вам чувство меры так подвластно,
Вы деликатны и тактичны!
По мне – здесь просто всё отлично!

«Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры»
И самая Ялтинская - «Дама с собачкой»
По глубже сегодня в меня заползли!
Забрел я сюда очень даже удачно!

Подводя итоги

Ну, вот и всё – мне близок Крым
Совсем недавно – незнакомый.
Теперь тебя мы в корень зрим.
В моей душе ты стал весомый

И милый сердцу уголок.
Сведёт ль судьба к повторной встрече?
Ты в стан друзей своих привлёк
Меня, жену. Не надо вече

По этому вопросу собирать
Прощай. Закончилась глава с названием «Уменье отдыхать»
Пора работать. Пусть на Крымской Ницце
Гуляют праздность, нега, флирт.
Они на месте здесь. Как в Сибири – спирт!

Селигер. Повторение пройденного. 4-8 января 2005 г.

Где девочкой Волга зреет,
С Селижаровкой балуясь,
И Валдаем-батской греясь,
Но, ему не повинуюсь,

Убегает, вдаль маня,
Есть прекрасная страна!

Средь раскиданных холмов,
Средь Есенинских стволов
И причудливых берегов,
Даже по виду – рогов,

Всем на зависть и пример
Воды бросил Селигер.

Добрый молодец, богатый
Рыбой, заводью и взятой
Навсегда – не напрокат -
Мощью, удалью. Он хват!

Кто ему не покорится -
Будет век потом жалиться,

Что не принял этот дар и эту ширь.
Селигер - настоящий русский богатырь!
Он питает Волгу Русью, отдавая ей пыл-жар
Через речку Селижар.

Вот сюда на Рождество
Нас сегодня занесло.

Что сказать? Я здесь бывал,
Из его котла хлебал,
Знал Осташков, знал Исток,
Ну, зачем тогда поток
Вновь занёс вот в эту даль?

Чтобы снова я принял

Дар божественной красы,
Дар звенящей тишины,
Дар воздушной чистоты,
Дар живительной воды!
Знаю я. За этим делом
Нужно ездить на Карелы,

Ну, а можно – к Селигеру.
Всего этого – нехватка
На Московских-то хлебах,
И я здесь! И сразу: Ах!

Как пьянит меня аУра!
Да, моя губа – не дура.

А жена-то, а жена
Так радёшенька была!
Как взошла на Нила Пустынь,
Тут ж сказала: «В этот край
Привезу весь «каравай»!

Всех детей я соберу,
Этот остров навещу».

С колокольни под метель
Ей пригрезилось теперь,
Будто этот чудный край
Есть тот самый земной рай.

То не пташечки в саду -
Острова, и все во льду.
То не пенье райских птиц -
А собрание небылиц:
Нил, мол, тело истязал
И за это святым стал.

Что за рай «почуял» взор? –
Селигеровский простор.

Вот что хочет показать
Своим детям наша мать.

Показать-то показать,
А сейчас надо вбирать

Этот воздух, этот дух!
Все вбирать, что глаз и слух

Доставляют для души.
Сердце русское – пляши!
Вот калядовать пришли
Дети с ближнего села.
Современная одежда,
Современны голоса.

Звонким криком оглушили.
Но немного приуныли,
Когда с ними изучал
«Ангел мирный...»: «Что пристал?!» –

Поначалу был их вид.
А потом – вдруг озарит
Благодатью и признаньем:
Мол, «спасибо за старанье.

Нову каляду узнали,
Да хороший куш сорвали!»
Пошли табором, по-свойски!
Мне по сердцу это войско -

Открывает двери все!
А подарки-то себе!

«Первый раз вижу калядки», –
Вдруг призналась мне жена.
Я же сызмальства «загадки»
Эти знал, как дважды два.

Уж мы славили на славу,
Хоть не верили в Христа.
Ну причём, скажи, здесь вера?
Здесь не вера, а душа

Упивается раздольем,
Бесшабашностью затей.
В рождество здесь каждый – вольный,
Каждый – вроде бы ничей,

А какой-то общий, что ли?!
Как хлеба в колхозном поле!
Все – единый коллектив
Под благой речитатив.

А турист – он впавший в детство!
Каляда так каляда,
Но поскольку не умеет,
То отдушина – игра.

Вот тягает он канаты,
В мешковине он бежит...
В Рождество – ведь взятки гладки!
Молодёжь – душа горит.
Заигрались до полночи.
Фейерверк слепит глаза,
А у нас нет больше мочи...
Мы не против, даже за!

Только... можно, вы без нас?
Мы - в кроватку. Всё. Мы - пас!
Ночь под Рождество -
С упоением всё прошло!

Незабвенный этот праздник
С детства глубоко любил...
Каргопольский был заказник,
На Кивач семью возил,

Дважды здесь, на Селигере,
В турпоходной атмосфере.
Хоть не верю я в Христа,
Но гулять готов всегда.....

В Рождество воды не видно –
Лед и снег, бескрайности лесов,
И болота в изобилие -
Нет в них вовсе берегов.

У истока Волги вижу,
Замирая от высот,
На которые та жижа
Может поднимать народ.

С этой спермы Русь и Волга
Гены мощные несёт!
В них простор и удаль, воля
Вылезают из болот.

Вылезают, окружая
Эту местность, сей исток,
И на Каспий направляют
Посеребряный поток.

Покружили, поклонились
Храму, мостику, часовне
И обратно укатили,
Чтоб «пожариться в жаровне»

Селигеровской красы.
Волга-матушка, прости:
Не к тебе, а к Селигеру
Приглашён я нынче был,
А тебя лишь навестил.
Вновь окрестность созерцаем,
Забрались на островок,
Где Архипова-старушка
Отхватила уголок.
Он здесь хижинкой зовётся,
Номера от *до* до *си*.
И откуда всё берётся
В этакой, считай, глуши?

Сервис – супер, холлы – евро,
В чистоте всё и в огнях.
А напротив – деревенька
Умирает на корнях
Наших предков былой мощи.

Ей последний век не впрок
И святые, вроде б, мощи
У Николино-Рожок.
Здесь древнейший монастырь
Ну совсем, почти, почил.

А когда-то Нила Пустынь
Он, Рожок-то и зачал,
А сегодня только свечку
В Рождество от нас принял.

Без молитвы – для кого?
Всё вокруг порушено.
Ну, а жизнь не ждёт, бежит –
Конный двор, смотрю, стоит.

Конюх Львовский здесь прибился,
Я на тройке прокатился.

Околдован бубенцами –
Звон – размеренно-хрустальный,
И насыщен, и парит,
В душу, в сердце норовит!

Проникая же туда,
Властвует везде и вся.

Лучший в мире соблазнитель –
Так призналась мне жена!

Сердца женского правитель -
Не пустые те слова!
Бубенцами лес звенит,
А напротив, в Селигере,
Пустынь Нилова стоит.
Храм, дворец – красив безмерно,
Этот миг - благословенный.

Рядом остров – Кличин - кличут.
Здесь старинный город был,
То же имя он носил.

Новгородцы разгромили,
До единого убили.
Лишь Евсташка сохранился –
Так Осташков получился.

Мы объехали его. Городишко ничего,
Храмы – есть что побережь,
Вроде б есть - что есть, где лечь.
Тут гостиница с евроремонтом
Для туристов – не для понта,
Ведь сюда, на Селигер,
Приезжают мистер, сэр.

Заглянули к краеведам:
Храм о многом нам поведал.
О волках и о лосях,
О медведях, судаках,
Зайцах, дятлах и лещах,
Совах, чайках и угрях,
О бобрах и кабанах –

В общем, весь животный мир
Храм христианский предложил.

Он дополнил впечатленье.
Ну, а нам пора в движенье –
К дому надо прибиваться.
По пути город - Торжок.
Ему хочется признаться
В любви сейчас и впрок

Просто так, не на крови!
Мне по сердцу вид с Тверцы.
Он - из Пушкинской поры,
Он откуда-то из сказки.
Мостик, храмы, образцы
Мне очень близких мелочей.

Сколько для души ключей!

Просто радуется взор.
Я, старик, несу здесь вздор,
Потому что полюбил.
Торжок меня приворожил!

Не котлетой от Пожарской,
Что украла у поляка,
А тем сказочным богатством,
Что нельзя понять двояко.

По душе моей разлил
Русь, которую любил
С детства, с Волги, от сохи.
Право, господи прости,

За такую высь в письме,
Но я искренен вполне.

Всё. Промчалось Рождество
Я, любя, прожил его,
Жену, семью и Русь!
Счастье это. Я горжусь.

Берусь кому угодно доказать...
Постой, зачем? Ведь благодать!!!

«Я помню чудное мгновенье» –
Это не столько к Анне Керн.
Здесь для меня уж без сомненья:
Он для Руси создал сей перл.

И всё ж – ее могиле поклонился,
Не чистоте, не красоте –
Тому, что ангел к ней явился,
Тот самый, что прожил во мне

С женою в Рождество.
За что-то это нам дано!

Тамбовские «волки». 11-12 июня 2005 г.

Совсем не асс - скорей профан
Я в музыке салонной.
Мне ближе русская гармонь,
Чем контрабас с волторной.

Но вот с годами обтесался:
Уже симфонию за грех
Я не считаю. Из утех
Все чаще скрипку выбираю

И был, я помню, удивлён,
Бывая в странах многоликих,
Из русских лишь Чайковский, да вот он -
Рахманинов, в числе великих!
Сегодня мы у гения в гостях.
Ивановке Тамбовской Бог дал, поклониться!
Сюда, в Рахманина родимые края
За совесть, не за страх с желанной женщиной уединиться!

Не то, чтобы понять, признать иль полюбить –
Наверное, затем, чтоб долг отдать!
За глубину и удовольствие ведь принято платить!
И стал я вспоминать!

Совсем недавно, в консерваторском зале,
Денис Мацуев к креслам нас прижал
Божественной Рахманиновской далью,
Проблемной сложностью скрижал,

Что выдал бог ему в Ивановке Тамбовской!
Отсюда и рекогносцировка.
Ивановка-то тётину именье - свои отец вчистую проиграл.
И то, что в приданное он за женой забрал.

Она (жена) взростала в послушании.
Как повзрослела – в противостоянье,
Наперекор родительским наказам
Себя связала с мотом. Разом

Он мог, что за душою, проиграть!
Ещё один образчик строгих назиданий!
Свободе выбора ведь надобно учить!
Я не приемлю принцип – запретить.

Здесь он, как видим, дал «прекрасные» плоды!
Как часто это в жизни видим мы!
Стал нищим с детства сын, но, видит Бог, по связям

Он обучился не проказам,

А фортепьянам, долгу, чувству,
То есть, дороге в храм искусства!
У тётки жил, творил, любил,
Её же в тещу превратил!

Сердцем к имению прирос,
И благородство в массы нёс.
Когда ж судьба закинула в чужбину,
То опустел и без корней завял –
Не редкий русского финал!

Красота Ивановки бесспорна-
Она и Бог родили здесь талант!
Еще любовь – она животворящий дух,
Здесь это я принял не без потуг!
Открыл, потом засомневался,
Но вот волшебный звук музыки раздался-
Всё стало на свои места! Прощай Ивановка,
Наверное, навсегда!

.....

Заехали мы по дороге к Натали.
Её вот в этот дом с турчанкой привезли.
Ну, не совсем её, а мать в утробе,
Что полюбилась Гончарову!
Жена-судьба для Пушкина готова!

Сейчас все «корни» Натали
Всем, чем могли, позаросли.
Но думаю - придет то время и усадьбе будет честь:
У Пушкина ведь сила есть!

А дальше - бывший монастырь...
С военной частью подружился у речки Цна,
Где старца Пимена страна.

Поставили часовню, храм, купель!
Мы обмакнулись, и теперь
Готовы к новым приключениям...

Белинский – город и явление,
Уже на Пензенской земле!
Чембары и Виссарион,
Не дворянин, а лекаря сын он.

Усадьба-дом вполне безлики.
В новом парке этот уголок.

По - деревенски всё – без шика.
Откуда вкус к литературе?

И хоть я птица не велика,
Но всё ж скажу – в его натуре!
Потребовать сначала от себя –
Так приучить смогла семья,
Что в этом доме из Чембары...

А нас влекут уже литавры
Младого гения трагической судьбы!
Столыпин–Лермонтов–Авсеев.
Он дворянин средней руки,
Но рок над ним всё время реет.

Для бабушки зятек (отец поэта) был никакой!
И хоть любил он всей душой
Его Столыпина загнала за порог,
Как только дочь похоронить ей бог «помог».

Осталась одна с младенцем Мишей.
И пыль сдувала до конца.
Следила, как играет внучек,
Стелила всё для лаврова венка!
А гений – он на то и гений,
Всё время норовил куда-то не туда!

Не знал любви желанной феи
И благосклонности царя.
Поэтому Кавказ и дерзкие слова,
Ненужная дуэль, могильная земля.

Родная бабушка к себе сюда
Из Пятигорска тело привезла
И с честью, и любовью схоронила.
А вскоре и сама она почила.
О, горе тем, кто любит власть,
От жизни оградить своих стараясь!
Из всех щелей тогда напасть
К их чаду лезет, прилипаясь!

По духу Лермонтов
Мне должен быть далёкий,
Но признаюсь - он мой кумир!
Его мне дорог мир.

Того, что мне частенько не хватало,
Я у него, невольно, подбирал
Ну а сегодня, наконец, в Тарханах

Я, как умел, но честь ему отдал!

“Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом,”
Меня пленяет этот образ,
Какой – то прелестью земной!
И сам не знаю - почему?
И знать, поверьте, не хочу!
“Что же Вас гонит:
Судьбы ли решенье?

Зависть ли тайная,
Злоба ль открытая”?
Эти вопросы твержу в путешествиях-
Чувствую в них нечто я плодovitое!....

Время пришло, и пора нам домой!
А за окном непрерывно: история!
Чичерин, Державин, Фёдор Васильев...
Что мне до них? Фанат их что ль я?

Я своё время вдруг им отдаю?
Знаю зачем: я так просто хочу!
Вот говорят – это бог повелел.
Да, наверно, то божий удел,
Что нам хотеть и когда....
Вот до чего дописался я, господа!
Ну, а волки, причём здесь тамбовские волки,
Что в заголовке заняли места?

Просто в музее Тамбовского волка
Услышал от основателя музея,
Что волки много лучше нас!
Аргументировал он складно, но я забыл тот сказ!

Что пропустил, не успел, не донёс?
Мало, наверное, было природы
Вот ведь Рахманинов в сердце пронёс
Нежность любви по окрестным просторам.

По сиреневой цвети, по тучным хлебам!
Лермонтов вязы любил и скучал по дубам

Да и для нас всё – луга, перелески,
Реки, просторы, безбрежные дали
Как ненасытные губы невесты
Всё путешествие нас возбуждали!

Но о природе бегом я не смею

Лишь о событиях как могу, как умею.
Несколько слов о тебе, град Тамбов.
Я – не впервой и знаю каков!

Три улицы достойных ты и сегодня имеешь
И «казначейши» не хуже других
Хор из лягешек – прервать не посмеешь,
Храмы над Цной - в жемчугах дорогих

Милый, русский град Тамбов,
Ты, скажу, по сердцу мне пришёлся.
Ночью я глядел тебя до двух часов.
Отдохнул душой – такой вот слэнг нашёлся

Так задорно танцевала молодёжь!
Где теперь, Петрович, ты найдёшь
Столько искренности под российскую эстраду?
И жена призналась мне: “Отрада!”

И так ей было хорошо
На родине утробной
На этом и закончу полотно,
А то перехвалю Тамбов, а это неудобно!

Кубанская юность. 1-6 июня 2006 г.

Где ж ты, где ты, моя молодость?
Где искать тебя... за шестьдесят.
Пузо, лысина и «бородость»
Не мешают мне мечтать.

Рзмечтался и... нашёл,
На Кубань росток пошёл.

Хоть природный я Волжанин
И сейчас живу в Москве,
Но ведь даже у тарани
Есть миграция в душе.

Вот и друг мой — эмигрант -
На Кубани наш десант.

Васька — друг — пенсионер,
Поглядеть ведь хочется,
Как евойные дела,
Чем денёчки точатся.

Итак, путь на Тихорецк
Взял вот этот молодец.

Не один, а с молодницей -
Уж смотреть, так уж смотреть.
Не воды, какой, напиться -
Другу мантию надеть.

Зрелость, мол, уже прошла,
Старость, курва, подошла.

Путь начался с Краснодара,
Вечер чудно пролетел,
Он нас праздничным парадом
Одарил в честь дня детей.

Парки всю ночь громыхали,
Будто только нас и ждали.

Мы сидели у Кубани
С поцелуем и тостом,
Летом первый раз дышали,
Позабыв про отчий дом.

Речка, лето, нагота
Нас сгипнозили слегка.

А наутро на Кисловку
Положили мы свой путь.
Краснодарский филиал
Там решил водой блеснуть.

И блеснул — мембране быть,
Кисловчанам воду пить!

Им японцы изготовят,
Немцы что-то подберут,
Ну а сборка и наладка -
Дарводгео тут, как тут.

Быстро времечко прошло,
К Тихорецку поднесло.

Там уж стол для нас накрыт
Верится - не верится,
Тамадова речь журчит,
Факты в тостах мелятся.

Всем довольный юбиляр

Принимает это дар.

Песни, помнишь ли, ах, внуки,
Беспрерывная жратва,
Пролетели двое суток,
И в дорогу нам пора.
По-домашнему смеялось,
Много что в душе осталось.

Будем в мыслях вместе жить,
Изредка встречаться
И друг друга хоронить,
С внуками якшаться.

Это счастье — так решили.
Вот за этим и «приплыли».

Кто из Омска, кто с Москвы.
Верится - не верится.
Нет, мосты не сожжены -
К пенсии то ценится.

На прощанье обнялись,
Да и с якоря снялись.

Вспоминая, между прочим,
Тихорецкую толпу
И как небо зазвездилось,
Овсиенко и гульбу.
Здесь День города в честь Васьки -
Мне везёт с такой «закваской».

С Тихорецка — в Геленжик,
Говорят, к «невесте».
Как прекрасен её лик,
Море лаской плещет.
Сей курорт — ну как заморский
Своей набережной броской.

Целый вечер, целый день
Отдавались неге моря.
Отдохнули! Ей же ей -
Вся поездка с раем спорит.

Здесь и юности конец,
Здесь и отдыха венец!

И работа. Да, работа.
Офис, сборы, кто что взял.

Будем чистить, будем строить
В Краснодаре филиал!

Поездка очень гармонична,
Как жизнь Василия — практична!

Очарование Алтая. 29.12.2006 г. – 11.01.2007 г.

В далёком примонгольском крае,
Где Обь с Катунью воду пьёт,
Где горы, хвоя, льды и сплавы,
Обвенчан с золотом народ.

Алтын-Алтай! Ласкает слух.
Целебный воздух, сильный дух.
Послушай сам, что дух изрёк,
Как он звучит для сердца, уха:

Шукшин, Белуха, Манжерок,
И Чуйский тракт, и Моралуха,
И Белокуриха, где воды,
Что лечит разные народы.

Сейчас здесь черпаю пригоршней,
Что бог из недр достаёт
И разливает всем по ваннам.
Суставы, сердце — всё поёт!

Рекомендую стар и младу,
От болезней, для услады!

Я опять оказался невеждой:
Два Алтая — не знал я о том,
Что Республика с Краем, как прежде,
Продвигают свой властный симптом.

Ведь вдвое больше властелинов -
Изжоги Ельцина картины.

Республика — это где горы
Уходят к монголам, в Китай.
А вот где Шукшин, Евдокимов,
Где Белокуриха — это всё край.

Единственный между ними контакт -
Это дорога — Чуйский тракт.

Знаком я с ним с детства, по книгам и кино,
Строил его мой кумир Куравлёв.
«Живёт такой парень» - пример мы с него
Тогда рисовали и сеяли зов:

Мол, вырастем, сразу в Сибирь, на Алтай,
Где всё грандиозно — и люди, и край!
Поездил я по тракту Чуйскому,
Глядел и в Чую, и в Катунь
Зеленоокою, с шугою...
И с покрывалом, что как лунь.

Почуял важное, большое,
Здоровый дух и... всё такое,

С чем связаны здоровье, красота.
Немудрено, ведь реки, горы,
Долины, свежесть и леса
Есть рай земной. Никто не спорит.

Как ни крути — природный рай
Увидел я в краю Алтай.

Под стать и люди — не людишки!
Без суеты, без «заплати»,
Без «херувимности» излишней,
С изрядной долей доброты.

Не пропадёт моя Россия,
Алтайцы — есть её мессия!

Шукшин — один из них,
С саднящею душой.
Я побывал в евойных Сростках,
За его партией посидел.
Там ощутил себя подростком:
Такой же класс, такой же дом,
Такое же достоинство кругом!

В речах и взглядах земляков:
Мол, ШУкшин он, а не ШукшИн,
Отец расстрелян — из врагов,
И отчим — КУксин, не КуксИн.

На сросткинской красавице женат,
А те, московские... ну как хотят!

Взошёл на гору, на пикет,
Где он один босой сидит,

Не просто так, а с «мудрецей»
Вокруг себя на мир глядит.

Встряхнул я душу здесь, Макарыч
(Мне можно так — я хрыч-то старый).

Ещё один мужик Алтайский,
Чьи байки очень я любил,
Когда он с земляком по-свойски
Про «жисть», про баньку говорил.

Сгорел добряга Евдокимов -
Кто ж камень нынче в него кинет?

Вот дом, где Бия и Катунь
Срослись и Обью стали зваться.
А вот портрет, цветы, погост,
И сердце может надорваться.
Не губернатор ты — артист...
Всё, поздно! Это только свист.

Не только мы людей с Алтая
Встречали в этих Палестинах.
Пожалуй, что их всей Сибири
Здесь тоже варево месили.

Новосибирск, Красноярск,
Кемерово, Новокузнецк,
Тюмень, Томск, Сургут,
Нижевартовск, Уренгой,
Омск и т.д. и т.п. -
Белокурихинский канапэ.

А Белокуриха — город-курорт,
Не дать, не взять, а — мини Сочи.
Вода, стриптиз и натюрморт
Из баров, гор, девичьих очей.

И санаториев, что в ряд
Создали, так сказать, Арбат.

И мы гуляли по Арбату
И в Рождество, и в Новый год.
Мороз и солнце — день чудесный
Нам настроенье придаёт.

И вздох жены: «Какое счастье!»
Ся исповедь — моё причастье.

Я причастился и проник:
Алтай — живительный родник.
Как жаль, что раньше не испил,
Как хорошо, что всё ж вкусил!

P.S.

Мой цензор, он ж - моя жена,
Мне говорит: «Ещё хочу!
А про пещеры, водопады?
И горных лыж стремление вниз,
И скорой помощи сирены?»

Не хочешь ты о том писать?
Ну, не пиши, коли не хочешь!
Но вот верблюда поцелуй запечатлей,
А то получишь!»

Ау! Запечатлел я!
Жена верблюда целовала!
Но, как всегда, ей это мало:
«Ещё, ещё!» Какая страсть!
Еще б немного—отдалась!

«А мотокросс на горе Круглой,
Где еле я жива была,
А Барнаул с проспектом Ленин,
С рекою Обь и детворой,
Что в центре горки раскатали
Гуськом, весёлою гурьбой!»

И возмущаюсь я притворно:
«Зачем тебе вся эта муть?!»
А в сердце нежность расплескалась -
Алтай помог ей отдохнуть!

Брянская рапсодия. 23-25 февраля 2008 г.

От слова «Брянск» на меня веет чем-то по-настоящему русским, без татаро-монгольской примеси. За этим словом в ряд выстроились слова: партизаны, лес, брянщина - как некий символ лесного братства.

Тепло зимой — уж есть ли хуже:
По захолустью и пешком.
Куда не глянешь — всюду лужи,
И нет приятствия ни в чём.

Пытаясь вникнуть в сущность Брянска,
Нас заносило в тупики.
Пред нами хлюпало: Рассея!
Где есть лишь бабы, мужики.

«Сивухе здесь лишь только место» -
Для нас кричала темнота,
Но первый встречный нас приветил.
Спросил: «Вам, собственно, куда?»

Довёз, поздравил, пожелал удачи,
И я зарделся от стыда...
Рассея, матушка Рассея,
Душа в грязи, но как чиста!

В своей столичной благодати,
Видать, запачкал душу я.
И не заметил, как захрюкал
На баб, Рассею, мужика.

Но стыдно было мне не долго:
Очистился и спел, сплясал
С ансамблем русской песни-пляски,
Что нас бесхитростно встречал.

Потом уже, на сон грядущий,
Ушёл от песни на романс.
Ведь по дороге я заехал,
Где и Макар телят не пас.

В долине Суходрев не ткут уж полотно,
Давно забыто это ремесло.
В заводе Полотняном делают бумагу.
Уже за это – орден, наверно, за отвагу!

Над всем витает и парит
(То ль в чистоте, то ли в злодействе)
Рок Пушкина, как оказалось здесь «зарыт»!
Здесь клан жены, погрязшей в фарисействе.

А клан — от прадеда, солидный был мужик,
Нажил с нуля, чтоб промотал сынишка.
Пришлось за Пушкина идти,
Но, видно, в деда, со страстишкой.

Гулял в усадьбе Гончаровых.
Здесь мысли выются о судьбе...
Но в Брянске я. И эта новость
Вернула далее к тропе.

Тропа пошла к Козьме Пруткову,
В его столицу — Красный Рог.
Здесь памятник, усадьба, флигель.
Парк, сад — всё то, о чём помыслить мог.

Кто вхож был в царские хоромы? -
Конечно, Алексей Толстой был вхож.
От Шереметьевых, от Разумовских-
Умён, богат, да и пригож.

Но ополчился на Ивана,
Что Грозным сам народ нарёк.
Почти что всё, о чём мы знаем -
Толстовский подлинный урок.

Но покорён не этим — лирой!
Она опять в романс ввела.
Дыханьем был её оваян -
Жива та лира, да, жива!
Вот памятник. Толстой здесь погребён.
Церквушка старая при гробе...
Достойно все, всему - поклон.
А мы уже опять в дороге!

В ночи был Свинский монастырь,
Что возрождается из пепла.
Вокруг мрак, грязь и чернота.
В душе ж весна всё не поблекла.

Ведь хрусталём еще приправлен
Души порыв от заводского.
В ней памятник другой поставлен
Трудом и плавкою в Дятьково!.

Вот из печи огня осколок
Берут и чудо выдувают.
А это чудо снова в печь,
И с приговором обжигают.

Мальцовых дело еще живёт,
Давая восемь «тыщ» зарплатой.
И дивной прелести хрусталь
Музей являл нашему брату.

Хрусталь в гармонии с чистотой
Души, поэзии и чувства.
В чём убедился вскоре я,
Вкусивши в Овстюге искусства.

Дед Тютчева когда-то свил гнездо,
Бежав от грозной Салтычихи.
Стоит доселе здесь оно,
Триумф познав, но больше лиха.

Однажды был он стёрт с земли,
Но имя внука — возродило.
Сейчас талант и жизнь его
С любовью дама воскресила.

Она читала нам стихи,
Сама пред ними умиляясь.
В противоречия судьбы
Порой опасно забираясь.

Кто был он? Дипломат, поэт,
Хороший муж, страстный любовник?
И каждый сам искал ответ,
И каждый стал его поклонник.
Ну как же Феде не простить,
Когда побочное — есть муза!
Ну как за музу не любить,
Когда всё прочее — обуза!

«Я встретил Вас! И всё былое»...
Густым бурьяном заросло,
Всё перевернуто в пустое,
Всё превратилось в ремесло.

Я не судья, я потребитель
И восхищён его стихом.
А здесь он — бог, он — повелитель,
И очень чувственный притом.

Пора домой — домой из Дебрянск,
Что здесь разбросан вдоль Десны.
И словно Русью я овсян,
И окроплен водой весны!

На водах. 19.04.2008 г. – 08.05.2008 г.

Кавказская минеральная вода или, как здесь говорят, Кавминводы (иногда ещё короче - КМВ) — это район Кисловодск-Ессентуки-Пятигорск-Железноводск. Своеобразный ломаный четырёхугольник. От предгорий Кавказских гор до их начала в районе Кисловодска. Но более всех воспетым оказалось предгорье с горами Бештау, Машук, Змеиная и др. В этом районе — куда ни кинь, т.е. куда не забурись, всюду наткнёшься на минеральную воду какого-нибудь состава, но обязательно целебную. Вот и нам захотелось испробовать этой водицы, желательно, разной - для пробы. Ведь лечить-то пока пот серьёзному нечего, а любопытство ещё осталось. В общем, желаем быть «замученными нарзаном».

Терпеть не мог по юности водичку минеральную,
Уверен был — противней гадости на свете не найти,
И вот дожил: уже нет больше радости,
Как на воды нарзанные пробить свои пути.

Пробил! Весенней прелестью
Всё дышит! И снова я пацан!
Я снова полон радости. Не надо
Этой гадости с названием «Нарзан»!

Зарисовка 1

Эссендуки

Как часто слышал эти звуки,
Как часто даже созерцал,
Когда в задрипанной палатке
Себе пить что-то покупал.
Я знал, что есть четвертый номер.
Даже семнадцатый любил.
Любил? Ну, это сказано в порыве:
В пивную чаще я ходил.

И вот, в Эссендуках, на водах,
Стою и... созерцаю их:
Закрыты скважины сегодня,
Меня не тронул этот «стих».

Я любовался на творенье,
Что им служило оголовком.
В нём — основательность и нечто,
За что и «гладят по головке».
Не только ниши, львы, колонны -
Такое б выдумал и я,
Но в нём весома гармония,
Что привлекает на века.

Эссендуки — ты небольшой курортный городишко,
Мелькнул, оставив ханский след.
Ессен нашёл здесь эту воду,
Ведь «тук» - вода она и есть.

Как улы во поле домишки,
Сидят во мне Эссендуки.
Я буду пить четвертый номер -
Ведь пьют его не дураки.

Зарисовка 2

Домбай

Дорога на Кисловодск вьётся вдоль долины Прикумка, преодолевая перевалы с изумительными видами, просторами, горными грядами, впереди зелёными, а позади, вдалеке, заснеженными горами Главного Кавказского хребта во главе с чуть заметным Эльбрусом или Эльборосом, как его называл Лермонтов.

Прикумок сменила вначале Кубань, а потом река Теберда. Проехали Карачаевск — небольшой, в одну улицу, городишко, где вполне можно привольно жить-поживать. А вот и город-курорт Теберда, - как гордо заявляет наш гид. Сюда свозили, да и свозят круто больных туберкулёзом. Городок может показаться милым только этим несчастным.

И вот мы в Домбае — теперь уже элитном посёлке, недавно — загнивающим ауле. Элитным сделала его мода на горные лыжи. Гора Домбай идеально приспособлена, вернее, как будто природой специально создана для горнолыжников, сноубордистов и других любителей адреналина. Ну и приспособлена, конечно. Поскольку здесь, в общей сложности, с десятков разных подъемников, действующих уже за высоту 3 тысячи метров. А строятся подъемники ещё выше. Если завтра мода на экстрим не пройдёт, а это не предвидится в обозримом будущем, то «все флаги в гости будут к нам».

Капитал уже куёт тут свои очередные медяки, и дай бог. По-моему, куёт с размахом, со вкусом, активно. Так что сюда надо бы ещё заехать годиков так-эдак через ..надцать. Кафешки, местные рыночки на всех высотах. Специфическая туристско-спортивная атмосфера на одном из самых прекрасных фонов не земле. Фон этот — главный Кавказский хребет: «Не можно глаз отвести!» Мы и не отводили. Из разных точек, высот, ракурсов всё любовались и любовались этой красотой: чарующей, величественной, грандиозной, убивающей суетность и возвышающей тебя вначале до уровня человека, затем Человека с большой буквы, потом — почти до полубожеского состояния, а затем как-то спокойно, незаметно возвращающей тебя в состояние настоящего человека. Замечательное состояние. В горах нужно бывать, чтобы вновь и вновь испытывать эти блаженства. Конечно, мне вспомнились мои горные походы, восхождения, в том числе на Эльбрус с его «Приютом 11» и «камнями Пастухова», вспомнилось освоение гор на беговых лыжах с Вовой и Машей, изобретённый мной вид спорта – спуск с заснеженных вершин на разорванных сзади штанах, песни у костров.

Говорят, Домбай, ты - старый!

Нет! Ты снова молодой,
Ты всегда был величавый,
А сегодня и крутой!

Но элитные хоромы
Не сравнятся с красотой,
Той, что дарят только горы.
Это — божеский построй.

Я не помню все вершины,
Разве — признанный, Эрцог.
Те названья — да, красивые,
Но подводит здесь итог

Не словесное созвучье,
А безумная краса.

Ей подвластны только чувства,
Недоступные для ума.

Я стоял, молча вбирая
Тот, с ворожбою, пейзаж.
Чую — шелуха слетает:
Причастился я сейчас.

Дело было то на Пасху,
Мне послышалось с небес:
«То, что видишь — это счастье,
То и есть — Христос воскрес!»

Зарисовка 3

Железноводск

Очень уютный, очень маленький город-курорт. С трассы Минводы-Кисловодск он видится как некое хаотично разбросанное множество домов в окружении обрывистых холмов Железная, Медовая, Тупая, Острая и, конечно, Бештау.

Город недалеко от Пятигорска, в котором Лермонтов поссорился с Мартыновым, а на дуэль уезжал из домика в Железноводске, чтобы вечером, уже убитым, лежать в домике в Пятигорске. Лермонтов одновременно снимал два домика в двух городах. Однако, когда мы забрались на Машук — Пятигорскую гору, то почему-то Железноводск не увидели. Видимо, он «спрятался» за Бештау.

В нём господствуют две знаменитые воды, названные по имени их исследователей — Смирновская и Славянская. Испив из этих источников, мы спустились по каскадной лестнице. Под мнимый шум падающей минеральной воды по великолепному искусственному быстротоку. Мнимый — потому что задумка была «рублёвой», а воплощение, как всегда по-русски, хреновой.

Среди обрывистых холмов,
И в окружении знаменитых,
Воспетых классиками, гор -
Разбросан городок. Он живописен,
Его хотелось, почему-то, снова посетить.
Славянскую, Смирновскую испить.
И снова на Бештау бросить взор -
Таков Железноводск в сердце моём...
А мы по жизни далее пойдём.

Зарисовка 4

Беседа

Он и она. Стоят, идут,
Беседу кое-как ведут.

Из уст его треп, чепуха,
Оттуда ж залпом — шелуха!

Режим

Подъём. То ванны, то бассейн,
Озон для вен, грязь для колен,
Зачем-то физио с зеркальем,
Массаж — подводный и ручной.

Нарзан для дёсен,
Коктейль для почек,
Гипноз под птичье щебетанье.
Всё, сдох! Ты дальше — никакой!

Упал, проснулся быстро, в темпе:
Пора бежать вам на обед.
Всё залпом запихнул в желудок,
И снова в темпе: ваш билет

Вас гонит на форели,
К водопадам, на конезавод...
Часы дневные пролетели,
Быстрее ужин в рот, и вновь вперёд!
Вас горы ждут в курортном парке,
Онегин вам амур несёт...
В 12 ночи очень жалко,
Что завтра отдых снова ждёт!

Нарзан

В нём по утрам я негой тешусь,
Купаясь в тёплых пузырьках.
Но сердце бедное трепещет:
Перележишь — так дело швах!
Его я пью везде и всюду,
Куда забросит вас судьба.
Он созидательное чудо,
Он сделал эти вот места.

Куда и Пушкины, и Пьехи,
Куда Шаляпины и мы...
Чудесней мало есть на свете:
Здесь горы, воздух и цветы.

В такой безмерной благодати
Старик — и телом мальчуган.
Виною, знаем, очень кстати,
Его Величество - Нарзан!

Зарисовка 5

Подкова ли?

Нальчик или Нальшик? Вот вопрос! То ли «маленькая подковка», то ли «срывающая подкову» - горная речка, текущая в этой равнинной местности. А городок, который мелькнул за окном автобуса, почти сразу за Пятигорском (через границу с проверками (!) - почти другое государство - Кабардино-Балкария) – Нальчик! Между Пятигорском и Нальчиком лишь знаменитые грязевые озёра, чья грязь используется всюду на Кавказских минеральных водах. Здесь с гордостью произносят: Тамбуканская грязь! Звучит в устах местного населения даже большая гордость, чем при слове «Нарзан». Так вот — в грязи мы не измазались, но получали кайф в тёплом (45°) источнике, куда с удовольствием кинулись не столько лечиться, сколько отогреться — в горах дождливо и прохладно. А в горах — прелестные виды у водопадов (Чегемское ущелье), красоты с края теснины (Черек — Балкарское ущелье), синь голубых озёр и их, поистине, Швейцарская аура.

Опять влечение к горам.
 Что здесь ищу? Зачем я трачу время, силы?
 Утёсы только лишь найду,
 Ущелья, реки, красок сини.
 И всё, и больше ничего!

Только чарующую прелесть,
 Суровость, жуть - всё в этом роде.
 И всё же я в горах
 При случае, и при любой погоде!

Зарисовка 6

Пятигорск

По сути, сейчас Пятигорск — город (порядка 200 тыс. населения) вокруг горы Машук (около 1000 метров). Он взял её в кольцо. Мы с женою, с утра до вечера, в один из выходных дней (1-го мая!) прошагали его вдоль и поперёк, точнее, снизу вверх и сверху вниз. Увидели хилую демонстрацию, внушительный размах праздника под эгидой туристических фирм с разыгрыванием халявных путёвок, облазили весь знаменитый «цветник» с его ресторацией, Лермонтовскими ваннами и галереей, источниками, ушли ввысь к Китайской беседке, орлу, Академической галерее и знаменитой Эоловой беседке, а потом и к не менее знаменитому «Провалу».

На Машук забрались с помощью канатки, а обратно на своих карачках по чёрт-те какой тропинке, на какую завела меня жена. По замечательной каштановой аллее (а каштаны все в цвету) на проспекте Кирова мы дочапали до электрички (по ней же, по аллее, мы буквально порхали утром в обратную сторону).

Готовя в Пятигорие десант,
 Мы громкой читкой взяли «Княжну Мэри»,
 Как близок стал мне это фолиант -
 Он настезь распахнул к поэту двери.

Его за что-то с детства уважал.
Может, за то, что чувствуя, не знал?
Сейчас, побыв в том доме где убит,
Где ссоры затевались шутейно,
В местах, где Мэри томный вид
Лишь раздражал Печорина безмерно,

Немного юношу поглубже я понял,
Соединив с Тарханами, наверно:
Себя он беспощадно изучал
И нам на суд оставил. Безсистемно

Брожу я по его местам,
Гляжу крыльцо, где он работал,
А вот здесь гроб его стоял -
И, право, мне ведь жить охота!
Кто уж на пенсии давно!
А он как будто уж изжил.

Неужто у поэтов ремесло,
Что год за три?! И нет уж сил,
Не нашего он времени герой -
Сегодня юноши — как деточки, порой!

Зарисовка 7

Кисловодский коктейль

Он — лидер, признанный в курортном ремесле.
Виною этого — изысканный коктейль,
Замешанный на совокупности природной,
Я б не сказал, что слишком благородной,
Но актуальной ныне и доступной всем вполне.

Коктейль из чистого со вкусом аэро,
Конечно, гидро — пышущий и пузырящий.
И фито — везде и всюду так искрящий
Цветною зеленью: какое полотно!

И терренкуры - вверх и вниз,
Даря чарующие глаз просторы.
Уместны лишь о высшем разговоры,
И... отступает тут же нервный криз.

Повсюду просветлённые лишь лица,
И учащённо бьют сердца,
Всё это изготовлено с участием творца.

Я это пью, пью, пью — и не могу напиться.

Гора «Кольцо», воспетая стократно,
Она в коктейль привносит кое-что своё,
Романтику, быть может, тайну! Такое ремесло
Неизлечимое лечило многократно.

Замок «Коварства и любви»
В огонь лишь масло добавляет.
И то, что дева изменяет,
Лишь будоражит нерв в крови.

Коктейль не лечит — исцеляет,
Он благородства прибавляет,
Он молодость душе внушает,
Здесь старость — просто исчезает.

Зарисовка 8

Курортный калейдоскоп

Курортный парк

«Жемчужина курорта» - про него.
Сродни Швейцарии - пока там не бывал.
И птицею здесь часто ощущал,
Которой больше и не надо ничего!

Арабские скакуны

Коней, известно, делают в заводах.
И вот на фоне Машука
Мне встретился табун на водах.
Залюбовался я при виде рысака!

Какая стать, какая рысь,
И хвост, и грива, и осанка.
Мгновенье — ты прекрасное, остановись!
Искусство это — самой высшей планки!

Шаляпин

Всегда любил я этот «бархат»,
Какой-то иноземный звук.
Но только здесь сегодня понял,
Что гений он из первых рук.

Его музей поведал жизнь.
О ней я слышал. Здесь проник!
Он и художник, и писатель,
И скульптор, музыкант... Мужик!

Умел любить, растить детей,
Во всём был признан, всё достиг!
На здешней даче понял я,
Что, может, выше нет наград,
Чем званье русское — мужик!

Художник

Я в Лувре был, и в Эрмитаже,
Д'Арсе, Брюссель, Ван Гог и Прадо.
Но вроде б и не слышал даже,
Что Ярошенко есть. Но рад был,
Что время выкроил, в усадьбе навестил.

Увидел: портретист, что надо.
Но, главное, он флигели взрастил,
Где передвижникам везде все были рады.

Усадьбы русские! Вас много видел я,
Не надоело, тянет даже очень
Какою-то высокой простотой.
Смотрюсь, как в зачарованную осень.

Форель

Царь-рыба здесь. Она везде:
И на стремнине в горной речке,
В горах, на сковородке, вертеле,
В любом кафе на гриле и из печки.

В форелевом хозяйстве — толчея,
Здесь иногда сама саму сжирает.
Её здесь доят, кормят, делают уху,
Которую туристы поглощают.

Среди вот этой круговерти
Я встретил с детства ту, царицу.
Не выдумал, да, встретил, уж поверьте,
Не рыбу будто, а жар-птицу.

Тут белорыбица играет
Впервые в мире здесь, в неволе...
И детства аура витает...
И слаще чувства нет уж боле!

Любовь

«А кто тебе вот эта дама?
Не может быть! Жена? Жена?
Тогда за ручку зачем держишь?
Целуешь, обнимаешься? Дела – а -а!

Да не поверю никогда,
Что эта дама Вам жена!
Ведь вся цветёт она в улыбке,
Она красива и юна.
И после этого мне скажешь,
Что это может быть жена?!»

Такие речи ежедневно
Здесь повторялись вновь и вновь.
Я скромно пожимал на то плечами:
А как иначе? - Ведь любовь!!!

Терренкур

Под щебет птиц, под бельчий взгляд
Идешь, прохладой напоенный,
Какой-то силой потаённой
Проникнут. И всему ты рад!

Вдали — заснеженным горам,
Внизу — ухоженным долинам,
В округе — скалам - исполинам.
И краскам леса. Всем воздам!

Ведь много этого во мне.
Оно проснулось в терренкуре.
Готов всегда быть в этой шкуре
И раствориться в вышине.

Духовой оркестр

Шикарный зал. В углу оркестр
И он, представьте, духовой.
Мы за столом в каких-то креслах.
Коньяк, лимон. Вот взмах рукой,

И зачарованные звуки
Всех окатили с головой.
В них смесь романтики и грусти,
В них и веселье и покой.

Сорвало что-то нас из кресел

И в вихре вальса унесло.
И так скажу вам, если честно,
Нас здесь немного занесло.

Сорвали мы аплодисменты,
А нам всё мало, мы ещё.
Вот в пляс пошли другие пары,
Достал звук всех, и прорвало.

Высоким вечер получился:
Оркестр, паркет, шикарный зал.
Мы на курорте уже примы -
Нам, почти каждый так сказал!

Серебряный северо-западный набег. 7-21 июля 2013 г.

Прелюдия

25 лет совместного пути, бок о бок на работе и дома, почти всегда вместе в путешествиях. И нет усталости друг от друга. Наоборот, с годами всё больше притяжения, желания быть вдвоём, взять за руку, прижать к груди. Жизнь подбрасывает много чего, что растаскивает друг от друга. Но уже выращено противоядие от этих процессов – внуки. Они здорово склеивают, шпаклюют трещины, залечивают раны. Они помогают делать жизнь праздником, наполняют её совершенно другим, отличным от рабочего смыслом и содержанием.

Вот и получается, что к серебряному пьедесталу я подошёл с райским ореолом. Ведь, кроме того, любим и уважаем детьми, имею меньше врагов, чем друзей. Каждый, кто услышит такое, скажет – повезло с женой. Такое сложить вместе сможет только любящая жена. И будут правы, с одной поправкой: любящая и любимая жена. Признаю, горжусь, рад. Дарю ей, стремящейся к комфорту, прыжок в глоухомань, в природу. Тем более, что это её выбор.

Поморы Архангелогородские

Начну с самого областного центра – града Архангельска. Есть один интересный вид сверху. С полёта птицы вид на Архангельск: почти точный полукруг береговой полосы Двинской губы, широченный простор Северной Двины; в центре полукруга – единственное в городе высотное четырёхугольное здание, у подножия которого разместилось всё остальное. Так видят птицы, а люди, прогуливаясь по набережной, встречают камзольного Петра Первого, богоподобного Михайла Васильевича Ломоносова, носителей семейного очага Петра и Февронью, которые в свой праздник одарили нас съёмкой по местному телевидению со всеми пятью внуками, там же вечный огонь, мемориальные комплексы от гражданской до второй мировой, гостиные дворы, морские и речные вокзалы, храмы достроенные и недостроенные. Перпендикулярно берегу отходят улицы, одна из которых – пешеходная. Здесь собрались Иван со своей шукой, местный сказочник Писахов, деревянные дома Архангельской архитектуры (монументальные, двухэтажные, обшитые досками без особых изысков), немного колонных строений, в целом составляющих успокаивающий патриархальный колорит с одурманивающей аурой свободного времени, которое будто бы и не знаешь куда девать.

В прошлое архангелгородцы обращаются с упоением, с придыханием. О настоящем говорят скупой, а про будущее и не заикаются. В лучшем случае говорят: тупик. Под этим есть серьезные основания. В

прошлом поморы многое умели, поэтому из моря брали всё, что там есть – и рыбу, и зверя, и морские водоросли. Из леса тоже всё что могли – брали: пушнину, грибы-ягоды, зверя, древесину. Да и земля им давала всё, что могла: зерно, брюкву, морковку, капусту, картошку. Болота – и те кормили ягодами, утепляли мхом.

Сегодняшние архангелогородцы ничего не умеют, кроме как гордиться прошлым. Но хотя много, а много никто за незнание не даёт – дураков нет. Что же теперь делать, что ждёт впереди? Тупик!

В тупик не хочу, хочу с упоением в прошлое. Например, в Малые Карелы. Музей деревянного зодчества, сотни объектов древних мастеров, где жили, работали, молились; чем жили и работали, почему и как молились. Бедняки, середняки, богачи. Не кто смел, тот съел, а кто умел, тот и ел! Великолепнейшие виды Швейцарского толка, только без гор, но с речками да оврагами. Пирог с целой неочищенной запечёной рыбой, кулебяка с костями – одно из самых распространённых блюд.

В Пикалево – другое блюдо: форель из садка, в котором рыб столько, что съедят тебя, если туда упадёшь. Это бизнес следующего толка: арендуешь озеро, выставляешь садки – метров 5 в диаметре, запускаешь туда купленного малька, кормишь его, холишь, растишь, продаёшь. На полученные деньги ещё покупаешь молодь и т.д. Тут же – костёр, пожарили, сварили уху, искупались, съели помахали ручкой. Бизнес освоен!

Заехали в районный музей. Кулик Михаил стал хвалить своё болото (район): смотрите, какие были поморы – лучшие и первые лодчана России! В в этой деревне было лодчанское училище, а в другой деревне – мореходное училище: штурманы, кормщики. А в этой – водоросли добывали, а в этой – соль топили, смотрите какие солеварни. А сейчас? А сейчас, если выделят Федеральные деньги, то мы... мы... Построили под носом берестяную фабрику, о которой слышали, но не видели. Под тем же носом разместили козюли, которые тоже не видели, но слышали. Впрочем, всё что видели – наше, что под носом – тоже наше, только понаслышке. А что не наше, так пусть Писахов, которого мы за монету купили, идет и отдувается, а нам и того хватит, и так хорошо – хорошо, что на Соловки захотелось. Так мы в самолёт-то и прыгнули, и на пропеллере – представляешь – улетели. Бывай здоров – Архангельск, хороший ты мужик... был, да может ещё станешь – не горюй! Ведь и рядом с тобой есть мужики что надо. Новодвинск, например, со своим деревообрабатывающим холдингом. А Северодвинск – центр атомного судостроения. Какой мощный завод, какой социалистический город, со своим Лениным, со своей набережной, пляжем, скорбными памятниками от войны до Курска. Город и завод на болоте. Так сказал товарищ Сталин – так и сделали. Теперь болотом и не пахнет.

Прикупили сувенирчики Юрию Петровичу – северодвинскому водолазу – в честь его 75летия и простились с Северодвинском навсегда.

Самолёт коснулся земли, пропеллер перестал вращаться и мы сошли на Соловецкую землю. Тут же нас подхватила моторная местная девушка и отдала в монастырь. Его я помню уже 25 лет, а он всё такой же – облупленный, в лесах, не ухоженный, но мощный. Возник он здесь как первый представитель Московского княжества на Новгородской земле. Форпост Москвы на северных землях, своеобразный знак падения Великого Новгорода перед златоглавой Москвой.

Назначение форпоста, скорее, не военное, а демонстративное. Лучше всего для этого подходит монастырь. Поэтому здесь «чудесным образом» оказались сначала 2 монаха, срубившие себе избу, а затем на крестьянском крепостном горбу возник и монастырь. Сейчас, да – облупленный, неухоженный, в лесах, тратящий на свою реставрацию миллиарды наших денег, но как же он величественен издали, с моря! Красавец, сказочный красавец, что не в сказке сказать, а пером-то и вовсе! Это мы наблюдали и во время фотоохоты за белухами, которые в этот период при отливах подходят в одну точку – мыс, названный в их честь Белужьим.

Не могли оторвать взгляда от монастыря мы и с Заяцкого острова – этакое мистического острова, который весь покрыт таинственными знаками – лабиринтами, нагромождениями разной конфигурации, разной формы неизвестного назначения. По-видимому – ритуального. Этот остров – не меньшее чудо, чем величественный монастырь. Встречали мы по миру разные культовые загадки, но чтобы целый остров – это уж чересчур. А Заяцкий именно таков! Вообще-то, Соловецкие острова славятся чудесами. Те же Бе-

лухи - не дельфины, не киты позволяют себя изучать с берега, демонстрируя свои плавательные способности. Такое явление только ещё где-то у берегов Канады.

Ламинарии - морские водоросли - как мелкие солёные огурцы, связанные одной лепестковой нитью. Косят их специально косой на глубине 6 метров, сушат и делают кремы, зубные пасты, мармелады, спа-процедуры. Творят чудеса, да и только!

Дамба – старейшее гидротехническое сооружение, мост между двумя островами. Задумал его и реализовал Колычев - друг Ивана Грозного, знаменитый солевар, дающий почти 1000% прибыли, создатель единой озёрно-канальной системы на Соловках для водоснабжения монастыря.

Проехали по скитам: Секирный – ягодный, Савватьевский – овощной, Исакиевский – рыбный. Посмотрели природные чудеса и человеческие трагедии - от царских до Сталинских времен, времен Мировой войны. Школа юнгов, находилась в землянках, откуда выкатили огромные камни. Обучались пацаны 12-16 лет, погибавшие на торпедных катерах, что смертники. Всюду натыкаешься на знаки трагедий разных лет – кресты. Отсюда и беглый Никон – тот ещё реформатор церкви, здесь и Пикуль – юнга, юнга – Штоколов (бас), и действительно святые Герман и Зосима.

Олег – учёный, экскурсовод убедительно доказывал, что многие общероссийские преобразования корнями уходят в Соловки.

Это:

- захват, рейдерский захват Москвой северных территорий Великого Новгорода;
- деяния Иоанна Грозного через Федора Колчева – Соловецкого;
- начало смутного времени, связанное с именем старца Озерского, чьим именем назван один из Соловецкий островов;
- основание Питера путем военной операции из Соловков на крепость Орешек, организованной Петром Первым;
- Никоновская реформация русской православной церкви;
- и т.д. и т.п.

Всё документально, научно, как и с мистикой в этих краях.

А для меня - что означает слово, понятие «Соловки»? Очень интересная часть Земли Русской, которую желательно посетить каждому русскому. Здесь как на ладони видны и дурь, и гений русского народа. Низко кланяюсь тебе – суровая, достойная познания земля!

А теперь о мирском, бытовом так сказать. Уха рыбацкая, салат из беломорских водорослей, треска, тресочка, соловецкая селёдка, зубатка, ковач, грибочки соловецкие, морсы клюквенные, брусничные, черничные, малиновые, голубичные, хлеб монастырский – вот чем пришлось питаться здесь! Жена вскричала – как же мы в Москве теперь жить будем? Народ живет бедно, не нищенствует, но и не шикует. Каши, картошку трескает за милую душу. Мы трескали всё, что давали. Даже мидии из мидийного банка – набрали прямо с лодки зюзьгой, поджарили на противене на костре, и с лимончиком и водочкой - за милую душу!

Есть ли у Соловков будущее? Безусловно. Турист сюда едет со всех, в том числе, из заморских сторон. Так что Степашин здесь не зря нам повстречался, ухо по ветру держит.

Катер перебросил нас из Соловков мимо архипелага Кузова в населенный пункт Рабочеостровск, а оттуда – в г. Кемь на поезд Мурманск – Санкт-Петербург. Неведомый доселе маршрут по северо-западу страны.

Брусника, ягель, лес и валуны,
Озёр торфянистых изгибы.
Природа – радуется глаз,
Идут высокие поэмы

О Родине, о вечном, о былом!
Тебя всё это нежно заполняет
И эта призрачность, что дух святой

Как в детстве по тебе витать!

Но тут же грязь, разруха, вонь -
Тебя разплющевают быдло:
Что человеческой рукой
То столь греховно, больно, стыдно

Эх, человек! На Соловках
Великое всё завалил дерьмовым.
Обильно кровью обагрил
Крал и крадёшь! И не целковый

А миллионами крадёшь!
На это смотрит мать-природа
И будто стыдно ей за нас
Детей бессовестных, уродов.
И всё же мать своих детей
Пускай, беспутных, свято любит.
Где взгреет штормом и дождём,
А где и рыбкой приголубит

Так и бегут, бегут века
На Соловках на непутевых.
Ещё выносит мать-земля!
А мы всё те ж - в делах греховных.

Да, вынужден констатировать, что «дела греховные» на Соловках торчат изо всех ушей. Цены задраны на порядок, стяжательство видно на всех уровнях, духовные грызутся с музейными, народ пил и пьёт. Пророчат переворот, смутное время. Ад, человечество, куда-куда вы покатались?

Одно радует – природа, наша мать, всё ещё великолепна! И мы в ней растворились настолько, насколько позволяли время и возраст. Купались в торфяных озёрах и море, бродили по валунам, ягелю и ягодникам, гоняли на велосипедах от Причала к Посёлку и Длинной Губе, плавали на лодках от резиновой до карбаса, кораблика, корабля, кормили чаек из рук, наблюдали за морскими ласточками, что прилетают сюда из Антарктиды, да и за другими птицами, что в множестве обитают на Соловках.

А люди? Да, мы все разные, кого только не встретишь на туристической тропе. Вот под шум корабельного мотора две петербурженцы, намоленные Соловками, пытались убедить нас в силе молитвы, а мы наехали на них, что они раскольники, ведут антирелигиозную деятельность, пытаюсь молитвами украсть наше время от внушек. Во время этого разговора жена продолжила в моём боку дверцу – боялась, что перегибаю, но намоленные, наоборот, хохотали, а одна из них вдруг стала взхлёб читать свои, проникнутые богом, стихи. Захотелось ей поделиться сокровенным. Мужик из следственного комитета с молодой по счету пятой женой смачно рассказывал, что они по знакомству устроились на Соловках в комнате, через которую дерьмо пролетало сверху вниз, смачно шлёпая и воняя жутко! При этом довольно хохотал и приговаривал, что они с удовольствием купались в том озере, куда дерьмо непрерывно стекало, а молодуха из Чувашской глуши всё поддакивала ему да про староверцев рассказывала, что в этой глуши испокон века так водилось, водится и будет водиться, ибо «очень полезно»!

На Соловках - люди отовсюду, со всего мира! Вот эти – англичане, а эти – из Владивостока! Да, разные мы, разные, все по отдельности прекрасны, а вот вместе что-то неважно получается.

А вот и Питер подоспел. Даже, можно сказать, предстал! Может, после Соловков, может просто отдохнувшими приехали, но Питер показался нам блистательным. Не только красотой своих дворцов,

каналов, простором Невы, золотом соборов, неожиданной новизной Невского, но и какой-то не русской организованностью и удовлетворением потребностей публики! Ни дать, ни взять – международный уровень туризма! И сразу: лучший город Земли. На этот раз мы его облазили пешком по новым для нас маршрутам, которые предлагают путеводители: мистический, легендарный, островной, террористический, центральный. Эти маршруты соединены негромкими фактами, типа «здесь слонов купали», здесь Распутина кокнули, здесь Софью Перовскую арестовали, а здесь вообще Чижик-пыжик поселился.

Мы честно прошли по всем маршрутам, в результате пешим охватили Юсуповский дворец, Исакиевский собор, Медного всадника, Дворцовую площадь, Адмиралтейство, Академию художеств, Румянцевский дворец со сфинксами, Кунст Камеру, стрелку, Мраморный, Строгановский дворцы, Невский, Казанский... Кстати, в Казанском покоились мощи Андрея Первозванного – очередь измерялась километрами, всё перекрыто, а туристу – благодать, гуляй по Невскому свободно. Неспешной рысью мы взяли не только легендарные маршруты, но и Петергоф, Русский музей, Мариинский новый театр.

Петергоф отделали с иголочки – от Самсона до Монплизира, цветы, фонтаны, оркестры, мороженое, иностранная речь. Русский музей, в котором я оказался первый раз в жизни, удивил тем, что очень много картин мне хорошо знакомы: от Сватовства майора до Куинджи с его ночными пейзажами. Оказалось, что картины Русского музея мне много ближе, чем Дрезденские, Луврские, Эрмитажа, Мадридского Прадо. Буду в Питере – ещё зайду в Русский музей на Бенуа, на которого не хватило времени.

Мариинский Спартак, который мы скушали на закуску в новом здании театра, оказался не Спартаком и, тем более, не Красом, а балетом о роли женщин в судьбе мужчин-героев всех времен и народов. Как одно мгновение пролетел Питер, как и поездки по Северной Венеции с Грибоедовским каналом, Мойкой, Фонтанкой, Обводным каналом, Неве, Финскому заливу. Повторение прошлого на новом уровне Санкт-Петербурга. Стоило, всё же стоило 25 лет нести бремя супружеской жизни, чтобы ещё раз порадоваться встрече с творением Петра!

Очередная «смена блюд» и мы разглядываем неведомый нам город – Калининград, окружённый чужестранцами со всех сторон. Жители довольны таким окружением. В каждой стране свой праздник, свои законы и, самое главное, свои цены. У всех постоянная виза в 150 км зону, все знают, куда надо ехать за молоком, за мясом, за бензином и т.п.

Экономический союз на взаимовыгодной основе – лучшая форма дружбы народов, настоящий связующий элемент, почище яичного желтка. Так что простые эстонцы, литовцы, латыши, поляки, русские из Калининграда связаны воедино переходами через границы за добротными дешёвыми товарами. К нам ломятся за бензином. Туристический опыт обеспечил нас путеводителем, картами и мы пошли «по чуху» круги мотать и для туристических надобностей «дело пытаться». Центр города не большой, но вполне достойный для такого города.

Достойный вид делает новодел, застройка 21 века. Обустроены нижние и верхние пруды с Пионерским парком имени Людмилы Путиной. Там и гулять приятно и глаз радуется. Площадь Победы удачно сочетает в себе соборы с мэрией, магазинами, развлекательными центрами. Здесь всё, как и везде в городе. Перемешалось немецкое с русским. Следует констатировать, что немецкое радует глаз больше русского. Думаю, именно поэтому на берегу реки Преголь, на месте рыбного базара воссоздали рыбацкую деревню. Милый чисто немецкий вид, добротный новодел с пристанью для катеров, один из которых был предоставлен в наше распоряжение и прокатил до грузового порта, мимо трёх островов, когда-то бывших отдельными городами, мимо научного судна «Витязь» – он здесь нашёл своё вечное место, «космонавт Пацаев» тоже музейный экспонат. Грузовой порт выглядит внушительно, далее – рыбный порт, но... нас туда не пустили – секретка - развернули катер и мы лишь услышали, но не увидели, что это путь в Балтийское море для судов любого класса.

Общее впечатление от Калининграда: хорошо, что в его лице ещё сохранилось много немецкого, кенигсбергского. Добротный новодел стал подделываться под Кенигсберг и это выглядит интересно, привлекательно. Помесь русского с немецким приводят к чему-то новому, вполне привлекательному для глаза.

Есть целые районы, утопающие в зелени, состоящие из коттеджей, типа одноэтажной Америки, но

в русско-немецком варианте (с большей землей вокруг и прусским орнаментным входом).

Помесь русского с немецким проникнута и вся архитектура Светлогорска - Раушена (шелестящего). Этот городишко сразу стал развиваться как курортный немецкий город. В центре - тихое озеро, за которым корейская деревня. Между озером и морем – курортная часть, с центральной улицей, облепленной янтарными киосками и улицами, идущими от озера до моря через холм, высотой метров 50. Почти все строения добротные, задуманные и устроенные немцами, русские умело поддерживают и развивают. Сейчас уже - новые русские и ничуть не хуже немчуры. Но, по истине: что для немца хорошо, то русскому смерть. И эта смерть – в деталях. До немецкой вылизанности, нам также далеко, как немцам до нашей неухоженности. Как бы красиво, добротно не было сделано что-либо, вокруг обязательно бардак. Это наше и даже больше скажу – и моё тоже.

Но, вернемся в Калининград.

Хочу провести такую параллель. Кенигсберг – назван так в честь короля, который здесь никогда не был. По сути, Кенигсберг – город Эммануила Канта («звезды в небе, а бог в тебе»). Он здесь родился, здесь жил (вот на этом месте, где пересекаются трамвайные пути), здесь гулял (вот скамейка, где он любил сидеть и где сейчас его трость и шляпа, которые он забыл), здесь показывал примеры (вот тот замечательный собор, в который он не входил, считал, что бог в себе), здесь и умер (вот могила у того самого собора). В этом соборе для нас звучал орган. Кант, орган, собор – визитная карточка города, вид на реку и, с иголки рыбацкую деревню, на русскую биржу, где некогда продавали в Европу зерно – все это высоко и достойно, все это на маленьком островке, который был когда-то городом.

Вокруг него было семь мостов и знаменитая задача – можно ли их обойти так, чтобы ни один из них не проходить дважды.

Так родилась теория графов Эйлера, которая и теперь лежит в основе задач прокладывания маршрутов, логистики, хотя в данном конкретном случае получен отрицательный результат, но архиважно, что он получен.

Другая ветвь параллели в том, что Калининград также назван в честь Михаила Ивановича Калинина, который здесь никогда не был. Но правда, человека типа Канта больше не наблюдалось в Калининграде. Однако, есть не меньшее Канта – музей мирового океана, возвращенный на энтузиазме его директорши. Этот музей сумел собрать экспоненты, водоизмещением в тысячи кубометров мирового уровня: ледокол «Красин», научно-исследовательское судно «Витязь», первым составивший карту дна мирового океана с ледниковой впадиной, «Космонавт Пацаев» до сих пор управляет космической связью, подводная лодка, рыбацкие трейлера и т.д. и т.п. И сейчас музей на взлёте, с новыми необъятными планами. У экскурсоводов горят глаза, думаю, не только от энтузиазма. Так что Калининградской истории есть чем гордиться, хотя она в 10 раз моложе Кенигсбергской.

Кажется, можно подводить итоги. Наш форпост на Западе, заноза в центре европейских недругов и русская душа для наших европейских друзей показался нам ... Да, как же он нам показался?

Люди – наши, русские, мало кто видевшие Москву, но хорошо знающие Польшу, Прибалтику. И все же они любят Россию, и никто даже не заикнется о суверенитете или присоединении к кому-либо. Ненависть к немцам со временем угасает, но в дружбу перерастет еще не скоро.

Город – вместил в себя 2/3 жителей области, которых в общем миллион. Сейчас на подъеме, но было так хреново в 90-е годы, что подниматься надо долго. Но планов граמודё: «Приезжайте к нам в 2018 году, будет город – сад!».

Область нужна России очень. Поэтому у Светлогорска – курортное будущее, у Балтийска и Приморска – военно-морское, портовое, торговое, рыбацкое будущее, у Янтарного – янтарное и будущее, и настоящее. Мы там были, янтарь добыли, домой увезли. Янтарь всюду в области на каждом шагу, как золото в Америке в период ее освоения. Видно, что озабочены туризмом. Туризм держится на истории, а она прусская. Так объективно уходит ненависть к врагу и приходит бережное отношение к его истории. Надо восстанавливать то, что взрывали, разрушали.

Ну а если Петр первый побывал, да еще инкогнито как бомбардир Михайлов, то даже если от замка Шаакен осталась одна стена, то и так сойдет. Во дворе разожгли костер, расставили столы, сварили пиво,

купили пару лошадей и двух рыцарей. Дело пошло. Хозяева и гости друг другу рады.

Используются все природные аномалии. Наметало большую косу – Куршскую. Отделяет море и пресноводный залив. По ней проходит граница с Литвой. Вот Россия, вот Литва, вот танцующий, он же пьяный, он же больной лес, поселок Рыбачий пропах копченой рыбой, а Питерские археологи пропахли птицами, бесконечно кольцуя их в своей самой большой в мире ловушке.

Птицы птицами, но есть и Бродский в Балтийске – типичном военно-морском городке, есть Гофман со своими сказками в Калининграде и Светлогорске, есть Шредер и Путин, которые родили прекрасный орган, Медведев, чье имя связывают с прекрасной дорогой, в т.ч. к президентской резиденции.

И все же главное действующее лицо – Балтика. Всегда штормит; купанье в нем – борьба с волной, кто кого. Но куда уж человеку в это борьбе. И все же нет побежденных. Выходишь из моря потный, но бодрый. Свежий воздух добавляет бодрости, и ты молодеешь на глазах.

P.S. Вот и закончился серебряный набег. Набег удался. Жена рада, я живой. Жена в первый день набеге приобрела розу в Малых Кораллах, да так с розой в руках и пропутешествовала. Я был всегда при ней, охранял, убажбал, развлекал настолько, насколько мне позволяли мои года и мой эгоизм.

Орловские изразцы. 11-13 июля 2014 г.

Парк «Дворянского гнезда»,
Бюст Тургенева смотрится в Орлик,
Беседка на круче стоит,
Лизин дом, ограждённый забором

Это всё запросило перо.
На скамейке дворянского стиля.
И меня понесло-унесло,
И в душе, по-особому, мило!

По-тургеневски, я бы сказал:
Обволакивает и волнует,
Что-то смутное, будто любовь
Обветшавшее сердце балует.

Здесь коснулся Тургенева лишь уголком,
А в гостях побывал у Лескова.
Не осилил, гимназий никаких не кончал
Ну и что, ну и что здесь такого!?
Математика – бич для него.
А жена, обеднев, сумасшедшею стала
Но тогда – шоколад, юмор, вдовы и гнев,
На таких, кому в жизни всё мало, и мало.

Сам Лесков - не Лесков вовсе:
Некий Буш незаконно рожденный.
Я язык его очень любил.
Русью я от него зараженный.

Музеи писателей, известных людей очень похожи друг на друга (прихожая, гостиная, кабинет, библиотека). Различает их бедность – богатство. У одних всё мало отличается от крестьянской избы нашего времени, у других – усадьбы, которые, впрочем, тоже похожи, если не по архитектуре, то по духу. К первым относятся Орловские: Леонид Андреев, Николай Лесков и Всероссийские Бунин, Репин. Ко вторым – Лермонтов (Тарханы), Рахманинов (Ивановское), Глинка (Смоленск), Грибоедов (Смоленск), Толстой Л.Н. (Ясная Поляна), Толстой Алексей, Тютчев и вот Спаское-Лутовиново – Тургенев.

Пища духовная, созданная этим созвездием, дорогого стоит. Вкушали мы эту пищу на Орловской земле в изобилии. Леонид Андреев показал нам свой кров, где вырос в любовной благодати своей матушки. Николай Лесков, как очарованный странник познакомил нас не только со своим музеем, но и с гимназией, которую не смог закончить из-за математики, со своим «углом», который снимал неподалёку, в том числе, от своего шикарного памятника, где сидя глядит с такой лукавой добротой на людей в окружении своих героев, своих левшей, попов, городских, что, лично мне, даже несколько стыдно стало, что не очень-то с ним знаком.

Вернее, не очень знаком с его героями, подзабыл, но вот ощущение Лесковской прелести так и ношу в себе с его «ляпота, ляпота-то какая!»

С Тургеневым у меня особые взаимоотношения. Это единственный писатель, к чьим произведениям я периодически возвращаюсь и всегда читаю с ещё большим удовольствием. Хотел написать, что он больше всех оставил что-то во мне, потом устыдился: откуда тебе знать, кто чего намешал в тебе. Я же действительно люблю и Толстого, и Алексина, Чехова и Шолохова, Есенина и Астафьева, Маяковского и Нагибина. А французы, а англичане, а американцы и прочие норвежцы – шведы! Разнообразна духовная пища. Не определить часто, что ты любишь больше – пироги или окрошку? А тут – Тургенева или Бондарева. Нет, так ставить вопрос не буду, но факт – перечитываю только Тургенева, да ещё Есенина!

В Спасском-Лутовиново я не нашёл для себя чего-то необычного.

Всё как в Михайловском, Ивановском, Тарханах и т.д. Но, конечно, рад, что побывал, узнал, что это такое, а любят эти места те, кто здесь вырос. И это ещё один прекрасный и глубокий закон природы

Теперь о пище исторической. Городки Одоев (6 тыс чел), Белёв (14 тыс чел) – бывшие пограничные крепости, «засечные» города. В них – микроскопические аляпистые экспонаты и энтузиасты-экскурсоводы, взхлёт восхваляющие местные красоты в краеведческих музеях, историческое прошлое среди почти полной разрухи и бедности, граничащей с нищетой.

Как-то блекнут красоты природы, когда на них созерцаешь среди нищеты. Ощущение такое, как в случае, когда голодному дарят цветы.

Но... надежда не умирает. Всё будет о, кэй! Когда? И тут смолкают музы и говорит разум – надемся, что наши дети застанут.

Кроме «засечного» прошлого, купеческое прошлое: дуб с захороненными внутренностями императрицы, монастыри, делавшие «погоду», в том числе – экономическую в округе.

Городу Орел – 450 лет, на стрелке рек Ока и Орлик, третья литературная столица России. Город, оставшийся в руинах после войны.

Ныне, довольно ухоженный губернский город в 300 тыс. чел. Памятники (Тургенев, Бунин, Лесков и др.), заросшие спуски к рекам, пешеходная улочка, площади, загаженный старинный парк, Бразильский футбол на площади и некая приятность – вот что осталось от Орла.

Экологическую пищу вдыхали в «Орловском Полесье», пройдя 1,5 км по экологической тропе в лесу на площади 700 тыс. га!

Покормив комаров, посетили местный зоопарк и дачу губернатора Строева. Пока ехали из Орла в Полесье любовались на поля, засаженные пшеницей, кукурузой, горохом, рожью, подсолнечником.

Ощущение такое: Орловская область – житница, Тульская – мертвые деревни.

Заехали в Болохов (6 тыс. чел) Такой же, но лучше сохранившийся купеческий город, поразивший меня обилием храмов и их красотой, под которыми притаился В.И. Ленин и занял своё достойное место Апухтин.

Два слова под занавес:

Моя родина родная
Как просторна, как бедна,
Но пронзительно любима,
И до ужаса близка!

Мастер Тула. 8-10 января 2015 г.

Умом Россию не понять!
Неужто пить и есть, гулять
Возможно две недели?
Возможно, говорит народ
Не все еще доели...

Чего-то не хватило нам
И вот уж мы в дороге.

Колеса будто шепчут что,
А штурман сладко спит!
Жена ведет свое авто ...
И Тула уж в окно стучит.

Ну, наконец-то нашел я в России город, где гордятся, в первую очередь, мастеровыми и мастеровитыми. Конечно, в первую очередь - оружейниками. Тульский оружейный завод, конечно же, пошел от Петра Великого. И ему здесь и памятник прямо перед входом в проходную Тульского оружейного завода, и бюст у музея с оружием, который даже меня, совершенно равнодушного и ничего не понимающего в оружии, привел к чувству гордости за туляков, за Россию! Мосин, Дегтярев, Макаров, Калашников и еще десятки знакомых фамилий!

Ни слова от туляков, что, мол, все развалили, работы нет. Ощущение: живой город - трудяга, умеющий работать, умеющий чтить тружеников, и не только оружейников, но и жестянщика, пекаря, кулинара. Отсюда и слава Тульским самоварам с музеем этому прекрасному душегреву, славящему династии Самоварного дела и где представлены от микро до супер самоваров. От простых и дешевых, до сложных и дорогих.

Отсюда и слава Тульскому прянику. В музее этого печатного изделия представлены формы, которым более 600 лет. Похоже даже из изложения пряничной истории, что сначала возник пряник, а потом уже человек. Может быть! Разве неандерталец не оценил бы печатного пряника фабрики «Старая Тула»? Венцом почитания мастерства, как такового, конечно, является Левша! Он устроился у главного моста через Упу, между оружейным заводом и музеем оружия, который вышел из стен Тульского Кремля и перебрался к Демидовым. Не под их защиту, а отдавая должное династии, сделавший Россию индустриальной.

Уважение к мастерству мы почувствовали еще и еще раз, когда побывали дважды в драматическом театре. Основа сюжетов пьес была об одиночестве в деревне, о бизнесе и распутстве. Актеры играли с душой, а знак уважения к их ремеслу ярко проявлялся в конце спектаклей, когда зал приветствовал артистов стоя и никто, ни одна живая душа не покидала зал до окончания поклонов.

Об окружающей природе туляки говорят довольно сдержанно, но с любовью. Таков краеведческий музей.

Другое дело – мастера слова и вершина этого мастерства – Лев Толстой.

Он стоит огромный перед входом в центральный парк, смотрит на центральный стадион и вело-

трек, которому почти 120 лет. В простой толстоватой одежде с бородой, вызывающей уважение и трепет перед этой глыбой мирового масштаба! С его буднями мы познакомились в усадьбе «Ясная Поляна». Почти уже написал – в его усадьбе. Но эта правда - почти правда. На самом деле она досталась ему, как младшенькому внуку Левушке от деда по материнской линии Волконского. Здесь родился, учился в Казани, работал недолго в Туле, но, поняв свое писательское предназначение, бросил эту работу. И писал, писал, писал свои «Войну и Мир», «Анну Карелину», «Воскресение», трилогию «Детство. Отрочество. Юность», «Севастопольские рассказы» и т.д. и т.п. Иностранцы до сих пор едут к нему в гости, в его скромный кабинет, знакомиться с его женой – издателем, его многочисленными детьми, родственниками, с его прогулочными аллеями, прудами, банями, дворовыми постройками, лошадьми, его последним приютом в виде холмика, украшенного еловыми ветками. Мучился всю жизнь, что жил лучше многих вокруг, что как барин не смог дожить до равноправия с крестьянами, что не научил жить в равенстве не только весь мир, но и свою семью, свою жену. Более того – погиб за эту идею, за то, что слаб оказался перед решением проблем равенства и братства. Знал бы он, как человечество все дальше уходит от этой идеи – перевернулся бы в могиле. Он и перевернулся в ней, я собственными глазами видел. Своим последним приютом – могилой, он воплотил мечту о равенстве, пусть не среди живых, так среди мертвых.

Велик, велик Лев Николаевич!

Низкий Вам поклон от человека, разделяющего Ваши взгляды, но который продвинулся в этом направлении много меньше.

Тула, Мастер, Толстой - гордость России. Я этим жил целых три дня!

.....
На этом дневниковые записи в путешествиях по стране закончились.

Ниже идут непутевые записи в заграничных поездках.

Римские каникулы в авто. 18-28 марта 1995 г.

В чем суть?

Желаю каждому проделать этот путь!!!

Вы что-то видели уже в 17 лет?

Пусть вашим домом станет целый свет!

День первый – 18 марта 1995 г.

Вставать, конечно, неохота,
Все в сборах и хлопотах
Мама плюшек мешок печет,
Шеф - мясовинопродукты заготавливает впрок
Маша на испанский идет,
А Вовча все на кнопки жмет!

Лишь Петр «мучиться» ушел
Да отец кота Барона из дома увел!
Сегодня в Рим! Не верится, однако.
В последний миг судьба нам не подложит «бьяку»?

И все ж - пришла пора, шампанское открыто
Тосты рекой - и все забыто.

Вперед на поезд на такси.
Таксист нам байки, мы – мерси.
Вагон 17 на путях,
Шампанское скупаем впопыхах.
Аленка с Димкой и отец
Нам помахали, наконец.

И вот купе. Эх, прокачу!!
Но Машин возглас: «Есть хочу!»
«Язык» на стол, вино – в бокал,
Ты, первый день, не подкачал!

Пусть в тараканах все купе,
Но мы довольны всем вполне.
Жарища страшная, пот катится по талии,
А нам все нипочем – мы мыслями в Италии!

День второй – 19 марта 1995 г.

«Подъем, таможня, что везешь?
Почем сегодня лира?»
Брянский таможенник хорош
И вовсе не придира.

Проспал таможенный контроль
Один набравшийся художник,
Но пронесло. И он король,
Счастливый Бахуса заложник.

Украина, милая моя
Чужая родина родная.
За что отринули тебя
Дерьмо – политики, лобзаясь?

Гурьбою жмутся у дверей
Галушки, куклы предлагая,
И тусклым взглядом провожая,
В душе проклятья посылая
Вальяжной кучке богачей.

Проехали Киев, Винницу,
Жмеринку, Хмельницкий,
Тернополь, Львов –
Плеяда, увы, не наших городов.

Весь день жуем. Меню к себе манит
Домашней кухни колорит. Жена же спит!!
А встанет – у нее виденье:

Едем в обратном направлении.

Кефиром Машу случайно облили,
Затем границу «окропили»!

И снова ночь, жара и пот по талии,
Мы видим Львов, а мысли все - в Италии!

День третий – 20 марта 1995 г.

Чоп, чудная электричка,
Сосед - паломник польский – тесен мир,
Венгерский город Захонь – невеличка.
И вот уж русских женщин очередь в сортир.

Передвижной наш дом – автобус
Обжит не сразу – «есть проблем»,
Но раскрутился уже глобус,
Увлек нас ветер перемен.

Игрушки – домики и карлики – сады,
Дорога – тропинка, безлюдность. Где ты?
Но вижу весны пробужденье,
Безлистных деревьев цветенье.
Всех пейзажей удивительная схожесть.
Ожидаемое было это все же.
Жмутся домики друг к другу и к дороге
Чем-то интересные пороги,

Почему-то нет хозяйственных построек.
Видно, что живут здесь и не ноют.
За домами все поля, поля, поля –
Этим встретила нас Венгрия.

Но вот и Будапешт.
Здесь все совсем иное.
Здесь даже пахнет стариною.
Музеи - замки,
Все улицы – лишь под коня.
Магьяр гордится им не зря.

Высокий Аква – Буда -
Красив и крепостью, и королевским замком,
Костелом, статуей свободы.
На старый Таллин чем-то он похожий!
Обилие термальных вод, турецких бань
И с птичьего полета чудесный вид
На Пешт и на Дунай!

А Пешт весь плоский и большой.
Здесь каждый дом напичкан стариной!
Какие-то вольеры, выемки, нашлепки
И лабиринты внутренних дворов.
Львы, грабли, ребятишек попки
И, почему-то, приглушенность голосов.

А наша Родина представлена шампанским,
Мытищинским заводом поездов метро.
Но время кончилось. Пора затариться.
Конечно, я в виду имею - закупить вино.

Прощайте Буда, Пешт.
Немного подустали мы
Но мысли все о Вас и об Италии!

День четвертый – 21 марта 1995 г.

Ночь в дороге. Полуявь, полусон.
Отрезок Словении – неожиданный он.
Снега, туман клубится
Может «глюки» все, а может – снится.
Горы. Заложило уши, падаем вниз -
Югославский сюрприз.
Сон окончательно сморил,
Но полицейский разбудил:
«Сидеть, не с места, паспорт твой!»
И вот проходит час, другой,
Пузырь проснулся мочевой,
А мы на землю – ни ногой.

Когда ж прошел и третий час,
Бармен глаз положил на нас:
«Закупишь пиццу и кафе –
Имеешь право ты вполне
Отлить на нашей территории».
Такие приграничные истории.

И сразу очередь за пиццей,
За право помочиться.
Прошли проверку на наркотики...
Да уж, надорвешь животики!
Так к Средиземному стремиться
И на границе – осрамиться!

Но все ж на море, в Эзоло.
Будем считать, что пронесло!
Вещи в номер и на катерок,

На Венецианский вечерок.

Прости Венеция!
Я не могу без громких фраз
Ты покорила сразу нас.
Ну, а жена - свихнулась в сей же час.
И бредит: «Прелесть! Чудно! Какая красота!
Сан – Марко - площадь – ты моя!»

И дальше – в том же духе.
Не хочет слышать о разрухе,
Все восторг, все наслажденье.
Такое вот челокружение!

От итальянца - бармена не может глаз отвести.
Семье призналась, что поклонник в Польше есть.
Вот так, Венеция, ты тянешь к откровению.
Сама ты - грешница, конечно, без сомнения!

Назад в Эзоло. Ночь в отеле.
И дети требуют вина!
Все ты - Венеция. Грешна-а-а!
Нельзя так дальше, в самом деле!

День пятый – 22 марта 1995 г.

Рассвет в Эзоло. С чем его сравнить?
С мечтой пенсионера, может быть!
Морской прибой и ласковый песок
А тишина колотится в висок.

За час гулянья способами рака
Нас лишь одна облаяла собака.

Здесь все для отдыха - фонтаны, бары и цветы...
Все Эзоло, прощай, прости!
Здесь хорошо! Но там, с другою, может лучше
Мне Дон Жуана дух – попутчик!

Венеция, мы снова здесь, с тобой,
И снова упиваемся твоею красотой.

Музеи, замки и дворцы -
Ваши создатели – творцы
Всем нам оставили в наследство.
Богатым было твое детство,
В зрелость – красавицей была.
Сейчас ты по рукам пошла.

И красотой своей торгуешь.
Ты баксы за версту аж чуешь,

И отдаешься им сполна
В гондолах и в святых местах.
Но буду справедлив:
С тобою хорошо и просто так, вприглядку.

Умеешь делать ты зарядку
Ногам, и чувствам, и уму.
О, женщина, тебя я не пойму.
Плывут по улицам какие - то плакаты
Ущелье стен утраивает мощь свистка...
А рядом - серенады для богатых.
Жена в бреду: «Моя, Венеция, моя».

Детям в два дня вдохнула итальянство.
Кричат, руками машут, пьют вино
И это вроде бы не пьянство,
А просто кайф и все!
Что? Нам пора? Не может быть!
Когда ж два дня успели проскочить?

Прощай, Венеция, не познанная мною,
Но счастлив, что имел тебя!
Ты сделалась для нас святою!
Греш и дальше - всех маня!
Дорога в Римини, отель –
Об этом завтра, не теперь!

День шестой – 23 марта 1995 г.

Римини! Набор курортных городишек,
Но здесь и Цезарь, Рубикон...
На всех хватило политшишек!
Теперь стрижет купоны он.

Здесь всюду властвует турист
И Адриатика ласкает.
Да, кстати, Родину здесь представляет
Чайковский – главный наш Артист.

Бросок в Сан – Марино - на вершину горы.
В карликовое государство, где правят символы.
А люди живут и пьют вино,
Улыбкой встречают! И как-то легко!

Куда ни посмотришь - ты всюду паришь.

Хоть, во общем, похоже все это на шиш!

Одна австрийка, Русь почуя, кричит: «Гамбов, Саратов, папа мой...»

И задушевная беседа пошла своею чередой:

Ельцин, Горбачев, мафия, Чечня.

Закончилась, конечно: «Подмосковные вечера»!

Что в Сан-Марине всех главнее?

Атмосфера какой - то чистоты, величья и добра!

Возможно, даже - это в чем-то мера

Достойной жизни, счастья, женского тепла...

Много души и света

От такого суверенитета!

День седьмой – 24 марта 1995 г.

Купанье в море в пять часов утра

Бросание монет, и... в путь - пора!

Уже Флоренция ждет встречи с нами

Мы с ней, с ее средневековыми дворцами.

Наш путь через Болонью. Первый

Промышленный город Италии.

Неужто и итальянцы не только

Пьют вино, целуют женщин, торгуют сувенирами,

Но и работают, учатся в Болонских университетах?

Мы как-то в туристском азарте забыли про это!

И вот Флоренция, Мадонна, Рафаэль.

Неужто это с нами и теперь.

Микельанжело, знаменитые День и Ночь.

Никто не может мне помочь

Понять величие до конца

И вникнуть в тайну, ну, хотя бы, Дня!

Давид мне близок простотою позы -

Хорош с Нептуном и один.

Такому дарят дамы розы!!!

И он доволен деянием таким.

От Тицианов, Боттичелли

В конце концов мы «прибалдели».

Сменив занятие, мы стали отдыхать –

То значит – город созерцать.

И что ж мы видим? Все средневековье.

Такое впечатление, что если нас убрать,

То можно город заселять

Плебеями, патрициями тех времен,
Они и не заметят – что почем.

Вот разве что река Арно.
Воды вид не ахти – дерьмо,
Но взгляд со старого моста
Достоин полотна!

Промчался день. Отель в Монтекатини,
В ночном гулянье восторгам нет конца
Италия! Ты многолика - как Филини !
Умеешь ты влюбить в себя!

День восьмой – 25 марта 1995 г.

Что для меня такое словосочетание:
Рим, римляне? Какое-то бряцанье
Мечей, секир и ржание коней.
Бой гладиаторов, красавец - Колизей.

Что же рисует воображение при слове Ватикан?
Конечно, тишину, величье и ... обман!
Все сказку говорят о некоем Христе
Живут же сами в удовольствии, грехе.
Под черной сутаной прикрывши все –
Чревоугодие, и девок, и вино!
Я, кажется, обидел Папу – не хотел.
О нужности его сказать я не успел.
Ведь мчит автобус к новым весям
Сейчас не место Папским песням!

И вот мы приближаемся к нему,
К столице мира (потом я понял – почему!)
Сегодня мы в гостях у Павла – Папы,
Которого венгерка - гид все называла римским «Попой».
Мощнейшая стена недалеко от Тибра.
И очереди хвост – разноязычной гидры,
Внедряющейся в щель стены.
И вот мир вечной старины,
Спрессованный в изящности искусства,
Нас проглотил, и будоражит чувства!

Секстинская Капелла вместила всю мощь Ватикана,
И, несмотря на то, что встали очень рано,
Усталости не знали мы тогда!
И в этом сила кисти, красок, полотна!

Тут только понял я: среди обилия всего

Парит и царствует одно –
Дар божий Микельанжело и Рафаэля.
Так быстро время пролетело!

И лифт нас выбросил за стены Ватикана.
Как так? Ведь мы хотели б приобщиться к сану.
Почувствовать, как Папе там живется,
А нас на улицу, за стены как котят.
Нет, мы назад.
Так просто русский не сдается!

Когда нам объяснили, в чем тут суть,
Ну, ты, мол, русский, и профан.
Мы хохотали от души
Как штурмом брали Ватикан.

И вот уж мы на куполе Петра святого.
Под нами Папа, папские сады.
Неплохо же устроились они!
С достоинством, средь зелени холма и - ничего такого!

А по другую сторону реки
Легенда – Рим лежит как на ладони.

Гиганты старины, бесспорно, хороши.
Их по истории нам всем долдонят.
В великом храме, подержась за пальцы ног Петра
Грехи себе мы отпустили все сполна,
И далее - к отелю «Аурелли».

Сумки долой, спагетти в рот и полетели
На крыльях предстоящих встреч с веками.
Нет, мы не будем дураками
И отдадимся, Рим, тебе на ночь.
Надеемся, что ты не прочь!
Облазили все закоулочки Капитолийского холма,
Вструхнули, малость, нарвавшись на бомжа!
И на его жутчайший взгляд.
Давай быстрее бежать назад
К свободе, к свету! Пронесло.
Дальше - по маслу все пошло.

Форум, театр, Коллизей, Троян -
Все старый Рим. Здесь тихо, пусто по ночам.

Фонтан Треви – вот здесь тусовка:
Свободный стиль толпы, смех, слезы и кураж.
Испанская лестница! И здесь массовка.
Как будто специально подбирали «местный экипаж»!

На площади Навонна каскад фонтанов покорил.
Огромное количество народа, и после полуночи!!!
Что это так всегда – поверить нету сил.
Быть может это нам такая почесть?

В отель дошлепали часам мы к трем.
Все, баста, сил нет. Отдохнем!

День девятый – 26 марта 1995 г.

Подъем! Из Рима отправленье в два часа.
Вперед! Да час украл на время лета перевод.

Сначала Пантеон, могила Рафаэля.
Ему от нас земной поклон
За то, что дара не жалея,
Чего-то пробуждал в нас он.

Музей Капитолийского холма.
Туда пустили задарма.
Венчанье, свадьбы и волчица –
Здесь все сумело подружиться.

Невесты вскоре народят детей,
Волчица вскормит малышей.
Так Рима герб оригинальный
Осовременил звон венчальный!

Раскопки Форума, руины Колизея.
Все влезло в нас, когда, глаза,
Мы проползали через Рим,
Пытаясь взять с собой таким!

И он еще нас одарил чудачествами Термо-Каракалы.
Здесь в баньке парилась, вино лакала,
Гетерой наслаждалась вся Рима знать.
Сейчас, смешно сказать –

Среди причудливых развалин
Сам Поворотти пел для всех.
Его мы превзойти пытались,
Имея бешеный успех.

Ну вот и все, Италия и Рим.
Автобус наш неумолим.
Столица мира! Вечный город!
Что думаю я о тебе сейчас?

Тебя желательно увидеть каждому хотя бы раз!
Рим старый, ты живешь отдельно,
Ты нужен лишь туристам и гостям.
А современный Рим – твой враг смертельный,
Готов пройтись он по твоим костям.

Все так и все совсем иначе!
Рим новый продолжает жизнь твою!
Нет, ты не кажешься ненужной клячей.
На площадях твоих танцуют, пьют и плачут,
Не созерцают, а имеют старину.

Фонтаны, лестницы, дворцы и арки
Не отгорожены от жителей твоих.
Быть может от того и чувствуешь так ярко –
Ты и теперь живее всех живых.

Ночной, живой, безумный город Рим.
Спасибо Вам! Благодарим!

День десятый – 27 марта 1995 г.

Автобус - коммунальная квартира
Отправился из Рима в Будапешт.
Поездка многих подружила
И это есть благая весть.

Не обошлось без потасовок
Во время напряженного пути,
Но все гасилось без «винтовок»,
И в том еще одна заслуга старины.

Но не без срывов. Вот вам зарисовки.
Венеция. Упал на улице один мужик.
В луже крови его нашли,
Сознание прочь. Его в больницу...
Все храмы созерцать пошли.
В дороге приступ у одной.
Она рыдает: «Умираю,
Домой хочу, я требую домой!»,
А мы ... красоты созерцаем.

Флоренция. Зал академии искусства.
И в центре – наша женщина безмолвна и лежит, страдает.
Врачи, уколы от безумства –
Народ полотна созерцает.

Флоренция. Палаццо Питти. Сплошь шедевры.

У наших стариков и паспорта, и деньги исчезают.
Они все в ужасе, рты рыбой делают маневры.
А наши люди фрески созерцают.

Кто скажет, где здесь «сюр», где реализм?
Кто бросит камень в русский гуманизм?

А автобус все катит, катит, катит...
То все стихает в нем, все спит.
Но вот послышался смешок,
Какой-то легкий шепоток.
И оживает все вокруг,
Жуют и шутят, вино пьют.

Какая - то пошла игра,
Но карт не видел никогда.
Все, все ж, глазуют на пейзаж.

Везде и всюду черепица, виноград.
В Италии – там все подряд.
У этой дамы внешний вид свободный.
Там анархия царит, но все законно!

В Словении – какой-то стиль барокко.
Все необычно. Вот игрушка – сад.
В Балканах ведь не так высоко,
Но домики на домиках сидят.

А в Венгрии господствует стандарт и беднота.
Не та, что на Украине, но все же та.

А в Будапеште все, конечно, по-другому:
Макдональдс, супермаркет, шоп.
Ну, все, пора вернуться нам к земному!
И первым ждет нас Украинский Чоп.

День одиннадцатый – 28 марта 1995 г.

Поезд Будапешт - Москва.
Все отсыпаются...

Но вот ближе к 11 часам
Послышался шумок, перерастая в гам.
Соленый огурец, вареники, картошка,
Блины и холодец, и самогоночки немножко.
Вмиг от спагетти не осталось и следа!
Вот это все по-русски. Вот это – да!

Заставили меня читать дневник. Всегда пожалуйста!
И вмиг образовалась компания в купе.
Все стали строить планы «под шафе».
«Как соберемся снова, когда, где?»
Люблю такой порыв в душе!

И снова тишина.
Поезд Будапешт - Москва.
Все отсыпаются.

.....
Попробую я кратко подвести итог.
Вот эту формулу сейчас, и я б придумать мог –
Творить, любить, воспитывать детей и видеть мир,
Смеяться, делая из жизни пир –
Рим хочет жить сейчас вот так.
Ему поверить должен всяк,
Ведь он прошел чрез силы торжество -
Сейчас переживает гуманизма рождество.

Турист проснулся.
Поезд Будапешт - Москва.
Не зря мы съездили, не зря!

P.S.
Итог общения приятным мы нашли:
«Святым семейством» здесь нас нарекли!

Голубой бизнес, или Путешествие на Кипр. 19-22 октября 1995 г.

"Геологом ты можешь и не быть
Но страхагентом быть - обязан!"

Читатель юный или зрелый,
Ты эту книгу пролистай,
И соберись в дорогу смело.
На Кипр на "Туполе" слетай.

Прикрой глаза... и ты в объятьях!
"Лауры" стать тебя влечет,
И ты не помнишь о заклетьях...
Куда и что?! Зачем течет?!

Окутан ею, тебе швах
В ее лиановых ветвях.

Что там еще? Еды – обилие.

Шуты летают в небесах -
В панамах, толстые, в трусах.

Пишу слова, а мысли мучат!
"Агентом б стать" – так пусть научат!
Когда в стране бурлит не в меру,
То даже черту готов верить!

День первый – 19 октября 1995 г.

Куда лечу, зачем и с кем...
Что делать в этой "страховой инвест"?
Ответов нет! А между тем
Пора уж на дорожку сесть.

В полночь – шампанское – катализатор,
А на закуску – сам "Спартак"
Норвежцев бьет, как гладиатор.
4 : 2 у них!!! Ну, Кечин, мастак!

Будильник – изверг не подвел.
Сандро был точен как часы.

Наш «Туполь» – самолет с эмблемой "Македония"
Украл из жизни на четыре дня ...
И бросил в небыль. И теперь уж я не я,
А страховой агент какого-то «инвестия»!

О, боже мой! Агентами напичкан самолет!
Здесь Оренбург и Томск, Норильск, Находка.
Так всю Россию обберет
Австрийско – Венская "красотка".

Да что Россию – весь Союз.
Баку и Рига – тоже в той жар-птице.
Все это для меня сюрприз
И иллюстрация утечки баксов за границу!
Нашлись коллеги по какой-то там "шестерке",
И, как всегда, конечно, тесен мир.
Я даже после самой раскрутой попойки
Ту истину, наверно, б не забыл.

Татьяна Николаевна – фирма "Цептер".
Когда-то от нее без всяческих пилюль
Имел я удовольствие себе доставить
От тыщбаксовых кастрюль.

Александр Николаевич – он бывший авиатор,

А ныне – как и все.
Пытливый ум его стремится
Найти себя на стороне.

И вот посадка. Гористый Кипр
Облезлым, высохшим пейзажем
Не ту какую-то играет роль.
Заинтригованный сим «шаржем»
Спешу пройти таможенный контроль.

И вот проходит час, другой.
Знаком до боли образ мне границы.
Ропщет агент, и к матери такой
Кипр посылает он, да и Москву-столицу.

Но профиль греческий не хочет уступать.
Смотрю – не в шутку разъярился
И начал всех обратно в самолет пихать,
Как будто черт с небес к нему спустился.

В чем дело? Что за суета?
Тут выдержки не хватит олимпийца!
А оказалось, что Балканская война
На Кипр приземлилась с «Туполевской птицей».

Не шутят здесь словами – Македония.
У греков от него – зловоние.
Когда закрасишь самолет,
Тогда и проходи вперед.

Давно б сказали! Краски в бой
И самолет стал голубой.
Над македонцами одержана "победа".
Теперь пора и пообедать!

Автобус – красавец. И, наконец, везут!!!
Четыре звездочки – "Лаурою" зовут.
На ней попозже задержусь,
Как после "битвы" отдышусь.
Сейчас на море, на волну.
Долой проклятую войну!
Жизнь – всех любить, а не душить!
Так завещаю детям жить.

А после моря - на ночь в городок.
На Пафос с пафосом, то бишь в такси.
Все, все. Морфей меня увлек
В свои волшебные мечты.

День второй – 20 октября 1995 г.

Я сроду равнодушен был к комфорту.
Мне б был рюкзак, жена и дети.
Ну, просто человек такого сорта,
Ведь разный сорт имеет счастье быть на свете.

А здесь почувствовал, что я уже не тот.
Рюкзак, жена и дети – это все конечно...
Но, мягко говоря, мне не мешал комфорт
И утонченной "Лауры" изысканная внешность.

Я уже видел кое-что на свете и отличаю фею от амебы.
Наверно, даже, знаю что почем.
"Лаура" – дева высшей пробы!
Ее к клиенту трепетно влечет.

Банановость аллея, зеленые лужайки
И голубые глазки, то - бассейн.
Вот кратенький портрет нашей «хозяйки».
Его признал бы даже турков сейм.

Пожалуй, слова два и об обедах,
Которых, кстати, не было совсем.
В отличие ... (я о победах
Над сами понимаете ли кем).

Так вот, с едой на завтрак и на ужин -
Такое тоже редко я видал!
Чтоб шведский стол был так "простужен"
Обилием блюд и ... о, какой скандал!
Бери ты сколько хочешь
И сколько хочешь – подходи!
Нет, Сейв-Инвест, ты от меня схлопочешь -
Не знаешь русской ты души!

Да разве ж этак можно делать
С широкой нашенской натурой.
Ах, да! Ты учишь баксы делать,
Русь выставляя дуру душой.

А может правильно –
Объешься раз – другой,
Почувствуешь своё бессилие,
И будешь помнить глупой головой,
Как пострадал от изобилия!

Ну, хватит! Уж достаточно о плотском.
Сейчас рассказ о водном, флотском.

Здесь индустрия развлечений,
Конечно не зевает, нет!
Присущ "гречанке" в полной мере
И шарм, и такт, и этикет.

Бассейны, сауны и тренажёры,
Кафе и бары, ресторан
С улыбкой нежной залезают
В любую, особенно, подвыпивший карман.

Я тоже раскололся нынче –
Купил на море скутер-парашют.
И пять минут летал по небу,
Болтая ножками как шут.

В другой раз резвая "гречанка"
Подсунула под зад "банан".
Такая там была болтанка –
Ушёл под воду бравый "капитан".

Ещё из сериала развлечений:
Запомнил танцы под Сиртаки,
Поэмы Пушкина и детские стихи,
Романсы и разгул богатых,
Не перешедший, впрочем, в качество стихий.

Теперь о Пафосе.
Двух-трех этажный городок,
Где лето брызжет целый год.
Здесь улицы – открытые кафе,
Совсем нет греков «под шофе».

Такого изобилия стульев
На пешеходной полосе
Я никогда не видел. Словно в улье,
Напичканы здесь бары и кафе.

Из сувениров – может быть керамика.
Всё остальное – как везде.
Ну, и раскопки старины в динамике,
А в общем – день прошел на высоте.

Вот близким всем ещё один штришок:
Официант в кафе – из Краснодара,
Болгарка где-то пиво подавала –
Развал Союза Кипру дал толчок.

Достаточно! День завтра деловой.
Не гоже быть с больною головой!

День третий и четвёртый – 21-22 октября 1995 г.

Попробую Вам изложить о деле,
Ради которого сюда прибыл
(Пока прекрасно дни летели,
И о страховке вовсе я забыл).

Вот семинар. Все члены – при параде.
Я, как напыженный индюк,
Всё знаю наперёд, что скажут,
Лапшу какую заглотнуть дадут.

После двух лекций – я ушёл.
Меня галиматья их раздражала.
И снова пригласили – я пришёл
И ... не ушёл из фешенебельного зала.

Да, психология – крутая вещь.
Не думал я, что вдруг во всё поверю,
Что загорюсь, возьмусь, сумею.
Вот так забили скептицизма брешь!

Сам я себе купил патент.
Знакомьтесь: Петрович – страховой агент.

Закончен семинар.
Прощанье с морем, с Кипром и с "Лаурой".
Домой, к семье.
Всех вас люблю своей Курановской натурой!

Галопом по Европам. 27.03.1996 г. – 08.04.1996 г.

Какое чудное занятие Европы жемчуг созерцать!

27 марта 1996 г. - День первый. Отъезд

Хотели школьные каникулы
В Европе мы спалить до тла,
Но что-то не заладилось
С "женой французского посла".

Застряла виза в коридорах,
Продлив безделье – лепота,
И все ж разрушены затворы:
Пора во Францию, пора!

Петру с утра все наставленья:
Как жить с котом, как спать, как есть.
Нам ,вроде б, путешествие - мученье,
Ему ж с Бароном жить - большая честь.

Чтобы в Париже не загинуть,
Всю ночь сушили сухари.
Теперь Россию можно и покинуть
С мешком в руках, с надеждою в груди.

Андрей Борисов - добрый малый –
Домчал на "Рафике". Перон.
Уехал сразу - торговый бизнес
Не позволяет « vareжкой ловить ворон».

Леоновы - другое дело:
Студент свободен как Париж.
С шампанским полилась беседа –
Чтоб нам катать всю нашу жизнь.

Вагончик тронулся! Наш дом остался за кормой.
Теперь нас ждет сюжет совсем иной.
И сразу - русские медведи
В вагоне типа "тет-а-тет".

Мартышкой, той Крыловской леди,
Предстал Курановский букет.

Один привязывает полку,
Как будто это канапе.
Другой - пытается без толку
Устроить туалет в купе.
Куда же мусор приспособить,
Зачем веревка та нужна...
Ну, в общем - русские медведи,
А значит, точно, кутерьма!

Все успокоилось, однако.
Чех-проводник чуть-чуть вздохнул.

И точно, ни одна собака
Не скажет, что я здесь не блеснул!
Ворсистый, мягко говоря, "подставчик"
В мгновенье ока превращен - в слюнявчик!

Все остальное мы уж проходили.
На нищету смотреть нет больше сил.
За СССР, пред тем как мы уснули,
Огурчик с водочкой я смачно пропустил.

А спал с женой вдвоем на нижней полке.
Прощай наш первый день.
Мы - в Пражской самоволке.

28 марта 1996 г. - День второй.

Поезд

Весь день в окошке Украина.
Нагая, близкая страна...
Кое-где гуляет лишь скотина –
Заводы ж мертвые стоят.

Телеги, лошади, возницы
Встречаются все чаще и чудней.
Кто б не вещал с передовицы –
Земля в разрухе! Но мужик при ней.

Живет руками и лопатой,
Восстановил сейчас коня.
Вот уж боролась - напоролась
На Ельцина славянская земля!

И в Западной Украине - тоже траур,
Ничуть не меньше, чем во всей стране.
Весь день носились по перрону
Галушки с пепсою, сивуха на дерьме.

Один мужик с насосом привязался,
В придачу к водке в полночь предлагал.
Я думал, что он нализался,
Но оказалось голод "сивку" обуздал.

А жизнь в вагоне по своим законам...
Чешский вагон для русских не фонтан.
Зачем мне нужен их «подставчик»,
Когда в титане нет даже кипятка.
Пришлось ходить втроем
В русский вагон за кипятком.

К нам чех один прилип:
Воркует, Маше глазки строит.
Разговорились. Он лесник
И дискотеку в поездах заводит.

К себе в вагон он пригласил...
Но нас оттуда попросили!
И он старался что есть сил

«Отмыться» лестью в изобилии.

Гадали - что он привязался?
А ларчик просто открывался.
Амур тут вовсе не причем,
И звать сюда не надо Ванду –
Все стало ясно, что почем,
Когда принес он контрабанду!

"Манжилка" так перепугалась-
Для сна ей время не осталось!
Еще был кинг и преф,
Горилка - гордость нации....
Но как же надоел мне блеф
Таможен с декларацией.

Их было 10 штук, не меньше.
Спать не давали никому.
А результат? Кто что хотел, тот - то провез!
Зачем весь этот паровоз?
Ну, все, устал, пойду - усну,
Спать не давали никому.

29 марта 1996 г. День третий.

Прага

Чехия, Словакия - я разницы не видел никакой...
Конечно, из окошка и рысцою.
Но ведь оттуда ж виден был большой
Разрыв, да что там – пропасть, с нашею строною.
Россия ведь размахом всех берет,
Масштабом необжитости и грязи, беспорядка.
Здесь все ж совсем наоборот:
Компактность, чистота. Поистине - уму зарядка.

Напрасные вопросы - почему не по-иному?
Как вышло так? Кто виноват?
Да просто не умеем по-другому!
Нам хорошо по-русски! И черт нам всем не брат!

Зайдите в комнаты своих детей.
У одного все чинно, вещи в ряд стоят.
А у другого - ей же ей –
Накидано все как попало, все подряд.

И хорошо им только так, а не иначе.
А со страной и с нацией - тем паче!

Все с детства учимся порядку,
А вот спроси: "Кто утром делает зарядку?"

Нас поезд подготовил к красоте.
Наш мозг стал - как хмельная брага.
И вот в эстетской высоте
Манит к себе Златая Прага.

Скажу я сразу - восхищен
Ее пиковой красотой.
И был безмерно поражен,
Когда мелькнула мысль -
Вот здесь смог жить бы я с семьей!

Мне нравится камерность улочек Праги,
И каждый здесь дом своенрав и пригож.
Часами б гулял, восхищаясь отвагой
И вкусом ее матерей и отцов.

Здесь есть и величье костелов и храмов,
Дунайская ширь у Влтавы чудной.
И гнездование алхимиков - хамов
В улочке рядом с Кремлевской стеной.

Сейчас здесь Гавел с Английской королевой
Нам перекрыли вход в костел безумной красоты.

От политиканов всех мастей и веры
Сплошной урон посланцам из Российской стороны.

Да и не только из Российской,
Но из Норвежской, из Английской.

Вот в этом во дворце принц и Диана не сумели переспать.

Так шум на целый свет:
Как их теперь-то размещать!?

Чуть-чуть успели мы схватить традиций:

На Карловом мосту - хранение тайн неверности людской,
На Старой площади – петух, а не жар-птица
Со скелетом дорогу открывают в мир иной.

Прими мой пылкий поцелуй
Ей богу, вожделенными устами.
Уехал от тебя я в ночь -
И так бывает в этой жизни!
Но помню - ты любить была не прочь!
И я вернусь еще к тебе! Потом уже к отчизне!

На твоей площади все мило сердцу моему:
Кузнец кует изделия из металла,
И пиво пьет народ честной!
А мы с женой сплясали топотуху
Под чешский танец заводной.

.....
Я был в тебе лишь несколько часов,
А о тебе болтать могу часами.
О, город Прага, ты хорош!

**30 марта 1996 г. - День четвертый.
Дойчланд и Амстердам**

Мягкий шум автобуса в дороге;
Суперфешенебельны стоянки;
Ближе к нашим земли и постройки –
Немец так запомнился по пьянке:
Я имел в виду ночной дурман,
А не Бахуса всезнающий обман.

Утром мы уже в Голландии –
Без границ и таможенной лжи.
Вскоре окружили нас не броские,
Милые для сердца - дренажи.

Сколько глаз хватает на поля –
Всюду обдренажена земля.
Именно дренажные канавы –
Сила Нидерландовской державы.
Здесь дренаж - советский пионер!
Являет миру положительный пример!
О роли дренажа в Голландии я вовсе не шучу,
Ему, скромняге, я должное отдать хочу.

Да, кстати, в Рейхсмусее в Амстердаме
Сюжетов много вот таких:
Среди жилища - всюду лед,
На нем тусуется народ,
И у крыльца в хоккейный входят раж –
Вот от чего голландцев спас дренаж.
Рембрандт и Хальс - великие творцы
До нас через века все это донесли.

Еще в Амстердаме была мадам Тюссо.
Симпозиум здесь вечный мудрецов,
Которые оставили заметный след
Иль в виде бед, или побед.

Политики, певцы, творцы,

Ученые мужи, актеры –
Собрала всех здесь вместе та мадам.
Азм есм! Спасибо! За это и воздам!
Тебе, мадам Тюссо. Простите, Вам!

Была поездка по каналам
И секс-музей улыбки подарил.
Пока детишки город созерцали
Он - бог любви - к себе нас пригласил.

"Пока детишки город созерцали" -
Сказал и сразу обо всем забыл.
Не потому, что память отказала,
А потому, что город все затмил.

Опять хочу признаться я в любви
(О, боже, я похож на Дон Жуана)
Ведь в жизни я ей богу - однолюб!
А здесь - нет спасу! И не спьяну!

Что ж поразило в этой даме - Амстердаме?

Ростом она невеличка,
(То значит как раз под меня).
Но как же удалось ей личико!
Но как же нежна и умна!

Про личико:
Здесь нет ничего, что с изъязном,
Здесь все красотой дарит:
Однажды увидишь - хоть спьяна,
Считай, что не сможешь забыть.

Про нежность:
Каналы ее словно руки
Здесь всех обвивают и вся.

Они как органые звуки
Пронзают надолго тебя.

А ум?
Все для жителей очень удобно
И для гостей. Нет проблем!
Наверно, налог собирают они бесподобно!
То видно по уровню тамошних цен.

Я разложил Вас мадам-Амстердам по частицам.
Так Дон Жуан никогда и нигде не любил.
Я полюбил Вас мадам во всех лицах!
Только что делать мне с этим - забыл.

Ты уж прости, Амстердам,

Устарел я немного.
Но ведь нам было с тобой хорошо!
Прощай, нас ждет опять дорога.

И сразу - Бельгия!
В Антверпене отель
По схеме: Формула - один.
Все. Сник я. Сон - мой господин.

31 марта 1996 г. - День пятый.
Гент и Брюгге

С утра - лишь панорама Антверпена.
Рабочий город с готической начинкой.
Стоит в глазах как полотно Гогена
Какой-то пост-модерновской картинкой.

Сказать о нем мне нечего еще -
В глазах его лишь полотно. И все!

Другое дело - город Гент!
О нем понятия не имел доселе.
И не отдал бы даже цент
Я в ставке за него, ну, например, с Марселем.
Сейчас даю ему я 100 очков!
Он завязал мне в памяти премного узелков.

Во-первых, нам сказали, что миллиона два
Там жителей с лихвой.
И истинных бельгийцев!
А он нас поразил своею пустотой
И общежитьем кровопивцев.
Когда бродили мы по улицам его,
То целый час там не встречали никого.
Нам показалось – мы завоеватели и город наш!
В такой средневековый впали раж!
Я думаю, за это бог с небес метал в нас град,
Но и ему я тоже очень рад.

А общежитье кровопивцев - в центре Гента
Средневековой крепостью предстало.
И жуткую тюрьму, орудье пыток
Она нам в образцах являла.

Лицо же Гента делают костелы:
Монументально и замораживающе оно.
В них величаво, исторично и мудро –
Хотя бы взять пятнадцатого века полотно.

Да, центр Гента весь оттуда,
Такой же, как и был тогда.
В этом его и красота.

Из Гента - сразу в Брюгге,
В наш русский Суздаль, я хочу сказать.
Полсотни тысяч лишь всего там брюгцев,
Как и века назад.

Тогда он был столицей,
Сейчас – красавицей-турптицей!

Но как им всем спокойно от того!
Все мило, чинно и уютно.
Кафе, Бегинки, лошади, кареты.
Сегодня Брюггский дух здесь делает все это!

Могу себе представить, как живет
Простой бельгийский труженик - народ!
Но есть и мощь в костелах и дворцах.
Чудесно время провели на Брюгге - островах!

Теперь в Париж.
Но мы еще все в Брюгге, в Генте.
Как все же много есть чего -
Прекрасного - на этом свете!

Однако постепенно в нас Париж вползает –
Всемирный помыслов, интриг театр.
Отель Бребрант нас мило принимает,
И безмятежный сон хранит Монмартр.

1 апреля 1996 г. - День шестой. Париж

Всего лишь день в Париже мы,
А чувствуем себя, как знатоки!
Вот краткий перечень того,
Что прикоснулось взгляда моего.

Триумфальная арка, Елисейские поля,
Лувр, Тюильри, площадь Бастилии,
Ратуша, Пантеон, Монпарнас...
Все, хватит, утомил я вас.
Тут перебор даже для красного словца.
Попробую начать с другого я конца.

Что есть Париж, то есть,
Как видит, скажем, его птица?

Вначале четыре бы отметил я мазка,
Что сотворила на сегодня судьба - жрица.

Клюв Эфеловой башни
(Так наш гид говорил).
Пуп Монмартра, и студенческой шашни,
Где легко и свободно! Здесь брызги белил!

Высотная коробка Монпарнаса
Скорее режет, чем ласкает глаз.
Ну, и конечно, современная проказа
Супермодерном поражает вас –
Этот аппендикс наших дней –
Внушительный конец Елисейских Полей.
Он именуется как центр Помпиду.
В него когда-нибудь, попозже, загляну!

Все четыре мазка - это крыша Парижа.
Описать этажи - нужны сотни томов.
Я ж в Париже – пацан -
Вот об этом писать и готов.

Сближаться с "этажами" мы стали с Нотр-Дама,
Откуда, собственно, зачался весь Париж.
Виктор Гюго раскрыл нам панораму
Откуда паризи взялись.

Собор Парижской Богоматери
Венчает связку островов.
Мы объезжали их на катере,
Мы забирались в чрево королев.
Богоматерь - мы так решили все –
Ты и сейчас на высоте!

Затем мы полезли на "крыши" Парижа.
И вот Секре-Кер на Монмартрском холме.
Мне кажется Ленинских гор он не ниже
Парит над Парижем в белесой красе.
И все парижане там - дети Арбата.
Там молоды все! Там классно, ребята!

Пора нам теперь и на символ Парижа,
Что, пусть со скандалом, построил Эйфель.
Она, устремленная вверх, словно лыжа,
Понятней и ближе мне стала теперь.

Я чудом считаю сейчас тот предмет.
А сущность чуда такова:
Как той громаде предали эффект

Вологодского кружева!?
У Парижа - достойный знак:
В столице любви и должно быть так!

Наконец, решили - хватит на сегодня выси,
И отдались улицам Парижа.
Мы гуляли без цели, без «рыси»,
Все довольны, никто не обижен!
Всюду мне казался Мопассан,
Он привел меня в Париж, когда я был пацан!

.....
Может потому, что погуляли,
Может потому, что, малость мы поддали,
Но только на кровать вкатились
Как тут же отрубилась.

**2 апреля 1996 г. - День седьмой.
От Версаля до Булона**

С утра в Версаль - наш Петергоф.
Сейчас запас энергии у нас готов
На несколько часов. Два дня уже не видели картин –
Костелы наложили этот карантин.

И вот промчалось несколько часов,
А кажется – одно мгновенье!
Версаль для Франции – история веков
Чуть приоткрыл для нас их дуновение.
Вот будуары королевы...
Людской поток направлен весь туда,
Чтоб поглазеть, как из нее, из чрева
Начнется путь героя-короля.
Смешались времена –
Сейчас так было и тогда-
Идет народ "на будуары",
И молодой идет, и - старый.

А к королю - отдельный вход
(Опять морочат весь народ).
Нужно пройти какой-то ритуал,
Чтобы к нему ты "на прием" попал.

Беснуется вокруг народ.
Потом монарха попросту пошлет
И в сад уйдет.
А прежде - в кабачок бредет.
Опять смешенье всех времен –
Таков создателя закон.

Итак, в Версальских мы садах.
Сады - неточный перевод.
Конечно, это "ох" и "ах",
Но это парк, скажу я. Вот!

Однако ж! Как себя любили короли!
Такого тут изобрели!
Представьте - сколько глаз хватает - все "сады",
Везде цветы, фонтаны и пруды.

Пруды как моря!
Здесь кораблями тешили они себя.
Бесспорно, Джозефинам здесь раздолье,
Да и монархам проще уходить в "подполье".

А про каскад фонтанов
Я уже не говорю....
Ну, вот и все, Версаль,
В Париж спешу.

В музей Д'Орсе!
Сказал путеводитель - во всей Европе круче его нет.
Но оказалось, сильный возбудитель – Версаль -
Не раскрутил еще свой царственный сюжет.

Не отпускали мысли всю дорогу
Зачем все это надо богу?
Версали строят короли
За счет трудящихся земли.
Они красотами любят.
Кто ж пашет, тот - мордуется.

Сколько душ и судеб Наполеон загубил,
А он и сейчас во Франции кумир.
Да хоть в экскурсии – от Триумфальной арки до Монмартра
За каждым словом - имя Бонапарта.

Зачем все это надо богу?
Вопросы эти – оселок!
И хоть упрись ты рогом,
А в жизни так: один – сказал, другой – изрек!

Но вот Д'Орсе пришел мне на подмогу
И захватил в свой плен,
А в нем - на модернистов крен.

Здесь необходимо отступление.

В жене открылось провиденье.
Она с любовью, с пылом, с жаром

И для семьи совсем задаром
Экскурсии взялась вести.

Все с тактом и профессионально.
Вот взмах рукой, с улыбкой иль печально
Ведет она рассказ и нас
По лабиринтам бывшего вокзала.

Вот так талант в Париже откапала!
Ну, а Д'Орсе? Ну, что Д'Орсе!
Он переполнен весь Мане, Гогеном, Писсаро, Матисом.
Тут комментарии излишни!

Если добавить, что конек его - Рембрандт,
То станет ясно, что Бребрант
(Отель, уже обжитый нами)
Скучал без нас часами.

Но все ж "накушались"
И мы сполна
Талантов, гениев, их полотна.
От них в Булонский лес сбежали.

Его себе мы каждый представляли
Кто как?! А что ж в натуре?
Как только побывали в его шкуре,
То поняли - он бледен и жидок.

И только малый уголок чуть-чуть наш лес напоминал.
Мне показалось, что Булонский лес устал.
Ведь он один на весь Париж.
Как ты, Булон, еще корпишь?

Не меньше, думаю, он от истории "устал"
Всегда, мне кажется, он не был так удал,
Как миф его нарисовал.

А в ночь - прогулка по реке,
И спали вновь, конечно,
В русском уголке.

P.S. Сейчас, в Париже применил я легкий стиль -
Меня амур об этом попросил.

3 апреля 1996 г. День восьмой.
Диснейленд

Долой искусство! Прочь история и короли!

Сегодня забастовку вам мы объявили
И в мир иной ушли!

А в мире том и рай и ад
Безумно хороши!
И все - как видит детский взгляд,
А значит – все без лжи!

Разбойники, пираты, привиденья и скелеты
Повсюду с нами здесь ведут бескровный бой.
И мы забыли все на свете,
Не помешал мальчишкой стать живот большой.

В какой-то попуасии
Он даже пригодился –
Такую пляску сбацали,
Что чудо-в-перьях изумился,

Потом - смекнул, свисток включил,
Губищи бантиком сложив,
И в супершоу превратил
Стихийный наш порыв.

Он неохотно с русским расставался
Таким и в памяти остался

.....
А Ленд несет все дальше, дальше.
Все натурально, все без фальши.
Вот в море сказок ты плывешь,
Вот золотишко отмываешь,
Вот в гости к королю идешь,
Вот в лабиринтах пропадаешь.

Есть испытанья и по круче:
Тебя болтают, бьют и мучат.
Но все - восторг! И не идешь ко дну,
А прямо в пушку, на луну.

В стране Диснея много есть всего.
Но все ж главенствуют добро, и дружба, и любовь!
Ты в них купаешься все вновь и вновь.

Повсюду здесь ты в атмосфере счастья.
Аттракционы здесь - лишь на гарнир.
А блюдо - первозданная природа.
И красота. Таким предстал нам детский мир.

Представь себе - здесь люди хороши!
Здесь все как видит детский взгляд,
А значит – все - без лжи!

**4 апреля 1996 г. День девятый.
Прощанье с Парижем**

Нам "на закуску" Лувр достался,
То - бишь, Французский Эрмитаж.

Видавший виды коллектив и не пытался
Здесь каждый просмотреть этаж!
Но все ж остались представленья
О лучших Луврских твореньях.

Венера Милосская, по кличке - Афродита!
Кое-где она, конечно, поотбита.
Но все ж горда и молода,
И восхищает вкусом праотцев она!
Сейчас эталон красоты - это жердь,
И кожа да кости, бессмысленный взгляд!
Неужто - так будет и впредь?
Венера, бесспорно, зовет нас назад.

"Рекламой имидж можно ведь любой создать" -
Безмолвно и уверенно твердит она:
"Искусственна скелетная краса!?
Проходят моды. Вечна - Я!»

Я так проник к призывам Афродиты:
Нет, Красота - Вы не забыты!

А Мона Лиза - то загадка!
Ее б, наверно, не заметил я,
Если бы не пичкали нас с детства -
Она вершина мастерства.
Да что же странного, однако -
Не все ведь золото блестит!
И, возвращаясь вновь к Джаконде,
Мне кажется, чего-то я постиг.

Чего? Не знаю сам,
Но что-то протекало по усам
И даже в рот попало.
Уже не мало!

Теперь, пожалуй, в целом я скажу:
Шедевры Лувра не требуют рекламы.
И за себя я рад, что я дышал, дышу
Их духом, пропитавшимся веками.

И помня, что ведь мы в гостях -
Вручил подарок Лувру с душою нараспашку:

Я целый день ходил в лаптях,
В пурпуровой рубашке.

Думаю, уж несколько веков
Не видел Лувр таких вот чудаков.
Может подарок и не совсем впопад,
Но видел я, что Лувр был рад.

Пока бродили мы по Луврским залам
Я вспоминал ночные похождения.
Парижа днем нам было явно мало!
Ночной Париж - ведь новое явление.

Прощанье с Елисейскими полями
Прошло под наблюдением овчарок.
Там не блистал Париж огнями
Да и везде Париж не так уж ярок.

Но нам овчарки не мешали.
В нас поселился уже бес,
И мы с приколами смешались
В очарованье множества современных утех.
Теперь на Пляс Пегаль нас потянуло,
Где центр утех уже иных.
И вмиг Амуром всех продуло -
Его стрела пронзает и седых.

Чего уж говорить о молодых,
Которых ждет еще Амура стих!

Вот я - седой, пузатый, лысый,
И то был в сердце поражен
Обильем секс-услуг ихних.
Париж - огромный сексодром!

Детишкам тут пришлось непросто,
Но каждый шел своим путем.
Маша с достоинством неброским,
А Вовча делал вид, что тут он не причем:
«Ну, и что? Пегали ваши секс-шопами полны,
А меня интересует затмение Луны!».

Последняя в Париже ночь
Ну что ж ты сотворила с нами?!
Как коммунисту мне не вмошь
Понять все то, что видел я очами.

Как только на Пегаль вступили мы -
Так сразу началось действительно затмение Луны.

Для меня такое совпадение,
Как новое Христа явление!

Спасибо Моне Лизе – снова мысленно
В Лувре в лаптях вновь очутился я...
Такая вот история!

.....
Опять марш в город Реймс.
Париж мой, прощай на совсем!

А в Реймсе - прекрасный дворец Нотр-Дама!
Такой же ажурный, себе на уме!
Как вас захотевшая властная дама –
Не рыпайся лучше, в ее ты узде.

Я думаю, ажурность Нотр-Дама
Достойный символ вот такой вот дамы!

И снова бросок! Теперь уж в Брюссель...
По "формуле" опять живем здесь мы.
Живем? Промчалось все... В кровать!
И не морочат голову нам сны.

5 апреля 1996 г. День десятый. Брюссель и Люксембург

Наша "формула" стояла в деревеньке под Брюсселем.
Она картинностью пленила нас своею.
Для русских глаз облизанность дворов, заборов и домов
Ей Богу, краше множества дворцов.
Уж вроде б много видел глаз чего в Европе,
А зацепился на деревне - не на шопе.

Брюссель - достойная столица.
Она удачно все сумела намешать!
Предстала перед нами светской львицей
И за короткий срок себя успела показать.

А начала она, как принято, с шедевров живописи –
Оттуда вынул нас лишь перерыв:
В пустынных залах, на халяву, рысью
Рембрандт, Моне, Роден являли свой порыв.

Затем костелы, улочки той львицы.
Они ведь украшения ее.
Ну и, конечно, бриллиант столицы
С названьем "Площади цветов".

Брюссель немного покраснела,

Показывая герб. В углу стоял, как бы, без дела.
Но мальчик со струею был так мил,
Что сердце львицы растопил.

Она решила с нами поразвлечься
И повела нас к Аква-парку:
Кирпич там может только не зажечься -
В стихии водной стало жарко.

Да и как иначе, когда "удав" с водой
Так и мечтает, чтоб «вмазались» в него своею головой.

Закончила показ гостеприимная хозяйка
Довольно милым развлечением –
Мини Европа! Вот где хозяйка нас водила
С вполне заметным упоением.

А провожая, попросила поклониться Люксембургу –
Графу, соседу, поклоннику, другу.
И через несколько часов
Поклонник был у наших ног!

Была весенняя ночь. Граф встретил нас с поклоном.
Было безумно красиво и несколько жутко.
Большой передали от львицы привет,
Граф был любезным и чутким в ответ.

Он показал нам город без изъянов.
Здесь нет гигантов, разве что мосты.
И жизнь бурлила только в ресторанах,
А по пустынным улицам бродили только мы.

Набитый банками, богач!
Ведь капитал его огромен.
Блестящий граф пленил нас тем,
Что был он даже слишком скромн!

После стольких приемов Бенилюксовского края
Ночь в автобусе казалась раем.

6 апреля 1996 г. - День одиннадцатый. Отъезд из Праги

Чехи тоже не хотели в грязь лицом...
И одарили нас Карлштейновским дворцом,
Точнее - замком, засевшем на горе!
Предстал красавцем он
Нам в утренней поре.

В карете к замку нас везли тяжеловозы –
Пыхтели, словно паровозы.
Пытались даже конским люкс-навозом
Поделиться с русским человековозом!

Возница ж вмиг преодолела шок,
Подставив лошади под зад мешок.

И вот мы в замке, который на костях построил Карл.
Он собирал коллекцию в мощах,
Хотел, чтоб мощи – своеобразный капитал -
Имели достойную их площадь.

Внутри замка мы попали со скандалом,
И не задаром...
А осмотрели только площадь,
В которой некогда гнездились мощи.

Куда рвались, зачем скандал?
Сам бог об этом ничего не знал.
Запомнился колодец, вид из замка,
Все то, что просто так, без банка...

Еще вот Сан-Маринность улицы Карлштейна!
Все! Наше время пролетело.

И снова в Праге мы.
Опять ее мосты!
Нежнейший день весны
Заполнил Прагу, людным половодьем.
Вся Прага стала, погляди, - сплошное «пешеходье!»

Мы были здесь неделю лишь назад.
С экскурсоводом тут бродили наугад.
И он, прикольный Прагоман,
Боялся все за наш карман.

Со вкусом говорил: "Как видишь ты народ -
Так сразу баксы уведет.
Прага - мать воров,
Отец, я слышал, ваш Ростов"!

Теперь везде вокруг народ.
Мы баксы сразу на живот
И... ну, вперед!

Нам показалось - Прага вся
От Монмартра зачала:
Везде тусуется народ –

Такой вот плод!

Как приятна была в Праге расслабуха
После Бенилюксовско-Парижской показухи!
Я в виду имею напряженье,
При котором надо было проникать в творенья.

Болтались просто так,
Глазели на Богему,
Впервые заползали в шопы,
И изумительная ленность
Вливалась в наши стопы.

Гуляющая Прага - желанная женщина!
Тебя полюбила Русь-деревенщина!
До вождельня дело не дошло - пора в купе,
Где снова ждет нас канапе.

**7 апреля 1996 г. День двенадцатый.
День геолога**

В поездах развлеченье - таможни.
Но про дурь я писать не хочу.
Так и просится вынуть из ножен...
Нет! Уж лучше перо я возьму.

И пером заклею я границы
Между нациями и людьми.
Дети - будьте вы вольные птицы,
Но, конечно же, и "лошадьми".

Не стесняйтесь, что Русь небогата:
Есть и грязь, есть и вонь, есть "Совок".
Папу любят за то, что взрастил вас, ребята,
Маму любят безумно - и все!

Но о чем я? Ах, в поезде мчался
Я из Праги домой на Москву...
Хороша, все ж, Европа! Я б с тобой обвенчался,
Полюбил, может, даже как... работу свою!

День геолога! Слушок прошел,
Уже с утра нам стало хорошо:
Вот пригласили на 100 грамм,
Вот здесь - картину подарили,
Вот здесь - автограф попросили,

Азм есь воздам

Я всем людям!
Тут не причем 100 грамм,

За это время группа стала как колхоз,
А в день геолога положен нам "овес".

Весь день мы пели песни,
С которыми росли,
И гордо гидрогео
Мы в поезде несли.

**8 апреля 1996 г. - День тринадцатый.
Приехали. Халас!**

Крошка сын к отцу пришел
И спросила кроха,
Что такое хорошо
И что такое плохо?

.....
Нет, не могу по полкам
Разложить я впечатленья.
Одно лишь ясно - сей визит
Для нас огромное явленье.

Теперь и Прага, и Париж -
Уже разгадана загадка.
От этого мать-Русь не стала чем-то гадким.
Наоборот! Хочу сказать,
Нам захотелось знать как можно больше нашу мать!

Там тоже есть и нищета, есть грязь в метро,
Кусаются в музеях цены на билеты.
Но все ж, как ни крутись,
Работать нам лет 100,
Хотя б до сервиса их туалетов.

Различия бросаются в глаза
В какие ни смотри очки!
И, к сожаленью, многие сюда,
На Русь летят плевки.

Но и другое я не видеть не могу!
Здесь, на Руси лишь полно я дышу,
Здесь воспитавшая меня стихия,
И ей хотел бы посвятить свои стихи я!

Мне, кажется, диктует жизнь, диктует век –
Не столь уж важно где, а важно с кем!

Но главное, конечно,
Сам ты - что за человек?

У нас в Париже Машу очень оценили
Еще б чуть-чуть - и оженали.
Зачем нам эти парижане –
Они же не умеют даже мыться в русской бане!!!

Крошка сын к отцу пришел...
Так скажу я крохе:
"Жить в Европах хорошо
Жаль, в России плохо.
Будет праздник и у нас.
Веришь в это, кроха?"
«Батя - будет, не горюй!
Да и так - не плохо!»

Дунайские волны. 25.07.1997 г. – 09.08.1997 г.

День первый – 25 июля 1997 г. – пятница
«Свобода? Не верю...»

Белый огромный баян
Купил мне когда-то отец
И гордый же был мальчуган:
«Дунайские волны» сыграл сорванец!

Я помню, как в вальсе кружилась
Любимая пара моя,
И лица их счастьем светились
В напеве Дунайском паря!
Уж нет их живых много лет...
В глазах все стоит счастья свет.

И позже Дунай проявлялся
Лишь в музыке, песнях лихих.
Таким он во мне и остался
Свободным, раздольным, с Есенинским стих.

И вот, уж в солидных годах,
Умыл я в нем руки свои,
Сейчас побывав на его берегах –
Об этом мой сказ впереди.

Пожалуй, и все, что во мне о Дунае.

Теперь будет больше – то точно я знаю.
Семья умоталась! Пора отдохнуть.
К Дунаю проложен наш путь!

Жена после «шока» в блаженной улыбке.
С ребят МГУ совершил обмолот.
Теперь уже трое на тропочке зыбкой,
И все же – надежда семьи и оплот!

А сборы недолги. Уже всем привычно.
Подумаешь – немцы, другая ли рать.
Лишь Петр как–то собран и взгляд необычен,
А так – даже некому было рукой помахать.

И в поезде чинно. Лишь Маша бушует –
Совсем раздолбала словацкий вагон,
И Вовча отходит, привычно шуткует.
Не верится всем, что все с нами – не сон.

Как будто работа, экзамены, баллы
Еще нас накроют, задавят, прижмут ...,
Но мерно качается поезд, и шпалы
Уже безвозвратно к Дунаю бегут.

Джин с тоником тоже нас всех отдаляет
От только что важных и срочных проблем.
Все – в поезде все отдыхают.
Уснула семья – мне ж не спится совсем.

Мне Петр компанию тут же составил.
В словацком вагоне до трех петухов
Мы славно о жизни так с ним поболтали,
То редко найдешь среди детей и отцов!

Теперь уже верю!
Все – отпуск начался.
И очень уж сладким
Мне сон показался.

День второй – 26 июля 1997 г. - суббота
Поезд Москва – Дунай.

Какой же кайф – с работы в поезд!
Глаза открылись только в Минске,
У брюк уже распушен пояс
И наготове ножик финский.

Лень обуяла беспредельно.

Гипноз подушки - он безбрежен!
Пить, есть – одно лишь наслажденье,
И в нем у нас никто не сдержан.
Скажу вам больше – даже нежен,
Хоть всяк был как бы «незалежен».

Угрей нам сторговали в Бресте
И Старожитное в ассортименте.
Мы с Лукашенкой нынче вместе
При чревоугодном «инструменте».

Подняли «птицей» наш вагон,
На рельсы Уже опустили.
Теперь, считайте, за кордон,
То значит – в Польшу проскочили!

И сразу – светопредставленье:
В купе возникло наводненье.
Так Петр паспорт обновил
(То бишь его он здесь обмыл).
Но не по-русски маткой-водкой
С каспийской классною селедкой.
По-польски – дождиком в купе,
Хотя и не был под шофе.

Помчался дальше наш вагон...
С улыбкой наблюдаю Польшу
Ведь Папой Русским (!) здесь я наречен,
Когда паломник был – не меньше и не больше.

За окнами знакомый мне пейзаж:
Без края хутора с землей за домом.
Да, Польша, ты осталась та ж
И я тобой вполне доволен.

Повсюду признаки набожности, достатка,
Хотя заметно, что и здесь жизнь не сладка.
Жена твердит: «Не знаю почему,
Но все же в Польше жить я не хочу».

Сейчас же здесь трагедия в разгаре:
Дожди весь урожай почти слизали.
Пока не видно хуторов в разливе,
Но очень «бледный вид» у польской нивы.

Не обошлось без приключений.
В Варшаве нас разбил жел-дора гений.
Пока жена с Петром в отстойнике гнездились
Все остальные в Польше заблудились.

«Есть надо меньше, меньше надо есть», –
Твердила Маша, прыгая в вокзале...
Но пронесло, вагон мы повстречали.
Там хмурый Петр: «Про меня забыли».
Жена же, как всегда, спала,
Как будто каждый день теряется семья.
И вид такой: «Напрасно разбудили».

А дальше рельсы повернули от Брюсселя
И понесли нас в Будапешт.
Поскольку в карты не играли мы доселе,
То ночь гоняли пульку в преф.
Я проигрался в пух и прах,
Так ночь и кончил на бобах!

**День третий – 27 июля 1997 г. – воскресенье
Хлеб да соль в Братиславе**

Мы в Братиславе. Пришел конец посушному пути.
Игрушечный вокзал, послушное такси,
И вот Дунай – желанною рекой
Нас повстречал воочью, не в сознаньи.
Каюты в кубрике. Сумы долой,
И мы уже – по Броуну – в гулянье.

Река, корабль – все это потом,
Ведь Братислава с нами не знаком.
Ему (иль ей?) свой день мы посвятили,
За это даже нам в конце налили.

Но, впрочем, по порядку:
Для ног была хорошая зарядка,
Глаза и мысли тоже зарядились
И вот какие впечатленья получились.

Здесь нет столичного размаха.
Ведь 5 миллионов – вся страна,
Да и не парень он «рубаша»,
Скорей – опрятная вдова.

В цветах балконы, в камне – тротуары,
Провинциально жизнь течет.
Ни одного не видел я базара,
В костелах в очередь народ.

По воскресеньям город пуст с утра.
Все богу молятся. Такие, брат, дела!

Советских воинов здесь чтут.
Могилы убраны, не встречены ухмылки, перебранки,
Но в напряжении живут и ждут
От революции очередной «подлянки».

А президенты развлекаются:
Дворец епископа – не нравится.
«Хочу другой себе дворец!».
Он в миг построен, а жилец

Твердит про кризис. Мол, народ,
Для будущего счастья пусть уменьшит бутерброд!

Народ безмолвствует.
Мостит дорогу к власти славянин наш сам
Продажным, алчным подлецам.
Все, не буду про политику! Про бездну
Габсбургов, про Марию Терезу!

Кстати, ее я видел на коне.
Шестнадцать девок нарожала!
И понимала толк в вине,
И королевство умножала.

Такой пример теперь не в моде,
Сейчас все день и ночь «страдают о народе».
Или в перерывах между аплодисментами
Работают без усталости с «документами».

У города отмечу я такие вехи –
Они для жизни, а не для потехи.

Вот старый пятачок с модерн – мостом вписался,
Жемчужиной был и ею же остался.
Вот центр радио стоит на голове,
А смотрится – вполне.
Химкомбинат - основа! Он гигант.
Зеленые краснеют - не сбросили десант.
Есть пляжный волейбол среди костельной рати,
Монашками все улицы богаты.

В традиции родной нам: «Хлеб да соль!»
Есть в Братиславе все – и красота, и боль!

Цветы и виноград везде, во вкусе!
Надегустировались, господа исусе!
Вино хлестали полными бокалами,
Веселенькими стали, но не пьяными!

Прощай, опрятная вдова!
Ты что-то загрустила потихоньку.
Не вешай нос! Ты привлекательна пока,
И в этом уже много толку!

И вот наш дом на две недели.
С шампанским – капитанский ужин!
(Пускать к нему нас не хотели:
«Ваш паспортный режим нарушен».)
На Братиславу загляделись!
Чуть опоздали – с визой взяли.

Первая ночь на Дунае.
В танцах кружились с женою вдвоем.
А сон, между тем, наползает,
И все, что скопил – убивает.
Мы завтра к «убийству» путь снова начнем.

Такую «смерть» я принимать готов
В течении отмеренных годов!

День четвертый – 28 июля 1997 г. – понедельник.
Будапештские забавы

Ночной круиз, включая мощный шлюз,
Поднял нас утром в Будапеште.
Я здесь уже туристский кончил ВУЗ
(Когда-то, что-то я писал об этом месте).

С обзорной нынче нам не по пути:
Хотим узнать мы город изнутри.

У городского парка – зоосад.
Один из лучших, кажется, в Европе,
Взахлеб нас несколько часов подряд
Болтало по вольерам что-то.
В честь этого природно - рукотворного творенья,
Пожалуй, лучше напишу стихотворенье.

В зоопарке

Куда убежать от потока машин?
Куда б от проблем нынче скрыться?
Я помню, я знаю – есть «остров» один,
В котором вас ждет феникс – птица.

Собрал бегемот у себя детвору
Мартенный свой рот разевая,
И булка придется здесь всем ко двору.

Картина земного блаженного рая!

Страус – как пава, жирафа – как стела,
Миленький взгляд кенгуру,
Гордая лама подходит умело,
Орангутанг изучает толпу.

Бродят по травке мартышки шальные,
С хоботом, вечно в работе, слоны,
Пиво исчезло – верблюды хмельные,
Куры общипаны, тигры смешны.

Кролика гриф на куски раздирает,
Лопая мышку, мудреет сова,
Сонм тараканов удав пожирает,
Льву на обед подается овца.

Хищным с добычей – соседняя гавань.
Покуда калитка у них на замке.
Кому птица – феникс, кому птица – саван,
Хоть в Будапеште, хоть дома в Москве!

И все ж ... И все ж в зоопарке счастливые лица,
За это одно сюда стоит стремиться!

***

Из зоопарка – в турецкие бани,
Термальные воды здесь в банях живут.
Что это такое – судите вы сами,
Вот с этим стихом отправляемся в путь.

Гимн турецкой бане

Дворец на берегу Дуная.
И рядом, с символом, гора.
Геллерд – ее и бани называют.
Купальни – бани, нам туда пора!

Здесь живописные полянки,
Читают, загорают, пьют.
Нудисты здесь в своих деланках
Прокладывают в будущее путь.

Бассейны – закрытый и открытый,
С горячей, с теплою водой,
Для малышей, отцом забытых,
С продувкой воздухом, с волной.

И термованны – в них повсюду млеет
Размякший, ласковый народ.

А в головах у них не зреет
Ни проблеск мыслей, ни забот.

Парит парная мокрым паром –
Сосед не виден мне совсем.
Кряхтят без веника и с жаром –
В контрастный, маленький бассейн.

Есть сауна, но вот не в моде,
Совсем мала и нет людей.
Бар – пиво, соки, воды,
Довольно просто все и без затей.

Но как же тело расслабляет,
Как прочно укрепляет дух.
Турецкой бане гимн играю,
Чтоб символ этот не потух.

Я в русской тоже знаю толку,
Мне больше нравится она.
Но здесь не баня – нечто больше,
Здесь символ благости житья.

Здесь все равны, здесь подлость на замке,
Хоть в Будапеште, хоть у нас в Москве.

.....

Затем туда, что так мадьяр прославил:
В Будапештской крепости – до полночи поход.
Фуникулер «на крышу» нас доставил
Сам отдыхать ушел. И вот

Поистине счастливые моменты:
Среди, в ночи, безбрежной красоты
Звучал органа голос нежный,
А в нем Дунай, дворцы, мосты.

В нем глубина, ласкающая душу,
В нем отраженье мудрости веков...
Спустились на «Амур», закончен день на суше.
Морфею отдались в конце концов.

День пятый – 29 июля 1997 г. – вторник.

Прощание с Будапештом

С утра – в Сент-Эндрю.
Малый городишко сербов.
В нем муза поселилась и живет.
Не только в старой деве – Ковач,

Вообще, в художнике, что за свой народ.

Но есть и «ляпы», происхождение коих не пойму:
В одном дворе увидел я такое вот «искусство»:
Секс – девы, символы торчали на виду
Среди церквей, костелов. Чтоб им было пусто!

Но Ковач ... это, правда, нечто!
Из глины жизнь глядела в нас,
И в нас пахнуло чем-то вечным.
Ему лишь скульптор отдалась.

Приятный милый городок
С одною улочкой торговой.
Благодарю тебя, дружок,
Что образ дал мне Ковачовой.

Не знал б развалин Римских я,
И акведук б мне был не нужен,
Когда б в Сент-Эндрю не попал,
То с Маргаритой б не был дружен.
Такой поездки был итог
Вот в этот сербский городок.

А дальше в Будапеште мы в искусстве.
Моне, Рембрандт, Роден и Писсаро!
Совсем забыли здесь про русских
Ну, хоть,нибудь, какое полотно.

И снова в город – любоваться
Его вечерним существом.
Достоин Будапешт, что бы признаться
В любви каким-нибудь стихом.

Нет, нет – не надо,
Лучше в прозе,
Скажу без лишних громких слов:
В тебе есть нечто,
То, что в розе –
История блаженства и любовь.

Ты стариной своей пленяешь,
Дунайской ширью покоряешь,
Блаженство – то костелов тишь,
Любовь – на улицах хранишь.

Ну, что же, Будапешт, прощай.
Ты, говорят, сейчас не в лучшей форме,
Тогда уж, добрым будь, пообещай

Принять и внуков и детей
Как только будешь в норме.

А на «Амуре» ждет нас пир:
Глинтвейн на палубе открытой,
Сан Саныч – шуточный мужик,
А Будапешт – уже забытый.

**День шестой – 30 июля 1997 г. – среда.
"Амур" на Дунае.**

Сегодня передышка – день весь на Дунае.
«Амур» теперь на Вену держит путь.
Так наши гиды посчитали,
Что нам пора и отдохнуть.

Наверно, правильно.
Три дня по городам скитаться!
Совсем не грех и отлежаться
На верхней палубе под шум воды.
Вот здесь–то мысли потекли.
И про Дунай, про наводнение,
Что нам пыталось сбросить настроенье.
Здесь два – три дня тому назад
Залито было все подряд.

Сейчас осталось лишь течение,
Дунай – что горная река.
Такое вот осталось представленье.
Как Волга – матушка раскинулась она.

Местами Волга, местами может быть Ока,
Днепр где-то, по виду выбирай.
А в общем, крупная река
С названьем красочным – Дунай.

Название красочно и красочны пейзажи,
Где нет строений – все смотрится по-русски,
Но что–то все ж не то, как после кражи.
Чего-то не хватает. Как мадам без блузки!

Ах, вот оно чего! Нет рыбаков!
Нет пляжников и бронзовых детей беструсных.
Здесь нет души речной. Дунай таков.
И этот факт довольно грустный.

Я б не сказал, что грязная река.
Я в ней, конечно, искупался.

На вид – не хуже наших она,
Народ, конечно, ей другой попался.

Сказали, что нельзя,
Не так «пасет» с Дунайской рыбы.
Вот вся проблема и снята.
Смешно представить то на русской ниве.

Уж сотни раз слышал от разных знатоков
Плохая рыба, мол, из Волжских берегов.
Реакция у нас одна. Национальная она.
Плохая – значит и не ешь, а мне – так в самый раз.
Таков Вам русский сказ.

Плывет «Амур» – двухпалубное судно,
На нем Украинский синюшно-желтый флаг.
Нет, плавать нам на нем совсем не нудно
Обслуга – все во фронт стоят.

Концерты, танцы, видео, кормежка –
Мне лично это «выше крыши»,
Порой неловко даже мне немножко
Все это есть, глядеть и слышать.

Плывет здесь с нами парень славный
Один из нынешних столпов эстрады –
Лукьянов Саша. Он, как бы, главный
В успехах Распутиной и Фильки, прочей кавалькады.

Сам скромн, без звездной мишуры.
Зачал «Эх, ма!» и «Гималаи»,
И с «Примадонной» он - на ты,
Поскольку Фильку ей же сплавил.

Так слышал от него.
Я не прибавил ничего

На верхней палубе и пляж и душ,
Два бара, каждый день оркестр.
Плывет туристов почти сотня душ –
Для них с улыбкою поет маэстро.

Чего уж лучше может быть,
Желаю каждому вот так пожить.

«Амур» на Дунае уж к Вене причалил
Морфей же нам шансов совсем не оставил.

День седьмой – 31 июля 1997 г. – четверг.
Вена – жемчужина Европы

В Вене причал очень скромный, однако
Вид с берега тоже неброский совсем.
Заметны лишь ООНовская «хата»
Да мост, что раскинулся чуть набекрень.

Автобус тронулся, и мы вползаем в Вену
С обзорной мыслью. И тут же – он, венец!
Забились чувства в Бельведерной пене,
Сам Шонбург! Руку приложил творец!

Сие - наследники Версаля, Питергофа!
Мари Терезе здесь укреплялся трон.
Тут сын Наполеона кончил плохо,
Но в целом – восхитительный, сказал ты, тон.

Подстриженность окрест двора
Пленяла нас не меньше, чем убранство залов.
Прекрасно здесь! Но – нам пора:
Центр Вены оглядеть пора настала.

История – от Штефанплац,
Которого мы «Степкой» окрестили.
Там центр Вены и сейчас. –
Вокруг «Степана» так и колесили.

С крыши собора хороший обзор.
Здесь Вена лежит на ладони!
Но шарм не добавлен в наш кругозор:
Вена – из тех, кто блистает в салонах.

С нею знакомится лучше пешком
Неторопливою, плавной походкой.
Гид – наша книга, ведет нас волчком,
И начинаются наши находки.

Я о находках не буду сейчас,
Сразу начну с впечатленья:
Город – красавец! Он просто потряс!
Были такие мгновенья!

Я думал: Вена – скромная красавица,
Богатая, знатная, не деревенщина.
А что ж я увидел? Шикарная женщина!
Такая - не может не нравиться!

Шикарная женщина – это не только одежды

Здесь не фотомодель, не поза или цвет.
Шикарная женщина – как мечта, как надежда,
Она просто есть иль ее просто нет.

В огромных дворцах и в ухоженных парках
И в полководцах – всегда на конях,
В гениях музыки, глубоких и ярких,
В мини и макси ее площадях.

Есть то, что чарует вам душу,
Что возвышает, пленяет, манит,
Что недоверия быстро разрушит,
Что о божественном думать велит.

Мне в жизни шикарное как-то не близко,
А здесь благолепно все я «перенес».
В Вене поступки и мысли естественно чисты,
Хоть запах в ней всюду – конский навоз.

Мы ноги избили по улицам Вены,
Нас спать не пускало желанье объять.
Но все же стучало где-то там в венах:
«Пора на «Амур». Завтра рано встать!»

**День восьмой – 1 августа 1997 г. – пятница.
Сказки Венского леса**

Какое чудное созвучье – Венский лес!
Сюда, конечно, не мечтал забраться,
Но приобрел влиянье, баксы, вес
И ... так вот и пришлось здесь оказаться.

Предместья Вены! Все холмы и горы,
Повсюду виноградник, сказки – деревеньки.
И замки, что с разрухой спорят,
И Маэрлинг с известной «пенкой»
(Последний Габсбург застрелился –
Скандал по миру прокатился).

Долина Елены. Коварна нередко.
И сказочный Баден. Здесь Штраус и вальс.
Парк отдыха. Сцена. Беседка.
Капризный Бетховен. Все это для нас.

А плюсом, опять же, вино молодое
Под сенью в каком-то уютном сельце.
Сказки Венского леса. Так вот что это такое!!!
И снова мы в Вене, в Австрийском венце.

В музее искусств у Марии Терезы.
Здесь Рубенс, Доде, Рафаэль, Тициан,
А этих скульптур, драгоценностей – бездна!
Такое скопление. Чувств – океан!

Здесь можно бродить и смотреть бесконечно
Как Лувр, Эрмитаж, Флорентийский алмаз.
А, впрочем, возможно, поменьше, конечно.
Но все здесь со вкусом, все радует глаз.

И снова вальсом-колесом по Вене!
Приземистый театр. Здесь оперу дают.
Весь в золоте король у речки Вены,
То Тевтонский орден. Все, пора нам в путь.

Но как же нелегко расстаться с Веной!
И как, вообще, обставить этот акт?
Конечно, оперой под лунным небом,
Чтоб с Паваротти, а не просто так!

Свершилось чудо!
У ратуши для нас давали Риголетто!
И Паваротти был в ударе, как всегда!
С десяток тысяч венцев пьют, жуют при этом
И воспевают у красавиц их сердца.

Сон в Вене...
И приснилось мне,
Что что-то напеваю
Я во сне.

Венский сон

По улицам Вены вальсируют пары,
Соборы как будто плывут,
И Штраус, и Моцарт здесь кутят с друзьями,
А их императоры ждут.

По улицам Вены вальсируют пары,
Зачем-то включился орган
И святошный Штефан, красивый и старый
С усмешкою бьет в барабан.

Припев:
В венах пульсируют токи,
Нежностью брызжут глаза.
Я будто сегодня вернулся к истокам -
Мы вместе с тобой навсегда!

По улицам Вены вальсируют пары...
И вот уже в Венском лесу
Как Габсбургский принц принимаю я кару,
За что, за кого – не пойму.

По улицам Вены вальсируют пары.
Дунай утопает в цвету.
Любимая, где ты? Тебя я теряю,
Но даже во сне я найду!

Припев.

.....
Закончен сон, пора вставать,
Мы еще в Вене, но надо уезжать.

**День девятый – 2 августа 1997 г. – суббота.
Моцарт**

«Амур» поплыл без нас.
А наш автобус мчится
По Австрии. Ну как мне передать сейчас
Что там за окнами творится?

Я много уже побродил по музеям,
К шедеврам привыкли глаза.
Австрийский пейзаж мне невольно навеял –
Шедевром является Австространа!

Сидишь как в музее, а что-то проносит
Полотна – сокровища мимо тебя.
И вот уже Вас поражает, возносит
Сокрытая прелесть их и красота.

Холмы и равнины, озера и горы,
Деревни, коттеджи, игрушки – поля.
Есть все и у нас, ведь разве кто спорит?
Но здесь во всем этом витает душа!

Рука человека здесь дружит с душою,
Чего очень редко найдешь у себя.
Шедевр как раз движется этой стезею,
Помимо, конечно, еще мастерства.

Жить здесь не хочу, я сейчас не об этом –
Воспитанный в ниве доступных картин,
Уют не живет под бриллиантовым небом
И счастлив не будет под небом таким.

Пленясь красотой озер белокрылых,
Что в Альпах раскинулись словно моря,
Мы въехали в Зальцбург, Вольфганг Амадею постылый.
Здесь он родился. Отсюда как смог, так сбежал.

А он и красив и уютен собою,
Сейчас только Моцартом, в общем, живет.
Хоть крепость гнездится, гордясь высотой,
Хоть многое здесь стариной отдает.

Ведь самый он в мире большой консерватор.
Здесь все как сложилось столетия назад.
Старинный свадебный тотализатор
Завлек аж японцев на этот обряд!

Костелы и площади, магазины и рынки,
Здесь все неизменно, здесь город – музей.
Здесь все сохраняется как на картинке.
Даже для карликов – свой мавзолей.

И все же, и все же ...
Здесь Моцарт хозяин,
Процентов 95 он городу дает.
Здесь постоянно фестивали,
Собчак и Ойстрах, состоятельный народ.
Моцарт, окутанный тайной,
Спецов и прочих всех к себе манит.
«Любовный» порошок жены многострадальной
Волшебной флейтой душу берedit.

У города всегда был покровитель.
То соль, то Гитлер, Моцарт – вот теперь.
Немодный денди, Зальцбург – искуситель
И «реквием» не для тебя, поверь.

Опять дорога «по музею» вьется.
Вот город Мельк – там нас «Амуры» ждут.
Вот Бенедиктов монастырь к Дунаю жметя,
Красив, громаден. Он главнейший тут.

День десятый – 3 августа 1997 г. – воскресенье.

Пассау

Когда-то он – столица, а Мюнхен, Вена – деревеньки,
Сейчас полсотни тысяч здесь жильцов.
Четыре тысячи лет стоит, меняясь помаленьку,
Обросший красотой и мудростью веков.

На стрелках трех рек он обжился когда-то,
Сбирая со всех и за все свой оброк.
И надо сказать, что, Пассау, не зря ты
Потратил все то, что в то время нагреб.

Где Инн и Дунай – центр здесь разместился.
Барочный внутри, с гроссорганом костел.
Епископ здесь с Моцартом так расплатился,
Что сразу в историю музы вошел.

За Инном – всесильная Дева Мария
К себе заставляет дорогу торить.
Четыре часа к божеству простояли!
Тогда только можешь, о чем-то просить.

За “можно попросить” – целых четыре часа.
Настоящие чудеса!

На стрелке же Ильса с Дунаем
Раскинулась крепость в холмах.
Раскрашенный бык там, гуляя,
Спасал духовенство впотьмах.

Карлики – улицы, город – с пятак.
Но, право же, в нем приятно так.

Забрел я в жильё, что на горке гнездится.
Совсем расчудесно-этаженный вид.
Две Анхен лет 5 под окошком резвятся,
Одна вдруг другой что-то там говорит.

Потом подбежала с протянутой ручкой:
“Дай денег”, – так мило с улыбкою, светлым лицом.
Я вывернул все, нет, мол, этакой штучки.
Она изумилась, к подружке бегом.

Я дальше пошел. Вдруг она догоняет
И снова с протянутой ручкой своей,
На малой ладошке монетка блистает,
Возьми, мол, на бедность, но шнапса не пей!

И столько в глазах у нее состраданья ...
Я ручку той Анхен поцеловал.
Она просияла ... Подружке доложено без опоздания,
Как русский брюхан ее милость принял.

Пассау город – заповедник,
Благообразный, романтичный старичок.
Сейчас он просто проповедник

И только с этого собирает свой оброк.

И, думаю, хватает на житье!
А мы–то, господи, какое дурачье.
В России “изюмы” повсюду есть,
Вот им б Пассаусскую честь!

“Амур”, как всегда, любезен,
А сон нам очень полезен.

День одиннадцатый – 4 августа 1997 г. – понедельник.

Бавария, Мюнхен.

Германия. Автопробег Мюнхен – Дунай.
Не Австрия – другое ощущение.
Чуть проще, ближе к нашим край.
Но все ж, конечно, масса впечатлений.

В полях найдешь по - русски уголки,
Увидел БМВ – чудесная жар-птица!
Наш ВАЗ – так просто «угольки»,
Которые в 100-кратной площади решили разместиться.

Вот атомная станция, что стоит у дороги.
Белый большой бегемот, а из пасти – парит.
Такая не может вызвать тревоги,
И можно влюбиться в ухоженный вид.

Столица Баварии Мюнхен – коллега.
Массивный, рабочий, чуть с юморком.
Олимп – стадион как большая телега
Стоит черепахой, с музеем авто.

Нимфбург, чуть скромнее его Бельведеры,
С каналами в карпах, с “загадкой” – дворцом.
Костелы и пиво – две равноправые веры –
На каждом шагу уживаются в нем.

Одна из лучших пешеходных улиц.
Здесь все шедевры вместе собрались.
Здесь русский бас мужского хора,
“Смерть”, “золото” и Аравийский принц.

Начало и конец ее – ворота.
За ними на гектар шатры,
Где море пива. Прочь заботы,
Здесь грешен, но прекрасен ты.

И мы в том море искупались.
Грешили, с немцем стали близки.
Мы атмосферой наслаждались ...,
Хоть гадость все же их баварские сосиски.

И вновь Пассау – немецкий микрогородок.
Весь день я думал над судьбою:
В день памяти отца бок о бок
С его врагом сроднился я душою.

Я низко кланяюсь отцам
За истину: “Мир – хижинам, война – дворцам”.

Со звоном бокалов, с шампанским вином,
С детьми мы вспомнили отца.
Жизнь после смерти – вот закон!
Вот им хочу, чтоб поминали и меня.

Завтра в Прагу, в 5 надо вставать.
Сейчас уже 2. Все же надо поспать.

**День двенадцатый – 5 августа 1997 г. – вторник.
Злата Прага**

Мне очень нравится маршрут:
Германия – Чехия, Чехия – Линц.
В Австрийском Линце нас «Амуры» ждут.
Семья разбилась – кто-то на авто,
А кто в Пассау, в том же Линце.
Мое в автобусе окно
Позволит, думаю, пейзажем насладиться.

Не буду о пейзажах повторяться.
Вообще-то, он, конечно, схож.
Но вот детали ... здесь не будем обольщаться
Австрийский как картинка – лучший все ж.

Пейзаж объединяет кукуруза,
Коровы, взгорки и леса,
Костелы, замки, история, что проходили в ВУЗах.
Сегодня всюду голубые небеса.

Кафе под небом, готика, барокко –
У всех троих везде одно и то ж.
А глаз-то видит, в общем-то, далеко -
Граница есть и нас не проведешь.

Как видишь ты, что на лице у женщин

У всех нос, рот и брови, и глаза,
А различает – пропасть и не меньше,
Что в мире называется – судьба.

Печать ее повсюду
Я б сказал – в убранстве ...
То наблюдал в свое окно.
С каким завидным постоянством
Видны различья из авто.

Мы в Праге уже, помню, были.
Я ей еще любви исполнил гимн.
Петр с Машей так решили,
Что я как гид – неповторим.

Облазили их Кремль, где караул меняли,
(Там Рябов, что голоса за Ельцина считал).
Там улочку алхимиков туристы заполняли
И вице - богоматери здесь всюду дух витал.

Я с видом знатока, крутого вроде б, гида
Пытался что-то умное ребятам рассказать
И с криком: «Бельведеры!!!», и тем же умным видом
Посольство Индии пошел на приступ брать.

Чудной порог Влтавы у Карлова моста,
И новые желанья у, вроде б, мудреца.
Часы с оркестром странным, с маэстро – петухом,
И с книгой Гиннеса – пристанищем самоубийц – мостом.

И лебединая заводь,
И сотни над ней куполов.
Все это и делает Прагу
Столицею всех городов.

Не все согласятся – столица?
А Рим, а Вена, Париж, Петербург,
Брюссель и Москва, Будапешт, Амстердам,
Но всех нас устроит званье – жар-птица!
Так внукам и детям своим передам.

По главной площади гуляли мы в «присядку»
С ее величавым музеем – дворцом.
Вот Швейк – кабачок, только в вприглядку,
В него не успели, жалели потом.

Ну что ж, нам пора, уезжаем из Праги.
Ее не объять, но приятно взглянуть.
Детям чуть рому – не мешает ведь брага

Усилить увиденное... и в дороге уснуть.

Граница Австрийская. Линц – городишко?
Нет, город портовый, рабочий, большой.
«Амур» отплывает. Сан Саныч – кукушка
Зовет всех на палубу. Ужин – пивной.

И караоке, и танцы под небом.
Как говорится: не единым хлебом!

**День тринадцатым – 6 августа 1997 г. – среда.
Прощанье с Дунаем на «Амуре».**

Закончен бал, погасли свечи путешествий
И, в общем, вовремя: уже погас огонь,
Уже не можем больше от своих нашествий
Вбирать всю красоту и всех трагедий боль.

Пора немного боки отлежать,
В туристском деле нельзя перебирать.

Несет Дунай наш «пароход».
Турист на палубе. Глядит вперед.
Мелькают снова села, городишки,
На верхней палубе – в одних трусишках.

Из нового запомнил замок, что векам проспори́л,
Что в детстве пылко душу бере́дил.
Ричард Львиное Сердце – он на скале когда-то был построен.
Сейчас ему за жизнь бороться нет уж больше сил.

Дунай проносит нам знакомые места:
Вот Мельк, вот Вена вся в огнях блистает,
А там уж Братислава подошла,
Где наш круиз победно умирает.

Закончен бал, погасли свечи путешествий.
Кого-то самолет уже унес домой.
Мы ж не закончили еще своих нашествий.
Готовим Братиславе бессонный новый бой.

Еще два слова об «Амурах».
Нам здесь уютно, вкусно, весело.
Но недовольных много. В судебных процедурах
Их честь, достоинство, ну, вообще, ремесло.

Быть всегда в миноре,
Требовать, чтоб все, везде, всегда ...

А если вдруг комар да подточил свой носик,
Тогда трагедия, пожар, беда.

Вот где-то опоздал экскурсовод,
«Амурский» «съели» весь народ.
В ночь улетает самолет
И снова «съеден» весь народ.

А нам уютно, вкусно, весело.
Пою на вечере прощальном,
И капитанское вино
Прощанье делает хрустальным.

Нас улаживали день и ночь,
Везде и всюду забавляли.
Вот Петр выиграл вино,
Вот всю-то ночь танцевали.

Оркестр, заслуженный артист,
Маэстро модный – и не за забором.
И с «Венским сном» - я сам солист!
Минор, конечно, с перебором.

Сегодня дети не ложились спать!
Счастливые – не надо им вставать.

**День четырнадцатый – 7 августа 1997 г. – четверг.
Да здравствует жизнь!**

«Амур», такси и вещи на вокзал,
Хоть 5 часов утра! Лишь к ночи поезд наш.
Вот так мы целый день себе приплюсовали.
И снова входим мы в туристский раж.

По старой Братиславе круги нарезаем.
А ноги не тащат, глаза – не глядят.
Как сутки не спать - эту штуку познаем.
Что ж делать? Конечно, к природе, на воды, назад.

Не «Амур», конечно – Златы Пяски.
Большое озеро с «морской» водой.
Курорт, спортивный парк, на всех хватает ласки,
В живую воду сигаем с сонной головой.
Немного огляделись – рядом чудо:
Трехцветный змей вознесся смерчем ввысь.
Вот это на «закуску» блюдо!
Ребята, аквапарк! И понеслись!

Какой там сон ... Забыто все на свете,
Болтались в нем до надцати часов
Пока не посинели наши дети,
Пока с них не сбежало семь потов.

Пожалуй, я и здесь рекорд побил,
Когда на пузе нос себе разбил.

***

Веселые и бодрые, измочаленные молодцы
Ввалились в купе поезда, и сразу всем – концы.

**День пятнадцатый, шестнадцатый – 8-9 августа 1997 г. – Пятница, суббота.
Домой!**

Еще в мозгу ночной иллюзион,
Таможен чехарда.
Еще смешон вопрос – аттракцион
И веселый ответ – белиберда.

Что везешь? – Вещи.
А это что? – Сумка.
Куда-то уплыл сон мой вещей
И вид у меня – недоумка.

Подъехала Варшава к нам затерянным вокзалом,
Исчез наш поезд в поисках партнеров.
По-польски завтрак в нам уже знакомом зале,
Об шляхтовый асфальт размялись как танцоры.

И снова смена флага подошла.
У Брестской крепости хрипят войною.
Мешок – косилка с бабою пошла,
Кофейный сервис поражает наготою.

Унылый, безотрадный дух
Ударил в глаз, проник в сознание.
Славянский край совсем потух,
За что такое наказанье?

Когда границы режешь каждый день,
То глазу все, конечно, сразу видно.
Вон там обласкан каждый пень,
А здесь НАРОД держат за быдло.
Все «измы» – зло,
Должно главенствовать одно.
Для труженика – все,
А хама, жулика – в дерьмо,
Все остальное расцветет само.

Пока такую политчушь я нес,
В Москву уж въехал паровоз.
Таксист до дома нас довез ...
Подрос, за две недели я, подрос!

Не знаю в чем, не знаю где,
Но вся семья моя вполне
Без лупы видно – подросла.
Таков итог, такие, брат, дела!

Берлин – деловой визит. 16-20 ноября 1997 г.

16 ноября 1997 г. – Москва – Берлин – Клаусдорф

Мешки под глазами – ведь ранний подъем,
Да после крушения надежд мирового масштаба:
«Позор приключения русских в футбольной Италии» – так назовем,
Вот к этой Берлинской поездке прологом стал, как бы.

Но, в общем, боролись! И в целом – бойцы!
И все ж – за бортом в мировом эшелоне.
Я ж, в общем, и целом, считай, «молодцы»:
Лечу на Берлин в подмосковном «загоне».

Вот здесь на борту – экофон технологий,
Мол, мусором ходим «умно» под себя.
Я еду цеплять эшелон аналогий,
Чтоб свалкой не стала вся наша страна.

Пусть немцы научат, пусть немцы нас купят,
Пусть немцы покажут «конфету с дерьма».
Мозги продадим мы им с мусором в купе
(У нас ведь в избытке такого добра).

Да вряд ли нужда есть, а, впрочем, посмотрим.
Зачем же лечу среди прочих тогда?
А может мы купим «Дойчен машинен»
И будем сучить из дерьма кружева?

Простился с детьми и с женой как на вечность,
Они – досыпать, ну а я – в самолет.
Прощай, напряженка! Салют Вам, Беспечность!
(Ведь с красным вином продолжался полет).
Опять же, конечно, знакомые лица:
Глава Воскресенска по «экопроблем».
Да, мал земной шар, мала наша столица!
Иль я стал большим, что не скрыться совсем?

Вспотел самолет, рубежи рассекая:
Сто сорок минут, что за пять лет войны
Прошли наши деды, отцы, проклиная
Фашистскую нечисть, чтоб смыть их с земли.

И смыли ... А дети и внуки плоды пожинают.
Сажусь на Щендорф и с комфортом – в Рейхстаг.
Сейчас он скелетом своим поражает.
Разрушен. Кантарии некуда ставить свой стяг.

Сейчас весь Берлин – как одна стройплощадка.
И серость повсюду – в порядке вещей.
Еще и ноябрь наложил отпечатки.
Берлин не понравился мне, ей же ей.

Возможно, он был ничего, а возможно и будет.
Сейчас ж – без изюминки и без души.
Вот только мосты, да «шпациренгеестость» улиц,
А так же ничтожность печально известной Берлинской стены.

Она бледнее стены Цоя!
Я почему-то не ожидал такое!
Готовится скоро Берлин стать столицей.
Потсдамская площадь – то центр мечты.
Еще лет пять – шесть нужно здесь повозиться,
Тогда и возникнет шедевр для души.

Подземный вокзал прямо здесь у Рейхстага
У нового центра под мышкой растет.
Но вижу как будто берлинцы не рады,
Что их вновь столицей страна назовет.

Печать перехода лежит на Берлине,
А сам он пока что совсем без лица.
А, может, я строг, и в градокартине
Не смог разглядеть лавр и остов венца?

Ведь есть Бранденбургский проезд и ворота,
И Эльза Викторию прочит всему.
Унтер дер Линден в учебе, в заботах,
И Геббельса Плац здесь у всех на виду.
Шпрея, Тиргартен и масса протоков,
Остров музеев, ласкающий око!

Скажи же, чего тебе здесь не хватает?
Наверное, двойственность всюду витает.
Нет здесь ансамбля, единства, души....
Я повторяюсь, все – дальше пошли!

А дальше в Клаусдорф дорога.
От Берлина верст за сто.
Здесь, оказалось, жилье для «народа»,
То есть, для нас. Для тех, кто ЭКО.

Я был огорчен – ведь летел-то я в «сердце».
Прощайте музеи и кирхе. Попал!
Кто ж провернул это подлое дельце
И экологию в «дорфу» загнал?

Все! Вылезайте! Вот ваш «Император».
И разбежалась по членам волна.
Боже! Отель ведь на море почти что запрятан
Вот уж по истине – «Дойч- чудеса».

Тишь, гладь и такое блаженство
Воздух ладонями черпаешь в грудь.
Я за такое стою совершенство,
Если тебе его в блюде кладут.

Мне-то того лишь и надо сегодня.
(Наверное, муж и отец я негодный),
И вот предо мною прелестный «сюжет».

Я думаю, хватит.
День длинный сегодня.
И сон в Клаусдорф
Был весьма превосходный.

17 ноября 1997 г. Понедельник.
Государственное дело

Наш дом – «Император» - вместил все, что нужно.
Здесь личный мой номер – шикарный вполне.
Здесь наш ресторан с немецкою кухней
И шведским столом, как в Европе везде.

Здесь зал заседаний с зеркальной нишей.
И зимний есть сад с переходом на пляж.
Он сам двухэтажный, с мансардой под крышей.
Ну, в общем, у нас вызывает кураж!

И сразу за стол – нет, не пить, а работать.
Идет перевод то туда, то сюда.
То немцы нас гнут (им бы наши заботы),
То мы их тесним (им ж работа нужна).

Я тоже к себе вызывал интересы

Пытаясь привлечь Европейский союз.
А все остальное, как это известно,
Есть воля богов. В целом ставлю я плюс

Дискуссии. Смелы и робки мечты и попытки
Как-то решить нерешаемый воз.
Что-то родилось и выросло прытко.
Что-то исчезло, ушло, не срослось.

Кончили поздно и все обалдели.
Я – к Меланзее скорей убежал.
Ну, эколорды! Что так засиделись?
Я к полуночи лишь вновь задышал!

Правда, один. Остальные гудели.
В куреве, в пиве, в ля-ля ни о чем.
Мои же все фибры так радостно пели,
Что угощал их воздушным «вином».

Ну и, конечно, купанье среди уток –
Черные утки у немцев свои.
Я огрубел, стал суров и не чуток,
Меня «достают» разве что соловьи.

Плыву среди уток ничуть и не дрогнув
От ощущения, что в сказке сейчас.
Здесь как у финнов, карелов, эстонцев!
Может привычно уж стало для глаз?

Ну и прекрасно.
Так всем бы привыкнуть.
Вот с этой мыслью
И пошел я «дрихнуть».

**18 ноября 1997 г. Вторник.
Немецкие технологии**

Земля Бранденбурга – Берлинская область по-русски.
Сегодня автобус нас носит по этой земле.
Смотрю, как живут и работают, думают, что нынче пруссы.
Чем дышат, что пьют, как науку лелеют они.

Со мною немец – переводчик.
Поведал, как живет восток.
Сначала выдал эйфорию,
А вскоре испытал я шок.

Ну, ладно, безработица, что, в общем - то, понятно.

А вот презрение, надменность – едва ли то приятно.
«Живем как недочеловеки» -
И это немец говорит! В 20-ом веке!

Ушла Берлинская стена,
Пришло презренье. Как всегда!
Даже в одной нации возникло отчуждение!
Что уж судить про русско-украинское явление.

Еще вам зарисовка: про село!
Здесь никакого рынка – строго планово оно.
Убыточно в сравнении с рынком мировым.
Но на дотации. Крестьянство продолжает быть живым!

А мы – загробили вторично ...
Про наших наверху могу лишь неприлично.

.....
Но вот очистные. Это то,
Куда из-под нас утекает ... оно!
Сюда «сливают» 15 тысяч! Нормально – 20 век.
А чистит все это один и пять десятых человек!

Компьютерный пункт управления – и тот без людей.
Привез каловоз свой продукт – и сдал автомату.
Вот поэтому и некому платить зарплату.
Один директор и приходящий лаборант.

На входе у него дерьмо,
На выходе – добротное питье,
И органическое удобренье,
Что развозят населению.

Все это в поле на сотках пяти или шести –
Вот немцы до чего дошли.
Теперь мы на ТЭЦ, что тепло раздает населению.
На те же самые 15 «гьцц».
Здесь – два человека. Вот это явление!
А, может быть, я накурился гашиш?!

Огромный зал забит двигателями
И термосы на тысячу кубов.
На всей сети контроль устроен,
И только двое – в качестве богов.
Им нравится российский газ -
Они готовы жить и дальше за счет нас.

Научный экоцентр! Наш побратим, зазноба!
Они в каком-то замке у реки,

К ним интерес у власти есть особый,
Хоть, по - Хрущевски, их загнали вглубь своей земли.

Научный персонал здесь без зарплаты,
Доходы по заказам от земли.
Евросоюз, конечно, что-то платит,
А дальше уж – крутись как мы.

Вообще-то, механизм, похожий с нами,
Все дело только за деньгами.
У немцев деньги есть и есть заказы,
Поскольку экологией все заболели сразу.

Законы грозные – за эконоарушенье
Возмездие всех ждет в виде крушенья!
И требованья – все жестче, все сильней.
А значит и науке много дел.

Но, правда, у восточных немцев посложней.
Вот в Русь и ломаются они из всех щелей!
Еще нам показали мини очистные,
Но мне пора свернуть на темы уж иные.

В честь нас – банкет давал организатор.
Стояли долго мы в фойе отеля «Император».
Там немцы говорили под шампанское большие речи,
Один бокал – на час продлилось дойче вече.

Потом впустили в зал, где шведский стол нагружен
Такою снедью, чем весь мир «простужен».
Сыры и колбасы, миноги, форели, икра,
И много того, что не ел никогда!
Мы на банкете просто обожрались
И почти трезвые с кроватью повстречались.

19 ноября 1997 г. Среда.

Свалка и Берлин

Теперь мы там, куда направлен мусоропровод.
По-русски – свалка, по науке – полигон ТБО.
Имел я дело с нашими не первый год.
А у немцев с этим делом - каково?

О наших свалках многое, что можно рассказать,
Как там тусуются бомжи, как мафия орудует, стрижет купоны,
И знают все, что прелести ее вдыхать
Нам не предписывают наши же законы.
Спросите, каково у свалки жить?

А почему б у немцев не спросить?

Заводят в комнату с накрытыми столами.
Нам кофе и рассказ, что свалка перед нами.
Под мусором коллектор как метро,
В него дренаж фильтрат отводит, и чистят здесь ж его.

На мембранах очистные – в сутки тысяч пять.
По биогазу – тоже все солидно.
Водичку в речку, биогаз же - в сеть опять
И продают энергию. Завидно!

Не видел мусора на свалке.
И воздух свеж – мой нюх молчал.
Я побывал как будто на рыбалке
Такого я, конечно, не встречал.

У них не свалка, а настоящий завод
По переработке и хранению отходов! Вот!
Я б даже уточнил и без вопросов:
Завод по производству горы из отбросов.
На 90 метров будет здесь гора – таков патент.
И это из отходов, что смердит.
Вот мир к чему идет, мотай на ус студент.
России нужен тот же «колорит»!

Все, хватит про отходы.
Теперь пора и про походы.

Берлин предо мною. Сначала, конечно, музей.
Здесь в этом плане хорошо.
Для них здесь остров. Гордо реет
Дух Нифертити у Бодо.

В таких масштабах вижу я впервые
Цивилизацию Египта и Ислама.
Под крышей здесь собрали храмы,
Что жили лишь под небесами.
Гуляешь в залах как по городам Египта
До нашей эры много лет назад.
Потом Иран, по воле манускрипта,
Фрагменты медресе мне стал являть.

Я видел это под открытым небом
В Пальмире, в Самарканде, в Риме.
Ну, а в музее этого не «трэба».
Но вот - поди ж ты! Хорошо, что не прошел я мимо!

Здесь, конечно, не только гиганты.

Здесь все искусство, что дошло оттуда.
И Нифертити вам дает гаранты,
Что это высший класс! Что это экстра - блюда!

А вот галерея, что там же стоит
Являет блеклость с мировых позиций.
Моне и Писсаро, конечно же, и там нашлись -
Они везде, где только заграница.

Картин не много. Скульптур - один мыслитель от Родена,
И в общем все! За что же ломают цену?
Дешевле раза в три на Нифертити.
Опять в материю ушел – простите.

Был в костелах - орган в них хорош,
Но не сравнить с Пассау.
А вот лютеранский – скульптурой пригож.
Стоят повсюду прямо в зале.

От «острова сокровищ» – на метро
В центр Западной столицы.
Курфюрстендам являет полотно,
Которым, в общем, весь народ гордится.

Магазины блестят и сверкают.
Глаз рад, но не душа.
Мишура к себе привлекает,
Но эта «поэма» не та!

Слишком большая плата за «блестеж»,
Немного посмотрел, да и хорош.

Стоит задержаться в Ка Де Ве – старейший магазин.
Его туристы любят посещать.
Он вроде ЦУМа, но с гастрономической надстройкой
И зимним садом! Вот где «помогут» денежки спустать!

Мне удалось минут лишь 20 в нем побыть,
Но уровень его мне долго не забыть.

Пришел к автобусу последним я -
Туриста сказывается класс, стезя.
Сегодня посмотрел Берлин я изнутри -
Он вполне! Отстроится и будет впереди.
Опять отель, опять ученые
И с лестью речи.
Я это больше уж не мог снести
И песней раззадорил всех на свете.

До двух часов терпела немчура
Как русские кричали здесь ура!
А пели больше наших и военных песен
Все от души, от сердца. Результат мне лестен.

Начальство все, мгновенно, разбежалось.
А ретивое-то разбушевалося...
Народ наш можно поднимать!
Им бы умело управлять.

Все, все, быстрее в кровать,
Ведь завтра надо улетать.

20 ноября 1997 г. Четверг.
Домой

Прощаюсь с Меланзее, с утками, с отелем.
Конечно, быстро это пролетело.
Вместило много, аж в глазах рябит,
Но неприятным был лишь миг.
Нас повезли по Вюссендорфу,
Где русские стояли много лет.
Показывать стали, что было и что есть.
Так наш министр там разбушевалося:
«Нас здесь позорят», – дальше ехать отказался.

Пришлось экскурсию свернуть
И всех обратно возвернуть.
Конечно, немцы разозлились
И больше к нам уж не явились.

Вообще-то, коллектив был неплохой
Ребята из Люберец, Подольска, Воскресенска,
Но вот «верхушка» – рок что ли такой,
Да ж в чем-то стыдно перед немцем.

Они речивы, вежливы, умны.
А наши - глупость режет уши.
И только ведь поэтому мы «есть бедны»,
Что вверх у нас сбегаются, чтоб бить баклуши.
Не буду больше о плохом,
Его и не было здесь больше.
Скажу я лучше о земном –
Пусть больше соловьев летает в рощах.
Я рад, что был, что видел, что выбрал...
Но все же чувствую – устал.
Я разучился, что ли, без семьи
Целую всех.
Вот трап уже в пути.

Романтическое путешествие, или Монте-Карло из Рио-де-Жанейро! 7-19 августа 1999 г.

День первый (7 августа 1999 г. - суббота)

Поехали!

Уж сколько раз твердили миру:
Автобус - мрак и двухнедельная бутылка,
А доброволец – мягко говоря - чудак:
Свой отпуск превратить в подстилку!

Наверно, правда, - чудаки,
Но в нас надежда - рысаки!
«Были когда-то и мы рысаками...»
То - не про нас, мы еще ничего
Свой путескарб кое-как побросали –
Кланом в «нору», то бишь, значит - в авто

Прощайте, прошлое! В тебе все так «залежно».
Мы в мир иной отходим с трепетной надеждой!
Сейчас в семье - пять родовых «коленей»:
Раз - внучка, что вчера пошла;
Два - дети, каждый в своем роде гений;
Три - сами мы - сплошные чудеса;
Четыре - юбиляр с «названьем» общим - «папик»;
Пять - Бабушка: вершина всех вершин!

Такое «прошлое» - как летом ватник
Полезно иногда отправить в «карантин»!
Они нас тоже с радостью «послали»,
Но белой завистью глаза у них блистали!

Представлю в авто кланокollektiv:
Владимир с Машей - те еще близняшки!
Им дал отгул МГУ-кооператив,
Им Евротур - как морякам тельняшки.

Петр со Светланой - тили-тили тесто!
Им Евротур - нельзя как больше к месту!
И, наконец, Ваш собственный слуга
С своею собственной супругой!
Не первой свежести, скажу Вам, господа.
Конечно, он! Она ж - Бальзаковская вьюга:
Всегда свежа, всегда в улыбке -
И шея, стан, и щечки, губки!

Вагон - обшарпанный, плацкартный.
Уютный климат. План - не прост:

Спать всю дорогу! Есть ли что прекрасней
После трудов, забот, ведущих на погост.

Никто не «жалился» на сон.
Все говорили: «Спал как слон»!

Потом картишки, «помощь свыше» -
Простой с «зигзагом» мирный треп.
Вагон нам стал домашней крышей.
И, наконец, граничный Чоп!

Еще не отошел «мальчиша»!
Брест, а не Чоп! Ах, да, простите!
Плохо с «крышей»
Но эти штучки позади
Европа, видишь, впереди!
Прощай, Россия, Беларусь!
Я к Вам, конечно, возвращусь!

Гимн - «Послание к России»

Корнями, шкурой я прирос
К тебе, любимая Россия.
Обидно мне, порой до слез,
За нищету, за грязь, за гнилость

Но дух еще не обнищал
Еще надежда не загнулась
Себя всего тебе отдал
Чтоб, наконец, в делах проснулась.

Припев:

Прими любовь мою, Россия!
Прими поклон мой до земли.
Я сам такой же некрасивый,
Но мощный, вольный, как и ты!

Не все таланты разбросала
И во главе - не все воры
Проснись же только! Для начала
Пойми, кто истинно твои.

Доверься снова мужику и бабе
Что пашут, мыслят и куют
Не тем, кто по твоей программе,
А тем, кому на радость труд.

Припев.

Тогда забудем наш позор
Ходить с протянутой рукою
И будет сытым русский стол
И будут к нам: учиться строить.

Могучей видеть я хочу
Тебя, любимая Россия.
Тебе все это по плечу
Моя судьба, моя мессия.

P.S. (к гимну)

Я понимаю - гимн наивен
Но чист и искренен: невинен!
(к первому дню)
Мы в новые оделись одежды:
Полны романтики, евросюрпризов и надежды!

День второй (8 августа 1999 г. - воскресенье)

Перегон.

Начну с конца:
За полночь только мы в Брно
В столице Чехии Моравской
И ощущаешь: ты бревно -
Ему лежать лишь и подвластно.

Не зря прожит был этот день
Раз к вечеру, под Веной ты как пень!

А началось ведь все от Бреста:
«Блондин Владимир и брюнет Сергей»
Жмут на педали солидно и веско -
Мы все у окна в «двухэтажке» своей.

Сегодня до заката Польшу «крутят»
Что подадут нам, то и «купят».

А подают нам и природу,
Поля, луга, леса, цветы...
И земледелие: породы,
Растут не вверх, а вниз сады.
А из политики - Россию снова подают:
По-русски бизнес пишут тут.

Дорожных «бабочек» - гурманам изобилье,
Перемежается с костельной благодатью.
У них пожизненное видно перемирие.
Религия и секс здесь близнецы и братья.

Сие я наблюдал не только из окна.
Об этом в ухо мне поведала жена.

И ей, и, в свое время, мне
Пришлось в походах быть на этой же земле.
И все же еще раз скажу:
Мы больше сотни видели костелов,

Я нового, конечно, «не рожу»
В них очередь сродни «совку» за колбасою.
Поляки ловят кайф в молитвах
Как та Чечня с Россией в битвах.
Большие деньги лепят боевик с попом,
Один - молитвой, а другой - ружьем.

У «бабочек» достойнее, ей богу же, заняться...
Нет, лучше уж к полям, где обмолот и жатва.

Земля здесь смотрится вполне.
Везде сады, зерно, хороший урожай.
А продают как мы, в пыли, «на дне».
И это – объективный «каравай»!

Лишь Лодзь вдали, да Катовице
Мелькнули промтрубэнергоптицей!

А в Чехии с землей не густо.
Исчез вдруг хутор, вырос городок.
Сады сменились виноградом шустро,
На кукурузу сделан поворот.

Но свет сменился темнотой
И дальше Чехия - лишь свет ночной.
Затем Брно и тот конец, что был в начале,
Но несколько нюансов, так сказать.
В кланокolleктиве есть одна - Светлана,
Наш дебютант. Ей пожеланье - так держать.

И моя слабость - Ченстохове.
Здесь с Папой Римским породнились мы.

Паломничества дух в меня пахнул и снова..
Но здесь автобус Вам, как не крути.
Пронесся мимо Папы край.
Но все. Постель! Бревно - влезай.

День третий (9 августа 1999 г. - понедельник)

Моравия - Вена - Тироль.

Основа профавтотуризма: не спи, не трать минуты на еду,
Подъемы в 5 утра планируй
Тогда, быть может, и прозреет что-нибудь к концу.

Основы мы давно «почили»
И на рассвете всё Моравию учили.

Брно, пожалуй, вот такой:
Трех - четырехэтажный серый и солидный
Сам, в общем, небольшой,
Но знал, заметно, лучше времена. Обидно!

Печален взгляд хозяина «Триумфа»
Он будто не в Моравии, а в «Зумпфе»!

И горы здесь известны погребями.
Микулов - град как город-крепость.
Озера - лебеди проплыли перед нами,
Но чехов грусть откуда-то сидит во мне. Нелепость!

Прощай, Брно! Деревня - для пражан,
Столица вин - для парижан,
Для Вены - бедненький сосед-субъект.
Для нас - непознанный объект.

Мгновенье - и мы в Вене,
Что сегодня - без Дуная.

Для этой дамы есть лишь шесть часов.
Центр полосуем от края до края.
Дуная не видим. Парим
В ожерелье искусных дворцов.
Уйду от деталей. О личном скажу
Наверное, Вену уже я люблю.

Ее неторопность (столичная провинциальность!)
Ее величие при скромности какой-то деловой.
Ее достоинство без бицепсов (ну чем не гениальность!)
Ее компактность (есть ощущение, что ты свой!).

Располагает к близости благородная Фрау,
Не только тела, но и сердца и души.
И ей хотелось бы отдать по какому-то праву
То лучшее, что накопил за жизнь сам, ты!

Откуда такая гармония веет?
От бабушек что ли, за чайным столом?
А может от людности тихой, что реет,
Тебя окуная, везде и во всем.

А может от парков в цветах и каналах
Где ладят друг с другом студент с стариком?
Иль просто им вкус редко где изменяет,
Тебя поднимая в сознание твоим?

Я в думках об этом пришел к убеждению –
Все это следствие, причина ж в другом:
Бескрайние поля, что рядом с Веной
Не дали оторваться от земли скачком.

Вбирая и искусства, и богатства,
Австрийцы все ж остались при земле.
Отсюда благородства блеск и братство.
Отсюда и магниты в их руке!

Снижая и патетику и мысль,
Остановлюсь на уровне мышленья главарей Союза:
«Что долго думать - почему австрийцам хорошо
У них удачный взят уклон -
Сок виноградный, ну и – кукуруза!».

Махнув рукой красавице австрийке
До ночи «плавали» в любимице Хрущева.
Ливень, гром и молнии красивой змейкой
Нас заточили в автодом – «трущобу».

До этого мелькнул, как прежде, Мельк.
С своим собором иезуитов.
И где-то Зальцбург - Моцартом одет,
Пассау - жемчужина Баварских скитов!

Как много здесь чего сплелось
И в нем сейчас отозвалось!

Потом Германия под Ливень,
Потом опять Австрийский «герр»
Стоп. Инсбрук. Отель и пиво.
И... отрубилась все, «мин херц».

Ну, а причем же здесь Тироль?
Пока не понял эту «соль»!

День четвертый (10 августа 1999 г. - вторник):
Чудеса света.

Инсбрук - Тирольская столица
Забралась как-то на вершины Альп.
Модерн, комфорт - все эти «птицы»
В попытке снять с средневековья скальп

Им удалось, но лишь частично.
Тиролью «пахнет» здесь еще прилично!

Старый город (пространством где-то сто на двести)
Блеснул волшебной канарейкой
Собор под книжку, галлерейность и
Камерность – все это вместе
Да с улицами под коня и змейкой
Нам показались совершенством!

А завтрак в Инсбруке - блаженством.
А «канарейка» - то не легкость,
То «оперенье» ключевых домов.
Скорей Инсбурк – основательность и строгость
Все ж горы, высота, мороз - в конце концов!

Нам не хотелось отъезжать,
Но час настал - пора махать.

И вот он - взрыв эмоций:
Авто визжит, бьет в грудь, ликует
От совершенства всех пропорций!
Народ Тирольский вид волнует.

Скажу Вам - было от чего
Кричать о нем на все авто!

Ущелье. Зеленый ковер в красно-белом изыске.
То домики в «верхней» и «нижней» дали.
Кое-где облака в них «пасутся» без риска.
Они словно яхты на пупе земли.

Вверх - вниз виноградники, словно те оперенья
Для птицы ущелья, как для дам изумруд.
И замки, всё замки - вершины творенья!
На каждой вершине... бессмысленный труд!

Сейчас, конечно, не тогда
Они сегодня - ЧУДЕСА!

По брюху Альп витает наш автобус,

То в бездне, то над стаей облаков.
Содержит ли еще старушка наша – глобус,
Изысканней природы уголков?

Жемчужина Европы - Ваша роль,
Манящий, живописнейший Тироль!

Граница в Альпах - символ. В «Макаронах»
Отличный видим из авто пейзаж.
Вот появились стайки водопадов,
Впервые вижу божий я типаж:

Костел - есть дом с квадратною пристройкой
Со шляпой-пикой. Так во всех застройках!

Уже внизу - чуть «обрусевшие» поля,
И цепь заводов - вот так «макорня»!
Италия! Я почему-то рад и за тебя
Умешь жить, как хочешь! И не зря!

Но вот уж и Милан. Большой со смыслом город.
И смысл бросается в глаза:

Здесь старину излишне не тревожат
И не заискивают с ней наши века.
Что отмерло - под крышку гроба!
Что можно оживить - в бессмертие дорога!

Милана гвоздь - стрелюю авеню.
А наконечник в ней - собор «под Нотр-Дам»,
Который - «ай лав ю»!!!

Ту готику «рожали» пять веков
И вот шедевр теперь готов!
От красоты захватывает дух.
Какой ж задумал его «Рух»?

Какие руки довели
Сие сокровище земли?

От пят и до макушки его обследовали мы.
И даже в «брюхо» заползли,
Преодолев все закидоны!
Создателем сего - поклоны.

А вот служителям его
Не дам от сердца ничего.
Заставили нас врать им всем в лицо
И внутрь войти как подлецов!

Да ладно! Богу мы простили.
И сами мы грешим, да и грешили.
А здесь и грех-то небольшой-
В меру кичится наготой!

А в основании стрелы - Каstellо,
Какой-то там чуть первый век.
Обнесено сие стенами «под сомбреро»:
В пространстве не скупился человек.

Там есть прием от медресе:
Прохладу сохранять в «Кувшинистом мешке».
Конечно, это не собор –
Его, собора скотный двор!
Есть у стрелы «браслет с печаткой» -
Крестообразный континентов знак.
Где центр дружен с Вашей пяткой:
Желанье загадал и... - будет так!

Перчатка – сам театр (да какой)! – Ласкала!
Одетый, как всегда, в «леса».
Его с поклоном приласкала
Мысль Леонардо. Вот так да!
Да Винчи смотрит на Ласкала.
Поэтому здесь все шедевром стало.

Последний взгляд с любовью на Милан
Прощай, промкультэклектик! Счастья Вам!

У нас теперь во Франции дела.
Лазурный берег. Море. Красота.
В дороге ночь нас застаёт.
Но запах йода всех влечет.

Уже слышны аплодисменты –
Никто не пропустил момента.
Когда открылся моря вид:
Путь в рай для нас открыт!

Природа подарила фейерверки:
Грозе присвоен первый приз.
На небе молнии блистали!
Лазурный берег встретил нас на бис!

Вот так мы оказались в Ницце.
Под крышей спим. Пусть вечно сон продлится.

День пятый (11 августа 1999 г. - среда):

Будни «конца света».

Парад планет сегодня объявили.
Пророк сказал, что это свет - конец.
Мы утром к морю заспешили -
Свидетелям, возможно, выкатят венец.

От чести такой и не мечтал
Чтобы из Ниццы войти в рай!
И разница, наверное, не очень велика.
Так может не спешить пока туда?
А наблюдали конец света
Мы в центре Ниццы. Мыс Шато!
Четырнадцатый век. Загадочная крепость.
С каскадом водопадов – пузырьков.

Шато ушел уступом в море.
Оттуда чудесный вид на Ниццу
Но многие глазели в небо,
Где свет – конец должен случиться.

Очками здесь толпа делилась,
Когда та тень в Шато явилась.
Все так обыденно прошло,
Но все ж вздохнули: «Пронесло!».

А у меня в глазах - Шато
В ночной подсветке. Вид из моря.
Блестящее, скажу Вам, полотно
Очередное чудо света - что ли?

Таинственный и гордый Ниц-Шато
В меня вошел. Мне повезло.

Еще средневековая Эзе. Деревня.
На скалах улочки, где двум не разойтись.
Там экосад и кактусы-деревья,
Что в ноги босые мои впились.

Все тот же чудный вид:
Заливы, яхты и «Борон» -
Так полуостров наречен.

Под Эзе на корнях веков
Поднялась фабрика духов.
Секрет их чар совсем простой –
Чтоб был доволен люд - людской

На миллиграммы духов
Спецтравки нужно несколько воев!
«Зеленым» надо подсказать –
Духи с лица земли убрать!

А в ночь – «под англичан» гуляли
По променаду, где отель «Нэгрэско».
Родную речь не редко мы встречали.
А собирались, где – «горбатая подвеска».

А как назвать мне по другому
Перевертыша - дугу?
Черный обод, кусок ленты.....
В ней что-то есть! Что? Не пойму!

Вечерняя тусовка в Ницце –на три касты.
Для тех, кто «денежный мешок», те больше в казино!
Для тех, кто на коленях, те в кабаках «идут на дно».
Толпа ж на площади Массена: гуляет, пьет под «твист» аборигенов.

Мы говорили много, пылко,
Но не о том, что есть сейчас.
А вспоминали родных и близких
И на земле, на небесах.

Вот свет - конец закончился, в конце концов.
Так умирать - всегда готов.

День шестой (12 августа 1999 г. - четверг):

Монте-Карло из Рио-де-Жанейро!

Остап Ибрагимыч, конечно, фигура.
В нем есть авантюра и бизнес, расчет и игра.
Но есть также сердца, есть детская странность,
Романтик немного, немного свинья.

Он поселил во мне мифы о Рио,
Где есть Монте-Карло,
Где черт ни есть что!
Живут там, наверно, в каком-то эфире
Там девушки - нимфы и только в манто!

Не думал в жизни никогда,
Что есть билеты и туда.

Княжество Монако. На 30 тысяч человек.
Наследный принц, четыре министра,

Три города, тюрьма без обитателей (в 20 век!?)
Такая, кратко, панорама
И... рядом с Ниццой «эта дама»!

Три города: столица - раз;
Два - центр деловой;
Три - мира центр игровой.
Вот Монте-Карло то и есть!
Ему, как понял, всюду честь!

Здесь страсти правят бал давно,
Слетаясь в сети казино.
Здесь состоянья улетают,
Здесь неудачи не прощают.

Здесь каждый день встает на старт
Страна с названием азарт!

Я сам в азарте!.. По-порядку!
Все Монте-Карло - дворец казино.
Ну, как Шереметьевский, или близкое что.
Фасад на горы, тыл на море.
С фасада клумба, мини сад скульптур.

Здесь у парадной лестницы то казино проводит
Парад новинок всех культур!
Роскошные авто с немислимым дизайном,
Наряды дам в сиянье ожерелий.

И отовсюду дух витает тайны,
А блеск богатств всех заставляет верить,
Что здесь значительное все!
И... уважаешь казино.

О, боже! Неужель то я сказал,
Который это презирал!?
Да, нет! Не презирал, а презирает,
Но дух-то, помните, витает.

И дух сказал - надо войти,
Что-то выпить и... унести.

Пришлось прибегнуть к ухищреньям
И вот... случилось превращенье.
Мой вид - заправский шулер и игрок,
Миллионер, срывающий оброк!

С собою внутрь я уволок
И дам, кто с паспортом

И с видом - «я не с рынка».

Надо признать, что если бы не рвенье жены и не фантазии детей,
Мне б казино, конечно, не видать как вместе взятых всех своих ушей.

Заходим. Богатство режет глаз.
Но мы играем нашу роль:
«Привычно, мол, для нас сейчас
Впервые, штоль! »

Огромный зал на шесть столов.
Везде здесь крутится рулетка.
А мы - на лица игроков.
Кто здесь сегодня в неуд сетке?

Нам вскоре это надоело,
Ведь непонятно, что к чему.
Светлана, правда, где-то «наторела»
Ввела немного нас в игру.

Но все ж - пошли другим путем.
И оглядели, что почем.

Мы заглянули в супер - залы
Что для серьезнейшей игры.
Столы пока что пустовали –
Все в ресторанах игроки.

Два ресторана, автоматы.
Старушки рьяно кнопки жмут...
Нам хватит, мы уже «богаты»
В нас впечатленья так и прут.

Ведь был и чудо-туалет
И вычка ведущих в казино.
Но мы ушли на фейерверк
Ведь казино - еще не все!

Мы подглядели Бендера мечту
На блюдечке с каемочкой!
Но я, Ей Богу, не хочу
По Бендеру и ...точка!

Другое дело в Монте-Карло фестиваль.
Такого никогда я не видал.
И не смогу, конечно, передать.
«В алмазах небо» - только и могу сказать
Так проводил нас Монте-Карло
Скажу по-русски: «Очень гарно!»

Вернемся в столицу Монако - Монако.
Для этого несколько метров пройти нам придется, однако.

Здесь королевский дворец, собор и музей.
Они на скале поселились втроем.
Принц виден всегда стране всей,
То есть - живет «под колпаком»!

Собор - он погост для принцесс, королей.
Для славы и хобби придуман музей.
Вот так и живут на скале, у скалы.
Счастливые люди малютки - страны.
Еще ребята просвещали нас:
Здесь все дороги - в «формуле один»!
И мол, Шумахер, здесь король, кумир!
Есть стадион (конечно же, Монако!)
В футбол французов бьет, однако!
Он у французов - чемпион
Ну что ж, ему земной поклон!

Я что-то на Монако задержался.
Теперь о Каннах, где с утра сегодня искупался.

Но Монако опять не пускает.
Про центр деловой ведь нет ни слова
А он-то как раз впечатляет

Центр деловой-то внизу под скалой.
Здесь каждый дом нам кораблем казался.
И каждый есть Титаник, но «живой».
В них стадион как раз и затерялся.

И все же - Канны.
Они под Ниццу - близнецы и братцы.
А значит, многое им по карману.
Иначе кинофестивалю неоткуда здесь взяться.

Сам киноцентр - довольно скромное создание,
Но на Лазурном берегу!
Для «звезд» песчаный пляж совсем и не признание.
А зрителям, как говорят, «в дугу».

Вся площадь киноцентра - из рученок «звезд»
Здесь каждый может хоть лизнуть Кумира.
Да, замысел безхитростен и прост,
Но получилось даже мило.

Я целовал Софи Лорен
И руку жал Самойловой Татьяне,

А с Хофманом случился «крен» -
Король он голый в русской бане.

Пока его я ногу целовал -
Нос разбил. Упал!

Еще чуть-чуть о холме Шевалье,
Что знаменит «Железной маской».
Сюда на холм взошел, затем на корабле
На остров тот, вдали уехал. Сказка?

Но кто что может доказать?
Всем лучшим, если складно врать.

Мы снова в Ницце.
Но наши «блиндажи» пустуют:
Сначала море - шустрой птицей,
А после в ночь нас улицы тусуют!

Не обижайтесь, блиндажи!
Мы с удовольствием бомжи!

День седьмой (13 августа 1999 г. - пятница):

Свобода на Ривьере

Сегодня первый день
Не «экскурсирует» нас гидша.
Что хочешь в Ницце, то и жни.
Естественно, с ранья, как рикши
Себя на море понесли.

На море счастья, кажется, не видно и конца.
Ну, повезло! Что ж лучше для туриста из авто?!

Вот пролетело несколько часов
В раю Лазурном как в цветах купались.
Но колобродит дух и... «блин» уже готов
Опять в Монако странники помчались!

Там был, Вы помните, музей
Туда, туда, туда скорей!

Билет не электричку (тоже ведь процесс!).
Она здесь - двухэтажный «самолет»
Два класса в ней... Ну, хватит! Зачем нам лишний стресс...
Приехали в Монако и... - вперед!

Сначала (все по этикету) отдали должное главе:
Глазели смену караула, что в белой форме, на холме.

Толпа туристов набежала,
Чуть Кордильеры не подмяла.

Нередко видел схожий я процесс -
Всегда являет жуткий интерес!
Еще когда мальчишкой, на полу
Махендру созерцал я в аэропорту.

Махендра Бир Бикрам Шах Дева
К нам прилетал по делу!

После караула можно и в музей,
Там принц Альберт, а не злодей!
Да, их местный принц - Альберт,
Бывалый, говорят, когда-то был моряк.
Его не привлекал кинжал или мольберт -
Ему б гарпун, да пушку, да косяк

Каких-нибудь тигровистых акул.
Тогда б он точно отдохнул.
В конце концов, он так наотдыхался,
Что тот музей и состоялся.

В музее - множество чудес!
Я много видел их, но снова «почерпнул»,
Что я опять балбес.
Спасибо, Вовча объяснял,
Я вроде что-то и понял!

Но передать лишь то смогу:
Я посетил музей - страну
С названьем емким - океан.
За это Господу воздам,
Что не прошел, не пропустил,
Что мысль о нем он мне вложил!

Когда-то очень я любил
Этот волшебный, с тайной мир,
Где совершенство поколений,
Где нескончаем граций пир
И гармоничность всех движений,

И красок сочных фестиваль,
Немыслимость различных сочетаний...
Мечты уводят меня вдаль
В мой мир моих воспоминаний!

Скат, осьминог - я в Ливии опять,
Лангуст, кораллы - то из Кубы,
Мурены - дрожь мне не унять,
Акулы – Вы нежны, не грубы.

И ярких красок кутерьма
Болтала мысль туда-сюда,
От Новороссийска до Сант-Яго:
Подводной жизни знаю тягу.

Сравнил музеи - у финнов и в Гаване.
Наехало вдруг детство с осетрами,
Отец приносит стерлядь маме...
Я отошел лишь в океане.

Смотрю - вот Ницца, пляж...
Альберт, спасибо за кураж!

В купанье - весь остаток от свободы
Мы приняли как божий дар.
Такие б в жизни всем невзгоды:
Лазурь, соленость и загар!

Под шум пятнистых парашютов
Ребята оседлали австралийца.
По карте выверялися маршруты
И место встреч. Сияли лица.

Светлану в дрожь бросил загар,
Но не расстроилась помолвка.
Жених был строг, в невесте - шарм.
У нас - с моллюсками разборка.

Конечно, в жизни будет всяко.
Желаем все же - как в Монако!

Пусть будет то же триединство:
Независимость, дело, «игра».
Тогда не грозит в жизни свинство,
А «флаги в гости будут к Вам».

И если можно - нас не забывайте!
Люблю я вас до слез, до жути, до глубин души!
И если можно, то, пожалуйста, считайте
Себя в одной большой семье, где есть и мы!

Но главное - любовь большую берегите,
Что значит - полюбите недостатки -
Достоинства не трудно ведь любить!

Как можно раньше истину поймите:
Пытайтесь лишь в себе что-либо изменить.

Французская Ривьера, Лазурный берег, Ницца...
Вот так нам счастье выпало проститься!

День восьмой (14 августа 1999 г. - суббота):

От блеска до мрака или... Генуя.

Поехали назад! «Лазурь» глазами пожирая,
Пытаясь удержать блаженный дух,
Конечно же, друг другу все желают
Вернуться в Ниццу - хоть когда-нибудь!
Напрасно, что ли, все монеты побросали
Где нам обычаи про это «прописали».

Привычным стал уже пейзаж:
Море, горы, яхты и дворцы. И в нас уже не тот кураж:
Мы с этим, кажется, сжились!
Что же может нас, однако, возбудить?
Какой пейзаж, и что за вид?

Вопрос все время в воздухе висел,
Авто туннели «нарезало».
Но вот народ вдруг зашумел...
Вопрос исчез, его не стало!

За окнами Генуя пошла.
Ее рабочий вид – в том новизна!

Всем в Генуе понравилась... разруха(!)
В ней что-то от портовой шлюхи.
Что значит - смена впечатлений!
Прием не нов, но действенен для многих поколений.

Крупна, потертая Генуя - шлюха, в синяках.
И не летает в облаках.
Давно плевать на внешний вид -
Ей надо просто есть и пить.

Вот это нас сейчас «ласкает»:
Туриста дух опять витает.
Вперед! На домик «от Колумба».
Он здесь родился. Кажется, неплохо жил.
Во всяком случае, тот домик и сегодня очень мил.
Колумб, конечно, память заслужил!

От Генуэзской крепости остались лишь ворота -
Как будто маяки в углах стоят.
Один - два храма – от них осталось что-то!
И площадь Данте, что ласкает взгляд!

Викторио Эммануил на бронзовом коне.
Его в Генуе искали - не нашли, потом, в Венеции он объявился.
Но получили компенсацию вполне:
Об этом даже не мечтал, но, Бог послал - сюрприз случился!

Попали в грязный с щелями квартал.
Здесь «парнуха» прописалась и царила...
Чернуху я уже встречал, но эта – «покорила»!
Кто слаб, заткните уши – я бы так сказал!

Сидят разношенные девы
Среди обшарпанной среды.
В них нет ни сколочко от Евы -
Есть что-то от толпы.

Оскал зазывный в жуть бросает,
Глаз пустотой, могилой отдаёт.
И их похожесть вызывает
Рвотный эффект! Но, Бог даст, пронесет!
Моя команда про себя... блюет.

Значок героя надо выдавать,
Кто может с этой переспать!
Не только с ней и с ним, конечно,
Здесь разный род торгует вечным!

Квартал для развлечения моряка -
Вот нас куда «шишига» занесла.
Не надо все же думать: Генуя - клоака.
На миллион - рабочий, южный порт.
Вот в этом и зарыта та «собака»:
Нелегкий труд, специфика забот.

Здесь старина и красота -
Не первой «свежести» заботы.
Живут физической работой,
А в этом суть и маета!

Не казино - горбом рождается достаток.
Старик – трудяга Генуя! Портовый отпечаток
В своей душе я о тебе увез.
Но есть в тебе немного и от цветущих роз!
Еще два слова о дороге.
Она до Падуи дошла.

Монтон промчали - здесь цитрусовые в моде!
Сейчас их фестиваль – мадонна снизошла!

В Сан-Ремо тоже фестиваль, но песен.
Он Россиянам всем известен!
В Вероне кончился бензин...
Но, наконец, отель. Упал без сил!

День девятый (15 августа 1999 г. - воскресенье):

Волшебница

Конечно, ты, немножечко, колдунья.
Казалось б, что такого есть в тебе?
Но ты – в каком-то свете лунном,
И в сладком сне!

Твой покровитель у тебя в почете –
И вот Сан-Марко - всем святой.
Не так уж грандиозна эта площадь,
Но что же грандиозной делает ее такой?

Да и собор Святого Марко...
Ведь много лучше в мире есть.
Откуда впечатлений яркость
И всех поклонников - не счесть?
Бесспорно, чувствуется вкус и мастерство,
Но все-таки тут есть и волшебство!

А башня - вовсе не на месте.
Но мир признал в ней гордый стиль.
Из Лидо подтвердил я эти «вести»:
Меня заморозил как будто этот шпиль.

Две знаменитые колонны
У моря: Санкт Федор и Крылатый Лев.
За что им - низкие поклоны?..
И все ж в них тоже что-то есть.

Наверно, это непокорность.
Или спартаковская грусть?

Так можно продолжать бессчетное число.
И всюду натыкаешься на волшебство.
Каналы, гондольеры, улочки, морской простор...
Ну разве у других не видел я такого?
Но чтоб не зацепил туриста взор
Он чувствует, что это все от Бога!

Венеция ансамблем велика,
Гармонией красивого с прекрасным.
Нельзя ж красавиц расчленять на тела -

Отдельной части общность неподвластна.
Так можно расчленишь уродство,
Что где-то вдруг отыщешь и с прекрасным сходство!

Мне в этот раз убогость не мешала.
Венеция была мне словно мать,
В которой каждая черта - родная,
Которую не нужно понимать:

Нет чувства у детей, что предков изменить.
Заложено их уважать, любить!

И я любил! Большой канал с мостом Реалти,
Дворцы, стоящие в воде,
И площадь с музыкой Вивальди,
И берег моря, и те не...

Ну, например, хоть пенье гондольеров.
Их эхо - у меня, во мне.
И каждый звук - прекрасная премьера,
Желанная, возможная... во сне.

Любил не только я!
Здесь вся рассыпалась семья:
Венеция для всех своя!

Жена купается в блаженстве.
Тут отвлекать никак нельзя.
Сей город для нее - не только совершенство.
Он, как бы, вечная мечта,

К которой ты всегда стремишься,
А утолить ее боишься.
К ней лучше только прикоснуться
И дальше жить с надеждою вернуться.

А дети стайками вспорхнули;
У каждой стаи личный интерес.
Ну, а потом, когда вернулись,
На лицах чувствовался стресс:
«Неужто надо расставаться?
Нельзя ль хоть малость задержаться?»

А Петр прямо заявил:
«Венецией нельзя кончать!»

Ведь не убавился запас эмоций, сил.
С такой красавицы впредь надо начинать!
Или, по крайней мере, следует предупреждать,
Что пик еще не наступил!»

А Вова с Машей в красоте купались
Не только города, но и попугачиков – друзей,
Все с ними в интервью игрались,
Чтоб адресами обменяться с ним и с ней!

Венеция, скажу вам, сваха с опытом,
Романы может заводить индивидуальные и оптом!

Сияло и Светланино лицо -
И Рафаэль не сделал бы такое полотно!
Венеция - художник-чародей -
На лицах пишет у людей!

Когда с Венецией я тайно «обвенчался»,
Стал изучать венецианцев быт.
Сегодня воскресенье и народ подался
На острова, где пляж всегда разбит.
Толпа снует по кораблям, И я уж там.

Пятнадцать, где-то, минут плыли
И... чудный остров, «под бревно».
Он узкий, вытянут, без пыли,
С названьем близким нам: Лидо!
Венеция с Лидо как пушкинский Буян.
Я думаю, с нее слизал наш Пушкин «план».

Ну, а с другой-то стороны Лидо -
Совсем другое полотно.
Там море с океаном голых тел.
От неожиданности я присел.

Так и сидел часа два-три,
Чтоб соли Адриатики в меня вошли.
Пока солился, разглядел
Не только массы женских тел.
Здесь город из палаток и кафе,
И жизнь бурлит как в кипятке!

Понравилось так отдыхать; сказать могу,
Мне больше, чем даже в Ницце, на Лазурном берегу!

Теперь я знаю: отдыхать в Венеции легко,
Но жить, как видно, тяжело.
О том же говорил экскурсовод,

Понуро как-то экскурсируя народ.

Венеция блестящая! Твоя ли в том вина?
Красавица, как правило, плохая ведь жена!
Прошел и этот полный чем-то день...
Быстрее в Падую, где ждет еще отель!

День десятый (16 августа 1999 г. - понедельник):

Цурюк!

Прощай, Италия! И города, и села,
Поля, ласкающие взгляд.
Опрятная, местами, как австрийка!
Но... нам пора, пора назад.

И здравствуй, и прощай - австрийка,
Альпийская чудесная страна на пять!
Ты - чистокровная, наверное, арийка!
(Во всяком случае мне - глаз не оторвать!)

Не передать восторг словами
Я лучше по-другому покажу.
На картах, к сожаленью, не гадаю,
Но тост-романс какой-нибудь «рожу».

Припев:

Я русский, я привык гордиться чем попало.
Но здесь восторг иной - от дивной красоты.
Я Альпы полюбил, и это лишь та малость,
Что я сумел сказать, что смог произнести!

Захватывает дух от горной благодати,
От яркой зелени среди белых облаков.
И я душой парю пусть даже в рваном платье,
Мне так приятно быть среди твоих веков.

Припев.

Вы, Альпы, первые сказали мне сегодня,
Что любите людей и их нелегкий труд.
И он Вас делает ухоженною леди –
У нас ж в России красоту не чтут.

Припев.

Но вот промчались Вы каньонным серпантином,

Немыслимую сетью паутин-дорог.
Остался верен Вам, любовник Ваш невинный,
С собой в Россию Ваш облик чудный уволок.

Все! Альпы позади. Мадьяр с Дунаем впереди

День одиннадцатый (17 августа 1999 г. - вторник):

Дунайская легенда

Последний наш приют - Мадьярский Будапешт.

Парад шедевров снова принимаем.
Он стал своим как, скажем тот же Брест:
Почти что каждую поездку здесь бываем.

И все ж сначала надо б убедиться,
Что здесь еще не все успело развалиться.

Героев площадь и парламент,
Соборы (Иштван, Матьяш), Цитадель,
Парит свобода и мостов орнамент над Дунаем. Красавец!
Европейская купель!

Будайская крепость, рыбацкий бастион,
Дворец королевский и детище Кларка.
Как будто на месте. Не слышен их стон.
Ну, значит, в порядке мадьяр и мадьярка

Тогда спокойно можно в баню отправляться
Отель «Теллерг». Здесь страннику прекрасная возможность «оторваться»!

Турецкая баня, термальные ванны,
Сауна, гидромассаж, свежий воздух и бар...
Пир удовольствий! Какой-то кошмар!
Я закачался и... упал.
Так целый час как ангел и проспал!

Проснулся. Я на корабле.
В «легенде о Дунае».
Вечерний Будапешт красоты дарит мне,
И в ухо «русский льет»,
Экран «под вид» мелькает.
И тут... прозренья настает

Почти «закончен бал», что ждет в родной России
Мне «Времечко» о том напомнило на корабле
Он после бодуна, высокий и красивый
С остатками чего-то на почти родном лице.

Да, времечко, ты пролетело,
И я уж рвусь обратно - в дело.

День двенадцатый-тринадцатый (18-19 августа 1999 г. - среда, четверг):

Не подведенные итоги

Прыжок домой из Будапешта.
Сутки автобуса до Бреста,
Потом плацкарт (по сути - сон).
И вот, Москва, вот «отчий дом».

Я 10 дней с семьей метался по Европе
Искал какую суть? И что же я нашел?
В авто, конечно, нет и речи о комфорте.
Есть дух туриста! Это - хорошо.

В мои-то годы следует уж опасаться
С ним навсегда расстаться!
Я этого, наверно, и боюсь!
Поэтому, при первой же возможности, куда-то мчусь!

Попробую хоть перечислить страны,
Которые ночами, взглядом из авто,
За этот срок мы «промотали»...
Монументальное, скажу Вам, полотно!

Беларусь, Польша, Чехия, Австрия, Германия,
Италия, Франция, Монако, Венгрия, Словакия.
Если я чего-то и забыл, то и 10 стран
Вполенс - неволенс эмоций океан.

В который раз уж вынес я –
Главное богатство все ж Земля!
По отношению к ней можно судить
Умеет ли нация жить!
И это так наглядно видно,
Что спорить как-то даже стыдно.
Политики не путешествуют в авто.
Они и спорят о том, что всем известно уж давно.
Мне важным кажется, что встретил я вершины
Цивилизации досуга, отдыха планеты всей.
Теперь я точно знаю, что главное не где, а чтоб среди друзей!

Еще я рад, что подарил мне случай
В походе быть со всей семьей.
Давно уж каждого свое их что-то «мучит»,
Но стержень, рад я, есть! И с буквою большой!

Я отдохнул с семьей, мне кажется, душой!

Не умаляя волшебства шедевров в лицах,
Я повторяю истину свою от сих до сих
Можно в Тамбове (лучше все же в «Ниццах»)
Но, главное, чтоб быть среди своих!

Малая кругосветка или «Достойная старость». 22.08.2000 г. – 16.09.2000 г.

**День первый и второй (22-23 августа, вторник-среда)
ПЕТЕРБУРГ**

Москва. Пробыло «ноль» часов.
Толпа на Питерском вокзале рассосалась.
Проплыл ночной перрон, и ... я уже готов
Забыть о том, чем жил – все «за бортом» осталось.
Наутро снова Питерский перрон,
Но только в северной уже столице.
С женой военного короткий разговор про жен,
Подлодку «Курск» - как это им глядится.
И вот уж одноклассник – друг
(куда ни кинь везде «плоды полвека»)
В своем авто на Петербургский «сук»
В жемчужину Российскую заехал

(Конечно, то был Петергоф).
Завез нас, но не был таков.
До корабля, до - взмах рукой, прощай –
Лебедев был с нами Николай.
С далеких прибузанских берегов,
Где, как и я, оставив свое детство,
Ушел он в армию и ... был таков!
Лет 35 с Невой в соседстве.
Жена - с под Нарвы, с города – Ивана.
В Эстонской стороне осталась дача.
Когда-то в баньке там с друзьями рьяно
Мы шумно пели, пили за удачу.
«Удача» не заставила особо долго ждать:
Нет родины – за въезд на дачу баксы надо отдавать.
Смеется – собственность имею за границей
И каждый день она мне снится.

Пока за это – баксы не берут.
А в даче той – его душа и труд.
И вот он – гид по Петергофу.
В нас красота пошла входить,
Как сам Иисусе на Голгофу:

С сознанием – будет вечно жить!
И верхний парк с его стандартом,
И нижний – с собственным лицом,
Каскад с Самсоном, Эрмитажек в парке
И Монплизир с разбитым лбом.
Свирель, оркестры духовые,
Цари, придворные, трубач,
Погожий день, сюрприз – фонтаны шутовские –
Теперь мои! И я – богач!
Я полон этих впечатлений
От мировых уровня явлений.
И все ж, в особенности, он -
Блестящий и изысканный Самсон.
Таких фонтанов в мире –
Может внучка Ксюша перечесать,
Ему и ей за это – честь!

Кругами тропы нарезая,
Мы меж собою рассуждаем,
Что белые штаны для женщин
Как грудь без лифа для мужчин.
Музеям нынче хорошо -
В загранку возят «полотно».
И дальше, дальше легкий треп,
Но «дух» сказал нам: «Братцы – стоп!

На Финском видится Крондштат.
Туда, туда скорее стяг
Туристический свой вы разверните»
И ... мы в машине на паром
В Ораниенбаум напролом,
Но там – облом!

Паром во время не подали.
Так в Ломоносове мы стали
Дворец Китайский созерцать
И ... опустенье ощущать!

В былой когда-то красоте
Грибы, скажу, на высоте....
Пора нам все же в порт, ребята,
А то «Долмация» не ждет.
По ходу смотрим как сегодня
Народ наш Питерский живет.
Разрухи много на пути,
Куда б ни ехать, ни пойти.

В порту забота – алкоголь.
Решаем быстро и по-русски –

Бросаем в ящик эту «моль».
Но все прошло и ... взмах рукой
Ушел товарищ бескорыстный.

Оркестр хорватский, бокал шампанского и... отошли!
Прощай наш Питер многократный:
По Кругосветке как по мечте пошли.
Наш путь – лишь чуду адекватный.
Направо – яхта, налево – теплоход
И так все время – что-то да плывет.
Спасибо хоть не видно берегов,
А то про Балтику поверить не готов.

Поверил сразу, когда все палубы сбежали из-под ног.
На море качка! Я выдержал, пока не слег.
Но были все же несколько часов,
Когда и я блевать уж был готов.
Ночной гала – концерт в аншлажном зале,
И танцы - как когда-то (с изумлением могу сказать)!
Два дня назад ведь знал, что я калека,
Сегодня же жену увлек в муззале юбку задрать!

Она обычно танцевала, а сейчас пошла плясать!
Ну, молодец, жена! Что скажешь - так держать!
Со мной, ей богу, чудопреращенье.
Я чую жизнь, в крови – кипенье.
Второй лишь день закончен, а я уже другой
Кто знает, что это со мной?

День третий (24 августа, четверг) ДАНЫ И ИХ СТОЛИЦА

Лесные люди – даны.
На русских смахивают всем.
И коренасты, как Иваны,
Широколицы, без проблем.

Последним отличаются от нас,
Они улыбки, мы – в мыслях,
Где-то в небесах.
Уж лучше было бы – в делах.

Но тогда б были мы – не мы,
А что-то - вроде немчуры.
Я схожести увидел и «внутри»
В природе, в невылизанности – господи прости.
Об этом, думаю, они не знают,
Излишествами же себя не утруждают.

Бывает, дом блистает чистотой,
Но вправо, влево – ни ногой.
У них в природе – дружелюбие.
Порядок же, конечно, есть,
Но все ж главное в Датском клубе -
Попроше жить! Хвала и честь!
Попроше, но не «от балды».
Один пример «по-датски» простоты.

Сто лет они судили и рядили,
Где посуху со Швецией наладить путь.
И что ж в конце концов решили?
В широком самом месте «нечто» протянуть.
Чтоб, видите ль, на птиц и рыб не очень-то влянуть
Длинней то «нечто» получилось аж раз в пять.
На 20 растянулось километров!
Вот это разделяет нас навечно.
Само же «нечто» - мост до середины моря,
И дальше – все, обрубок в никуда.
Как в сказке вдруг по чьей-то воле
«По Копперфильду» исчезают авто и поезда.

Наверное, идут ко дну.
Не видел, врать не буду, не скажу!
Я думаю, пора немного о столице
«Лесных людей» хоть что-то рассказать.
На ней, конечно, не могло не отразиться
Желание проше жить, уменье подождать.

Они же по названию лишь «лесные»,
По сути, волки ведь морские.
Набеги викингов – их гордость и сейчас,
Разбойный дух был в праотцах.
Из современных зданий – ничего,
Два – три и столько же этажных.
Лицо его сложилось лет за сто.
Дворцы приземисто – «тоннажны»,

Но с острой пикой на конце!
Столица вот в таком венце.
И зелень меди бьет в глаза
С крыш, с куполов того венца.
Обычный весь набор: парламент,
Ратуша, «усадебка» королевы,
И скандинавский стиль в жилье – как на подбор.
В них роскоши, что девственность у Евы -
Кирпич черно-серого цвета.
Столица, в основном, вот так «одета».
Обозрев столицу сверху, снизу

(Автобус, катер - я хочу сказать),
Пошел процесс обычный –
Круги по «интересам» стали нарезать.
Но в этот раз мы до конца его не довели.
Нас поглотил парк Тиволи!
Подобно этому еще я не встречал.
Здесь мир аттракционов предвещал,

Что будет как везде.
Сей мир – подвижный самый аксакал -
Вот в Копенгагене, а вот уже в Москве.
Но оказалось – нет. Открытие для меня.
Забавы, игры – только фон или даже – аура
Той общей атмосферы детства,
В которой плаваешь ты просто, без кокетства.
И отрывается душа прекрасным видам и задумкам!
И пробуждает сонм огня,
Нет, нет – не отвращенье к сумкам,
Не гнев на что-то, а любовь!

К прекрасному, большому, к жизни!
Ах, Тиволи! Хочу, хочу тебя в своей отчизне!
Твой фейерверк золотых огней,
Твою практичную веселость,
Стрекоз, фонтанов, фонарей,
Со сказкой радостную схожесть.
Глубоко за полночь вернулись мы домой в тиши,
Приняв «предательство известнейших датчанок»:
Не захотели выехать на бой курантов ратуши.
Все, спать. Вставать ведь спозаранок!

День четвертый (25 августа, пятница) ГАМЛЕТ И РУСАЛОЧКА

С утра на палубу, чтоб бросить взгляд.
«Купеческая гавань» - с нею все в порядке.
«Милениум» - Титаник современный отвалил назад,
Поплыл турист как улей в океанской грядке!

Мне Вова что-то про Милениум твердил,
А может Петр – я уже забыл.
И кто, и что про нью-Титаник говорил,
Но этот айсберг гений сотворил!

Обычных нужно сотни кораблей сложить,
Чтобы один Милениум получить.
Красотам моря нет конца!
Вот рядом яхта королевы,
Вот проплывают катера -

Полны туристов загорелых.
Вот быстроходные гиганты
Несутся к Шведским берегам,
А вот степенные паромы
Неспешно грузят в Осло Дан.
И мы отправились с утра
Туда, где Шведская земля.
Где датский принц сложил вопрос,
Что на него и ныне спрос.

Так «Быть или не быть?» - Шекспир спросил.

Туда автобус покати!л!
Запомнился мне датский монплизир,
Дом – замок для охоты королей.
И здесь нет пищи для сатир -
Народ гуляет. Здесь музей!
Везде подчеркивают здесь –
Богатых грабят в пользу бедных.
Они ворчат, но все ж везут,
Их бунт страшает, а не щедрость.
Нам дань платить они должны
За процветание страны.

Но вот и Кронборг. Гамлет здесь страдал, метался
От коварства и бесчувствий ближних.

Я ж испытал, скажу, восторг
От места, замка и сплетений книжных.

Стреляли пушки здесь, собирая дань.
Пролив. До Швеции 4000 метров.
Красавец замок и сейчас как лань
Собирает трупы под попутным ветром.

Впервые осязал дыхание Шекспира
У датских принцев. Это высоко и мило!
А далее, по берегам датской Ривьеры,
Где знать имеет свой коттедж,
Как и семейство королевы
(Как видим, всюду нравы те ж).
Но впрочем, скромные вполне
На Ривьерской – то земле!

Не роскошь, а уют и радость
Струятся в этой части Дан.
Обычно хочется вернуть какую-либо гадость,
Но здесь перо не сможет - я не дам!
Шекспир - один из мной любимейших поэтов.
Судьбу благодарю за встречу эту.

Прощай, принц Датский - Гамлет.

Мы вновь у Вашей королевы.
Пора и ей держать ответ,
Но есть проблема – где Вы?
Во Фреденсборге (замке мира)
Она в июле отдыхает.
Лужайки, море, парк, дыханье лиры
К сему всегда располагает.
В миру – она парламентарий,
Слывет защитницей народа.
Его любовь! Ведь пролетарий
Сентиментален от природы.
Отдаст налог за пятилетку
Чтоб нюни распустить в жилетку,
Но если с тела королевы!
И эти жнет она посевы!
Муж датской королевы – граф французский -
Гонит вино на родине, чтобы жизнь казалась краше.
Вот это – вовсе не по-русски:
Сподручней грабить б Данию – как наши!

Мне кажется, про королеву хватит:
Она работает – ей платят.
Но ... дальше снова королевский замок,
Где коронуют их, играют свадьбы, корни чтят
Всех Фредериков – Кристианов, что на конях везде сидят
Здесь на портретах, в живописи –

И те, что правили по-лисьи,
И те, что меч везде несли, и что евреев защитили,
Что строили и что сносили. Всех спрессовали времена
Во Фредерихсберге навсегда.
Особое у Данов чувство к королям.
А где ж искусство? Ау, ну где ты там?

Ура, мне кажется, нашли!
Вселенский сказочник приткнулся у угла,
Правда, у Ратуши и Тиволи.
Его ж Русалочка – на море, как должна!
Однако - на задворках.
Но посмотри, туда проторена народная тропа.
Задворки стали центром! Вот это да!

Еще один пример величия искусства,
Музы всей: беднейший сказочник,
А стал богаче всех вместе взятых королей.
Еще кого-нибудь пытались мы найти.
Нашли лишь склад античного искусства.
До нас здесь снова снизошли
Флоренция, Венеция и Рим, Берлин, Париж (ввиду имею - Луврство!).

Купеческая гавань создала музей из гипсокопий.
Как к месту – прошлого живительные соки!

Коль нет искусства больше – дорога в секс-музей.
Нам полчаса хватило сексорати,
А дальше, дух нюхавани пленил
Своей свободной благодатью!

Бредем среди яхт – домов, среди столов.
Среди нечистот – все люди – братья.
Прощайте, Хопенхаген, а может, до свидания.
Спасибо, Даны, Вам, за Ваши созидания!

День пятый (26 августа, суббота)
И СНОВА НЕМЦЫ «В ПРОЛЕТЕ», ИЛИ КИЛЬСКИЙ КАНАЛ

На старость лет полезно вспомнить,
Что Балтика с Атлантикой имеют связь
Через немцев, через их канал,
Который Кильским называют.
Сегодня по Германии плывем
И все туристы немцев созерцают
«Пролетом», так сказать, без остановки.
Как нам Германию понять – зависит от сноровки.
Что вижу я (картина целый день одна и та ж):
Поля, буренки, вновь поля, буренки.
Кустарник, чахлый лес – полнейший эрмитаж,
Не надо тратить людям много пленки.
Увидев с удочками немца
Немного удивился я.
Потом лишь только присмотрелся:
Для этого здесь подготовлены места.
И все ж: канал, снуют туда – сюда
И баржи, катера.
Ну, значит, чистая вода!
Я видел индустрию немцев
Берлин, красавец Мюнхен, мини города.
Теперь поля увидел, знаю,
Что есть немецкая вода.
И детям закажу:
Водите дружбу с Ганцем – не войну!

Дышать на палубе давал нам теплоход.
Махал нам с берега уикендовский народ.
Сегодня «напряженный» был поход.
Мы с удовольствием вкушали этот плод!

Когда на море Северном мы все же оказались,

Катился пот рекой – так в танце отрывались.

**День шестой (27 августа, воскресенье)
МНОГОЛИКИЙ АМСТЕРДАМ, ИЛИ АУ, АССОЛЬ!**

С утра туман и дождь! Претензии к погоде!

Сказали: «Подождите пять минут».

Пока ворчали на невзгоды

Глядь, солнце тут как тут.

И целый день такие перемены -

А ля голландские «напевы».

С утра пустынный Амстердам

Проник в сердца мужчин и дам

Своим нарядным ожерельем

Жилых домов, что нынче в моде.

Все мисс – красавицы вот в этом роде:

Узки и плоски, без балконов.

Жить в них (с ними) – благодарю покорно!

Сегодня здесь – праздник регаты!

И город вскоре наводнился,

Разбух от интернациональной рати.

Конечно, вмиг преобразился!

Идет народ сплошной стеной,

Рычат мотором гондольеры.

Везде вокруг «велоразбой».

Порою, кажется – ты в чреве.

Тебя красотки зазывают

За 20 баксов и за 100.

Японки, негры, ... Понимаешь:

Свобода – это хорошо!

Познать весь можешь арсенал,

Если зайдешь в Красный квартал.

Конечно, с плотным кошельком...

Закончим эту тему, все, замнем!

Давайте лучше про деревню.

Ну, скажем, вроде Занцех Ханс.

На чеках выстроил «царевну»

Народ голландский! Не упустил свой шанс!

3% людей «от сохи»

Кормят все население страны.

А голландские розы, сырный провиант –

Оккупируют мир! Скажу вам – талант!

Голландка, с искренней улыбкой,

Ведет рассказ про сыр, сырок.

Голландец на глазах у вас бревно

Вдруг превращает в башмачок.
Потом ты пробуешь сыры
И примеряешь башмачки.
И в этой же деревне Петр – царь,
Страны Российской государь,
Учился зубы рвать боярам
И трупы резать на куски,
На отдых – строить корабли.
Сейчас деревня – словно сказка
В зеленом цвете, в изразцах,
В красивых мельницах старинных,
В домах – картинках – теремах.

И все – на польдере, на чеках,
(По-русски – рисовых полях),

Три метра ниже океана,
А все путем идет, как надо!
Что ж, нидерландец, ты гигант,
В хорошем смысле – бриллиант.
Да, кстати, все о бриллиантах
На фабрике узнали мы.
И сколько граней и каратов,
Их цветность, стоимость. Увы,

Она, конечно, все затмила.
Я понял! Бриллианты – мило,
На них полезно посмотреть,
Но только ... только не иметь!
С такой ценою горе дружит.
То – завещаньем детям служит.
И, наконец, музей Ван Гога.
Теперь его поклонник я.
Бродя, я понял понемногу,
Он близок чем-то для меня.
Или своею полутайной,
Разнообразием манер,
Иль красок яркостью прощальной,
Иль просто тем, что все – шедевр.
Он и Мане, он и Гоген, он сам как бог!
Таков, на этот раз, Ван Гог.
После Ван Гога, про селедку
Не поднимается рука,
А вот желудок ... Не под водку,
Но сельдь ведь здесь изобретена.
Она нежнее семги свежей.
Ее хоть в пору подавать
К ликеру, к чаю, так сказать.
Ну, вот и все, мой многоликий!

Я многое в тебе нашел.
И в этом Амстердам великий,
Но, где ж, скажи, твоя Ассоль?.
Здесь не поможет микроскоп.
Все, хватит. Стоп!

День седьмой – день восьмой (28-29 августа).

ЛОНДОН

Порылся в памяти, немного я нашел,
Что есть туманный Альбион.
Хотел связать хоть как-то - «груз времен».
Увы! Напрасный труд. Эфирный он.

Ну, что ж! Быть может, это хорошо.
На белом ведь заметно все.

И вот английская земля. То есть – вода.
Плывем по Темзе.
Во многом видится мне Волга - и вроде те же берега,
И защищают их все тем же.

Но чуден мне прилив – отлив на Темзе в шесть российских метров.
То полноводная река, а то канава в стиле ретро.

Сам видел, правда, мельком я.
Теперь о Лондоне, друзья.
Единство города с рекой
Здесь всем бросается в глаза.
Аналог вовсе не с Москвой.
С Дунаем, Будапештом – это да!
А значит – лучший вид с мостов.
Они и сами будь здоров!
А Тауэровский мост таков,
Что самым – самым в мире чтут:
Изящен, строен и здоров, холеный этакий верблюд!
Опять же на Темзе - парламент,
Великолепная громада!
Изящный стиль «надел» дворец.
Жемчужина! Как Англия! Что надо!
А рядом духовенство, подчеркивая братство.
У них под Нотр Дам - Вестминстерское аббатство.
Заметно в Лондоне несут века
Тауэровская крепость и тюрьма.
«Еще от Ричарда она» - несет молву народ.
Что Львиным Сердцем обозвал великий Вальтер Скотт.

Сейчас там рыцарства музей.
Величие Англии и связь времен.

«Корону видел, ей же ей!»
Здесь «склад» ее! То явь, не сон.
Отдал всем должное: наследникам и королям,
И преклонил свои колени пред теми,
Чьи плоды я сам
Вкушаю нынче без стеснения.
Спасибо Вам, Исаак Ньютон.
Жую Ваш хлеб! Мне сладок он!
Очистившись духовно, мы покинули аббатство,
И тут же дождь нас промочил до нитки.
Не вижу никакого святотатства:
Телесные очистились пожитки

Ни где-нибудь, а глядя на Биг Бен.
Теперь мы чистые совсем.
Часы Биг Бена что-то там пробили,
И мы куда-то покатали.
То Сити-центр деловой. Здесь Лондон стал уважаем и желанный.
У Сити строгий стиль – подчеркнуто официальный.

Без вычурных излишеств, без прикрас,
Но респектабельность ласкает глаз.
И вызывает уваженье сад. Он - город в городе.
Мэр свой – солидное явление,
И там собор под римского Петра.
Но, правда, мощь его не та:

Почти точь-в-точь, но мощи все же не хватает,
И, думаю, без площади он многое теряет.
Потом пешком по Оксфорд-стрит, до знаменитой Пикадилли.
Легенды про нее, я думаю, искусственно сложили.
Сама она, хоть с Эросом, довольно все же блеклое явление,
И вряд ли то – обманчивые представления.
Вот Трафальгарская структура, что с Нельсоном почти - что в облаках,
Не требует на коньяке микстуру, чтоб уравнивать ее в правах,
Пусть ни с Сан-Марко, но с любой другой
Такой же Римскою сестрой.

По лондонским кварталам попетляли,
К автобусу лишь чудом добежали.
Немного о Британской королеве.
Здесь за колючей проволокой она живет.
Не как датчанка иль голландка.

Чтоб не повадился народ к ней шастать в спальню,
Как однажды один заблудший молодец -
Весь в проволоке колючей Д'Артаньяновский дворец
(Конечно, это Букингемский.
Там королева, а не в Энске!).

Еще художникам английским
Мы посвятили два часа.
Судили мы о них, рядили.
Вердикт: нет – не «фонтан», не чудеса.
Чего не скажешь о мадам Тюссо,
Что хорошо, то хорошо.

Лишь шаг, другой, и ты в игре,
В живой не сказочной стране,
Где все с тобой, тебе знакомы, и улыбаются здесь все,
И ты в улыбке – как иначе, когда хохочет твой кумир,

Не Гитлер ж ты, ведь, не критин.
Один «бедняга» он и мрачен,
Над Наполеоном кто-то плачет,
А так - тусуется народ,
А с ним и весь туристский сброд.
Из наших – Ленинский прищур, да Горбачевское пятно.
Немного из России занесло к мадам Тюссо.

Вот Ельцин, словно голубой,
Вот Корбут, вниз, конечно, головой,
И в «головах» Хрущев, Гагарин.
Что-то не видел, есть ли Сталин?
Вся знаменитейшая рать изволит сверху пребывать.
А ниже – средние века.
Их не узнать никак нельзя
Тут на тебя со всех сторон работа, жуть и гарь и вонь.
Затем – история страны, которую «на санках мчишь»,
Она кончается триумфом.
И незаметно ты на стрит,
Видок, пока что, недоумка:

Большое что-то проглотил,
Пока его не переварил.
Как не кичились бы всезнайки,
Все ж признают – английский стиль.
Прощайте Холмс и Бейкер – стрит,
Бегу, пока мой теплоход стоит.
Я не скажу, что полюбил,

Скажу: «Тебя я уважаю.
Вы, сэр, как Черчиль изнутри,
И Вас я как жену желаю».
Стрелой мелькнула пара дней,
Но есть что Лондону сказать:
«Ты – номер первый, корифей» -
Решил я детям передать.
Прощай, Гайд-парк! Ты со своим раздольем,

Российским этаким масштабом.
Ты запущеньем обездолен,
А также мало-мальским садом.

В тебе везде одни лужайки.
Тебе идет, как морю чайки!

День девятый (30 августа, среда)
ПАРИЖ. ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Корабль в Гавре.Выбирай:
Иль три часа и ты в Париже,
Или Гавр, Пригаврье созерцай -
Кому что ближе.
Все решено. На первое – Париж,
А Гавр пусть будет на второе.
И по Нормандии уж колесит
Авто, нам ставшее, родное.
Наш гид, одесский приколист
Все про Нормандию доносит,
Мол, это – Скандинавский «лист»,
Здесь корни к викингам относят.
А безобразные французы
Связали с викингами узы
И отобрали навсегда ...
И вдруг вдохнул: «Париж пред Вами, господа!»

Проехали Булонский лес и небоскребы,
Забрались снова на «Эфеловую» мы.
Такое чувство, что Париж я знаю:
Достал с запасников Парижские «цветы».
Вот Секре Кер – сердце Иисуса,
Манит своею белизной,
Вот Монпарнас своей коробкой -
Как ложка дегтя в бочке той.
А это купол инвалидов,
Где вечно спит Наполеон,
А вон там Нотр Дам с Бастильей,
А вон, смотри, волшебный сон -

Родные Елисейские поля...
Они мне как товарищи, друзья.
От зелени Марсова поля,
Вдоль Сены на Лувр, Нотр Дам.
Париж перед нами, красотами споря,
Дворцы представляет, по улицам мчит, площадям.
После высот Нотр-Дама,
После души Секре Кер,

Где по Монмартру гуляя,
Я на картины смотрел,
Снова в поля Елисея,
Чтобы впитался Париж.
Кажется мне – все знакомо,
Нет новизны ни на шиш.

Но как приятно на сердце
От встречи со старым дружком!
Здесь новизна, как пирожное в перце!
Дорого то, что с известным лицом!
Я рад за тебя, мой дружище,
Что ты, как обычно, цветешь,
И опера что обновилась,
Что Дягиля след не зарос.
Вандомская площадь без «леса» ...
Но я ведь хотел не о том.
Ей богу, Париж – ты как песня,
Как будто отеческий дом.

Я больше к тебе не приеду,
Но будешь в моей ты душе.
Париж мой, прощай – до свиданья.
Дорог еще много на грешной земле.
В авто Эдит Пиаф вот эти чувства
Взлелеяла и вознесла.
Ночь. По Нормандии автобус
Несет Парижа чудеса!

День десятый (31 августа, четверг) НОРМАНДИЯ

Столица Нормандии – Гавр
(Гавань по-русски). 300 тысяч, не большой.
Но порт грандиозный – пятый в Европе
В войну разбомблен был союзной рукой.

Теперь современный. В особом бетоне,
Без пробок авто, без толпы, без людей
(Нам так показалось – пустой, ей-же-ей).
На пляже немного нашли мы собратьев,
Где море сбежало от нас невзначай.
Работают все – что ж по улицам шляться.
Таков наш вердикт. Порт – работай давай!
Нормандия – это как, например, Украина в Союзе,
Есть свой язык, свой префект-президент,
Были в Гавре - столице. Теперь ожидает нас маленький город -
В средневековье купили патент.

В Онфлере улица пятнадцатого века,
И от нее – еще десяток-другой.
Бухта при Сене – художников Мекка.
Онфлер – это прелесть, улыбка, покой!

От Онфлера пошли «Впечатленья»,
Что по-французски - Эмпрессионизм.
Клод Мане здесь назвал так картину,
Которую на плейере в бухте родил.
Старая церковь под наши Кижы,
Старушка нам чем-то пыталась помочь.
Вот, пожалуй, и все, что мой мозг сохранил.
Ну а я – срисовал лишь точь-в-точь.
Еще один город – Дувиль.
Нет, не город, а два
И разделяет их чуть видимая полоса.
Дувиль-Трувиль - то курорт и морская краса!
И казино - как для Гавра порт.
Вокруг казино
И вращается все!

И города два, и два мэра
Лишь потому, что два казино!
Какого, я извиняюсь, хера!
Ведь почти вместе это дерьмо!

Но бизнес диктует свои правила игры,
И не дай бог их нарушишь ты.

Тогда – море крови, а так – тишь да гладь,
И можешь голливудских звезд встречать!
Сейчас здесь как раз фестиваль.
Звезды на пляже и жаль,

Что пора уезжать! Прощальный возглас на губах,
Жене пришлось в моих трусах
Проститься с морем при «звездах».
И укатили в попохах!

Теперь в гостях у Депардье,
У него поблизости поместье.
Он лошадей разводит – не рантье,
И виноград, и винодел - все вместе.
Агата Кристи, Франсуаза Саган –
Они местечку добавляют сан!

А вот и место, где принцессы, королевы
Учились морские ванны принимать.
Лечились от бесплодия эти девы.

Врач приписал и надо исполнять!

Сначала ванны принимали так:
Брал на руки принцессу обученный моряк
И в море нес на треть часа.
Понятье – плавать было лишь для моряка.

Потом нашлась какая-то одна.
Забыл какая, но была.
И понеслось! Теперь не знаем меры -
Все короли мы и королевы!

Дувиль-Трувиль - французский Монте-Карло!
Им хорошо, и нам здесь было «гарно»!
Пора отметить это кальвадосом,
Здесь родина его – из сидра самогон.
Иль яблочный коньяк – кому ведь как угодно.
Папаша Маглоар нам пробовать дает,
Потом уж кальвадос народ берет.
Мы сидр, кальвадос и ликер – все пили,
Но у папаши так и не купили:

На корабле хмелеешь без вина,
Из Питера коробка все еще цела.
Хмельные, шумные мы через Сену, через мост,
Который самый вантовый (японский лишь длиннее),
Перемахнули в Гавр. Теперь уместен тост:
Нормандия, прощай! Нам стало чуть теплее,

Что прикоснулись мы к тебе,
К здоровым нравам, к стороне,
В которой труд, мир, май
Дают хороший урожай.

Жаль, немного не успели
В Руан, чтоб поклониться Орлеанской деве,
Где Жанну Д Арк на площади сожгли -
В Нормандии не все ж «золотые дни».
Бросив взгляды на Ла-Манш,
Рискнули мы найти его дары.
В одном кафе мы что-то промычали
И – чудо! Нам улитки принесли!

Макать в них хлеб – вот так они нам в кайф.
Я вытер насухо жены и свой «майн лайф» -
Сосуд, в котором принесли улитки.
Скажу вам – вкусно и в кармане без убытка.
Далмация ушла с Ла-Манша на Бискай.
Гавр – порт, прощай!

**День одиннадцатый (1 сентября, пятница)
НА МОРЕ – КАЧКА**

Плывем весь день на корабле. Ла-Манш, английский ли канал
Подкинул нам порядка шести баллов. Народ в каюты смыло.
Турист позеленел, подумал: «Все, пропал!»
.Меня – и то однажды затошнило.

Жена одна из нескольких на корабле
Весь день на палубе в улыбке и в еде.
Под вечер уж, когда в Бискай свернули
Немного стихло. По закону Бернулли

Потянулась на палубу бледнеющая рать,
А мы в муззал. Там петь давай, плясать.
Я весь в поту. Лечу здесь свой артроз.
Мне танцы, что цветам навоз.
Еще – по ступенькам вверх, вниз - прописала жена,
Меня выводила как всадник коня.
Немного коньяка за дом и за детей,
И за блюе, за танцы.
Еще, жена, сто грамм налей!
За то, что не засранцы!

**День двенадцатый и тринадцатый (2-3 сентября, суббота-воскресенье)
БРЕТАНЬ И ГРАФ АНЖУЙСКИЙ**

Еще одна «республика» французов
С названием Бретань, столица – Нант.
Когда их бил на родине Кутузов,
Не думал, не гадал, что нас влечет французский провиант.

Не только в смысле философском,
Но на сегодня – чисто плотском.
Мы к графу забрались в одно имение.
Поил он нас, кормил за наши «достиженья»!
Об этом после, по порядку.... У Франции - своя река,
Не столь, быть может, широка,

Название нежное – Луара,
Она – как Волга для России!
Да, пожалуй, вот такая пара!
Ведь всех ласкают эти сини.
В дельте Луары - Бретань.
Туда мы в гости – замок там.
Бретань – английская, по сути!
Об этом корни говорят.
Филологические нити

Ведут в покои короля.
Они женили так своих детей,
Что не поймешь, вообще, ты чей?
Король английский иль французский,
Иль, может, герцог ты Анжуйский?
На этот трюк Бретань пошла.
Здесь свой язык, свои дела.
И до сих пор: «Я не француз»
Бретаньский скажет карапуз.
Нант в дельте. Выше чуть – Анже,
Там замок с чудо-гобеленом.
Я видел много их уже,
Но чтоб сто метров, да с религиозным креном.

Нет. Это чудо лишь одно
Апокалипсисово, по сути, полотно.
И замок чуден башнями – кругами
И чудаками – королями:

«Обрезать замок вполовину
Высок уж больно, не по чину!»
Луара, слышал, замков много родила
Теперь к другому замку тропа нас повела.
К живому графу, что с шестью детьми
Концы с концами еле сводит.
Вот он туристов и заводит

К себе в конюшню, в стойло, в хлев.
Там он давал нам свой обед,
Когда уж по усам текло,
Нас в замок все же занесло.
Автограф брали у графини.
И все же некрасивые они,
Как будто намешали оспу с синью!

А графские детишки, между прочим,
Корпят в труде с утра до ночи.
При нас дерьмо от кур возили.
Да! Граф церковь напрокат сдает,

Чтоб те, что много нагрешили,
Могли там запереться,
И что ж – идет народ.
И графа капитал растет!
Расстались с графом под Катюшу,
Под чувственность Эдит Пиаф.
Граф, замок, гобелен, халявное вино,
Все это вместе навело,
Что здесь – волшебная страна.

И жизнь безумно хороша,
Как воздух в море и прибой,
Как розы свежие зимой.

И нет проблем у нас и у французов ...

И что их никогда не бил Кутузов!

Все. Подъезжаем к Нанту.

Французский гид повел рассказ:

«Не просто прорасти таланту.

С доходом туго здесь подчас,

Зато расходы так и прут,
Без медстраховки пропадут
Не только лишь одни бомжи
И сонмы эмигрантов. А лучшего не жди!

И мне совсем не сладко жить!

Учти, при чаевых, и при халявных – есть и пить!».

И тут остановил гид свой посыл –

Нант карнавал накрыл.

По улицам идет дробь барабанов,

Под них, француженки нагие

Без устали вращают все и вся.

А здесь индийская «семья»

Пустилась в пляски удалые,

Какая пластика, а сколько шарма,

У каждого своя, я слышал, карма.

Шпагоглотатель это подтвердил,

Когда на улице он все, что было, проглотил.

Тут африканцы, тут шотландцы,

А тут оркестр на ударных.

Его мелодия сейчас

Сидит, плывет в моих ушах,

В ней столько здравого задора ...

А праздник дальше, без разбора

Приводит в мир аттракционов.

Еще экзотика канала,

Где смотрят яхт, что ли, какой?

Ликует Нант. Француз толпой

Субботу, может, отмечает.

А может быть обычай здесь такой,
Русских приветствовать подвыпившей толпой?

Я думаю, здесь отмечают день Москвы!

Спасибо Вам, нантчане! Вежливые вы.

Но, чу! Пока мы пиво пригубили

Затихло все! Толпу слизало,
Пустынный Нант сказал нам – чао.

Корабль почапал по Луаре
Назад в Атлантику, в Бискай.
Нант! Бывший порт – труженик, прощай!
Теперь ты кузница футбола,
И самолетов. Порт снесут.
Ну а народ? Как видите – живут.
Приятную прохладу на Луаре
Сопровождал рыбный замор.
Сплошным потоком, километры
Плыл рыбный труп, как на подбор.

Откуда, что и почему
Не знал, не видел, не скажу!

Зато, увидел я Жюль Верна
Его нам Вовча заказал.
Сидел он в Нанте, в самом центре,
Где шел тот самый карнавал.

Жена его специально отыскала,
Тебе поклон, мол, от детей.
Скромная доска, каких в Москве не мало
В ответ махнул нам он: «О, кей!».

День четырнадцатый (4 сентября, понедельник)
ПОРТВЕЙН

Как много все ж влияет игра слов
На наши ощущения!
Монте-Карло, Рио, Португале
Одной ячейки сеть. В нее сегодня мы поймали
Дух романтизма, его олицетворенье!

В плену я этой игры слов!
Что ж вижу я? Сначала рыбаков,
Вот катер – сейнер, невода,
И очередь машин с продуктами из моря.
О да, романтика, о да!

Задрипанный причал и пробковые бревна
Поддерживают образ, настроение.
Экскурсия проходит ровно,
Ловлю неспешно впечатления.

Вот центр Порто. Навострили «лыжи»!

А проза жизни бьет в глаза.
Романтику смело. Здесь надо выжить!
Не до блеска. Здесь прижилась нужда!

Осмотр костелов, общий вид на город,
Где черепица крыш разруху же несет.
Нет, нет! Не голод здесь, друзья, не голод!
Но все ж - безрадостно живет народ.

Конечно, есть и здесь свои красоты
Вдоль Доры вправо ль, влево погляди,
Ты видишь Эйфеля мосты,
Красивый горный вид, раздолье,
И яхты с бочками, и синь реки.

Португале! Но где же ты?
Прощай, что был в мечтах,
Теперь я знаю – ты рыбак,
Ты портовик. Одежда у таких ведь – роба.
Ты не жар-птица, ты – корова,

Которая дает портвейн с долины Доры.
И не в какие – то оффшоры!
Что ж, достойное занятие -
Как выпьешь, так все люди братья!

Конечно, здесь и я хлебнул
Из бочки на одном заводе.
Потом молдавский бомж вдохнул
В нас атмосферу, что здесь вроде

Гораздо хуже, чем в России,
Но ... океан наш синий – синий.
Портвейн же – вкусное вино!
Туризм – благое ремесло!

День пятнадцатый (5 сентября, вторник) ПИРАТЫ

Сегодня мы Атлантике «помашем ручкой».
Турист на палубе лежит.
В картишки режутся по кучкам,
А теплоход бежит, бежит.

На ужин «подали» пиратов,
Теперь – на судне карнавал.
Я – лишь в трусах, которые изрезал,
Жена под гейшу «косит» наповал.

Наш стол – Алма-Ата, Москва и Ярославль.
И есть друзья по жизни, бизнесу -
Они сегодня Чук и Гек.
Подросли и прямиком – в пираты. По-моему, разумно:
Кто в детстве отгадает, какой из Чука с Геком станет человек?

Глава семьи Алма-Атинской,
Тот – вылитый пират,
Ботфорды, тельник – об этом говорят.
Жена его, как будто бы, «испанка»,
А дочь – в костюме куртизанки,

Она блистала еще в шоу – мисс корабля.
Ее партнером был, представьте, я.
Веселие «пиратов» захлестнуло,
Особенно, когда в них кое-что «плеснуло»!

Я расходился, старый, что ни говори,
Когда у девушек забрал призы.
За что б вы думали?
Нет – за объем груди!

Ночь. Пиратский карнавал
«Зашел» в Гибралтар.
Вижу Африку в огнях,
А вот Европа, почему-то здесь впотьмах.

Волшебный катится круиз.
Мы в Средиземном - запланированный сюрприз!.

День шестнадцатый и семнадцатый (6-7 сентября, среда-четверг) АНДАЛУСИЯ, ИЛИ ВСТРЕЧА С КАРМЕН

Поскольку вырос я в деревне,
То с классикой (в виду имею музыкальной),
Конечно, я не только не дружил,
Но относился как, ну скажем, к мухам:
Зло неизбежно, даже если ты его не заслужил.

Студент. Театр. Встреча с космонавтом.
Гагарин Юрий – всей семьею прикатил!
Потом – Кармен. Меня к «седлу» прижало!
Я перегрузку, что ли, «подхватил»?
И нет на свете колдовства и сил,

Чтоб оторвался я от пламенной Кармен ...
И вот – на родине ее московский бизнесмен.

Прохлада утра. Теплоход причалил.
И Малага в нас белизной плеснула.
Так серость Франции и Порту подчеркнула.

И мы чрез белизну – курорт январский –
Вглубь Пиренеев – на Гранаду.
Два – три часа автобус нес
В нас Андалусии отраду.

Вокруг – холмы и горы, леса нет.
Засажено везде, включая «шапки» гор.
Лишь скалы без оливок. Вот ответ,
Откуда что берется с давних пор!

А нам не про табак, оливы или сели,
А все про шпаги! Как мавры здесь осели,
Как потом испанцы выбивали их три века.
Нехотя, без огонька – будто прыть поблекла.

По вкусу, видно, темпераментной «Кармен»
Пришелся мавр. И это правда жизни, а не комплимент!

Сюда ведь мавр принес
Искусство ирригации и редкие сорта.
Он здесь построил такие чудеса,
Какие ныне восхищают небеса!

«О, Гранада! Ах, Альгамбра! Я там был!» -
Так скажет каждый, кто это все вкусил!
Я до сих пор под впечатленьем вязи -
Ее в Гранаде как в России грязи.

День восемнадцатый (8 сентября, пятница) ПАЛЬМА-ДЕ-МАЛЬЙОРКА

Город Пальма. Мальйорка – испанский остров.
Размером, где-то 90 на 50 километров.
Нет ни одной реки,
И без туриста был бы центром нищеты.

Сейчас ему все это и не снится,
Он чувствует себя почти жар-птицей.
Лишь где-то там, в глубинке
Остались нищеты картинки.

Весь остров автоизучали
Пока к пещерам добирались.
Не зря, скажу, не зря

Тащил нас туробес сюда.

Дожил до старости – в пещерах не бывал,
Такой вот, понимаете, провал!
Пусть на Мальйорке, но открыл
Я для себя подземный мир.

Теперь, я думаю, вся готика пошла
От столонито-столонитового столба,
А Гауди уж точно все слизал
С изящества пещер. Но то – не криминал!

Пещеры, в общем, всех питают,
Но только гении у них бессмертность получают.

Многообразью форм, что создала природа,
Я поражался вновь и вновь и, не заметив, очутился
В огромном зале. Стихло все.
Только пещерный дух в потемках притаился!

Вдруг выплывают расписные
По водной глади, все в огнях.
Лист, Шуберт, Шуман, может даже, Бах
Пронзают нас в тени пещерной.
Так благодать пленяет сердце щедро!

А в продолжение благодати
Мы на челнах как на регате.
Закончилось пещеры представленье.
Надолго эти ощущения!

Еще про жемчуг, кожу и вино
Наш гид пробормотал,
И даже сделал вид,
Что фабрики нам эти показал.

Всех в шопинг с контромаркой.
Не хитрый ход, но, вообще, яркий.

Нас успокоил чудо-кран,
Откуда полилось вино.
Я распустился как тюльпан,
Ты, дегустация, творишь добро.

Зачем нам фабрики, процессы,
Сродни мы принцам и принцессам.

А в Пальме, в мощном, старом храме
Попали на процесс венчанья.

Мужчины – в смокингах при дамах,
Они – так просто, при нарядах.

Орган сыграл и ... пошли речи,
Причем ораторы – мужчины.
От скуки лишь не гасли свечи
И нам сидеть тут нет причины.

Понаблюдали пальмы в Пальме,
Облезлый вид их не привлек.
Отдали морю свои тайны.
Оно здесь – райский мотылек.

**День девятнадцатый – день двадцать шестой (9-16 сентября)
БАРСЕЛОНА, АНДОРА, САЛОУ.**

Часть 1. БАРСЕЛОНА

Венец круиза – Барселона.
Корабль наш в центре – повезло.
Колумб в нас тычет своим пальцем,
Барселонетта как в манто.

Его хранит с Олимпиады,
Оттуда здесь ее наряды.
И мост волной, и порт родной, и остров с проминантом,
А мы в отряде экскурсантов.
Сначала поклонялись божеству на Монтсеррат.
Здесь для меня пополнился отряд

Еще одной чудотворящей.
Все сделал бог, досель молчащий.

Здесь горы – Красноярские столбы -
Огромной глыбой положили,
И так искусно распилили,
Что замок – храм на них сложили,

Ну, и икону принесли,
Что потемнела от веков,
Валяясь в сонме сундуков.
Кто к Монтсеррату добирался
Естественно – преображался.

А если и назад пришлось спуститься,
Тем удалось омолодиться!
У альпинизма свойство своровали,
А, может, альпинизм обожествляли?

Здесь спорт и дух в одном лице,
Ну, а «чернушка» - та в венце.
Ведь кто-то должен и венцы носить,
Которым можно что-то преклонить.

Я преклонил, поцеловал
И ... пред богами вдруг предстал.
Я слышу ангельский напев,
Фаты и роз шуршанье. Присев

На край ступени перед девой,
Вбирал, вбирал сии напевы -
Хор мальчиков исполнил в честь «чернушки»
Ее любимые «частушки»!!!

Она ведь завтра на гастролях -
Я был свидетель поневоле.

Чтобы побольше в нас впихнулось,
Еще бросок на гору – ко кресту!
Там к нам божественность вернулась,
Толь крест в этом повинен, толь потому, что все в поту.

Бог, дьявол – рядом где-то бродят.
Не знаю, кто из них решил,
Чтоб после Монтсеррат – корриду
Наш брат всеядный посетил.

Коррида – это традиционный обряд забоя рогатого скота.
Я в детстве видел много русскую корриду.
Теперь под старость наслаждаюсь, как испанцы
Лишают жизни бойкого быка.
У русских - без попыток привязаться к слову «красота».

Привез на бойню плод своих трудов.
Его в загон, и шлейф под брюхо.
Болтает ножками в надежде на волхвов,
Мужик с кувалдой – бряк по уху!

Язык наружу, нож в зобу,
Кровь бьет на фартук, руки, землю.
Бык дрыгает, хотя уж на весу -
Подъемник промедленья не приемлет.

Здесь на корриде поток свой.
Бык подъезжает в клетке,
И видит дверь – туда стрелой.
Он на арене и мужик в жилетке!

Бык бьет любое, что бежит,
А красный цвет – то колорит.

Тореадоры врассыпную.
И при малейшем - в «люльку» прыг.
На всей арене – он владыка.
Он – гордость нации, красавец бык!

Но силы тают. И тогда тореадор
Вгоняет в бешенство быка.
Бык через голову «мортале» совершает,
Лишь бы достать. И достает, как правило, бока!

Испанец в этом зрелище знаток -
Он аплодирует быку, когда на рог
Тореадор бесславно налетает.
Оркестр бьет в литавры, шум стихает.

К быку въезжают на конях в попонах
Тяжеловесы с копьями в руках!
Костюмы - в жемчугах и при погонах.
Бык видит – дело «швах»,

Бежит, и первым бьет попону.
Конь, всадник валятся слегка,
Копье же в холку быку входит.
Так рукопашная пошла!

А зрителям – восторг для глаза и для уха,
Удар быка коню под брюхо!

И так борьба пять-шесть минут.
Потом литавры вновь забьют
И кони с поля зренья исчезают ...
То время пикадоров, их дух витает!

У них в руках по паре пик.
Быку по очереди в холку
Они пытаются всадить,
И снова в «люлю» - успеть бы только!
Всадишь и сбежишь – тебе аплодисменты,
А нет, так шквальный свист.
Да, пикадор – он драпающий артист,
Юркий, легкий, как осенний лист.

Последний акт в жизни быка -
То схватка с тореадором.
Сие искусство не умрет века,
Как манипуляции с мотором!

Весь смысл в том, что кто-то должен умереть!
Отсюда тореадору и хвала, и честь!

Имея острое желание убить,
Бык все ж не часто победитель.
Изранен он, но хочет жить,
А это – грандиозный возбудитель!

Тореадор – знаток породы,
Пред рогом вьется его стать,
И как проложит в рай быку дорогу
Вонзает штык под рукоять.

А если бык еще живой,
То добивает - в лоб удар.
Тореадор теперь герой,
Он для испанцев – божий дар!

А тушу волоком в зады,
Где ждут ее мясник и люд.
Почетны битвы той плоды -
И зрелища, и плотское здесь «жнут»!

Ведь на арене новый бык бушует,
Мясник бойца, любя свежует....
Шесть битв, шесть туш желанного плода.
Смерть неизбежна. Это да.

Но для быка - достойней на корриде.
А риск нарваться на рога?
Нарваться можно даже сидя -
На геморрой! Такие, брат, дела!

Адреналин бушует здесь.
Коррида! Ты была, ты есть!
В борьбе за жизнь и смерть красива!
Нет, бойня хуже, чем коррида!

И пусть жена дрожала в страхе,
Сын шуточки не отпускал,
Но все светились под финал!

Под стать корриде их фламенко,
Где страсть, энергия бурлят,
Как в шоу – Николай Фоменко,
Где «бьет копытом» даже взгляд.

Меня в средневековом вече
С вином и птицей, с кабаном

Представили фламенко. Встреча
Прошла, скажу, «под каблуком»

Красивых, страстных куртизанок.
Я весь в поту после «Катюш»,
Открывши рот, глазел испанок,
Как верный, но развратный муж.

Их дробный пошелк кастаньет
Затмят не только разум – свет.
Я на себе их испытал,
Потом два дня в бреду лежал.

И, между прочим, для любимой внучки
Подарок не пришлось мне выбирать.
Прекрасная фламенко – кукла! Всю получку
Я на нее спустил и был безумно рад!

Я не могу пересказать
Все, все о Барселоне,
Но попытаюсь передать
Хотя бы чувства о « матроне».

Бродя в вольерах зоопарка,
Иль щурясь на подводный мир,
Я в туристической запарке
Будто попал на званый пир!

В тебе сидит: «Смотри, смотри -
Все для тебя, все для любви».
Проспект Ромбла улыбками богат.
Здесь каждый каждому и сват, и брат!
Ей богу, чувства праздника повсюду есть -
Не исказил пьянящую я смесь.
Конечно, видел многое другое по дороге,
Ведь жизнь – совсем не недотрога!

Есть проституточная вонь,
Есть нищета, ворье и гниль,
Но дух высок и «шелупонь»
Подчеркивает неба синь.

Вершину чувств, скажу – экстаз,
Я в мире не встречал такого чуда,
Под вечер поднесли как на заказ!
На площади Испании - изысканнейшее блюдо!

Цветной фонтан! Ну, посудите сами -
Он «пел» Чайковского и Верди, Монсерат.

Он пел, и звуки рисовал струями!
Жена проплакала весь цикл подряд.

Миллиарды струй варьируют и мощью, и движеньем,
И цветом, формой, ритмом, как задумано маэстро!
Меня так высоко не заносило представленье
Как у фонтана, где с трудом нашлось мне место!

Под волшебство поющего фонтана
Я был, есть, буду Барселоной пьяным.

Я жить хочу «под Гауди» - изящно, с озорством,
С гармонией веков, как Барса - ты живешь!

ЧАСТЬ 2. АНДОРРСКИЕ СТРАДАНИЯ

Я так хочу попробовать понять,
Как все-таки образовались те границы,
Которые в таможнях приходится пересекать?
И следует ли к этому стремиться?

Не так далеки времена,
Когда, ну скажем, Кучма
Дочь выдал замуж не за хохла,
А за кацапа! Знать со смыслом!

Кацап тот, например, был Ельцинский сынок.
И так сложилось б государство.
Всем гражданам – такой зарок:
Любить, платить, чтоб крепло царство.

Другой путь – меч.
Я сильный – так хочу.
Всех несогласных – в землю лечь.
Всем остальным – платить в казну.

Трудись, рожай, гордись,
Что у тебя такая жизнь.
А у Андорры – третий путь,
«Панфиловцы» - ее жильцы.
Не сдались маврам – в этом суть
Ее теперешней красы.

Красы я, правда, не видал.
Мне про богатство гид сказал.
За храбрость, так король решил,
Не притеснять народных сил.

За этим пусть следит француз,
Поскольку земли все у Папы.
Так оказались без вожжей
Андоррцы, храбрые ребята!

Здесь и понятия нет – налог,
И бизнес к ним везет, что есть,
И все отсюда вывозить готов.
И не нужны при этом взятки, лезть!

Приняли Броуна движенье
Сейчас «Панфиловские достижения»!

Андорра вся - котел торговый,
Что вытянут вдоль речки.
Она, как образец готовый.
От него можно плясать как от печки!

Базар, Андорра, ты. Ты спрут.
Конечно, для андоррской рати!
Их мало, но они берут,
И проживают в благодати!

Берут за членство в бизнесе и созерцают,
Как все другие создают.
Баловни к такому быстро привыкают,
Из поколения в поколение так живут!

Но не завидует моя душа -
Ведь на рынке ваша жизнь в шелках прошла.
Нет, лучше в рваных я ботинках,
Дренаж построю у Кремля.

Я так расстроен был,
Что даже заболел от горя.
Я ослабел, под деревом «поплыл»,
Я рад был, как Тельцу, Аврора,
Что вновь вернулся на «причал».
Причалом для меня Салоу стал.

ЧАСТЬ 3. САЛОУ

На море небольшой курортный городишко,
Где вырос лес отелей для туристов.
За сто верст от Барселоны, даже с лишком.
Ласкает море. Спокойно, тихо. Всюду чисто.

Аллея пальм. Скамейки. Бары.
Мир магазинов, влюбленных и семейных пар.

Песчаный пляж повсюду близко,
Морепродукт по ценам низким.

Такой вот фон. Вот панорама.
Сюда добавить надо гамму:
Мир детства, Дисней, точнее, киндерленд!
Два города - с водой и без. Сюда на каждый уикенд

Попасть желает каждый.
Куда и я попал однажды!

Не стыдно в этом мне признаться.
И все же надо расставаться!
Салоу уютен, словно дом,
И просто хорошо нам в нем.

Он из разряда Эоло,
Куда нас как-то занесло.
Теперь несет назад в Москву,
Пора! На Родину хочу!

Увидел много, ощутил
По мере опыта и сил.
Прелестного немало в мире,
А все ж душа в родимой ниве!
Не потому ли я не свечка,
Которую задуть не трудно и овечке?

Осеннее лето. 30.09.2001 г. – 20.10.2001 г.

День 1-3, 30.09.2001 г. – 02.10.2001 г. (воскресенье-вторник)

Белый пароход

Ни от чего я не бегу.
Мне дороги семья, работа
Под 60 – моя забота
Здоровым быть – пожить хочу.

Не для того, чтобы вершить,
Иль «зеленью» набить суму,
Иль пищу дать еще уму,
А для того, чтобы любить.

Я это делал в суете
Меж делом лишь растил побег.
Его пронес я в новый век

И закрепил в своей мечте.

Растить мечту лет 10 надо!
А что бывает без труда?
Если живешь ты сам как стадо
Не жди и толку никогда.

За 10 лет глядишь и выйдет
Из грез какой-нибудь «бамбук»
Конечно, если «обнавозишь»
«Бамбука» каждый лист и сук.

«Чтобы любить» – что это значит
На языке будней и быта?
Да то, чтобы смиренно созерцать,
Что сердцем и трудом своим добыто.

Как задрожал весенний лист
В руках смеющегося внука,
Как крутит жизнь детей твоих,
Как кормит их твоя наука.

Как улыбается жена,
С высот прожитого, с любовью,
И с чем друзья твои ушли
Куда уйдешь и ты покорно.
Я не хочу познать весь мир,
А как в кровь душу не разбить.
Под старость в жизни я хочу
По-настоящему любить.

Не от чего я не бегу!
Мне дороги семья, работа,
Я еду просто отдохнуть
И это – о других забота.

Мне эту мысль внушало окруженье-
Не чуждым оказалось уверенье.
Что мне внушали, то внушили,
И на корабль посадили,
Что уходил от неги Сочи.
И я поверил, между прочим,
Что если в море укачу -
Всем будет лучше. Захочу,

Так целый месяц не вернусь.
Мне говорят – да ну и пусть!
Ты нам попозже пригодишься,
Как отдыхать уж утомишься.

Ну, мы с женой не лыком шиты:
Нас нет в Москве и все забыты.
Мы в сказке – белый пароход
Нас в Средиземное везет.

День 4-5 (среда-четверг).

3-4 октября 2001 г.

До нашей в нашей... эре!

Афины! Что они сейчас?
Наверно, в древнегреческом убранстве,
Где цепи колоннад и в профиль, и анфас,
А греки в колесницах – дилижансах!

Но вижу современный город я.
Нет ничего «до нашей эры».
Здесь всё послевоенные дома
Не лучшие из нашей эры перлы.
Все близнецы и братья, как «хрущевки»,
Но только в греческой трактовке.

Балконы по периметру идут,
Прикрытые повсюду козырьками:
Иначе греки от жары умрут -
Спартанцы и у них прослыли чудаками.
Уж не пытаются они завоевать -
Им бы туриста удержать.

А держит лишь один Акрополь!
Руины города на сказочном холме.
Там не спешат восстановить былое. К чему?
Если к развалинам поток достаточный вполне.
А то построишь Парфенон - и нет загадки больше в нем.

К чему, зачем тогда идти
На холмы греческой страны?
Так рассуждает наша эра!
Не вслух, конечно, а молчком.
Руины ж носят им зарплату
И... жизнь катится чередом.

В Афинах нечего смотреть,
Если к векам ты равнодушен,
Ну а для тех, кто не бездушен
Здесь можно сутками «балдеть»!

Вот демократии урок:
Дворец народного собрания

Гораздо выше водружен
Дворца парламента с их сонмом заседаний.

Центральная «изба» здесь – Парфенон.
Служил для драгметаллов помещеньем,
И центром поклонения богам,
И статуи Афины размещеньем.

Театры Музыки и Драмы
Годны для наших супершоу,
А до скульптурных мастеров
Еще наш век и не дорос,
Как и до мыслей древних греков.
Они – философы. Мы – бесы!

Акрополь – холм, и сам между шести холмов.
Они повыше, при мемориалах.
Меж ними – центр, с улочкой «даров»,
Дворец правительства с солдатами в сандалях.

С немислимым помпоном на носке
Здесь рядом – центр олимпиад на всей земле.
И все! Прощайте Зевс, Афина, Посейдон,
Прощай надземное метро, Персей.
Уже не слышу древних греков стон:
Нас ждет «Асседо». Мальта ждет – скорей!

День 6-7 (пятница-суббота)

5-6 октября 2001 г.

Мальта

Если есть рай на земле,
То он сейчас на корабле.
Так думал я под шум волны,
Глядясь в мальтийские огни,

Когда из бухты уплывал -
«Ладонь в раскрышку» покидал -
Красавец – лайнер непоседа
Со странным именем- «Асседо».

Не видел краше я земли,
Что остается позади!
Мальтийский орден здесь создал
О чем и Бог-то не мечтал.

Вся бухта та обнесена
Стеной отвесной, где горя,

Сверкая чудной красотой
Нам салютует башен строй!

И мысы выстроились в ряд,
И купола ласкают взгляд
Трехглавостью и россыпью огня-
Так с Мальтой распрощался я!

А утром я входил в тебя,
Не понимая как всегда,
Чем остров Мальта отзовется
И как мальтийцам здесь живется.

Они – смесь множества кровей.
Последняя с британских гайд-полей.
Их дружелюбие - черта,
Раскрепощенность, а мечта
Взять в жены русскую жену
(Свои не тянут красотой)..

У них сейчас ведь там соцстой -
За что боролись мы с тобой.
Стипендия 500 – мечта!
Зеленых! Баксов! Это – да!
Бесплатно мед, копейки – школа.
Дорога в рай уже готова!
Всем, кто не в силах с коммунизма «слезть»,
На Мальте следует осесть.

Общественный автобус как родной.
В нем «климат» бывший наш, простой.
И заставляет уважать -
По часу или больше ждать.

Мы ездили в рыбацкий городок
С названьем странным «Массеншлог».
С трудом обратно добрались,
А то пришлось бы вплавь иль ввысь.
Но риск сторицей окупился -
Не зря я к рыбакам стремился.
Здесь умиляло всё и вся:
С детства привычная жара,

В которой медленно плывет
Мальтотуристов разный сброд.
Кафешки, рынок и собор
Осуществляют мани-сбор.

Благую дань дает народ

За созерцание красот
Нарядных яхт и катеров
Совсем немислимых цветов.

Здесь сине-желто-красный фон
(Простите за такой жаргон!).
Нигде подобное не видел-
Жар-птицу, как бы не обидел,
Сказав, что ярче гаммы нет.
Таков деревни той портрет.
Здесь устрицами разговелись,
Купаньем в сладостной постели,
Узнали про мальтийских крыс
И...мысли снова понеслись
К средневековью: Тред Медина!

На триста человек «машина»,
На вышине, как жар горя,
Прохладу хитро сохраняя.
Здесь собрались богаче всех!
Не надо вовсе денег тех:
Ведь внешне – хуже, чем в тюрьме
У нас в далекой Колыме.

На ту экзотику - глядеть,
Но чтоб ее всегда иметь?!...
Конечно, триста человек нашлись:
Богатых чудаков немало в мире!
Живут, я слышал, и в сортире.

Ну что ж, пора прощаться.
Я внешней бухты вид с собою увезу.
Ничейный остров Мальта,
К чему же обольщаться,
Я больше никогда к тебе не приплыву.

День 8-9 (воскресенье-понедельник)

7-8 октября 2001 г.

Вильфранш сюр мер или а ля Прованс

Здесь я уже был
Наверное, пару лет назад.
Конечно же, восхищался, но... не полюбил.

Лазурный берег! Волшебные слова:
Монако, Канны, Ницца, Монте-Карло.
Пожалуй, многие воскликнут, мол, мечта!
Конечно же, мечта - им вторю я.

Здесь 320 солнечных нежарких дней,
Здесь море – дай Вам бог такое.
Для яхт, для виллы, для казино здесь рай,
А чтобы деньги прожигать – зачем желать другого?

Но мне всегда чуть-чуть не по себе,
Когда в соседстве лишняя шикарность.
Я думаю, что это здесь мешает мне
Душою прирасти к Лазурному созданию.

Но надо должное отдать - все это лишь внутри меня.
А жизнь идет по лучшему сценарию,
Который когда-либо видел я.
Любитель шика - где-то у Нэгрэско,
Монте-Карло, Рулья.

Ну, а романтик спит у моря.
Меж ними есть английский променад,
И этот символ многое здесь стоит.
Приморская дорожка объединяет будто б всех -
Отсюда Ницца черпает успех!

Вильфранш–сюр-мер – старинный городок
В какой-нибудь квадратный километр.
У моря в бухте. Невысок,
И улицы как полки этажерки.

Расположились друг над дружкой.
За полчаса его узнаешь весь.
Сейчас он славен не старинною красой,
А тем, что супервиллы здесь,

В его окрестностях. В трех уровнях дорога.
Повсюду виллы – взгляда не отвести!
От Ротшильда с музеями - садами
До Тополя, который выдал нам такую весть,
Что в свое время граф Орлов
Купил Вильфранш под флот российский
Он в бухте службу нес вплоть до большевиков,
Оставшись у французов в хаос революций.

К нему хотели еще земли прикупить,
Чтоб русскую дорогу замостить
Через Италию, Монако,
Но не случилось то, однако.

Теперь в Монако – монегаски!
Их, коренных-то, восемь «тыщ».

И каждый – лишь считает баксы,
Которые сюда плывут со всех концов земли
Под безналоговый оффшор -

И в этом соль! Об этом разговор,
Поскольку в учредителях быть должен монегаска.

Не жизнь в Монако – просто сказка!
Как у Ивана-дурачка,
Что жил по-щучьему веленью.
Мы погуляли по творенью
Шальных финансов и ума
И... прикоснулись к синема

На площади пред Казино!
Здесь представляли нам авто
Для производства кинофильмов.

Шикарной маркой, правда,
Нас теперь не удивишь -
Всё можно видеть из троллейбуса в Москве,
Но нас влекло такое шоу. В красоте,

На фоне благозвучных –
Монте-Карло, Казино!
И этим памятно оно.

Потом Жюви-ле- Пэн, Антиб,
Сен-Рафаэль, Сен-Троpez и Канны,
Где пешие прогулки, кинофестиваль,
Купанье на «ля пляж»...
И снова трепет, и туристский раж,

Когда Сен Поль де Ванс
С Шагаловой могилой
Нам подарил Прованс.
И то скажу: «О, сказка-городок!»
На скальной выси с крепостной стеной -
Мечта художников. Сюда толпой
Стремилась и стремятся «под голубку» –
Трактир дорожный в правду, а не в шутку.

Сюда манит какой-то дух!
Я испытал его, а вслух
Скажу, что снова поражён
Неведомым, чем создается он!

На драной площади какая-то кафешка,
Шарами щелкают, под старость, мужики,

На крыше здесь пристроилась голубка.
И... дух готов – туристы понесли!

Они восхищены Сен Поль де Ванс!
И молят бога дать им шанс
Сюда когда-нибудь еще бы забрести,
Что б этот дух с собою увести!

А городишко Грас имеет дух другой,
Он – парфюмерная столица!

Не буду больше, хватит, на покой.
Лазурный берег –
Не хотел ведь воротиться
В твою захоленную плоть,
Но вот пришлось, и рад ведь я
Тому, что круглая Земля!

P.S. Не стал писать, но ведь стоит в глазах
Принцесса Грейс – кинозвезда,
Что в жены взял их главный монегаск.
Слетела в пропасть на авто она,

Оставив трех детей – за ними глаз да глаз.
В гостях у принца и в ее покоях побывал,
И на могиле почесть ей отдал.

Не помешало то отведать рыбный суп -
В подметки нашим не годится.
К нему - сухарь, сыр, соус. Иначе этот «пуп»
Не съесть - уж лучше удавиться.

В глазах еще стоят огромные блюда со льдом:
Омары, устрицы, моллюски в нём.
И как-то ту экзотику жуют,
Сжевавши, вроде бы, по-прежнему живут.

День 10 (вторник)

9 октября 2001 г.

Старый Новый Рим

Ему в истории нет равных – это факт.
А что донёс к двухтысячному году?
В нём был. Но освежить хочу,
Что в Риме делает сейчас погоду.
Чевитавеккья – порт.
Не Туапсе, не Гавр.
Возможно, тысяч семьдесят,
И столько ж километров до столицы.

Но я не рассмотрел его -
Ведь надо в Рим стремиться.
Там жил когда-то, говорят, Стендаль,
Но я не видел, я спешил в доэровскую даль!

Дорога. Убраны поля.
Простой пейзаж Италии аграрной.
Нет лоска, но не нищета:
Достойный вид земного созиданья.

А вот и Рим. Нам в ухо: «Вечный город»!
Я это оставляю вне ушей:
Хочу я свой ему ярлык навесить -
Ведь это ж цель поездки сей.

И что я вижу опытным уж взглядом:
Невиданный размах – античность в наши дни.
Капитолийский холм и всемогущий Форум -
Вершины Римской красоты.

И если к Форуму прибавить Колизей,
То понимаешь тщетные потуги
Смотреть на всё с высот цивилизных наших дней.
По-моему, мы – близкие друзья!
Он «Вечный» - в этом убедился я!

Они и мы – всё мускулом трясём:
Убить мечом иль атомною бомбой.
При этом, правда, строим, создаём
Чтобы... разрушить вновь
Очередным революционным тромбом!

Тысячелетия идут,
Но дурь и власть не победить!
И человечество спешит
На те же грабли наступить!

Об этом Вечный Рим твердит,
Но разум дремлет. Хуже – спит.

Но вот от монументов ухожу
К Треви – фонтану, где любовь, свобода!
К Испанской лестнице, где та же суета.
Вот Пантеон - с Навонной скромной.
Мне пальцем тычут – мол, брюзга,
Не видишь: вот она – свобода!
Она дарует званье – Вечный Рим,
Её эфир здесь всюду бродит!

Во всем - как смотрим, пьем и говорим!
Раскрой глаза: Париж – изящнейший повеса,
Лондон – холёный, деловой,
Вена – шикарная красotka.
А вечный Рим – свободный и... простой!

Сегодня понял – для меня ты лучший
В пляде Европейских городов.
Быть может, намочивший дождь помог мне в этом.
Быть может, что к такому трактованию
Лишь в этом возрасте готов.

День 11-14 (среда – суббота)
10-13 октября 2001 г.
Романтическая Греция

Нам бог послал от Греции два острова
Один по плану – Родос.
Как поняли – известный всем курорт.
Другой – внеплановый. Он – Самос,
Предстал пред нами сей сюрприз, как лорд.

Но, впрочем, будем по-порядку...
Античный Родос выдал нам
В бурьяне три колонны,
И малый стадион,
Где местные коровы,
И скуднотравенистый склон.

Средневековый ж Родос
Раскрылся замком - хоть куда!
Где даже Путин заседал-
Такой здесь грек ему придал
И вид и лоск.
Турист кишит!
Он на мозаику спешит -
Узнать все тайны мастерства,
И камень в окна норовит
Пощупать пальцем. Колдовства

Горгоны броской ощутить
И... тихо, мирно отвалить
По рыцарь-стрит, где вновь кишит
Уже торговая толпа.

Мальтийский орден. Ты века
Все это кровью создавал.
Я ж только час тебе отдал,

А дальше – город созерцал.

Сначала - старый, в крепостной стене!

Из магазинов и кафе,
И узких улиц – под коня,
Что много видел уже я.

Затем и новый, что вдоль моря.
Он современный град - курорт
С прелестным видом на ту бухту,
Где тот – седьмое чудо света – пребывал:
Колосс Родосский здесь стоял,
Меж ног впуская корабли
Со всех концов морской земли.

И рухнул здесь ж до нашей эры!
Теперь олешки тут стоят,
Да мельницы. Как в сказке вид!
Таким вот Родос у меня стоит

В глазах. Он мудро сплёл,
Что мог, в венок!
Вот и турист к нему потёк.

Самос другой – скажу я сразу.
Почти что к Турции прирос.
И поразил своей «элитой» -
От Пифагора это нёс.

Старинный город Самос.
Сейчас звучит: Пифагорин.
Он ждёт еще своих раскопок.
Здесь сам он жил, учил, творил.

Сейчас стоит на первом в мире моле,
Глядя на звёзды, с треугольником в руке,
И будто музыка звучит в его душе!

Ведь он к тому ж создатель нот.
Всё это и сейчас для греков плот,
Что к ним везет чесной народ!

Вершиной острова была и есть
Дорога в четыре километра
От Пифагора к Гере! Храм
Из тысячи колонн!
Одна торчит здесь маяком.
Всё остальное - камни, хлам,

Но и они в восторг приводят
Былой безумной красотой!
Здесь жертвоприношения безумцев были в моде!
Здесь кровь лилась рекой,
И много что еще в таком же роде!

Храм – бойня!
Мне Геры храм соединил величье мысли
И обычаев звериную плоть, суть.
Сейчас всё это, хвала богу, попрокисло-
Хотя - как посмотреть, ну, например,
На терроризма жуть!

Не буду я пока об этом
Тем более - Антоний, Клеопатра
Нам машут, когда ехали туда, потом - обратно.
С какой-то крепости, что брал Октавий.

Он Самос думал погубить,
Но посмотрел, влюбился
И решил здесь зажить!

Ведь всё же пресная вода
Ценилась более тогда.
Ну, хватит, Самос, был в тебе -
Теперь пора домой, к себе!

Ан - нет, пока не отпустил
Археологический музей,
Где нас гигантством поразил
Молодчик – грек.

Он словно мумия застыл
С улыбкой в свой античный век.
В Афинах я не видел столько старины -
Беднее Самоса они.
Возможно и навеки -
Прощайте греки!

**День 15-16 (воскресенье-понедельник)
14-15 октября 2001 г.
Морская прогулка**

Закончен путь наземной суеты -
Нас не пустила в Кушадасы
Воинственная тень Бен-Ладена души.
Об этом всё точили лясы
Асседовские признаки толпы.

Мир Асседо многолик.
Его основа – средний бизнесмен:
Солидный, с собственной женой.
Ещё мир одиноких женщин деловых,
Стреляющих глазами. Ейный стих
Во что бы то ни стало показать себя.

А дальше - молодежь, богема
«Миски» – вот семья,
В которой обитали две недели.
Конечно, они мигом пролетели
Под тихий моря шум на лежаке и солнце,
В бассейне ласковой морской воды.

Богемная известность – только Градский,
Который преф не пропускал,
В отличие от «мисок» – просыхал.
Да Шолохов, что в «Тихом доме».

На Мальте всё пытался уяснить
Как воду пресную здесь раньше добывали -
Ведь без неё здесь не прожить.

И Алла Сурикова со своим рассказом
О тех, с кем ставила кино.
О'Генри – рыжий дьяволёнок -
В прошлом успех его давно.
Сейчас он просто добрый малый.

Вот он - почти не просыхал!
В компаниях «Мисс прессы» – «мисок»
Он пил, спал, пил и снова спал!

А в редкие минуты перерывов
Он говорил моей жене:
«Вы, леди, первая на судне
Будьте уверены вполне,
Что здесь Вам равных - быть не может!»

И он был в том не одинок!
Ей богу, уши прожужжали,
Что мы здесь – лучший,
Из семейных - островок.

Никто не видел, чтоб семья
Когда-нибудь такой была.

Когда хотел я рот раскрыть,
Чтоб всё-таки узнать, спросить -

В чём дело, в чём же чудеса?
Мне говорят – её глаза!

На Вас так смотрит, так сияет!
Когда ж танцует – просто тает,

Такая искренность сквозит!
Я тут же сделал гордый вид -
Мол, есть на что глядеть, наверно,

Но шутка эта не прошла:
Уж очень искренне звучали
В честь ее прекрасные слова.

А вот «Мисс пресса» оказалась рядовой,
Какой-то блёклой и пустой.
Организатор их – Романов -
До чёртиков допился под конец.

Спасибо гинеколог откачал,
А то бы богу душу точно он отдал.

Про «Мисок» доносили нам исправно,
Поскольку за обеденным столом
При нас был гинеколог Епифанов
С певицей – дочкой,
Что про « Джамайку» – плывал он.

Был вынужден лечить всех «Мисок»,
Поскольку доктор судовой
Был редкий коновал.
И Епифанов за обедом нам спускал
Все сплетни корабельной тайной жизни.

Так плыли к берегам отчизны
Под солнцем, действием поваров,
И под «Сан Саныч Кузнецов»,
Что на Дунае звали мы Кукушкой.

Будил нас по утрам. Ну, душка душкой!
Что помню я ещё –
Пиратский ужин,
Где пляска выплеснулась в зал,

Рождение жены под свечи,
Что капитан всем вдруг роздал,
Шампанское на Родосе с эффектом,

Купанье в Ницце под луну,

Морские переходы с громкой читкой
Про Бочкарёву – одинокую блондинку и... луну,
Которую на корабле искали каждый вечер.

Всё! Кончен бал, погасли свечи,
И незаметно, как - бы между прочим
Мы прикатили утром в Сочи!

До этого был сказочный Босфор.
Я Турцию не знаю до сих пор.
Теперь решил: приеду -
Об этом и жене поведал!

День 17-21 (вторник - суббота)
16-20 октября 2001 г.
Бархатные Сочи!

О, Сочи, Сочи! Впервые в бархатный сезон,
Где мандарин со всех сторон
Глядит с деревьев на тебя,
И апельсин, да и хурма.

Море ласкает и бодрит,
Бриз отрезвляет, холодит,
”Приморской” восхищает вид.

Сезон прошёл. Его дыхание
Ещё заметно - там и сям.
У нас – купанье по утрам!
Потом на сплав или в пещеру,
Или в яхт-клуб под паруса.
А вечер... вечер - Слава Зайцев
Нам продолжает чудеса!
Гала концерт! Все супер-модно!
И вновь купание в ночи...

Я должен был писать бы оды
Про Сочи – девицы души.
Я не пишу. Я уж не тот.
И... приземлился самолет.
Ура! Привет Москва, семья, работа.
Соскучился, домой охота!

Мираж. 26.10.2002 г. – 17.11.2002 г.

День первый-второй

Москва - дождь со снегом,
Заложник - «Норд-Ост».
Задуманным бегом
Оставлен свой пост.
Крыло самолета - прощай, беготня
Под штурмы Норд-Оста
Вдруг пала Чечня
И нас покосила костлявой рукой.
Устал я, ребята,
Пора на покой.

А в Африке, а в Африке –
Звучит Корней в ушах –
Всяк русских знает в Африке:
Торгаш, лакей и Шах.
Завидев профиль русского
Он спросит: «Как дэла?»
Их точно в понедельник
Мамаша родила.

Об этом, может, позже,
Но первый штрих такой:
В Египетской Хургаде
Российский парень свой.
Семь пядей здесь не надо
Откуда, мол, и как!
Бакшиш «звездой» нас сделал,
Нам визу дал пятак!
И льется по Хургаде
Слог русский египтян.
Захватчик рубль - что надо!
Поднёс нам океан,
Нам прорубил окошко,
Точнее, даже дверь.
И в Африке свои мы
Вдруг сделались теперь.

Вот это открытие первое
(Потом потерял им я счет)
Бродя в ночь прилета мы сделали.
Когда получали расчёт
За суп мексиканский, за пойло,
Что тмином от кофе «пасёт».
Араб раскрывает объятия,
Как брата в «магазин» зовёт.

Да что там зовёт - он насилует
С улыбкой, с раскрытой душой,
А там, под душой (бог нас милует),
Блеснёт иногда зверь такой,
Что страх, цепенеют конечности.
Но это лишь вдруг, иногда,
А вот вожделием смазаны
Всегда у арабов глаза.

Они на жену мою пялятся –
Она ни жива, ни мертва.
В ознобе, в экстазе, мне кажется,
Нередко бывала она!
«Держи меня,» - шепчет испуганно:
«Я словно невинность теряю свою».

О, друг египтянин, тебе я признателен
За то, что так ценишь её наготу.
За то, что ты взглядом с ней сделал уверенно
Что мне без надежды внушает она.
Теперь, получив многократно, немеренно,
Мне вдруг передышку объявит жена?

Но это не верх, потолок впечатлений –
Я видел, как вмиг побелела она,
Когда в куче мусора, на раздавленной крысе
Мирно играла, спала детвора.

В жилых кварталах вонь и грязь.
Разруха - мне не описать.
Таков вот средний египтянин –
Я должен констатировать!

Скорее под «звезды» в Режина-отель.
В бунгало на море кондишн воркует...

Да хрен с ним, с арабом!
Что так тебя эта тухлая мышь
Под смуглым ребенком волнует?
Ты ж это всё видел, с арабами жил.
Жена пусть трепещет - ей это впервые,
Но в жилах пульсирует токами кровь
И нервы как струны, натянуто-злые.
Какая разница - мы братья по планете
Вот суть, увы, непостижимая
Пока на белом свете!

Море тёплое ласкает,
Шведский стол манит и тает.

Пять заходов каждый раз,
Интерьер ласкает глаз.
Здесь - под розовость цветы,
Желтизны цвет - у воды,
На верблюде - цвет богатства,
То есть золота, не братства.

Вам массаж? Турецкий? Общий?
Вам лежак? Помягче?
Копчик, говорите, может ныть?
Может, вам пивка попить?
Притомились? Отдохните!
На банане прокатитесь
Или маску на лицо...
Здесь масла!!! Ну, занесло
Нас в индустрию туризма -
Тут раздолье эгоизму!
Но... нет. Время - уж пора:
Нам на Нил ехать с утра.

День третий. Птица Феникс

Версия первая: Бог семь дней ишачил,
А потом сотворил Адама с его ребром.
Именно так он нам назначил
Жить на Земле: грешить напролом,
Каясь периодически –
Такова идея стратегически.
Идея жизни людей на планете,
Так сказать, на ентом белом свете.

Сегодня нас знакомят с версией второй:
Появилась на Ниле птица Феникс
(понятно: вариант яйцевой),
Всё остальное - аппендикс.

Цепочка такова:
Сначала курица, потом яйцо –
В этом сотворения жизни существо!
А богов вокруг нас много можно отыскать!
Даже в навозной куче есть эта рать!
Вот такой эпитафия к этому дню,
Но это потом, а к утру...

А поутру они проснулись...
Помогли биологические часы:
Арабы нас не разбудили –

Проси их или не проси.
Но бог пронёс. Часа в четыре
Мы тронулись в благословенный путь!

Египет древний и поныне
Источник восхищения.
Его и в школах наших чтут.
Все что-то слышали про фараонов,
Рамзес, Тутанхамон - как Ванька нам родные!
Ну а пока мы сто поклонов
Отелям пышным отпустили
(Мы объезжали всю Хургаду –
туристом авто наводнили)
Ну а конвой - чтоб «гады»
Не сунулись, не захватили нас.
Ведь глобус переполнен этакой шпаной –
Для этого у нас конвой!
То есть, собрали всех собратьев
(Автобусов, быть может, тридцать),
Вперед пустили легкий танк,
И группа автоматчиков, как птицы, со всех сторон
Какой тут шанс продать нас в рабство!
Так охраняется богатство:
Туризм даёт стране хлеб с маслом.

Часов 5-6 автобусных пейзажей:
Однообразие пустынь, что может быть уж гаже,
Но нас пленил он жутью бытовой,
То есть не дай бог жизни нам такой!

И вдруг - оазис, всё растёт,
Жизнь по сравнению с пустыней так и бьёт:
Везде ослы спешат куда-то,
На них и старцы, и мальчата,
Кой-где мелькает и женский лик,
Весь в чёрном...
Смотришь - грузовик
Чего-то там перемещает,
Движенье, мусор, всё воняет.
Ну, раз оазис - значит, Нил,
Автобус наш в Луксор вкатил.
Пять тысяч лет тому назад
Здесь центр был. Не город-сад!
Сейчас здесь то же - та ж столица
Истории мировой!
Археолог как святой:
Город живых - на востоке,
Где солнце всем жизнь открывает,
Для мертвых - на западе город,

Где солнце на сон призывает.
Между мертвым и живым –
Нил! Сей символ впечатляет!

Начинаем мы с Карнака:
Он живее всех живых,
Путь разрушен, но однако,
Не встречал еще таких!

Идея - храм для всех живых!
Храм-сад колонный, календарь.
Здесь каждая колонна, каждый штрих
Имеют смысл. Даже тварь –
Навозный жук - имеет «стих»
Да и какой!!
Он солнца бог!
Все потому, что катит он
Навозный шарик,
Где есть его ж личинки,
Которые жизнь дарят!
Не знаю лучшего символа солнца картинки!

Семь раз вокруг навоза обойдешь –
Загадывай желание: хоть что хошь!

Здесь, у озера святого,
Где тот жук сидит,
Люди водят хороводы.
Каждый норовит
Сбросить на него заботу
Хоть на время, хоть на йоту!
Почти 4 тысячи лет назад
Построен этот храм,
Но даже краски сохранились –
Поклон этим местам!

Да и тому народу, египтянину!
Их было миллиона два:
Подобен он радивому крестьянину,
Сейчас им кормится арабская земля.
70 миллионов современных арабов
Кормится из рук древнейших
Строителей, математиков –
Такая вот получается грамматика!

А в городе мертвых -обычай другой.
Здесь каждый пришедший правитель
Могилу себе пробивает киркой.
Тоннель - росписная обитель.

В конце тоннеля - саркофаг.
А роспись та - не просто так,
Иль биография простая:
Дорога в рай - идея здесь такая!
И на пути с тобой везде
Всё, что там может пригодиться.
Попробуй отгадай, набита чем его гробница?

Поэтому вокруг шумиха,
Не только археолог пот здесь льёт –
Желающих в Сахаре порезвиться
Не счесть! Не спит народ!
У многих пробивается мыслишка
Украсть у фараонов золотишко.

Чем знаменит Тутанхамон?
Один лишь неразграблен он
И археологу достался,
Поскольку неизвестен был.
На детском паровозике
В долине фараонов
Я понял: для тщеславия
Нет никаких препонов.

Подумать только: каждый день правленья
Тебе дорогу в рай скребут
Десятки тысяч мастеров –
Вот путь к бессмертию каков!

А фараонша всех надула,
У женщин ведь своя стезя,
Царица Хатшепсут соорудила
Могилу-храм, куда идёт толпа!

Цариц долина отдельно от мужчин,
Об этом здесь «базара нету»,
Но как наглядно: красота
Упала ниц перед «монетой»!

На Нефертити - не ведут,
Хотя её могила тут.
Ведут на Хатшепсут,
Поскольку храм, а не «редут».

А всё ж, как ни крутите,
Куда там Хатшепсут до Нефертити!
В конечном счете побеждает
Красота. Она лишь вечна, а не золото!
Недаром нам вещает Лир:

«Лишь красота спасёт наш мир!!!»

Последний штрих о городе мертвых.
Колоссы Мемнона! Сейчас одиноки,
Тогда ж открывали путь в огромный храм.
Своим размером поражают,
Но больше информации не дам.

От мертвых и живых уже качает,
Но теплоход на Ниле выручает:
Знакомят с капитаном корабля,
Которому доверилась жена.
Он в белой шапочке, до пят его халат –
Размерчик мой. Все нас спешат
Обмыть и накормить.
Ну что ж, так можно жить!

День четвертый.

Нил

Параллелепипеды-суда на Ниле:
Их триста штук на 200 километровом отрезке!
И эта четырёхпалубная армада
По Нилу шастает гуськом.
Не прямо в линию зигзагом,
Но дружной кучною семьёй!

Опять история мы в Эдфу!
В каретах всех нас в храм везут.
Он – самый сохранившийся в Египте.
Храм бога солнца очень чтут.

Но, как обычно, - не все и не всегда!
Богов побили мусульмане за их открытые места:
Насечки делали везде,
Где что-то было в наготе!
Здесь, в Эдфу, Феникс-птица появилась –
Поэтому, наверно, лучше всех и сохранилась!

Ещё один этюд в Ком-Эмбо
(По-русски: холмик золотой).
Поскольку в ночь сие явилось,
То впечатленье - он такой:
Песчаник в подсветке
Для двух богов сразу –
По-моему, не видел такого ни разу.

Внизу под холмом я стал шах,
Жена - наложница в шелках,

И в таком вот виде - маскарад на корабле.
«Гуд русишь!» - говорили нам везде!

Но всё же главное лицо сегодня - Нил:
Вдоль берега - банановый массив
И финиковой пальмы мир.
Ещё тростник. Повсюду так красив
Вид с теплохода на долину!
В глазах стоит ещё картина:
Три арапчонка на ослах
Кричат и машут теплоходу.
Я пацаном на лошадях
На Волге тоже делал ходу
Полвека назад - махал Хрущову,
Когда он мимо проплывал.
Где в сенокосную страду
Страну с руин я поднимал.

Привёл нас Нил на Ассуан,
Где всё построил наш Иван –
Как раз в Хрущовскую пору!
Сплелось во мне в «одну косу»,
Как пел я песню в ту пору:
«Жар пустыни мне щёки щиплет
И песок забивает рот,
Напиши мне, мама, в Египет
Как там Волга моя течёт!»

Ей богу, пел с Волги пацан,
Как строил Ванька Ассуан!
Мораль: мала Земля, живу я долго,
Но жить по-прежнему хочу!
Зачем сюда мне было ехать? –
Наверно надо, раз пишу!

День пятый-шестой. Дыхание Сахары

Опять в автобус в три часа –
Зачем комфортность теплохода?
У нас по Нубии дела,
Туда нам надо до восхода.
В Сахаре нубийская пустыня
Набита золотом, как дыня
Набита ароматом солнца.
Теперь Нубийцев нет –
Там донце водохранилища,
построенного русским.

Ну, как говорится, хрен с ним –
Ведь золото уж выбрали давно.

Ну а Нубийцы –
Им, считайте, повезло:
Их разбросали по Египту.
Я знаю - был у них в гостях,
Но это в следующих стихах.
Сейчас мы мчимся по Сахаре
Почти туда, где, слышь, Судан!
Центр нищеты, различных тварей!
Супер верблюдов караван.

Почти у этой вот границы
Сооружен Египта символ!
Рамзес II в различных лицах!

Бог-человек! Абу Симбел –
Два грандиозных храма,
Себе - большой, жене - поменьше.
В большом - тематика побед, дорога в вечность,
А у неё - цветы, любовь и верность!
Недавно храм перенесли вот в это место.
Теперь стоит он высоко,
Но рукотворное-то море подошло.
И придает, быть может, лучший в мире вид!
Иначе Абу Симбел Ассуаном б был накрыт.

Назад уж в полдень.
Мчим Сахарой!
Вокруг миражные моря.
Жена не верила никак,
Что это сон, зыбь, а не явь.
Призналась мне:
«Такое ощущение, что поняла Христа явление!
В пустыне этакий типаж
Вполне возможен -ведь мираж!»

Потом - Плотина Ассуана:
«Смотри её лишь внешний вид.
И можешь не брэнчать карманом –
Внутри не пропустят!» - бачит гид.
(Да, кстати, гид был неплохой:
«Бачил» немного, но с душой)
Но я не рвался вглубь гиганта –
Ведь наш он, «Питерский засол»,
Такого электротурбопровианта
Я видел вдоволь, когда шёл
Своим я жизненным путём:

Новосибирск, Красноярск, Волжский,
Чебоксары, Волхов.
Наверно, кое-что забыл,
Где я когда-то в «сердце» был
Плотин по плану ГОЭЛРО,
Кующих в недрах электро.

Потрогал герб Советского Союза,
Который в «Лотосе живёт»
В знак «вечной» и «нерушимой»
Арабо-советской дружбы!
Вот Лотос-камень что несет!!

Ещё был остров-слон,
Откуда вышел Ассуан
(У Питера заяц - отец, А здесь - слон!?)
Его на паруснике огибали,
Непрезентабельный какой-то он.

По ходу мы в дендрарий заплывали,
Чтоб поглазеть на 200 видов пальм,
Но больше на детей глядели!
Которые везде и всюду там галдели.

Потом к Нубийцам в гости на верблюде
(Жена потом зарок дала:
«Пусть будет золото на блюде,
Но на верблюда больше - никогда!»)
Нубийская деревня стены из самана,
Где окон нет и нет дверей!
Лежак-топчанчик вдоль стены –
Вот мебель вся для всей семьи.

Ну надо ж - угостили «Коловой» водой!
Спрайт, фанта - для иностранцев шик такой!
Кумыс, арьян не пьют «оне»,
У них напиток - каркаде!

И снова парусник: жена замлела от нубийца
Я в Ниле на канате бултыхаюсь.
Прощай корабль, Ассуан и Нил!
Я на Хургаду покатил

Конвой, Луксор, карета на Карнак,
Ночная Кина, блеск и нищета!
Вот чем запомнилась дорога та.

День седьмой-восьмой.

Сказки Шахерезады

Не владею я ритмом Востока,
Но я млею от прелести вязи.
Как, скажи, мусульманства жестокость
Превращается в нежные связи?
В пышность форм, кружевучесть мечетей,
Что достойно лишь сказки волшебной,
К чему тянется лучшее - дети,
И достойно лишь песни хвалебной?

Я хочу воплотить их певучесть,
Заворожен их прелестью тонкой,
Тайна нежности - в этом живучесть
И магизм всех песней востока.

«Шагане ты моя, Шагане!» -
Эти звуки клокочат во мне.

Вот вкатили в храм Шахеризады,
В тысячу и одной ночи прохлады.

Укрепилось искусство Востока,
Что под небом пустыни витало.
Я увидел величие бога,
И что было Египтом, что стало.

Фараоны, царицы и храмы,
Под звездой здесь верблюды, бараны.
И шепчу под луной я жене:
«Шагане ты моя, Шагане».

Но араб бы и не был арабом,
Чтоб под прелесть восточной ночи
Не подбросить «Катюшу» нам сразу
С Нефертити из конской мочи.

Джигитовка с «Катюшей» в Древнем Египте!
Это нечто, скажу вам! Идите, смотрите!
Вперемешку с фиброю её живота –
Его бубен и юбки в танце «юла»!
Так сегодня трактуется прелесть востока.
Жалко, конечно. Нет вкуса! Жестоко!
Но, ей-богу, по-прежнему было во мне:
«Шагане ты моя, Шагане».

Сказка кончилась вскоре как сон, как мираж.
Убил эту сказку, подумать, массаж!

В соседних камерах я и жена,
Умело пальцы по спине мелькают.
И вдруг смешки жены предательски стена
Мне в перепонки пропускает.
Я онемел: их шепот, их интим
Меня волной жестокой накрывают...
Сеанс закончен. Вышел - никаким,
Жены глаза-квадраты подтверждают!?!
На весь остаток жизни тот массаж
Запомнился - я это точно знаю:
Любовь, семья и дети - всё мираж,
Когда умело чьи-то руки груди разминают!

В сексе главное ведь - ремесло!
Пенсионеры в этом деле - барахло!

День девятый. Сафари

Скорость. Джип.
Болтанка. Жарит.
Мчимся ветром
по Сахаре, миражи вокруг мелькают –
Первый раз я на Сафари.
Оператор - то на крыше,
То одной ногой в подножке.
Все орут, галдят, сигналият,
Кто по правде, кто - нарошку.

Этот гвалт вдруг оборвался –
Под молчанием руинов
Даже шёпот неуместен
В стойбище у бедуинов.

Тихо клонимся к колодцу,
Взглядом морщимся лепёшке,
Что почти в песке печётся
Неулыбчивой девчонкой
и сморчковистой старушкой.

Вот жилище - два на два,
Из травы! Пол из песка!
Вот мечеть - почти такая ж,
Только что из кирпича!

Вот аптека 8 трав,
7 из них - от живота.
И одна от переломов!

Им зачем лекарства наши?
Знать не знают, что есть кашель!?

Величавые бугры
Лагерь этот окружили
И такие же верблюды
Нам прогулку предложили.
Вчера клялась мне жена,
Что к верблюду ни ногой,
И уже на нём она
В такт качает головой.

Клятва женщины!
Всегда волнующий бессмысленный и броский антураж!
Через мгновение забыто всё. Мираж!

В чём прелесть жизни бедуинов?
В ясности, осмысленности жизни - вынес я:
Для счастья нужен хлеб лишь и вода.

Ещё две магии: рассвет в пустыне и закат.
Последний видел я. Несказанно был рад,
Что прикоснулся к очень уж большому.
Они же с ним живут.
Отсюда - их величие души,
И наша мелочность отсюда, и грехи!

После шведского стола у бедуинов
(небезынтересная картина:
Не рискуют дать верблюжье молоко!
Знают: интуриста б пронесло)
В лагере воздвигнут новый зал –
Красивее я, ей-богу, не встречал!

Купол - небо, пол - пустыня,
Стены - свечи, сцена - хор
Бедуинов среди гор.
Заиграл оркестр-ладони.
Под гортанный крика бас
Зрители пустились в пляс!
Я плясал с такой душой!

И пронзило - ощущение:
От грехов, от суетной
Жизни нашей омовенья!
Потому в обратный путь
Все смотрели лишь на звезды...

Песня русская лилась

По Сахаре в ночь!
Не поздно
Очищаться от греха
В нашей жизни никогда!
Вспомнил я у бедуинов
Эту заповедь Христа!

**День десятый-одиннадцатый,
четырнадцатый-пятнадцатый.**

Красное море

Мир моря! Я любил тебя когда-то
И всегда почти желал!
Красота и жуть, ребята!
Дуэт этот привлекал!
Танец с саблями, быть может,
Отраженье тех страстей.
Это экстрим, а в нормали –
Вальса звуки - ей же ей!

Плавал я в морях различных,
В океанах также был,
А сейчас я в Красном море
Всё что можно - просолил.

Невозможно словом молвить –
Разноцветье моря здесь!
Лишь сплошные междометья –
Ах и Ух, вот мне б иметь!

Не буду я о том,
Что все причуды,
Которые извилины могли вообразить,
Не где-нибудь –
В подводном мире
Смогла природа махом воплотить.

И всё ж отдельные штрихи,
Что видел я в морской хрустали,
У берега Реджины,
На подлодке ли,
Иль в трубке-маске
Акваланговской батальи!

Осьминоги - всё ж от внеземной цивилизации,
Скаты - от «летающих тарелок»,

Мурены - явно адовой ориентации,
Ракушки - мужского члена предок.

Я понял: Данте был неправ,
Когда так скучно выдал райской кущи.
Мир гор коралловых - вот рая нрав,
Здесь всё, что раю должно быть присуще!

И сам коралл - всех форм и всех цветов!
Цветистость рыб - характер постояльцев,
Размеры их - масштабности задач,
Повадки ... да не хватит пальцев,
Чтоб разнообразье то отобразить.
Так почему ж тут раю-то не быть?

А главное - тут скуке места нет.
И только в этом кроется секрет,
Что все без устали глазают!

Но в этом явно я соврал,
Когда «без устали» сказал:
Все дни, когда мы были у кораллов,
Без сил бунгало принимало нас.
Спасибо Родине! –
Спасало 100 граммов, взятых про запас!

Как тут, скажите, без бутылки
Аквалангистке обойтись –
Она нырять совсем не может
Ну и «прощай», сказала, «жизнь»!
И плюхнулась на дно морское,
В тот райский мир, где царь коралл,
А может, мне потом казалось,
Что египтянин её ждал,
Чтоб взять за ручку и вести
По дну морскому в рай земли.

Вот и от мужа сиганула? Кто знает-то?
Опять же лишь морское дно!
Да я, которому призналась много дней спустя:
«Что мне коралл? Вот египтянина глаза
На дне морском! Вот это да!»
Хватит об этом, чувствую, надо
Красному морю пропеть серенаду.

Серенада Красному морю

Здесь, в бедуинском краю,
В царстве священных верблюдов
Душу оставил свою
Русский подводному чуду.

Припев:

Красное море, Красное море -
Сладкая соль на губах.
Красное море, Красное море –
Счастье в любимых глазах.

Я никого не предал –
Всё так же предан берёзке!
Только люблю и коралл,
Мир жутковатый и пёстрый.

Припев

Мне без ушанки не жить,
И без, по осени, клёнов,
Но я всё ж буду дарить
Красному морю поклоны.

Припев

День двенадцатый-тринадцатый.

Пирамида Хеопса или шипы Каира

Каир - победоносный!
Таков у этой клички смысл.
Но опыт мой с Каиром вяжет
Букеты роз и Нила ил:

В восточных утопает он цветах –
Такой Каир в моих глазах
Из киноvideосюжетов.
Увижу ль я в яву всё это?

Итог осмотра - он таков:
Ему давно не до цветов,
Обшарпанный, в грязной пыли,
В трупобрах-могилах жильё.
Семнадцать мильёнов - набились они
Селёдкой с душком, ё-моё!

Куда не взглянешь - хочется помыться,
А я, вы знаете, не голубых кровей.
Мираж-Каир - навек с тобой простился,
Теперь ты падаль в памяти моей.

«Ну ты уж круто» - сам себе: «спокойно,
Даже в навозной куче стоит поискать».
И я нашёл - блеснуло золотишко:
Опять Тутанхамоновская рать!

Национальный музей Египта –
Первый в мире дом-музей.
Вот там спрессовалась, отметилась шрифтом
Вся жизнь фараонов и лучших людей.

Гимн цивилизации до нашей эры
На фоне мусульманской веры.
И снова кормят фараоны
Тех, кто попрали их ж законы!

«Справедливости ради скажи
Про мечеть Мохаммеда-Али», -
Так мне голос мой же шепнул.
Что ж, скажу: в рамадан туда я шагнул,
Первый раз побывал я в мечети!
Впечатляет! Но видел на свете
Грандиозней и краше:
Святого Петра в Риме,
Христа-спасителя в Москве,
А в целом - что ж, достойная вполне!

Ещё был у истоков Православной веры,
Где, говорят, сама Мария помолилась.
И видел сам: не притесняются нигде
Христьяне в почти что мусульманистой стране.

Другое дело иудеи:
Повсюду - ненависть к евреям!
Но, воистину, чудак ты, господи, что сотворил:
Впервые синагогу посетил
Я здесь, в Каире!
Враги израилены то показали мне,
Что видеть до сих пор не мог в своей стране!
Хоть у меня среди друзей
Евреев толпы, ей-же-ей!

Окончательно сгладил ужасный Каир
Всё тот же всемогущий Нил:
Из окон сказки-корабля

Ночной Каир был даже очень!
И не разверглася Земля,
Когда плясал безбожник ночью
В священный месяц Рамадан.
Шайтан ты, господи, шайтан!

А вот сейчас - внимание!
Пусть звучат фанфары Аиды –
Моё письмо пришло на пирамиды!
Во мне сидят, хоть бабой буду,
Когда я понял, что умру,
Мысль о бессмертии, о чуде,
Что с пирамидами в ладу.

Уж если обобщить немножко –
Я в пирамиду запихнул
Континуум времени, пространства,
Инопланетности посул.

Заочное свиданье мне дало
Тот ларчик, где лежало это всё.
И этот ларчик-пирамиду
Как-то боялся тронуть я –
Уж очень веские «вещички»
Хранились в нём во мне всегда!
И вот передо мной ларец,
Теперь что – таинству конец?

И сразу, бог мой, что такое?
Вот в этом жизни смысл храню?
Убожество саманной массы
Под груды мусора вокруг –

Вот что такое Ваш Хеопс.
И не гигант. Какой-то мопс!

Но вот всё ближе подползаю,
Прижался пузом и душой –
Тогда лишь ларчик приоткрылся!
Смотрю и вижу: боже мой,

Всё так и есть. Ты - чудо света!
В Египет ехал я за этим,
Чтоб закрепить –
В чём смысл жизни.
Всё это - привезу отчизне!

А как всё строили? - Да просто
Она рождалась сверху вниз,

А вот расчётики на прочность –
Наука высшая! Каприз фараонов - в основе науки.
Особенно понял, когда я на брюхе
К Хеопсу с женою в гости вползал.
Он в центре пирамиды здесь себе устроил зал.

Я жив, меня ж не раздавило...
Спасибо богу, что нас в Каир носило!

Тем более в придачу к пирамидам вышел сфинкс –
Усталый, мудрый взор поперх веков пронзает.
Безбожника в бессмертии души
Он молча, властно убеждает.
Здесь, в Гизе, верующим стал
Слуга покорный Ваш,
Бессмертье – быль, а не мираж.

День шестнадцатый-семнадцатый.

Путешествие из Африки в Азию

Всё! Африке Египетской настал-таки конец!

Опять прошлись по пламенной Хургаде,
Где обжигал жену когда-то взгляд-венец
Любви, не знающей преграды.

Смотрю - нет трепета в жене былого,
Уже привыкла наготой дарить араба будто бы наградой.
Она грустит. Как будет жить в России
Без этого волнующего взгляда?

За две недели, пусть с бессонными ночами,
Узнал Египет Африканский
Больше чем свою страну.
На теплоходах, авто, да и так - ногами.

Я видел быт, религию и старину
Того великого народа,
Что, жаль, исчез с лица земли.

Сегодня мелочность в породе –
Завоевания к такому привели.
Мне в этой Африке понравилось всё,
Об этом я уже писал,
И даже чудо-дождь в Луксоре-Фиве
Нам бог в экскурсиях послал.

Дождь пять минут покапал, платья намочил,
Но как стихия бед он натворил.
Свет отрубил дождь в Африке, ребята!
Всё! В Азию поехали: надо же когда-то.
Паром - цивильный катер на ночь принял нас.
Чуть задремал под телевизор –
И вот уж Шарм-Эль-Шейх мой занимает глаз!

Шарм - бухта. Гиду - наш салам!
Вот так вот буднично и просто
Я азиатом уже стал
И не заметил - море переплыл.
Прощай навек, товарищ Нил!

А что есть Азия-Синай
Узнаем позже, ад иль рай!?
Для этого ещё придётся попотеть,
И мы уже готовы в эту сеть.

Эпиграфом Африканского конца
Возьму слова жены-националистки,
Которая до этого к арабу боялась подойти близко:
«Пусть приставучие, пусть любят гроши.
Какая разница - араб иль не араб!? Лишь человек бы был хороший!»

День восемнадцатый.

Гора Моисея или у истоков религий

Торчу на скале, нахохлившись как зяблик,
Пытаюсь пот с ветрюгой примирить,
Не про себя читаю все молитвы,
Что в детстве удалось мне изучить.
Когда-то славил в Рождество Христа –
Теперь Моисеева слышит гора:
«Рождество твоё, Христе боже наш,
Воссиял миру, дал свет разуму!»

И тут же: «Идёт звезда чудно с востока на полудня.
Где мы приста, там нашли Христа,
На колени припадали, Богу честь давали!»

А потом слышу: сверху какой-то жидкий голосок
Несёт, до боли зубной нам знакомо:
«Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!»
Целых тридцать с лишним раз!

И тут случилось чудо неземное:

Вдруг буйство красок в небе разыгралось,
Пылает зарево в неведомой дали,
Светило неожиданно вползает
На это всё, но только изнутри!

И вовсе уж не там, где его ждали,
А почему-то близко от меня.

Смотрю - в руках моих скрижали,
И в сердце - заповедь Христа!

Всё перепутал в этих бликах –
Христос тут вовсе ни при чём,
Здесь Моисею Бог явился,
Когда Христос не мог ходить пешком
Под стол ещё тринадцать, с маленьким, веков!

Неважно! Некогда мне с этим разбираться!
Светило буйствует ещё,
И глаз не хочет оторваться!!!..
Куда-ж мя, Боже, занесло!?

Вот это Барселонские фонтаны!
Божественной ресницей сделанный мираж!!..

Всё кончилось, когда из внутренностей вышло,
И встал на место экипаж.

Обычный солнца круг!
И всё засуетилось вдруг.
Из зябликов под одеялом
И с обновленную душой
Окрестность вновь преобразилась,
Став туристической толпой.

Чтобы всё это созерцать,
Всю ночь себя несли.
На, где-то, две - две двести метров
Верблюды, люди, огоньки в ночи
И вереницы с потом, с ветром.
Спасибо Вам, нога! Не отказала!
Не то что в Домодедовском порту!

А вот жена - жена сказала:
«Всё, больше не могу!»
Но отдышалась, подсушилась,
Верблюдицею вдохновилась - и взошла!
Вся куртка потом пропиталась,
Но Моисею честь сдала!

После рассветнинского чуда
С шестиконечною звездой
Под мысль: «Израйлевые дети –
Ведь это мы, сюда толпой
Ползём за грехоочищением».

Спускаемся в ущелье, вот теперь к Христу –
Ведь за него Екатерина поплатилась,
Но мощи - до сих пор в цвету.

В какой-то там под бархатом коробке,
Которую все лапают рукой...
Но, впрочем, надо б по порядку
Про монастырь достоин с ейною святой!

Боле три триста тысяч лет назад
Удачно Моисей женился
И он вот в этих вот местах
Пас коз, ел мясо, не постился.

Потом ту хижину, где жил,
Внезапно молния задела.
Но и, прикинь, тогда она взяла
Да и, как надо, не сгорела!

И в пламени привиделось ему,
Что с козами пора кончать,
Пора «Израйлевых детей»
С долины Нила выручать.
Взошёл на гору Моисей,
Как мне сподобилось сегодня,
Скрижали, заповеди взял -
И посчитал - от коз свободен.
Забрал «Израйлевых детей»
И протаскал их по пустыне.
Так на Синае новый клан людей
Он вывел - современные евреи.

Иудаизм живёт поныне,
А та хибара Моисея
«Неопалимую купенью»
С возросшим здесь кустом доселе

И это чудо видел я.
«Неопалимая купень» - дыра!

Потом пришёл Христос,
А эту сказку знаете Вы сами,
И Моисея вынес на погост,

Сказав: «Теперь, ребята, я - бог с вами».

Евреи: «Ах, подлец, предатель!»

А мы: «Не дрейфь, Иисусе, мы с тобой!»

Расширили хибару Моисея

И церквью обозвали, и стеной

И стал как богатырь

Из некогда хибары монастырь!

Чтоб закрепились слава, нужна кровь –

Ведь Моисей тянет к евреям,

И вот для Доротеи (Кати) кров готов,

И прах, как водится, её сюда развеян

Какой-то птицею и смыслом на века –

Зачатие легенд есть таинство пока!

Так законная хибара Моисея

Стала пристанью Святой Екатерины,

Потому что присягнула та Христу.

Так в борьбе за власть с тех пор поныне

Приплетают что угодно, лишь бы защемило у тебя в носу.

И эти парадоксы я в себе несу.

Неопалимая купень и кустик Моисея

Теперь оплот религии России!!

Идут паломники потрогать кость

Христа принявшей египтянки!

Да! Станешь кашченковский гость...

Пойду быстрее к своей стоянке!

И всё же просится постскриптум:

Из этой православной цитадели

Ещё и мусульманство пьёт,

Поскольку в Моисеевой купине

Босым молиться должен весь народ.

Об этом будто б Моисею бог три тыщи лет назад сказал.

Мухаммед за основу это взял,

И так религию создал!

Плоды даёт младшой - Коран.

Я это вижу - Рамадан!

Здесь корни трёх великих вер переплелись.

Пустыня, купень, древо жизни, кость - Аминь!

Куда не кинь!

День девятнадцатый-двадцать второй.

Египетский Синай или Халас

Начну, пожалуй, с Шарм-Эль-Шейха.
Старый - лишь базар,
Одно могу сказать: Восточный.
Но нет в нём колорита, шлейфа –
Он далеко не божий дар.

Другое дело новый Шарм-Эль-Шейх.
Впервые вижу Европейский стиль в Египте,
А это - в глаз бросающийся шлейф
Уже достоин манускрипта.

Если Европу поместить в Восток,
И чтобы море было, и пустыня,
То представляешь чудо-городок
С уютной набережной. Шуб нет и в помине.
Сплошные пляжи, лежаки, кафе,
Загар и нега, нет конца улыбкам.
Другая, дальше, улица - вообще
Не улица - вместилище комфорта!
И только после - золототорговые ряды,
И здесь всё лишь от бога, а не чёрта.
То бишь: цветы и лавки -дастарханы,
Торговля с юмором, но без обмана.
Ну, словом, показалось мне:
Прообраз райского начала –
От магазинов до причала.
Но сам рай дальше - на кораллах,
Об этом я писал уже,
И центр видел - в Рес-Мухамед,
В Синайской южной стороне,
То есть - на самой южной точке.
Всем детям надо быть уж точно!

Когда выходишь за коралл,
То чувство - падаешь ты в пропасть!
Над ней всё время ты висишь
И у всевышнего ты просишь,
Чтоб и сегодня пронесло –
Экстрим стал нашим ремеслом!

Но вот в смеси красот и жути
Берёт главенство красота:
Не столько здесь в кораллах сути,
Сколь цвет воды пленит тебя!
Над пропастью такой комизм!

Скажу: «Да здравствует туризм!»

Такого больше не увижу,
И рад, что видел - повезло!
(Жена призналась: «Было страшно,
Но до чего же хорошо!»)

И на закуску черепаха,
Всплыла из бездны сини той.
Её туристы окружили
Трубмаскоакваланговой толпой.

А ей самой - всё интересно!
Она не думает бежать,
Ведь черепаха, как известно,
Мудра. Успела подышать –
И снова в бездну улетела.

Жена от радости сомлела,
А ей ещё под ноги скат.

Рес-Мухамед - ты богат
На красоту и чудеса.
Прощай! Ведь нам домой пора!

Ведь мы уж были на разломах,
И соль у мангры полизали,
Прошли походом по каньонам,
Цветные горы увидали.

Базальт, граниты всех цветов!
Сегодня просто не готов
Я передать всю прелесть их –
Блёл для цвета гор мой бедный стих!

Мотались в города Дахаб, Нувейбу –
Что у Израиля границы.

Жена в восторге –
Ей бы сейчас взлететь,
Быть может, птицей,
Чтобы ещё что ухватить.
Подай экстрим - так хочет жить!

А я - всё, всё! Пора домой,
Экстрим - Халас. Итог такой:
От Судана до Саудовской Аравии,
От Израиля, а, может, Палестины –
Весь Синай объехал и проплавал я,

И везде почти одна картина:
Богом проклятая земля!
Им же и воспетая!

Мир безжизненной пустыни –
Разве только бедуины
Могут жить в таком краю.
Для туриста ж - как в раю!

Всё контраст: во времени, в пространстве.

И скажу я по-крестьянски:
Дети, будьте так добры,
Посетите, как и мы,
Корни вер, цивилизаций
И... не надо мне оваций!

Коралл Шарм Эль Шейха. 26.04.2003 г. – 10.05.2003 г.

Сбежал от Госстроя трясины,
Покинул любимых – семью.
Поехал складировать силы
В знакомую очень страну.

Её с женой исколесили
И вдоль, и ввысь, и поперек.
И априорно так решили –
Сюда не ступит наш носок!

Не потому, что нет красот,
А потому что знаем все!

Но вот вопрос - где черпать силы,
Как не в соседстве с Палестиной?!
Поэтому я в Шарм Эль Шейхе.
Коралл ворожит своим шлейфом...

Сначала по инерции вкусил
Я прелести туристских троп:
Абу Галим их посетил,
Где два часа верблюдов помог

Вкушать мне прелести пустынь.
Неторопливости союз
С премудростью! Что жизни синь,
А что, по сути, только юз.

Юзим в всеобщей суете,
И в этом прелесть и тревога.

К чему, зачем, скажи, дорога?

Верблюд, мой друг и мой земляк,
Пронзил сегодня бездной впадин,
И выдал мне за просто так
Прожить в кораллов водопаде.

Абу Галим разворошил
Былую страсть, и я решил:
Все две недели посвящу
Кораллов созерцанию.
И что ж? Исполнилось желанье!

Сначала съездил на рыбалку,
Затем - в прекрасный Рос Мухаммед!
С женой, бывало, нам не жалко
Здесь с черепахой время проводить!
С подводным миром за дружить!

С тех пор я на Марина-пляже
Заплывы делал регулярно,
То - на коралловый,
а то - на мир песчаный..
И тот, и этот благодарно
Мне отдавались: «Я – желанный!»
В песочном – скаты. От мала и до велика.
Особенно мне нравился процесс,
Когда активно он, старатель,
Карьеры строил словно бес,
Иной планеты существо.
За ним шлейф мути – словно дым.
И это от того, что «мастер»
Все мышцы в шнек преобразил.

Висишь над скатом, над гигантом,
Два рога-глаза под тобой,
Клубится мути-дыма гамма,
И ты - в отключке. Боже мой!

Какой ж ты, мир, многообразен
И сколь, наверно, ты б не жил,
Его до гузки б не вкусил!
А я вкусил - из мира скатов!

Что они: бабочки, иль птицы?
Они расцветкою богаты,
Да и летают! «Небылицы»
Я видел всюду в Красном море.
Ещё денёк в его просторе:

Какой-то лес из змей-
Под сей рассказ ещё налей!

Представь, торчащий из песка,
Сонм извивающихся тварей.
До метра-полтора длиной,
А сверху их, как ноготь, «хари».

Как подплывешь – в песок уходят,
Отплыл – они из норки той выходят...
И до сих пор все словно сон:
Гадюшник в море, миль пардон!

В другой коралловой стране
Друзьями стали осьминоги.
Они забавные вполне,
Коль не стоишь на их дороге.

Однажды черепаха с бездны
Меня визитом одарила.
Летала долго и помпезно,
Ушла в неё ж. Та озарила

Каким-то чудным свет-лучом!
Его доселе вижу «звоны».
Он редкий, как Ильич с мечом,
Фонтан поющий - Барселоны.

Но главной здесь была мурена!
В различных видах и цветах.
Теперь она моя подруга,
Почти печальная жена!

Так к этой грации привык,
Что страх пред ними во мне сник.

Но как ни ярки дары моря,
Смотрю - я что-то не в себе!
И был бы самолет под боком,
Я был б не здесь - в родной стране!

Как быть? Что делать? И...она!
Тоску в два счёта отвела.
Я ей отдался пылко, страстно,
Я так давно уж не любил.

И право, братцы, не напрасно –
Двух зайцев сразу я убил.
Мне кажется, что «миг ловил»,

А уж садиться надо в ил.

Вот и кончилась моя майская демонстрация.

Спасибо тебе – Алёнкина диссертация!

Под занавес на день победы
Я всё же выдал - кто есть кто!
Я микрофону так поведал,
Что задрожало всё стекло,

Что было в нашенском отеле.
Все русские со мною пели.

Прощайте, Шарм!
Спасибо Вам,
Что дали вволю просолиться,
Да и к науке приложиться.
Я понял, что её люблю,
Почти что как свою жену.

Песнь Шарм Эль Шейху

1.

Ты городок из табакерки
Без жителей своих совсем.
Здесь нет домов – одни отели
И море, ласковое всем.

Припев:

От променада негой веет,
Везде любовью отдаёт,
Восточный шарм здесь гордо реет
И мир в объятия зовёт.

2.

Арбат твой манит простотою,
Здесь смотр женской красоты -
Чуть-чуть прикрытая парчою,
Она нисколько не спешит.

3.

Песчаных пляжей многолюдье,
Где королева – нагота.
Здесь нет в помине иностранцев,
Всем Шарм Эль Шейх – одна страна!

Песнь кальяну

1.

Восточную оду кальяну сложу
И детям своим даже всем закажу:
Неспешность! Вот мудрость Востока.

2.

Пусть кто-то воскликнет: «То просто табак!»
Но знай, мой приятель: не так всё, не так.
Задумчивость – сердце Востока,
Изящность кальяна – цветистость Востока.

3.

Кальян успокоит, кальян позовёт,
Кальян приголубит, кальян мысль толкнёт.
Расслабленность неги – то счастье Востока.
Разваленность шиши – то мудрость Востока.

Весна в ноябре. 7-28 ноября 2003 г.

День первый. 7 ноября 2003 г.

Революционный отъезд

«Остров забывения в океане есть!»
Чьим-то повелением, мы узнаем весь!
Тенериф Канарский – вот куда судьба,
Может быть, в награду нынче занесла.
Но об этом позже! А сейчас дуэт
Автомагистралям «делает» привет.
Форд Мондео и Пежо
Нас домчали. Хорошо!

За границей, знак рукой,
И уже ты в мир иной
Тут же сразу попадаешь
И, ей богу, забываешь,
Чем болел еще сегодня.

А сейчас уже не годен –
Ни душой, ни словом-делом:
Весь границей перерезан.
Ни к тому, что путь отрезан,
А к тому, что час пришел
Бросить к фене свой «забой»!
И бежать, куда глядят.
Да хотя бы - на Канары,

Да хотя б с любимой, парой.
Но граница на замке –
Ленин нас достал и здесь.
За него пришлось нам «ляпнуть» –
Только это помогло.
И с задержкой в шесть часов
Нас в Канары «понесло».

Да здравствует Революция! –
Вот такую резолюцию
Я сегодня бы не дал.
«За разумность!» - я б сказал.

И пахать, и сеять надо,
Заниматься подтоплением,
Ну, а в отпуск – искушение.
Почему б не на Канары?
Может, не глупее нас.
Посмотрю! Потом – в рассказ.

**День второй. 8 ноября 2003 г.
Встреча с океаном.**

Новичкам везет всегда.
Я, набитый нетерпением,
Видя угольный песок,
Сбросил все и без сомненья
В океан. За мной свисток.

Я: «В чем дело? Я ж хочу!»,
А свисток мне: «Не шучу!»
Посмотрел по сторонам –
Все лежат и тут, и там,
Но в воде-то никого!
Во попал, во занесло!

Сдались мне сии Канары,
Если здесь всех только жарят,
Не пуская в океан!
Как «кур в ошип», как пацан

Я попался на приманку:
«Гуся» принял за шарманку,
Что усладу в сердце льет.
Он ж гогочет и слух рвет!

С горя бросился в прибой.
Мол, смотри: свинья свиньей.
Вот картинка: я в грязи,

«На меня» свисток свистит,
Рядом рдеет за меня,
Может, верная, жена.
Тоже в шоке: «Боже мой,
Мы ж летели не в прибой,

Как же в воду окунуться?»
Надо было оглянуться:
Метров где-то через сто
Килькой вьюжится народ

И на грозную волну,
Как за родину свою
Наш Матросов – он на дзот,
Все ж совсем наоборот –
На желанный океан!
Мы – туда. Скажу я вам –
Воевали от души!
Пусть жена фиброй дрожит,

Пусть болтает, как дерьмо,
Но восторг – все пронесло.
Нет, не зря сюда спешил –
Я попсерфинг изучил!
Я волне совсем отдался
И при этом искупался.

Океан лишь немного взбодрился,
А волна трехметровым крылом
Тебя будоражит желаньем резвиться,
От того-то и дядя с свирепым свистком.

С такою силой не пошутишь,
Иначе пенсию получишь
По инвалидности. Конечно,
Но новички – сама беспечность.
В нас бушевал бойцовский дух.
Я утвердился, что петух!!!

По-моему, моя жена
«Из той же бочки» петуха.

Вечером мы на балет,
Где я понял: спору нет,
Что испанец – наш цыган!
Только он немножко пан.

Просвещенней, деликатней.
В остальном – цыганский стати.

Потому без перемен
Обожает он Кармен.

Это понял в «Пирамиде» -
«Римский дом», а не в хламиде.

***

Сказка подошла к концу –
Мы отправились ко сну.

День третий. 9 ноября 2003 г.
Леди Шелли

«Ветер по морю гуляет,
Леди Шелли подгоняет.
Он бежит себе в волнах
Лишь с заботой о китах».

Так мы вышли в океан
На прогулку. И наш план –
Отыскать среди простора
Интересы для народа.
Иль китовых, иль дельфинов.
В общем, праздная картина.
Леди Шелли – китмаран,
В нижней палубе стакан,
То есть палуба прозрачна,
Чтобы видеть, как прекрасна

Жизнь подводная вокруг.
И я видел то, как вдруг
Кит внезапно появился
И с детенышем резвился.

А детеныш – пудов пять.
Под хвостом у кита – мать,
Будто слеплен воедино –
Очень милая картина.

Мать – то станет вертикально,
Под углом, горизонтально.
Он – синхронно повторяет,
Будто все заранее знает.

Вверху палуба – солярий,
Солнце там прилично жарит.
Мы оттуда наблюдали:
Нас дельфины развлекали.

Вот замрут – плавник стоит,
Вот рванули – чудный вид.
Близко, рядышком совсем!
А прыжки отрадны тем,
Что все вместе эти туши
Развлекали наши души

И к утесам Тенерифа
Донеслись мы вместе лихо!
Там купались в голубой, почти, воде.
Благодарны глубине.

Колоритный цвет ее
Этот знаю я давно,
Испытал еще в Египте.
Так оставлю на постскрипту:

Ситца явь в голубизне
В океанской глубине!

А земные здесь красоты:
Словно пики скалы, гроты!
Скалы могут расходиться.
В них удобно находиться
Для пиратских дел, утех –
В этих скалах им успех
Стопроцентно обеспечен.
Я лежу в волнах, беспечен,

Отдаваясь созерцанью.
Вяло прыгает сознание
Про эпохи, катаклизмы,
Неземные коммунизмы.
Надо мною «дикий бряг»,
Леди Шелли на сносях,
Хорошо! Входят в меня
Все эпохи, времена.

***

P.S. Переполнили, наверно –
Укачала Леди-скверна.

День четвертый. 10 ноября 2003 г.
Страна Тенерифия

Нам сегодня не в дозор,
Нам сегодня – на обзор.
Будем мы обзрывать

Где мы, с кем мы, так сказать.
Лос Американос – город курорт.
Он вырос из Лос Кристианос,
Т.е. от местечка, где жили
Христиане. Там был порт.
Моряки уходили в сторону Америки
С вином, водой и .... Истерикой –
Любящие женщины понимали,
Что они теряли.
Вот от этого порта,
Где свои сложили паспорта
(т.е. там сейчас отель -
Порта и в помине нет теперь).

Нас автобус поволок не спеша
По периметру Тенерифского кольца.
Лос Гигантос проскочили,
Рядом ущелье Маске. Нас вчера учили.
Там, как раз у этих скал,
Я вчера свой торс макал.
А у этого ущелья было светопреставление:
Вулкан город завалил
Здесь. И нету сил
Раскопать тот Карачико!
Был построен новый – в пику
Всем стихиям и вулканам.
Посмотрите: вот он, прямо.
Просто копия того,
Что когда-то занесло.
А теперь, смотри, Лос Винос,
Старый винодельный край.
И шагающий здесь фикус,
И дракона «каравай».

Около двух тысяч лет живет
Этот необычный «плод».
Ствол – как древний карагач,
Общий вид как старый грач!
Чудо! Долголетия картина,
Какая-то неопалимая купина.
Думаю, так долго он живет,
Потому что вино пьет.
Нас тоже здесь «продегустили»!
И в Пуэрто де ля Круз
Мы на пару укатили.

Лора – то бишь, попугай,
Здесь для них не жизнь, а рай!
Лора-парк! Мы в нем снова!

Цель – чтоб всюду успевать.
Вот нас котики влюбили:
Не работали – творили!
Море умиления –
Их представленья!
Пробежав в другой конец
Мы поняли: вот венец!
Что творят шоудельфины,
То достойно лишь картины,
То есть кисти – не пера.
Вулкан света и добра!
Попугаи – тоже шоу:
То считают, то поют,
Их хозяйки молодые
Чуть не плачут, но ведут
Представление к финалу,

Но и этого нам мало.
Мы бежим на крокодилов,
И вот здесь-то нас накрыло –
То не шоу, а кино.
Мы поникли, но оно
Нас всецело поглотило.
То в Венесуэле было!
Почему не на Канарах?
Крокодил ведь им не пара!

Здесь лишь кролики остались,
Ну, и птицы, и цветы,
Остальное все исчезло
От туризма, от толпы.
Еще в Лоро – пингвинарий,
И, у входа, акваларий.
И акулы над тобой,
И пингвин, как сфинкс морской.
Он на льдине и в воде,
Его много, он везде.
Вот на дне их океана
Водолаз рыбешкой машет,
К нему рыбы и пингины
Подплывают. Нет, точнее, пляшут!
Они рыбку не берут,
От него назад бегут.
Что за странный такой спорт?
Когда понял – был я горд.
Это тонкая струна,
Я владею ей сполна.
Как с душком еду скормить
Водолаз не держит нить.

Впору курсы открывать,
«От Петровича» назвать!

После Лоры – «на коня»,
И лишь в окнах та страна.
Не заметили столичный городок
И в отель – «на посошок»!

Все за день! Как в полусне!
Музей бабочек в Лос Винос.
После дегустации нас бабочки любили,
А жену – так просто облепили.
Перед этим мы смотрели жемчуг в лавке,
Что добыли здесь же в океане.
Скажу: бабочки – как феи в сказке,
Жемчуг – как пират во пленном стане.
Страх за кошелек берет,
Бабочки ж – наоборот.

Есть еще о чем писать,
Но пора и честь уж знать.

**День пятый. 11 ноября 2003 г.
Остров Гомера**

Канареечные, то есть Канарские острова –
Это семь маленьких,
Непохожих друг на друга созданий.
Мы живем на самом большом – Тенерифе,
Поэтому ему и больше всех вниманья.

Ближайший к нам из всего архипелага –
Остров Гомера. Он, бедолага,
Не хотел к себе туристов все пускать,
В результате остались старики –
Им некуда бежать.

А теперь очнулись власти,
Вот и едем мы к ним. Здравсте!
Познакомьтесь. Мы – Россия.
«Гони баксы» и ты – сила.
Весь наш остров – твой, по сути –
Что Россия, что Джибути.

Взгромоздились на паром.
Через час Гомер – наш дом.
Мы на джипе этот остров
Пропахали очень просто.

По периметру его –
Полсотни километров ведь всего.

Правда, горы и ущелья –
Они и есть те ожерелья,
Что не грех и показать.
Ну, мы смотрим! Благодать!

В каждом ущелье есть накопитель,
Где собирают, что бог ни пошлет.
Он, главным образом, им посылает
Лишь облака!

Из них воду сосет
Та знаменитая Канарская сосна,
Посредник между богом и землей:
Из облака берет, в землю отдает.
Да, говорят, в воде не тонет,
В огне не горит,

Сгорают лишь иголки,
А через год – как в новогодней елке!
Вереск – такой ж от бога насос,
И он Канарской сосне утер нос.
Вересковый лес – лес бабы-яги,
В котором не видно ни зги.

Корявые стволы, обросшие мхом,
А сверху с листьев каплет кругом.
И листья не листья, и не иголки,
А так, какие-то пупырошелки!

Впечатляет этот лес,
Кроме «хозяйки» - там леший и бес,
Только такие здесь уживутся.
И все ж в вас не ужас,
А хочется улыбнуться.

У жителей Гомера – свой язык.
Наверно, самый древний – свист.
Орать через ущелья – всем нужен мой кадык,
А свистнуть может и «юрист»,
То есть, никчемный человек,
Лишь языком болтающий весь век.

Отдав последний взгляд ущельям,
Где синий глаз воды, причудливость ухода в океан ...
Мы серпантинном пробегаем
В столицу – город Сан Себастиан.

Да, да! Тот самый, откуда Христофор Колумб
От Беатрис открыл нам путь
В Америку! Все до сих пор глядят туда,
С Гомера та тропа пошла.

Здесь сохранился дом,
Где спал,
Вот улица, где он гулял,
Вот церковь, где молил грехи
Или просил удачи.
А вот колодец, где он пил –
Все сохранилось так, а не иначе.
И больше в Сан Себастиане нету ничего,
Лишь башня, где Беатрис себя замуровала!
Окно, оттуда голубя на землю отправляла,
Да три десятка с лишним домиков –
Вот такова столица.
За Христофора я и сейчас не против помолиться.

Его я видел путь вот этими глазами:
Вот Генуя, где вырос он,
Вот Барселона, где он вознесся,
Вот Сан Себастиан, где бунт предотвратил,
Хоть и вулкан пред ним пронесся!
А вот и Куба, может быть Гаити,
Куда, по версиям, вступил,
За что все мысли положил.

Потомок Ноя – Ля Гомер,
От чувств я только не «помэр»,
А сел на комфортабельный паром,
И в дом!

P.S. Жена в обиде говорит:
«А где ж из кактусов помада?»
Да-да, сам видел: плеснь –
Налет становится что надо.
Лишь чуть ее натри руками –
И перламутр перед вами.

Поэтому из кактусов целые плантации
Для такой трансплантации.

День шестой. 12 ноября 2003 г.
Вулкан Тэйде

Вот такого еще не бывало,
Жерло страсти не видел пока.

Бог послал, стехардия пропала,
Черт понес меня вверх, в облака.

Вся та страна, где ныне пребываем,
Один не так давно чудивший здесь вулкан.
Почти три восемьсот – та цифра впечатляет,
А был семь с лишним этот великан.

Он так рванул, что рухнули платформы,
Возможно, Атлантида умерла.
Дожившие до нас остатки формы
Вокруг разбросаны – и здесь, и там.
Конечно, ближе к жерлу,
Наверно, достоверней и видней.
Теперь увидел сам картину
И, может, что скажу о ней.

Говорят, здесь много снимали,
Для разных картин:

Иль лунный пейзаж, иль другие планеты,
Иль ужас внушить: остался один
В такой вот пустыне на всем белом свете.
Поистине, кисть здесь сильнее пера,
Но все ж попытаюсь: вот вспахано поле.

И комья «земли» из камней. Как вчера
Лишь вспахали все это раздолье.
Каждый ком – с дом!
Какой же должен быть плуг,
Чтоб «упахать» такой «луг»?

Смотри сюда: цветные грязевые реки
Совсем недавно будто б здесь текли.
Гигантский «миксер» закрутил их. Ветер
Все высушил. То лавой нарекли.

Все это замкнуто в воронке
Почти что с остров Ла Гомера,
А в центре – конус, не обломки.
Вот он и есть вулкан. Святая вера,
Что я могу туда забраться,
Такую тушу занести.
А, впрочем, если не пытаться,
Проблемой станут и горшки.

Фуникулер. Вброс на площадку,
Под основанье. А затем ...
Затем мы начали зарядку,

Чтоб сверху вниз глядеть на всех.
Легко, играючи мы шли,
Хотелось мне сейчас сказать!
Не так, конечно. Но взошли
Жена и я – вообще на пять!
Кой-кто сошел, кто «паровозил»,
А мы, горнячку взяв в кулак,
И, Моисея «унавозив»,
Не дали впасть себе впросак.

Забрались, бросили все взоры
На острова, на океан,
На облака, что много ниже.
Не позволяет им вулкан
К себе подняться,
Но, признаться,

Магнитит взгляд не этот кратер,
Куда мы только что вошли,
А тот, гигантский,
Что под нами
Теперь «на блюдечке» лежит.

Жутка причудливая лава,
Страшна из глыб та пахота.
Масштабы взрыва убеждают:
Тур Хейердал сказал не зря
Про здесь ушедшую страну
С названьем сладким – Атлантида.
Вот с этой мыслью и сойду
С тебя, мой Тэйде, моя планида.

P.S. Соблазн велик – кусочки Тэйде
С собой мы увезем в столицу
С любовью, страстью и надеждой,
Что дети схватят ту ж жар-птицу.

День седьмой-восьмой. 13-14 ноября 2003 г.

История рыбалки

Экскурсия вещает: по историческим местам.
Раз так, то место наше там.
И вот на джипе режем серпантин
С латвийской парой из Елгавы.
Конечно, на политику наложен карантин,

По умолчанью – все мы правы.
И все же, слово за слово: спивается Елгава.

И дети помотались по Кипрам-заграницам,
Домой опять прибились. Нравы
В других предстали лицах.

Там надо горбатиться по пятнадцать часов,
Да без выходных,
И «мани» хватает только
От сих до сих.

Теперь рады, что у папы под крылом.
Закончился пенный дурдом.
Нам латыши пришлись по нраву:
Узнали, кой-что про Елгаву.
А вот про Тенерифе нечего сказать,
Уста историю забыли.
Наш гид не думал даже
Что-то нам вещать,
Какие ветры тут носили,
Кого, в какие времена.
Он ехал по маршруту лихо,
И, где положено, стоял,
Когда положено, купал.

Все было без сучка, без «чиха».
Узнали мы, что его папа,
Владелец ГУМа ресторанов,
Сбежал сюда, чтоб «дело в шляпе»,
И производит здесь бананы,

Вино (подвальчик) – всю жизнь мечтал,
Поэтому сюда сбежал.
В Россию шлет сейчас цветы,
Обратно бабки и какие!
А сын историю страны
Ни бе, ни ме за чаевые.

Что делать? Сами кое-что сложили
И вот картинку получили.

Еще во времена Колумба
Испания завоевала эту «клумбу».
И с той поры красавицы – гуанчи
(высокие, голубоглазые блондинки)
Стали низкие и плотные испанцы –
Такие, видите ли, картинки!
И для Испании Канары –
Колония, тюрьма и место ссылки.
Всегда здесь были лишь отары.
Какие на вулканах предпосылки?

Уже в двадцатом веке здесь сидел сам Франко.
Отсюда, вслед за Гитлером,
Фашизм в Европу внес,
Его здесь чтут. В столичных бланках
На первом месте этот пес.
Скольких он русских уложил
Всех за идею! Что ж, русский заслужил:
Не суйся не в свои дела,
Смотри, чтоб своя рожа не была крива.

И так, почти до наших дней
Здесь бросовые земли.
Испанская тундра, можно сказать.
Вот вам и Канары, в бога мать!
Туризм пятнадцать лет как вдруг зашевелился,
И свет в тоннеле появился.
Теперь в отелях весь вулкан.
Сначала он для англичан –
Теперь для всех ушей!
Канары – не свет в туннеле, просто фары.
Со всех концов сюда летят,
Когда ж к нам в тундру залетят?

И сразу бывшая столица Ла Лагуна,
Что не на море, а в горах,
Теперь в загоне. Ну, а шхуна
В Сант-Круз причаливает вас.
Здесь новый порт. Сюда везут,
С материка туристы прут.
Конечно, здесь теперь столица:
Где лошади, там и возница.

Столицы – так их величают,
Размером с Щедрино. Все это знают.
Однако миллионы отдыхают,
Так что работы всем хватает.

Вот и вся история,
Которую мы сами рассказали.
Затем гид нас выбросил в песок
И говорит: порадитесь, он здесь с Сахары!
На золотом песке купались,
Так и с историей расстались.

Теперь вперёд, на океан!
Рыбалка на акул, конечно, сила!
Четыре часа таскал наш «кукан»
Солидный катер. Но, увы, не подфартило.

А «кукан» состоял из шести огромных блёсен
На толстых жилках.
Сначала у жены тряслись поджилки:
А вдруг действительно поймает акулу?
Но... всем мужчинам сводило скулу.
Пусто, ничего. И смотрят волком на меня.
Зачем, мол, бабу притащил?
Я ж улыбался по мере сил.
Мол, русский я, не понимаю.
Жена ж довольна. Я-то знаю,
Её прогулка развлекала:
Катер, океан, ветерок, иностранные мужи –
Всё, что нужно для её души.

День девятый-десятый. 15-16 ноября 2003 г.

Акваэкзопарк или Джунгли

Аквапарк, экологический парк,
Называемый Джунгли, -
Каждый существует отдельно,
Никак не связаны между собой.
Но в моём сознании они
Слились в одно
сплошное удовольствие.
В страну детства,
добра и любви.

Попробую передать это в своей песне.

В стране детства, добра и любви

1.

Неважно, сколько тебе лет,
Ты юн, иль есть седины след.
Какходишь в эту ты страну –
Лишь излучаешь доброту.

Припев:

Орлы тебя уносят ввысь,
В сетях с мартышкою повис.
Как хорошо нам здесь живётся,
В любви улыбка вьётся, вьётся.

2.

Среди цветов, лианов, пальм
Вдруг уменьшает сердце даль.
И всё лишь лучшее в тебе
Открыто всем, всегда, везде.

3.

И вот становится вокруг,
Что всяк тебе и брат, и друг.
Летишь ты с горки водяной
Иль в джунглях рыскаешь тропой.

.....

Попробую что-то ещё передать
Из шоу орлов.

Эту картину я видел впервые:
Несколько юных вполне, молодцов,
Нам это здесь предъявили.

Звучат фанфары, десятки орлов
Прносятся над нашими головами
И взмывают ввысь.
Они исчезли из нашего поля зрения.
А на арене продолжается жизнь,

И разные птицы демонстрируют нам
Своё умение.

Но вот с башни сигналият – смотри!
И палец в небо указан направлено.
Боец бросает всё и на середину арены,
Оттуда в небо глядит затравлено.

И кожаной рукой как-то странно вертит,
Сжимая в ней мясо кровавое.
И вот с поднебесья что-то летит,
Ужас вселяя, по праву вам!

Страх здесь уместен, скажу сейчас,
Когда бомбой неотвратимую
Летит на вас нечто, расправив крылья,
И каждый чувствует плоть уязвимую.

Но вот пронесло. Он уже мясо берёт –
Расправил ты плечи наново.
И только расправил, а горн уж зовёт,
И всё повторяется заново.
Шоу орлов –
Без дураков.

День одиннадцатый-двенадцатый. 17-18 ноября 2003 г.

Дикари

Всё познали, что на русском.
А другого языка и не знали никогда.
Не было бы у нас шанса,
Если бы не «эсперанто»:
Опыт, мимика и жесты –
Наш язык из этого теста!

Вот на этом языке
Объяснялись мы вполне.
И испанцы рассказали,
Что и где мы не видали.
Ну, а опыт автостопа
Всем известен до потопа.
Вот тогда, быть может в пику,
Мы оказались в Пуэблочики.

На другом от нас конце
Есть пригорный городишко,
Там с балкончиками все –
Так вещала чья-то книжка.

Вот под этим Ортава
И «пасётся та отара»,
То есть, «миниканарейка»!
Уже там наша семейка.

Три часа, как дурачки,
Улыбались старички:
От истории гуанчи
До того, что ныне нянчат.

Из семи всех островов
Изготовлен этот «плов».
Тенериф – аэропорт,
Гран Канари – эшафот,
В Лансерото – все вулканы,
Ля Гомера – башня, чаны,
Из Эльеро – лишь маяк,
Форт Авентура – просто так,
Лишь из Африки песок.

А Ля Пальма – тут, браток,
Просто так не обойдёшься.
Там ведь нету ничего,
Кроме зелени, конечно,

И о нём такая весть:
«Весь покрытый зеленью, абсолютно весь!»

Ну а если так, попроще
Что-нибудь надо сказать,
Так скажу: Пэблочико
Надо б России перенять.

Вот б Россию уместить
При какой-нибудь долине!
Может, можно было б жить
На туризме к той «детине».

Может, этим мне заняться,
Как на пенсию пойду?
Недурная мысль, признаться.
Как приеду – откуплю
Где-то бросовой земли,
Чтоб все в мире корабли
Прибывали в гости к нам,
Как на остров на Буян.

Вечер близится совсем.
Мы бегом на Бананеро,
Где под русскую «фанеру»
Показали, как банан
Уменьшает наш карман.

Сколько стоит, как растёт.
А потом – смотри, народ,
Проходи на Банонеру
С добрым глазом, святой верой,
Изумляйся тёплым светом.
Обалдели мы при этом.

На плантации бананов
Кофе чёрное растёт,
Как ведро плоды памелы,
Фейхуа сейчас цветёт,
Вот агава зеленеет,
А вот хлопок – он белеет.
Ананасы – как кадушки,
А папайя – как подушки.
Хурма-кики – лишь зародыш,
Манго, киви – всё, что хочешь.

Хватит всё перечислять.
Посмотрели – и поддать
Примостилися в кафе:

Ликёр, манго – всё вполне
Отражало состояние,
Что мы – грешные создания,
Пребывавшие в раю...

Баловав так плоть свою,
Чуть успели на автобус.
Ну, а то пришлось бы глобус
Заново учить вращаться,
Как к отелю прибиваться.

День тринадцатый-четырнадцатый. 19-20 ноября 2003 г.

Остров Лансеротта

Отмочившись в океане,
Дух бродяжий кинул в путь.
Снова мы торчим в вулкане
И не абы где-нибудь –
На самом, на Лансеротте!
Мы туда на самолёте!

В этот раз нас пронесло
В смысле том, что не трясло.
Но вулканное горнило,
Мягко скажем, изумило.
Всё же надо по порядку...
Пред вулканом дам разрядку.

Зная только лишь: «цвай бир»,
Мы объехали весь мир.
Обычно, гид вещал по-русски.
А сегодня – по-французски,
По-немецки, по-английски,
Он по-русски – ни гу-гу.
Я, ей-богу, ведь не лгу.

Вот представьте: полный иноков автобус
Целый день гоняет «глобус».
То налево все глядят, то выходят,
То стоят и куда-то смотрят вдаль.
Разошлись – совсем печаль.

Но прошло немного время –
Дало всходы наше племя.
Стали русским улыбаться,
Стали в дружбу набиваться.
А в конце – полный дух взаимопониманья:

Стали центром мы вниманья.

А с женой – метаморфозы.
Всё в начале она позы
Принимала, чтоб достойно
Мы смотрелись. И пристойно

Попыталась съесть при иноках банан.
Мол, покажем русский стан.
Здесь не ныть, не нужен гвалт,
Нужен международный стандарт.

А в конце – всё хохотала:
«Жаль, что время было мало.
Я б, наверное, ещё
Показала б и не то!»

Её немцы умиляли –
Всюду первыми вставали;
Вот француз, когда мы шли,
Приспустил свои штаны
И, умело, на ходу
Справил малую нужду.

Мне ж понравились французы,
Когда стырили вино,
Поняли, что мы видали.
Поделились неохотно... Но давно
Я ни слова про вулканы.
А ведь нынче эти «паны»
Нас сюда приволокли,
Да французы отвлекли.

Остров Лансеротта – остров вулканов.
Кроме них здесь ничего нет.
Раз вулканы – значит, лава,
А это уже – туши свет.
Окаменевшая грязь,
То есть, не земля, а мразь.
Ни проехать, ни пройти. Никакой былинки.
Выше, к кратерам – немного другие картинки.
Там - то цветные пески, то мелкий керамзит.
На всём острове – именно такой вид.
И у океана – где-то лава, а где-то керамзит.
Там, где керамзит – там народ лежит:
Цветные пляжи.
Это уже не лажа,
Это – цивилизация.
Недавно здесь такая активизация.

А были лишь керамзитовые поля.
Они и сейчас, где туриста нет,
Где не захватил он,
Такая земля.
От меня крестьянину – низкий поклон.
Чтобы там что-то росло,
Он из туфа делает маленький забор,
Защищая от ветра весь этот сыр-бор.

А под каждый корень – ямку, как огромный котёл.
Представьте: такой «частокол»,
Кратеры, лава, подзаборные плоды –
Вот, что там видели мы.

Ещё впечатляют пещеры,
Которые от кратера уходят в океан.
Так когда-то бежала лава,
А потом остался этот карман,
То есть, полость, тоннель – назовите, как хотите.
Мы были в одной. Вот, на фото посмотрите.

Сейчас - это дивный пейзаж с каскадом озёр,
Вот турист и попёр.
Ездили на велосипедах,
Смотрели лагуны, пили местное вино,
Но не оно было центром, не оно.

Для меня кульминация – такая картина:
Построили по кругу туристов,
В центре стоит мужик
С совковой лопатой.

Берёт в лопату «керамзит»,
И в руки нам –
Рука горит!

Берёт ведро воды –
И в дырку в «керамзите».
Оттуда пара столб.
Сразу понимаете,
На чём стоите:
Вот здесь, под нами –
Огненная лава, горнило...

Что было, то было.
Я рад, что был в вулкане Лансеротта,
Но жить здесь, прямо скажем, неохота.

День пятнадцатый-восемнадцатый. 21-24 ноября 2003 г.

Остров Ла Пальма

Не страх, а ужас вижу я.
Он зрим сейчас, разлит повсюду.
Но... сел самолет, «болтанка» позади! И пошло:
Речь, жесты, шум, смеются друг над другом!

Таков испанский колорит,
Когда их местный самолёт летит.
На нём летали на Ла Пальму,
И дня для этого не жаль мне.

А для жены – английский, плиз.
Она весь день кивала гиду-иностранцу,
Что под конец устала вдрызг.
Сказала: «Лучше я пахать пойду,
Чем делать вид, что всё пойму!»

Я ж – во все стороны глядел,
Поскольку каждым языком владел.

Здесь русский – как пингвин в Сахаре,
Последним Максим Горький был.
Поэтому нам надо быть в ударе,
Чтобы «Ладонь» нас не забыл.
Ла Пальма – остров наш – и есть «Ладонь»,
И подтянули мы супонь.

Наш бас по жутким серпантинам
Под неумолчный крик цыган
(Как будто нас везут по минам,
Не в заповедник, а ко львам)

Причалил где-то под горой,
Она – с Канарскою сосной.
И мы вперёд, на экорай,
Чтоб съесть столь редкий «каравай».

В ущелье ветер волком воев,
И дождь там пушкой говорит,
А наши фибры счастьем стонут,
И блажь по устьицам бежит.

Главная Ла Пальмы сторона –
Она – Канарская сосна,
Что воду вьёт из облаков
Для процветанья земляков.

Затем вулкан – святой Антоний.
Он тридцать лет тому назад
Стал местным знаком плодородья,
Ему здесь земледелец рад.
Во чудеса, так чудеса!
На местной лаве урожай
И есть, заметь, земной Ла Пальмы рай!

На ней банан благоухает,
Ну, а крестьянин – процветает.
Американцы, чуя баксы,
Скупают лаву на корню
И ждут, когда святой Антоний
Раскроет снова пасть свою.

Чтоб бросить взгляд на это чудо,
Нам шквал ветров и ливня стон
Пришлось послушать. Это блюдо
Сейчас стоит в глазах. Вот он,
Святой Антоний – кратер идеальный,
Но ливень был ж вполне реальный.
И, бросив взгляд, мы снова в бас –
Пора принять бы что сейчас.
Обед с испанцами достоин и поэмы:
В каком-то гроте длинный стол накрыт,
За ним уселись все мы.
Здесь сыр, вино, и больше не спешит.
Гарсон нам что-нибудь добавить,
Лишь потом всё удалось исправить.

Всё съели, на столе ещё вино,
Но не оно здесь правит, не оно.
Идёт часами треп о чём-то,
Сидят, болтают. Ни один не встал.
«Сиди», - и я жене сказал.
«Давай посмотрим, как всё завершится».

И так сидели часа два,
Пока гид не сказал: пора!
Вот не сойти мне с места:
Я думаю, что это есть сиеста.

Ещё одно
Хотел бы очень подчеркнуть.
В стерильной церкви на горе
Исповеди удалось усвоить суть.
Шесть-восемь падре, внушающий доверье вид.

К ним очередь. Сидят дрожат ребята.

И правду б им не говорить,
Да жутко. С богом – всё ведь свято.
И долго что-то меж собой лопочат,
Оттуда – кто со слезами, кто гогочет.

Неплохо б, я считаю, ой, неплохо,
И нам отчёт держать от вздоха и до вздоха.
Пред падре ли, иль пред собой.
Эффект, я видел, не плохой.
Ещё мы в мастерской гуанчей,
И вскоре, снова Санта Круз,
Святой Марии и Колумбу только машем.
И снова самолёт, и снова их испуг.

Их дружелюбие и простота
Меня сегодня, правда, потрясла.
Я полюбил бесхитростный народ.
Испания, пусть счастье тебя ждёт.

Мне нравится у них фламенко,
Что в нас чечёткою сидит,
И заунывные напевы,
С надрывом, аж душа болит.
Всё это в шоу здесь сполна
Мы поглощаем и до дна
Без передыха, перерыва.
И вы, конечно бы, смогли бы.

Нет, вру, был перерыв.
В честь Вовика с женой напились,
Немного, искренне с ней прослезились.

А как иначе – пусть Канары,
Но помянуть – обычай старый.
По-русски: с водкой, со слезой
И... с песней. Тихо, но с душой.

День девятнадцатый. 25 ноября 2003 г.

Тур Хейердал

Болтаясь дальше в Бананерах,
В экзотик-парках, где колибри,
Летучьи мыши, ящеры – всё ж в недрах,
В глубине души, своею фиброй
Мы понимали: к вечности пора.

На Тенерифе к ней, на пьедестал

Ведёт норвежец, вроде, Хейердал.
Местечко есть одно – Гуймар,
Так он здесь пирамиды откопал.
Не знает сам, какого века.
Нам стоит посмотреть. Возможно – чудо света.

И снова автостоп – ведь слово есть: Гуймар.
Что здесь нас ждёт? Тур Хейердал?
И оказалось, под открытым небом
Раскинулся здесь город пирамид,
Штук восемь или шесть. Явно – не единым хлебом
Строитель думал, создавая вид,
Который и сейчас пленит.

Сей город чуть в горах,
Рукой подать до облаков,
И на ладони океан.
Всё в рамках лучших мастеров.
Весь материал – из пуфа.

И не размеры поражают,
Но что-то властное к себе в них привлекает.
Мне показалось, мавзолей
Наш – плагиат этих идей.

Причём они, соприкасаясь,
Имеют площади вверху,
Что хоть парады принимай
Ноябрьские иль на Первый май.

Не признавали их сначала.
Мол, не о вечном – о съестном.
А Тур сказал: «Об этом деле
Вы можете поспорить и потом,
Давай сначала сохраним».
Так оказался Гуймар с ним
Соединён навеки.
Он здесь фазенду подкупил
И здесь почти до смерти жил.
Поэтому музей решил,
Что Хейердал всё заслужил:

Не только пирамиды эти,
Но и Кон-Тики, Пасху, Ра.
И здесь представил всё на свете,
Чем жил и умер Хейердал.

Я видел всё, я замирал
Перед советским флагом красным,

Что нам Сенкевич заслужил.
И я судьбу благодарил
За день, за миг такой прекрасный
И за людей, умеющих смотреть на небеса,
Чтоб верили мы с вами в чудеса!

День двадцатый – двадцать второй. 26-28 ноября 2003 г.

Гран Канары и Прощай, «Веснушки»

Канары - дословно: «собачьи острова»,
Ещё со времён, когда здесь жили гуанчи.
Ну, а у нас пошла молва,
Что канареек здесь – как саранчи.

Вот так по прихоти молвы
Птичку певчую собакой нарекли.
Мне ж кажется, что лучше так: «Веснушки».

Ведь здесь же – вечная весна,
И острова – веснушки океана,
Разбросанные тут и там.
У каждой из веснушек имя есть,
Сейчас стремимся к Гран Канары,
Он пятый остров, что честь
Нам выпала к осмотру.

Нашей паре – опять ж международный экипаж
(Французы, немцы, англичане – тот ж типаж).
Туда – на быстром лайнере.
Он – восемьдесят километров (иль сколько-то узлов)
Как в самолёте к креслу «пришивает»,

И не прошло и двух часов,
Как Гран Канары объявляют,
То есть, Лас Пальмос – их столицу.
Мы уж привыкли к этим «лицам»:

У моря над горой
Стоит город небольшой,
Все дома из монолита,
Белой краскою покрыты
И немного этажей –
Всё лицо. Вот, ей- же -ей!
Правда, здесь порт. Вижу русский флаг.
Какая-то ржавая развалюха.
А, нет! Вот ещё – уже приличная штука,
«Гранитный берег» называется.

Вообще-то тут с русским – напряжёнка получается.
Видели Рахманинова на афише
И водку с именем «Смирнофф»,
Конечно, Курникову Аню,
Всё. Портрет у Родины готов.

Ещё, правда, в речах Сталин был,
Ну и, конечно, Владимир Путин.
По Гран Канары плыли в облаках.
Ни зги не видно, только пропасть сбоку.

Об этом острове лишь сё могу сказать:
Его не видно было толком.
Однажды выплыл, правда, Гауди –
Он два-три года здесь прожил.

Скажу ещё про тихий городок,
Уютом дышащий, в балконах.
Но имя-то ему сподобил бог,
Что ждёт склады оружия и патронов.
Террор – так здесь уют зовётся;
Судьба над мыслью смеётся!
Всё, что посмотрел на Гран Канары,
Уже я видел на Канарских островах.

Сосна канарская, красивые ущелья,
Вулканы и бананы стали
Обычными для нас явлениями. В стихах.
Они себе уж места не находят.
Так, в закоулках сердца где-то бродят.

Зато запомнился
Обычный наш бархан.
Здесь нам песок
(он из Сахары) –
Как в Арктике
Какой-нибудь банан –

К нему туристов возят.
Приём старый.
Назвали место
Плайя де Англеz,
И на песок турист полез.

Ну вот и всё, пришла пора прощаться.
Что увезу в душе с собой?

То ощущение, может, что в «Термалях»
Я получил: блаженство и покой!

Однажды это было, когда везде бурлящая вода,
Да с баньками турецкой, финской, римской,
Шотландским душем,
Фруктовой ванной, русским «льдом»
Нас ублажили. Подождём
Такой мы вывод увозить.

Хочу такую зарисовку я с собой носить:
Два старичка. Она и он. Гольшки.
У кромки моря простенько стоят.
И знаешь, их морщинистые попы
О чём-то важном говорят.
В них разливается какая-то светлая благодать,
Название просится: «счастливейшая старость».
Пожалуй, это из Канарских островов
Я вывезти готов.

P.S. Жене так понравился отель «Боганбиль»,
Что я не могу пропустить этот стиль
Заботы, уюта, тепла.
А может, отсюда и картинка та.
Ведь чтобы в сморщенной попе счастье повидать,
Надо было уютом «перестрадать»!
И ещё, быть может, чудной сказкой
С близким всем названьем «Тропикана».

Дважды мы вкушали тел их тряску,
Перьев блеск, энергию вулкана.
Захватывает, брызжет попуасия,
И вскоре над собою уж не властен я.
Всё в ритмике Латино утопает,
И зло в тебе бесследно тает.

А может от гаспаччо, от сангрии?
От вида Тейде, от Атлантики ворчанья?
Колумба со «Святой Марией»?
Иль то от неизбежности прощанья?

Всё вместе благодать несёт
В меня, в жену и в отдыхающий народ.

«К черту на Кулишки!». 16-27 июля 2004 г.

*Ибо нет закона,
Ни божьего, ни людского
К северу от пятьдесят третьей
Джек Лондон*

**16 июля 2004 г. (пятница) – День первый
От семи холмов до семи островов**

Немного приустал я на семи холмах,
Но, чую, через край бьёт интерес.
А если через край, всё время в попыхах,
То поджидает Вас, не сомневайтесь, стресс

Стараюсь убежать. Сегодня – «На Кулишки»,
На теплоходе близком ГЕЭНЦЭ.
Маршрут хорош! Всё круто. Даже слишком
Сейчас про это я ни бэ, ни мэ.

Норвегия, Фареры, Исландия
И, айсбергом лежащая - Гренладния.
Такой маршрут, признаюсь, мне
Не снился даже в сладком сне!
Не жаль дремучести моей
Ведь будет, знаю, всё в новинку
В мою судьбу, в мою «корзинку»
Всё ляжет плотностью своей

Сейчас «прессуем» Олесун-
Сюда «сталь-птица» перенёс.
Норвежская игрушка-городок
Сюрприз нам тут же преподнёс.

Он – на ладони, островной, их семь.
Под ним туннели с «под Ла Манш» -
Не потерял я голову совсем
Лишь потому, чтоб дать Фарерам шанс.

Вы бросьте взгляд на это вот фото.
Ну что, всё ясно? Повезло!
Конечно, повезло! Бродил по фьёрдам в Олесун!!!
Умрёт от зависти любой хвастун.

Добавить к этому про свежую креветку,
Что нам из моря «в рот совал» рыбак!
Нет, никакой породистой соседкой
Не перебеешь, как мизер, этот факт:

Добротная скамья, и солнце припекает,

Норвежские суда во фьёрдах бултыхает.
Вот здесь верблюды-гора,
Там – снежные вершины,
Вон океан нас манит в «Палестины»!
«Сергей Вавилов» терпеливо ждёт-
Ну, разве же креветка здесь не подойдёт?

Размеренный игрушка-Олесун
Мне подарил мгновения из рая.
Их с удовольствием я «заглотнул»,
По-прежнему и с основанием, считая -

Велик контраст меж жизнью и искусством.
Я видел это лишь в соседней с ней стране.

Кто на вопрос ответ мне даст:
Почто столь мало гениев на Северной волне?
Музей, что нам представил Олесун
У нас в России вызвал б бунт!
И не новаторством своим
Бездарность. Безвкусица. Примитивизм.
Неужто здесь ответ всё в том:
«Художник голодным быть должен?»

Да, бетон ль, гранит искусства –
Ты непостижим:
Давайте голод с красотой осеменим,
Тогда получим и творенье!
Такое, собственно, от Олесуна впечатленья.

Уж засыпая на «Вавилов»
Сквозь облака я вижу фьёрды
Они как дельты рукава,
Но только скрещенны с горою.

Вода и горы, облака,
Из гор макс-мини острова,
Каньоны, узкие заливы
И слышу... храпа переливы.
Что ж, неплохой удел, друзья-
От удовольствия зачмокать как свинья.

Не тронул даже жуткий случай.
Сгорел в пожаре Олесун.
Но ведь отстроился, стал лучше.
И... крепче прежнего заснул.

17 июля 2004 г. (суббота) – День второй
Норвежское море

Какой-то мировой оракул
Поведал всем, как страшен чёрт!
Вот так же, поведаю я вам, прекрасен фьорд.
Норвежский фьорд!

Теперь и я в том мыслью твёрд!
Словами красоту способен описать лишь мастер,
А я ж в себя её вселил
И плавно в океан отплыл.

Что отнял бизнес у науки
Познали мы не ради скуки,
А чтоб вкусить отдых сполна.
Вот ресторан, вот бар.

Мошна здесь весьма полной должна быть,
Чтоб даже пиво пригубить.

Но мы уже морские волки
И алкоголь заполнил полки!
Он из России прилетел,
В кают-компании осел.

Есть кинозал, бассейн и баня
И тренажёры где-то есть.
Есть где прилечь, и есть где сесть-
Всё для тебя, российский Ваня!

Тебе и спляшут и споют,
Но всё же главным – море тут!
Оно в купальне и вокруг
Везде, везде оно одно.
Как это мне сейчас «в очко»!

Читаю Лондона, смотрю,
Ну и дышу, дышу, дышу!
А в перерывах – та купальня,
После обеда – эроспальня!

Елена, Вовина душа,
Нас потчует японохоккой.
Партишка в шахматы прошла
Как преф, очко - в эмоциях – по Споку!

В полярную ночь – день
С женой плясали до упаду

Ну, в общем, первый «чистый» день прошёл что надо!
Только «тревога» подвела -

Корабль белый стал вдруг рыжий.
Попалась молодёжь сполна, при этом - ключик потеряв!
Ах, молодёжь! Их так волнует этот факт.
А мы с женой уж опытные волки -

В тревогу были в самоволке!

Я б был не прав,
Если бы не подал на закуску хокку.
Читайте. Вот они – в Японию «окошки» из Европы.

Хокку Николая Петровича

Он прилетает,
Она его встречает,
Он улетает.

Мы отдыхаем,
Полетели танцевать.
Маша должна ждать.

За бортом холод,
С едой очень слабо.
Сосите лапу.

Хокку не хохма,
Не подушка иль жилет:
Песня и совет.

Соловей, коньяк,
Девушка прозрачная,
Мама в морщинах.

Любовь лелеют,
За справедливость – борьба.
А вот счастье – пот.

Может, отпуск – яд,
Весна наводит ужас?
Я? Я вне игры.

Хокку Вовы

Еду на Север ...
Меня на лед город.

Великолепно!..

Самолет – птица,
Корабль – стальной кит в море.
Ждем впечатлений!

Пингвин на льдине
Замер, не зная, как быть...
Русские рядом!!!

Оставив друзей,
Понимаешь тоску их.
Движение – жизнь ...

Хокку Лены

В иллюминатор
Попала звонкая синь
В облачном пухе.
Сидеть нет мочи,
Но грозный крик стюарда
Вжимает в кресло ...

Ждет стюардесса ...
Взрыв, застыл самолетик
В вырезе блузки.

Суета людей
В маленьком самолете ...
А внизу – бездна.

18 июля 2004 г. (воскресенье) – День третий Далёкие овечептичьи острова Фареры

Признаюсь честно, если б не футбол,
То я вообще бы «мимо них прошёл»!
Помню, смеялись: вот, мол, рыбаки
Лишь только из моря пришли,
Надели форму в раздевалке
И поняли... О, ёлки-палки!
Сегодня к ним приехали играть,
Кто целый день водяру глушит
И у кого полмира суши!

Всё это присказки друзья!
А будет ль сказка?
Да, да, да!
Чудесно! Просто нечего смотреть!

И в этом – сказочный сюжет.

Средь океана – лысые бугры.
Ни деревца, лишь скудные цветы,
И травы скудные,
А сверху тех бугров бежит вода,
Из облаков собираясь в водопады.
Всегдашний дождь и сильные ветра
Здесь формируют гены и уклады.

Фарерцы – рыбаки и китобои.
Во фьорд умеют гнать китов!
И здесь – кровавые побои.
Кит месит их, они кита!...
Не видел сам и блюдо из кита не ел:
Ну, просто сыт был – не хотел.

Проехали мы остров вдоль и поперёк
Тысячелетней давности нашёлся уголок!
Стоит на берегу церквушка-лютеран.
Вокруг домишки фермеров,
На склонах гор – баран.

Овечки – так звучит нежнее
И «ласточки» с названьем сарочай:
Сорока с красным носом –
Вот эту святость выбрал край.

В другом конце, в рыбачьей деревушке,
Нашли стоянку викингов –
Одну на тридцать островов.
Стоянка – громкое название:
С десяток камушков – фундамент и готов.

И больше ничего!
Но слово – «викинг»!
Прислушались? Ну, как звучит оно?!

И всё здесь так –
И вроде б ничего и нет,
А сердцу мил Фареров свет.
Как чернота Малевича квадрата,
Нагого короля – бессмертного собрата.

Собрата и Фарерских островов-
Их образ для меня таков.

Когда бродили по столице,
Торсхавен здесь её зовут,

Такие ж можно «небылицы»
Увидеть, что-то почерпнуть.

Нарядные игрушки - издали дома.
Вблизи – они почти тюрьма.
Скрестить нарядность и суровость-
Вот хижина фарерца и готова.

Ещё немного зарисовок из столицы,
Из гавани - от бога Тора, так сказать.
Главенствует здесь принцип мини,
Не принято здесь, видно, запирать.

Входи, везде и всё открыто!
Хоть двор, хоть дом,
Наверно, и кровать!

А вот заборчик из костей кита
Вот кухня чья-то прямо над потоком.
И «вывески» из мокрого белья
Здесь почему-то «не выходят боком»-
Они не портят вид совсем.
Наоборот! В гармонии со всем,
Что вижу, чувствую и чем дышу!

Торсхавену, мне кажется,
Лишь только по плечу
Такое чудо совершить!
И даже, кажется, здесь не грешно грешить!

Всё заодно с природой,
Всё гармонично! Естество!
Нет, нет! Меня не понесло-
Ведь я же вырос сам
В рыбацкой стороне.
Вот почему, по сути, это близко мне!
Пора прощаться.
18 обитаемых островов,
Где есть по 2-3 человека.
Пусть Вы не знаете лесов
И не присуща Вам потеха.
В Вас тяга к смытыми волной
Цивилизаций, чистоганов.
За Вас, Фареры, я теперь горой
Меня Вы «взяли» без наганов-

Овечкой, сарочаем и... открытой дверью!
Вы тронули меня доверьем
Спасибо Вам за это!

Вы укрепили веру в человека!

Прекрасны тем, что нечего смотреть...

И вдруг всплывает... стул в улыбке

В тысячелетней церкви!

Как будто сделан по ошибке,

Но там смеются все святые,

Дева Мария и Христос –

В улыбке уши, глаза, нос.

Вот так бы человечеству и жить,

Да разве это вернуть?

19 июля 2004 г. (понедельник) – День четвертый

Вдоль хребта

Шотландия, Исландия, Гренландия –

Один хребет подводных гор.

Сюда же входит Фарерландия.

По этому хребту весь день «Вавилон» пёр:

Пёр – благозвучностью не очень-то «страдает»,

Но верно смысл определяет!

По борту справа – Ледовитый океан,

По борту слева – наш знакомый,

Кому не раз «писал роман».

Полярный круг, сказали, рассекли -

Киты по борту вдруг прошли.

Один всё прыгал предо мной

Своею тушей, как в кино!

Рыбёшку, видимо, глушил

И моё сердце растопил.

Так и стоит сейчас в глазах

В полёте кит, а я в слезах.

От умиления полёта-

Такого китосамолёта!

Обслуга здесь из одесситов.

Их шеф когда-то нам Париж давал

И тронул нас Эдит Пиаф

Запомнилось на Ох и Ах.

Соорудили карнавал,

Что до полночи бушевал.

Жена прикинулась Овечкой,

А Вова с Леной – из пернатых!

Изысканность и клювов, и хвостов
Снискало им любовь творцов
Вот этих самых карнавалов.
Особенно, когда прищепкой нос щипал,
И «курочку» в смущение вогнал.

Но опыта им не хватало,
А у меня его – навалом.
Трусы разрезал и... мечта–
Приз первый – у меня.

Его я пузом заслужил
Им всё и вся другое заслони!

А слева Атлантика,
Справа Ледовитый океан -
Чист воздух как хрусталь!
Честно скажу – нисколько не жаль,
Что я не на работе,
А весь в «Гренландовских» заботах.

20 июля 2004 г. (вторник) – День пятый
Исландское чудо

Листаю памяти страницы
Вчера прожитого мной дня...
Смешались быль и небылицы,
Обыденность и... чудеса.

Пожалуй, лучше по порядку.
С утра с женой бассейн, зарядка
И шлюпкой в город Хусавик.
Уже к китам я попривык,

Но это ведь китовая столица!
Туристов возят – как резвится,
Как ест и пьет, и чем живёт
Сей симпатия-кашелот.

Сошли на берег.
Пред церквушкой,
Наверно, челюсти кита,
Его музей, но не туда
Сегодня путь лежит,
А по колдобистой дороге

Автобус от китов бежит.

Смотрю в окошко – там Исланд.
Здесь самый север. Говорят – гигант
Сей остров. По Европе - он второй,
За Великобританией смурной.

Повсюду снег еще лежит,
Но зелень тоже зеленеет.
Вулканы, горы, овцы блеют -
Такой здесь общий колорит.

А вот и первая причуда –
«Копыто» километра в два.
Там скалы – стены обрамляют,
Тут – заповедная земля.

Дно заросло кривой берёзкой,
«Карельской» бурною травой.
Со скал несётся птичий гомон.
Сюжет из прерий, что порой
Нам предлагает Голливуд.
Мы на него наткнулись тут.
Ведь здесь он кое-что снимал -
Об этом лишь сейчас узнал.
А нас бы дальше понесло,
Но поломалось «весло»,
То есть, автобус у исландцев.
Я на траву и спать. Есть шанс

Скинуть усталость карнавала.
А правда – как и не бывало.

Проснулся свежий, молодой
И наш автобус удалой
Опять по гористой тропе
Подъехал, господи, к... мечте!

Первейший водопад Европы!
Шум, рёвы рухнувшей воды
И, достигающий вершины,
Туман из брызг и... суеты,

Смешенья водной и людской стихий!
Плод – чудо! Высший стиль!

Здесь мощь и лань,
Здесь пропасти и выси,
Величие и рвань

В гармонии событий.

Вот с чем уехал с водопада
Так мне, родимому, и надо!

Стоит в глазах каньон угреподобный.
На дне, меж стен, бежит струя,
А выше – то, что описал!

И не успел я отойти,
Как снова чудо поднесли:
В долине ведьмы при кострах
Готовят варево в котлах.

Костров тех сероводородный дым
В долине был неистребим.
Сияет варево всей гаммой цвета:
Бурлит иссиняя лазурь,

Вон охра в кратере осела,
Там колдовская зелень смело
Обмазала и ржавь, и бурь!
И всё кишит, плюёт и плещет!
Суть человеческая трепещет,
Учуяв, что там под тобой.
И ты, под сенью колдовской,
Паришь над бытом, в чём сидишь!
Ведь дальше носа не глядишь.
А здесь взглянул - полезно очень!
Рекомендую, между прочим!

Отведав нечисть из котла,
Приехали мы в гости к троллям.
Застыли лавой. «Как дела?»-
Мы им, бродя по чудо-полю.

Они молчат, лишь рожи корчат,
И каждому из нас – свою.
Я вам скажу: «Чего же боле?
Исланд – остановись,
Я больше не могу.

Так все смешается в умах -
Есть переборы в чудесах!».
Но разошлась, не тут-то было.
Пусть не большим, но «божьем» водопадом угостила,
Где вся Исландия крестилась.
И морем-озером из птиц и грязи,
Что дарит женщине красу.

Лосось-фарелевым раздольем,
Что мужику, как кости псу.

Закатом в фиолетовой долине...
Пардон, закат здесь нынче не бывал.
Я вспомнил Рериха -
По памяти себе закат нарисовал.

Не выдержал нагрузку чудесами
Вы можете судить и сами!

А завершение – город Акурейри,
Фьорд, нас там «Вавилов» ждёт
И нынче «Горький» там живёт-
Большой, красивый теплоход!

И больше никого –
Царит сегодня русский!
Зашёл на палубу –
На ней шашлык!
Не удивился - к чудесам привык.

21 июля 2004 г. (среда) – День шестой
Возвращение в прошлое, или Исландская машина времени

Помню - сельский клуб набит до отказа,
Ещё и не знал я словечко «фольклор»
Слагали частушки, их пел с упоением...
Детство на Волге – сердцу простор!

Исландская пристань.
Глушь - Исафьордер.
Церквушка, девчушки, орган и баян
Они так стараются,
Рады безмерно
Свалившимся с моря русским гостям.

Я замер, прикован к сиденью!
Иль брежу, иль глюки, иль может в раю!!
В акульей Исландии Волги напевы
Чрез лютеранство пробили стезю.

«Вода на Астрахань течёт,
Течёт на Дон старательно
И нашу лодку донесёт
До Загса обязательно».

Поёт баян в руках девчушки,
Светит довольством её взгляд.
Как будто чует душу русских
Баяна звуки говорят.

В её Исландистый характер
С суровой выдержкой веков
Вдруг входит нежность,
Как фламинго в трактор
С благословения богов!!!

И с новой силой из баяна стон:
«Люблю я парня статного
У Костромы целует он...».

Моя душенка поплыла!
Я оказался «у кадила».
Молитва из меня пошла:
«Рождество твое, Христе-Боже наш!..»
Закономерно - вошел в раж!
Затем из «русского Гаврилы»
Бас: «Вдоль по Питерской» - сорвался...
Концерт Исланорусский,
Следует признать, удался!

И снова вспомнил детство: ручеёк,
Гармошка, танцы на лугу...
Вдруг здесь на пристани - Исландский хоровод!
Потом - такой же у рыбацкого музея.

В резиновых рыбацких сапогах
Нам молодой народ
Исландские забавы щедро сеет.
В узорах свитера, труба, весельем веет.
Открыты лица и сердца.
Средь них уж вскоре наша пара...

Готов и дальше я скитаться,
Чтоб на такое нарываться!

Вновь детство: вешела, бударка,
Темляк, балберка и курень -
Всё это вижу в деревеньке
Вот здесь, за тридевять земель!

У нас белуга – здесь акула,
У нас судак, а здесь треска.

Здесь от мороза сводит скулы -
У нас замучила жара.

Труд рыбака – не фунт изюма
С Фарер, Исландец иль Русак
Живёшь не голодно, но трудно -
В воде, во льдах, в штормах. И всяк
Просолен, продублён -
Со лба до пят, со всех сторон!

Два-три домишка, вешела
Из дёрна крыши... и рыбак.
В какой-то шкуре с рыбьим жиром,
Бударка-шляпка с плоским килем.
Бока акулы и треска.
Все то ж - да все не так!

Балласты вместо якорей
Нехитрый скарб,
Костюм рыбацкий...
Я отхватил кусочек счастья!

Отец в глазах стоит и мать,
Братья кулас весной смолят,
Я с режаком вожусь у лодки.
Вот бочка - полная селёдки,

А в этой, видишь, балыки,
Вобла на подлавке висит,
Залом разделан на плетне,
Сазан играет в полоях
В согретом солнцем меляке.

И невода висят на суше.
Вот щуку колотушкой глушат...

Всё пронеслось в Исландской дали!
Гостеприимно нас встречали -
Акулу с вонью здесь подали,
Деликатесом запаслись:
Годами сушеной трескою.

Ещё курорт нам показали
В долине фьорда: «Под язык».
Черникой местной угостили.
Лесопосадки – самый шик!

Водой, что с гор, нас напоили,
Потом уж с богом отпустили

По городку – «тыщ» пять – гулять
И сувениры покупать!

Исландский флаг из роз явился.
Так с Ислафьордером простился.

В машине времени я был -
Уже на палубе решил...

Корабль взял «курсы» на Гренланд
Суровость гор с кормы видна....
Я снова вспомнил деревушку
С органом милую церквушку.
И жернова, которыми мука из рыбы создается,
И..., как там, в песенке, поётся?
«Покой нам только снится»!

Машине времени не спится.

**22 июля 2004 г. (четверг) – День седьмой
Прелести незаконченности, или Гренландские страдания!**

И снова переход. Борт в океане.
Из свежего воздуха печём пироги здоровья
Кое-где киты фантанами парят, как в бане!
Джек Лондон преподносит мне все прелести безмолвья.

И вдруг безмолвье за бортом!
Его мы режем как ножом!
Скопление мощных льдов,
Голубизна слепит!
При полном штиле
Безмолвье шумно с предыханьем... говорит!

Меня пронзает эхо льдов
Какой-то музыкой веков!
Немного, может, от пришельцев -
Потусторонность в ней сквозит.

А больше всё же высотой искусства:
«Звезда с звездой говорит».
Вот так и айсберг с льдиной местной.
Их говор-шум тайны хранит.
Сейчас, сегодня я уверен - вид безмолвья
Кого угодно покорит.
Десятки айсбергов блистают красотой
Здесь словно подиум «Гренландия – 2004, мисс»

Индивидуальность айсберга -
Вот для меня сюрприз.
В нём в каждом волшебство сокрыто,
Как в Пушкинском, при бабушке, корыте!
То превращается в дворец,
То воплощается в Везувий,
То в Королеву и ларец,
То снова - для мытья посуды.

Июль, дрейфуем среди льдов -
Сюжет блаженства от веков!
Добавить пелену и дымку
При очертании берегов,

Безмолвье гор, глядящих в льдины -
Портрет Гренландии готов.

Ещё бы котиков и эскимосов,
Но это завтра подадут!
И вдруг... не тут-то было,
Эх, не тут!

Льды преградили дальше путь.
Пошёл слушок – хотят вернуть!
А эскимосы нас-то ждут!

На палубу подали водку -
Смотри мол, пей и голову не забивай...
Так два часа «жевали каравай»
Из водки, гор, безмолвия и льдов.
Созрели мы и капитан готов.

Нам оглашает свой вердикт:
«Халас Гренландии»! Поник.

Хвалёная наука! Что, «Вавилов»,
И видит глаз да зуб неймёт!
Гренландия! Какая мука,
Какой-же русский повернёт!
Уж лучше вплавь или по льдинам-
Я всё, что можно, в ход пущу
У эскимоса погощу!
Но это Вам не баобаб!!!

Дыхнул безмолвья раз-другой,
И... мы к Гренландии кормой!

Удрапать русские спешат-
Мы ж не Челюскинцы какие,

А прожигатели монет!
Захочет ль нас спасать весь свет?

Ну, как бы ни было,
Кормою к цели
Мы от красот удрать успели!

И снова слух:
«Что там, в Гренландии, смотреть.
Мы тайну увезли с собой.
Она нас в жизни будет греть!

А эскимосы, да хрен с ними!»
О них все тут же позабыли.

Когда опасность миновала
И льдов в помине уж не стало
Народ опять пошёл роптать,
По эскимосам горевать.

Но, чу, Гренландских нет,
На сколько видно, берегов -
Сиди на палубе, смотри китов!

**23-24 июля 2004 г. (пятница-суббота) – Дни восьмой-девятый.
Назад в Исландию**

Из ледяного плена бегство
Вполне, признаюсь, удалось!
Ни тени в этом нет кокетства:
При палубе полно китов.

А вот и птичьи базары,
Укрыты «облаком в штанах»
«Мистер круиз» – мы с Вовой в паре.
Он – мистер, Я – в его пажах!

И незаметно – мы в столице!
Нет, не китов, то был Хусавик.
А настоящей - для исландцев,
То биш – Рейкьявик!

Сегодня с нами «Юрьев день»-
Он выпал нам за эскимосов.
Раскидывай, как хочешь, «сеть»
В зависимости от запросов.
Поскольку опытный «рыбак»,
Хватило взгляда лишь на карту.

Рейкьявик нам отдался как
Отцу родному или брату.

Сейчас не буду про красоты,
Лишь зарисовки беззаботных.

Венчание, орган – красиво, как всегда,
Кот Ёхансон - забавно было иногда!
Шпиль лютеранский – смотрплощадка.
Под ним звучанье – сердцу сладко.

Грех отпускают в серебре,
А очищенье – в нищете!
Коммуна – двор, шашлык в фольге.
Нам захотелось под лезгинку
Коммуне передать презент.

Тюрьма, где нынче президент,
Кладбище старое – корявые стволы,
Озёра с утками.
Ну, в общем, мы прошли
Неспешно, с прибаутками,
Закончив «юрьев день» в кафе.

В честь Юрия же, брата,
(Сегодня день рождения его)-
Нам рюмку пропустить за брата свято!
Ну, а вторую – за молодёжь.

Пусть будет вам всегда рюкзак пригож.
Пора бай-бай.
В глазах исландский кот,
Что русским предпочтенье отдаёт.

Еще - по улицам скульптура,
В которой чувствуешь культуру.
Твой взгляд цепляется на ней,
А мысль ...все слабей, слабей!

**25-26 июля 2004 г. (воскресенье-понедельник) – Дни десятый-одиннадцатый.
Исландское чудо-2, или Прощальные гастроли**

Уж сколько раз твердили миру,
Что нет чудес, ан всё не впрок,
И для чудес всегда найдётся уголок
На нашем шаре,
Если сердце «шпарит»,

Если готово воспринять!
Тогда и чудеса Вас не заставят ждать!

Сегодня нам даются представленья
Природных, получается, явлений.
Америка-Европа – здесь граница,
Разлом по всей Исландии змеится!

То тут мы руку жмём чрез континенты,
То здесь по мостику при лаве взад-вперёд!
Не жалко мне при этом комплиментов
Разлому расточать, что бог даёт.

Особенно на» Красной площади» Исландии,
Где вече собиралось каждый год,
Где конституцию и независимость им дали,
И где неверных жён карал народ.
Разлом таким предстал и речкой.
Исландец пляшет до сих пор от этой «печки»,
Считая пупом этот край.
Сегодня ж видел ещё рай –
Эдем, оранжерею при теплоте из под Земли!

Запомнил шутку, мол, Исландцы,
Банановые по Европе короли.
Здесь есть три деревца бананов,
А далее – страна шаманов,
Долина гейзеров, то биш- плюющей страны.
Отсюда по земле то слово разнесли.

«Сломался» гейзер самый главный,
Но и что в деле – впечатляют.
Из недр вдруг пузырь короной!
А из короны вылетают

Под ахи публики и взрыв ядра
Две тонны пара, брызг!
Река восторга словно эхо,
А через пять минут всё это
Опять с короной ушло вниз!

Собрав пикник, мы созерцали гейзер.
Не мы одни - здесь «сэр», здесь «плиз».
Забыв на время русский «крейсер»
Мы наслажденью отдались.

Скрещенью недр с землёй и небом...
Долина гейзеров...
Парит, взрывает иногда...

Я это не забуду никогда!

И кратер, что свалился сверху вниз,
И водопад танцующий! Во истину-сюрприз:
Каскад направо, а потом налево,
И дальше - щель пронзил!
Красоты эти бог благословил.

От божьей благодати
Перепало и «нашей полати»!
Настолько, что в заключение, под конец
Мы на себя набросили венец лагуны голубой.
Здесь сконденсированный пар земной
Нас погрузил в свои объятия!

Все там блаженствуют как сёстры, братья,
Я - то встречал лишь в термокаракала!
Тут сутки будь и будет мало.
Блаженство разлилось повсюду.
Тебя, лагуна голубая, тоже не забуду.
В Исландии я словно Дон Жуан-
Влюблён в лагуну, гейзер, в водопад,
В птичий базар, в разломы, скалы-троли!
Помолодел я что ли?

Ну что ж, за это и жена простит-
На новые «измены» сама благословит!

P.S. Кое-какие итоги:
Рейкьявик – славный городок:
Переговоры Рейган-Горбачёв,
Уютен и вполне здоров,
Чист, экопионер,
Гостепреимен. Чем вам не пример?!

Исландия – страна вулканов,
Лавы, водопадов, ледников,
Лосось-фарелевых озёр, речушек,
Зелёно-фиолетовых долин и городков,
С людьми, приросшими к природе!

Гренладния – ледовая страна,
Всемирный холодильник,
Рождает айсберги как кролики крольчат.

Фареры – это собутыльник,
Коммуна - без замков зачат!
И продолжает, как зачали.

В Норвегии лишь Олесун мы повстречали
И в нем красоты встали в ряд!
Сюжеты сказочные все подряд!!

Не зря я лето потерял,
Открыл здесь северный секрет,
Хоть специально не искал.

А в чём секрет?
В единстве с богом,
То есть, с мать-природой!

Тут с ней не забалуешь –
В строгости блюдёт!
Вот и не портится народ!

Еще немного «атмосферы»:
Турист – улыбчивый народ,
Когда его ничто не «жмёт».

Понравился Генпрокурор Скуратов,
Которого когда-то полоскали
За баню с девочками.
Ведь это от него пошло
«Лицо, похожее на...» то-то-то.

Пронесло, наверное, ведь был он
Кандидатом в президенты!
Теперь-с приятною женой,
А может-с претенденткой!
Без гонора и выпендрёжа
Мы пили с ним в критический момент,
Когда всю массу вдруг корёжит,
Но кандидат наш в президенты
Одним из первых поддержал меня,
«Голодным, несколько, коль встанешь со стола,
Тогда и получаешь полный кайф»

И сразу прекращён раздрай!
Кормой махнули леднику -
Прощай, Гренландия, ку-ку!

Старалась наша молодёжь -
Их на мякине уж не проведешь!
Знают, что здесь хорошо,
И чувствуют, что есть плохо!

С молодежью – хорошо,
С стариками – плохо!

Но они в свой коллектив
Приняли нас быстро:
«Вы, пока что ничего,
Шустрые – артисты»

Мол, «за Вами глаз да глаз»!
Ну а мы и рады -
Совершать круиз с детьми
Радость и отрада...

Ставлю точку. Что-то разболтался слишком!
Эй, прощайте, чёртовы кулишки!

Неспешное восхождение к Иисусу Христу. 29.10.2004 г. – 19.11.2004 г.

Король и его Королева 29 октября 2004 г. День первый (пятница)

Висит тревога на челе –
Прибрал родной уж кабинет,
Свидетель слёз стал – мужика
ОБЭП достал, что дальше нет!
Антипов искренне вструхнул,
Бог, видно, огнём дохнул,
Но не спалил, а подкоптил.

О, божий промысел! Твой стиль
Безукоризнен как всегда!
А в Шереметьево – страда,
Шманают вещи – терроризм!

Но перед тем – авантюризм:
По Абрамовичу решаются дела -
Кому, за сколько и когда!
Ну всё, устал от криминала-
Мне срочно в Королевство надо!

Волшебник вдруг взмахнул крылом
И я в Хананском. Да, да – в нём!

Здесь Абдулла – он сын Хусейна.
Его дворцы... но я рассеяно
На это как-то созерцал,
Но бог и здесь: отель подал,

И накормил, и напоил,
Прогулкой даже наградил!

Всё чинно – ведь при Короле!
И понял я – сейчас вот это всё по мне.

Устал я от свободы, что ли?
Жить хочется по королевской воле!
С тем и заснул я в Королевстве
По сути, с чувством, что я в бегстве!

P.S. Жена прочла, что написал
И говорит: «Король действительно подал,
Но всё не то, что пишешь ты,
А самолёт моей мечты!

В нем можно ноги протянуть,
Комфортно, с паранжой, вздремнуть
Не то, что Ту, или Илы.

Подумал: «Господи, прости-
Уж нам Илы теперь не те!».
И улыбнулся я во сне!

Ну почему ж нам русским не мечтать,
Что сможем Иорданию догнать.
Ещё потерпим уличный сортир,
Ну, и обгоним – защитим мундир...

Жена при чтке улыбнулась,
И снова на араба повернулась.
Мол, ныне изучаю быт и нравы.
О, Евы! Из ребра Вы. Боги правы.

Акклиматизация

30-31 октября 2004 г. День второй-третий (суббота-воскресенье)

Любуюсь панорамой на «семи холмах»
С вершины одного, где приютил отель.
Рабат-Аммон, теперь Амман! Он не в садах:
Здесь буйствовал арабский сель,

Нагромоздив бетон с прорехой.
И получилось – никакой потехи!
Нет, не безликий – инкубаторский пейзаж:
Бетон, мечеть, местами – вязь.

Но мы здесь гости: некогда глазеть –
В машину и... имеем честь!
На море Красное - купаться, загорать,
Египту и евреям честь отдать!

Ведь здесь они сошлись на берегу:
Эллад и Табка – продолжение Акабы!
Границы где? Я не пойму!
Особенно в ночи, когда ночные фонари

В едином ярком электрическом потоке!
И нет границ ни в море, ни на суше.
А мы? Мы, намочивши уши,
Пошли в ночи «кругами нарезать»,
И в подсознание всё что видели – пихать!

А было что: от паранжи до «почесона».
Гуляли до ушного звона,
А что б его унять, то созерцать
Конечно, при кальяне лучше. Благодать!

Волшебный аромат, волшебный край
Мозги прочистит, дарит рай
Ну, то есть, бездну наслаждений!
И кажется, что ты не гений,

Но что-то близкое к нему:
Тебя все любят, я люблю!

И так два дня! Закончилась акклиматизация-
У бродяг началась турструация!

Город в скалах – Петра
1 ноября 2004 г. День четвертый (понедельник)

Между Красным и Мёртвым морями
Средь бесчисленных каменистых гор пустыни
Чудо света затесалось!
И не ведал, скажу между нами,
Подарка такого принять от богини-
Розовый город, где все сохранилось, осталось!

Вижу вход, как будто бы в пещеру богомольную.
Ближе, ближе – не пещера: щель, разлом!
Этакая благодать, извилистость природная
Вас таинственно и властно тянет под уклон.

Здесь прохлада и гулкость
Здесь высь! Ну а ты – лилипут.
Бесконечно петляет, красой поражает,
И не кончится, кажется, этот маршрут

Только ты по привычке к бесконечности длин –

На тебя обрушают волшебнейший вид!
Пред тобой разверзаются недра пустыни
И розовой сущностью Пе'тра блеснит!

О, чудо-град! Не смею описать я
И малости твоих красот:
В огромном циркуле в расщельях
Искусство мастеров живёт!

Здесь нет построек – всё долбёжь,
От келий и до храмов, в выси и в подножья!
Лишь глазом, сердцем всё это возьмёшь-
Не разумом: он слаб и немощен в безбожья.
Театр в скале – почти что Колизей,
И монастырь – в подласточковой выси.
И вид с него – на ту, где Моисей
Водил народ, чтоб, уморив, возвысить!

Мы пять часов, как в обмороке возжались,
То в скалы ишаком, то в них же – на осле!
И чудно чудеса перемежались
От сердца – в душу, от уха – к голове!

Из головы достал я, что Пе'тра-град-
Набайского ханства столица.
Побита Трояном, тем - римским была.
Спалил, эта сволочь, такую жар-птицу
И дальше – пустыни она отдана.

Была завалена песком.
Нашли – когда напал Наполеон
На русскую отраду!
И как Троян – попался он
В Кутузову «ограду».

Я видел в скалах кое-что:
У финнов – церковь, Чуфут-кале в Крыму,
Но это чудо из чудес в колоду положу
Совсем другую. Быть может – к пирамидам,
Быть может, поживём -
Колоду Пе'тре мы еще достойнее найдём!

P.S. Всё чудеса, да чудеса - о них толкую!
Меж тем жена от страха
Чуть богу душу не дала,
Когда осёл тащил ее к монастырю,
Всерьез над пропастью виляя.
«Осла как талисман теперь ношу»
Мне до сих пор она твердит. Живая!

О, чудная, скальная Пе́тра,
Зачала ты от того же ветра,
Который Марии надул.
Это я только - только смекнул!

Акаба

2-5 ноября 2004 г. День пятый-восьмой (вторник-пятница)

Ой, алла..., алла..., алла-
Время от времени звенит в воздухе.
Время молитвы - Рамадан!
Внешне не видно, чтобы это
Кому-то мешало жить. Шайтан

Здесь видно слаб: дети смеются, играют;
Женщины – кто в чадре,
А кто курит кальян!
Говорят, в Рамадан
Магазины после обеда закрыты,
Но в Сити Сук – до 12 ночи шалман!

Акаба – единственный городок на Красном море у Иорданцев.
27 км от Израиля до Саудовской Аравии.
Конечно, здесь много иностранцев,
Но колорит за местными – ходят оравами!

Вот идёт впереди пузан – в меня! Не редко, однако, плюгавый.
Позади две-три жены – в чёрных, как правило, платьях –
Мешках тонкой выделки.
Вокруг снуют дети: приехали на прогулку к морю на джипе!
А эти нет, к скамьям поодаль прилипли.
Ждут, пока Он арака выпьет, шишу выкурит,
А после этого, глядишь и выгулит!

Покупательницы, как правило, женщины.
Продавцы – мужчины.
Малышей мужчины часто носят на руках сами.
Семейных конфликтов не наблюдалось ни днём, ни ночами.

Может, Магомет, и прав-
В самой молодой религии
Принял во внимание только Адама нрав.

Песчаные пляжи в городе,
Кораллы – немного поодаль,
Да в Египте, у Фараоновых островов,
Где разрушенная крепость почтовиков.

Коралл победнее, чем в Шарм-Эль-Шейхе,
Но для Иордании – это вежи!
Поэтому мы с удовольствием резвились,
И закалились, и подпалились,
Но не сгорели: опытные, много турсоли съели!

Редисон-пляж стал родным,
Хоть далеко не всегда мы с ним.
Манят утренние встречи с барракудой,
По впечатленью - как с Иудой!
И пятнистую мурену нам не забыть -
Будем долго мы с женой в душе носить
Почти что трёхметровую змею:
Сей образ никому не подарю!

Где только не скитался я,
Но только здесь пятнистая змея!
Комфорт погоды, моря штиль,
Прекрасный аромат кальяна, кофе-
Вот общий в Акабе образ жизни нашей, стиль!

Прибавьте ритм ударных по-арабски
И мусульманскую экзотику одежд!
И нет надежд, что где-то лучше есть -
Нам распрекрасно! Акаба – вам честь!.

Зарисовки из жизни туриста

6-7 ноября 2004 г. День девятый-десятый (суббота-воскресенье)

Комфортный ветерок вдувает в Вас прохладу,
Прозрачная вода Вам дарит донный мир,
Полуденный прижар, а ты в отель – усладе!
Плюс - волшебство заката. Ну, чем не ангел посетил!

Орехи в каждой здесь «затычке»:
В салате, в первом и втором,
В восточных сладостях и к пиву,
И вместо семечек – во всём!

По пятницам король гуляет...
Тут в небе шоу – ё-моё!
Что местный лётчик вытворяет!
Зауважал их ремесло!

Ведь он стрелою ввысь и... бац
Тармашкой в море,
И боком, и торчком, и задом наперёд,
И машет всем крылом из аэропростора.
Ему улыбки шлёт восторженный народ.

Теперь «Жуковский» я не пропущу -
Такое чудо видеть дома я хочу!

Полвека уж прошло – не квасил молоко.
А здесь оно как в детстве,
Как «доктор прописала».
Я кислым пропитал, наполнил свои чресла
Жена смотреть не может – так кислое её достало!

Элат с Акабой слился.
Нас манит Израиль
Мы были при границе,
Но дальше – Иуда не пустил.

Он час держал на солнце,
Паспорт до дыр протёр,
Под зад нам дал коленом,
То есть, назад попер!

Будоражит кальяна духман.
Многоженство и дети вокруг.
Для жены я вдруг стал талисман –
Здесь араба признали во мне!
Я - Апа или как там ещё?
Пусть арабский не знаю я,
Все равно среди них хорошо!
Ведь араба признали во мне!

---

7 ноября

Страна Советов – Вам спасибо,
За всё высокое, где я витал, любил!
С собой ношу всё время чувство –
Как хорошо, что в юности
С мечтами коммунизма жил!

Безбрежное море влечёт непрерывно
И магия книжного мира манит.
Их сочетанье рождает блаженство
Мелькает мыслишка:
«А может смысл жизни на том и стоит?»

На голове, в руках – мешки.
Садится отдохнуть на тротуар,
Не сбрасывая те вершки.
Чуть посидела - дальше поплыла. Оревуар!

Пустыней прожаренный,
К верблюду припаянный,
Чалма, балахон, пяткам нужен напильник.
А он, словно с богом, вещает в мобильник!

Курортный город, людно на Суку.
Спокойным можешь быть за жизнь, за кошелёк!
Но только чуть расслабился -
Так и попал в дерьмо:
Верблюды и ослы, как видно, знают в этом толк.

Хаммамат Маны, Хаммамат Маны
Под разбитой струёй водопада
Я вкушаю твой жар не один.
Разомлевшая входит услада
И в пещере твоей на пару
Всё измазал, что надо - не надо!
Так стряхнул я стрессовую мглу,
И заполнен теперь лишь усладой!

Вновь спиралью дорога, серпантин -
Не даёт жизнь, как прежде, пощады.
Хаммамат Маны, Хаммамат Маны
Я твой спрятал кусочек услады

Аквариумы бывают разные:
Бывают в комнате своей,

Бывают Барселонные.
А вот в Акабе, ей же ей,
Аквариумы особенные!

Один в бетонном саркофаге:
С десяток ванн, немного рыб!
Такой аквариум в Акабе
Имеет бедуинский вид!

Другой - в Рэд Си у Рэдиссон,
Где в наших утренних заплывах
Я терял покой и сон
От барракуды, черепахи,
От Чикен Мен, до косяков,
Святящихся в воде, творцов
Такой манящей красоты!
Всё забываешь – кто, где ты!?

С женой как на работу по - утру
Мы обплывали наше стадо
И грусть свою при расставаньи
Скрыть я не смогу!

А может и не надо?!

Я думал: модны нуде, топless на морях.
Нет! В платье и в пальто! В штанах! В ботинках!
Жена не может глазки оторвать!
А вы – нудизм. Там нечего искать!

Заметки путешественника
08-19 ноября 2004 г. День одиннадцатый-двадцать второй

Заметка 1. Краткое содержание ветхого завета

Как пошла письменность, так и возникли люди, желающие писать. Одного без другого невозможно себе представить. Это как яйцо и курица.

Первые книги Иова, Авраама – мемуары, с попыткой осмысления и объяснения сути происходящих с ними и вокруг них событий. А значит - без бога не обойдешься.

Райские сады, в которых грешили Адам и Ева – близнецы-братья из долины реки Иордан.

Ветхозаветные проблемы мало отличаются от наших, если их излагать одним языком.

Поругались между собой две жены (читай – женщины) Авраама и он вынужден одну из них (Адиль с сыном Измаилом) отселить отдельно. Но помогал, присматривал, конечно.

По этой ветви Араама и пошли арабские кланы, образовался арабский народ, страны, мусульманство.

Другая жена, которая и затеяла ссору – Сара с сыном Исааком, остались при Аврааме и по этой

ветви пошёл народ Израилев.

Ну и бабы же были у Авраама, если из-за ссоры, произошедшей 5 тысяч лет назад, до сих пор арабы с евреями воюют! Можно представить, какая у него жизнь была. Мученик! Вот почему его почитают и арабы, и евреи!

При этом, еврейская женщина (Сара – победившая в соре) - в почёте. Даже детей определяют по матери. Арабская же женщина – в загоне, в чадре и к детям не имеет никакого отношения. Завет-то ветхий, а иллюстрации – сегодняшние!

Ещё одна биография – история Моисея. Правда, он был косноязычен, за него ораторствовал его брат – Аарон.

Его охватила великая, но поэтому страшная идея: слишком хорошо устроились евреи – в долине Нила. Легко живётся! А значит, обязательно приведёт к гибели нации. Надо спасти нацию!

Увлёк идеей райской (Иорданской) жизни. Повёл от Нила к Иордану, через вот эту каменистую пустыню, где 40 лет отвоёвывал землю, укреплял воинство, пробиваясь к Иордану. Пробился, дошёл до горы Небо, откуда великолепный вид на Иордан, Иерихон, Иерусалим. Передал бразды правления Иисусу Навинну и умер. И все же бог к нему исключительно хорошо относился, допустил взглянуть на Землю обетованную и забрал к себе, т.е. наказал за то, что в Петре источник «раскрыл» не словом, а посохом. Ослушался бога - так нет тебе, товарищ Моисей, жизни в земле обетованной. Знай наших! Бей своих, чтобы все боялись!

Всё это было за тысячу лет до нашей эры. Тогда же в долине Иордана свою праведную жизнь вел некто - Илья, которого бог до такой степени любил, что единственного забрал к себе живым на небо. Это тот самый Илья пророк, который «час уволок».

Свидетелем этого вознесения на колеснице с горы был ученик Илии – Елисей, которого Илья увёл от сохи и который совершил все те чудеса, которые через тысячу лет приписали Иисусу Христу! Плагиат и тогда считался самым эффективным научным приёмом!

Многое из описанного происходило здесь, подробное описание библейских мест событий подтверждено археологическими раскопками, и мы всё это видели своими глазами.

Безбрежная пустыня.

Великий Моисей здесь нацию спасал. В Содоме и Гоморре сынов Лот выкупал. Племянник он Авраама: пропали города, что жил народ легко и весело тогда! Непослушанью жён здесь памятник стоит. Столб соляной об этом говорит. Здесь Ной и Соломон – да всех не перечесть, Ильи гора стоит, а Моисей – парит. Толь небо, толь гора. Всё за тобой - пустыня. Перед тобой – обетованная земля. Иерусалим в какой-то дымке синей. И исцелитель на горе. В лице подгнившего чуть змея. С него распяты на кресте. С него и с Елисея!

Заметка 2. Повесть о том, как рождаются великие произведения

Многие христианские святые, во всяком случае, святые православной церкви – это люди не от мира сего. Среди них немало юродивых, сумасшедших, мазохистов и т.п. Это сильный ход «помазанников божьих» – чем дальше от нормальностей, тем легче «прилепить» к богу. Таковы, например, преподобный Нил (Нилова пустынь), множество колченогих Матрён и т.д. и т.п. Таковым был и Иоанн Предтеча – Иоанн Креститель.

Если в 21 веке влияние «Матрён» столь велико, что его можно видеть на многих кладбищах, во многих поездках по Руси – при каждом монастыре, то можно себе представить, каково оно было две тысячи лет назад!

Слух об Иоанне Крестителе, жившем в шкурах в пещере у источника в долине реки Иордан у подножия горы Ильи Пророка, и предвещавшем кару божью (наши юродивые за 2 тысячи лет ничего другого не придумали, и твердят то же самое!), безусловно, имел широкое распространение, вызывал у многих, в том числе, и у сильных мира сего, мистическую дрожь. Так что жена Ирода Великого нашла момент выпросить у своего мужа исполнения любого желания. И желанием этим было отрубить голову

отшельнику, что он и сделал (эта голова до сих пор валяется в музее в Дамаске). Ну, а поскольку пролилась кровь, да не какая-нибудь, а юродивого, то, конечно, «укрепилась надёжно слава». Ну, а дальше всего один шаг для писателя – и история сына божьего готова: взяты ветхозаветные чудеса, пророчество Иоанна Крестителя, положено всё на ситуацию того времени, взаимоотношений Римлян с Иудеями, сделан шаг вперёд по сравнению с ветхим заветом (не так трудно было – ведь прошло от Моисея тысячу лет!). И этот шаг состоял в том, что «ребята, давайте жить дружно» – не убий, не прелюбодействуй, не обжирайся. И чтобы доходчивей, надёжней было – всё это вложено в уста не кого-нибудь, а бога, который сам снизошёл к нам в лице бога-сына, бога-духа и триединство, и воскресение, и прочая, прочая со многими, как положено, непонятностями.

Безусловно, простая и гениальная идея по сути, и безупречная по форме преподнесения и проповедования в массы: сказка ложь, да в ней намёк – добру молодцу урок.

Кто истинный автор этой идеи – Лука, Матфей или кто-то другой – заказчик этой работы, нам не узнать, но то, что они создавали художественное произведение, действие которого развивалось в этих местах – безусловно, научно доказано.

Даже место крещения, описанное в Евангелии, найдено точно. Правда, совсем недавно – в 1996 году. В соответствии с библейским сюжетом, в 30 лет здесь, на этом месте, где я сейчас мочу ноги, юродивый окрестил Иисуса Христа и объявил ему, что он сын божий. До этого Иисус «ни ухом, ни рылом» не знал об этом. Знала только Мария, когда ей «надуло»!

Новоиспечённый бог три года ходил по окрестным крупным и мелким городам и сёлам, творил чудеса (те же самые, что тысячу лет назад творил Елисей!). В главных городах этого «десятиградья» мы побывали. Здесь и Пелла, Ум Каис, Джераш, Филадельфия (Амман). Каждый из них хранит атрибуты того времени в виде римских амфитеатров, уличных и храмовых колонн, античных бань и ипподромов, просто городских улиц и жилищ. Именно по ним и ходил главный герой нашего художественного произведения – Иисус Христос. Через три года, согласно сюжету, он пошёл неподделёку на западный берег Иордана, в видимый ночью в огнях Иерусалим, и там и устроил тайную вечерю с Понтипилатовским судом, с проносом креста на Голгофу, с распятием и воскресением.

Вот в каких местах бог помог нам побывать, посмотреть своими глазами на место действия героев самого выдающегося художественного произведения всех времён и народов.

Тут, рядом с мёртвым морем,
Куда впадает Иордан
Есть место, где, с веками споря,
Всё матеруют корни христиан!

Среди чахоточных колючек
На джипе в зарослях ирги
Здесь раскопали много «штучек»,
Что о Предтече говорит.

Пещера вот, а вот источник,
А вот - тропиночка к реке.
Купель стоит и храм Крещения,
Илья Пророк не вдалеке.

Ну, что особенного, в общем:
Как лужа мутный Иордан,
(хоть рыбу видел я в нём сам!),

Лес из ирги - непроходимый

(нечистой силой лишь манимый!),
И всё ж святость излучает!
Я чуял сам. Душа витает!

Заметка 3. Величие Римской империи

А, в общем, странного-то ничего и нет,
Что здесь в долине Иордан
Засел всесильный Римский клан.
Всегда тепло и плодородная земля.
Зная за что, без всякого пижонства,
Отгачивал свой меч
Товарищ Александр Македонский.

И размещались навека!
Каких красот здесь города когда-то были!
Сегодняшний бетон - как наш Кашей пред их Рахилью.
Вот Пелла у подножья, среди гор
Внеземной красоты!
Как бросил я свой взор
Увидел город, что до нашей эры
Здесь, в Приордании, царил.
Меня действительно тот вид так восхитил,
Что будто воспарил я над веками...

А рядом арабченок – руку вниз «тульёю»,
Отара меж античной красоты...
На землю опустился я – судите сами
Куда несёт нас перст судьбы.

Неподалёку, может час езды,
Раскинулся роскошный Ум Каис
Он сам шедевр! Не столько верхний город,
Сколько низ.

С подножья – дальше, дальше, дальше
На сколь хватает сверху взор
Колонны и дворцы в долине
Иордан весь заняли простор.

А дальше – море Галилея,
Сегодня это Изра'иль
А справа величаявая пустыня.
Там Сирия, Дамаск.
Всё это былль.

Три государства в этой точке...
Достоин кисти и пера
Вид с цитадели Ум Каис!

Здесь дух поэзии повис
Ещё в античные века,
Ведь Нью-Афинами те нарекли места!

Джераш – ещё один форпост
Италии в Земле обетованной.
Он сохранился почти весь
И потому – для всех желанный.

Гуляя по Джерашу – слышишь стук копыт:
По ипподрому колесница мчит.
На рынках оживление царит,
А в храмах, да: «звезда с звездой говорит»!

В театрах – лязг мечей,
Патриции здесь всюду.
А где ж плебей?
С трудом нашёл для них места.

Так почему ж – прошли века,
А мы отстали в красоте.
Уж видно, македонские не те:
Умеют лучше разрушать,
Чем строить благодать.

Закончил к Римлянам поход в Аммане.
Театр Римский как в «кармане»:
Реальный, вырублен в скале.
Я тихо выдохнул: «Люблю!»,
А он разнёс на всё страну.

Заметка 4. Крестоносцы

Империи рассыпаются от хорошей жизни. Кинули в лету некогда мощные не только Советский Союз, но и Римские, Греческие, Османские. Да и желающих создавать «свежие» легенды с веками не убавляется: Кашпировские, летающие тарелки, Магомет: новое выдающееся произведение – Коран – новая религия.

Простейший способ пропаганды своего произведения – гонение на другие. Христиане в этих местах попали в немилость. Но успели укрепиться в Европе. Американцы - по шее Хусейну за то, что на них рот открыл. Папа арабам тоже накостылял: крестоносцы здесь порубали всё и всех, настроили замков в пустыне, на горах. Пограбили, понасиловали – развратились.

Нашелся на них один – Сала Хитдин!
Он их замки разграбил, развалил.
Руины и сейчас по Иордании лежат,
Но есть ещё и те, за что цепляет взгляд.

Мудир у них – Карак -
Почти что цел. Шпаклюют кое-как.
Я лучше видел лишь у финнов:
Колодец, гильотина, пекарь, прачка – всё чин-чином.

И здесь всё тот ж топорный стиль.
И лишь впоследствии Мамлюк услуду приютил:

Пристроил при подвале зал,
Где и наложниц принимал,
Где танцем, пеньем услаждал
И где, конечно, пировал!
Сейчас при замке городок
Нам показал, что он Восток!

Чуть в город, было, мы с женой -
Нас окружили, пальцем тычут.
Жену готовы разобрать,
И по частям себе забрать.

Мы шустренько ретировались.
Нам только камни вслед достались,
Но это, право, пустяки,
Спасибо, господи, прости...
Не допустил, чтоб надругались...
Откуда б взялись крестоносцы,
Что б защитить нас как тогда,
В давно прошедшие века?

Ещё в глазах стоит Шобак -
Он шапкой на горе. Мы так и сяк,
На стены и в подвалы,
В колодцы и каналы!

Всё для сражений – не для утех
Наш Римский папа не из тех,

Кто на глазах имел наложниц.
Мы – втихаря, молчком для модниц!
Всё больше – с чёрного крыльца,
Но всё ж в пуху у пап рыльца!

За нашу веру вроде б воевали,
Но крестоносцы ближе нам не стали,
Когда их замки посещали.

Нельзя! А как же быть?

Заметка 5. Цитадель Христианства

Город Мадаба, так получилось,
Вместил истоки христианства!
Доныне сие сохранилось
Здесь в Мадабе, средь мусульманства!

В центре – большой костёл Георгия святого.
Здесь карта – знаменитей нет!
Ей около двух тысяч лет:

Мозаикой отделан пол
О всей земле обетованной.
Меня пленил духовный «стол» -
Пред ней стоял я покаянный!

Ничтожность, тщету ощутил,
Себя крестом вдруг осенил!!!
А до того – не поднималась та рука
Для осенения креста!

Быть может чудотворная икона,
Что притаилась в том пристрое,
Меня заставила в поклоне
Сей крест ко лбу пристроить?

Ей-то такие чудеса
Подвластны, думаю, шутя!

Костёл Апостолов, что где-то рядом
Нам тоже фрески подарил.
По ним – двести тысяч летним -
Я даже в обуви ходил!

И думал – не жалели на культуру!
Не то, что в 21-м веке мы.
Отсюда, с Мадабы по миру
Костелы, храмы и пошли!

Конечно, не случайно это.
Ведь рядом – мощи Моисея!
И исцелитель – медный змей,
И Иордан, Иоанн Предтеча...
Сосредоточие страстей!

И до Синая ведь рукой подать,
Где церковь Екатерины.
Бесспорно, Божья благодать
Витала здесь, в этих краях!!.

Сейчас остался её прах!?

Заметка 6. Мёртвое море – Дэд Си

Мечта безногих и горбатых
Сейчас лежит у ног моих.
Точнее, пробкой в нём болтаюсь
И от блаженства я затих.

Смотрю на солнце, небеса,
На обступившую пустыню,
Где не песок: король - гора,
А рядом – высшие святыни.

К безногому нога не приростёт,
Горбат - не станет Апполоном!
Душа ж спокойствие найдёт
На этом мёртвом полигоне!

Так думал я, в грязи ворочась,
Средь русских душ – других здесь нет,
А море то же, лишь волн не очень,
И нужно знать простой секрет:

Болтаться лучше пробкой-попой,
А руки – в вёсла превратив,
И все, освоив этот способ,
Балдеют! Господи прости!

Проехал по морю от края и до края,
От Солепромыслов до Иордана.
Вода, соль, крема кожу ласкают,
Все сказки в быль как будто превращают!

Проблемы те же, как везде –
Артроз, инфаркты и те. де.
И всё ж – не дам я эту сказку загубить -
Отсюда молодым уехал дальше жить.

Заметка 7. Вадн Рум

Так называется пустыни уголок-
Сюда нас бес сегодня уволок.
Один араб нам предложил в пути
К его дружку за кемел-молоком пойти.

Попробуйте, посмотрите пустыню...

И вот уже на джипе едем
Среди природной красоты,
Среди ослов, камней, среди... мечты!

Вязь гор и многоцветие песка-
Вот Вади Рума красота.

Величие пустыни ищем среди гор
И здесь находим отдых и... комфорт!
Так было хорошо на пустынном ветру,
Что в море больше не хочу.

Познали бедуинский быт,
Где вкусный кемел-дриньк,
С полей - арома от жасмина...
Жена признались – было мило!

Был миг - забылись! Не было труда
Оставить нас без кошелька!
Жена держалась молодцом,
Совсем забыв про подлецов!

С тобой нигде, мол, не боюсь-
И этим я, считай, горжусь!

P.S. Прочёл сей опус при жене:
Добавь, сказала, кое - что,
Когда заката час пришёл.
Я вспомнил: вдруг появилось то,
Что прятал, а потом нашел

Аллах, наверно, под чадрой-
Пустыня стала розовой!
Вся, вся - до моего ногтя!
Теперь, наверно, повесть вся!

Заметка 8. Необычное 75-летие

Сегодня 75 лет моей сестре.
Шесть лет как нет её на свете,
А образ светится всё ярче, всё сильней!

Оставив дом, как и обычно, на защелке,
Поехали встречать с отцом их на рессорке.
Она с грудным приехала – сынишка!
«Я дядя! В пять, с не многим, лет!» - пришла мыслишка.

В отечество билет, не просто ей достался.

Она соскучилась, и здесь народ заждался!

Были толки, что, мол, в донских краях,
Куда случайно занесло распределение,
Не гоже быть в любовных кутерьмах.

Но есть ведь божье провиденье!
Вся жизнь прошла при казаках,
На вольном Доне и в нелёгком счастье!
Мы были на Дону в гуляньях и не раз!
Последний раз я был в её ненастье:
Сгорела на больничной койке.
Застал прощальный вздох.
А так - всегда улыбка, голос звонкий,
Любовь к родителям! Несла достойно свой посох!

Хоть и скучала по Волжанам,
Но с мужем прожила, хоть был с изъяном.
Но с головой, в авторитете...
Так судьбы складываются здесь, на этом свете!

Я про сестру писать без усталости могу-
Её любил всегда и сейчас люблю.
Вот здесь в святых местах в твои, сестра, 75
Ты молода и веселая опять!

Спасибо, что любила меня, и я любил!
За это бокал от души осушил!

Эпилог

Пора прощаться с Иорданью.
Да, вроде всё уж рассказал.
За кадром лишь остались люди,
Что с уваженьем все три недели наблюдал.

Особенно, за Рамаданом,
Когда на праздники три дня
Заполнилась при Рэдиссон земля.

Здесь семьи – на двоих и на пятнадцать,
От месячного и до сотни лет.
Мы жили на подъёме, будто на вершине счастья,
Купаясь в ауре их удовольствий, и их бед!

Их будней, праздников, проблем,
Что как бы и срослись совсем,
Зауважали сей народ.

Он по тропе любви идёт,

И ласки к детям.

А это - лучшее на свете!

Запомнились ночёвки на Дэд Си и в Ирбид –
Замилионный, грязный городище:
Бутылки пива в Рамадан здесь нет,
А в книге Гиннеса о нем про.....-интернет!!!
Что говорить – экзожилище!

Ещё о родине

Вот венгр, словак –
Прекрасно говорят по-русски-
У них хреново тоже!
А вот, глаз узкий,
Тайланд – про Петербург
Нас одой одарил,
И дальше в Пелу покатыл!
Еще по-русски Палестина
Романс нам «спела» про Москву.

Вот русских жён полна «корзина»!
Все говорят: «Домой хочу!».

А Таня из Узбекистана,
Про Короля, мол, ни гу-гу.
Воронеж, Тверь, араб в Акабе
Все у нас учились:
«Назад, в Россию я хочу!».

А вот друзья среди арабов,
А вот... нет, нет, кончать пора
Сюда я больше не приеду,
Хоть полюбил эти места

Спасибо, Иордан, за приют,
За море, солнце в совершенстве.
Но знаешь, нас ведь дома ждут,
А это - высшее блаженство!

Белая Русь. 6-7 марта 2005 г.

Литвины — так назывались на этой земле
«Людины Белоруссии».

Мол, не Литовское, а Литвинское -
Пытались вбить мне, людину из России!

В короткий срок я не привык
В знакомой мове слышать рык.

Я мало видел что -
Лишь Брест, да, мельком, Конотоп.
Поэтому сюда сегодня
Нас шишига приволок.

У Речи Посполитой клоч земли,
Перед войной у Польши наши замели.
Это - угодя Радзивилов -
Богатый сумасшедший род.
Сиротка — он зачал все эти виллы,
Что замками сейчас зовёт народ.

Центральное место занял Несвеж!
Мол, не болотистый, не холм,
А что-то вроде так, да сяк.
Осмотр и приговор: «Да, это нечто!»
Сиротка-Радзивиль был не дурак!

Во-первых, остров с дамбами, как пустынь Нила!
А рядом - живописный парк с собакою,
Русалкой, чёрной дамой, но... не стыла жила.
Скорей, улыбкой осветила.

Да и народ гудел,
Блинами многих с ног сшибало -
Наверно, замок зашатало.

А во-вторых — хоромы для медведей, лошадей.
Чудачество — подать зиму на лето.
Сюда слеталось множество гостей,
Чтобы вкусить, не пропустить всё это.

На масленицу, как видел, и сейчас идут.
Смешение времён. Какие взлёты-беды всех нас ждут?

Прекрасный католический собор,
Что уцелел всем счётам вопреки.
Всё ксёндз. Его авторитет, напор
Благое пламя из искры просекли.

Нарядность росписи и колорит Несвежа -
Не оценить его не сможет и невежа.
А склепы в подполе хранят дух Радзивилов,
И придают, ей-богу, силы.

И помню ратушу —
Тут Несвиж прошлый весь.
А людям современным нечего ведь есть!
Ау, работа?! Нет её -
Несвижеское вышло полотно.

Неподалёку город Мир.
Когда-то, говорят, здесь жил эмир.
Со временем кой-что упало и пропало -
Так в мире оказался Мир.
Юнеско Мирский замок приютило,
Округа, говорят, теперь зажила:
Он строит рвы, мосты и ждёт туриста.
Когда-то кирпичи с него тягали,
Теперь и пушку-то назад отдали!

А, впрочем, и действительно, всё чисто -
Двор, башни и бойницы.
Жив замок! Можно и напиться.
Стоит, как в Польше, как в кино.
Здесь Радзивилово гнездо!

Застрял я что-то в Радзивилах,
А было и другое мило:
И звон фольклорных голосов,
Вечерний Минск среди снегов,
И кафедральные соборы,
И Лукашенковские шпоры:

Построить, мол, к такому дню!
С пристрастием здесь все ко льду
И к горным лыжам! Три курорта
Я по дороге повстречал.
Подъемник лыжников качал,
Пока катили мы в Катынь.

Теперь немного поостынь!
Катынь — погост сгоревших деревень.
Среди лесов - фашистов тень.
Мрак войнам всем на всей земле.
И понимаешь в тишине
Катыни с колокольным звоном:
Пусть это тыщу раз знакомо,
Но всё же надо проклинать

Войну, насилие. И никакая мать
Вам не простит своё дитя.
Надеюсь лишь на это я.
Убийца — тоже чей-то сын -
Навеяла сие Катынь.

Минск сеет кое-что другое.
Мне видится — во внешней благодати,
Но стонет изнутри, родное.
Народ, нуждой и послушанием закатый,

Минск, с кем же быть красе твоей?!
Хмару эту сам развей!
Ну, а мы на поезд, нам домой.
Я в мыслях, Беларусь, с тобой.
Понравился, скажу, мне каравай,
Но чей же бог спасёт сей край?
Католиков и праославных?
Они живут здесь в мире, славно.

Архангел Михаил бьёт зло
В костёле красном,
Что в честь детей возвёл отец.
Он на юру в форме прекрасной,
Международный сей венец.

Ещё других я видел много,
И православие вполне
Здесь процветает понемногу,
Во вселюдынной суете.

Проспект Скорины - Гитлер Штрассе,
И Сталина, и Ленина он был.
Обелорусенный Крещатик -
Его я так в себе забил.
Скажу - прощай через источник,
Что из-под храма вытекал.

Логайск — домашнее местечко,
Везде и всем сего желал.
На фоне сказочной природы
Детей и взрослых слышен смех.
Путь человечества — для всех.

Себе идиллию рисую
Такой иль близкой, что в Лагойске -
По-русски, англицки, по-польски.

За Одессу и ... Царь-град. 15.04.2005 г. – 6.05.2005 г.

За Одессу

Что Вам рассказать за ту Одессу?

Я ее впервые повидал.

Поимел я к ней все интересы,
О которых пел, мечтал, читал.

Приняла меня как мать родную,

Поместила к морю, на балкон.

Я морские ванны принимаю
Утром и с вином. О, сладкий сон!

А жена ушла в тепло и негу:

«Мерзни здесь один», - ее наказ.

Так остался жить я на балконе,
Греть себя вином и ласки ждать, хот раз!

Мой балкон – в Аркадии с «магнольєю»,
«Райский уголок» – дословный перевод.

Помню с ностальгической болью:

Мать, отец, Русланова поет.

Астрахань. Резной дворец Аркадия

В городском саду. Все – в первый раз.

Может, три, а, может, пять лет – и не помню я,

Но «Аркадия» с тех пор - не в бровь, а в глаз.

Райский уголок души. И здесь, в Одессе,

Где бульвар французский «весь в цвету»,

Мы с женой, как тот жених с невестой,

Созерцаем раннюю весну

В Аркадии – курортной полосе.

Такая набережная – ночами сниться,

И никакая Ницца с де Англез

С такою фитополосой не может и сравниться.

Здесь ширь Руси, ее же грязи,

Украины милой кривь и кось.

Дворовые собаки, словно князи,

И кое – как сколоченная гроздь

Пивнушек, забегаловок и пляжей

С песочком, впрочем, что Вам город Канн.

Серьезный бизнес скоро слово скажет –

Кой-где заметен уж его карман.

Пройдем к цивилизации у моря:

Приморский называется бульвар.
Глава здесь Дюк – отец Одессы, что ли,
А мать–сама она, как в Туле – самовар.

Дюк Ришелье – потомок Д'Артаньяна –
Лет за пятнадцать сцапал все, что есть.
Века не обнаружили изъяна –
За это от Одессы он имеет честь.

Глядит на море, перед ним – шедевр
Ковром стекает из-под ног и вниз:
Потемкинская лестница, свершив маневр,
Уперлась в порт без «аусвайс» и виз.

По ней шагает целый мир,
От янки до грузина,
И каждый помнит, что кумир
Здесь Эйзенштейн, его картина.

Ступеней двести пронеслись
Как миг один, толпой, как в пляске:
Не броненосец и не Шмидт
В глазах, а детская коляска.

Здесь не был лишь Ильич – все недосуг.
«Одесский вестник» стал, как бы постелью
Для тех, кому все на земле и брат, и друг.
То сделал Паустовский, поставив своей целью!

А рядом с ним дворец «полунежуды» – Воронцовский,
Массивен и невзрачен – не из тех, что доминант в Алушке.
Отсюда Пушкин саранчу считал бойцовски -
Шерше ля фам – то правда, а не утка!

Не могут помирить их и века –
Они и здесь на разных сторонах бульвара.
В другом конце, измученный слегка
Поэт близ Думы с пушкой. Так существует эта пара!

Бульвар Приморский – Одесский бриллиант,
И порт, и море – словно на ладони.
Вон, через бухту, будто эмигрант,
Район Котовского, как лысина в мозолях.

Налево – ПерЕсыпь, лиман надежно отделяет,
Целебность Куяльной грязи сохраняет.

Она за Шуховой горой,
Что сфинксом засмотрелась в море.

А справа – там наш дом родной,
Район Аркадия – приволье.

Весь центр тянется к Приморскому бульвару:
От Гоголя, где «старый уголок Одессы»,
До Пушкина, что с «апельсином» - сварой.
Пространство, обласканое прессой:

И Дерибасовская с Ришельевской,
И Ланжероновская ... – да с чем «хош»
У всех хватает оснований веских
Считать, что Вы, Одесса, внутренне хорош.

Не жизнью развалившихся балконов,
Не гробом тротуаров и дворов,
Не Молдованкой нищей и убогой,
И не обилием завшивленных бомжов.

В Вас музыка звучит, Одесса,
И чувствую художественный вкус.
Вас, правда, душит эта «поэтесса»,
Что померанцевой, оранжевой зовут.

Достала даже и Одессу:
На брата – брат, на кума – кум.
Коль «синий» – могут и повесить...
Идет–гудет безумный политшум.

В театрах чувствуем – достала,
В музейных залах – как же быть?
А в разговорах: «Убежала б,
Да при семье – куда уплыть?»

Но мы – свободные ребята,
Нам дворик юморной подай,
Где Антилопа Гну с Остапом,
Где Рабинович, где пьет чай

Сегодня Шелли с мужиками,
Жванецкий и его портфель,
Екатерина с мудрецами
Украинский зубрит теперь,

И «пилит» Сашка-музыкант
Купринскую, как чудо, скрипку.

В Одессе юмор – не талант,
А воздух, хлеб – здесь все улыбка.

Я здесь за два дня оживел
Под градом процедур и впечатлений.
Спасибо, де Рибас, что не жалел
Ты живота, что был, как Бендер:
Авантюрист, удачлив, взяв Одессу.
За это здесь стоишь с лопатой.
Ильич с бревном, а ты – при этом,
Свой у бандюжников. Ну, хватит.

Пора, я думаю, не в общем про Одессу,
А как я жил, что «на весах завесил».
Вот некоторые зарисовки
Из нашей, так сказать, тусовки.

Санаторий Магнолия

Да, есть и магнолия, нам расцвела.
Всюду весна через край.
Море под боком, бутылка вина,
Солнце ласкает... Да, рай!

Утром бассейн с минеральной водой,
Ванны и души Шарко.
И у колена прибор здесь есть свой –
Током куяльник в него.

А в завершение – тепло женских рук,
Что называют массаж.
Здесь забываешь, что стар, что недуг, –
Мысль идет на вираж,

Где блаженство, радость, добро,
И отступают инфаркты.
Вот процедурное время прошло,
Дальше – от выдумки и от азарта:

Можешь принимать оздоровленье,
Можешь по Одессе колесить,
Винотерапией можешь – разной...
Назовем все это словом: Жить!

Привоз

1.

Здесь я не увидел Беню с Розой –
Затерялись в давке у ларька,
Но я видел у типажа позу:
Мол, Одесса очень хороша.

Припев.

Эх, Одесса, эх, Привоз,
Здесь бывало всякого товару.
Иль сейчас в чести у Вас склероз?
Потеряли чувство Вы к базару.

2.

Здесь, конечно, есть свиновий хрящик,
Есть и кровяная колбаса,
Но зачем же здесь дно правит балом,
Где, Одесса–мать, твоя душа?

3.

У типажа поза – шо осталось
Без былого в Бене огонька.
Ты теперь мираж, а не Одесса,
Но и в мираже ты хороша.

Припев.

Эх, Одесса, эх, Привоз,
Здесь бывало всякого товару.
Я уверен – временно склероз,
Дно загинет скоро, без базару!

Еврейская пасха

1.

Никогда я не был в синагоге,
Обходился как-то без мацы,
Но сегодня Пасха, я на взводе,
К синагоге с жинкой затрусил.

Припев.

В семь сорок мы заходим,
В семь сорок мы заходим,
Молимся, молимся, молимся – бену
Рэббе тору толкает,
Рэббе тору толкает,
Молимся, молимся, молимся – бену.

2.

Вся в столах – забита синагога.
Посадили всех, кто ни пришел.
И сказали, чуть ли не с порога,
Что Египет для еврея был говно.

3.

Фараоны Изю заставляют
Спустя 200 лет пахать стерню.
Не пройдет сей номер с мордыхаем,
Мордыхай сказал: «Я не стерплю».

4.

Чем работать – лучше с Моисеем
По Синаю сорок лет пойдём,
Нил на Иордан зато сменяем
И еврейску нацию спасем.

5.

Вот за что картошку в соль макаем,
Вот за что хрен тертый мы жуем,
Пасха – возрожденье мордыхая,
Маца хоть и дрянь, но мы поем.

6.

Для еврея рабство – то работа.
Чтоб еврей свободный вечно был
Надо, чтоб пасхальные заботы
Даже малый Изя не забыл.

7.

Так мы до полночи развлекались –
Изи засыпали на ходу.
Лишь после четвертой разбежались,
Заглотив последнюю мацу.

8.

И скажу Вам, слова не жалея,
Пусть растрочу свой речитатив,
Пасха – это то же для еврея,
Что для коммунистов коллектив.

9.

Можно по-другому, не жалея,
И речитатив не тратя зря:
Пасха – это то же для еврея,
Что октябрь для коммунистов – это да.

Вечерняя Одесса

За всю свою сознательную жизнь
Один раз отдыхал отец – как раз в Одессе.
Колхоз путевку выдал, принудил
Участвовать в оздоровительном процессе.

Событие то было весьма заметного масштаба:
Рассказов много было – про дорогу,
Про оперный театр, который как бы
Чудом представлялся, чуть не Богом.

Блистал он золотом в рассказах
И царской лестницей, лепниной.
Есть фотография, где сразу
Весь санаторий поместили.

И вот сейчас в Одессе

Я устремился по «местам отца»,
Но оперный театр – весь в процессе,
На реставрации жемчужина. Вот так.

Тогда мы занялись не внешним – сутью,
Ведь труппа-то пока жива.
Лионковелло, Верди – нежностью и жутью
По вечерам пленяли нам сердца.

Чайковский здесь в чести и русские романсы,
Все это нам на бирже рассказали.
Сейчас здесь филармония. Есть шансы,
Что через год и Оперный откроет свои залы.

Балет давали нам у Водяного –
Здесь музкомедия под именем его.
Япончик Мишка – ну живей живого,
Смотрел со стен на наше «полотно».

Нам так же к сердцу было со вдовой веселой,
Но «в печень» – «Запорожец за Дунаем».
Украинский театр со своею мовой
Нам примитив подсунул, вместо водки – чаю.

Мы так восприняли похвальбу Запорожцу
И двинули «з театру» по своей дорожке
По городу и улицам кружиться –
Не удалось нам с мовой подружиться.

Но все же увезем с собой домой:
Жива в Одессе искра от искусства,
Музеи и скульптуры, на классику настрой,
Одесский стиль биндюжный, с юмором, без буйства.

Товарищ Бендер – в профиль и анфас –
И Рабинович с рыбьими глазами.
Ильф, Бабель создали для нас
Одесский шарм. Его не вытравить и медным тазом.

Пропало многое, но что-то и взросло.
А что? Ну, что взросло, то и взросло

Эпилог

Вся Одесса в фонтанах без фонтанов –
Так расцветисто назывались речки-вонючки.
Их нет давно. Но есть цветение каштанов,

Есть духовенство, монастырь

На знаменитой 16-й станции Большого Фонтана.
Для нашего времени – и это не мало.

Я обошел пешком всю Молдаванку,
Всю ПерЕсьпь я перешагал.
И бульвар французский, все фонтаны
Я почувствовал и, знаете, принял.

Пусть Москва нам будет богом,
А Санкт–Петербург – пусть божий сын.
Святой дух тогда – Одесса
Это триединство и благословим!

Благословляет-то не кто-нибудь,
А еврей махровый – одессит.
Здесь этот титул подарили мне,
То есть не здесь – на корабле
С названьем «Каледония»,
Но это уже другая история.

За Царь-град

Открыл я Бабеля, читаю!
Мол, в порт Одесса прибыл теплоход «Каледония»,
Привез татар после хаша в Мекку.
И так создателя одесского языка листая,
Узнал о дореволюционном блеске
Предстоящей нам «морской симфонии».

Блеск и лоск ушли в то же самое прошлое.
Но, «жив, курилка» и свой челночный промысел
Несет исправно.
Еще каюта, душ – все гарно!

Огни вдоль берега видны до самой Варны,
Потом – пустыня моря
И лишь у Турции – приветствие дельфинов.
Нам стая малышей дала-таки картины
Искусства их и связи с человеком:
Мол, мир и дружба с вами и навеки.

Приятно было получить сие известие
В день – Труд! Мир! Май!
Оно было подобно песне
Или яйца ко всеобщему дню.
К тому же Пасха – то ж не забывать прощу.

Морским загаром отмечали
Мы эти праздники на корабле.

И здесь – весьма преуспевали:
Не только солнце, воздух –
Кулич на коньяке.

А вот и сказочный Босфор,
И у меня в ушах Есенин.
И воспеваемый им взор,
В котором огоньки горели.

Ночной Стамбул Босфором полон –
То ближе уж к Шахерезаде:
Повсюду, впереди и сзади,
Стамбул как будто с чудом в доле.

Дворец Султана – он на стрелке
И в изумительной красе,
Он взору «подан на тарелке»,
Как изумруд в твоей руке.
Здесь же разместился Юлиан –
Великий римский император.
Святой Софией он предстал,
Всея христьянства он глашатай.

Теперь София уж мечеть,
Поскольку в рабстве мусульманства.
Но мусульманину здесь честь
Я отдаю, как те полцарства.

Не молится он здесь – музей,
Кой-где Христа «воскрешают».
Христос с Аллахом по сей день
Здесь в общежитии витают.

Она – четвертая в ряду
Милан где, Лондон, Ватикан,
Но старшая, и ей не быть в аду
За службу в пользу мусульман.

София заслужила вознесенье
За кров Христу и кров Аллаху.
Я понимаю, как знаменье,
К единству бога и... «мир праху».

Сколько крови просто так
В лживых гонках бралось.
Как бы там на небесах
Боги не задрались.

Может быть, наоборот, –

Пусть дерутся боги.
Лишь тогда прозреем мы –
Откажем им в подмоге?

Сколько алой пролилось
И вот здесь под Софьей.
Истребляли янычар,
Зазывая в гости.

Если все перечислять,
Чернила заалеют.
Лучше мы пойдем гулять
По Стамбул-аллеям.

И приходим сразу мы к голубой мечети.
Голубее, говорят, нет на целом свете.
Целых шесть здесь минаретов.
Шесть, то есть, «алты»
Вместо четырех и злата,
Что звучит: «алтын».

Игра слов в таком-то деле
Разве – без последствий.
Это в Мекке отдалось,
Лишь дошло известье.

Только там ведь было шесть.
Что ж – пришлось пристроить
И теперь там целых семь –
Статус восстановлен.

Все мечети не обойдешь,
Глазом лишь окинешь.
На башню Галата зайдешь,
Весь Стамбул увидишь.

Был туда и наш поход,
Но в окрестной сини
Не увидели границ
Эдакой махины.

И метро не помогло
(В Диснейленд катили) –
Так и не нашли границ.
Тогда внутрь вошли мы.

Долман бахче – сей дворец.
Как Версаль в Париже.
Он туретчины венец

И богатством брызжет.

И гарем здесь хоть куда,
Двор в Босфор вливает.
Роскошь и природа – смесь-то хороша,
По книге Гиннеса Султан рождает.

Народил – около шестьсот,
А мы оттуда – в баню.
Так завершили мы поход
На план, что нам издали.

Мол, надо кофе отхлебнуть
И сладостей покушать,
Босфор проплыть
И танец живота послушать.

Но обязательно сходить
Вам надо по-турецки в баню.
Раз надо – будем проходить,
Как моют турки Ваню.

Кладут сначала всех на теплый мрамор,
Потом, взмлевших, моют, мнут, скребут.
А банщиков здесь – целый табор,
Бассейнами, парными – и не пахнет тут.
Но чувствуешь себя младенцем
Под мягким сонмом полотенцев.

А танец живота нам дали в Каравансарае:
Симпозиум собрали здесь из разных стран
И «очи черные» давали
С «калинкою» напополам.
И мы с женою подпевали,
А в Штраусе – подтанцевали.

Еще горела рыба-соль,
Канатка во зеленой зоне,
И смотрплощадка, как Ассоль
При азиатской попоне.

И поцелуй на мосту
Из Азии в Европу,
Египетский базар .., но, чу –
Уж хватит по Стамбулу топтать.

Когда на корабле в Босфоре,
То так и чувствуешь Царь-град.
Он, гордый римлянин, Константинополь

Достоин всяческих наград
За красоту, за совершенство.
Туретчина – и та к лицу.
Я увожу с собой блаженство...
Пусть дети побывают тут.

Ну вот и все – и за Одессу,
За Константинополь.
В турецких звуках утонул он –
Стал Стамбул.

Я морю Черному поклон
Нижайший, по-хорошему, отвесил.
Ему обязан многим
За то, что отдохнул.
Теперь готов нести заботы,
Готовность полная к работе!

С собой увозим впечатленья
И символ – кожаный пиджак.

Когда-то тесть мой был в Стамбуле,
Взахлеб рассказывал он так,
Как мог один лишь в мире – Вовик –
Про чудный, сказочный Царь–град.
А в память он привез не коврик –
Пальто из кожи! Был так рад,
Что удалось японской техникой, часами
Распорядиться по душам...
И в память этому пиджак –
Поклон парням отдали так!

Индия – юбилею посвящается! 12.12.2005 г. – 06.01.2006 г.

Введение

Не сразу скажешь, почему
Повелевает что стопами,
Зачем с индусами хочу
Я встретить пенсию, как знамя,
Которое к законному концу
По жизни, пусть согнувшись, понесу.

Откуда поселилась мысль во мне,
Что вирус мудрости у них,
А я, проживший столько лет,
Лишь знаю жизнь от сих до сих?

Быть может, мне удастся заразиться
И под конец с друзьями поделиться?!

Дели

12-13 декабря 2005 г.

Столица миллиардной зоны.
Да, зоны – не оговорился я:
В ней – те же самые законы,
Всё по понятиям, привольная тюрьма.

Как будто бы что хочешь, то твори,
Но прав всегда сильнейший, как ты ни крути.
Содом с Гоморрой просто отдыхают –
Лишь взгляд бросая, понимаешь ты,
И сумасшедший дом тут не «прохиляет».
Вертеп – вот точное название сей земли.

Куда ты, человечество, идёшь?
Создав вертеп, неужто, проживёшь?

Снуют машины и верблюды,
Потеют рикши, спят бомжи.
Жуют коровы, обезьяны
Едят и моются в грязи.

Сигналят все и все в потоке –
Сгноили мудрость на востоке.
Но присмотрелся и решил:
Не надо с этим торопиться.
Индус ведь раньше не спешил,
И мне бы той ж воды напиться.
В поток слепили миллиарды,
Они ж в спокойствии, как барды.
Пусть каждый прёт, куда глядит,
Но кто отстал, тот отступает.
Не бьёт он в морду, не кричит –
Всё благодарно принимает,
Пытаясь всё ж пробиться в брешь.
Ах, отречённость! Где ж ты, где ж?!

Не до тебя сегодня Индии,
Вертеп и в Индии вертеп.
Послал б по матушке на хинди
Всё то, что сделал человек.

Вот здесь, вот в этом самом Дели.
Но так ж нельзя, на самом деле.

Без башни миллиарды не куют,

За это ведь придёт расплата...
Уже пришла! Я вижу жуть.
Россия – рай. Здесь – ад, ребята.

Всё, всё, я к храмам побежал.
Пусть ад, но баксы я уже отдал.

Индус возвышенное почерпнул,
Спрессованное в камне многолетий?
А может, Бог вздремнул,
Крутя спираль вот в этой части света?

Величество ушло всё в прошлые века,
А нынче не умеют даже сливки снять с бывшего молока.
Когда-то красный форт блистал,
Жемчужиною слыл он мировую.
Теперь большой помойкой стал,
Лишь издали манит своей стеною

А вот небесная мечеть –
Она достойна оды петь.
Сто двадцать миллионов мусульман,
Здесь облегчают души и карман.

Но главные герои здесь, конечно, мавзолеи –
Раскиданы по Дели тут и там.
Есть мини-гаджмахальские коллеги,
Есть с минаретами – сродни всем чудесам.

Есть, что в английском парке разместили:
Здесь Ганди все, которых отстрелили.

А что ещё? Английские ворота,
«Ворота Индии» - экс-Елисейские поля
(смешенье получилось без охоты –
просто автор, функция, аналог – всё не зря).

И на прямой – ансамбль президента:
Дворец, парламент и прочие вместители блаженства.

То форт, то мавзолеей, то власть имущих,
А было ли что-то для души?
Индусский храм! В делийской гуще
Впервые на моём пути.

Здесь стресс снимается, шутя –
Богов ведь много у «индя»!

Бог Брахма – спец по созиданью,

Рабочий и крестьянский бог.
Бог Вишну – тот по созерцанию,
Он охраняет, а по-русски – ЧОП.

А Шива – этот разрушает,
Зло, зависть, жадность убивает.

А если учесть этих ребят реинкарнации,
То не берусь я их считать.
Индуcский храм – то демонстрация
Ганешей, Кришен. Эта рать

Вся улыбается, как будто,
И стресс снимается под «брутто».

Ещё мне душу теребили
Бурундуков лихая прыть,
Гирлянд бархоток нацепили,
Чтоб Дели долго не забыть

(Я видел – «воблой» их низали,
Потом на шею нам подали).

Немного отошёл от шока,
В который вбила нищета,
И мы свалились раньше срока,
В отельной роскоши паря!

К Морфею в гости – Радж Капур.
А поутру – город Джайпур.
А что же Дели?–
Меня трясёт, жив еле-еле!

Джайпур

14-15 декабря 2005 г.

Попытаюсь я петь о прекрасном –
Нелегко среди клоаки людской.
Но ведь трудности преодолевать – это счастье,
Вот и я постараюсь, друг мой.

Никогда не слышал про Джайпур я,
Оказалось – столица сейчас
Раджастан – это центр культуры,
Штат такой, как казаки у нас.

Махарадж здесь доселе глаголит,
Во дворце принимает гостей,
Хочешь – вместе с тобой схороводит,
Заплати – будешь лучшим среди прочих друзей.

Заплати – и гуляй по хоромам,
Где живёт махараджа с семьёй,
Ну а если приплатишь достойно,
Познакомит с своею женой.

Рядом где-то - меня поразило
(не совсем был, наверно, готов)
Устремлённое в воздух создание
Под названьем: Дворец всех ветров.

Не хватает мне слов поднебесных
Про песчаник про этот сказать.
Тут дворец – есть стена, из чудесных,
Не берлинская, а благодать!

Но жемчужина здесь – ожерелье,
Окружившее водную гладь.
В сердце глади, как лебедь в веселье,
Остров сказкой спешил нам предстать.

Очарованы этим явленьем
И не может свой взгляд оторвать,
Зазевались – и то ожерелье
Так пахнуло, что впору рыгать!

.....
Так случилось, что утро я встретил
На слоне по дороге в Амбер.
Моя пенсия! Я не заметил,
Что я жизнь свою жил, как хотел.

Мне на радость была и работа,
И друзья, и учёба, семья.
Ничего, что в последние годы
Я всё больше похож на слона.

Я, наверно, немного зазнался,
Что слоновий примерил размер.
Так случилось, ведь я оказался
На слоне по дороге в Амбер.

Агра

16-17 декабря 2005 г.

Часть 1. Тадж-Махал

Смех ребёнка, улыбка жены «под Джоконду»,
Соловьиная трель под бушующий шопот весны.
Никогда это не было престижным иль модным -
Всё прекрасное вечно в просторах земли.

Не боюсь я сегодня писать о высоком и вечном –
Не считайте, друзья, мол, Петрович – известный нахал.
Я сейчас под гипнозом всемирно, а, может, и больше известным.
На свиданье я был, как вы все догадались, с самой Тадж-Махал.

Белый лебедь, прости, ты не будешь сравнением,
Белый свет – это тоже неточно, я чую, не то.
Лёгкость мрамора, глыбы воздушность – не наваждение.
Ввысь Тадж-Махал устремляет любовь, в этом суть и зерно!

Мастерство и богатство – великие силы в искусстве,
Они могут, мы знаем, и Гималайские горы сдвигать.
Но и они, утверждаю, конечно, бессильны,
Когда надо, чтоб камень умел бы красиво летать.

Ну, а здесь - шах проникся такую тоскою,
Потеряв драгоценную «рыбку» свою,
Что пространство заполнил он этой средою,
Окропив все и вся, и всё только «фор ю»!

Потому, средь бескрайних просторов индийских,
По которым уже я успел, пошагал,
Мастерство и богатство любовью политы,
Совершенство нам дали в лице Тадж-Махал.

Часть 2. Город мёртвых

Жил-был мудрый шах Акбар. Много жён он имел, много наложниц. Не знал он грамоты, не знал письма, но мудр был, как сто слонов.

Крепко загорюнился шах Акбар - Аллах сына ему не даёт. У кого из святых он только не просил помощи – всё напрасно. Нет сына, и всё тут. Прослышал как-то Акбар про очередного святого, собрался в путь со своею свитою, но и этот святой не смог помочь в беде. Возвращается Акбар грустный, видит, сидит нищий. К нему народ идёт – говорят, он чудеса творит. Оставил Акбар свою свиту и пошёл к нищему Салехетдину как простой человек, поведал ему о своём горе. «Не печалься», - говорит ему Салехетдин: «Будут у тебя не один, а три сына». Усмехнулся Акбар, не поверил Салехетдину. Возвращается он со свитой в свой дворец в Агре, а ему говорят, что одна из его жён – индуска – беременна. Подумал тогда Акбар о Салехетдине, поверил в его пророчество. Но для верности решил, чтобы жена его, индуска, вынашивала его ребёнка рядом с Салехетдином.

Так возник прекрасный город на том месте, где сидел Салехетдин. Там индуска родила Акбару сына, а потом и христианка, а потом и мусульманка. И у всех у них свои дворцы – хоромы. И себе здесь шах Акбар дворец выстроил.

Выстроил шах Акбар новый город, но умер Салехетдин, и ушло огромное озеро, что было рядом с городом. Пришлось из города уйти и Акбару с его жёнами, свитой и народом.

С тех пор так и стоит мёртвый город. Затерялся он в веках, и только сто лет как нашли этот город охотники-англичане. Ибо нищий Салехетдин, умирая, сказал: «Да будет город тот не для жилья, а для созерцания».

Тысячи туристов стремятся сюда, тысячи страждущих, у кого нет детей. И Салехетдин до сих пор помогает им. И я там был, у Салехетдина внуков просил.

Часть 3. Красный форт

Крепость это – так фортом зовётся,
На высокой горе, у реки со стеной.
А в предстенных каналах не рыба пасётся –
Крокодилы в охране, стерегут Ваш покой.

Здесь столица была, и пышные приёмы,
По песчанику с мрамором шли изразцы.
И отсюда в Джайпур, в мёртвый город поклоны,
То есть лучшее все из столицы везли.
Было что: сам генплан – совершенство
Для народа, гостей и для жён, для себя.
Технология тоже сквозила блаженством –
Тишину и прохладу несёт здесь она.

И тюрьма потрясает своей простотою:
Из пантер и из тигров в застенной близи,
Провинился – и будешь мишенью нагою,
Между тиграми вряд ли помогут мозги.

Уголок есть один в этом красочном форте –
Кто создал Тажд-Махал, там сидел, как в тюрьме.
Уж старик был, но то, говорю вам, совсем не Лефортов.
То вам может присниться лишь в сказочном сне.

Как на ладониперед вами сияет Тажд-Махал –
Такую сын отцу тюрьму создал.

Эпилог

Сокровища Агры бесценны,
Мои впечатленья – безмерны.

Путешествие к высоким материям 18-20 декабря 2005 г.

Часть 1. Каджурахо

Эрос, други мои, - не простецкая птица.
Мысль, богатство – то мимо неё.
Слышал, что Индия – это столица,
Где владеют и знают про то ремесло.
В Индии есть миллионы религий,
Но в Каджурахо едины они.
Здесь возвышают, не сеют интриги,
Секс здесь искусство и Бог во плоти!

Предки индусов запали мне в душу –
Так через камень всю жизнь передать.
Эрос и юмор, заботы и думы
Здесь так искусно сумели смешать.

Я походил вокруг храмов и в храмах,
Сподобил живую водичку мне Будда испить.
Здесь Каджурахо предстала мне дамой,
После которой так хочется жить!

Часть 2. Варанаси

А. Центр индуизма

Харе Кришна, Харе Кришна,
Дама, Дама, Харе, Харе.

Б. Центр буддизма

Ом Мане падме хум

Сначала о духовном, высшем, смысле.
Его попробую хоть как-то донести.
Что ощутил, о чём помыслил.

Великий Ганг ничем не поразил меня.
Да он и не хотел, не задавался целью.
Он предлагал, давал возможность –
Возможность очищенья от греха.

Я индуистом был под вечер и наутро,
Поэтому познать что-либо вряд ли удалось.
А я хотел понять, хотел проникнуть утром
В духовные блаженства, не только в камасутру!

Чтоб отделить грехи от сути,
Монахи нас вводили в раж
Огнём и пеньем, красою ритуала –
Так поделили чистоту от мути.

Осела муть, нашлась и чистота,
Я видел это у скопления народа
В гортанном пенье и в изгибах рук –
Как будто б появилась и она.

Витала здесь на берегу реки,
И в честь неё с цветами свечи
По Гангу плыли в колокольном звоне –
Духовней зрелища, наверно, не найти.

Грехи, что мы носили до утра,
Потом все смыли в водах Ганга
С восходом солнца, со стиркою белья
Под пламя погребального костра.

А, смывши грех, смотрели золото
Их главного индуистского храма,
Что рядом с мечетью в застенках блестит –
Безгрешной душе и оно не вредит.

Тысячи лет здесь, у Ганга, народ
Смысл своей жизни вот так придаёт.
В этом величье, и в этом зерно.
Нет, я не понял – проник я в него.

Индусские зарисовки
13.12.2005 г. – 04.01.2006 г.
Город

Местами блеск и всюду нищета,
Не бедность – эта может быть достойной, чистой.
Вонючесть улиц, грязь, дерьмо и вша –
Вот главный персонаж сей сказки по-индийски.

В трущобах здесь проходит жизнь,
В грязи воспетый секс и школа.
Средь обезьян, луж из мочи
К костру на Ганге – вот и вся дорога.

Улица
Проспекты, стриты – это исключенье,
А правило – набитый хламом рой.
Хлам в Броуне: в ужасных сновиденьях
Холодный пот не прошибал меня такой.

Когда всё время всё по встрече,
Индогастелло на тараны
И велорикши под колёса
Со всех сторон, как тараканы.

Здесь под забором, во клоаке,
В пыли рождается еда,
А тут в ужасной просто драни
Идёт вся жизнь в бомж-городах.

Лежат, где Бог пошлёт, коровы,
Еда скотины – целлофан,
Сигналят все, всё бесполезно,
Но чудо – все как-то делают свой план.

Идут и вдоль, и поперёк,
Однажды мы пошли – куда ж деваться.
И так процесс этот увлёл,
Что впору было отмываться.

Сын взял нас за руки, повел,
И мы прошли сквозь строй движенья,
Нас в велорикшу посадил
И обеспечил тем спасенье!
Я много видел, что по миру,
И приукрасить всегда рад,
Но здесь скисает моя лира,
Индулица – кромешный ад!

Мрамор и песчаник

Уж сколько тысяч лет
Он господин здесь, он начальник.
Величье Индии и сказочность
Создал песчаник.

Такой стройматериал
Под силу лишь создать природе,
Он тысячи лет стоит
Вот в этакой погоде.

Дворцы и храмы, минареты
Здесь из песчаника стоят.
Загадки Индии и тайны
Они в себе, как бы, хранят.

Я видел тысячи людей
В пыли и под открытым небом,
Что из песчаника пекут,
Себя снабжая хлебом.

Здесь не погибло мастерство,
Традиции, по-моему, живут,
Мне показали в мастерской
Как мрамор любят тут.

Как в нём орнамент оживает,
Из драгоценнейших камней.
Недаром Тадж-Махал летает –
Вот вам и сказка от «индей».

Купание в Ганге!

Бедняцких улиц ожерелье
С людской огранкою-толпой
Обрывом-лестницей с платформой

Приводит к Гангу вас. Святой.

Ничем не величавый,
Один, ваш, берег из нечистот,
Другой, пустынный пляж.
Венчают святость. А народ?

Поёт индусская душа
В безмерной выси.
А тело в нечистотах. Ша!
И я попробовал, возвысил

Себя, брезгливость сбив свою, и спесь.
Ганг, я иду к тебе, я здесь!

Три раза с головой нырнул,
И... чистота пошла по телу.
И ощутил: в лохмотья грех!
И чистая душа запела!

P.S. А кто смотрел со стороны
Лишь видел грязь, да вонь, да вши!

Ковры и шелка

Не видел коконов шелковых,
Что в детстве, помню, сам растил.
Но видел, как челнок индуса
Из нитей ткань искусно вил.

Сидят в трущобах Варанаси
В полуподвальном мраке, мгле.
А из-под рук у них выходят
Шедевры – с Богом наравне!

А где-то в Агре и Джайпуре
Шерсть и шелка плетут в ковры.
Я видел, как они пурпуром
Зажгли желание жены.

В их переливах многоцветья,
В бездонной будто глубине
Вдруг отступают лихолетья,
Искусству гимн царит в тебе.

P.S. Да, виден блеск в глазах жены,
Но это только от искусства.
Самой ей не нужны ковры –
Она как Будда – от злата чиста!

Бог и принц

Наш гид по кличке Мистер Джеймс
От Дели и до Варанаси
Был с нами как наш друг, как тень.
Он помогал проникнуть в счастье

Среди безбрежной суеты,
И деликатно объяснял,
Увидев: снова в шоке мы,
Что это Брахма, мол, послал.
Прошёл лишь день, а мы при титулах.
Я – бог. Наверное, всё ж, Ганеша
(Во-первых, пузо – чем не шах,
И слон – всё это моя ниша).

А Вова – принц. То видно по всему –
Красавец с тонким обращением
И понимает, что к чему! К тому ж
Искусно шок скрывает в ощущениях.

Так – бог и принц – проехали страну.
Бог лишь внимал и изрекал порою,
Принц поедал глазами старину,
Блистал английским, знанием, душою.

И Джеймс стремился уровень держать,
Всё лучшее даря нам по дороге,
Чтобы союз с Россией укреплять
И... чувства человеческие тоже.

Когда прощались с ним, с его женой –
Как будто ангел пролетел неслышно.
Обволокло всех тёплой волной,
Его послал, наверно, Кришна.

P.S. Без прозвища была жена –
Здесь женщина лишь молча наблюдает,
Всегда работает и за богами прибирает.

Свадьба

Решил так бог: пусть сразу в день прилёта
Я обнажу все сути стороны
И в ночь дам представленья. Их забота –
Смотреть и видеть корни старины.

И он послал народный ритуал.
Бог свадьбу нам сегодня дал!

В просторах предетельных

Под куполом из звёзд
Возник волшебный зал из блёсток –
Приём довольно прост.

Но если на ночь красота,
То пусть блистает мишура,
Всё остальное – без поделок.

Мы слышим где-то там, вдали,
Шум, бой барабанный, крики, песни,
Торжественные отзвуки трубы.
Услышали всё это, когда ноги не держали,
Когда Морфей нас взял в полон,
Но трубы тот Морфей прогнали –
Какой там, к чёрту, сон!

Давно уж знаем – не сопля,
Туриста кормит маета!

Пошли на звук, и вижу я:
Среди безумства улицы –
На это ноль внимания –
Беснуется народ вокруг коня,

Идёт процесс богатства пожелания,
Жених весь в баксах, словно в перьях -
На свадьбе рупиям – доверье.

Итак, на белом при попоне жеребце
Жених, что моджахед, прегордо восседает.
Коню всё время кто-нибудь
Дорогу кошельком небрежно закрывает.

Тогда танцует вся толпа,
Литавры бьют – нет кошелька.

И дальше кавалькада медленно ползёт
И действия стократно повторяет.
От этого такой здесь шум идёт –
Для этого жених и восседает.

Плясал и я в индусском трансе,
Украсил свадьбу иностранцем.

И всё же шоу доплелось до входа
В тот самый зал из мишуры.
Там гости в пиджаках и сари
Разделены на две толпы.

Одна – с блестящими глазами,
Другие – чуть не со слезами.

И вот пошло рождение клана:
В обнимку по двое, лишь только мужики,
Позируют перед экраном
В знак верности, родства, любви.

Когда запечатлеют сей момент,
«Кунак» невесты гостю жениха – презент
Поскольку тысячи гостей,
То это длится долго-долго.
Блестят глаза одних, оскал лишь – у других,
А остальные все слоняются без толку.

Но, видно, все тут не шутя –
Ведь клан рождается, не фря!

Пока рождался клан,
Жених стоял поодаль.
Никто ему не подал и стакан
И в залу не пустили:
Стой вот здесь, пред входом.

Как только распоследний гость
Всё ж ритуалом был охвачен,
Тогда лишь жениху вход в мишуру
Считается оплачен.

А в мишуре – и яства, и прислуга,
Бассейн и сцена – шоу на всю ночь.
Такое многоцветье пышных сари,
Достоинство, богатство – шелуха вся прочь!

Все эти барабаны, трубы, горны -
Долой с порога! Благодарю покорно-с!

Мы могли бы быть гостями на той свадьбе
Со стороны, я понимаю, жениха.
Хватило б наглости – ушли б с подарком
В ...надцать метров коттонополотна.

Но нас Морфей лишил того.
Теперь-то взял он всё своё!

P.S. Мы так и не нашли невесту.
На свадьбе нет ей места.
Одну увидели на привязи во храм,
Но это в том краю, где любят христиан.

Мери Кристмас

Давно хотелось посмотреть,
Что значит Рождество в традициях веков.
И надо ж – в джунглях довелось
Пролицезреть. Там у индуса кров.

Однако, как попал Иисус к индусу? –
Его занёс Франциск Ксавьер.
Теперь святой и в православье
Он знаменитый миссионер.

Он самый, говорят, здесь популярный.
Покруче, чем Иисус Христос.
Немудрено, ведь лик его (засушен натурально!)
Лежит, не пропадая, несколько веков!

Напротив храма с этим чудом
Стоит ещё один, и в нём
Неопалимая Купина,
Но только в облике ином.

Животворящий крест
В святой Екатерине
Забился в угол, но живой.
Туристы, дети, прихожане
Все его трогают рукой.

Ведь сделан он из того древа,
Что вот здесь, рядышком, росло.
Куст исцелял, кому - то помогало.
Животворящее оно!

Я вспомнил внучку здесь свою,
Когда-то ей писал, о сём не зная,
И быть ей обещал животворящим я крестом,
И вечно жить, не умирая.

Да, тесен мир, иль я стал вездесущ.
Знакомые в ряды встают попеременно.
Господь, я понимаю, всемогущ,
Надежду в Рождество даруя непременно.

Здесь Рождество встречают стар и мал -
В блеске отелей и нищете рыбацкой.
Я джунгли все вокруг перешагал
И Мери Кристмас всем дарил по-братски.
Есть вирусы надежды в Рождестве –
Они мгновенно толпы заряжают.
Всё это удалось познать и мне.

«О, Мери Кристмас!» - по земле летает.

Такую ночь под Рождество,
Хоть православный, не католик,
Мой тесть завёл встречать не так давно –
Лет десять, что ли.
Традицию приняли мы,
Танцую в распрекрасном зале.
Улыбки, почести, цветы
Весь вечер вокруг нас витали.

Плоды Улукбека

О, просвещённые, внимайте
Нехитрой мудрости отцов.
Писать, читать и прочих знаний не имея,
Умели так прожить,
Что мерой мерится веков.

А осознание их порывов
Богам доступно лишь.
Иль только может разным Шивам!

Да, не читал Акбар –
Читали слуги.
Не знал письма Акбар –
Зачем ему?

Вон, Моисей, связать двух слов не мог –
Брат выполнял услугу.
Другое важно здесь,
Хочу ли для других, для друга!?

Акбар хотел! И отобрал способных
(Представьте, как их отбирал),
И к Улукбеку в Самарканд направил оных,
И все идеи у него слизал.
Всё то, что слизано, в Джайпуре видел я:
Под звёздами в гектарах обсерватория!!!

И время суток, и движение планет,
И вся твоя судьба как на ладони.
Прилив-отлив, где Пасха, Рамадан –
Неграмотный Акбар, приносит нам в поклоне.

Я – шибко грамотный,
Профессор при столице –
Ходил же дураком
В творениях Акбара.

Но деликатен он, он так умён,
Что мне не стыдно было -
Чувствовал, что мы с ним пара!

Книга Джунглей

Без малого двадцать мне лет судьба отпустила.

Как Муромцу, помню, я где-то читал.
В деревне безвылазно, в полной гармонии
С природой, людьми и со всем, что Бог дал.

Но книги и фильмы повсюду носили,
А в джунглях в то время любой мальчуган
Мечтал оказаться в заветной стихии,
Как всеми любимый (как Сталин!) - Тарзан.

Уже сорок лет я по миру болтаюсь
И где только не был, чего не видал.
Настал, наконец, очерёд и для джунглей –
Сегодня я в джунглях, друзья, ночевал!

Ну, правда, мой дом был не где-то в лианах –
В нём даже сортир, душ, бамбуковая клеть.
Лианы вокруг, ну а в них - обезьяны,
Павлины, кингфишер и прочая снедь.

Нас встретил козёл, что поддал в ягодицы,
И в гости без спросу явились ослы.
Они при деревне, где есть и возницы.
В арбу здесь, конечно, впряжены волю.

Они и в сохе, что на рисовом поле,
Телята на привязи в доме стоят.
Деревня средь джунглей живёт без управы –
Старейшины суд здесь и школу вершат.

По джунглям, чуть свет, мы прошли к водопаду,
Величье воды вновь и вновь ощутив.
Прошиб меня пот, но то было усладой
В сравнении с йогой
Там был, как тот кур, что пустили в ошип.

Над нашею йогой хохочут мартышки,
Собрались и ржут – вижу я, как сейчас.
Жаль, Чаплин не дожил – вот он оценил бы
Как русский пузан с йога брал мастер-класс.

И всё ж, отдавая всем прелестям дани,
Отдельно я низко склонюсь пред слоном.

Без них книгу джунглей не представляю,
Они для нас были, как кровь с молоком.

Я с ними прожил, пусть они и с цепями,
Кормил их, поил, выбивал с них дерьмо –
Мне Вова сказал, что уж ценное очень,
Сам Буш на нем подписи ставит давно.
Таскал на них брёвна в различных упряжках
Вдвоём и лишь хоботом, двигал ногой.
И ездил на них в чудо-креслах-подтяжках,
Играл в баскетбол, рисовал с ним кистьёй.

А как, словно птица, он машет ушами!
А как с ними вместе прикольно в реке!
И сядет, и ляжет он в ней, ну, и с вами
Готов поиграть он всегда и везде.

Я тёр ему спинку кокосовым мохом,
А он своим душем-ведром обдавал
Желающих всех, как живительным соком -
Над джунглями крик от восторга летал!

А ночью был бал, где слоны при наряде,
Все в золоте, словно у шаха в гостях.
Совсем неземное почувал величье
Я в джунглях, при золоте и при слонах!

А в полночь костёр, окружённый слонами
И нами, конечно, гитарой, мечтой.
Люблю я костры – это так, между нами.
Но здесь я почувал: слонам и индусам - я свой!

Смотрю на жену – она в нежности млеет,
Влад мыслей глубокой пошёл по челу.
И Маша к плечу его так поприжалась,
Что слов и не надо, так видно: люблю.

И Вова проник, но, конечно, не к Бушу,
А в эту с экзотикой чудо - страну,
К истории, к джунглям, к костру, что при песне,
И точно, конечно, к добряге - слону.

Стоит во мне ночь, вся в звёздах-алмазах,
Факел нам Шива из мрака достал.
Может, сейчас только я буки-азы
К пенсии в джунглях сейчас повстречал!?

Маленький Тибет

Тибетские монахи! Сколько тайны
И сколько мистики, аскетства, божества
Всего-то в двух словах. И вот я попытался
Извлечь из тайны капли естества.

Наверняка в мистическом забрале
Завёрнуто лишь то, о чём нам ввали.
Что вижу я после болтанки,
Которую устроили дороги, джипы?
То ли деревня, то ли городок в портянках,
Развешанных на людях, вешалах. Во влип!
Совсем уж неожиданный сей клип!

За этим стоило болтаться?!
Скажи на милость, что за... братство?

Но вот..., как в сказке говорится,
Предстало чудо! Чудо-Храм
Заставил нас глазами впиться.
Он сниться будет по ночам.

Простором он – в дворец Кремлёвский,
А глазу мил, как уху – Петр Ильич Чайковский!
Нарядно - яркий при изгибной крыше,
С учебной залой на полу,
С шёлковой роскошью повыше,
С иконостасом на виду.

Расположились там гиганты –
Сам Будда, свита, куча фантов.
Чуть ниже – трон для Далай-Ламы,
Ещё пониже – местный шеф сидит.

В огромном зале, по программе,
Святую службу он вершит.
Забьёт весь зал учениками,
И... пусть расхлёбывают сами.

Учитель тему лишь даёт,
Монахи диспут затевают.
А Будды сверху созерцают,
На сколь продвинулся народ.

По двадцать лет и лишь ученье Будды!!!
Захочешь очень – не забудешь!
Ведь укротил и кровь, и плоть.
Себе оставил право мыться,
Щепотку риса замолоть

И дискутировать, молиться.

Не дал мне шанса в этом усомниться
Бурят-монах во время разговора-блица.

Я многого не видел при Тибете:
Тибетский врач меня не излечил,
Украл моих монахов Далай-Лама!
Хорошо, что хоть «момо» вкусил.
Но всё же, всё ж в меня вошло
Великой мысли торжество.

Саму я мысль, конечно, не постиг
(Порою кажется, по ней я и живу!),
По двадцать лет лишь Будду и зубрить –
Конечно, будет «дежавю».

Сначала тронешься слегка,
Потом поверишь и в жука:
Мол, помню, в прошлой жизни был.
Но не к тому я, Будда. О, прости,
Я не хотел бы опошлять...

Но двадцать лет тебя читать!???

Величие, конечно же, не в том,
А в том, что серп и молот очень хороши,
Но править не должны они –
Лишь мысль достойна управлять
С душою вместе. А лучше - не управлять,
А направлять с учётом поднебесья!

За этим стоило, Тибет, к тебе стремиться.
Воистину, святой воды напиться.

Гоа

Нет, не индийка я – я португалка,
Не в джунглях спряталась – в них родилась.
Васко де Гамой я открылась,
И с удовольствием ему я отдалась!

Рис здесь не переводится,
Я водопадами народ дивлю,
И крокодилами, что в реках водятся!
Джунгли-традиции, что силы есть, храню.

Храню слонами я, и рыбаками я,
Что неводами здесь вам дарят кайф.
Себе копеечку – рыбёшку мелкую,

Креветки ж с лобстером – то ваше «лайф».

Пляжи песчаные, вода целебная,
Вас обнимающий Индийский рай.
Солёность мягкая и волглость нежная,
Закат чарующий – вот Гоа-край!

Хиппи

Занесло меня ветром в Гокарно,
Затёртый в парше городок.
По Индия-меркам он «гарный»,
По нашим – блошинный лобок.

Но мне объясняют – он Мекка
Для вольных, без башни, людей.
Был раньше Гоа для них стрелкой,
Курорт их теперь в Гоа съел.

И хиппи пошёл на Гокарну –
Я сам с изумленьем встречал
Причудливых белых, подагрых,
Неспешных, нечёсанных – вал!

На пляж, знаменит своей мантрой,
Со звуком, создавший весь мир,
Я в лодке доплыл. И увидел,
Здесь хиппи гнездо себе свил.

И я прогорланил: «Оммм мани», -
И сразу разверзлась стена,
Что хиппи со мной разделяла.
Я понял их душу, друзья.

Ну пусть, перелётные птицы,
Ну пусть - лишь сегодняшним днём.
Пусть наркодурманнные лица -
Пусть Бог им поможет и... Оммм...

Эпилог

Сказка-ложь, да в ней намёк...
Какой ты, Индия, несёшь урок?!

Но ты ж не школьник, не юннат, не пионер,
Ведь в Индии ты стал пенсионер.

Зачем тебе уроки? Не к лицу!
Про Индию я так тебе скажу:
Я видел самобичеванье
Вот в этот двадцать первый век:

Полз по асфальту двадцать километров
Себя приговоривший человек.

Я видел пропасти и бездны
Непредставимой нищеты,
Клоачной вонности трущобной,
Облезлой массы вшивоты.
Во мне красоты Тадж-Махала
И Каджурахова любовь.
Ну, а повсюду нас встречала
Наивность, будто детство вновь
И вновь индийцев посещает...
Пусть им их боги помогают!

Не зря их много, три в одном –
То русский туго представляет.
Своих – цветами украшают
И облепляют мишурой.

Сопровождают простой сказкой:
Грешат их боги – ой же, ой.
Бог – кто богат, а не безгрешен.
Бог – кто могуч, пусть и смешон.

И так живут со сказкой вместе
Индиец, обезьяна, слон.

Скатилось солнце в океан,
Я принял с неба знак – то пламень:
На пенсии не нужен план,
Теперь вам светит лунный камень!

В его лучах ты не сгоришь –
Аюрвердическое действие,
Но и достойно завершишь
Свой путь на высшее блаженство.

Послесловие (после эпилога)

Закончен бал, угасли силы,
А нам в Москву через ДелИ.
Мы Красный форт там покорили,
И в Зоо мимо нас прошли слоны.

В очередном индусском храме,
Размазанном под Хануман,
Молитву Кришне прочитали.
Храм Лотоса – и тот отдался нам.

Базарный шум, цветные блики,
Расслабился, домой пора!
И я, последняя растыка,
Свой фото «подарил» индЯ.

О, всё ж закончилось мытарство –
Чуть ноги, пузо волочу.
И где-то в глубине, далеко:
«Как классно всё! Ещё хочу!!!»

Скандинавия. 20.06.2006 г. – 02.07.2006 г.

1. ФИНЛЯНДИЯ

Беззаборная Суоми,
Снова я вошел в тебя.
Вспомнил: ты была Россией –
Вспомнил десять лет спустя.
Как моя Суоми – Лана
Повстречала сорок лет,
Как царей здесь привечали,
Как сказали нам привет ...

Мы, теперь, мол, суверенны,
Ленин нам свободу дал ...
Все осталось неизменно –
Я ж заметно возмужал.

Тридцать килограмм прибавил
На российских - то хлебах.
А Суоми – беззаборный,
Все такой же - все в лесах.

И на тысячах озерах
Средь камней от ледника –
Лоси, рыба и медведи.
Ты, Суоми, такова.

И болота, и морошка,
Бани, Маннергейм, порты.
Зерновых – совсем немножко.
Для меня – такая ты.

В основном, уединенность –
Сколько хочешь тишины.
Глухомань цивилизаций –
Это тоже, финны, вы.

Может, это то, что надо
Человечеству вообще?
Может, но пока что только финны
В этом смысле «на коне».
Старый добрый мой приятель-
Гельсингфорс! – такой вердикт
Вынес после осмыслений:
Тех же форм, все тот же вид.

Но сегодня то мне ближе-
Хельсинки сейчас милей!
То ль цветущею сиренью,
То ль доступностью идей.

Президентский скромный домик,
Нагота лежащих дев,
И любовь кобылы медной,
И фонтанный символ – грех.

И Сибелиус тот трубный,
И церковная скала ...
Будто им зачем-то нужен,
С ними будто б мы друзья.

И Сенатская не давит,
Кажется – вообще парит.
Лютеранский храм, как лебедь,
Словно легкость в нем сидит.

Я, конечно же, старею,
Но другие здесь дела –
Это финская природа
И людская доброта.

Встретил в Хельсинки сегодня
Эту пару. И я рад:
Пелену с меня стянули -
Я увидел чудо-град!

Он ведь русский, чем-то родный.
Негу лета поглощал
И мое больное сердце
Град озоном насыщал!

Я в плену! А мне не жалко –
Я в Суоми с кем угодно рад дружить.
С этим выехал на Турку,
С этим буду дальше жить!

2. ПАРОМ

Нам ночь дана в Ботническом заливе,
Чтоб в Швецию с Суоми переплыть.
Вот здесь я не был. Видел краем глаза,
Да и что видел – уже успел забыть.

Корабль наш в Турку. Помню, как Некрасов
Меня строкой простой своей пленил.
В каких то было, не припомню, классах?
Но что-то в памяти восстановил.

«Про Киев, про Турку, про чудных людей.
Бывало - тут целые дни пролетали», -
Сказал наш поэт про заморскую даль.
А мне довелось в этом Турку скрижали

Воочью увидеть как взрослости дань!
В старейшем почитаемом костеле
Звучал орган. Торжественная высь

Прижала к стенам нас. Здесь свадьба, что ли?
Какая свадьба - посмотри, окстись!
Десятки в белом разволнованных подростков,
И предки при цветах, костюмах, близких им.

Закончился молебен. И так искренне, неброско,
С какой-то скромною улыбкой. Мол, интим!
Они друг друга поздравляют.
Ах, вот в чем дело – вскоре понял я:

Религиозный праздник всем селом справляют
От всей души, осознанно, любя.
Ох, заболтался я, забывши про паром.
Автобус наш причалил в Турку-гавань.

Теперь 12-ти этажный плавучий дом
По памяти моей навеки будет плавать.
Но все ж сначала с Турку попрощаюсь,
Тем более, что замок здесь стоит,

У гавани. А в замке – королева
Ивану Грозному сумела насолить.
Ее он сватал. Отказала.
Пошла за Карла. Здесь жила.

И замок так преобразила,
Что до сих пор живет молва.
Но мы отчалили уже,
По финским фьордам покатали.

Нам с верхней палубы судьба
Такие виды подарила.
Обиле мелких островов
Облюденных, безлюдных и частичных,

Где сауны заткнули свой порог
В морские воды. Выглядит заманчиво - прилично.
Вода, леса – глядел бы да глядел,
Но смыл нас дождь в паромную утробу.

А в ней – фокстроты, игр беспредел,
И ресторанной неги, чтобы
Тебя развлечь, расслабить, ублажить.
Попал, как кур в международный птичник.

Но я не против – это же не в ошип.
Жаль, что устарел. Упал, уснул. Отлично!
Проснулся: Швеция, Стокгольм.
Об этом как-нибудь попозже.

Паром остался, словно сон,
Но сладкий сон! И былъ ведь тоже!

3. НОРВЕГИЯ

ОСЛО

Начну, пожалуй, со столицы.
Пол-миллионный он всего.
Я слышал, он совсем не Ницца,
Но Осло все же – не ОслО.

Сегодня, покидая «Ущлю»
(«На спуске с гор» - дословно так),
Я взбудоражен необычно,
Как будто потерял пятак.

Как будто не осмыслил что-то –
По важности и глубине.
Наверно, не нашел сравненья,
Поэтому не по себе.

Но все же, надо разобраться ...
Он окружает Ослофьорд,
А, значит, он к морскому братству
Приписан может. Это порт.

Что дальше? Крепость со стеною
В высоте, на самом берегу.
Заметна ратуша. Она прямою
Буквой «Н» стоит в кругу.

Ну, не в кругу, а в полукруге
Таких же под нее домов.
Они здесь площадь образуют.
Вбирает ратуша столпов
Закона, власти, помещая
Их каждого в свой мрачный плен.
Она же их объединяет
Чертой вот этой в букве «Н».

Есть собор - достойный, лютеранский.
Есть и дворец, как всюду - королевский.
Но стиль – не Гауди, не хулиганский,
Что б стать иль символом, иль песней.

Но вот уютная площадка,
Где будто гимн звучит перчатке.
У замка стен красуется лошадка,
Девушка в позе для зачатия.

А Вигеландова страна
Своим размером поражает.
Российским, будто, но не им,
А больше тактом удивляет.

Он здесь витает - такт в натуре:
Все голышом! Так вы о чем?
О, сколько смысла есть в фигурах!!
О, сколько чувства в теле том!

И радость, боли и невзгоды,
Тревоги, детство, старость та ж.
Любовь, родительские чувства –
Здесь целой жизни экипаж!

Обозреваешь жизнь как непростую штуку,
Но место радости, известно, есть всегда,
Всегда найдется, если ты не бука.
Жизнь – траектория! У всех она, как ни крути, своя.

Как мне близки творенья Вигеланда,
Как глубоко простые мысли и дела.
Нет, мне не стыдно, что не знал доселе.
Спасибо, что судьба сегодня мне дала.

Другие чувства у морских музеев,
Где викинги, Кон-Тики, Ра,
Конечно, Амундсен и Нансен!
Здесь мужество вселилось навсегда.

Вот Нансен – он полярник и ученый,
От голода при Сталине спасал.
Был дипломат, брал Енисей и Лену,
«Единственный» - народ его назвал.
И все это на берегу у фьорда,
Все в небольших, но близких мне домах.
Здесь запросто, уютно и комфортно
Мне по душе, как в винных погребах.

Я это ж ощутил, гуляя в новом Осло,
Где небоскребы с юморком сплелись.
Здесь пролегла граница между «до» и «после»
И чем-то настоящим здесь обзавелись!

Да, настоящим! Я, наконец, нашел, наверно, что искал
Теперь ты, Осло, для меня - то место, где живет мечта.
Соединил цивилиность, сердце, мысль и души запал
Все лучшее, дороже серебра и золота во все века!

Теперь я знаю, что хочу от городов.
Теперь мне жить довольно просто.
Рецепт для внуков и детей готов:
Живите, стройте, как в норвежском Осло!

СТРАНА ФЬОРДОВ

Жили-были тролли. Жили они – не тужили, но ... Всегда это «но».

У людей – «но». И у троллей тоже – «но».

Ну, в общем, почему-то решили Северные олени из Лапландии изжить троллей. И напустили они на страну троллей вечную зиму. Зима покрыла ледником землю, и стало троллям совсем плохо. Ну, просто – хоть реви. Заплакали тролли, запричитали. И такие горячие слезы потекли у них из глаз, что стал ледник таять и падать с гор, падать. Льдины падали, пробивали горы до самого дна, а на дне – океан. И поднялся океан, и расступились горы, и образовались фьорды немыслимой красоты. И зажили тролли лучше прежнего. Теперь олени им дань платят шкурами оленей и оленьей.

Я сам ел, усы и бороду запачкал, и в рот попало. Вкусно!

А тролли выросли высокими, белокурыми и стали называться норвежцами. А люди со всех концов земли стали приезжать посмотреть, что же такое фьорды, что это за красота такая.

И стали они здесь деньги оставлять, чтобы еще раз вернуться сюда.

Вот поэтому норвежцы богаты, живут себе припеваючи.

Как когда-то тролли жили.

Столица фьордов – Берген,
Разбросанный по фьордам городок.
Танзийский от Юнеско центр
Меня к пеленкам уволок.

Дома-амбары поприжались,
Граница – только узость крыши.

Между домами мы гуляли,
Плняясь амбарным духом. Мышь
Этот запах производит,
Юнеско не подвластен он.
В глазах отец в фуфайке ходит,
Безрукость исцелив ключом.

Вот от такого же амбара,
Совсем в другом конце земли.
Кукушка мне пророчит старость,
А я – с вершок, сажу в пыли.

Не думал встретить это в Берген,
Но рад, что встретил! Побывал
В гостях у младости далекой,
Когда под стол пешком гулял.

А что же встретил я еще,
Столицу фьордов созерцая?!
Рыбный базар, где поглощал
С женой китов, креветок стаи.

Фуникулер, что нас занес
Туда, где бездна красоты!
Пешком оттуда себя нес,
Вбирая прелесть высоты.

Когда потрогать крышу можешь,
А здесь – войти во двор, хоть в дом.
Везде ухоженность тревожит,
И дух пьянит рододендрон.

Где под футбол в пивной бардак
Жене пришлось в комочек сжаться.
И зареклась ходить в кабак,
С пьяным норвежцем обниматься.

Не многое, что нас роднит,
Откуда же другому взяться:
Они по-русски могут пить
И по норвежски надираться.

Что щебет, гомон итальянцев –
Вот у норвежцев рев, так рев.
Всю ночь весь город развлекался,
Подрались каждый был готов.

Наутро снова пустота –
Наверно, город отдыхает.

Костры Иванова, что ль, дня
Здесь регулярно разжигают.
Да, кстати, был Иванов день,
Костры в Норвегии пылали.
А в Бергене (столица все ж!)
Их пивом, водкой заливали.

Чем мне запомнился еще?
Японской баней среди толпы,
Обильем яхт, где шьют и вяжут,
И атмосферой простоты!
Извилины здесь лишь мешают.

Быть может, это и не так,
И мне, наверно, показалось,
Но я и сам здесь был дурак -
Счастливым – то во мне осталось!

ЭДВАРД ГРИГ

Трудно рождается нежность в Полярье,
Лирика в нордах живет только миг.
Нашелся один: смог нарушить законы
Со взглядом-душой (по Чайковскому) – Григ.

Слышал про светлые песни я Грига,
Ну, и мурлыкал его (как сдержать!).
А вот сегодня судьба подарила
Лично его навестить и отдать

Все, что могу, за восторги от Сольвейг,
За те движенья и тайны души,
Что его муза в меня поместила,
Где и растут, но теперь уж – мои.

Милое место – Тролдхауген. Мысом
Он выступает в таинственный фьорд.
А в переводе – «Холм троллей». Венчает
Все это рядом с водой удивительный грот.

В нем на века Григ и Нина-невеста,
Рядом по жизни, в бессмертья, всегда.
Уютный коттедж как норвежская птица
Будто парит и ласкает глаза.

Меня поразило в совсем не практичном,
Большим, очень честным и чистым душой,
Что он сумел в этом месте приличном

Угол освоить и жить в нем мечтой!

Милый, пусть крошечный, но кабинет,
Там, метр с кепкой, один помещался.
Отсюда он слал всему миру привет.
Мир его музой всегда наслаждался!

Я рад, что с Григом плотно пообщался,
Теперь я не поклонник – он мне друг.
Я так сказал, конечно, не к бахвальству:
Он так хотел, он зазывал на этот круг.

СТАВАНГЕР

А это вот типичный городишко,
Что целиком, почти, из старых изб.
Изба – два этажа, узка уж слишком
И с треугольной крышей. Но, ей-же Богу, «Чииз!»

Улыбку весь ансамбль вызывает,
Когда они гуртами в ряд стоят.
По городу такому кто гуляет,
Тот получает, в общем-то, заряд

Какого-то протеста против новых веяний!
Бетон нам показался чуждым и стекло.
Изба из дерева, местами крошка-дворик –
Вот, собственно, и все, что нас влекло.

Еще два шага – и Ставангергавань,
Где пляжный волейбол и пиво здесь рекой.
Такого сочетанья праздника и шума
Я не встречал. Они несли покой!

ПУЛЬПИТ РОК, ИЛИ КАК МЫ БРАЛИ «ЦЕРКОВНУЮ КАФЕДРУ»

Четыре часа по горам, по долам,
Местами по топким болотам.
Свои килограммы я страстно таскал –
Без страсти здесь не было б квоты.

Конечно, не только бы я не дошел –
Без страсти ничто б не сварилось.
И «рухнуло» плато с отвесной скалой,
Мы взяли ее, и все сбылось.

Что сбылось? Зачем мы потели, зачем же мы шли?

Чтоб взгляды куда-то там бросить?
«Церковную кафедру» плотным туманом заволокли.
Кто с бога взыщет, кто спросит?
Ах, мечтал в ангелов нас превратить –
Вот этим пришлось утешаться.
Тащились, потели – не стоит тужить,
Нам все же домой возвращаться.

Ну, что ж, что не видел ты там ничего.
Важнее ведь статус – не барахло!
По ходу горные озера - на них мы положили взгляд,
А я туда нырнул! И по уши в грязи, но почему то рад!

ФЛОМСБАН

Фьорд, кроме красоты,
Несет в себе и неудобство.
Железная дорога – только ты,
Зимой и летом, коль без жлобства,

В разумных рамках, так сказать,
Тогда ты можешь всех связать.
И вот повозки запрягли,
Киркой добротной снарядили,

И ...надцать лет ее скребли,
Для нас, считай, соорудили.
Бегут вагоны по горам.
Ну, значит, наше место там.

Когда-то это было ох и ах.
Теперь, в эпоху серпантинов,
Ее дела здесь просто швах:
Ну, поезд, ну, в горах –
Из серий блевантинов.

Пришлось напрячься – чем завлечь,
Чтоб кроновый пирог испечь?!
И вот у водопада – Фосса
Придумали мост под фотостоп.
Утробный звук из водопада
Рождает в брызгах двух особ.

Они призывно заывают
И, соблазняя, исчезают.
Короткий миг – но чувства были,
Я сам готов был побежать.
А как японцев заводили

Две серны, брызги, водопад!

Готовы в бездну сигануть
Японцы были ... Но, не суть.
А в остальном, электробудни:
Средь дач, средь гор, средь неудобств
Ждет норвежцев электричка
Обыденно, без лишних слов.

Вот все, что вызвал фломсбан у меня,
Ну, значит, съездил я не зря.

ФЬОРДЫ

Набор слов к фьордам подходящий,
Наверно, может быть таков:
Красиво, в облаках, блестящий,
Обрыв, ущелье, гладь воды, как Бог.

Но если глубже покопаться,
То можно много что найти.
Я должен сразу вам признаться,
Что, может быть, он – пуп земли.

Величье фьордов – в осознании
Ненужной жизни суеты.
Неторопливо все и просто,
И отдаешься фьордам ты.

Ты чувствуешь, здесь все красиво,
Все настоящее, без дураков.
Естественность – вот то мерило,
За коим следовать готов.

Норвежец это не нарушил
И даже, кажется, развил.
Вписал в природу все, что создал,
И тем с природой себя слил.

Фьорды дают уединенье
Сей главной ценности бытья.
Такие, в общем, представленья
Из фьордов вынес я, друзья.

ЭПИЛОГ

Мне кажется, узнал норвежца:
Простой себе он строит дом,
Любит детей, природу, пиво,
И ценит тишину при том,
Что любит покричать под пиво.
Трудяга. А туриста – чтит.
Рачителен – не жлоб, однако,
Селедкой по утрам хрустит,
К купанью вовсе не стремится
И в баньку чтоб – не видел я.

Но, коль возможность подвернется,
Уходит в горы и леса.
И там сидит, гуляет, ходит
Пешком, на лыжах, катерах.
А край суровый и дождливый
Любя возделан на камнях.

Черешни, яблони и сливы
Здесь укрываются от птиц.
Тоннели в скалах, под водою
То вокруг идут, то вверх, то вниз.

И деревянные церквушки,
Порою, многим сотни лет,
И водопады, и речушки,
Газон на крышах и обет

Неприхотливой и корявой
Березе, что вот здесь растет.
Рыбацкой снасти под балберку,
Что украшением идет.

Дороги нынче – загляденья,
Об этом даже речи нет.
И бок кита, на удивленье,
Он дорогой, как виски Джетт.

Здесь школа гениев не точит,
Она здесь лепит горожан.
И самобытности возносит.
Изъян ли это? Не изъян?!

В отеле чаек глас крикливый
В моей кровати в берегах ...
А край суровый и дождливый
Любя возделан на камнях.

4. ШВЕЦИЯ

Начну с того, что ощутил,
Когда я с фьордов возвращался.
«Очарование убил» -
Сей привкус у меня остался.
Леса, озера и поля,
Что мне всегда ласкало сердце,
Каким-то блеклым видел я,
В них не хватало, что ли, перца.

Потом лишь понял: не Швеция плоха –
Норвегия уж больно хороша!
И вот Стокгольм на островах:
Какая, братцы, панорама!

Озера и моря сошлись,
Стокгольмский шлюз им стал как мама.
Они прильнули, как к соскам,
Мостами всюду обернулись.
В единстве все – хоть острова!
Туда мы сразу потянулись.

И вот что здесь произошло:
У каждого – свое лицо.
Вот этот – с ратушей, коктейльный:
На башнях солнце и луна.

Суровый север вроде б правит,
Но много южного в себя вбрала:
Ажурность, арки, колоннады
И внутренний народный двор.

И Ягр, как фараон, в парадном,
Георгий – в Данию копьем.
Коктейль, скажу я вам, удался,
Я ратушею долго наслаждался.

А этот остров – Стокгольм-сити,
Здесь все модерн, все супер, хит!
Дворцовой набережной блещет,
«Указка» в площади стоит.

Прозрачный центр всех развлекает,
Все банки, шопы и кафе.
Премьер-министров убивают,
В часах, крутящихся извне,

Две пешеходных – тоже есть
Прошли, почуяли – прелесть!

Есть остров – грешен стариной,
Весь «под коня» и с замком королевским.

Бумаги здесь подписывает он,
Когда наскучит бразильянка блеском
Своей неписаной красоты.
А здесь ему меняют караул,

И кто бы что ни говорил,
Но даже я – и тот смекнул,
Что это важно для страны –
Почти как добыча руды!

Что видим в «старом» мы еще:
Пивбар, искусство где витает,
Где обсуждает коллектив
И Нобеля кому-то присуждает.

Георгий тот же здесь стоит,
На ратуше который будто бы летает,
И финский сад с одним стволом,
Где мальчик славно так мечтает.

Как чижик-пыжик он в саду ...
Пожалуй, я еще скажу.
Что старый город, как и старость,
Надо беречь и уважать.

Вот это шведам удастся
Не словом – делом, так сказать.
И уважать, не сторонясь,
Боясь обидеть ненароком,

А вместе с ней существовать,
Подпитываясь вместе соком.
Мысль не нова, но снова к ней вернулся
Вот здесь, когда «по старости» я прошвырнулся.

И снова в древность, но уже иную:
Вот остров, где стекло куют,
Где карлик-домики, овины,
Свинарники, прядут где, ткут.

Здесь жизнь спрессована в веках,
Доступно все и все понятно,
Почти что Русь в Стокгольм пришла –
Ведь говорят, нам шведы – братья.

Музеи видел под открытым небом,

Но этот – лучший. Браво, шведы!
Запомнился корабль короля,
Который новым утонул,

И триста тридцать лет спустя
Его музей здесь приютил.
На острове на том - есть Диснейленд,
Аквариум и зоопарк, дендрарий, яхты,

Но, главное, здесь отдыхается легко.
А это поважнее всякой вахты.
Хоть я здесь рухнул, невзначай,
Но наслаждался всем, считай!

Вот так, гуляя, изнутри
Иль «глобусы» смотря в окошко,
Я понял, чем он так хорош
И чем родным он стал немножко.

Он грациозный и уютный,
Цивильный, модный и ... простой.
Не разухабист, как Россия,
Но человечный. Боже мой!

Всегда ценил в величьи простоту –
За это шведов и теперь я чту!
Таков Стокгольм, и Швеция такая,
Хоть и взрастилась на крови.

Война последняя ей очень пригодилась –
Руде железной рады были немцы, мы.
Война ей матерью родною стала,
Но разве в том ее вина?

И молодец, что поддержала
И свой народ, и города.
Ну, а занудство шведов в общем-то понятно:
Легко уж слишком при богатстве.

Куда-то занесло, в такие дебри ...
Авто уютно шелестит,
Тесленко Зоя – гид от Бога
Века увязывает в нить.

И за окном вдруг, смысл являя,
В себя, внутрь обращает взор.
И бес внутри нас затихает
И ангелу дает простор.

Ну, где тебе, товарищ черт,
Когда Стокгольм, Тесленко, Фьорд.

P.S.

Ну, что же, 10 лет спустя
Визит повторный нам удался,
Жена все так же молода,
И вкус к автобусам остался.
А, может, 20 лет спустя
Вам тоже напишу об этом я?

Юбилейное поднебесье. 06-29 ноября 2006 г.

Китай нам выпал не случайно,
Китай был выстрадан давно.
От Мао, помню, Джо Эн Лая
С китайцем были заодно.

Чем от Китая веет в Руси? -
Когда-то мудростью и тайной,
Сейчас наш бизнес сюда трусит,
Снабжаясь дрянью не случайной.

И я за ними затрусил,
Мечтая подарить любимой
Страну, с которой в детстве жил
И восхищался медициной,

Великой мыслью и трудом,
Что почитал всегда и всюду.
Вот перемешен явь и сон,
И я уж здесь с своей подругой!

ПЕКИН

Полупустынная округа
И гряды в зарослях камней
Пожухлость, пыль определяют
Пейзаж Пекина – ей-же-ей!

Не ожидал я от него,
Что осень вовсе без красы.
Повсюду блеклость, серость, смог,
Лишь на шелках краса, цветы.

Ну что ж, с природой стало ясно.
Возможно, город оживит?

И шаг за шагом, без напраслин,
Грызем истории гранит.

Чтоб проще изложить – возьму за жабры,
За основание, за пуп.
А пуп и в Чайне – император,
Их всех китайцы очень чтут.

Один из них решил стеною
Себя от мира отделить.
И вот она – змея змеёю
К себе туристов сонм манит.

Тыщь шесть, сказали, километров
Она всё вьётся по горам.
Не зря попала в чудо света,
То подтверждаю, видел сам.

Пускай мои дрожали ноги,
Вздымалась грудь, пыхтел живот,
Но почему-то был доволен
Когда все это превозмог.

Гуляя по стене кругами
И по ступенькам вверх и вниз,
Ты чудо лучше понимаешь,
Когда потеешь за каприз!

Сие – вершина для Китая,
Но лишь прелюдия Пекина.
И вот уж мы туристской стаей
Плоды вкушаем... Ден Сяо Пина.

Сначала вонь и грязь трущобы
В нас хоть брезгливо, но вошли.
Нам стало проще небоскребы
Считать за благо сей земли.

Пекин – высотная коробка.
И это, право, хорошо.
Когда пройдешь по «правде жизни»,
То понимаешь глубоко!

Здесь Микрософт, Икея, Виза
Обосновались неспроста.
А где же их национальность?
Где их китайская душа?

А для души есть император:

Вот дача, например, его.
Здесь все буквально глаз ласкает,
Гондольность крыш и озерцо.
И бесконечная веранда,
И островок, и легкий бриз,
И буйство красок на воротах,
Драконы – на любой каприз.

Китайством здесь вокруг все дышит
Куда б ни бросил свой ты взгляд.
То есть, воздушность и изящность -
Они сквозят во всем подряд.

Здесь император отдыхает,
А молится богам не тут.
В храм неба он переезжает,
Где крыши синие влекут

Своей небесной благодатью
И той ж гондольною дугой,
И керамическим расцветьем,
И керамической трубой.

Храм неба – комплекс из изяществ
С тройной дорогой в главный храм,
Он в середине – как иначе,
Земля и небо – по бокам.

Ну и работает – раз в месяц
(Великое - не терпит суеты).
В закрытом городе, стеною
Тот отгорожен от толпы.

Пред городом – громада-площадь,
И в мире нет сравнимой с ней.
Сейчас здесь мавзолей для Мао,
А на стене – набор идей.

Он сам не жил как император,
Мол, аура не подошла.
Дворец отстроил себе сбоку,
Тем социализм зачал тогда.

Но мы бежим от социализма
В тот, в императорский дворец.
В Пекине он – вершина счастья,
И уважаем, как отец.

Вошли в центральные ворота.

Пред ними наш российский флаг,
Как будто б Путин появился,
Но нас не трогает никак.
Мы все отделились атмосфере:
То деловой, то на бегу,
То созерцанию, чаепитью,
Прелюбодеянию и вину.

Здесь почему-то много тронов
(Он восседает там и сям).
Повсюду речка протекает,
Златые рыбки – видел сам.

Вода в кувшинной позолоте,
Что на борьбу с большим огнём,
Драконов стаи разной масти
На крышах даже встали в строй.

И «тыщи» комнат – то для жен,
Которых и не знает даже.
Но и наукам здесь поклон,
Они здесь все как будто в саже,

То есть, отмечены судьбой.
Сам император принимает
Экзамен, и ведет отбор,
И здесь же их судьбу решает.

Искусство, техника, бои –
Учись, и можешь отличиться.
Иначе, кем родился ты,
С тем и уйдешь, не поживившись.

В конце у города – холмы,
На тех холмах красавцы–храмы.
Вершиной смотрятся они
Красот земных. И... бог наш с нами.

Довольно с Вас, герр император,
Пора отдать и честь богам.
И к Будде в гости эскалатор...
Автобус, то есть, нас помчал

В самый известный монастырь.
Идут моления стихийно,
Горят костры, дымит бамбук,
Будда предстал здесь непрерывно.

От «с ноготок» до великана,

Смеется, дарит всем любовь,
И все серьезно, без обмана,
Идут обманываться вновь.
Здесь храмы для моления,
И кое-что для шопа.
Китайцы любят здесь его
Как папу вся Европа.

Но чем-то здесь любовь не та –
Не к папе и не к богу.
Как будто с совестью она
И с мыслью, пусть, немного.

Но о Буддизме как-нибудь,
Наверно, попозднее.
Я о Пекине выдам суть -
Она сейчас свежее!

Что мой увидел первый взгляд?
Вторым я видел больше,
И жемчуга его смотрел,
Как жгут эмаль, как дольше

Скуки чай хлебать
Умеют церемонно.
И потому могу сказать
Я про Пекин законно:

Поднялся он в князя из грязи,
И князь удалый, молодой.
Он современный, но китайский,
Я с ним и сердцем, и душой.

СИ АНЬ

Нам говорит путеводитель:
Столица, мол, Пекин не та.
Си Ань должен этим гордиться -
Он «тыщи» лет был ей всегда.

А нам-то что: Си Ань, ну так Си Ань.
Готовы и ему отдать мы дань!
Что вижу я? Сначала с самолёта
Зеленые поля, глубокие овраги,
Дома в деревне кажутся из блоков -
Не вкось и вкривь, как наши после браги.
Пока китайского я ничего не вижу,
За этим можно съездить и поближе.

А тут еще пошли высоты:

Опять Москва, Нью-Йорк, Тамбов.
Ау, где ты в Си-Ань китайство?
К высоткам здесь я не готов.
Услышал Будда. Причитал сейчас не зря.
Я очутился в пагоде Дикого Гуся.
Так называют монастырь,
Где смесь индусов с Буддой.

В нем индобашня как волдырь,
Как главное здесь блюдо.
Она сюда пришла с буддизмом,
Монах занес от индуизма.

И гусем кто-то подкрепился
Удачно очень, на века!
Всемирный центр ученья Будды
С гусем в соитьи навсегда.

Да бог с ним с гусем иль с гусём -
По центру Будды мы пройдем.
Вот этот храм – судьба в нефрите,
Как он родился, мыслил, рос,

Сидел под деревом, молился,
Творил добро, пахал, пас коз.
Пришел к учению, спускаясь сверху вниз,
Поэтому в веках ему не страшен никакой сюрприз.

А дальше храмы - про учеников,
Про тех, кто до Китая мысль донес.
И как-то ближе стал мне Будды кров,
Я стал молиться. Видимо, дорос.

Не знаю, до чего. Но, точно, я не издевался,
Наверно, дань отдал. И с этим жить остался.
А далее – история пошла.
Впервые видел я собранье книг,

Которых столько в камне.
И этих книг прекрасен лик,
И мудрость в них, а сколько дел?
Библиотека под названием «Лес стелл».

Вообще-то я не жалею надгробья
И не ценю я мысли на века.
Усвоил здесь я – это недостаток.
«Лес стелл» убил его, надеюсь, навсегда.

Да, мастеров творенья не горят -

Сейчас лишь понял я, о чем они твердят!
А дальше – больше. Опять зверюга–император:
Чем кровожаднее, тем больше вклад
В историю, в религию, в науку.
А вот об этом мало нам твердят.
Нам жаль невинно убиенного ребенка,
И мы ж в восторге от убийцы - поросенка.

Таких, как Бонапарт Наполеон,
Как Петр Первый иль как Цинь...
Ну, хватит, хватит в эти дебри.
Пора уже про терракотов стиль,

То есть, про это вот восьмое чудо света,
Которое у многих цель китайского билета.
В чем чудо? И о чем же речь?
Жил был товарищ император Цинь

И понимал, что не бессмертен,
Устраивал себе могилу он не серебром, не золотом.
Боялся, на том свете отберут и сан, и власть,
А так хотелось ему там покуролесить власть.

Решил с собой он войско прихватить
На всякий случай, от врагов.
Конечно, он бы мог живых похоронить,
Но сохранить их – не готов.

Пришла идея - войско изготовить,
Чтоб на века его иметь изволить!
Идею он с размахом воплотил,
Все взял с собой – до мимики лица,

Все в натуральный рост, оружием снабдил
Из глины терракотовой, а значит – на века!
Случайно войско отыскал крестьянин,
Теперь автограф раздает почетный горожанин.

Турист слетается на чудо, словно мухи,
Хоть замыслом Цинь-Циня возмущен.
Но что греха таить, и это ведь не слухи,
Цинь-цинтя гением он явно восхищен.

Пусть погубил он легионы,
Но и в экстазе миллионы.
Пора кончать. А жаль! Могу я о Си Ане,
Как будто, многое сказать.

И о древнейшем человеке -

Он здесь обедал тыщи лет назад.
Раскопки убедительно сказали,
Что здесь неандертальцы обитали.
А о стене, что сохранилась
И украшением стоит?
13 километров - это диво,
И всех людей к себе манит.

Не только русских, немцев, тайцев,
Но и танцующих китайцев.
Мы на двойных велосипедах
Стену освоили вполне.

А о пельменях, что к обеду
Нам подавали при вине,
Какой-то сладенькой водице,
Ей невозможно вдрызг напиться.

А вот пельменями объелись.
Их больше двадцати сортов:
И с уткой, с тыквой, и с орехом -
Живот мой ликовать готов.

Зачем, шипит он, лезть на стены,
Сиди и жуй мои пельмени!
А про китайское искусство,
Что нам ласкало слух и глаз,

А про народное гулянье,
Что нас вводило, скажем, в раж.
Толпой танцуют здесь китайцы,
И мы в толпе в китайском танце.

А про танцующий фонтан
Гигантских, мировых размеров?
Не удержались мы. Наш вальс
Собрал толпу, оваций перлы.

Жена растаяла в улыбке
И даже дети не ругались шибко.
Но поезд наш стоит уже.
Прощай, Си Ань, прощай навечно.

Я о тебе и знать не знал,
А полюбил тебя сердечно.
С собою нынче увожу
Все то, о чем сейчас пишу!

ЛОАН

Поезд пронес до Лоана,
В окнах – поля в этажах,
Кирпичные ветхие хаты,
Мини-заводы – не ах!

Наш двухэтажный подошел,
И... вот уже процесс пошел.
Я окитаился чуть-чуть,
Накинул кепку чайканшиста.

Пора уже и слог сменить,
Я ж для китайцев – не фашиста.
Попробую я стилем Дао,
Как повелел товарищ Мао.

Есть в Лоан пещерный хра-а-ма, это харашо-о!
Там есть очень много Будда, это харашо-о!
Император так сказала, и вот Будда здесь.
Хорошо всем делать Будда, и вот Будда много.

И ЮНЕСКО всем сказала – это харашо-о!
Иванов – министр русский - здесь у Будда спал.
Харашо, что Будды много, он тогда сказал.
А еще есть Белый Лошадь – это харашо-о!

Самый первый храм для Будды – это харашо-о!
И буддисты всего мира к нам сюда спешат,
И туристы всего мира к нам сюда спешат.
Пусть спешат все люди мира, лодка ведь большой.

Так сказал всем людям Будда,
Когда сидел под деревом и ничего не ел.
Два монаха приехал на Белый Лошади и сказал:
Надо делать храм для Будды,

И сказал: В храме надо делать пять ступеней,
Потому что семь – нирвана. Надо делать пять!»
Хунвенбины все разрушил – не хорошо!
Но теперь ведь все в порядке. Плохой хунвенбин.

Посмотрели Белый Лошадь.
Он – как Дикого Гуся.
Если любите буддизма,
Значит, был не зря.

Шао Линь – не могу по-китайски писать,
Здесь крутое должно быть словцо.
Тело в сталь превращают здесь, так твою мать.

Мужиков здесь куют, не говно.

И хоть видел не раз, как молотят кирпич,
Как вонзают мечи под ребро,
Я дрожжал в Шао Линь как осиновый лист,
Когда увидел здесь это добро.
Сила мощная, их как грачей по весне,
Потолок пробивают ногой.
Здесь, в Шао Лине, как больше нигде,
Понял: уважать силу надо. Бог мой!

Ведь она им дается не так-то легко.
И тогда для себя я решил:
Пусть они свой молотят кирпич,
А я буду жить так, как и жил.

Побывал на могилах их – Пагоды здесь,
Они смертны как мы все равно.
Покидал монастырь, увозя эту весть:
Мужиков здесь куют, не дерьмо.

О Лоан, о Лоан, нужно до свидания,
И река Ло – тоже до свидания,
И танцующий лоанец в новом, старом городе,
Любим мы теперь тебя,
Было очень здорово.

КИТАЙСКИЕ ЗАРИСОВКИ – 1

Большая, мрачная стена. Темнота, пыль, грязь. Квадратно-гнездовым стоят китайцы лицом к стене. Время от времени делают какие-то движения все вместе, молча, но как по команде. И так несколько часов.

Массовка шизофреника

Вокзал, зал ожидания. Мягкие кресла в белых чехлах, приятная китайская негромкая музыка. Уютные кресла на втором этаже поезда, чисто, проводница тут же убирает мусор, который остается от твоей еды. Купе широкие, чисто, комфортно. Есть тапочки, но нет полотенца. Есть термос и индивидуальная мусорка. Окна вагона большие, широкие. Гляди - не хочу в окно вагона. Есть равнинные поля вдоль дороги рядом с домами. Выращивают все, что есть на земле. Есть поля террасами, даже небольшие клочки отдельно террасированы. Местами чисто, цивилизно, как в Австрии. Местами мусор, грязь, клоака - как в Индии. Есть все между этими двумя состояниями. Так и витает повсюду: было совсем хреново, а сейчас, кажется, выкарабкиваемся.

Пекин, Си Ань, Лоан – многомиллионные города разного калибра – по убывающей. Но везде есть суперсовременные микрорайоны, так что не поймешь, в Китае ты или в Германии. Есть места, где жизнь, дома, быт, грязь, вонь арабско-индийского класса.

Переводчики уходят от вопросов о политике, отговариваясь фразой:

«Мы строим социализм под руководством коммунистической партии. Мы не против, если в нашу экономику вкладывают деньги капиталисты. Мао Цзе - Дун – наш великий вождь. Но он человек, поэтому у него тоже были ошибки. Сейчас уже много лет у нас коллективное руководство страной и ошибок нет».

Массовое незнание никакого другого языка, кроме китайского.

Перед иностранцами не преклоняются, но мы им очень интересны. Они смотрят на нас так, что возникает ощущение зверинца, где мы выступаем в качестве экспонатов без клетки. Я вызываю особый интерес пузом, бородой, шортами, майкой – у них-то зима. А также гомендановской кепкой.

Китайский стол круглый, с круглым крутящимся центром, куда ставятся 10-15 разных блюд на 7-8 человек. К еде палочками быстро привыкаешь, будто бы по-другому уже и не должно быть. Почти без исключения все блюда подходят нам, вкусны для нас – от травы до жирной свинины, несмотря на то, что есть сладкая рыба и мясо, есть жареные жирные куски свинины, есть непонятная неизвестная зелень. Точно подобранный соус и способ приготовления делают свое дело.

Искусство очень наивно. По-видимому, такое и нравится среднему китайцу. Они готовы смеяться, пугаться, переживать, если на лицо натянута маска, которая выкрикивает какие-то слова. Это называется китайской оперой. Все в восторге, если еще и пестрый, яркий костюм.

В кино, театр в нашем понимании не ходят (да его, наверное, и нет). Это заменяется танцами везде и всюду.

Рынки. Обычные - без каких-либо особенностей. То есть все это я где-то уже видел. Магазины, расклады – арабские, индийские, европейские. Жареные каштаны – парижские, гриль, барбекю – международные. Может, только фрукты в карамели китайские, на шпажках. Стараются надурить иностранца, завывсив цену в несколько раз.

Движение машин по городу – упорядоченное. Боятся нарушить правила – жуткие наказания. Но велосипедисты вносят умеренный хаос. Велосипедов, мопедов, мини мотоциклов – множество. Общественный транспорт набит битком.

СУЧЖОУ

(население 7 млн. чел.)

Восточная Венеция –
Сучжоу первый приз,
Каналами изрытая,
И на любой каприз
Китайскими садами,
Что из камней с водой.
Фейшуистость здесь всюду,
В нее мы с головой.

Причудливость в округе,
В природе и в бонсай,
В беседках, травах, мостиках.
Эмоций – через край.

Бесшумных и воспитанных
Лишь только для души,
Побродишь, медитируя,
И отдохнешь в тиши.

Я это испытал сейчас у Клерка - Рыбака -
Такие вот названия дала садам судьба.
По миру расплодили их, как сам китайский люд.
Они из тех, из редких, что в мир несут уют.

Венецию припомнил я, когда на катерке

Эмоции возили мы, как баксы - в кошельке.
Боялись растронжирить их, без дела расплескать,
Ночные впечатления не стоит забывать.
Причалил все же к берегу китайский наш баркас
Здесь как везде на площади был по-китайски пляс.
Квадратно-гнездовым они шагали как один,
А мы по-русски сбацили: китайцам - эфедрин.

Они нас обступили - как инопланетян,
Смеялись, улюлюкали, как стадо обезьян.
Сучжоу – первый город, который весь китайский,
Поэтому и показался нам – сад райский.

Послушайте музыку пословицы:
«На тебе – рай на земле Сучжоу, Ханчжоу».
Немного рая отхватил и я,
Не только я, но и моя семья.

И все же садом завершу
Нехитрый свой рассказ.
В саду пять лун пленили нас,
Вводили души в раж.

Одна луна – на небе,
Другая – на воде,
А третья – в том зеркале.
Есть пятая – в душе.

ХАНЧЖОУ

(население 7 млн. чел.)

Еще один китайский город
С китайскою душой,
С большим красивым озером,
С столичной же судьбой.

Чем тронул нынче сердце он?
Наверно, чистотой
На улицах, на озере.
Он в нас вселил покой.

Неужто, я буддистом стал?
А что? Как ни крути
Ведь в храме нынче побывал
«Прибежище души».

Хоть грандиозностью своей
Он нас и покори,

Но и приватности души
Он в нас не подавил.

Здесь каждый Будду по себе
Изволил выбирать,
И Будда каждому совет
Изволил скромно дать.
Вот мне он, например, сказал:
Как жил, так дальше будешь жить.
Любили женщины тебя,
Так будут и любить.

В «Шести гармониях» ещё
Пришлось нам побывать,
Китайских пагод здесь музей.
На всех их бросить взгляд

Но хватит Будд! Пора на чай,
И мы уже в селе,
И на плантациях – коврах
Азы вбираем те,

Что позволяют оценить
Откуда, почему
Напиток этот от богов,
Поем мы гимн ему.

Да нет, не только это всё -
Мы просто любим чай,
И здесь отдали честь ему,
Теперь назад – встречай!

Нас снова озеро любви,
Где множество легенд
Смотрели в опере мы их
И даже в фонтанленд.

Гуляли ночью среди них
В причудливой красе.
Любовь и в нас, любовь и вне,
Мы в ней, как караси в воде!

КИТАЙСКИЕ ЗАРИСОВКИ – 2

Армия

В армию стремятся все. Но производится жестокий отбор (биография, рост, здоровье). После армии – гарантированная работа на государственном предприятии!

Дети

Рожать можно только одного ребенка. Родишь второго – огромный штраф, плюс увольнение с государственного предприятия. А здесь работа на таком предприятии – гарантированная социалистическая жизнь. Есть исключения. Крестьянам разрешено иметь второго ребенка, если первый – девочка. Льготы с детьми есть и нацменьшинствам. Всего в Китае 56 национальностей, в основном, хансы.

Китайская грамота

Иероглиф – это просто. Вот видишь палочка вверху – это небо, внизу – это земля, а если еще в середине и все зачеркнуть – это император! А вот если эти восемь черточек, то это трава, зелень, а еще рядом шесть палочек – капри – это вода, рыба, а вот эти крючки – рис, но не который едят, а зеленый. А все эти черточки вместе, то это слог «Су». Все очень просто.

Девушки

Все молодые девушки мечтают сделать операцию. Превратить узкие глаза в европейские. Большая проблема для родителей.

Рис

Рис подается везде и всюду. Просто пропаренный. Рисовые плантации – на юге. Видел в Сучжоу, Ханчжоу. Стоял уже готовый для уборки, в желтых колосках.

Шанхай

В притонах Шанхая и китайчонок Ли поселили с детства блатную романтику в моем сердце. Но это уже история! Сейчас для меня Шанхай - самый современный город из всех городов мира, который я видел. А видел я не мало. И это уже реальность!

Лицо, фасад города – набережная реки Хуанхе. Широкая, полноводная река, по обеим берегам которой раскинулись красоты. Это факт, который никто не пытается оспорить. Со стороны старого города набережная пропитана интернациональностью, в том числе – Русью. На противоположной стороне современнейшая высотная застройка с продуманными, излучающими покой и уют зелеными уголками. И сама «Жемчужина Востока». А этот факт оспорить невозможно.

Старый город – это небольшой квартал в 17-ти миллионном городе. Он весь состоит из типичных китайских домиков с крышами «в полете». Есть классический девятиколесный мост с чайным домиком, китайским садом, нефритовым Буддой. Мы просто нашпигованы китайской архитектурой. Улицы Нанцзянь Э, площадь Согласия, французский квартал – все это не кажется современным, настоящим – так выглядят города будущего. Замираешь от красоты, высоты, гармонии. Мы просто околдованы этой машиной времени.

Нас дождь мочалил двое суток
Во чреве блудного Шанхая.
Мы ожидали встретить плута,
А отхватили горстку рая.

Во мне сидит какой-то праздник
Эмоций, чувства – через край.
И это сделал он, проказник
Великий жизненный Шанхай!

КИТАЙСКИЕ ЗАРИСОВКИ – 3

Рынок

Иностранцам цены завышают, часто – на порядок. Если хочешь купить – торгуйся. Оптимальная дипломатия торговли такова: назначаешь цену в 20 раз ниже, он делает круглые, полные ужаса глаза и сбавляет начальную цену в 1,5 раза. Ты прибавляешь к своей – чуть-чуть. Он сбавляет цену в 2 раза. Ты поворачиваешься и уходишь (вот здесь самый тонкий момент торговли – не делаешь вид, что уходишь, а уходишь). Тогда он тебя догоняет и называет цену резко меньшую, но ты не должен реагировать. Тогда он называет цену еще меньше, ты продолжаешь уходить, и вот тогда китаец называет истинную цену вещи, и ты покупаешь ее.

Свадьба

Свадьбу в Китае видеть не удалось. Но здесь любят эту тему, особенно о подарках. Каждый гид рассказывает, что непременно атрибутом приданого должен быть ночной горшок, еще называют приемник, швейную машину. Ну а побогаче кто – нефрит, шелка, жемчуга. Это здесь с незапамятных времен и всегда ценилось. Сейчас Китай в периоде унисекса, т.е. кто как хочет, у кого как получится. Лишь ограничения в рождаемости накладывают свои особенности, прежде всего на разводы.

Шелк

В детстве занимался выращиванием шелкопряда. По колхозам, школам раздавались личинки – крошечные червячки в маленькой коробочке. Их высыпали на плоскую поверхность, например, кусок картона и кидали на них листья тутовника. Через неделю червячки приобретали уже размер дождевого червя. Их разбрасывали на специально сделанные вешела – полки, расположенные друг над другом и занимающие размер большой комнаты. Очень прожорливые, листьев тутовника нужно несметное количество. Приблизительно недели через три после начала всей этой процедуры они вырастают толщиной и длиной с мизинец и готовы выделять из себя шелк! В это время на вешела кладутся специальные снопы из сурепки (в Китае – из тростника). Каждый из червячков выбирает себе удобное место и начинает замуровывать себя, вращая всем телом в пространстве на 360 градусов и выделяя из себя шелковую нить. Некоторые это делают вдвоем. Процесс замуровывания длится около недели и после этого получившиеся куколочки отвозят на фабрику. Все это я сам видел и делал в детстве. В Китае увидел продолжение. Куколочку бросают в горячую воду, она размокает. Опытным глазом находят конец нити и привязывают к барабану, на который и наматывается вся нить. Дальше – дело обычное. А вот те куколочки, где сидят два червя, разматывать не научились. Их просто растягивают и используют в изготовлении одеял. Их то, т.е. одеяло с подушками, мы и купили себе на память. На память же съели и тех червячков, из которых вышел весь шелк. Ничего, вполне приличная дрянь, отдающая арахисом.

Косметика

Женщины бредят китайской косметикой, которая имеет звучные названия: жемчужная, шелковая, нефритовая, чайная. Ничего в косметике не понимаю и поэтому - ничего и написать не могу!

Мадам Тюссо в Шанхае

Из наших – Путин. Его тут знают все. Чувствуется уважение к нему.

В примах – Шаолинские и Голливудские звезды (Джеки Чан, Джулия Робертс и т.п.). Можно с ними сфотографироваться, сыграть в футбол, баскет, теннис и пр. Видел в Лондоне, Амстердаме. Здесь – самый малый, но современный.

Монорельсовая дорога

431 км/час. Ощущения: машины – ползающие мошки, дома – миниатюрные модели. Комфортно, просторно. 6 минут езды из Шанхая в аэропорт.

Театр Ла Скала был в лесах,
Когда я был в Милане.
Его в Шанхае встретил я
И рад был этой даме.

А, может, «Мену» — как мне с ним
Сегодня разобраться?
Тогда в Шанхае я решил
К ним на балет податься.

Бравурный Мендельсона марш
Пришёлся мне по сердцу.
Не зря не упустил свой шанс:
Достойно всё, без перца.

Хоть и скакал осёл по сцене,
Но даже критик Влад сказал:
Смотреть возможно на ЛаСкал
В Шанхае. И я рад.
Моё пузо сегодня рыдает,
Слёзы радости — это в глазах.
Я в Китае — Буддийское чудо -
Не презренный и жирный свинья.

Меня щупают все в удивлении:
Вот, мол, Будда на землю сошел.
А когда волоса, грудь представлю -
Тут же в трансе они все. У них шок.

Пожелания Будды

И сказал Будда жене:
«Знай, ты настоящий император!
Умом и мудростью вполне
Ты мощный, сильный генератор».

На Влада пальцем показал:
«Не торопись, и постепенно,
Поддержкой пользуясь семьи,
Богатство и успех придут к вам непременно».

А Маше Будда так изрёк:
«Коль будешь жить ты, как жила,
Будет крепка семья, как шелк,
И будет счастье у тебя!»

Вопрос ведь не стоит:
Прав Будда или нет?
Откуда знает Будда всё?! -
Ну, Будда, ну стервец!!

Нефрит

Из этого камня - любые изделия, от мышки до Будды, от грамма до тонны. Холодный камень, завораживает, как змея. Купил подстилки (спать на них) и маленькую подушку. Говорили, что делает здоровым сон. Каждый день сплю на этих подстилках. Сон как был здоровым, таким и остался. Поутру все тело разукрашено рисунками этих подстилок, как после экзекуции. Поскольку не выкинул ещё эти подстилки, то, видимо, зла в них нет. А есть ли польза... Впрочем, все там будем.

Жемчуг

Выращивают ракушки. И в море, и в реке. Этого добра тут навалом. Видел, как открывают ракушку, как жемчужины расположены в ней, сколько их, каких размеров. Как из них готовят самые разные украшения. Говорят, много подделок, причем искусных. Никогда не понимал и не понимаю, чем плохо иметь подделку, если она по виду не хуже, а стоит много дешевле? Ведь сейчас это не передают от прабабушки внучке!

Прогулка по Хуанпу

Кораблик отошел от Бунта (набережной) и час плавал по Хуанпу до чудо-моста. Ощущение такое, что пред тобою весь путь человечества, от природы до небоскребов. От речной воды тянет естеством природы, переходя в утлость китайских женок и затем в их же великолепие. Следуют картины: груды стройматериалов по обе стороны реки (песок, щебень), уголь и прочая неприглядность, которая и составляет основу жизни вместе с рабочим видом тягачей, тралов, платформ, баркасов и пр..

Скользишь по всему тому глазами вверх и упираешься в праздность и величие небоскребов, в буйство мигания и переливания света. Опускаешь голову, и ты снова в живительной прохладе природы.

Жемчужина Востока

Так называют здесь телебашню, которая даже в окружении небоскребов сумела подать свою красоту и привлекательность. Изящная талия башни в трёх местах охвачена «китайскими фонарями», от которых на улице-то трудно отвести глаза. В верхнем фонаре — ресторан, в среднем — обзорная площадка, в нижнем — музей г. Шанхая. Прекрасный музей! Ничего подобного не встречал. Идешь сразу во времени и пространстве, чувствуешь себя участником событий прошлого и настоящего. Есть чему поучиться нашим чиновникам от культуры.

Океанарий

Все со вкусом и с размахом, от моллюска до акул, от Амазонки до Австралии, включая, соответственно, моря Тихого океана. Наибольшее впечатление от прохождения тоннеля. Ощущения — идешь по океану, а вокруг тебя все то, что там живет. Первый раз увидел нечто среднее между осминогом и крабом. Потом, в Санья, видел эту штуку в уличных ресторанах, где показывал пальцем — мол, мне эту штуковину!

Остров Хайнань

В буйном Тихом океане
Меж «Гонконг и Филиппин»,
За ничейным - за Тайванем
Большой остров есть один.

Довелось здесь оказаться,
Чтобы в Тихом искупаться!
Искупаться — искупались,
Присмотрелись, что к чему.
Снова в океан подались -

Очень ласков потому.
Ведь у нас сейчас зима,
Здесь — курортная страна.

Круглый год вода ласкает всех,
Кто баксы предложил.
Вскоре глаз наш замечает -
Русский здесь язык ожил.

Здесь великий и могучий
Почитают все до кучи.
Хоть пока еще без «Эра»,
Но усек я смысл один.

Величают нас не «сэра»,
Говорят нам: «Господин!»
Я объехал весь Китай -
Только здесь вот этот рай!

Говорят, что на границе
Тоже русский наш в чести.
Пусть китайцу плохо спится,
Говорю вам от души,

Если русский он не знает.
Но... и без нас он процветает.
Рис на острове сажают
(Пресной много здесь воды),

Урожая три снимают,
И везде — сады, сады.
Я такого экзоблюда
Не видал нигде. То чудо!

Ёжики здесь - как в сиропе,
Как арбузы здесь кокосы,
Гуаява в местном шопе -
Как стога при сенокосе.

И ещё с десяток нечто,
Что я помнить буду вечно!
Ну а живности из моря,
Что повсюду в ваших взорах?

Разве с этим кто поспорит -
Они сразу в ваших порах!
Через пару, через дней -
Видеть не могу! Налей!

Черпахи, змеи, рыбы,
Каракатицы, мурены.
Да и вы бы не смогли бы
Лобызать их без измены.
Чтобы разгрузить сортир
В русский ходим мы трактир.
Там плавучие деревни
Всех снабжают и в избытке.

Промысел сей очень древний,
Поэтому-то очень пряткий
Здесь торговец дарам моря.
Ну и дай бог! Мы не спорим.

Черепаший суп как манна,
И лангусты, и лягушки
Восхитительны! И пьяным
Ты выходишь без малушки

От китайского стола.
Пуза пир! Вот это да!
Населенье коренное
Называется здесь просто.

«Ли» - название такое
Населяло этот остров.
Видел я таких, но редко,
Просто — мини-статуэтка.

А потом пришили мяо,
Островные краеведы.
Коренастая та стая
Из бандитов-людоедов.

Могут по стеклу ходить,
Могут жечь, мечом рубить.

В джунглях всё есть,
Всё как в джунглях:

Обезьяны, леопарды.
Лучше уж ходить по углям,
Чем со змеями в лианах.
Сплав туземства, гор, озёр —

Вот к чему привёл обзор.
Этот остров — он прекрасен
Тем, кто плод его вкушает.
А для жизни он опасен —

Джунгли — каждый это знает!
Для меня он все ж Буян -
Жил-то здесь я как султан!

КИТАЙСКИЕ ЗАРИСОВКИ – 4

Крокодил

Привязал курочку к веревке на палке и пытаюсь поиграть с крокодилом, который мирно лежит на солнышке в крокодильей канаве. Хочу положить этого цыпленка ему на хвост или спину. Как только цыпленок опускается на некое расстояние от воды, мгновенно откуда-то из глубин катапультируется пасть крокодила уже с этим несчастным цыпленком. Мгновенный переход от постоянной неподвижности к достижению цели со скоростью пули этой махины шокирует. После этого смотреть, как крокодилу кладут голову в пасть, по-настоящему страшно.

Обезьяны

В джунглях, в деревьях не встречал, в отличие от Индии. Там их в городе навалом. Здесь видел только в одном месте — на полуострове, куда попадают на фуникулере. Зато их много, они окружают тебя, просят лакомств, гоняют друг друга, когда ты им что-то бросил. Многие на тебя не реагируют, продолжая заниматься своей обезьяньей жизнью. Слышал, что в джунглях много крупных обезьян, но они, конечно, сторонятся людей. Если только станешь Тарзаном и будешь жить в джунглях, тогда.

Край света

«Хоть на край света за тобою!» -
Так соблазнитель изрекает,
И это часто помогает.
Кто в детстве не мечтал найти

Край света или хоть представить,
И вот дал бог жену доставить
На этот самый на край света.
Не для того, чтоб здесь оставить –

Чтоб поцелуем путь прославить,
Который мы уже прошли,
И чтобы повернуть назад
В возвращенный нами жизни сад.

Быть может, напоить его
Ещё живительною влагой,
Крайсветовской мечтой-отрадой.
Что вижу я, прибыв сюда?
Паломников везде и всюду,
Таких ж, как мы, спешащих к чуду
Из груд камней на берегу,
И уходящих в океан.

Не лебединый это стан,

А просто вечное безмолвье
От них струится даже там,
Где толпы праздных горожан.

Когда увидел это я,
То сразу принял: «Да, край света!»
Где ж ему быть, как не здесь где-то.
Индийский, Тихий океаны

Выводят скалы к берегам,
Их окатало здесь и там,
Представив в виде валунов.
Они навиделись немало,

Милльардов нас уже не стало,
Они же, мудрые, лежат
И источают Инь и Янь
В сердце, в душевное пространство.

Мы не спешили уходить
Из этой ауры о вечном...
Теперь могу я о конечном
Уж без волненья говорить!

Рафтинг

Высоко в горах, выше некуда
Есть бурун-река, да с порогами.
Потасил туда будто леший нас,
Проше — чёрт принес огородами.

Огородами — джунгле-джунглями,
Где растет кокос, да с папайею,
Чтобы нас спустить по реке бурун,
Долбануть чтоб нас, чтобы помнили.

Посадили нас не в долбленный чёлн,
А в резинову лодку пышную.
И пустили нас по бурун-реке,
Матерись, мужик, в Будду с Кришною.
То в скалу тебя шлемом шмякает,
То фонтаны брызг кляп во рту плетут,
То несет тебя задом-передом,
То совсем тебя к дну потоком шьёт.
Сказка, слышал ведь, скоро спорится.
Дело, знаешь ведь, долго пот дает.
Сколько кровушки да повыпито
В той реке-бурун знает только тот,

Кто доплыл живым до конца реки

И сказал потом, что ещё хочу!
Это Маша-свет, это Влад-мудрец,
Хохотун-жена. Только ваш слуга

Глубоко вздохнул, про себя сказал:
Видно, уж не быть сыну рыбака
На бурун-реках, видно уж не плыть...
Да и хрен бы с ним.

Даосизм

Был я в парке у моря,
Что красивый, как сад,
Где драконы и феникс, как дивы,
Где молился страшилищу (в жилу обряд),
Валуны здесь Генсековской силы.

Здесь деревья — донашенской эры поры,
Но не это в том парке пленило.
В нем царила гармония мягкой красы,
Что являлась здесь признаком силы.

Я не понял, что было здесь Инь, а что Ян,
Но я чуял ансамбль из нечто.
Дао снова урок нам сейчас преподавал:
Лишь единство различий есть вечность.

Мы еще обсудили к вершине пути:
«Раз не рвешься к высотам — дерьмо ты».
Даосизм здесь в Китае в почете, в чести,
Но Конфуций все ж в большем почете!

Свиные гонки

Бегут, толкаясь, поросята.
Визжат, взбегая на помост,
Оттуда прыгают ребята
В бассейн с водой. Какой полёт!

Какая грация свиная,
Как крутится свининский хвост!
А я стою и вспоминаю
Почти уж вековой тот тост.

Однажды на какой-то свадьбе,
Когда с гостей другой был спрос,
Дарить заставили деревню.
Кто что имеет — на поднос!

Когда поднос пришёл к отцу,
Он брякнул: «Черный поросенок!

Его я молодым дарю» -
Когда же утром он спросонок

Услышал, как ворчала мать:
Мол, так и по миру пойдём,
Коль раздадим всех поросят.
Где денег мы на хлеб найдём?

Он посмеялся от души:
«Подарки — штучки городские,
Мол, и не думал я дарить,
Но надо ж что-то говорить!»

Про эту быль я знал всю жизнь
И символ - «чёрный поросёнок» -
В себе я бережно носил
И применял! В нём есть бесёнок!

Сто лет назад...Сейчас в Китае
Летает «чёрный поросёнок».
Конечно, сердце моё тает,
Слеза блестит от свиногонок!

От свиньев перешли к слонам,
Они плясали, в мяч играли,
Но я был с папой, с мамой там,
В далеком детстве! Мы гуляли!

О здоровье

Про массаж китайский
Новость изрекать -
Быть самоубийцей.
Я рискну сказать

Про родон, про ванны,
Что стекают с гор.
Их здесь больше сотни
Для раскрытья пор.

Аромат кокоса,
Кофе, запах роз.
В каждой ванне что-то -
Печень иль склероз.
Где-то щиплят рыбки,
Где-то стон-гамак.
Разомлел я шибко
И наутро — шмяк.

Чёрной полосою

Лёг родон под глаз,
Режет по живому,
Просит унитаз.

До инфаркта - малость,
Или пронесёт?
Так «китайский ванна»
Встряску нам даёт.

Шоу трансвеститов

Никогда не видел,
Ничего не знал...
Шоу трансвеститов -
Кто-то подсказал.

Пенис отрезают,
Чем-то окропят,
А потом вживляют,
Эллипсность придав.

Как окно в Европу
Полость в нём пробьют -
Женщина готова.
Дальше только грудь.

Но про это дело
Можно не писать.
Всем давно известно -
Не нужна здесь мать!
Вот таких вот женщин
Чёрт дал повидать.
Издали — красавицы,
Глаз не оторвать.

А подходят ближе -
Волос дыбом вмиг.
И по коже мушки,
Из горгани крик.

А раскроют ротик,
Сердце в пятку — прыг!
Шоу трансвеститов,
Незабвенный миг.

Так получилось, что в путешествии по Китаю с нами были книги Вэн Хой «Крошка из Шанхая» и «Замужем за Буддой». Говорят, это бестселлеры молодой китайской писательницы. Там есть героиня, т.е.герой — единственный китайский мужик, который стал женщиной. В нашем шоу это широко обыгрывалось. Все остальные трансвеститы — из Тайланда. А Вэн Хой хороша — рекомендую.

Как верёвочка не вейся...

Да, да! Пора заканчивать. Потехи час прошёл. Увожу с собой впечатление о Китае как об очень достойной стране, в которой есть всё: и убожество, и интеллект, и покорность с послушанием, и желание надуть тебя, лишь только подвернётся момент. Бросается в глаза их коллективное воспитание, которое проявляется не только в массовых танцах сродни гимнастики, но и в одежде: они себя очень хорошо чувствуют, если все одеты одинаково.

Бросается в глаза современное строительство. Сразу чувствуется, что страна на подъёме. То ли ещё будет. Ведь только недавно миллионы спасались от голода рисом, кузнечиками, крысами. Их менталитет нам понятен, близок. С ними можно и нужно дружить.

Путешествие было не только полезным, но и приятным. Хороши были молодые — Маша с Владом. Любо-дорого посмотреть. С ними и мы были молодыми.

28.11.06

P.S.

Да, чуть не забыл:
Ведь всё это было
Освещено святостью,
А именно: юбилеем жены!
С днем рождения, любимая.

Хочу, нарушая все правила, посвятить тебе несколько четверостиший:

Мы совпали с тобой, совпали,
В день, запомнившийся навсегда,
Как слова совпадают с губами,
С пересохшим горлом – вода.

Р. Рождественский

Если ты любишь, как я, бесконечно,
Если живешь ты любовью и дышишь,
Руку на грудь положи мне беспечно:
Сердца биенья под нею услышишь.

А. Фет

Мы были вместе, помню я ...
Ночь волновалась, скрипка пела ...
Ты в эти дни была – моя,
Ты с каждым часом хорошела

А. Блок

Ближе друг к другу, чем мы, -
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.

А. Фет

«Мрачный» Чудо-Остров. 28.04.2007 г. – 12.05.2007 г.

Встреча с умным, старым и... прекрасным

День первый-второй
28-29 апреля 2007 г.

Хитроу. Аэропорт — огромный комбинат.
Перемещает всех подряд
От королев до террористов.
Всё грандиозно, но всё быстро.

И вот Хитроу позади,
Посмотрим, что же впереди?
Ах, Кембридж! Да — тот самый,
О нём молва повсюду ходит.

Здесь ум растёт как на дрожжах,
Здесь родина высоких технологий,
Макушка мозга, свет в потьмах.
Об этом много раз читал.

Сегодня Бог дал — повидал!

Что видел? Совершенство! Модель,
Как жить наукой, как овладевать,
Как черпать из неё блаженство,

Как новое творить и за него страдать.
Всё это — в безмятежности свободы,
Той, за которую не надо умирать,
Ее ты «кушай» сколько хочешь!

Она — как воздух здесь — всегда,
Всегда доступна! Твою мать!

Как просто! Вот дом, в котором ты живёшь,
Грызёшь гранит науки.
Вот парк, где думать хорошо,
Общаться, творческие муки
Перетирать чрез сердца жернова.

Когда ж намоется мука,
Вот дом, куда несёшь те штуки!
Здесь есть и уши, и сердца,
И им нужна твоя мука!
И всё! Здесь созданы условия для творца,
И молодая мысль способна к чудесам.
Мы искупались в этой атмосфере

И «просолились» этой верой:

Здесь яблоко упало на Ньютона,
Поскольку это Кембридж-зона.
Здесь все готовы воспринять,
И фрукты в темя норовят...

Прелестный малый городишко,
Где плоскодонки и газоны.
Здесь колледжей — как звёзд на небе,
И всюду новые законы.

Они вот здесь, сейчас пекутся,
Потом по свету разнесутся.
С тем и покинул Кембридж я -
Родная, близкая земля!?

Автобус по полям, лесам,
Но я об этом как-нибудь попозже.
Сейчас Средневековье вам представлю я.
Сначала Линкольн — придержите вожжи:

Не президент, не прокуратор.
Его зачали римляне-солдаты.
А речка Лина и высокий холм
Родили имя: он - Линкольн.

Холм высоченный. На вершине то,
Что делает из прозы волшебство -
Собор готический. Направлен в воздух, ввысь!
И витражи, экран дубовый — зашибись!
И кафедры резные, мальчишки поют,
Покой в соборе и... уют
Душе, конечно же, не телу,
Но ей важнее это дело!

Спустились вниз с холма,
Взглянули снизу вверх.
Поверг меня Линкольн, поверг!
А вслед за ним и Йорк —

Поверьте, знаю толк
В костёлах, витражах,
Но «пять сестёр» - то ох и ах,
Вот эти витражи — как чудо при соборе.

И понял я уж вскоре,
Что в стройный ряд я все их не сложу,
Лишь ввысь отправить всё это могу.

Весь Йорк, что с крепостной стеной
И с улицами, викингами. С той
Очаровательной красотой,
Которая завёлся стариной.

Сюда же отнесу весь город Дарем -
Он тоже при готическом соборе,
При холме, что поднялся над рекой
И обаял нас стариной.

Не думал, не гадал,
Что в Англии сразились
Римляне и скандинавы.
Они и заложили мощь державы.

Уж говорил, что старина прекрасна.
Не отрекись, надеюсь, никогда.
Но то, что видел в Харогейте,
Меня сразило навсегда.

Представьте: город на термальных водах,
Наверное, думаю, курорт.
А центр его — причудливое поле,
Где каждый, что желает, то и жнёт!

Один сидит, другой лежит с любимой,
Третий лошадку за узцы введёт.
Тот вон с собачкою играет,
А тот с друзьями пиво пьёт.

Вокруг цветы, и сакурность повсюду.
Вот эту красоту уж точно не забуду,
Тем более, что Байрон и Агата Кристи
Здесь тоже приложились, но со «свистом».

Она хотела здесь покончить с жизнью,
А он собаками достал.
И боже, милая отчизна,
Тебя на Харогейт, наверно б, променял.

Обилье впечатлений опьяняет,
Меня, наверное, потихонечку ведёт,
Во мне хоры как будто бы витают,
И кофе-брейком будто отдаёт.

И всё же, я ошеломлён другим:
Здесь нет строительства.
Уж всё построено давно -
Урок, который и понять нам не дано!

Шотландия

30.04.2007 г. – 01.05.2007 г.

«Седло» вспарило над столицей,
И башня Нельсона в холме.
Сюда на шабаш ведьм слетелась
Вся молодежь шотландцев при луне.

Но полнолуние затмевают,
Бесовской нечисти костры.
В их бликах бродят привиденья,
При них — оргазмы секс-борьбы.

Гарь факелов в себя вбирая,
Дикарство не сдержать в груди.
В тебе шотландистость бушует,
И вот ты — демон во плоти!

Так встретил первый май здесь я.
Подумать — всё закономерно!
Ведь замки с чертовщиною — друзья,
Их солидарность — несомненна.

На холмах беснуется люд,
Столица вокруг «при свечах»,
Главенствует Крепость-корабль,
А миля за ней — в королях.

Мария Стюарт и т.д.,
И дочь королева, и мать.
А я Эдинбургом с горы
Любуюсь опять и опять.

В ночи не такой уж суровой
Кирпич мрачноватый горит,
И крыш чешуя отражает
Всё — шпили и трубы — блестит!

Как будто бы кисть Рафаэля,
Что видел в музее и здесь,
Расцветила ночь натуральность,
И с мужества сбила всю спесь.

А он — мрачноватый и сильный,
Владелец гротескной красоты,
Дождями, ветрами омытый
Не прочь так отдаться ночи.

Смотрю Эдинбурга творенья -

Шотландец, не дать и не взять.
Пушка, копьё и... волынка -
Как трость джентельмену - под стать.

Да, кстати, волынка пришла сама в гости
У двух величавых мостов.
Глубокой мелодии звуки
Купались в вине... под любовь,

Которая вышла из сердца,
И в ней мы купались сполна.
Тебя, Эдинбург, я запомню
Как символ мужского добра.

Далёкой Шотландии близкой
Теперь созерцаю края.
От двух валунов пограничных
Начало отсчёта взяла.

И вот вожделенные замки
(От Стерлинга был, например),
Озёра, форель (без рыбалки) -
Лох Несс — побратим был, поверь,

Не страшным, а милым, раздольным
В тот солнечный праздничный день.
И вот мы уже в самом Глазго,
Но это потом, не теперь!

Сейчас я хочу Вальтер Скотту
Себя, хоть немного, отдать.
Я рад, что здесь память о лорде
Так бережно, с чувством, хранят.

Родной, изумительный контур
Под елью иль туей стоит,
Под ним безмятежно, смиренно
Сэр Вальтер покорно сидит.

Ах, сколько он дал благородства!
Уж взял иль не взял — кто как смог!
Я чувствую в нём отцовства,
Он быть человеком помог.
И вот уже можно про Глазго...
Он — странно, не только футбол,
Он может от масла до плазмы,
Он докер, строитель, шахтёр.

Всё больше и больше к туризму

Сейчас обращает лицо,
И сразу нашлись аргументы:
Мол, Глазго и есть то зерно.

Не только шотландского толка -
Британии всей, мировой!
И я, посмотрев, согласился
С трактовкой подобной такой.

Какая-то есть гармоничность,
Собравшая вместе века -
Соборы, дворцы, макинтоши
Здесь жить не мешают пока.

Напротив, они гармонично
Вписались в рабочий процесс.
Быть может, мне так показалось,
А, может, всё это и есть.

Всю ночь мы с женой макинтоши
Пытались объять и понять.
Пока что не вышло — признаюсь,
Всё заново надо начать!

И снова мы мчим по дороге,
Где выпасы всюду овец,
Коров, лошадей — даже ламы.
Вот это — и есть тот ларец,

Где сложены мощь и богатство
Шотландии — чудной страны,
Свободной от урбопостроек,
Где зелень, простор и холмы.

Где замки — как нации корень,
Где пабы — как времени лист.
И ствол — шерсть свободных овечек.
Волынка здесь к месту — не свист!

И вот мы уже на границе,
Звучит как призыв: Гретна-Грин.
Какое прощанье устроить
С Шотландией? Здесь их кумир -
Свобода любви, что без предков,
А только один на один.
Издавна этим известна
Шотландская Гретна-Грин.

И я — осмелел, объяснялся

В любви, что до гроба во мне -
Нет-нет, не Шотландии милой,
А собственной (боже!) жене.

Ну а Шотландии сказал: «Прощай!
Жаль, что не встретил здесь дождей!»
Ну а серьёзно? Спа-си-бо
За интересность этих дней!

За то, что праздник на душе,
За прелести твоей природы,
За твоей сакуры цветы,
За молодость... в такие годы.

Швейцарская Англия **2 мая 2007 г.**

Вот что такое есть клише!
Ведь не был я в Швейцарии,
Но видел близкое везде
В Норвегии и в Австрии.

А на Кавказе, а в Крыму,
В Китае и в Испании -
Но вот, как видите, твержу:
Мол, это — как в Швейцарии!

Но, если честно, то не тянет
Британская страна озёр,
Ей явно что-то не хватает,
И это что-то — прелесть гор.

Здесь слабоватые они -
Без мощи, в лысину, без жути.
За неимением — сойдут.
В них деликатность, нега. В сути
Озёрный край — рай без экстрима,
Для расслабухи у воды.
Здесь овцы, лебеди, гайд-парки -
Как раз для этого штрихи.

Не для купанья, а для неги
Со всей Британистой земли
Сюда съезжаются народы,
Но мы, конечно, не они.

Совместно в стае с лебедями
Я плывал в радости, что русский,

Но, правда, не был пьян -
Для русского момент сей - «узкий».

Не слишком шутка удалась,
Но все ж расслабился сейчас.

Ливерпуль
2 мая 2007 г.

«А в Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далёким берегам».

А нам ведь брать Бастилию,
Бастилию, Бастилию,
А нам ведь взять Бастилию,
Как негру съесть банан!

Сейчас музейной гавани
Придали божий вид.
Сюда приходят «в плаванье» -
Туристы ищут «щит».

Спасаются при гавани,
При гавани, при гавани,
И я верчусь по гавани -
Теперь она магнит.

Да, порт теперь магнит –
Он центр сейчас музейный,
И праздный люд сюда валит
В прекрасный день весенний.

Здесь в окруженьи колоннады
Обосновалась дока гладь,
Кафе, конечно, магазины -
Повсюду прелесть ловит взгляд.

Вот Англиканская громада -
Церковь как Титаник мрачность льёт,
Вот грандиозная таможня
При птицах пышность придаёт.

Не только доку — Ливерпулю
Она здесь безраздельный центр.
А вот и Мёрси — та речушка,
По ней сюда и хлынул цент,

Что с Новым Светом тесно связан.
Сейчас мы видим здесь отлив.
Дно оголилось.... Время нету...
Нужен ещё один прилив.

Сил, чувств, познаний жажды,
Ведь это — родина битлов,
И мы... слонялися по пабам,
Забыв мотивы их хитов.

И, опоздав в музей про Битлз,
Но это, право, ерунда,
Я был как Леннон, Пол Маккартни -
Свободным, ветреным, тогда,

Когда по улочкам болтался,
В обнимку даже с ними был.
Ну, надо ж! Мир перевернулся!
Вот как в пивную Джон входил!

Поля, где эн полей футбольных,
И Альберт-гавань с птицей-миф,
И пабов дух животворящий -
Мой Ливерпуль во мне затих.

Таким рабочим, но и праздным,
А был ведь — ливерная грязь.
И романтичность Ливерпуля
Во мне блаженно разлилась.

Чеширский кот

3 мая 2007 г.

Город-музей, при нём Юнеско!
Всё опоясала стена.
Сухой британец даже скажет:
Сюда сорока занесла

Вот эту моду. Чёрно-белый -
Таков узор его домов.
Сорока? Джентельмен во фраке!
Брильянт из серых городов!

Здесь восхищает каждый вид,
Куда бы взгляд ты свой не бросил.
Манеж подвешен — не встречал.
Ах, да! Ведь здесь же вечно осень!

Об этом только слышал я,
Под блики солнца подставляясь!
Чеширский кот — то про меня -
Головкой сыра улыбаюсь!

Уэльс-I (северный)

Попробую немного приоткрыть
То, что зовут сейчас Уэльсом.
Проделал я немалый путь
В авто, и аэро, и лесом.

Но лесом больше: здесь, в Уэльсе,
Он, избранно, то там, то сям.
Уэльс — овечья столица,
Они повсюду по горам.

И даже рядом с Чудо-Замком!
Они для королей как фон:
Оговорился — это принцев
На трон сажают в Корнарвон.

Ещё один скалистый замок
Смотрел в местечке я Конвей.
Весь город обнесён стеною
И весь оттуда, с прежних дней.

Суровость? Это только замков.
Быть может, хмурость? Может быть,
Но у меня другие чувства:
Уэльс — возвышенная нить!

В прямом и переносном смысле,
Пусть невысоки, но хребты!
И всё торжественно в природе,
Со вкусом всё — поля, мосты.

Уютны городки и сёла,
Пленят и зелень, и цветы,
И птичий свист, и их же гомон,
И водопады, и... скажи,
Откуда чую гордость,
Что здесь повсюду разлилась? -
Не знаю! Но я это принял,
Особенно, когда смог власть

Здесь на лужайке развалиться
Среди зашерстных овец.

Жаль, что автобус починили,
А то б... Но, впрочем, наконец,
Коснувшись животом земли,
Я понял, что скучаю я
Не по дворцам и не по пабам -
Зазноба есть — моя страна!
А чтобы завершить с Уэльсом,
Ещё из жизни эпизод:
Когда автобус поломался,
К нам подкатился овцевод.

Ему под девяносто лет.
Он двадцать лет живёт один.
Впервые здесь большой автобус
Увидел этот господин.

Он знает, как «куётся шерсть»,
От «а» до «я» и... всем доволен.
«Здесь все такие» - молвил он:
«И мне другой не надо доли!»

Вот в этом весь Уэльс и есть,
Живут здесь долго и спокойно,
Горды собою — всё же шерсть!
Упрёк цивилизации достойный!

Уорвик **4 мая 2007 г.**

Уорвик — это город-замок,
Но начинённый всем и вся.
Мадам Тюссо восстановила
Здесь жизнь и быт, и... времена.

От тех средневековых нравов
До Черчилля — он юн, красив.

Здесь музицируют миледи,
Бельё стирают. Он игрив,
Она — при детях, в панталонах.
Он — то с копьём, а то с мечом.

Века не надо глядеть в лупу:
Они при нас сейчас живьём.
Ну а раз замок — привиденья,
Раз привиденья — значит, страх!

Его мы тоже испытали

И слёзы видели в глазах.

Средневековая стена
И башни — это для обзора,
А, что в обзоре видел я,
Воспринял как кусок позора,
Что не достичь нам никогда
Такого образца природы.
И за британцев был тогда
Я горд. Как будто часть породы

Их был я. Надо ж, прислонился,
Не вышел рылом, а туда ж.
Вокруг народ честной резвился -
Кто при павлинах, ястребах,

Кто просто так лежит на травке,
Кто «пыткой» хочет испытать...
Такой живой и древний замок
Мне довелось сейчас узнать!

Шекспир (Стратфорд)

4 мая 2007 г.

Признаюсь, что люблю Шекспира,
Его роскошный точный слог,
Глубинность мыслей. И мудрость
Простоты. Вот это — он лишь смог.

Я слышал и читал когда-то,
Шекспир, мол, выдумка, фантом.
Он - неуч, браконьер и кожник -
Не мог поведать нам о том,

Как и чем жить будут народы,
И в чём же суть людских страстей...
Нашли шекспировских шесть строчек,
И усомнились... ей же, ей!

Но вот же дом, где он родился,
И вот же гроб, где он лежит,
А вот и школа, где учился.
Жена здесь, дочь. Всё говорит,

Что он живее всех нас,
Что бродят по земле.
Он мэром был не где-нибудь,
А в этом Стратфорд-городке.

А город чёрно-бел, как Честер,
Есть речка — Эйвон, катерки -
Расписанные «чемоданы».
И есть желанья у души

Ему нижайше поклониться,
Сказать: «Спасибо и... прости,
Тебя, безмерно уважая,
Не смог двух строк произнести!»

Оксфорд
4 мая 2007 г.

Теперь могу я три отличья
Оксфорд от Кембриджа найти.
Оксфорд — павлинистая птица,
А Кембридж — соловьи, дрозды.

Оксфорда колледжи — как храмы,
Не как, а храмы, так и есть.
От Нотр Дам не отличишь их,
Все близнецы, как взвод невест.

Но есть, и слава тебе, Боже,
Огромный центр — поле коров
Громоотвод наукострессов,
Плацдарм любви, кто без оков.

Дворцовый Оксфорд. Имеет право
Быть и таким наукоград.
Кому ведь трели соловьины,
Кому, пардон, павлиний зад!

Виндзор
5 мая 2007 г.

Здесь королеву чтут и любят,
За то, что просто человек.
Признали: трудное занятие
Быть человеком в наш-то век.

Когда всем фунты управляют,
Тем более, когда им счёт
Уже потерян. Заявляю -
Я целиком за этот лот.

Чтоб посмотреть «на человека»

Здесь к ней на дачу съездил я.
Сей Виндзор — это есть та дача,
Что строили для Короля.

Конечно, я признаюсь, льстило,
Что вот так просто — я в гостях.
За семьсот рупей — с королевой
Могу побыть в одних стенах.

Я внешне золота не видел -
Обычный серый замка вид.
Есть башня, церковь, казематы,
Двор, залы и где спит

Её величество и чады:
Диана, Чарльз, Камилла тож.
Я всё облазил, всё пронюхал,
Теперь спокоен — я хорош!

Залез в интимы до «подвязок»,
Они здесь всюду и во всём,
И про пожар успел прослушать,
Что, как сгорело и почём

Ремонт им крыши обошёлся...
И я подумал: почему
Нас тянет к славе прикоснуться?
И сам ответил: потому,
Чтоб знать от пяток до макушки
И от крестьян до королей:
У всех забот по «самы ушки» -
Так Бог создал, так повелел.

И ты, занявши свою нишу,
Без зависти к другим живи!
Вот так на дачку к королеве
Я съездил, чёрт меня возьми!

Солсбери
6 мая 2007 г.

Великая хартия вольностей!
Она ведь всегда на слуху.
Сейчас в колыбели той хартии,
Сюда протоптал я тропу,

Предстал пред закрытою дверью.
Должна быть, сказали, вот здесь,

Вот в этом соборе готическом
Сошла с короля его спесь.

Народ, ой, простите за вольность,
То лорды — не челядь же, Боже ты мой -
Права себе некие требовал
И их закрепил за собой.

Пусть я не увидел сегодня,
Как выглядит тот документ,
Но вот что сегодня почувствовал:
Так это свободы фрагмент!

Она здесь тогда зародилась,
И шпиль ей дорогу пробил...
И я так проникся к свободе,
Что службу по ней отслужил.

Стоунхэндж

Холмистое поле до облаков,
А в центре — разбросаны глыбы.
Пять тысяч годов уж прошло на земле
С тех пор. Ну а фибры

Ещё их волнуют, загадкой маня:
Зачем, для какого же дела?
Сегодня об этом задумался я,
Когда постоял в центре неба.

Ну что тут сказать? - много в мир чудес,
И это — бесспорное чудо,
Из этой громады «строгать» календарь -
Почуйте изысканность «блюда».
Ведь это сродни пирамидам Хеопса,
Но там всё ж Нил - камни можно сплавлять.
А как затащить это всё в центр поля,
Никто, даже я не могу вам сказать.

И я постоял, породнившись с веками,
Во все чудеса был поверить готов.
Наверно, поэтому не удивился,
«Китай» вдруг увидев чрез бремя веков.

«Китайцы» глазели на нас, как на чудо,
И мы «про Чернобыль» не смели забыть.
Вот так повстречались российские пары -
Английское чудо свело нас на миг.

Стоят в глазах развалины
Средь зелени полей,
Барашки тут же бегают...
За жизнь! Жена — налей!

Бат

Когда Джейн Остин я читал,
В слог, как малец, влюблённый,
Никак не думал, не гадал,
Что буду здесь сегодня

Все те красоты созерцать,
Что пышный слог составил.
Я видел их в кино. Сейчас
В себе навек оставил

Вот эти прелести холмов
В бескрайнейшем Гайд-парке,
Ведь в них изысканность любви
Уместна, как при варке

Уместно мясо или дичь.
Во мне — одно блаженство.
И вот я въехал в город Бат,
И он, представьте, совершенство.

Его Юнеско закрепил,
Как лучший град на свете.
Поскольку я был, посетил,
Тому и я свидетель.

Во-первых, бани.
Я молчу, поскольку моя слабость.
Я оду римлянам могу пропеть,
Что в жизни радость

От бань я черпал и «черплю» -
Мне этот сленг простите.
Поймите: в баню я хочу -
За это извините!

Источник термокаракал
Они не пропустили,
И здесь разбили город Бат -
Патриции вкусили.

Потом плебеи приобщились,
Да минеральная вода...

Давно уже здесь римлян нет,
А вот турист спешит сюда,

Чтобы отдать дань теплоте,
Той, что порой сродни любви.
Я защищать это готов,
А вы, что - против, что ли?

Конечно, жаль, что всё в развале -
Курорты людям так нужны,
А мы теперь все в «шоколаде»
Во всех концах большой земли.

И как хотят, так отдыхают,
И это видел я не раз.
А вот свои курорто-воды
На консервации сейчас.

Вокруг бань город развернулся
Своей немислимой красой.
Какой-то сталинской платформой,
С Парижем смешанной судьбой.

Мне всё понравилось в том Бате:
И мост, что улицей глядит,
Самой Виктории пейзажи
И просто его общий вид.

Какой-то он весь принаряжен,
Как будто б царь или жених.
И я на свадьбе его побыл,
В благоговении - затих.

Лондон

04.05.2007 г. – 09.05.2007 г.

Город масштаба мирового!
Его так сразу не охватишь,
Но раз уж взялся за сей гуж,
То, что тут уж...

1. Парки

Самое поразительное в нём, отличающее Лондон от других такого масштаба городов мира, - это парки. Мы обошли, посмотрели, прогулялись, пролазили практически все парки Лондона. Поэтому с уверенностью могу сказать — это чудо! Я бы сказал — главное чудо света.

Известно, что всё гениальное — просто. Лондонское чудо — в простоте. Основная идея лондонских парков — они должны быть местом отдохновения жителю крупного города. Отсюда — просторы парков. Тыходишь в парк и через пять минут уже ты находишься в таком месте, где нет шума машин, где

поют птицы, где ты можешь заняться на природе тем, чем хочется. Собачка, мяч, купанье, велосипед, лошадь, ракетка, поцелуй, валянье на траве, цветы - все здесь Выпить и покушать, в конце концов, да и всё прочее.

Все ведут себя в парках так, как будто бы это их собственность — что хочу, то и делаю. Эта природа — твоя, ты в ней и душой, и телом.

Почти в каждом районе города есть такие парки. Я прочувствовал Кенсингтонский парк, Гайд-парк, Грин парк, Сент-Джеймс парк, Риджент-парк, Холланд парк, Гринвич парк и др.

Есть у Лондона душа?
Конечно, это парки!
Мир британцев уважает,
Может быть, за эту марку.

2. Вестминстер

Центр Лондона настолько хорош, насколько позволяет себе вообразить человеческий разум. Центром я называю лондонский парламент с башнями королевы Виктории и Биг Беном, Вестминстерское аббатство с Черчиллем без птичьего помёта, Вестминстерский мост — не сам мост, как таковой, а тот вид, который открывается от этого моста. Тут и общий вид на Сити с пешеходными мостами через Темзу, и вид на депутатский городок — зелёную этажерку, и на «Глаз Лондона» - колесо обозрения, и, конечно, на здание парламента с его ажурной вязью.

Сердце Лондона — Вестминстер,
Оно достоинство и честь.
Это — истинная правда,
А не заискивающая лесть!

3. Улицы, площади

Если уж пошло сравнение с душой и сердцем — парламент, Вестминстер, то, может быть, уместно продолжить сравнение. Площади и улицы Лондона — это кровеносные сосуды с их содержимым. Лондон не будет Лондоном без Пикадилли с Эросом, без Трафальгарской площади с Никсоном, без тусовки в Сохо, без суеты у Ковен-Гарден и множества других театров, без дамской мили Оксфорд стрит, без очереди к Мадам Тюссо и миниатюрности Бейкер Стрит 221, без чопорности Сити, без двухэтажных автобусов. Нет во всём этом чего-то выдающегося. Но есть какая-то специфика, которая делает Лондон живым по-английски.

Брожу по улицам столицы
И вижу, чем она живёт.
Я вижу лондонские лица,
У них не русское — своё.

Они живут своей здесь жизнью,
Уверен, очень не простой.
Бог в помощь им, и благ, удачи,
А я уже хочу домой.

4. Музеи

А вот музеи — это «внутренние органы» Лондона.

Национальный музей — я уже уверенно различаю Писарро от Пикассо, Рафаэля от Ренуара. Даже Мане от Ван Гога. Сложнее с Веласкесом, Тицианом, Сезаном. Совсем просто — с Рембрандтом.

В Британском музее — черепки со всего мира. Встретил много «знакомых» из Китая, Индии,

Египта, арабского мира, Европы.

Галерея Тейд — модерн. Здесь интересно всё своей бессмысленностью, граничащей с безумием. «Чёрный квадрат» - это детский лепет, вот ржавый уазик с кучей мусора, кружащиеся фильмы — это да. Лучшая экспозиция — наше плакатное искусство с Лениным и Сталиным. Отдохнули с Ватсоном и Миссис Хадсон. Шерлока Холмса не было — был на деле. Но это уже на Бейкер стрит. Холм Гринвича с обсерваторией и нулевым меридианом — волнующее место как по красотам, так и по замыслу.

О, Гринвич! Повелитель времени земного,
Кого ты в юности не поражал?!
К тебе я мыслию стремился
И вот сейчас сюда попал.

Потрогал нулевой меридиан,
Представил круг себе земной,
Взгляд оторвал и что увидел? -
То, что назвал его душой!

5. Инкубаторный Лондон

В основе своей Лондон состоит из коттеджной застройки. Очень часто — однотипной. Например, район миллионеров — это однотипные фешенебельные коттеджи изысканной сталинской архитектуры. Рабочие районы — коттеджи барачного и околобарачного типа. Между этими двумя типами однотипной застройки существует ещё целый промежуточный ряд, который отличается от других, но «инкубаторский», в точности повторяющийся сто крат. Это создаёт специфический, немного жутковатый вид.

Такое многообразие однообразий -
Фундамент Лондона и суть.
Он нравится кому-нибудь?

6. Духовность Лондона

Сюда я отношу Святого Павла и Королеву.

Собор Святого Павла — грандиозное сооружение в Сити. Я вынужденно выбрал духовный путь проникновения в соборную суть, а жена забралась за Купола и смотрела на Лондон сверху вниз (потом повторила это с «Глазом Лондона»). И то, и другое вместе позволило понять, что сюда веками притягивает людей.

Букингемский дворец, окружённый парками, не выделяется своей архитектурой. Он привлекает совсем другим. Именно здесь, в Лондоне, пропуская через себя всю монархическую суть, я понял её необходимость для Англии. Да и для многих других стран это было бы неплохо. Посмотрите, в чём тут дело. Мазками — так.

Всё принадлежит её Величеству королеве (семейству). Она распределила, многое отдав в собственность, в управление лордам, и они ей платят дань (т.е. налоги) в зависимости от результатов правления. Подданные её Величества, т.е. народ, выбирают парламент (палату общин), правительство. Ну и пусть себе работают, улучшают жизнь людей, увеличивают отчисления королевской семье. Любовь к Королеве и её преемникам воспитывается с детства. Её любят, а правительство — можно любить, не любить, менять и пр. Необходимость в революции отпадает. Хочешь лучше жить, жить по-другому — выбирай себе другое правительство. Поскольку ты временный на земле, арендатор, то и жить тебе лучше на всём арендованном у... королевы. А почему бы и нет, если любовь к королевскому есть, и она воспитывается?!

Лишь два властителя у них -
Бог и королева.

7. Люди

Всего в Великобритании 60 миллионов человек. 25 миллионов — англичане, 28 миллионов — иммигранты, 5 миллионов — шотландцы, 2 миллиона — Уэльс с Северной Ирландией. Из иммигрантов — индусы, мусульмане, поляки. Они — подавляющее большинство лондонцев. Цвет кожи - жёлтый, белый, чёрный — по убывающей. Обращают на себя внимание англичанки — грудастые и попастые, средне-рослые. Это — очередное открытие для меня.

Ну, вот и всё. Ты стал мне ближе, Лондон.
Теперь не тайна. Этот магнит снят,
Но и без него остаешься великим.
Больше не увижу я тебя, наверное.
К паркам на прощанье я твоим приник!

Британские зарисовки

1.

«Нам не нравится, что наше правительство в последнее время во всём слушается американцев, даже заискивает перед ними. Это наши бродяги, наша чернь, наши слуги сбежали туда на свой остров, а теперь командуют нами, своими господами. Что за чушь, куда смотрит королева?!» - так рассуждает пожилая леди из аристократии, у которой «баба» и «прабаба», и «прапрабаба» были лондонцами и учились в одной школе, и сидели в этой школе за одной и той же партой.

2.

Случилось нечто. Полон самолёт,
И » хвост», в котором мы стояли, отсекли.
По 400 евро нам предложили
Отель, конечно, пять звезд, но...
Места, жаль, нашли.

3.

Вы, русские, богатый народ, у вас есть квартиры, есть дачи. У нас ничего этого нет. Всем владеет королева, а мы лишь арендуемся у неё (из речи нашего английского гида).

4.

Рожают здесь детей, чтоб только обучать.
В шесть лет их отдают в приюты,
И дальше видятся слегка,
Оплачивая счёт. Вот это круто!

5.

Англия начала XXI века — настоящий интернационал. Поскольку тёмная кровь сильнее, а этой крови уже сейчас в ней больше, чем светлой. Поэтому типичный англичанин середины XXI века будет смуглый, толстый и короткий.

6.

Любовь к «штамповке» здесь у меня в крови:
Они живут в домах, как блин, похожих.
И в пабах однотипных пиво пьют.
Все королеву любят тоже.

7.

Я раньше только слышал — есть лохань,
Лишь здесь увидел я её впервые.
Для кофе оказалась «эта длань»,
Кто слабонервные — вы станете немые.

8.

Эпоха Тони Блеера прошла,
При нас он уходил в отставку.
При Гордон Брауне та ж будет ли страна,
Иль снова ехать нам, и в сказку ль?

Чарльз Диккенс (Рочестер)

9 мая 2007 г.

Я с детством встретился сегодня,
Тебя, Чарльз Диккенс, подзабыл,
Но чувства, мысли, благодарность
До Рочестера сохранил.

Совсем не броский городишко,
Но есть и крепость, и костёл,
Река Мэдвей, мост и музеи,
И улица. Что в нём нашёл
Чарльз Диккенс? Я не разгадаю,
Но он его ценил, любил.
Да, в этой даме столько тайны,
Что разгадать не хватит сил.

Что мне — да самому маэстро,
Здесь он для всех для нас творил.
Вот его дом, шале Швейцарский,
Вот паб, где выпить он любил.

Да, Рочестер, я скоро про тебя забуду,
И это, знаю, тут же мне простишь,
Но всё ж, поверь, тебе я очень благодарен
За то глубокое во мне, что ворошишь.

Лидский замок

Есть на Аглицкой земле
Остров, что живёт во мне,
Ну, как остров тот Буян,
Где жил-был тот царь Салтан.

То не остров — островок,
Замок лишь один он смог

Поместить на сей земле -
Этo замок королев.
Проживали здесь они
В ожидании судьбы,
И потом, в конце-концов,
Он был продан — был таков!

Здесь жила американка
Леди Белли. Её стан, как
Сам я видел, - Нефертити,
Но на это не смотрите.

Посмотрите-ка вокруг,
Вы почувствуете вдруг,
Как рождаются красоты,
До каких они высот

Наши души поднимают.
Сколько глаз у нас хватает,
Вижу прелести лугов,
Перелески без лесов.

И повсюду речки, птицы,
Ивы, розы. Небылицы
В виде разных какаду.
Здесь же крики: «Пропаду!»

Слышу я из лабиринта...
Выпью пива, что ли, пинту.
И почувствую тогда:
Здесь — романтика сама.
Так в Британии считают,
И я это подтверждаю.

Победа в Кентербери 9 мая 2007 г.

Ламанш под боком — значит, крепость.
Есть и стена — замок Вильгельма,
То есть руины того замка.
А вот стена — она-то, шельма,
Как новая — и башни, арка.

И всё же это — мелочёвка,
Когда бросаешь взгляд — костёл.
Вот это мощь, вот это слава
Тем, кто придумал, кто возвёл.

Я слушал хоры при обряде:

Вот чинно служба отошла,
Затихли звуки где-то в сводах,
И где-то спряталась душа.

Она во мне не шевелилась,
Стремясь продлить тот сладкий миг.
Потом уж словно распустилась,
И я создал вот этот стих.

Потом у нас была Победа,
Собрали стол, вино, коньяк.
И разговоры о погибших,
И о живых, и просто так.

За жизнь, судьбу и за детей,
И песня русская лилась.
Душа опять была на небе
И благодатью разлилась.

Туманный Альбион
10 мая 2007 г.

Туманный Альбион — так Англию зовёт народ,
Откуда всё это идёт?
Сегодня предстоит узнать,
Увидеть, слышать, фото снять.

От Кентербери — к морю, к Дувру,
И вдоль границы понеслись,
Той, что у острова и моря,
Курорты здесь теперь, окстись!

Теперь не средние века,
Где больше крепости и замки.
Они стоят. Кому нужны,
Когда совсем другие рамки?

Остался только город Рай,
Весь из одиннадцатого века.
Сей город как прекрасный шлем -
Он на холме. Костёл при этом

На макушке, наверху -
Там мы с женою побывали
И тысячилетние часы
Спокойно, чинно изучали.

Рай — в общем, милое местечко,
Но видел и получше я.

Зачем всегда стремиться к Раю?
Богата «раями» земля.

Ещё один был город — Льюис,
Что проскочили просто в дождь.
Права человека — здесь родили!
Для нас же сделали фото-стоп.

Здесь храм одиннадцатого века -
Стоит разрушен. Лишь стена
На фото изображена.
А так – всё море и всё пляжи:

Фолкстоун, Гастингс, Истборн, Рай.
О Рае я писал немного,
А Истборн — пирс, где сказка-град.
Там побродили, помочили

В Ламанше ноги. Но я рад,
Что добрались до Альбиона,
До белых скал, а там — туман.
Я целый день сюда стремился,

Но Альбиона — нет, не видел!
Ну, может быть, совсем немного,
А вот с туманом — хорошо.
За это все - на месте выпил!

За Бичи Хед, за полотно
Того тумана, за кальсоны,
Что морякам «заветаны» давно.
Теперь на Брайтон. Альбионы

Уже остались позади.
А Брайтон встретил нас дождём -
Со шквальным ветром, ураганом,
Но нам всё это нипочём,

Мы от него лишь полупьяны.
Прекрасен здесь «Восток» в подсветке,
А пирс хоть блещет, но скрипит.
И променада - «длань небесна» -

Как будто нас благодарит.
Я понял: Брайтон — Ницца по-английски,
Есть ширь и блеск, и променад.
Мы помахали Бритиш - Ницце,

Но нам пора уже назад!

Портсмунд — Винчестер

11 мая 2007 г.

Из Брайтона всё время по Ла Маншу,
Мы в Портсмунд, всем известный, попадаем,
По ходу — всё знакомые пейзажи:
Холмы, лужайки, овцы — все мы принимаем,
И города, и замки тоже.
В общем, на Англию, безумно как, похоже!

Во-первых, чем известен Портсмунд?
Диккенс здесь родился,
Но дом его не видел я.
А, во-вторых, здесь Нельсон возродился,
Став гордостью Британьи навсегда!

Музеи здесь его, корабль
Виктория, где он погиб и побеждал,
Есть Леди Гамильтон,
Есть ядра, шишки.
Всё это он безмерно обожал.

Раз так судьба распорядилась,
Я всё, что должно, осмотрел.
И сразу махом на Винчестер
Мой дом-автобус полетел.

Винчестер тоже на холме,
Сам небольшой (я думал — больше),
Король Альфред здесь правит бал,
Он как Владимир для них: ропщет

На тех, кто каждый за себя.
Объединил он нацию.
Здесь сохранился его зал,
Столешница и «грация» -

Так сад Элеоноры я назвал.
Он самый старейший, первенец.
Последней точкой в пути стал!
Костёл, хоры небесные -

Бах расплескался и - под своды,
Залив блаженством всё вокруг.
Всё! Мы закончили походы.
Мы завершили этот круг.

Эпилог

Пол-месяца по острову сновали,
Шотландия, Уэльс и Англия,
Конечно, ближе стали.

Зелёный остров, говорят, дождливый,
Туманный, говорят,
Я видел лишь — красивый.

Ухожены лужайки, перелески
Биокосилками,
Что блеском шерсти отливают.
И ну, ей-богу, умиляют.

И хочется улыбкой одарить
Себя, жену, округу.
Историю здесь чтут, порядок и подругу.
Здесь джентельменство всё ещё в крови.

Здесь крупный — Лондон, дальше — городки.
Мне всё здесь нравится, но правды не тая,
Скажу: чужая, милая земля.

Брызжет неземной красотой
Ночной Биг Бэн,
Джейн Остовским очарованием
Лежат поля,
Шлейфом изумительного декольте
Благоухает Ковент-Гарден!
А то, что это всё я увезу с собой -
Истинная правда!

Двухконтинентальное турне. 06.10.2007 г. – 09.11.2007 г.

Часть I. Европа - Автоволяж

Мадрид

Его называют молодым, новым, современным. Наверное, потому, что при римлянах его вообще не было. А римляне на Пиринеях были долго, пока их не выгнали карфагеняне-мавры. Возник Мадрид как «избушка» под Толедо — крупнейшим арабским городом того времени: ведь надзирать вокруг надо было всегда. Но в этой «избушке» оказалось воды больше, чем имеет Толедо со своей р. Тахой. Подземные горизонты ежегодно надёжно наполняются потоками с недалеко расположенных гор. Так что Мадрид — сторожевая «избушка» - превратилась в современную столицу.

Современную «внешность» Мадрида определяет центральный проспект Прадо, который идёт от небоскрёбов мадридского Реала. На проспекте еще и его стадион, и площадь Колумба, и музей Прадо с его великими испанцами (Гойя, Эль Греко, Веласкес и т.д., и т.п.), старый город с площадями с гулькин нос

(Кастилья, Маэр, Королевский дворец), район известной площади с египетским сюрпризом от Асуана и смотровой площадкой. И вот отсюда, из смотровой площадки, ищешь доминанту Мадрида: Королевский дворец с Королевским же собором. Достойная вершина испанского величия.

В ночи плутали по зигзагам,
Набитым шумом и людьми.
Не надо быть каким-то магом,
Чтобы принять простой души!

Готовой более к веселью,
Чем к философским берегам,
Совокупляясь с настроением -
Переполнявшим меня там.

И поражало: в жизни, может быть,
Неплохо вот так бездумно щебетать,
Искриться смехом неглубоким,
Не торопясь, от жизни брать, брать, брать...

Но ночь прошла...в Хемингуэйе
(Он здесь, со мною ночевал).
«Не стоит, всё-таки, бездумно» -
Мне подмигнув, он так сказал.

Толедо

Не зря, нет, не зря Юнеско прибрал этот город к своим рукам. Город — шлем, вокруг которого петляет р. Тахо. Весь «шлем» представляет собой классический образец застройки типа «сакля на сакле». Вершина шлема — действительно великолепный кафедральный собор (Се!), где идут службы, разгул туризма, засилие картин великих мастеров и бряцание золотом и оружием. Толедские оружейные мастера мечей без орала — об этом даже я слышан, а сейчас и «навиден». Когда смотришь на Толедо со стороны (например, со смотровой площадки), то возникает ощущение, что перед тобой изумительное полотно большого мастера. И это — законченное полотно. В нём ничего не надо менять: ни убавлять, ни прибавлять.

Я потерял жену в Толедо!
Признаюсь: не вздохнул — струхнул.
По «шлему» бегал как безумный,
Как будто жемчуг утонул.

Как будто рухнули колонны,
Что свод небесный сторожат.

Мирида

Если Толедо — это область Ла-Манча в Кастилии, где как раз и совершал свои подвиги Дон Кихот под присмотром многотерпимого собрата Санчо Пансы, то Мирида — это столица области Эстрамадуры. Она прилегает к Португалии, является сельскохозяйственной, а, значит, одной из беднейших. В памяти бедности не осталось, а осталось ощущение города, блестяще сохранившего свою историю. Здесь и ки-

лометровый Римский мост через р. Гвадиана, и храм Дианы, который стал таковым недавно, а до сих пор был обычным домом, не подозревавшим за собой такого славного прошлого. Колизей и театр венчают римские корни города, за что сам Рим — настоящий, теперешний — преподнёс городу подарок в виде Римской волчицы. С теми самыми детёнышами. И стоит эта волчица на высоком постаменте рядом с рекой и нашей гостиницей — Новый Рим.

Мне скромность жить не помню, чтоб мешала!
О ней не вспомнил я и в этот раз.
Поэтому в театре Римском вдруг на Русском прозвучала
«По Питерской» - хоть не Шаляпинский, но, всё же, бас!

Эвора

Проскочив речушку с «воробьиным» бродом, оказались в Португалии. Несмотря на то, что между испанцами и португальцами, мягко говоря, напряжённые отношения, нет таможни и прочей дребедени — зримая польза Евросоюза (Ау, где ты, Союз Советских?!), не говоря уж об общей валюте и корректировках в экономике.

И вот мы уже в маленьком, но очень старом городке под названием Эвора. Это единственный город в Португалии, в котором можно лицезреть римлян — храм Дианы. Он до последнего времени был мясобоющей, а теперь стал зарабатывать больше на туризме. Запомнилась площадь с фонтаном в короне на фоне бело-чёрного фасада церкви, запах, вид и вкус жареных каштанов, довольно величественный собор из разряда кафедральных и капелла, сделанная из костей, найденных при раскопках.

Храм из костей — кощунство или память?
Не надругались ли, не впали ль в тяжкий грех?
Прислушался к себе и вынул из утробы...
Нет, не кощунство, если не на смех,

А на поклон низжайший -
Настолько зримым стал здесь тлен.
И мелочность, и суэта при этом умирают,
Гордыня и бравада попадают в плен.

Лиссабон

Перед самым впадением в океан р. Тахо (по-португальски — р. Танжер) сначала разливается на 17 км, а затем, сужаясь до 2-3 км, смешивает свои воды с Атлантикой. Там, где разлив, - начало Лиссабона. Там 17 км мост идёт зигзагами и в плане, и в разрезе. Там же современнейший центр Экспо-2000. Концовка города лежит уже за другим 3-х километровым мостом а-ля Америка, который заканчивается на другом берегу огромным крестом уже а-ля Бразилия. У этого моста ажурная башня Белен (с пушками). Храм в стиле Эмануэлино (канаты, якоря и всё морское в архитектурных фрагментах), где захоронены Васко-да-Гама и Генрих-мореплаватель, там же и монумент Первооткрывателям. Недаром чтут здесь Васко-да-Гаму, который открыл путь к специям, огибая Африку. Ну, открыл и открыл. А за этим открытием лежит могущество Португалии. Долгие годы они жили колониями и торговлей, ничего не развивая у себя... Поэтому тогда могучая, а сегодня нищая Португалия.

Центр же Лиссабона лежит там, где кончается разлив реки и начинается её сужение к океану, там, где землетрясение в 18 волной цунами смыло город с 40-тысячным населением. Сейчас на этом месте серебряный Лиссабон — идёт изящно выгнутой прямой линией от реки в гору, оставляя по бокам увесистые холмы старины: от огромной арабской крепости до метровой ширины улиц с не проходящим запахом сардин и трамваями типа «Аннушка». А та самая изящно выгнутая прямая от моря вбирает в себя арки и площади, улицы и памятники, освещённые блеском вымощенных мозаичной плиткой всего того, что под

ногами. Иногда эта плитка убегает и на стены. И только конец прямой, заканчивающийся огромным красно-зеленым полотнищем Португалии, позволил себе иметь зелёные части. А они и строги в центре своим орнаментным кустарником и милы своим криком петухов, гусей, уток и лебедей. Это, конечно, не доступно беглому взгляду, но приятно удивляет при неспешной утренней прогулке. Смесь при океанской шире с горно-долинным ансамблем делает город неповторимым, поскольку со всем этим неразрывным идёт мозаичность, серебристость и «Елисейность полей».

Пожалуй, правильно будет к облику города присовокупить современную цивилизность его прилегающих курортов — как при океанских (а вода-то - как хороша для нас, а ветра-то - как хороши для серфингистов!), так и горных (королевские-то апартаменты именно там). Глянулась мне и самая западная точка Европы — мыс Рока — соединение суровости ветров с неумолимостью солнечных лучей.

Хотел тебя увидеть — Лиссабон.
 Но, честно, ничего не ждал.
 Сейчас во мне ты — чудный сон,
 Который бы смотрел, смотрел и о котором бы мечтал, мечтал!

Фатима

Маленький городок, у которого площадь перед собором больше, чем сам город. И по этой площади ползёт на коленях к собору всегда кто-нибудь, а каждого 13-го числа — ползут тысячи богом обиженных. И чем больше бог их обидел, тем неистовее движения ползущего. Удивительное свойство человека — тянуться к тому, кто тебя сильнее всего бьёт по роже. И всё потому, чтобы получить надежду, что лупить будет реже... Ну, пусть потом, хоть когда-нибудь, пусть это чудо произойдёт. Как это произошло в этом месте много веков назад. И что за чудо-то — явление Девы Марии трём малолетним детям пастуха. Ничего хорошего им она не принесла. Двое вскоре умерли, а одна всю жизнь провела монашкой в монастыре, т.е. по морде дали будь здоров, а народ все ползет и ползет...

Сидит в народе этот вирус:
 Слышал - безногий побежал,
 А там слепой блоху стал видеть,
 А здесь немой — оратор стал.

Я видел в самых разных странах,
 Как в сказки верил человек.
 И даже мёртвых воскрешают,
 И даже в 21-й век!

На этом вирусе играют.
 Чем примитивней — тем верней.
 О, это крайне нужный вирус!
 Он кормит церковь, и всё при ней!

Порто

Стремительно летит время, всё вокруг меняется с калейдоскопической быстротой. Оглянемся на 12 лет — дети выросли, города изменились. Но не Порто — он законсервировался, ничего в нём не изменилось. Одно видно, что консервант оказался неважный — плохо защищает от обветшания.

А какой замечательный вид на р. Дору с её мостами, включая Эйфелев, грандиозную центральную площадь, кафедральный собор со смотровой площадкой на море черепичных крыш. Но нет радости, есть ощущение какой-то безысходности, даже тлена. Конечно, на набережной всё так же разливают, угощают. Но чуть отойдёшь от этого пятачка, так хочется не только руки помыть, но и целиком душ принять, чтобы

смыть ощущение разложения.

Неужто Молдованин, это ты?
Всё так же рысью — взад, вперёд.
12 лет прошло, а время
Здесь для тебя остановилось,
И никуда уж больше не несёт!?

Я помню, по России поносило,
В Италию когда-то занесло.
Был в Португалии строитель,
Ведь стройка — твоё было ремесло.

Ты по ночам учил языки,
Посуду мыл за хлеб с водой.
Ты что — теперь официантом?
Бродяжий дух отправил на покой?

Какой бродяжий дух — нужда пошла,
Лишь здесь не кинули меня.
Посуду мыл — теперь в гарсонах,
Нос в табаке, в тепле душа.

Ещё один урок у жизни
Сегодня в Порто подсмотрел.
Судьба нас всех, конечно, носит,
Но в руках наших наш удел!

Саламанка

Я слышал раньше: Оксфорд, Кембридж, Саламанка, Сорбонна. Все это по идее — студгородок. И действительно, на 160 тысяч жителей — 40 тысяч студентов. Так сейчас. Говорят, что раньше соотношение было 1:4; было ещё круче. Получилось так, что в мае этого года мне повезло побывать в Англии, в т.ч. в Оксфорде и Кембридже. Так что есть, с чем сравнивать. Признаться, сравнение проводить не очень просто. Саламанка — типичный старый город Испании, которые Юнеско подбирает, как грибы. Здесь и римский мост, и кафедральный собор, и множество церквей, и узкие улицы. Всё на горе, всё жмётся друг к другу, никакой зелени — сплошные постройки из песчаника. Но, во-первых, песчаник не совсем обычный. Он золотится на солнце, отчего и кажется, что студенты живут в золоте и город весь золотой. Во-вторых, на стенах многих построек, в т.ч. церквей чем-то красным написаны названия факультетов, которые здесь как институты. В-третьих, на церковных мессах профессура, не видел ни одного студента. В барах — одни студенты. Все бары забиты под завязку. В 6-7 часов утра они вываливаются оттуда под хмельком, орут, жестикулируют, мочатся на стены, отчего запах мочи в утреннем городе с трудом переносим. Последнее обстоятельство является убедительным доказательством студгородка. Так что Саламанка на моих глазах подтвердила славу интеллектуального молодежного города. Я уже ничуть не сомневаюсь в высоком уровне преподавания здесь.

На черепе лягушку все искали:
Мол, не найдёшь — не сдашь зачёт.
А мы зачёт кругами нарезали,
К утру зажав и нос, и рот.

Скажу вам, что моча нам не мешала
Вбирать в себя Испании оплот.
Душа в студенчестве купалась
И всё звала - вперёд, вперёд.

Сеговия

И Саламанка, и Сеговия — столицы одноимённых провинций. Сеговия хороша своим кафедральным собором (Се!), Алькасаром, выстроенным на стрелке при слиянии двух речушек. Алькасар называют дворцом Золушки — в Диснейленде построили его прообраз, да и в мультиках он частенько выступает. Действительно, дворец из сказки.

Но ещё более сказочным кажется прекрасно сохранившийся с I века акведук. Двухъярусный (высотой около 30 м!), длиной около 1 км. Когда стоишь в городе у акведука, охватывает ощущение принадлежности к какому-то чуду. Что-то, что раньше пригнулось под заботами, вдруг в тебе распрямляется и ты на подъёме, пьян без вина, а только от ощущения принадлежности.

Не ожидал от акведука,
Но испытал, ей-богу, испытал.
Не римлян, вроде, он прославил
И не испанцам очки дал.

Величье созиданья над войною,
Он — торжество ума и дела рук.
Спасибо Вам, Сеговия, за это.
И Вам, конечно, гордый акведук.

Мадрид-2

Колумб открыл Америку — Испания гуляет,
А я чем хуже? - Тоже погулял.
Вот заглянул к Эль Греко в Прадо,
А там — Веласкес, Гойя — чёрт побрал!

Мне даже Рубенс приглянулся,
А Рафаэль, Ван Гог, Ван Дейк!
Пора! Мадриду поклонился
За жизнелюбие и драйф!

Не мишуры и не металла -
Лишь блеск в глазах, увидел я.
По мне — так выше нет завоеванья.
Живи, гуляй — Испания!

Земля — красна и камениста,
Повсюду жухлая трава.
Лишь эвкалипт, что на бумагу,
Да дуб, чтоб лопала свинья.

Да виноград — вот он для дела -
Ему оценку дал и я.
Прощай, Мадрид, я еду к морю!
Живи, гуляй, Испания!

Покров
(День — 14 октября)

«Я Вас любил!» - уже сказали,
«Я Вас люблю!» - твердят всегда:
Когда на ночку соблазняют,
На водку не хватает ли когда.

Тогда особенно стремятся
Добавить искренность к словам.
«Я Вас люблю!» - Вы многолики!
Какие ж Вы в моих устах?

Я так нуждаюсь в Вашей теплоте,
Бывает — я её качаю,
Когда идём рука к руке
Или щекою прижимаюсь.

Бывает, я её сосу,
Впиваясь жадными губами.
Бывает — глазом лишь моргнёшь,
И всё в утробе оживает.
Бывает — забываю Вас,
Шагая рядом час за часом.
Лишь фиброй чувствую подчас,
На деле — прирастаю мясом.

Во мне - ты вся, во мне — всегда,
И жить без Вас я разучился.
«Я Вас любил!» - поэт сказал,
А я - нахально усмехнулся.

Как он любил — я не хочу,
Моя любовь — совсем другая.
О ней я лучше промолчу,
Ты лучше знаешь, дорогая!

Пишу тебе у моря я,
Под его шум и под сангрию.
Покров: счастливая судьба
Мне выпала — хвалю мессию.

Мы в отеле танцуем с тобой
Под испанскую чувственность соло.

Я доволен своею судьбой.
Под Покровом уютно мне, что ли?

Коста дель Соль

Этот «берег солнца» тянется на сотни километров от Малаги до Кадиса. Почти непрерывная вереница пляжей, набережных, заполненных отдыхающими. И городки, городки, городки: Торремолинос, Бенальмадена, Фуэнхирола, Марбелья, Эстепона и т.д., и т.п. Мы добрались до Альхесираса, откуда водный путь на Марокко. Городки чистенькие, свежие, с массой отелей, ресторанов, магазинов и прочими «отдыхающими причиндалами». Своей непрерывной бесконечной чередой вдоль моря этот муравейник отдыха представляется мне огромной пятнистой коровой в конюшне Испании, которая непрерывно доится евриками, сдерживая громко орущих и постоянно жестикулирующих, никуда не спешащих и всюду успевающих испанцев. С такой коровой жить можно.

Ласкало солнце, бриз прохладой веял,
Вода морская грела и бодрила.
А мысль в сангринной паутине
Корову ту с обратной стороны доила.

Испания и Португалия

На берегу Гибралтара мысленно оглядываюсь назад и подвожу краткий итог Европейского, первого континентального пути. Об Испании узнал много, появились чёткие представления об этой своеобразной стране. В своей центральной, полупустынной части она изобилует унылыми пейзажами, которые скрашивают лишь посадки оливковых деревьев, да местами каменных желудёвых дубов со свиным выпасом. Есть эвкалиптовый кустарник, который смотрится как сорняк. Гористость и холмистость несколько скрашивают унылость пейзажа, в котором повсюду мерещится средневековый Дон Кихот Ламанчский. Множество средневековых городков. Они - с арабскими, с еврейскими и иными (габсбургскими, римскими) постройками. Мадрид и Барселона — это, конечно, киты в море, заполненном рыбами, раковинами, моллюсками. Побережье Андалусии — крыло жар-птицы, современной жар-птицы, несущей золотые яйца. Я видел, как танцуют простые испанцы: он не суетлив, но статен в танце, как тореодор, она — с огненным взглядом, лебедиными руками и змеиными движениями. Танцуют с чувством, с удовольствием, с желанием. Ни секунды равнодушия и расслабления.

По душе пришлось паэлья, которую эксплуатировали много раз, супы из ракушек с королевскими креветками. Гаспаччо не прошёл. Рыба - никакая, близко не лежала с нашей. Осталось уверенное, настойчивое ощущение, что надо бы ещё взглянуть на Севилью, Кордову, Валенсию — вот только тогда Испанией будешь наполнен почти без остатка. В Португалию же больше не поеду. Видел пробковые дубы, которые околдовали своей экзотикой, видел сверкающий Лиссабон и обветшалый Порто, видел интересные малые городки Эвору и Фатиму. Всё, хватит. Осталось ощущение человеческой дури, когда правят эмоции, апломб, а не разум. Испания и Португалия по своей сути должны быть вместе, как Россия, Украина, Беларусь. И это будет. Но сколько ещё времени пройдёт и сколько крови прольётся, сколько ненужных забот и тревог придётся ещё пережить народам. И только из-за того, что когда-то какой-то Фердинанд захотел иметь своё княжество.

Прощай, Португалия!
До свидания, Испания, Европа!
Нам пора в Африку,
Уже Альхесирас нас манит портом.
Не стали мы откладывать поездку на потом!

Английский, как не странно, Гибралтар,

Континенты паромом связал.
Мы там, на пароме!
Снова брошены на алтарь дорог.
Куда ж теперь занесет нас рок?

Часть II. Африка

Танжер

Гибралтарский пролив совсем не широкий. Во всяком случае, невооруженным взглядом видны не только берега Европы и Африки одновременно, но и отдельные скопления домов и города: Тарифа со стороны Европы и Танжер со стороны Африки. Оба города имеют крупные порты. Особенно знаменит был порт Танжера, откуда в Европу, да и не только в неё, шёл поток африканской продукции и наоборот. Порт в Танжере и сейчас самое крупное предприятие, но при современных коммуникациях близость к Европе уже не играет решающего значения. И кто теперь повезёт товар на край Африки, чтобы оттуда его развезти в разные концы земли? Так что теперь Танжер — прибежище челноков, а на них далеко не уедешь. То, что Танжер «далеко не уехал», видно сразу: бьют в глаз и в нос пыль, грязь, вонь и полная неприязнательность местного населения, и его наплевательство на санитарию и гигиену вообще. Нет, это не по рождению, а по бедности. Обошли все местные достопримечательности: Казба, Секко, Медину. Колорит бьёт во все органы чувств, особенно на фоне Коста дель Соль. Прохиндей-самозванец проводник бросил нас в центре клоаки, но с нашим опытом мы были только рады и обошли все закоулки Медины — старого города. Русских здесь любят. Все, как узнают, что мы русские, улыбаются. Кричат: «Путин, Спартак, спасибо, пасматри!». Есть богатые районы. Но бедность видна всюду, еда стоит копейки. Едят руками. Так что у жены здесь большие шансы сбросить вес.

Сели в поезд — кушет (произносится с большим уважением), т.е. спальный вагон. Вполне сносно, даже туалет а ля рашен 1985-1995 годов. Колёса постучали вдаль от Европы.

Салям алейкум и Шокран,
Плиз, Сорри, Си и Порфавор.
Вполне достаточен, как ни крути, набор,
Чтоб взять Танжерство на таран.

Вот пушки сокко, там же фикус,
Которому под тыщу лет.
А вот жена с новозеландкой,
Али-Баба с американкой
Составили экспресс-квартет.

Как хорошо, что ненадолго
Судьба забросила в Танжер.
Си, Порфавор — не надо больше.
Шокран — я закрываю дверь.

Эс-Сувейра, Эль-Джадида

Поезд, как и вообще железная дорога, прибыл в Маракеш. Затем автобус в Агадир, и из Агадира снова автобус в Касабланку. Путь в Касабланку — по побережью Атлантики с заездом в приокеанские городки. Один из них — Эс-Сувейра, португальская крепость с везде сохранившейся стеной, внутри которой — медина. Как ни странно, спокойная, безшокотерапийная, с интересным выходом по стене к

океану, где Отелло душил свою Дездемону (в 1951 году здесь снимали этот фильм). Понравился рыбацкий порт, пропахший свежей рыбой, креветками и водорослями, со множеством рабочих рыбацких сейнеров с горами сетей и неводов на набережной, которые тут же швортят, сушат, готовят к очередному замёту.

Следующий океанский городок Эль-Джадида лишь мелькнул в окнах автобуса, да освежил океанской водой. Но то, что мелькнуло, приятно удивило чёткой планировкой и пальмовыми аллеями, как в городе, так и на набережной. Постепенно освобождаешься от танжерской клоаки и начинаешь видеть хоть не блестящую, но всё же вполне пристойную страну. Блестящей, чудесной, живописной назвать эту страну невозможно ни при каком воображении, как бы ни старались путеводители. Это в принципе невозможно при виде бедности деревень и городков, которые проезжаем. Слова эти трудно сочетать с обилием ослов на Марокканских полях и дорогах.

Чуковского Корнея вспомнил я,
Того, что, мне казалось,
Чушь про чудо-дерево писал.
Сам видел я теперь —
На дереве козёл волшебным плодом стал!

Касабланка

С испанского - «белый дом». Некогда прибежище пиратов-корсаров. Теперь самый крупный, рабочий город страны. Экологическая столица. Американский Нью-Йорк, индийский Бомбей, китайский Шанхай. Не блещет он ни красотой, ни чистотой. Но мечеть Хасана II тянет на претендента, входящего в первую тысячу чудес света. Построенная в конце 20-го века - она роскошна и проста, и завязована, и грандиозна, и с восхитительным видом на океан и с океана. Говорят — вторая после Мекки. Может быть. Во всяком случае, сравнима с самыми лучшими мечетями Каира и Стамбула, которые я видел.

Не побывал в притонах Касабланки,
Но видел их и дух их ощутил.
Не только в драке молодёжной на «Ла Кота»,
Но и в воздушной ауре есть грёз греховный пыл.

Тем духом здесь заполнен весь эфир,
Какая-то всем нужная порочность портовая.
В обычной суете рабочих дней
Притонность — эликсир, иль пропуск в лоно рая!

Мекнес

Этот небольшой, точнее сказать, не очень большой как по населению, так и по значению в Марокко, город. В историческом плане он известен тем, что одному из тогдашних местных шейхов очень понравился... Версаль. Да-да, тот самый Версаль. И он решил Мекнес сделать магрибским Версалем. Задумано — сделано. До сих пор Мекнес — единственный город в Марокко, где есть большое искусственное озеро «под Версаль». Наверное, шейх со своим гаремом и поплавал в лодочках по этому озеру. Но сейчас, кроме этого озера остались лишь... конюшни, в которых было сделано 10 колодцев — воротов, которые постоянно крутили лошади, наполняя озеро, да мавзолей этого шейха, за упокой души которого постоянно молятся в прилегающей мечети. Молятся настолько старательно, что покойника совершенно не беспокоят толпы туристов и вспышки фотоаппаратов и кинокамер.

Как отнестись к Версалью при Марокко?
Об это можно много копий поломать.
Но вот вам факт — народ идёт в конюшни

Спустя века! Чему стремится дань отдать?

Волюбилос

Говорят, так называется какой-то лютик-цветок. И так же — самая западная столица Римской империи.

В вечерней темноте
В раскопках африканских,
Среди колонн и бань,
Средь подвигов Геракла

Я вспомнил Херсонес.
О, как же мал наш мир!
И в этой вот ночи,
В руинах, так внезапно

Христос опять воскрес
И Эрос пробудил...
Кокетливо шутила
Со мной моя жена.

Узнала ль, что - то Эрос
Был с нею, а не я?

Раббат

Столица Марокко. Так, захолустный городок, но на Атлантике, с королевским дворцом, с грандиозным мавзолеем семьи действующего короля, который (доказано!) является прямым потомком Магомета!

Раббат! Не так, чтобы к тебе стремился я,
Но вот попал! И что же я увидел?
Как и везде: всё, всё — на благо короля!

Закономерность эту
Умом мне не понять!
Но сердцем её тоже
Я не могу принять!

Фес

Очень интересный город. Просветительная, культурная и религиозная столица Марокко. Новый Фес — европейский город средней руки, но с шикарной пальмовой аллеей в цветах и фонтанах, которая тянется вдоль всего центрального проспекта. Здесь поведение мусульман не отличается ничем (кроме внешности) от европейцев. Другое дело — Медина! Этот огромный старый город за крепостной стеной вполне может быть принят за эталон мусульманской медины. Серпантин улиц с жилыми конурами, располагаемыми по вертикали, горизонтали, под любыми углами. Блеск свадебной мишуры с тронами, балдахинами, коронами! Изысканность бронзовой вязи и керамических изделий! Кропотливость изготовления и того, и другого! Ткацкие мастерские и ковровая продукция! Дубление, покраска, сушка кожи на площади размером - с Красную, с чановой жутью содержимого в них, которое месится ногами, вытаскивается из одного, бросается в другой, с муравьиной суетой полуголых арабов и негров! На всё это ты смотришь из окна магазинчика, где продают те самые кожаные изделия и где запах выделанной кожи в смеси с запахом мокрой шкуры создаёт ничем не выветриваемый, въедливый аромат затхлой мертвечины.

Пряности и сладости, впечатляющие кус-кусы, мясо в самых разных видах и состояниях, рыба первой свежести вместе с криками: «Малак!» погонщиков ослов — вот краткая иллюстрация впечатлений, которые можно продолжать бесконечно. Ведь тут же знаменитые на весь мир медресе и мечети, как своим убранством, так и внутренним содержанием. Вот отсюда рухнуло рабство в Африке, а вот здесь высоты философской и теологической мысли поднялись на современный уровень ещё несколько веков назад.

Эх, Омар бы Хайяма сюда,
Он забыл бы про вина, любовь,
Он коснулся бы рабских трудов
Так, что б вспенилась в жилах кровь.

Нет, мне голос другой говорит,
Видел он и похлеще тебя.
На всё это махнул он рукой.
Суета, — он сказал: Суета!

Поднимись, человек, до вина
И карабкайся вечно к любви.
Там спасенье твоё. Суета -
Есть бесплодная ветвь у лозы.

Вот зачем я приехал сюда,
Оказалось — в чём мой интерес.
И с вином безграничность любви
Поселил в моём сердце ты, Фес!

Дорога

Были долгие переезды — по 500-600 км в день. Наш гид — гордая помещь бербера и араба, свой в доску (за 100 евро — шутка), прошедший Краснодарскую общагу машиностроительного факультета какого-то института, всегда был точен и немногословен. Идрис — его имя, в честь него назвали и основателя Марокко — Идриса-I (во всяком случае, гид нам так повествовал). Итак, гид совершенно не мешал смотреть окрестности. А смотреть было что. Общий пейзаж — выжженная солнцем красноватая земля. В горах она местами покрыта кедровыми лесами (шишка, одна шишка тянет килограмм на 5-6), пихтой, туей, из которой здесь делают множество интересных поделок, которые при умелом подходе можно купить за бесценок. Чем ближе к побережью, тем пустынное, но столь же экзотично для нашего глаза. И не только от козлов на деревьях, но и от особенностей деревенской жизни при ослах, словно слившихся с людьми, при верблюдах, запряжённых сохой, при хижинах из того, на чём стоят, при кактусах - различных форм и содержаний с вкусными плодами. Чудо, что большая часть пустынной земли обработана. Кроме оливок, арганика (дерево, похожее на оливы, но плоды как крупный чернослив с орехом внутри) здесь выращивают разнотравные овощи и травы.

Видел, как марокканцы разбираются с аргаником. Судят 5-6 женщин, каждая на «своей операции»: одна берёт из набросанных вокруг мешков плоды арганика и снимает с них специальным приспособлением шкурку, бросая орех в один мешок и шкурку в другой. Следующая женщина ловким с подкидкой движением увесистого камня разбивает орех, складывая отдельно скорлупу и ядро. Следующая женщина разбивает ядро в муку, а ещё одна ручным жерновом размалывает муку в некую выжимку с отделением масла, которое идёт в хозяйство, а выжимка — на крема, в т.ч. косметические. Скорлупа и кожица-шкурка идут на отопление, в т.ч. на обжиг в печи при изготовлении керамики. В горах встречались улья, обезьяны, горнолыжные курорты, много овец на голой земле, которые как будто ей и питаются.

Водоснабжение и полив организовались достаточно хорошо — из горных водохранилищ. Проблем с канализацией, как и очистных сооружений, не встречал.

Дорога вьется по горам, холмам.
В тебя въезжает новая страна.
Не то, чтоб я её узнал,
Скорее в чём-то изменился я.

Марракеш

Этот город расположен в центре страны, но все путеводители упорно относят его к югу. По-видимому, мысленно вычеркивая из списка Африки Западную Сахару и всё, что лежит за Агадиром. Другого объяснения у меня нет. Может, это оттого, что Западная Сахара до сих пор дл всего мира, кроме марокканцев, спорная территория. Кстати, ситуация с Западной Сахарой — наглядный пример лозунга: «Не важно, как будут голосовать, важно, кто и как будет считать!»

Для международных организаций, взявших под свой контроль демократизацию выборного процесса в Западной Сахаре, камнем преткновения стал простой вопрос: «А кто должен голосовать? Чьи, собственно, голоса считать?» Как говорится, хороший вопрос, который, уверен, ещё долгие годы останется без ответа, и для Марокко всё будет хорошо.

Но что-то меня занесло далеко от Марракеша. Возвращается и... оказывается на представлении, на национальном шоу.

При слове «шоу» вспомнил одну, мягко говоря, своеобразную попытку внедрения русского языка в туристическом бизнесе. На Канарах, бродя по Лоро-Парку в соответствии с выданным нам планом, решили успеть на шоу дельфинов. Идём по стрелкам и видим под английским шоу дельфинов перевод: «Спектакль рыба!» Здесь ничего подобного не было, но... перед этим в автобусе чёрт дёрнул меня за язык спросить и нашего Идриса самого первого про поэзию в Марокко. Он как-то подозрительно сверкнул на меня глазами и... промолчал. Я давай лезть с уточнениями: «Ну, мол, кто здесь у вас считается марокканским Пушкиным?» В общем, прилип как банный лист к, весьма ладно скроенному, месту Идриса. Но он сохранял берберское спокойствие и спустя где-то два часа выдал: «Марокканский Пушкин — это Я». И добавил: «В автобусе едет Идрис, и что он любит? Он любит Кис-Кис». Ну, или что-то в этом роде. С этим отношением к искусству Марокко я и поехал на шоу.

Но когда я проснулся утром, то почувствовал себя на каком-то представлении - том праздничном шоу – спектакле. Прислушался к себе... и услышал те звуки, виды, движения, джигитовку, картинные выпады белых всадников с выстрелами, не претендующий на тонкость юмора, но, тем не менее, более чем уместный выезд всадника на осле, неоднократные проходы толпы по полю казались на шоу совершенно бессмысленными, а наутро облекшими формы кочевого народа. И вот тут до меня дошло, что нельзя было на шоу идти с желанием увидеть высокое мастерство исполнителей в сравнении с Ла-Скала. Режиссёр пытался передать всеми имеющимися у него средствами особенности этой нации, народа, населяющего эту страну. И как хорошо, что хоть с опозданием на ночь, но до меня дошло. А дошло ли бы вообще, если бы Идрис не подготовил бы меня предварительно со своим Кис-Кис?! Но что-то опять я «уехал» далеко от Марракеша. Как только нога человека попадает в Марокко, ты начинаешь чувствовать Марракеш. О, Марракеш! - говорили нам в Танжере, да и в Испании о Марракеше я слышал не раз, поскольку испанская история с арабской, можно сказать, с марракешской, очень тесно связана. Отсюда не мудрено, что Марракеш называют исторической столицей Марокко. Современный Марракеш — это скорее французский, чем марроканский город. Нет, не по своей архитектуре — здесь всё типично арабское: Старый город, Гелиз, мечети, медресе, дворцы шейхов и их первых, вторых и других жён и наложниц. Французский он по населению, точнее, по духу. А ещё точнее, Марракеш о своему внутреннему содержанию представляет собой совсем не причудливую, а весьма гармоничную смесь Европейского и Африканского, романо-германского и берберо-арабского. «Может, это и есть прообраз будущего человечества?» - думал я, наблюдая жизнь центральной площади Марракешской медины, где дешёвое, но вкусное народное гулянье

сливалось с ненавязчивым попрошайничеством танцоров гнау, заклинателей змей, самобытных ансамблей местного производства. В этом гулянье как будто бы витало уважение разных народов и друг к другу, и к своей нации.

Что это меня вдруг потянуло на такие откровения? Может это прогулка по прелестному и уютному парку кактусов, бамбуковых зарослей и прочей привлекательной растительности, названия которой никогда не знал и не узнаю? Может это ночная величественность башни Куттубия, которая распространяется во все уголки города, а может это таинственная прелесть медины, которую в Марракеше я бы назвал в отличие от медины Феса не эталонной типичной, а совершенной? А может в этом виноват всё тот же Идрис, который вместе с представителем нашей фирмы Наташей умело поднимали нас к народным истокам с множеством всевозможных мастерских и беспощадной действительностью эксплуатации детского труда? Они же и опускали нас в противоречия паранджи с танцующими ляшками молодой берберки в ночном клубе.

Но факт остаётся фактом: Мараккеш уезжает со мной в образе современного города, которому удалось то, что не удалось человечеству: достойное совместное проживание разных культур и наций, которые как-то по-особенному дополняют друг друга, создавая общую комфортную среду.

Автобус мчит от Марракеша,
А в нём Самара, Абакан,
Кузбас, Москва, и все при этом
Учтивы, вежливы. Я сам

Довольненький такой, однако,
Поездкой, жизнью и судьбой.
Такой довольный, что противно.
А в мыслях снова: Боже мой,

Ведь это сделало Марокко
При не ухоженности в ней,
При нищете, порой, жестокой,
При грязи местной, ей же ей!

А я доволен. В чём же дело?
Я ж по натуре не садист?!
Нужда здесь радость не убила,
И гордость всюду здесь сквозит.

И добродушие, улыбка,
Пусть и назойливость подчас
Умеют радоваться жизни,
Той, что аллах прислал сейчас.

Умение радоваться жизни в Марокко я хлебнул в полной мере. Али-Баба: улыбались мне везде и всюду. Могу без преувеличения сказать, что будь со мной не Елена Владимировна, а Алла Борисовна, она бы позеленела от злости, сбросила бы все свои килограммы, но и тогда бы не простила мне той бешеной популярности, которую я имел в Марокко, а она её здесь не имела б никогда. Во время поездки наша группа оказалась в Марракеше вместе с Саркози — новым президентом Франции. Я уже говорил, что французы в Марокко — как у себя дома. Но если б по улицам я шёл с Саркози, и об этом бы заранее не было известно, то после совместного посещения медины он постарался бы меня так далеко загнать, где даже бербер верблюдов не пас. Во власть ведь пробиваются очень честолюбивые люди, и он бы моей

бешеной популярности уж точно не простил. Самое смешное, что во всём этом нет ни тени преувеличения.

Пытаюсь закончить своё повествование изложением основных черт характера марокканцев. И вот к чему прихожу: они, наверняка, плохие слуги; ужасно, если бербер станет твоим господином. А вот если он коллега со строго очерченными рамками самостоятельности, то это самое оно. На таких условиях я с марокканцем бы в разведку пошёл.

Шагане, ты моя, Шагане -
Не про эту страну, не про эту.
Да, Идрис наших женщин любил,
Но черту соблюдал он при этом.

Вождельем сверкали глаза
У, с характером, супер-бербера,
И внутри поднималась волна...
У туристки с надеждой и верой.

Не о том ты подумал, Идрис,
Про надежду и веру внимая.
Мы в Марокко ещё раз хотим
Но поздней – за воротами рая!

Агадир

А это уже 100% курортный город с фешенебельными отелями, которых здесь с каждым годом становится всё больше и больше. Страна почуяла богатое дыхание туризма. И где б ему ещё быть, как не в Агадире. Город расположился в уютной океанской бухте, где 300 солнечных дней в году. В остальные 65 тоже тепло, но туманно, и это придаёт свой шарм отдыхающим на просторных пляжах с бодрящей (21-22°C) морской водой. Да и внешний вид города вполне соответствует пусть не супер международному уровню, но без приставки супер международный уровень следует присвоить без всякой натяжки. Привлекает гора на берегу Атлантики, которую «подмалевали» в ночь под гигантский лайнер с надписью арабской вязью: «Вера. Отечество. Король». У основания горы — порт, куда прибывают действительные, а не мнимые океанские лайнеры и где тысячи рыбацких судов с рыбой и сетями, неводами и другими различными приспособлениями для ловли рыб от акул, гигантских скатов, мурен, миног и разных змееобразных существ до креветок, кальмаров, осьминогов, лангуст, крабов, омаров. Здесь же в порту организован огромный рынок оптовой торговли, работающий по принципу аукциона. Это зрелище захватывает тебя не менее сильно, чем созерцание красот медресе. В медресе покоряет бесконечное разнообразие мозаичных орнаментов, а здесь безграничное людское море эмоций среди необозримой массы морепродуктов, которое перемещается в, казалось бы, броуновском движении, но, приглядевшись к нему, находишь, что хаос этот упорядочен в сторону перемещения морского разнообразия из порта в горорда и веси маргибского государства.

Медина Агадира существует в виде музейного экспоната, довольно приятного, по-восточному уютного, неожиданно безлюдного. А сук-базар представляет собой обычный, в меру экзотичный и не в меру грязный промышленно-продовольственный рынок. В нём, как и во всём городе, грязь и нищета неотделимо сопутствуют роскоши и богатству. В самом городе есть фешенебельные районы, где у каждого особняка и во всех переулках стоят полисмены, и есть районы, где вонь и разруха — неотъемлемые части существования жизни всех и вся. Венец города — пляж, где с раннего утра и до заката кишит муравейник футболистов, ходяков, бегунов, детских групп, полисменов, «контрабандистов», паранжистов. Нет только нудистов. Топлесс почти отсутствуют.

Мы отрываемся по полной программе! День разбит на шесть периодов. 1-й - подъём, зарядка, ку-

пание, завтрак; 2-й - двух-трёх часовая прогулка по городу или пляжу с купанием; - 3-й - чтение на пляже с купанием; 4-й - чтение в отеле со сном; 5-й - купание, созерцание заката с лёгкой подачей и ужином; 6-й - вечер на городской набережной или в отеле среди деликатного обхождения аниматоров, песенников, детских забав, танцев, танцоров гауа, мужских «юбок», мароккан-шоу и прочая, прочая.

Закончилась и Африканская часть двухконтинентального турне. Путешествие удалось, отдых удался. Сил и впечатлений набрались. Пора домой.

Давай подумаем немного,
Что нас влечёт и почему.
Ещё не манит нега дома,
Ещё чего-то я хочу.

Хочу! - но этим вряд ли удивишь ты!
Хочу! - кричит уже любой малец!
Хочу! - то клич капризной дамы
И тунеядца! Тот ларец,

Где лишь «Хочу!» - неинтересен.
Ещё не дряхлый я старик,
Чтоб под «хочу!» - запел я песню.
Мне интересен этот миг,

Когда автобус колобродит
По странам, где другая жизнь.
О, нет! Я знаю, что такое ж,
Ты только мыслью пораскинь.

Повсюду движет этим миром
Любовь: и к детям, и к отцам,
К отчизне, к женщине и к книгам,
К свободе, даже к мудрецам.

Я вижу это чрез обычи.
И что бы, кто бы, не сулил,
Я понял всё гораздо раньше,
Когда «подглядки» полюбил.

Затем и езжу, подглядая,
Таким «макаром» дух креплю.
И подглядая — отдыхаю
И крепче все вокруг люблю!

PS

Написал о любви и понял, что не всё должное сказал. Все арабы, марокканцы не исключение, любят русских девушек, и они нередко отвечают им взаимностью. Не была обделена вниманием со стороны арабов и моя жена. Она часто уходила гулять по пляжу одна и всегда по возвращению приносила какую-нибудь историю. Какой-то араб представлялся ей генеральным секретарём местного уезда и предлагал посмотреть его хоромы! Другой араб отмечал её изумительный цвет волос и удивительный цвет глаз! Еще один восхищался её телом и предлагал вместе искупаться и т.д., и т.п. При этих рассказах глаза

её светились каким-то хитрым и глубоким внутренним светом, на губах играла игривая улыбка, которую она тщетно пыталась как-то скрыть! Понимая, что это ей плохо удаётся, придавала этой улыбке некий вызов. В общем, жениному честолюбию здесь было, где разгуляться. К тому же молодые аниматоры всегда с искренней улыбкой, неподдельным вниманием и действительным обаянием вызывали у неё внутренний подъём, о чём она не уставала твердить мне, и наказывала, чтобы я обязательно написал песню про так волновавших её аниматоров, что я и послушно исполняю:

Семь красивых арабчат
Не под пальмою сидят,
Вожделенно говорят:
Ам-ам-ам-ам!

Ваши глазки хороши
И уста у Вас свежи,
Мне доверьтесь от души,
Ам-ам-ам-ам!

Пойдём, милая, со мной,
Вам открою рай земной,
Пообщаемся с тобой,
Ам-ам-ам-ам!

Вознесу тебя я ввысь,
Лишь плотней ко мне прижмись,
Ну, пойдём, скорее, плиз.

Вот бы нам, ребята,
Тех арабов прыть -
Мы б тогда, девчата,
За Ваш счет могли прожить!!!

Новогодняя вылазка (или «Что такое нравственность»).

28.12.2007 г. – 12.01.2008 г.

Часть I.

Поттая

На стыке Тихого и Индийского океанов, отделенных лишь «хоботом слона» (Тайланд, говорят, напоминает своими границами слона, а, значит, у него есть хобот), на берегу Сиамского залива была деревушка, служившая штабом (Поттая) когда-то одному из тайских генералов (в 18 веке), а затем и Американским генералам (в 20 веке), когда они воевали с Вьетнамом. Американцы воюют с комфортом, т.е. с выпивкой, девушками и прочими атрибутами весёлой жизни. Война длилась долго, так что многим тайкам успела понравиться перемена от замешивания грязи на рисовых полях до мягких постелей с желанным белокожим толстым кошельком.

Но всё имеет конец. В 1973 году американцам надоело воевать за «свободу выбора вьетнамского народа». Я хорошо помню этот день – день капитуляции американцев, день Победы «вьетнамцев» – так называл этот день мой друг Фан Лынг Там, с которым я жил в то время в общежитии.

Американцы ушли, а девушки остались. Король здесь – человек сердобольный, правит с 1946 года, повидал на своём веку всякого. Понимал, что с рисовых полей в «постель» уйти легко, а обратно – невозможно, поэтому заменил американских солдат туристами. Остались и постели, и белая кожа, и толстые кошельки, так что девушки даже и не заметили «ченч». И Тайланд от такого «ченча» только выиграл. Собственно, для этого народу нужны крохи. Море, ласковое и теплое, комфортная зимой погода, обученные американскими солдатами девушки (пусть некрасивые, но очень услужливые), джунгли, заполненные обезьянами, слонами, вкусными змеями и тропическими фруктами – это и есть туристический рай, который вобрал нас в себя в Поттае. Конечно, солдатские корни дают о себе знать. Какая-то замызганность буддистского толка воняет из всех щелей, создавая особенную атмосферу, присущий лишь Поттае, колорит.

Грязное тёплое море ласкает
Узенький пляж челноками забит
Груды, креветки, тату и массажи
В кресле под тентом. Поттай – колорит!

Ты убегаешь в змеиную ферму,
Кровь из под кобры глотаешь рывком,
Лезешь ко львам и жирафам в сафари,
Идешь к трансвеститам, в буддистский дом!

Он разместился близ скал, как музейный,
Где и ушу, и король, и он сам -
Со скалы Будда нечто внушает!
Самый большой из наскальных в Сиам.

Самый большой из наскальных он в мире,
Лик золотой и скалистая плоть.
«Как допустил» – тут спросил я у Будды
«Секс-индустрию? Их надо пороть!»

Будто вздохнул мне в ответ скальный Будда
Мол, поживи как они в нищете,
И посмотри на голодную маму,
А уж потом приходи с тем вопросом ко мне.

С этой поры я спокойно купаюсь
В грязной, но ласковой всё же воде.
В мини-Сиам проходил мимо Будды -
Кажется, что подмигнул здесь он мне!

Только тогда я пошёл на секс-шоу,
Где в изобилие представлен был член.
Был в напряженье, жена – в наслаждении.
Будда мне взглядом, а это, мол, тлен!

Я попрощаюсь с тобою, Поттая
Ты для меня как тропический сад,
Где орхидеи, Версаль среди джунглей,
Где перемешаны рай и, конечно же, ад!

Часть II.

Тайланд

По населению – половина России.

По территории – хватает. Есть куда развиваться – джунгли заполнены только ползущими, прыгающими. Короля все любят точно так же, как у нас любили Сталина, точнее все же – как английскую королеву. Не представляют счастье и вообще жизни без короля. Здесь, в королевстве с этим по-проще – есть наследники. А как жить без Сталина – мы не знали. Без него – страшно. Не с ним – страшно, а без него.

Это неотъемлемая часть любой диктатуры, в том числе семейной. Любовь, замешанная на диктатуре, сильна бездумностью. Мысль включается только тогда, когда ты оказываешься вне зоны доступа диктатора. Вне этой зоны любовь к диктатору часто оборачивается своей противоположностью.

С диктатором (т.е. любимым королём) жить тайцам проще. Не надо думать. Они и не думают, не любят думать. Они любят верить: в Будду, в короля, в процесс поедания пищи, они не любят напрягаться, всюду улыбки, поклоны, ни разу не видел ругающегося, кричащего тайца. Трудолюбивы, спокойны, терпеливы, услужливы.

Проехал Тайланд от Бирмы до Камбоджи. Главное занятие – сельское хозяйство. Главное в сельском хозяйстве – рис и кокосы. Рис едят все, всегда, в виде первого, второго и третьего.

Кокосы – пьют, едят сырыми, жареными, с рыбой, морепродуктами, мясом. Из них делают сувениры, полезные поделки. Они представляют собой хорошее топливо.

На втором месте – морепродукты. Плантации креветок, как рисовые поля, но с балиндером и лопастями, рыба во всех лужах, водопадах, удалось покормить даже своей грудью, есть плантации устриц и ещё чего-то, что трудно для понимания.

Следующее, что приходит в голову – рубины. Добыча, обработка, огранка рубинов – ощущение такое, что в этом тайцы мастера. Как и в деревообработке. То, что я видел на мебельной фабрике, вызывает уважение – очень искусно и кропотливо они наносят и обрабатывают сцены природы на каждом изделии.

Тайские деревни – избушки на курьих ножках. Хлипкие. Кажется, чихнёшь - и они развалятся. Ощущение, что они живут, в основном, на канализационных каналах, в которых моются, стирают, едят в лодках. Но, вода мутная не из-за испражнений, а из-за глинистой почвы. Пенсий нет, детсадов практически нет – есть бабушки и дедушки. Образование не дешево – около 400\$ за год при средней зарплате 120\$ в месяц. В частной школе – много дороже.

К жемчужине Тайланда следует отнести, конечно, и море. Много сказочных для нас островов с бунгалами и без них, с корягами и без них, с чистой и очень грязной водой. Автомобили японские. Общественный транспорт – тук-тук – открытый пикап с пассажирами в кузове.

Слон – священное животное.

Таец – любит и почитает слона. Слоны всюду, куда бы ни поехал. Есть они и в хозяйстве, и в шоу, и в туризме. Умирают от голода – зубы подводят.

Белые слоны – собственность и прихоть королей. Период беременности – 2 года. Создаётся ощущение какой-то интимной близости между тайцами и слонами.

Интересны солевые промыслы. Тоже как рисовые чеки, на краю которых стоят шалаши. В чеках – морская вода, в шалашах – с одной стороны выпаривают соль, с другой – уже продают в мешках и иных расфасовках.

Река Квай – особенная. Не только тем, что здесь заповедная зона, но и как единственный факт участия тайцев во 2ой мировой войне. Японцы использовали Тайланд как плацдарм для войны с англичанами, которые владели тогда соседней Бирмой они (японцы) строили железную дорогу через Тайланд в сторону Бирмы, а англичане и американцы их бомбили. При строительстве ж/д погибло около 100 тысяч тайцев и японцев. Эта дорога смерти вдоль реки Квай – памятное место для тайцев, японцев, англичан и американцев. Видел эту дорогу, пещеру, где располагался медсанбат и заночевал у водопадов на самой реке с керосиновой лампой, в совершенно очаровательном, романтическом месте – плавающим отеле. Рождество на реке Квай – душевное мероприятие.

Удивительны плантации тайской картошки – как молодые деревца, ананасовые – как ряды фикусов без цветочных горшков, с кепочками из травы для плодов, каучуковые – ровные ряды стройных стволов с нашинской листвой, пеньки, из которых торчат длинные зелёные листья – стебли, говорят это плантации, глаза дракона и т.д. и т.п. А дуремар – райский вкус при невыносимо тухлом запахе является смертельно опасным со спиртным.

От Бирмы до Камбоджи – крестьянская земля.

Чего в ней только нет!
Для нас – всё чудеса
Для нас здесь - все секрет.

Как странно ужились в ней
Экзотика и грусть
Устраивает тайцев
Их нищенская суть.

Отсюда и понятно –
Китаец здесь богат,
А таец не стремится -
Он жизни просто рад!

И в лодке, что с плотами,
На рисовых полях,
И в чеках при креветках,
При пальмах и слонах.
Он драит, варит, сушит.
Безмолвен, не кричлив,
Трудяга и не броский,
Как некий белый стих.

Повсюду на плакатах
Король, король, король
Страна, считай, в заплатах,
Народ, считай, что голь.
Нет, не жаль, что бывал я в Тайланде.
Повидал и народ, и страну!
Ожидал, что разврат здесь увижу,
А почувствовал гимны труду.

И отдельно про Чанг! Для прикола
Плавал с маской, картине внимал
Идеально «тропического» рая!
Про себя кое-что напевал:

Чунга-Чанга – русский у тебя
Чунга-Чанга – чистая вода
Чунга-Чанга – вот так Новый Год.
Чунга-Чанга – мне сейчас везёт.

Чунга-Чанга, чудо-остров

Мне на нём легко и просто
Чудо-Чанга
Счастье здесь – не постоянно
Принимаем в море ванны
Принимаем в море ванны
Чунга-Чанга.

Чунга-Чанга – нам пора домой.
Чунга-Чанга – я в душе с тобой
Чунга-Чанга – скоро в самолет.
Чунга-Чанга – вот так Новый год!

Часть III. Бангкок

Десяти миллионный разномастный гигант Причудливое сплетение сотни небоскрёбов с лачужками из пальмовых листьев на курьих ножках и без них. Общий фон – серого бетона, измазанного нефтесодержащими экскрементами. Почти нет зелени, но есть река и каналы. Город относительно новый. Прошлая столица – Аютая - недалеко по этой же реке в сторону Бирмы. Бирма с Сиамом постоянно воевали. После очередного разрушения Аютаи бирминцами руины оставили, не стали восстанавливать (сейчас их «захватило» ЮНЭСКО) и деревушка Банкок, где был таможенный пункт кораблей, стала столицей. Но Банкок оказывается Банкоком только для иностранцев. Для тайцев этот город имеет совсем другое название. Да не простое, а из книги Гиннеса. Тридцать три тайских слова или 48 наших русских. Название своей столицы тайцы с удовольствием произносят, а часто и поют для иностранцев. При кратком переводе на русский название звучит так: самый свободный, великий на все времена, да осветится имя твоё, да придёт царствие твое и т.д. и т.п. город бога Вишны.

Центр – конечно, королевский дворец. Здесь собрались самые лучшие храмы, ваты, ступы, баты, чени. Красота неопишуемая. Сотни золотых Будд, огромный – 50 метровый лежащий Будда! 66 см – изумрудный Будда. Китайская, индусская, кхмерская и тайская архитектуры соединились здесь как попало, но это не эклектика, а единый ансамбль, где каждое сооружение – прекрасный солист.

Здесь все цвета и драго-камни,
Волшебный лес из куполов
Стрелю в небо устремившись,
Несут величие богов.

Король хозяин здесь и бог
Пока живой – он почитаем...
Среди шедевров я бродил
В толпе, красоты созерцая.

Велик наш мир и чудеса
Нам предстают из лета в лету
Что видел здесь в Банкоке я –
Есть чудеса на белом свете!

Тайские зарисовки

1. Рисовые фонарики

Вокруг тропические дали,
А на лужайке шведский стол.
Благие музы зазвучали,
Когда фонарик ввысь ушёл

Как неопознанный предмет!
Соединился он с другими
Ах, как приятно душу рвёт....
«Картина Репина – приплыли»!

2. Тайский массаж

Мне всё про точки говорят –
Основу тайского массажа
Меня ж месили босиком,
Елозили на пузе даже.

Я может точки пропустил,
А может не того я ждал?
И лишь в отеле понял я,
Что точки эти я проспал!

3. Влад и Маша

Приятно видеть, вам скажу,
В динамике мне эту пару.
Свою гармонию уже
Они нашли. Я, может, старый.

Всё думаю про соли пуд,
Мол, долог путь к системе «лад».
Но вижу в странствиях сейчас
Нет лучше пары: Маша-Влад.

4. Тайский бокс

Не видел раньше я нигде:
Открытый длинный шумный бар.
Зазывно девочки сидят
Заходят все: и млад, и стар

На ринге что-то копошит.
Присмотришься – там бой,
Там кто-то жизнь свою крушит,
Рискуя головой!

Здесь бьются не шутя - на смерть...
За столиками пьют, блистая наготою.
Кому-то любо-дорого смотреть.

Когда чужая кровь течет рекою!?

5. Видения

Владимир Леонидович виноват,
Что полетели мы в Тайланд.
Его я часто слышал здесь,
Из райских зарослей с небес

Всегда азартно вёл рассказ
И про сафари, и про секс...
Сопровождал он, что ли, нас
И это придавало вес

Какой-то мистикой житейской?
Я этой мистики был рад
Как исполнение завещанья:
«Поправлюсь – полетим в Тайланд».

6. Дуреан

Райский вкус, король он фруктов!
Его немного проглотил -
Мне тут же стало просто жутко.
Он изо рта уже валил.

Жена и дочь вдали...
Наутро я совсем ослаб.
Да, королей – он, может, манит
Для мужиков – он сильный яд.

7. Тайцы и Китайцы

«У нас 90% богатых – Китайцы. Они умные, как евреи» – с гордостью говорил нам таец. Откуда гордость – думал я. Спросил о том у тайца. «Они богатые, а мы счастливые» - ответил мне таец.

8. Тайский волейбол

Его я видел мельком,
Когда мяч через сетку, но ногой.
Если он станет олимпийским
За тайцев буду я стоять горой!

9. Азарт

Они азартны, яко черти.
Поэтому азарт повсюду запрещен.
Как уживаются азартные мотивы с неспешной жизнью?
Как компенсация! Ведь есть такой закон!

Эпилог

Сиам – Тайланд заставил обернуться
К понятию «нравственность», не столько в смысле секса.
Сей поворот уж скучно обсуждать

Сложнее с королями и со смыслом жизни,
А так же с тем, что можно, что «не можно» запрещать,

О королях я говорил по тексту,
А смысл жизни? Это здесь к чему?
Да всё к тому – она дорога к счастью,
«Не нравственное» счастье ведь «ни тпру - ни ну»!

Они мне ближе к счастью показались
С открытою улыбкой на лице,
С готовностью довольным быть собою
При курьих ножках, в нищете.

Запреты!? На разговоры
Про странное убийство экс-короля?!
Я видел траур, тысячи тайцев к ее гробу,
А что здесь нравственно – не разобрался я.

О, счастье, нравственность! Что вы в стране Тайланд?
Ответы – не для этого стиха
Оставлю дети, видно, это вам.
Вам актуальнее искать, а мне уж знать пора!

А нужен ль нам берег Турецкий? 25.04.2009 г. – 07.05.2009 г.

Почему-то в моём сознании (да и в русском языке) слово «турок» несёт негативный оттенок и включает в себя смесь головореза, придурка и хитреца.

Думаю, это оттого, что русско-турецкие войны так или иначе наложили свои отпечатки на разные поколения и следы от этих отпечатков дошли и до моего поколения, ну и конечно, в полной мере впечатались в литературу.

Судьба уже забрасывала меня в Турцию — в Стамбул. Но там у меня не было времени наблюдать турков и Турцию, там красоты и ценности Стамбула настолько захватили, что никакой другой мысли невозможно было выжить.

Другое дело — отельный отдых...

Он негой томной накрывает,
Он к философии взывает,
Он значимость в тебе растит,
И мысль, пусть нехотя, стучит.

Один из крупнейших туристических мегаполисов Турции — Анталья. Современный двухмиллионный город, которому всего лет пятьдесят.

Из грязи — в князи, из деревни — в мегаполис. Так мне казалось. Но нет — это ошибка. Никакой грязи. Ещё за двести лет до нашей эры пергамский царь Аттала Второй заложил в «райском уголке» город Анталию. Здесь многое что происходило. И апостол Павел, и Святой Николай, и крестonosцы на пути в Палестину, и императоры Адриан и Троян наследили в этом городе. Турки-сельджуки завоевали его тысячу лет назад.

Из старины ни римского, ни греческого в самой Анталье ничего не осталось, кроме ворот Адриана, а вот от турков-сельджуков стоит мечеть, минарет, башня с часами. Ну и порт, откуда Анталья представляется как город на скалах — так высоки и обрывисты берега моря. И только на городских окраинах — песчаные пляжи.

В тебе лишь чуточку турецкого
 Нашёл я в центре и в порту.
 Анталья — смесь европо-греческого,
 Не девочка уж — женщина в соку.

Широкие бульвары, центры бизнеса, торговли,
 Как будто нищих нет и свары,
 Как город будущего, что ли?!
 Но мы в Анталье лишь мельком,
 Кемер — кумир наш! Стол наш и наш дом.

Он соткан из отелей, пляжей, магазинов -
 Вполне приличный рай земной,
 Вот и везут в его корзину
 Со всех концов, наперебой.

Сейчас, мне кажется, всё больше из России -
 Другая речь здесь слышится едва,
 Турецкий вытеснил великий и могучий -
 Такие вот Кемерские дела.
 Освоив солнце, пляж и море
 Мы осмотрелись — и вперёд!
 Ведь малоазиатские просторы
 Бродячим душам хлеб и мёд.

Я, по-моему, никогда и не слышал, что суша между Чёрным, Мраморным и Средиземным морями называется Анатолией. Со стороны Кавказа граница Анатолии — Таврские (или Таврические?) горы. Современная Турция включает Анатолию плюс кое-что ещё до границ Армении, Грузии, Азербайджана, Ирана, Сирии с одной стороны, да европейского куска у границ Турции и Болгарии.

Так вот эта анатолийская часть Турции чего только не видела! Народы сменялись народами, менялись цивилизации и обычаи. Греки, римляне, Финикия, Византия, Османская империя, турки-сельджуки и прочая, прочая. След на этой земле от разных цивилизаций встречается на побережье на каждом шагу.

Гора Олимп (некоторые утверждают, что именно в малоазиатском Олимпе состоялись те самые первые олимпийские игры), деревня Химера с самовозгорающимся воздухом, с Гермафродитом на Пегасе, Николай Угодник, получивший церковный сан вот здесь, в городке Мирра, который сейчас называется Дебре, а Мирра — местечко, где наскальный акрополь, а под ним амфитеатр. Таких штучек, говорят, на этом побережье больше трёх тысяч(!).

А храм Николая Чудотворца представляет собой полуруинное сооружение, вросшее в культурный слой земли. Здесь он похоронен был, но потом мощи его увезли в г. Бари в Италию, боясь, что здесь над ними надругаются иноверцы. По-турецки непритязательно выглядит это местечко, но иконами торгуют с размахом, за большие деньги, утверждая их серебряное происхождение и, конечно же, чудотворящие свойства. Так Николай Угодник угождает теперь мусульманам. Ну что ж, говорят, он помогал всем страждущим, вне зависимости от вероисповедания.

Два памятника Святому Николаю установлено у храма-полуразвалины. Наконец-то я увидел в Николае Угоднике человека. На обоих памятниках он не только с бородой, но и безо всякого нимба в

окружении прижимающихся к нему детей.

Понравилась поездка на яхте на острова, которые образовались после землетрясений, унося часть городов под воду, а часть оставив не суше, превратив их в развалины. Эти развалины мы и видели. По ним бродят козы, то на четырёх, то на двух ногах, потому что две других ноги выполняют функции рук, удерживая их у дерева, где они встают в стойку в поисках пищи. Есть острова, которые окружили комфортом отелей, пансионатов для спокойного, элитного, островного отдыха.

Миром помазанный стал нынче я,
Круглая, круглая всё же земля.
В детстве учили меня мать, отец:
Вот он Угодник, вот он — молодец!

Нищих от напастей он защищал,
Страждущим нужное он выдавал.
Тоже стремись сим законам служить.
Ан, чтобы такую чашу испить
Надо стать сильным и мудрым — учись,
Всякой работы ты не гнушись!

Так на турецкой земле с Чудотворцем
Детство пахнуло в меня не червонцем,
А благодатью родительской ласки.
Старый я стал, но был рад этой сказке.

Николай Чудотворец совершил очередное чудо. Путешествовали мы к нему с женой, снохой и будущей внучкой. По возвращению в отель Насте был голос, что не следует ей в таком положении быть на турецкой земле. Настя тут же собрала чемоданы и улетела в Москву к мужу, чтобы там, в России, делать самое важное дело на земле.

А нам с женой выпало счастье купаться не только в море, но и в облаках, на высоте 2365 метров. Забросил нас туда подъёмник для обзора побережья от Сирийских границ до самого Измира. Но мы дальше собственного носа ничего не увидели.

Я помню молодой порыв
При входе в облака,
На них тащил я свой рюкзак
Под чувством ишака.

И тот «ишак» в восторге был -
Мол, трогал облака.
Но вот прошло полсотни лет,
И где же та душа?

Ведь десять лишь всего минут,
И мы над облаками,
И вместо груза рюкзака
Хохмачество с понтами.

Но нам помехой облака,
Нас злит, что «обещали...»

И вот забрались мы сюда,
А нам «не показали».

В прекрасной маре облаков
Купала нас природа.
А в кучке этой чудаков,
Точнее, в кучке дураков,
Одна сплошная проза.

Куда уходит детство?
Куда ж ушло оно?
И где-то по соседству
Живёт то волшебство.

Я всё ж его коснулся -
Ведь облакам был рад,
Их колдовством напился,
Они в глазах стоят.

Прелести природы сопровождали меня в Турции повсюду. Может, потому, что здесь я этого совсем не ожидал. Сам городок Кемер постоянно представлял нам разнообразие всего окружающего: вечно меняющийся цвет моря, великолепие горного хребта, который то возносил, то опускал облака, причём в одном месте они в это мгновение почти на земле, а рядом - они на вершине. Этим мы не переставали любоваться и на пляже, и с балкона номера, да и из самого номера, который сам был панорамного типа. Ещё большее изумление испытал я, когда автобус нас увёз вглубь страны. Всюду прекрасные горные хребты перемежаются с возделанными долинами, в плодородии которых не приходится сомневаться. Ведь результаты здесь же — в полях, на деревьях, на импровизированных рынках и в придорожных супермаркетах. До того дошло, что к редкой, величавой красоте привык. Вроде бы так и должно быть. Иначе зачем за этот клочок земли дрались греки, римляне, византийцы, крестonosцы, османцы, турки и прочая, прочая. Следы былых цивилизаций здесь буквально на каждом шагу. Куда бы ты не бросил свой взгляд, везде он наткнется на какие-то развалины, между которыми турки что-то возделывают, тяпают своими тяпками, культиваторами, какими-то хитрыми приспособлениями малой механизации. Эти развалины нашей и до нашей эры им до лампочки, точнее, они их «достали». Не знают турки куда от них деваться. Правда, когда они почуяли от них «запах» денег со стороны туризма, то дали по рукам и американцам, и австрийцам, и немцам, которые растаскивали по своим музеям целые античные дворцы, гигантские статуи. Ту часть, которую не успели украсть, теперь показывают толпам туристов. Поражает сввоей раскопаной частью город Эфес, где самый большой из найденных римско-греческих театров — библиотека, которую соорудил сын в честь своего отца, городские улицы, общественные туалеты — в общем, всё, что присуще и необходимо для группового человеческого существования. Я видел уже много раскопанных римских городов, поэтому могу констатировать как большой специалист: это — один из дошедших до нас шедевров наших далёких предков. Не случайно христианская церковь сделала всё возможное, чтобы именно здесь, на самой горе, откуда во все стороны замечательные виды, в том числе на побережье Эгейского моря, реку Миандр, которая постоянно меандрирует из-за наносных отложений, создавая всё новые и новые плодородные просторы, так вот, именно здесь церковь разыскала домик, где жила Дева Мария после распятия и воскресения Иисуса Христа, её надветренного сына, ставшего Богом. Сейчас этот домик стал церквушкой, я там был, мёд, пиво не пил, но свечи поставил и за здоровье всех близких, и за упокой тех, которые были близки и остались на весь мой век в моём сердце.

Вот такой вот коктейль на турецкой земле, где мусульманство пригрело христианство, где азиатчина сохраняет европейские цивилизации в самых разных ипостасях. Купались мы, например, в бассейне

Клеопатры, где она набирала свою красоту и мудрость в термальных ваннах на фоне очередного чуда природы на Турецкой земле — Памуккале. Грандиозные, на десятки гектаров, отложения солей причудливых очертаний, со множеством террас.

В этом сказочном девственно-белом мире бродили мы с высокими мыслями о прелестях земной жизни, о том, что надо, надо сохранить в себе способность изумляться величием Создателя до конца дней своих.

Божественное и земное
 Так тесно здесь переплелось,
 И трудно отделить порою -
 Всё здесь как будто бы срослось.

Да и не стал я отделять,
 По мне — так всё едино.
 Природа, дева-мать,
 Эфес, Памуккале -
 Вы чейная картина?

Богов иль человеческих рук? -
 Не стал искать ответа,
 Уехал с чувствами — любить,
 Пока на этом свете.

Ощущение, что Турция стала понятнее, ближе породило не только обзорное прочтение истории этой земли, не только общение с экскурсоводами и памятниками культуры и природы, подглядывание из окна автобуса на житейские сцены трудящихся на полях и рынках туретчины, но и прочтение Орхана Памука — редкого явления для Турции — писателя, получившего недавно Нобелевскую премию. Здесь не место для анализа достоинств Памука. За наш аналог можно взять Солженицына. На фоне слабых художественных достоинств сильное раскрытие сложных проблем общества. Читая Памука и соизмеряя его со своими беглыми зарисовками, глубже понимаешь тот оселок, который проходит через всю общественную жизнь Турции — власть тащит народ в Европу, занимаясь европеизацией, т.е. пропандируя европейские ценности как идеал, к которому следует стремиться турецкому народу, а ислам тащит к своим, изложенным в Коране ценностям и обычаям. В такой ситуации неизбежны чекистские методы власти и лавирование простого народа между этих двух огней, которые постоянно то тут, то там превращаются в пожар, и этот пожар гасят власти силовыми методами — других средств для тушения такого рода «пожаров» ещё не изобрели.

О таком «пожаре», который полыхал в тех же краях, где был наш отель, сообщила мировая пресса — вырезали всю свадьбу вместе с молодожёнами, при этом турецкие власти пытаются свалить это на неких террористов, хотя всему миру очевидна подоплёка дикости, замешанная на кровной мести.

В результате замечательного отдыха в Турции увозили с собой не только комфортность моря и солнца, общую дешёвизну отдыха, но и внешнюю европейскость страны с её внутренней готовностью к резне любого масштаба.

Как мир цивилизован, но и дик,
 Куда ж несёт его тот рок событий,
 И хватит ль мудрости, иль главным станет штык? -
 Не сделаю сегодня я открытий
 Ни на этот счёт, ни на какой другой.

Я ж просто зализал от кризиса здесь раны.
 Не мало для меня — я так скажу,

И в Турцию не брошу никакой я камень.
Наоборот! Скажу, что нужен мне берег Турецкий -
Я словно вернулся здесь в детство!

Вся Германия. 27.12.2009 г. – 13.01.2010 г.

Прелюдия поездки такова –
Её задумала давно уже жена,
С отцом своим планировали брать Берлин,
Да помешал всевышний господин.

Хотелось также поглядеть в Европе Рождество,
Реклама о-очень насаждает это торжество.
Сегодня всё объединилось
И на колёсах покатилося.

Наш экипаж – дед, бабушка и внучка Ксюша
Готовы созерцать, обдумывать и слушать.

День первый-второй (27-28 декабря 2009 г.)

Берлин (на Шпрее)

Ещё не забыты, не зажили раны, нанесенные войной, стеной. Ощущение такое, что немцы понимают и принимают свою вину за весь ужас войны и её последствия. К русским относятся вполне уважительно. Хотя с удовольствием издеваются над «поцелуем Брежнева», что представлен на остатках стены. Они в одном месте сохранили стену. Недалеко от Бранденбургских ворот. За этой стеной - памятник Холокосту, а также музей насилия на месте резиденции гестапо.

Мы взяли приступом Рейхстаг – стояли в очереди под дождём около двух часов. Зато попали на ту самую крышу, где Кантария и Зиганшин водрузили флаг Победы. Сейчас на крышу водрузили купол – огромный, со спиральной дорогой прозрачный купол, под которым внизу зал заседаний Бундестага – государственной думы. Двигаясь по спирали, разглядывали Берлин. Особенность Берлина в том, что у него все районы новые, послевоенные. Часть среди них – социалистические с панельной или сталинской застройкой и капиталистические. Но главные достопримечательности города сосредоточены в нескольких точках.

Вот Берлинский собор (а-ля Исакий) – протестантский (там слушали и орган при молитве, и концерт духовного пения). Рядом с ними остров музеев (Нефертити, Национальная галерея, Античное искусство) – не заходили, не видели, не успели даже вокруг на кораблике проехаться. Зато побывали в Николае-Угодника квартале, где специально построили старинный квартал (из панельных домов соорудили, придав соответствующий внешний вид) – узкие улочки, маленькие окна, своеобразная бюргерная архитектура.

Побывали и на жандармской площади с великолепными близнецами – французскими и немецкими соборами, которые разделяет, «держит за руки», оперный театр.

Окунулись в атмосферу современной небоскрёбной застройки на Потсдамер-плац, где подкупольная тусовка молодёжи в сказке 21 века, и Курфюрстердам – Куда (коровий проезд), и Унтер-ден-линден (под липами), и Фридрихштрассе – всё прохожено ножками, просмотрено глазками, про-

слушано ушками.

Кстати, ушки оценили немецкий юмор: здесь и самый большой инструмент в мире (небоскрёб с колоколами), и беременная устрица (зал конгрессов), и стиральная машина (резиденция Меркель) и т.д. и т.п.

Рождество вылезает из всех уголков города. Это не только ёлки, нарядные витрины и реклама. Это балаганные городки с сувенирами, с сосисками, колбасками, пивом, сладостями, музыкой, выступлениями балаганных актёров, катанье на коньках. Праздничная атмосфера налицо. Главный напиток, как ни странно, не пиво, а глинтвейн и грог разных видов. Хотел написать, что пьют его от мала до велика, но вдруг понял фальшь, нет тут никакого – «мала». Детей почти нет. Видно, празднуют рождество как-то по-другому, без глинтвейна.

Прощай, Берлин.
Мы дальше покатили,
И, рождество, прощай!
Теперь в Европе мы видели тебя,
Мы в тебе были!

Гамбург (на Эльбе) 29 декабря 2009 г.

Портовый город, который сам не знает, на каком он море – то ли северном, то ли Балтийском. Стоит себе в устье Эльбы и ещё двух рек с непроизносимым названием. Так что мостов здесь больше, чем в Венеции, Амстердаме и Лондоне вместе взятых – книга Гиннеса! А мы были не только на Эльбе при огромных судах и кранах, гигантских складских помещениях изящной ливерпульской архитектуры, но и под Эльбой в 4 км тоннеле, на многочисленных мостах в центре города, который является огромным озером, вокруг которого и великолепная ратуша, разрушенный англичанами Николай Угодник, церковь Св. Михаила, микрорайон коттеджей под «белый лебедь», что в Лондоне у Березовского. И снова к нам вернулось Рождество в Гамбурге такой же, как в Берлине, балаганной внешностью. Гигантский порт требует серьёзной работы бюро услуг. Поэтому и вырос целый район святого Павла, где на каждом шагу секс-сигналы (шопы, клубы и девушки, девушки, девушки). Есть даже улица, куда пускают только мужчин. Ксюша поставила точный диагноз этому району – здесь так воняет, что дышать нечем.

Удивительно, что очень чистый, прекрасный, промышленный город на островах Гамбург имеет грязный, вонючий район. Там, где грех. Где грех, там грязь – вот так вот, говорит Гамбург и продолжает своё дело по закону – здесь простиитуируют по закону, поэтому никто не прячется, а занимается своим делом.

Порт трудится, как улей, не только судоразгрузкой–погрузкой, но и музейной суетой. Под музеи пустили складские помещения, в которых мы экскурсировали по всему миру, превратившись в Гулливеров в стране миниатюр, которые снуют по музейному пространству.

Строгий, но изящный стиль домов из плиссированного кирпича, порт, Эльба, мосты, каналы, зелёные шпили соборов и секс-район – вот что теперь для меня Гамбург.

Гамбург без гамбургеров, но с селёдкой, национальным супом из угря, который мы не пробовали, и жареной камбалой, которую мы не видели.

Что видели, то полюбили,
Что не видели, то позабыли,
Порт и секс – как близнецы–братья,
Думаю, про Гамбург хватит.

Колёса в руки и вперёд,
Туриста новое зовет,
Но я забыл ведь про битлов,
Они здесь снова повстречались,
Отсюда слава их трудов
По миру шумно разбежалась.

Бремен (на Везер)

30 декабря 2009 г.

Бремен – это не только осёл, пёс и петух. Я бы сказал – не столько бременские музыканты, сколько образец абсурдности. Абсурдности того, до чего можно дойти, держась за суверенитет до конца.

Поскольку Бремен через Везер так же, как и Гамбург через Эльбу, является портом, то он входил в свободный Ганзейский союз был свободным Ганзейским Бременом. А значит, как и Гамбург – это отдельная земля, в нашем понимании чуть ли не отдельное государство, со своими законами, правительством и прочими атрибутами государства, за исключением военных. А государство живёт за счёт налогов, а налоги платят там, где живут. В Бремене живут не многие из тех, кто там работает. Отсюда в богатой Германии бедный Бремен, но зато суверенная, независимая земля, которую, как слон муху, накрыла Нижняя Саксония со столицей Ганновер.

Но – долой политику. Бременский порт мы не видели, так как он ниже по течению Везера, который до впадения в море принадлежит Бремену, а берега «вражеские» ему не принадлежат.

А что же мы видели.

Бременские дома – двух-, трехэтажные, строгой архитектуры. «Шнурок» – длинная, узкая, кривая улочка, сохранившаяся чудом с «тех времен», средневековая площадь с грандиозным собором, Роландом (символом независимости бременцев) и ещё одним собором, представляющим собой своеобразное сердце города. Современный город – как везде, забит современными постройками, не знающими границ фирмами бутиков и другой макдональдщиной. Но есть одна удивительная улица мастеров из красного кирпича, где две старушки руками богатого молодца соорудили смесь старины и современности, оснатив всё это не только звоном колокольчиков и вращающейся историей Бремена, но и разномастными музеями. Бременских музыкантов здесь любят, памятник им стоит в достойном месте и в каждой сувенирной лавке.

Не признают наших принца и принцессу с их переживаниями – всё только по братьям Гримм, поэтому наш мультик совсем не любят, не крутят, хотя другие мультики российские воспринимают с удовольствием. Интересен здесь и памятник свинопасу со стадом свиной на центральной улице. Несмотря на то, что Бремен мал по числу жителей (150 тыс.), однако протянулся на 40 км вдоль Везера, да ещё дальше Бремерхафен – Бременский порт (гавань). Рождество здесь уже кончилось, ничто не напоминает о рождестве, кроме, разве что, яслей в той самой конюшне, где родился Христос. Они в каждой Кирхе – большой и малой.

Ничего на свете лучше нету,
Чем, друзья, бродить по белу свету,
Забрели мы в Бремен по дороге,
Нет теперь в душе у нас тревоги.
Нет теперь в душе у нас тревоги
Оля-ля-ля-ля-ля, оля-ля
Нам в Дюссельдорф пора!

Дюссельдорф (на Рейне)

31 декабря 2009 г.

Да, Дюссельдорф, конечно, на Рейне, но название взял от маленькой речушки Дюссель, которая здесь впадает в Рейн.

Дюссельдорф – полумиллионный город – столица самой-самой немецкой земли Северной Рейн-Вестфалии. Поскольку земли в Германии как отдельные государства (а их здесь – 16 земель!), то Дюссельдорфская земля самая сильная и по числу жителей (18 млн. из 80 млн. в Германии) и по промышленности – Рурский бассейн. Это был Гитлеровский железный кулак, где сталь, техника, самолеты. Бремен входил тогда в состав Земли, да и вообще он разогнал все земли, объединив в одну Германию и «строгал» в Гамбурге, Бремене, Дюссельдорфе свою военную мощь. Поэтому все эти города были раздолбаны во времена войны на 90%.

Поэтому они сейчас как новые, с иголочки.

Кто их раздолбил, тот их восстановил. Хорошо устроились немцы.

Раз Дюссельдорф – столица самого промышленного района, то здесь все самые промышленные выставки, здесь деньги, т.е. банки, здесь сила. Культуры мало. Только небольшой Альтштадт (старый город) с самым большим пивным прилавком в Германии (вся пешеходная улица состоит из пивных), да небольшая ратуша с мужиком на коне, да круглая башня с призраком в белом с перерезанным горлом (плохое задумала совершить над мужем). Эта круглая башня – всё, что осталось от большого монастыря на берегу Рейна. Рейн поразил своей мощью. Не столько шириной (хотя и она не маленькая), сколько своим бурным течением. Как горная река. Хороша набережная с видом на мост и старую улицу на другой от центра стороне реки. Говорят, здесь самые дорогие квадратные метры, а летом – все лучшие аттракционы мира собираются здесь на показ своих возможностей. Именно отсюда Лужков увёз самые большие американские горки в Москву, где, по признанию немцев, должно быть всё самое-самое большое.

На Рейне мы попрощались с 2009 г. и встретили 2010 г. На корабле с немцами, немецким дуэтом, с плясками. Популярен был мой костюм, состоящий из футболки с внучками. Все немцы при костюмах. Один мужик в футболке. Русский. Очень косо вначале смотрели немцы. Позднее, когда выпили, то ситуация в корне изменилась. Они наперебой тыкали во внучек и попросили пояснить, что всё это значит, весело смеялись и хлопали по плечу «заслуженного дедушку». Переводчиком была Ксюша, наглядно свидетельствуя, что на моём пузе мои внучки, ведь вот одна из них здесь, рядом.

Поздравляли с Новым годом вначале русских (Катюша, Калинка, Казачок, Москва), а через два часа – немцев, с шампанским на палубе теплохода под Дюссельдорфский салют на набережной, где толпы людей на такой же «праздничной», как и в России, территории (разбитые бутылки, разновсяческий типичный для гуляющей и пьющей толпы). До Нового года звучала лирическая таинственная мелодия, после встречи Нового года – марши. Танцевали и под одно, и под другое.

Если дополнить написанное домами современной американской архитектуры – падающие кубики, да тем, что ночевали в Дюссельдорфе 4 ночи с поездками в Кёльн и Рейнские замки, то, пожалуй, о Дюссельдорфе всё. Но не могу не сказать, что вокруг Дюссельдорфа такое ожерелье промпредприятий, от которого дух захватывает у меня, во всяком случае, думаю больше, чем от подвесок королевы.

Стоят себе в ряд красавцы заводы, создавая благополучие немцев их же руками.

Первый человек в Германии Аденауэр – послевоенный канцлер. Второй – Карл Маркс. Один возродил самоуважение разбитых в войне немцев, другой создал теорию благополучия государства и нации.

Современные немцы оказались хорошими учениками. И с благополучием у них отлично, и с самоуважением всё в порядке.

Ну, вот и проводили Новый год!

Назавтра - он уже стал бывалый.

В Дюссельдорфе он при нас пошёл вперёд.

Будь славным, малый!

P.S. А на другой день мы увидели рабочий (селитебный) Дюссельдорф и модернистский, тот самый, падающий. Что-то общее есть в них, но по спирали.

Года идут,
и города растут,
Сейчас, что падает, то в моде.
И будто б я нормальный,
И всё же чокнутый я, вроде!?

**Рейн: Кёльн, Бон, Кобленц и К°
1-2 января 2010 г.**

Рейн, отец Рейн, великий Рейн, сточная канава Европы, сердце Европы и т.д. и т.п. – такими эпитетами награждают здесь эту реку.

Долину Рейна относит путеводитель к третьему из 10 достопримечательностей Германии. К первой относят Кёльнский собор. Вот эти два чуда мы и созерцали сегодня.

Кстати, на сегодня мы посетили ещё две достопримечательности, входящие в десятку: Бранденбургские ворота в Берлине и порт в Гамбургере. Всего получается 4 из 10 на сегодня. Итак, Рейн. Кёльн на Рейне в 40 км от Дюссельдорфа, от столицы земли севернее Рейн – Вестфалия и более чем в два раза больше столицы. Естественно, между ними соперничество, неприязнь. Но нам их неприязнь - развлечение, поскольку она, эта неприязнь, выражается карнавальными конкурциями. Оказывается, Кёльн и Дюссельдорф (особенно Кёльн) – карнавные города Европы, а не только Германии. На Кёльнский карнавал (февраль и ноябрь), который длится целую неделю, съезжаются со всех концов миллионы, создавая столпотворение и наводя ужас на местных жителей. Жаль, что мы ни ужаса жителей, ни самого карнавала не видели. Зато мы и в подсветке и без нее видели чудо – чудо монументального искусства, чудо творения рук человеческих – Кёльнский собор. Я видел перед собой не прекрасную гигантскую конструкцию, а чудесное изделие некоего кулинарного производства, на которое любишь, улыбаясь с каким-то придыханием. У-у-ух, красотища! Собор стоит вблизи Рейна, который буквально забит белоснежными теплоходами. Такой же широкий и мощный, как в Дюссельдорфе. Кёльн – город с 2-тысячной историей (от римлян – Клавдий, Нерон, Агрепина) до наших дней (заводы хим. производства Бауэр и пр.). С удовольствием погуляли по его улицам и набережным, слопали свиную рульку в пивной № 1 Кёльна. По этому городу можно гулять сутками, время от времени возвращаясь к собору, но есть и другие города Германии.

Рядом с Кёльном – Бон, недавняя столица ФРГ, ставший ей как наиболее незапятнанный в гитлеризме и фашизме город. Мы только проехали мимо него, приветливо помахав этому маленькому городу, который пытаются немцы сейчас спасти, затащив сюда Европейскую резиденцию ООН и создав льготы для банков.

Остановились в Кобленце, городе на стрелке Мозеля и Рейна, где собирались первые отряды крестоносцев, где наш Александр II со своим дядей Вильгельмом I и Бисмарком вершили судьбы Европы. Очень романтическое место эта стрелка. Немецкий угол – горделиво обзывают его здесь, вкладывая в это понятие не только романтику, но и силу, которые немцы культивируют, уважая красоту.

Красота в Рейнской долине всюду, на каждом километре. От Кобленца и выше по Рейну идут вдоль береговой полосы прижатые горами городки, совершенно похожие друг на друга плотностью застройки, её одно-двух этажностью, чистотой и узостью улиц. Справа и слева корабля, который вез нас по Рейну, возникают замки, большие и малые, разрушенные и восстановленные. Легко представляется, что там внутри. Ведь мы только что побывали в Марбурге – одном из самых романтических замков на одиночной скале. Там и защитные бастионы, и винные погреба, и конюшни, кузнецы, льняное производство полотна, средневековые туалеты, чёрные ходы, защитные башни и пр. пр. К прочим относится, например, пыточная. Если Ксюша спокойно слушала про ужасы пыток, то бабушкины глаза по мере показа экспонатов

становились все шире и круглей.

Но красоты Рейна быстро выветрились ужасы пыток, особенно у скалы Лорелей с ее девушкой-русалкой, с котом и мышью (замки), памятником «История Германии». На высокой скале огромный памятник, в котором зашифрована история Германии, сказочный город Рюдесхайм с красивейшими кукольными, словно нарисованными фехвертовскими домиками – столица Рейнского вина. Дегустировали вина (Ксюше понравилось), выпили бутылочку (бабушке понравилось), а дедушка добавил шнапса, и всем нам было хорошо.

Я сам неряха по рождению
И аккуратность не ценю,
Но ныне своё восхищение
Немецкой Орднунг подарю.

Здесь все красоты – от порядка,
От чистоты и нужности.
И это важным оказалось
Для Рейновской наружности.

Сейчас, в после и предрождественские дни, не могу не сказать о встрече с детством, где в эти дни славил Христа, и как представлял себе волхвов, которые «со звездой путешествуют», с той самой звездой, которая идет «чудно, с востока на полудня».

Так вот эти волхвы в количестве 3 штук оказались в Кёльнском соборе. Они узнали меня, а я их. Было приятно увидеть себя мальчиком и дедушкой одновременно. Рейн Волгу напомнил, а Кёльн – рождественские богославия в детстве.

Детство на минутку
Возвратилось в Кёльне,
Волхвами, Рейном–Волгой.
Я доволен!

Франкфурт (на Майне) 3 января 2010 г.

Бросок из Дюссельдорфа (промышленной столицы Германии) во Франкфурт – финансовой столице не только Германии, но и Европы. Здесь, как ни странно, главный работодатель – Аэропорт – 70 тыс. рабочих мест. Что такое – здесь? Это значит на новой уже земле – земле Гессен со столицей Висбаден и главным городом – Франкфурт, что стоит на реке Майн. Майн – довольно приличная река, впадающая в Рейн. Естественно, взята в бетон во Франкфурте, с замечательными, в т.ч. пешеходными, мостами, с музейной набережной, на другой от центра Франкфурта стороне. В одном из них «представление» давал Боттичелли. Его собрали по частям со всего мира и привезли к нам во Франкфурт. Боттичелли Ксюша и бабушка оценили. Остальное – так себе. Но мы не расстроились. Забрались на один из небоскребов. Оценили впечатляющую панораму Франкфурта, основу которой представляют опять же небоскребы. Это пока единственный город в Германии, который мы посетили, где небоскребы доминируют. Спустившись с небоскреба запнулись о... зайца. Да, да – зайца, который мирно из-под снега грыз травку. Пока раздумывали, из какой клетки он сбежал, появился ещё один, за ним другой. Господи, да ведь их здесь целое стадо. И даже чёрные зайцы среди них попадаются. И тут же собачники со своими питомцами. Бульдоги с зайцами в центре Франкфурта под небоскрёбами! Впечатляет. Шварцвальд – так называется местность, гористая, лесистая, из которой зайцы, думаю, с удовольствием мигрировали под небоскрёбы. Тут же старый город, с ратушей с балконом, откуда выступают знаменитости, с Фемидой с весами и изумительным набором фехвертовских домиков.

Долго искали дом Гётте, пытался помочь старик немец, знающий несколько слов по-русски. Нашли. Хороший дом. Музей.

В Дюссельдорфе – Гейне, здесь Гётте, Бетховен, где-то рядом, еще – Ом, Лейбниц в Гейдельберге, шесть нобелевских лауреатов и т.д. Всё великое где-то рядом, что-то потрогали, что-то прошло мимо.

Мимо не прошло знаменитое яблочное вино – Андельвайн – во Франкфурте. Бабушка, пропустив стаканчик, сказала, что эта кислятина не может нравиться, но спустя минуту–две взяла свои слова обратно. И не только слова, но дополнительный стаканчик пропустила бы, но я удержал.

Снова, как и в Гамбурге, жили в районе красных фонарей, так что Ксения насмотрелась на секс-индустрию сполна, и в натуре, и в секс-шопе – самом большом в мире (в Гамбурге), откуда нас с внучкой выгнали, но мы, конечно, кое-что успели посмотреть.

Не могу не отметить Франкфуртский вокзал с двумя-тремя десятками платформ по одной прямой, на которой огромное количество кафе, книжных магазинов и прочей торговой инфраструктуры.

Финансы, зайцы, небоскрёбы
 Фахверк, кварталы красных фонарей.
 А стоило ли за этим ехать?
 Ей богу, стоило! Ей-ей!

Баден-Баден и К°

Баден-Баден – это сочетание из одного и того же слова привычно для нашего уха. История и литература, особенно литература, конечно, постаралась во всю, что бы к 64 годам эти словечки были в «доску» известны. Прежде всего, Тургенев со своей Полиной Виардо, Достоевский со своей страстью просаживать гонорары в казино, Гоголь со своими «Мертвыми душами» на водах Баден-Бадена. Ну, а уж императрица России – принцесса Баденская, Луиза, жена Александра Павловича, Елизавета Алексеевна вообще, можно сказать, управляла Россией сама и через своих потомков.

Но Баден-Баден, оказывается, совсем в другой стране – земле, земле Баден–Вюртемберг, довольно большой (8 млн.), промышленной, со столицей Штутгарт. Об этом я слышал, а что увидел?

Того же Тургенева на аллее на набережной маленькой речушки, того же Достоевского на фронтоне одного из домиков, мемориальную доску с Гоголем на доме, где жил, в рост принцессу Баденскую Луизу в микросадике в застройке, а также знаменитое казино довольно внешне непрезентабельного вида, в котором удалось побывать в туалете. Галерея с минеральной водой ничего, так себе, конечно, много хуже Кисловодской. Термы каракалы, те, что дали жизнь городу от римлян и сделали его летней столицей Европы, выглядят неплохо – и старые (под Будапешт), и новые – под стеклом. Но не ах – бани и бани.

Что же всё-таки делает Баден-Баден летней столицей Европы? Конечно же, сочетание всего этого, что отдельно ничего особенного из себя не представляет. Уютный, на склонах Шварцвальда, с аккуратненькими домиками–отелями, с термальными и минеральными водами, со сложившейся инфраструктурой, в т.ч. игровой – азартной, и, конечно, исторический аспект, безусловно, играет на бренд, бренд Баден-Бадена. А как сейчас мы понимаем, бренд – это не панюха табаку.

Заехали в Гейдельберг – студгородок, немецкая Саламанка, Оксфорд и Кембридж вместе взятые и осредненные, но совершенно не похожий ни на одну из этих столиц науки. Низкорослый, на большой бурной реке Неккар, с разрушенным французами замком (Орлеанская война), где самая большая в мире винная бочка, краснокрышная, с одной центральной улицей, к которой ведут множество переулков, и превосходным средневековым мостом, с положенными, как везде, знаменитыми кирхами.

Город настолько уважаем в мире, что его даже не бомбили в войну – некоторые военачальники там учились (из Франции, Англии). Сейчас много учится китайцев. Скоро и немецкая раса будет с узкими глазами.

Загадочный Баден-Баден!?
 Сегодня сказку развенчал,

Поскольку взял и побывал,
Но не жалею я ничуть,
Ведь быть мне ближе, как всегда,
И ей полна моя душа!

Бавария
Мюнхен (на Изоре)
5-6 января 2010 г.

Перед путешествием раздумывал, стоит ли ехать по этому маршруту, поскольку маршрут предусматривает 3 дня в Мюнхене, а в Мюнхене я уже был. Всё-таки решил, что повторение в данном случае не помешает. Не помешало. Там, где плавали карпы, теперь пенсионеры играют в керлинг и их больше на замёрзших каналах, ведущих к королевскому дворцу, чем было карпов летом. Там, где была большая пивная площадь с множеством пьющих баварцев, от грудных до 100-летних, теперь Ксюша два вечера кряду каталась на коньках, принимая допинг не только из Макдональдса. Сейчас Мюнхен мне показался основательным городом, с фундаментальной баварской антивоздушной старой постройкой и интернациональной, супермаркетовой, новой. В памяти осталась старая и новая пинакотеки, прекрасный политехнический музей, самая большая в мире пивная, в которой встретили рождество, крещение или поклонение волхвов, при котором бросали крест в воду три раза с места, и водолазы доставали его, а люди пытались дотронуться до этого креста. В нашем понимании мы присутствовали при освещении воды в реке Изор. Ну и, конечно, первая в мире пешеходная улица, которая в этот раз не произвела особого впечатления, поскольку в мире появилось много достойных конкурентов. Если вспомнить о двух впечатляющей архитектуры стадионах к Мюнхенской олимпиаде (шатровые волны) и к чемпионату мира по футболу (автопокрышка), а также отсутствие высоток (запрет - только одна в центре города, после которой и последовал соответствующий закон), то вот и, пожалуй, всё, что могу сказать о Мюнхене, с пляшущими часами на ратуше. Чувствуется, что баварцам с удовольствием живётся в своей столице.

Альпийская Бавария
7 января 2010 г.

Сегодня основательность Мюнхена заменена романтичностью Альпийских пейзажей. Как только въехали в Альпы и попали в городок Обератергау, я невольно вскрикнул, что это лучшее из всего того, что я видел в мире. Даже Тадж-Махал и тот меркнет перед такой-то сказкой в жизни, сказкой, в которой действующие лица – жители города, привыкшие к тому, что они не только живут в сказке, но и являются её частью. Широкие улицы, отстоящие друг от друга дома, что редко встретишь на неметчине, все в какой-то яркой расцветке, вполне сюжетной, веселой, сказочной, улыбчивой. Странного вида местные жители, которые целый год не бреются, не стригутся, готовятся к спектаклю, который идет по 6 часов ежедневно в течении полугода. Спектакль – не хухры-мухры, а страсти по Христу, благодаря чему некогда жители спаслись от чумы, да так до сих пор и поддерживают традицию. Удивительное воздействие на туриста. В автобусе все сидят в своих думах, а на улице городка все друг другу улыбаются, улыбаются всему окружающему, улыбаются самим себе. И это в наш-то век!? И это с нашими людьми!?

О красотах Альп говорить не буду, потому что ничего нового не скажу. Но вот одинокая церковь, в чистом поле, так сказать, с такой удивительной, светлой, радостной росписью, что ЮНЕСКО забрало ее под свое покровительство.

Ну и наконец, полусумасшедший король Людвиг II и его замок Нойншванштайн. Замок на вершине горы, окруженный превосходным оперением горного хребта, разделенного ущельем с водопадом, мостиком через пропасть. Замок, устремившийся ввысь с деликатными пропорциями и сказочным орна-

ментом спилей, с неожиданным внутренним убранством из произведений Вагнера. Хозяин замка – овеянный легендами при жизни и тайной смерти. Король, который не правил страной, а строил замки и объявлен сумасшедшим. Но время показало, что он один из немногих нормальных на земле, поскольку сумел оставить такой замечательный след на после себя.

Мои женщины – бабушка и внучка – единодушно признали великолепным день, проведенный в Альпах, на фоне горнолыжных трасс, романтических замков, радостных церквей и улыбающихся городков.

Вот такая вот поездка в Альпы на рождество получилась!

Нюрнберг 8 января 2010 г.

Второй по величине город Баварии. Нур айн бург – только одна гора – по-немецки. И действительно. Это единственный из всех виденных немецких городов, окружённый хорошо сохранившейся крепостной стеной, внутри которого та самая гора с замком. Внутри крепостной стены город старый с трудом сдерживает нашествие нового города с интерконтинентальными торговыми монстрами. Очень интересен немецкий музей, собравший в себя архитектурные шедевры города после бомбежки, Дюрера, у которого здесь приличный домик, и прочих всякоостей, составляющих жизнь, быт и развлечения немцев, точнее – франконцев.

Нюрнберг – Баварский город, который вынужден быть в Баварии, но считает себя центром Франции. Франкония – гнездо фашизма, позор нации, как здесь считают... и отобразили на колоннах свои покаяния.

Гитлер начинал с Мюнхенских пивных, везде был встречен на ура, т.е. на Хайль Гитлер, но на кого-то надо свалить, найти стрелочника, козла отпущения. Свалили на франконцев, потому что именно в Нюрнберге принимались наиболее позорные, бесчеловечные законы, поэтому и судили фашистов в Нюрнберге, поэтом франконцев лишили земли, включив их в Баварию. Поэтому и приписывают им до сих пор свойства чванливости, неуступчивости ни в чем, даже в обычном споре.

За крепостной стеной – обычный город со своими проблемами, выросший богатым после войны. Это не хрущевские пятиэтажки, но что-то близкое, только из монолита и без балконов.

Вот и закончилась Бавария, а значит, и западная Германия, американо-англо-французские оккупационные зоны. Поехали дальше – в зону Советскую, в Восточную Германию. Что там нас ждёт?

Саксония Лейпциг 9 января 2010 г.

Слово Лейпциг у меня всегда ассоциировалось с ярмарками, значит, шумной толкучкой. В путешественнике он тоже представляется как второй финансовой столицей Германии. Там, где ярмарки, там купцы, по-современному – банкиры.

Ни шума, ни звона монет, ни сопровождающей монеты роскоши я в Лейпциге не увидел. А увидел замечательного русского из Питера гида, который вздох рассказывал о первой интернациональной битве с Наполеоном под Лейпцигом в 1813 году (русские, прусаки и австрияки), показал величественный монумент в честь этого события, высотой с современную высотку и мощью во всю французскую армию, которую тут второй раз после Москвы разбили, а потом уже добились под Ватерлоо. Памятник расположен на поле боя, теперь попавшего в городскую черту. Рядом и кладбище для воинов всех армий, и жителей Лейпцига. И даже знаменитая треуголка Наполеона на месте его командного пункта. Была и ратуша, Бах с киркой, в которой он работал до самой смерти, Гёте, учившийся здесь и обессмертивший Лейпциг, назвав его маленьким Парижем. Тут же его Мефистофель с Фаустом и их знаменитый кабачок, конечно, современные торговые монстры. Но... но ярмарочные комплексы угрожающе темны без употребления. Веет от

них обречённостью, как и от всего Лейпцига, кишашего брошенными домами-многоэтажками, жители бегут, бросая квартиры. Нет работы. Все предприятия под бульдозер, а новых и не думают строить. Зачем плодить себе конкурентов?! Поистине – за что боролись, на то и напоролись.

Такого недавно цветущего умирающего города не приходилось видеть. Абхазия – там возрождение на разрухе. Лейпциг – агония в расцвете сил. Да тут еще снег, который здесь не видели лет 15-20. Нет уборочной техники и караул. Но нам это пустяки, привычное дело. Поэтому, возвращаясь в отель, проехали мимо до самой окраины, до того самого кладбища. А отель-то в центре. Так что «шлялись» по Лейпцигу часов 6-7. Хорошо помесили снег в обреченном городе.

Майсон 10 января 2010 г.

В нашем доме гордились приданным: горка, старая, столетняя с какой-то незатейливой резьбой и полуотбитым фарфоровым бокалом с тончайшей вязью. Его выдавали отцу по большим праздникам. Говорили: майсонский фарфор. Как попал этот странный для беднейшей семьи мамы экземпляр в их дом – даже не могу предположить. Об этом я вспомнил уже в Майсоне, еще и потому, что жена тоже знала от бабушки о майсонском фарфоре. Были на фабрике и в музее. Впечатлило и то и другое, но особенно цены. Любая, чуть заметная вещь – не меньше 1000 евро. Ксюша глазам не верила, что какие-то чашки-тарелки могут столько стоить. Да и мы с женой думали, что, по меньшей мере, на запятую здесь ошибаются. Но, оказывается, никакой ошибки нет, так что в отличии от наших предков образцов майсонского фарфора в нашем доме нет и не будет. И хорошо – не надо беспокоиться, что разобьётся. Зато в памяти будет много изделий из майсонского фарфора и ничего не разобьётся, разве что – позабудется.

А сам Майсон – прелестный маленький саксонский городишко с большим прошлым, замком на горе, тысячелетней историей, в котором случайно не стал столицей Саксонии из-за неудачного решения отца наследство разделить между сыновьями, что, в конце концов, привело к сваре между ними, так что пришлось покинуть Майсон, и один из них образовал Дрезден, который и стал столицей, будучи деревней по сравнению с Майсоном. Сейчас, конечно, все изменилось.

Дрезден 10-12 января 2010 г.

Чувствуется столичный размах и рука Кремля. Столичный размах для Саксонии, конечно. Дрезденский комплекс старого города поражает своей выдержанностью стиля Кайзеровского толка, т.е. мощная, серая с куполами и шпилями готика немецкого посла. Захватывает дух от уважения к такой застройке. Это относится и к Дрезденской галерее, где сикстинская мадонна Леонардо-да-Винчи и спящая Венера Джорджоне и Тициана просто поселились в нас, и к оперному театру, где Моцарт пленил нас любовной драмой с туземцами, и самой большой в Европе протестантской церковью, куда нас не пустили, и «зеленые своды», богатство которых превосходит все ожидания.

Весь Дрезденский Альйштадт выходит на Эльбу с балконом Европы и пленительным видом с мостов на всю эту грандиозность.

Дрезден показался мне городом с большим прошлым и еще большим будущим.

Прошлое города обеспечит его будущее, так мне кажется.

Эпилог

Проехали мы по многим землям (считай – республикам) Германии. В заключение заехали даже в столицу Бранденбургской земли – Потсдам. Сан-Суси – знаменитый Потсдамский комплекс с тремя дворцами и парком, весь в снегу, не работает, зато подарил нам прогулку по снегу по его нечищеным

тропинкам.

Чем же в итоге мне хочется поделиться?

1. Не ожидал настолько выраженного, подчеркнутого суверенитета земель. Немцы – это не немцы, а баварцы, саксонцы, вестфальцы и прочее-прочее – всего по штуке.

2. В среднем развитие Германии, уровень жизни, образ жизни и быта где-то близок к московскому, существенно отличаясь от средне-русского.

3. Орднунг – этот пресловутый немецкий порядок держится только на суровости и неотвратимости законов. Как только выпал снег, и его не сумели расчистить, то все немцы так же, как и мы, стали переходить улицы где попало (раз вы не расчистили, значит, и нам не обязательно соблюдать правила).

4. Природа немецкой земли близка к нашей средней полосе, с лесами, грибами, холмами. По-видимому, живности в лесах больше, чем у нас. Такого количества зайцев как Тиргартене (Берлин) и во Франкфурте я никогда ещё в жизни не видел

5. Не ожидал, что русская диаспора теперь смотрит на нас как на людей, которым можно позавидовать. Ни разу не встретил какого-то жеста превосходства их над соотечественниками из России.

И ещё много чего уволю с собой из Германии.

Уволю также чувство выполненного долга перед женой, которая с детства наслушалась рассказов о Германии, в которую её бабушка приехала в 1945 году с двумя детьми к деду, военному, вошедшему в Берлин в войну. Ей очень хотелось поклониться здесь, прежде всего, юности отца, что она и сделала.

А ещё я «убил одного зайца», не того, что бегал в Берлине и Франкфурте, а другого, побывав впервые с внучкой в таком длительном походе. Очень рад за себя, что у меня такая изумительная внучка, которая без труда выдерживает лишения походной жизни, которая преобразуется в музеях, картинных галереях, даже операх на чуждых языках. В общем, много зайцев я убил в этой поездке.

Похлебка удалась на славу! На славу удалось и питьё, выпили здесь с женой столько пива, сколько дома не выпьем за год. Отдельное мерси, т.е. данке шён, завтракам, да и вообще немецкой еде. Сосиски и рульки – вне конкуренции, разве что штрудень с ними может сравниться.

13.01.2010 г.

P.S. Теперь знаю, что такое рождество в Европе: всех уже доставший ритуал с родителями, дедами, когда надо всем под ёлку класть какой-нибудь подарок с чеком, который завтра отнесут обратно в магазин и заберут деньги. А гуся попробуешь только назавтра. Хорошо хоть устраивают праздничные ярмарки на улицах и площадях, где можно оторваться сосисками с глинтвейном. Жена обрадовалась, что сикстинская мадонна появилась в нашем поминальнике, но особенно, конечно, на нашем пути. Образ этой мадонны неотлучно был в их доме и в детстве, и в отрочестве, и в юности.

Из грязи в князи, или Путешествие в будущее. 18.04.2010 г. – 02.05.2010 г.

Одно из самых сильных впечатлений во время всех своих путешествий по земному шару - поездка в Аравийскую пустыню со стороны Иордании. Пекло вкупе с каменным и песчаным безмолвием создали тогда полное ощущение сюрреальности, состоящее из смеси рая, ада и ещё раз ада. Осознание, что этот ад в квадрате с примесью рая, от которого имеется только безмолвие и сложно передаваемое ощущение величественной красоты! Эта примесь раскинута не только здесь, перед тобой, а на без крайних просторах приличной части земного шара, называемой Аравийским полуостровом! Данное осознание придает этим ощущениям какую-то великую тайну, которую не в силах мне ни узнать никогда, ни, тем более, когда-либо познать...

И вот — новый поход в эти места, но уже с другого края. Меня ждут Эмираты, Оман, Бахрейн. Ад в квадрате с примесью чего-то мистического снова только отложился в моём сознании. Путешествие началось...

И сразу же на ожидаемое великое безмолвие наложилось не ожидаемое, но от этого не менее ве-

ликое событие — дыхание исландского вулкана, парализовавшее всю воздушную транспортную артерию мира. На теплоходе, куда нас доставили в заказанный срок, царила её величество суматоха, превратившаяся в хаос, в котором участвуют более трёх тысяч человек на ограниченном корабле пространстве.

Нам всё же удалось часов через десять ухватить не нашу, но хоть какую-то каюту, из которой нас так и не выкурили до конца путешествия. В этом нам помог наш опыт, который безошибочно подсказал: в хаосе главное состояние — пофигизм. Есть бассейн, солнце, жрачка. Кайф! Лови его, а суматоха уляжется и без тебя. Так и случилось — исландский вулкан продолжал засорять небо, а мы в чужой каюте на своем корабле потягивали коньячок - за успешное начало аравийской эпопеи.

Начало — это Дубай, город начала и конца недельного плавания по Аравийской пустыне, Персидскому заливу, городам и государствам великой Арабии. Дубай - самый большой, по численности (1,2 млн. чел.), по удельному весу в Арабском мире. Каким же увидел я Дубай через призму Биг Баса, который в наушниках по-русски мне кое-что доносил?! Остальное — это то, что я видел, чувствовал, домысливал. Дубай внушил мне, что, как бы ни пыжились современные архитекторы в любом уголке земного шара - всё тщетно: в ближайшем будущем будет доминировать высотное строительство. Такого многообразия небоскрёбов, которое и составляет Дубай, я не видел нигде в мире. Даже Шанхай и Бангкок кажутся деревнями по сравнению с Дубаем. Не говоря уж о Париже, Лондоне, Берлине, Франкфурте, Москве и прочих. При этом здесь нет недостатка в земле, в территориях. Вся пустыня к вашим услугам.

А высотки — одна краше другой, выше другой, богаче другой — так и прут из земли одна за другой. Денежное изобилие растёт ввысь, а не вширь. Видно, такая уж у него природа, и с этим ничего не сделаешь. Как красота имеет размеры жерди: 90х60х90, так и богатство имеет размеры более 100 этажей. И с этим ничего не поделаешь, ведь строительство — это деньги.

Смирившись и приняв это положение за аксиому, я и смотрел на Дубай: восхитился величием, размахом, вкусом и того, что снаружи, и того, что внутри, и того, что вокруг — в воздухе, на земле, в воде и под водой. Искусственные острова тех очертаний, которые видит шейх, искусственный подводный мир — как желает шейх, превратив чуть ли не весь Персидский залив в свой аквариум. Изобилие пресной воды в фонтанах, поливных системах в пустыне — как повелевал шейх, из опреснительных установок, т.е. из морской воды.

И прочая, прочая, для чего не хватает красноречия, а есть лишь одни эмоциональные причитания, типа: «Вот это да!» И планы, планы, планы, которые уже в стройке, и эти будут к 2025 году, эти — к 2020 году, а эти — к 2030 году. Плановое шейховое хозяйство в Эмиратах - семейное правление шейхов — от верблюдов, рыбной ловли, ловцов жемчуга до нанотехнологий, от нищеты до 1970-х годов до немыслимого изобилия уже через 30-40 лет. Вот что нефть животворящая делает. В любой другой стране, где была бы демократия, а не монархия, не жесткие законы шариата, всё это неминуемо выразилось б сначала в разврат и пьянство, а затем в бандитские разборки. И только сильный шейх, и сильная религиозная политика сделали то, что есть, что восхищает, что заставляет признать: да, они из грязи в князи прошли на ура, эти «князи». Т.е. шейхи не могут не учитываться в этапах развития человечества как такового. Их достижения, безусловно, могут рассматриваться как прообраз будущего человечества. Я не сказал — желаемого, я сказал: хотим мы или не хотим, но человечество идёт по этому пути, и лидер здесь — Дубай.

Этот тезис подтверждает и Абу-Даби — столица Эмиратов. Абу-Даби — столица по праву, а не бутафорская какая-то столица богатого государства. Дело в том, что эмират Абу-Даби имеет самую большую территорию и самые большие запасы нефти. У Дубая нефть уже вся заканчивается, и доходы от неё составляют только 3%, тогда как в Абу-Даби наоборот, 97%. Поэтому президент Эмиратов — шейх Абу-Даби, премьер-министр — шейх Дубая, остальные пять шейхов других эмиратов — члены Верховного Совета.

Так вот, Абу-Даби тоже весь из небоскрёбов. Он весь на естественном острове, откуда теперь мосты на материк и «небоскрёбы, небоскрёбы, а я маленький такой» - как в одной блатной песне. Среди небоскрёбов людей почти не видно, как будто прекрасный современный город не мёртвый, но без людей. Я от этого ощущения долго не мог оправиться, пока не пошел в мечеть. Вот уж поистине — Слава Алаху. Её можно сравнивать только с Тадж-Махалом. Она — более белого цвета, богатство струится от пола до

потолка, ковёр ручной работы, весом 80 тонн, хоть безумно приятно ласкает твои ноги, но по сравнению с множеством драгоценных инкрустаций, золотой огранкой, белоснежным мрамором он теряется и представляется обычной тряпкой на полу (ну это уж я загнул, чтобы подчеркнуть богатство убранства).

Милостивый аллах позволил даже женщин пропускать на обозрение этого чуда. Им позволено входить даже в мужское молельное помещение, для них сделано и отдельное помещение. Правда, не такое богатое, но всё же... Конечно, их всех облачают в чёрное с пят до макушки, и они как черное вороньё на белом полотне аллаха. И всё же, всё же они как мы разглядывают всё и поражаются всему! Такое кощунство может позволить себе лишь: сравнимый с аллахом. Он и позволяет! Мечеть ослепляет своей нереальной белизной в стороне от небоскрёбов, где удалось нам испытать новые необычные чувства. Купанье в море среди небоскрёбов вызывает смешанное чувство придавленности с причастностью к чему-то по-настоящему грандиозному, что-то вроде мухи на свадьбе короля. С этим чувством мы и покинули Абу-Даби, бросив последний взгляд сначала с башни — смотровой площадки, а потом и с нашего Costa — так назывался наш стол и дом в 12 этажей, плавно, но быстро перемещавшийся по Персидскому заливу. Столица Эмиратов Абу-Даби - «отец газелей». Деликатный перевод с Арабского на Русский. Ни у кого не поднялась рука перевести: «старый козел». А у меня поднялась. Я и сам чем-то похож на старого козла, и да простит мне аллах мою нескромность — ибо любой уважающий себя старый козёл, опытный тур имеет своё преданное стадо, безгранично верящее ему, доверяющее ему всё самое ценное, даже жизнь.

Так что прощай, неожиданный тёзка Абу-Даби, ничего не имеющий общего со своим названием. Старого здесь нет почти ничего, только маленький, но современный музей истории, золотой сук с грудой изысканной утвари от слитков до цепочной паутины.

В другом эмирате — Фуджейре, где мы оказались на другой день, кроме небоскрёбов мы встретили и кварталы старой застройки (конца семидесятых годов прошлого века), и элементы старого образа жизни — рыболовства на берегу моря, куда нас случайно занёс туристический дух, мы наблюдали работу двух рыбацких звеньев. Не только наблюдали, но, некоторым образом, и участвовали в процессе. Жена, например, восторгалась черепахой, всё пытаясь сесть на это огромное, покрытое ракушечником создание, попавшее в невод, я всё осматривал клячи, таши, балберки, матни и прочие рыбацкие неводные причиндалы, сравнивая их с волжскими, с которыми вырос в детстве.

Из двустенного невода рыбака вынимали и крупную рыбу (тунца, дорадо и прочее, прочее, чему мы не знаем имя) и много мелкой рыбешки, но, как видно было, весьма ценной для рыбаков. По-моему, это что-то типа сардин. Мы наблюдали, как всё это загружали в несколько машин, которые подходили прямо к мотне невода. Зрелище было для нас настолько захватывающее, что мы чуть не опоздали на теплоход. Пришлось в порт лезть через дыру, которую увидели в стене, но нас поймала Эмиратская полиция, вызвала решётчатый воронок. Жена, к моему изумлению, не испугалась, а обрадовалась (наверное, после черепахи адреналин зашкаливал, и хотелось ещё!). Говорит радостно, что сейчас нас посадят за решётку и отвезут на корабль. Но мечта не сбылась. После короткого разбирательства нам показали дорогу и сказали мотать быстрее, пока они не передумали. Думаю, легко представить, какой рысью мы домчались до отходившего теплохода. Прощайте, Эмираты - шейхи, эмиры! Мы уплываем к султану, в султанат Оман.

Маскат — столица Омана. Только в ней мы и были. Это уже совсем другая птица — без небоскрёбов (дома не выше мечети — не надо стремиться к аллаху на небе, надо быть ближе к нему на земле). Человечество, конечно, не устоит в этих рамках, оно идёт и будет идти в высь. Тем интересней посмотреть, а что было бы, если бы...

Так вот, город будущего, по-султански, состоит из близкой поквартально архитектуры домов. Без вычурности, излишеств, но с какой-то изысканной деликатностью, что ли. Чувствуется богатство, но не роскошь, а какая-то броская скромность. Я не владею архитектурной терминологией и не смогу передать точно стиль застройки. Могу лишь сказать, что в ней отражён и южный колорит, и мусульманские особенности, и, как я уже говорил, достаток. Всё это и есть Маскат, разбросанный среди каменных гор в каменной безжизненной пустыне. В полной мере сказанное об архитектуре относится и к султанской мечети. В ней всё то проявляется с необыкновенной отчётливостью. Окруженное пышной, насколько позволяет пустыня, растительностью, это чудо архитектуры гармонично сливается с пустынным пейзажем.

Галереи инкрустированы золотом, не отвлекающим от общей атмосферы, переходящим затем в великолепную самаркандскую мозаику...

При приближении к мужскому молельному залу золото, мозаика, хрусталь перерастают, взрываясь в самом зале великолепием люстр, ковров и прочим, прочим, в чём я не понимаю, но что явно мне нравится. Великолепная мечеть — лучший пропагандист мусульманства. Даже жена, агрессивно настроенная против мусульманства как такового, готова принять его тут же, в этой мечети, безоговорочно.

Маленький исторический и краеведческий музей с арабским кофе, султанский дворец, вписанный в португальские крепости между гор с выходом в море, изысканный базар — это всё дополнило благодетную картину Маската.

А удовольствие мы почерпнули в дайвинг-центре. Не от дайвинга и моря, а, к удивлению, вынули его откуда-то из себя, из какого-то дальнего уголка своего Я. Мы с женой (!) несколько часов плавали в масках по совершенно голому, без кораллов и живности пространству, я пробил себе голову о ракушечник, нависающий с берегов, - видимость была почти нулевая. За всё время перед нами промелькнула только стайка рыбёшек, а мы довольны, как слоны. Чем? Видимо, нас кормило удовольствие от прошлых заплывов в Красном море. Мы радовались не увиденному в оманских водах, а состоянию, которое охватывает человека, если он любит девушку ли, ребёнка, море с трубкой и маской. В таком состоянии легко болтать без языка, в чём мы убедились, болтая безумолку с таксистом по дороге до корабля. Узнали о том, что у него три дочери, и он оставил мечту о сыне, потому что ему трудно сводить концы с концами, несмотря на то, что он сам оманец, налогов с него не берут никаких, работу он имеет, так как в таксисты берут только оманцев. На эту профессию имеется запрет на работу иностранцам. Так султан и аллах заботятся о его благе. Вот и всё с югом Аравийского полуострова. Плывём на север, в Бахрейн, мимо Эмиратов, мимо Катара, на 33 малюсеньких острова, которые и составляют это карликовое государство Бахрейн. Так называется их самый большой остров, который полностью застроен теми же домами 70-х годов, как следствие начала нефтяного благоденствия, и теми же небоскрёбами 21-го века, как следствие нефтяного бума.

Бахрейн — такое же, но меньше Объединённых Арабских Эмиратов, т.е. Дубай, Абу-Даби, Фуджейра, Шаржи. Много схожего в этих нефтяных государствах, эмиратах, султанатах, королевствах. Кстати, это — королевство, т.е. то же самое, что шейханат, султанат, а именно — закреплённое законом главенство того или иного клана, которое и представляет собой государство. Как и везде, здесь главная достопримечательность — мечеть! В нее аллах, распутившись донельзя, меня не пропустил, а женщину, т.е. мою жену — пропустил! Пропустил, дал осмотреть, а потом ещё надо мной глумиться: вот, мол, я видела, там так красиво, а ты не видел! А там так красиво, а ты не видел! Она уже и знать не хочет, что это я, по сути, украл для неё чёрный балахон, заставил надеть его, накрыться своим собственным, пусть синим, платком, и в таком образе её пропустили как правозверную мусульманку, а меня, как праздного туриста, под зад пинком. До сих пор твердит жена, как же красиво то, чего я не увидел. Ну что ж, аллах терпел и мне велел.

Кроме мечети — полуразрушенная крепость португальцев (привет от Васко де Гамы!), куда мы подъехали, но не пошли внутрь, потому что пошёл маленький дождичек, а он бывает раз в году. Музей истории и краеведения, в котором подробно представлены раскопки захоронений, которые на доброй сотне гектаров раскинулись внутри города. Какая-то мистическая картина лунных кратеров в Бахрейне, охраняемая Юнеско... Большой типичный арабский сук-базар. Не такой цивилизованный, как в Омане и Эмиратах, но и, конечно, не такой вонючий, как в остальной Арабии.

Июминка Бахрейна — трасса Формулы-1. Здесь мы ощутили её сполна, оглядев со смотровой площадки, испытав в боксах, на зрительских трибунах, в центре информации для журналистов с телевидения и т.д. Встретились с поворотом Шумахера, с его боксом, с прочими достопримечательностями, которые приносят баснословные барыши королевству одной лишь своей популярностью. С удивлением узнали, что в Абу-Даби тоже есть трасса, но, видимо, она там на каком-то отдельном острове и прошла она мимо нас.

Столица Бахрейна — Манана (150 тыс. жителей), это весь остров Бахрейн, соединена мостом в 25

км длиной с Саудовской Аравией. Оттуда православные мусульмане по выходным наезжают в Бахрейн: от своего сухого закона отрываться на развлечениях и алкоголе в Бахрейне. В Саудовской Аравии это не проходит. В общем, как финны в Россию, в Питер, на выходные — напиться от души.

Чего только не встретишь под небом и знаком аллаха. На том наше путешествие подошло к концу. Наш Costa прибыл в Дубай. Пока, пока, товарищ Costa, где нас вкусно кормили, в бассейнах купали, в сауне парили! И не только: в театре развлекали шоу очень приличного уровня (в т.ч. украинскими девочками), пугали 4D кинофильмами, давали любоваться казино-страстями! Апофеоз - конечно, танцы, с которых жена не давала мне убежать, и заставляла танцевать, танцевать, танцевать не только до изнеможения, но и до отвращения и ненависти к ним! А как же иначе, ведь итальянцы (подавляющее большинство), немцы, французы, испанцы, португальцы, канадцы — все танцевали правильно (кадриль как кадрили, польку как польку), а мы — как бог на душу пошлет! Спасибо, жена, тебе за твою любовь к танцам, уступающую только настойчивости, с которой ты заставляешь меня делать вид, что и я их люблю! Спасибо и Coste за то, что наглядно продемонстрировало пример блестящего международного сотрудничества. Ведь команда Costy — это люди всех национальностей и государств. Вот только те, с которыми мы встречались - Италия, Панама, Бразилия, Непал, Филиппины, Малайзия, Украина, Россия, Бангладеш, Китай, Индия и т.д., и т.п. Язык общения — английский — плюс острое желание иметь заработок - делают работу обслуживающего персонала не только чёткой, слаженной, но и создающей комфорт отдыхающим. Всюду улыбки, импровизированные шоу персонала, сплошные капитанские ужины, маскарады, итальянские вечера, приветствия в честь начала и окончания туризма, т.е. каждый день тебя дополнительно к артистам и аниматорам ещё и обслуга развлекает и сама развлекается. Но всё имеет конец. Пришёл конец и нам на Coste. Она, т.е. он, корабль, пошёл своим путём, а мы - своим. У нас появилась блестящая возможность проникнуть в суть будущего, в его внутренний и внешний мир. Внешний мир будущих городов мы рассматривали с высоты 828 метров (ну, конечно, не с самой вершины, но всё же со 124-го этажа). Ещё раз убедился, что лучшая смотровая площадка — это самолёт. Здесь всё в динамике, но и в статике со 124-го этажа отчётливо видны замыслы намытых островов (и «пальмы», и «мир»), видна даже технология их намыва голландскими гидронамывными снарядами, видны оазисные зоны, которые через несколько десятилетий действительно будут тенистыми, видны верхушки небоскрёбов, которые с этой высоты уже не кажутся гигантами, да и весь город на ладони. Совсем небольшой. С одной стороны ограничен морем, а с противоположной — пустыня распространяется за горизонт. С этой высоты особенно наглядно видна кичливость замыслов намывных островов. Это в городе, где пустыней земли под застройку — безграничные просторы, а они выдумали острова намывать. Богатство не может без кичливости — обязательно пальцы веером.

А вот внутреннее содержание будущего мне понравилось больше. Особенно площадь с фонтаном перед Бурдж Калиф, т.е. самый большой в мире поющий фонтан перед самым высоким зданием в мире. Само здание Бурдж Калиф со стороны площади выглядит изящным монументом, который, кажется, легко передвинуть и поставить как-то по-другому, но ты заморожен этим видом, и тебе просто не хочется его переставлять, ты будто бы можешь, но не хочешь этого делать. Остальные здания, окружающие фонтан гигантских размеров, окружают этот фонтан, составляя изумительную по красоте площадь, поскольку эта площадь представляет собой водную гладь с перекинутыми мостами, арабской вязевой архитектурой, да и окружающие здания тоже из аль-арабик лучших образцов. Фонтан поёт, танцует, завораживает не столько мощною струёй высотой до 150 метров, не столько размерами в несколько гектар, сколько динамичной изящностью, танцующей гибкостью каждой струи и ансамбля в целом.

Да, будущее человечества светло и прекрасно. Дубай укрепил во мне эту веру. Комфортная погода, ласковое тёплое море, песчаный белый приятный пляжный песок и какое-то идеальное морское дно дополняют впечатление, и кажется, что рай действительно наступит на всей земле. Здесь сегодня он уже наступил.

Местные жители — граждане, которых всего 15% от проживающих, верят, что этот рай в каждом отдельном эмирате принёс им шейх. Я был в «гостях» у одного, самого главного, который был шейхом самого большого эмирата Абу-Даби и президентом ОАЭ со дня образования в 1971 году до смерти в 2004

году. Был в гостях в его доме-крепости, где он родился, жил, ушёл в президенты. Не умел ни читать, ни писать. Да и зачем всё это ему надо было в центре пустыни в кишлаке Аль-Айн? Вода там была — источники в центре пустыни. Финики там росли — до сих пор прекрасные плантации. Ани тоже не надо — жара такая, что не только яйца кипят, да и горячие источники тут под боком. И самая большая гора в стране (1300 м), на которую мы тоже забрались под кондиционером, — тоже рядом. Отсюда он мог обозревать мир. Это и были его университеты. И этот мужик сумел сделать так, что его жители, оставаясь неграмотными (первый университет был открыт где-то около 2000 года!), живут в раю, на них работают лучшие умы и технологии всех стран мира, а также миллионы рабочих рук, выполняя всю чёрную работу. Да, так оно и есть.

Что я скажу детям? Скажу: иди и смотри.

Что я скажу внукам? Внукам я расскажу сказку. Жили-были далеко-далеко, аж в Аравии, люди, которые считали свою землю проклятой. На этой земле ничего не было, кроме песка. А вокруг было много воды, но пить её нельзя — она солёная. Океан называется Индийский. Солнце пекло нещадно — 60 градусов. Если встанешь на песок голыми ногами, то тебе так же горячо, как рыбке на сковородке. А кушать хочется. Стали они рыбу ловить — наелись. А пить хочется. Стали они жемчуг в океане ловить и менять его на воду. Напились. Долго они так ели рыбу, пили воду, да еще ели финики, которые падали с редких деревьев, которые пальмами называются. Пока не захотели телевизор смотреть и в компьютер играть. И тогда заглянули они вглубь земли, на которой жили, и увидели там чёрное золото, много золота, и всё оно черное. И вскричали все люди Аравии: прости нас, боже-аллах, что считали мы нашу землю проклятой. Не видели мы дальше носа своего. А ты подарил нам самую лучшую землю, всю наполненную чёрным золотом. Стали они это золото черпать, и у них появились дворцы необыкновенной красоты, в которых прохлада, лёгкая музыка, компьютеры и телевизоры. Живут они припеваючи, хлеб-соль не едят, а едят вкусности разные, воду и водку не пьют, а пьют колы-соки-лимонады, и по пять раз в день благодарят бога-аллаха, что он разместил их на самой прекрасной земле в мире — Аравия называется, а люди на этой земле арабами называются.

Закончен бал, погасли свечи,
Во мне прибой, жара, песок,
Но есть ещё, что будет вечным,
Пока я жив, как древа сок.

Эмир, султан, король и шейхи
Творят сегодня чудеса,
Они нужней, чем даже Ленин,
Чем демократы и ЦэКа.
При них отсутствуют налоги,
Народ за них стоит горой
Не потому, что приказали,
А потому, что горд страной,

В которой он живёт, как надо
Аллаху, шейху и... семье.
Работа, крыша и достаток,
Учёба, детство и тэ дэ.

Здесь гражданин всему хозяин,
А пашут — те, «из-за бугра».
Социалисты, демократы,
Республиканцы и ЦэКа.

Здесь всё, что лучшее на свете,
И небоскрёбы до звезды.
Здесь всюду гимны мусульманству...
Стоишь и думаешь: а ты?

Теперь за что? Ты за свободу
Печати, мыслей, нравов, быта?
Иль за эмиров, шариат?
Не всё так просто в этом мире.
Вопросы встали и.... стоят!

Решать не буду их сегодня,
Всему есть время и резон.
Любовь сегодня, отдых, море,
Ну, а политика — потом.

PS

Корова любит разнотравье,
И люди разного хотят.
Пусть будут где-то коммунисты,
А где-то шейхи, султанат.

Услышав слово про корову,
Жена вскричала: «А ещё?!» -
Про рынки, где акул рубили,
Где продавали коз и то,

Что здесь газелью называют,
Овец, тунцов и то, и сё -
Я написал, купаясь в море.
Вот жизнь! Как всё же хорошо!

15 лет спустя, или Швейцарский банк. 16-25 октября 2010 г.

Пролог

Давным-давно, когда деревья были зелеными, трава свежая, а девушки, как «пэрсик», оборвалась, не начавшись, моя карьера страхового агента. Карьера оборвалась, а страховой полис остался. Моя жизнь оказалась застрахованной... в Швейцарском банке.

Прошло 15 лет, и швейцарский банк, с точностью этих самых швейцарских часов, присылает на мой счёт большие (для меня) и малые (для швейцарского банка) деньги. Впрочем, когда тебе, а не с тебя – это всегда хорошо. Естественно, за эти 15 лет я дал жене обещание, что как бы афёра страхового агента не закончилась, всё равно мы, на момент её окончания, посетим это фундаментальное, но маленькое во всех отношениях, кроме денег, «понятие» с названием Швейцария. И вот мы здесь. Афера закончилась успешно, деньги в кармане, а мы – в Швейцарии. Ура!

Глава 1. Начало

Не так давно, в новогодние (точнее, рождественские – по католикам и православным сразу!) каникулы мне довелось близко узнать одну из главных рек Европы – Рейн. С него, с Рейна, и начался наш поход по Швейцарии.

Практически на границе с Германией Рейн устроил водопад. Эта полноводная река прыгает с 25 метровой высоты, закручивая, разбрызгивая, смешивая огромные массы воды, устремляя, ускоряя и разбивая эти массы так, что адреналин переполняет тебя, и, как будто бы, тоже устремляется в эту стремящуюся махину. Я уже много видел в своей жизни и горных, и равнинных водопадов. Но это не помешало моему адреналину, переполнив мою душонку, захлестнуть эмоциями, ещё и ещё раз почувствовать мощь природы, и преклонить перед ней колени, гордыню человеческую, отдать дань её божественной красоте. По силе воздействия этот водопад вполне соотносится с Исландскими водопадами или ледовым шоу Кивача!

Пока отходили от впечатлений водопада, оказались в Средневековом городишке Штайн-ам-Райн. Игрушечный город в одну средневековую улочку с разукрашенными фасадами, фахверковыми строениями, пуританским складом.

Здесь душу охватывала нега, благостность уютной красоты, очарование опрятности, красоты и покоя.

С этим чувством нас вскоре поместили в Цюрих – самый крупный город Швейцарии, 300 тыс. населения. Раскинулся он на берегах р. Лиммат, вытекающей из озера, берега которого – городская застройка. Эта водная гладь в купе с фахверками и костёлами протестантского типа и составляют лицо города. Путеводители говорят, что лицо города – витрины Банхофштрассе. Никогда не смогу это признать. Кто-то перепутал лицо с попой... Стандартный набор фешенебельных магазинов. История оставила имена Люцифера, Ленина, Крупской. Самые большие часы в Европе на одной из башен и две башни – исполина одного из соборов (Гроссмюнстер), а также легенды о защитниках города, одной из которых прямо на смотровой площадке поставлен маленький памятник. Вечер провели в городе. Удивил шумный танцпол на железнодорожном вокзале. Хорошо подпитые ребята заполнили один уровень вокзала, и под гремящую группу и собственный ор изображали подобие танца.

Цюрих поразил отсутствием не то что небоскребов, а просто многоэтажек. Единственная многоэтажка в 32 этажа – это наш отель.

Здесь банки не любят вычурности – все приземистые, коренастые. У таких не отнимешь. Они и составляют мощь не только Цюриха, но и всей Швейцарии...

P.S. А на 24 этаже при панорамном виде швейцарское вино казалось особенно вкусным.

Глава 2. Улыбка Бенедикта

Почему-то город Люцерн у меня вызывает улыбку. Не потому, что там произошло что-то смешное. Даже наоборот. Первое, что оказалось в поле обозрения, был умирающий лев. В небольшой (метров 20-30) скале вырублен прекрасный памятник, про который юморной Марк Твен написал, что это самый печальный памятник на свете. Я, пожалуй, соглашусь с ним. Ещё вчера всемогущий лев, а сегодня из его глаз льется бессилье – это у нормальных людей вызывает высокое чувство печали! Той самой печали, что произрастает из смертности всего и вся на земле. А если ещё это чувство приходит скачком, касается молодых, красивых, сильных...

Этот «Умирающий лев» кроме красивой, высокой печали вызывал ещё и удивление. Удивление тем, что он – люцернский лев, как бы олицетворяет милитаристский факт давно нейтральной Швейцарии. Оказывается Швейцария – самая милитаристская страна в мире, т. е. в этой стране служат в армии не только все мужчины от 20 до 50 лет, но и те, кто не служил – презираемы в обществе. Правда, понятие службы в армии здесь довольно игрушечное по сравнению с Россией, но это уже другой вопрос. А милитаристская Швейцария поставляла, поставляла и будет поставлять своих солдат на службы по охране королей, знатных особ, Ватиканов и прочих великанов. Вот им, растерзанным охранникам французского

короля Людовика, и высечен этот самый печальный на свете памятник.

Не вызывает улыбки и музей ледникового периода, где отчётливо, на камнях видна история этой земли, некогда субтропической, а льды превратили её ... ну в общем, вы знаете во что. Улыбка начинается с общего взгляда на город, растянувшийся на небольшое расстояние вдоль реки, вытекающей из озера. Дубль два, дежавю, как Цюрих, в общем.

В огромное озеро спускается огромный козырёк современного дворца заседаний, а в самом истоке реки, как в сказке, на картинках стоит башня из валунов, прижатая к крытому деревянному мосту, наискосок пересекающему эту реку. Мост иначе как сказочным не назовёшь. Весь в цветах, с мшелой крышей, идёт по какой-то кривой линии. Сделано все как будто для любования, а не использования. Изнутри он в картинках, резных узорах. Сгорел, говорят, недавно и тут же восстал из пепла. О, Боже! Да тут не один такой мост. Вон там, четвертый мост – такой же. Впечатление от Люцерна такое, что он начинается и заканчивается причудливыми деревянными мостами, между которыми целый километр. А в промежутке – весёленькая застройка разномастной архитектуры и цвета, но одного голландско-норвежско-германско-швейцарского типа. Ну как тут не улыбаться, глядя на эту весёлость, приправленную изысканностью, какой-то лебединостью стоящего на верху замка, которым сейчас владеет наш Лебедев. Да и вся река лебедями покрыта, да не архитектурными, не сказочными, а настоящими, но сказочно красивыми.

Красивое легкомыслие Люцерну добавил зеркально огоньковый лабиринт, где даже самый законченный пессимист найдёт место улыбке.

Если добавить пышность, изумительную яркость красок Бенедикцианского собора в городе Айнзидельн близ Люцерна, фонтан желаний золотой девы Марии, раскрашенную осенью тропу на местную Голгофу с распятым крестом и тирольским звуком колокольчиков, невидимых нам пасущихся коров, то станет очевидным, что день удался.

Добавим ночное бродяжье состояние в Интерлакене в поисках озёр, которые он разделяет, и воскликнем: «Швейцария! Ты прекрасна!»

Глава 3. Экстремальная, необузданная «Дева».

Интерлакен – маленький городок, давно раскинувшийся на острове огромного озера, превратил этот остров в сушу и оказался между двух озёр, т.е. тем Интерлакеном, который мы и видим. Живём в гостинице рядом с Байроном, Мендельсоном. Она деревенская 21 века: уютно и удобно. Живём – громко сказано! Ночуем, ведь наутро подъём, подъём в горы на 3,5 тысячи метров. Оказывается, на знаменитую гору Юнгфрау (Деву). Знаменитая для меня она стала сегодня, поскольку об этом только сегодня услышал. Когда-то в молодости ходил в горы, таскал за собой 60 кг рюкзак. Ходил и на высоты, больше 5 тысяч (Эльбрус), но такого комфортного похода, как в 65 лет, даже и во сне не виделось.

Вначале обычный поезд домчал нас до остановки, находящейся в багряной осени, с пасущимися коровами и неизменными колокольчиками, с прекрасными видами на долину, с разбросанными как придётся до невозможности облизанными домами, многоярусно одетыми в цветы. Пересадка на зубчатую железную дорогу привела нас от багряной осени к заснеженным елям, откуда наблюдают за нами любопытные, а может, голодные лисы. Новая пересадка – и мы в сплошном белом безмолвии, в снегах и ледниках. С высоты 3,5 тыс. метров четырехтысячники кажутся небольшими облезлыми выступами, а под тобой и под ними – сплошная кошма облаков.

Вряд ли когда больше в моей жизни будет восхождение на такие высоты. Ведь это была самая высокогорная железная дорога в Европе.

Правда, может, в Гималаях, где я ещё не был, есть железная дорога и повыше?

Бродили мы по Юнгфрауйох (перемычка, уздечка между двумя четырехтысячниками), так что обуздали эту необузданную, неожиданно знаменитую, но вполне на сегодня желанную Деву. В вечерней неге с удовольствием познакомились со швейцарским фондю (макаешь хлеб в расплавленный на огне сыр) и раklet (жареный сыр, в который макают картошку в мундире). Если прибавить к этому бокал швейцарского Пино Нуар, то понимаешь, что старость прекрасна, если сумеешь обуздать необузданную Деву.

P.S. Проезжали мимо «хаты» Белоусовой с Протопоповым. У них здесь большой спорткомплекс, где обучают швейцарцев и швейцарок. Прекрасный городок Грюненвальд, в котором не грех встретить свою дряхлость, если, конечно, удастся дожить до 100 лет, а до этого здесь всегда будешь чувствовать себя юным, ведь это подножье Юнгфрау.

Глава 4. Берн – столица несуществующей нации.

Сошлись три лидера трёх деревень как-то в одном кабаке на одном озере, вокруг которого и разместились эти деревеньки, да и поклялись вместе защищать от любых любителей лёгкой наживы. А потом эту клятву передавали из поколения к поколению. Потом к этой клятве стали присоединяться другие пригорные и горные деревни. Со временем они разрослись в города.

Поскольку эти земли Альп труднодоступны, то их особенно и никто не трогал, тем более при коллективной обороне. Все соседи – немцы, французы, итальянцы – привыкли, что в эти никчёмные земли лучше не лезть, поэтому и не лезли. А те итальянские, французские, немецкие деревни, которые объединились клятвой, составляют теперь современную Швейцарию. Впервые встречаю государство, образованное ни по языковому, ни по национальному, ни по религиозному принципу, а на основе клятвы.

Она оказалась сильнее национальных и религиозных (протестанты и католики) распрей. Знаю лишь Андорру, которая тоже образовалась своеобразно, но там не клятва, а награда деревне за её стойкость. А здесь клятва, основанная на осознании необходимости.

Теперь швейцарцы (а Швиц – это та самая деревня, в которой кабак, где сообразили на троих) – процветающая... хотел сказать нация, но нации-то нет, есть повязанные клятвой земли, где говорят на четырёх разных языках: немецком, итальянском, французском и каком-то старороманском (высоко в горах). Конечно, со своим диалектом, но этим никого не удивишь.

Столица этих клятводержателей Берн – медведь. Очень интересный городок на 130 тыс. жителей. Весь старый город, в излучине реки Аар, поражает своей строгой изысканной однообразностью, на которую хочется любоваться и любоваться. Удивительно, но эта однообразность увлекает, а не надоедает. Впрочем, говорят, что «Черный квадрат» Малевича обладает теми же свойствами. Если к длинным без малейших щелей темно-серым и черепичным фоном добавить красивые мосты через реку, как через ущелье, а затем ещё и дополнить панораму окаймлением горных заснеженных вершин, то получим Берн.

Пройтись неспешной походкой по улицам и улочкам Берна вслед за профессором Плейшнером – одно удовольствие. Нет – много удовольствий, которые мы увозим с собой

P.S. Когда жена услышала то, что я написал, то воскликнула: «Мало, ласки не хватает, добавь ласки». Я задумался. Какой же ласки она хочет от швейцарского медведя? Здесь, конечно, есть большой кафедральный собор, но он вечно закрыт, есть концертный зал и оперный театр, где спектакли идут от случая к случаю, есть монументальное здание Правительства, на площади перед которым – то овощной рынок, то пляшущий фонтан. Но на этой стезе ласку не встретишь. Да и в том, что вот в этом доме, если хочешь, тебе вколют наркотик бесплатно, тоже особой нежности не видно.

Но, действительно, разливается что-то благодное в одном только виде на городок, какая-то неумовимая его мастеровая сказочность. Ну вот, пожалуй, и все!

Глава 5. Случайный Базель

Внешние силы в виде очередного саммита очередного союза устроили нам две ночёвки в Берне. Оказалось свободное время, которое мы с удовольствием посвятили неведомому Базелю.

Вот мы уже на Рейне, на нашем старом знакомом по Германии. Да и Германия – вот она по правую сторону Рейна, а по левую – Франция, а мы – в Швейцарии. Три крупных государства видим из одной точки.

Впервые в Швейцарии встретили город, в котором чувствуется промышленная мощь. Именно здесь производится львиная часть всех швейцарских лекарств.

Раздольный Рейн делает и раздольным город Базель, а швейцарско-немецкий менталитет придаёт этому раздолью пристойные формы.

На средневековом безмоторном паромчике перебрались через Рейн, побродили по старому городу с Роттердамским собором и ярко-красной ратушей, испробовали баварских сосисок с жареными котлетами и через старинный мост вернулись к автобусу, вдоволь набродившись и насладившись видом Базеля с Рейна, в том числе дворцом трёх императоров, что заседали в нём, решая судьбы Европы после победы над Наполеоном.

Рад, что судьба забросила нас в этот небольшой, но сильный и красивый город. После него термомосточки с общими голыми банями воспринимались как-то легко и свободно. Жена сначала стеснялась, а потом ей понравилось, и уже трудно было уводить её из общей парной, куда в трусах не пускают.

Еще раз убедился, что моя жена – настоящая женщина.

Глава 6. Швейцарская Ривьера

Подмосковной Швейцарией часто называют живописные холмистые места, например, под Звенигородом. И почти в каждой области есть свой уголок Швейцарии. Могу засвидетельствовать: вся Швейцария – это изумительно пейзажно живописная местность, в которой царит гармония фермерской застройки, деревень, городков и городов с яркой зеленью полей и холмов, величавостью заснеженных гор, восхитительной уместностью озёрной и речной глади, бесконечной сказочностью привольно пасущихся коров, создающих мелодичный колокольный звон. Все эти эпитеты швейцарским пейзажам я не подбирал, не силится их найти, они сами возникают при взгляде вокруг.

Конечно, к ним быстро привыкаешь, считаешь эту красоту само собой разумеющейся, но никогда она не надоедает тебе, и где-то далеко в потаённом уголке сознания ты боишься потерять это чувство гармонии природы вокруг себя.

Но оказывается, что и среди всеобщей гармонии природы и человека есть своя вершина, которая называется Швейцарской Ривьерой. Это район Женевского озера с маленькими городами Монтрё, Веве и более крупным городом Лозанна. В Монтрё не только Байроновский Шильонский замок, но и Набоковская Лолита, Эди Меркури, в Веве – Чарли Чаплин, в бронзе на набережной. Рядом с ним примостился русско-украинский Гоголь. В эти места приезжали доживать состоятельные знаменитости. Их могилы тоже тут (Набоков, Чаплин). Действительно, это место может претендовать на звание лучшего места на земле.

Раздольное Женевское озеро окаймляет зелёная гряда виноградников, пастбищ, красивых, деревянных, многоярусно одетых в цветы домов, за которыми величаво прекрасна горная гряда вершин. В довершение всего – мягкий климат без отрицательных температур. Только лето, весна и багряная осень, а до зимы можно добраться в любое время года, поднявшись на ту или иную высоту.

Лозанна поражает ещё и какой-то нереальной гармонией старого города и новой застройки. Причём старое одето в деревенские настилы с деревянными навесами и величественным кафедральным собором, забравшимся на самый высокий из трёх холмов. Набережная Лозанны буквально покрыта играющей во что попало детворой прямо перед Международным олимпийским комитетом с прекрасным музеем Олимпийских игр, включая Москву и Сочи.

И всё же, главное в швейцарской Ривьере – величавое спокойствие, которое как будто твердит: живи и наслаждайся, долой суетное, сиюминутное, да здравствуют вечные ценности.

Прав Чарли Чаплин говоря, что здесь очень хорошо думается ни о чём. Вот и мы, здесь созерцая, думаем ни о чём, поскольку есть только место для восхищения, а для дум остается нечто, называемое «ни о чём».

Глава 7. Гастрономическая Швейцария.

Маленький городок, а точнее – прелестнейшая деревушка Грюйер, что недалеко от Женевского озера в сторону Берна, т.е. где-то на границе между немецкой и французской Швейцарией, стала для нас и духовной, и телесной пищей.

Духовной потому, что при взгляде на эту одноулочную современную старину дух захватывает от её прелестнейшей седлообразной опрятностью и абсолютной гармонией с окружающей природой, которую зачарованно оглядываешь, обходя на макушке деревни расположившийся игрушечный замок.

Здесь же, недалеко, приклеена к подножью горного хребта, расположилась шоколадная фабрика, куда доставляют какао-бобы из Африки и Южной Америки, и где молоко само пасется вокруг фабрики с неподъёмными вымями. Здесь на наших глазах какао-бобы растирают в порошок, смешивают с молоком, сливками, орехами и забрасывают на конвейер, где автоматы сушат, режут, упаковывают и затаривают готовую продукцию, отправляя её во все концы света. Концерн Нестле раскинул свои щупальца во все уголки планеты.

Недалеко от шоколадной фабрики раскинулась сыроварня. Здесь уже никакая Африка не нужна. Корова Вишенка ведёт для нас рассказ о своём заботливом отношении к качеству сыра, в основе которого разнотравье, уважение к корове и чистота производств. Ну и соблюдение, беспрекословное соблюдение технологической цепочки, основная часть которой – сбраживание молока в чанах, улавливание момента отделения сыворотки и поэтапная сушка, отжим и хранение в условиях дозревания головок сыра в собственных клетушках.

Спустившись к Женевскому озеру, начинаем дегустировать вино, выращенное, взброженное и разлитое по бутылкам вот в этом самом месте, которое Юнеско прибрало к своим рукам. И по делу!

Здесь виноградные террасы отделаны несколько столетий назад и так живописно поднимаются высоко по горному склону от озера до самой его вершины, что дух захватывает от рукотворной красоты этой! Невозможно понять, как в этих условиях что-то можно вырастить. Но виноградные плантации идут одна за одной, поражая чистотой, ухоженностью, какой-то нарочитой однообразностью. Но вино-то не однообразно. Не смотря на один сорт винограда и близкое расположение друг от друга виноградарей-фермеров.

«Под шофе» осмотрели великолепный музей часов в самой Женеве, где великолепие состояло из фантазии, мастерства, сверкания бриллиантов. Хорошее настроение гарантировано таким вот букетом.

Глава 8. Женевские напевы

Самое большое в Европе – Женевское озеро, по-французски Лемман. Самый большой город на этом озере – та самая Женева, о которой много слышано, но ничего не видно. Символ города – огромный (150 метров) фонтан, но не фонтан, а просто струя воды, поднимающаяся высоко вверх. Всё остальное – работа ветра. Старый город – мощная булыжная постройка за крепостной стеной, на холме, с большим собором и прочими обязательными религиозными и бытовыми атрибутами. Знаменитая Гиносовская самая длинная в мире скамейка. Но знаменита Женева не этим, а своими банками и разными международными организациями разных объединённых наций. Всё это мы видели, но вскользь, через автобусное стекло. Эти стеклянные монстры не привлекли совершенно, поэтому всё свободное время были на озере и в старом городе.

Женева – французская Швейцария, там заметно стирается грань между Францией и Швейцарией. Это было особенно заметно после нашей поездки во французские городки Ивуар и Анси.

Ивуар – на Женевском озере крошечный городок, полностью средневековый, за крепостной стеной, со спусками к озеру, обвешанный цветами и сувенирными лавками с сувенирами из местных сельхозматериалов и прочей безделицы.

Анси – городок побольше, французская Венеция, в котором очень удачно сочетается водный и горный размах с мизерностью улочек и домишек. Говорят, что вполне вероятно, что после Сочи Анси станет новой столицей зимней Олимпиады 2018 года. Горы здесь повсюду, если поднимешь глаза. Если их опустишь, то упрешься в воду. Если оглядишься вокруг, то увидишь старину и пристойную новь, и улыбающихся людей. Разумеется, сравнение Франции со Швейцарией, остается в пользу Швейцарии и по ухоженности, и по зарплате, т.е. уровню жизни, и по порядку. Французы всё же более свободны, расхлябаны. Швейцарцы не зря же говорят: живут в полицейском государстве, где порядок и закон – превыше всего.

Послесловие

На что пустил свою страховку,
За что дожил до этих лет?
Увидел лучшее на свете,
То – самое, чего не может быть и нет!

При величавости Альпийской
Увидел благости полей,
И что-то важное в эфире
Как будто божеское в ней -

Во всей природе и народе,
Во всем, что провожало нас.
Всё идеальное, чужое,
Но так приятное для глаз.

Спасибо, что, толстяк, пожил ты,
Всё протаранил, словно танк.
Всему виной – страховка эта,
Всему виной – швейцарский банк.

25.10.2010

65 – Робинзонское продолжение старости. Декабрь 2010 г.

«Всё, что мог, — я уже совершил» -
Создал фирму, семью и... науку.
С этим трио счастливо прожил.

С таким вот настроением помахал крылом самолёта, оставшимся на Родине родным и близким. С этим же настроением через 10 часов приземлился в Мале — крошечной столице мировых атоллов. Здесь посадочная полоса — остров, и каждый остров — отель, засаженный туристами. А где пока не засадили — там, в пальмовых шалашах ждут, когда с пальм упадёт кокос или выскочит на берег тунец, увлекшись охотой за малявками.

Как бы ни ограждало правительство 5 раз в день молящихся аллаху жителей от туристов, но тщетность потуг видна даже отельным Робинсонам. Не пьют — пока, молятся — пока, туристок не лапают — пока, женщин держат на привязи в черных платках — пока. Туристический и иной бизнес, интернет и прочее в виде современных лайнеров, катеров, гидропланов не позволяют даже Робинсонам оставаться Робинсонами.

Зачем приехал ты сюда,
Чтоб это глазом подсмотреть?
О, нет, сюда приехал я с женой,
Чтоб всеу миг не проглядеть!!!

Миг?! Да, пора, брат, пора
Дорогу отдать молодым!
Смотри, где тропинка по сердцу твоя
Приятно-полезна седым!!!

Миг, о котором идёт речь — это пик. Пик — вершина жизни. С этой вершины хорошо виден путь, ощущение результатов. Уже не видны, не остры трудности пути, нет желания вновь и вновь брать новые вершины. Есть удовлетворение от того, что вершина взята и у тебя еще есть силы достойно спуститься в этой вершины, уже не глядя в землю или в зад впереди идущего, а спокойно, не спеша, с желанием осмотреться и не пропустить чего-нибудь значимого, интересного вокруг. Созерцать! Созерцать, не пытаясь изменять чего-либо, а получать наслаждение от созерцания бытия без тебя, без твоего участия, без твоего Я. Не надо тебе хотеть от жены, чтобы она сделала то-то и то-то, а получать радость от её присутствия, от её взгляда, от её ауры. Не надо тебе пытаться что-то сделать для детей, это им уже не доставит радости, а лишь вызовет раздражение, ведь они сильны и им самим приятно что-либо сделать для тебя. И внуков ничему не надо учить! Родители сделают это гораздо лучше тебя. Если у тебя есть чему поучиться, то внуки это сами сделают, гораздо лучше, чем это будешь делать ты. Ты только сумей быть рядом, сумей созерцать, не мешай.

Благословляю созерцанье,
 Не поучая никого.
 Уменье жить, не наставляя,
 А лишь любуюсь на всё то,

Что создано творцом, тобою,
 Что в муках, в творчестве, в борьбе.
 То — молодым. Им это нужно
 Как созерцание — тебе.

Созерцать — это ведь тоже надо уметь! Мы всю свою жизнь учимся работать, а отдыхать, как правило, не умеем. Мы всю жизнь пытаемся что-то создавать, творить. У нас не было ни времени, ни возможности созерцать. Считаю созерцание очень важным делом после 65, поэтому хочу этому делу научиться. Стал учиться с самого дня рождения. Ну, во-первых, поселил себя на обитаемый остров. Решил, что на обитаемом острове учиться созерцать сподручнее, чем на необитаемом. Поселил, конечно, с женой. Ничего от неё не хочу, только люблюсь ей. День люблюсь, два люблюсь, нежность из меня полилась. Смотрю, и она — само совершенство. Ни одного, понимаете, ни одного (!!!) замечания за день! Ну, думаю, заработала! Заработала система созерцания. Дальше — больше. По утрам заплывы на кораллы. Они поражают богатством красок, разнообразием форм, какой-то причудливой ирреальностью полутонов, оттенков, наростов, вязи. Незаметностью перехода от живого к неживому и, ей-богу, кажется, обратно: неживого к живому. Вот где грань между жизнью и смертью отсутствует вовсе. Особенно если на коралловую картину накладывается вся гамма рыбной потехи: от размеров и красок до форм и динамики. Вот где настоящие университеты созерцания: смотри и радуйся, улыбайся, восторгайся. Всё равно ограниченность человеческих эмоций уже вскоре начинает сказываться, и ты уже не чувствуешь, не знаешь, как ещё добавить степень удовольствия, разве что в очередной раз поплясать от удовольствия, глядя на эту нечеловеческую вакханалию, природную эстетическую катаклизму. А тут тебе скат, а ещё черепаха. Мало? Осьминог, мурена. Опять мало? Вот тебе акула мимо тебя, а вот акула прямо мордой в маску, а вот акула с акуленком. К созерцанию добавился адреналин, страх, ужас и ты... на вершине блаженства.

Вечер. Медленно и красиво солнечный шар ползет за горизонт. Созерцать это и без того умиротворяющее действие помогает «ол инклюзив» в виде забабаканного коктейля за столиком в баре, под которым тихо плещется океанская волна, проплывают игривые рыбки и хищные акулы.

И тут же за хищными акулами приходят и хищные мысли: «Что же я собрался созерцать в 65! Дурак! Надо было в 60 или еще лучше в 55!» Но это лишь минутная слабость, и то только потому, что твое созерцание только начинается, находится в совсем младенческом возрасте, а младенчеству такие слабости простительны. Созерцание велико тем, что в нём не должно быть желания. Желание порождает действие, убивающее истинное созерцание. Островок размером 20x30 м как нельзя лучше отбивает у тебя все желания. Прошелся мимо пальмы и бананеры туда и обратно, и в океан. Больше некуда!!! Завтрак, обед,

ужин, ол инклюзив, конечно, не в счёт. Это всё по расписанию, а не по желанию, как и должно.

Проходит Робинзонов день, проходит два, неделя, и Робинзон вдруг понимает, что остров-то для великого созерцания не пригоден, несмотря на летающих рыб и черепах. Работать можно на клочке земли, на кухне, в ресепшен всю жизнь. А для созерцания, истинного, всеобъемлющего нужны просторы, просторы страны, мира, земного шара, вселенной.

Всё, рыбок половил, омаров поел, мальдивянцев посмотрел, кораллами сыт по горло. Поехали дальше созерцать, старость продолжать и лелеять!

Его Величество Еврейство. 7-21 апреля 2011 г.

Еврей – как много в этом слове для сердца русского сплелось!

В нашей деревне, где я вырос, в моё детство это слово вообще не употреблялось. Конечно, я иногда его слышал, иногда читал, но думал, что это матерное слово, означающее одновременно нечто жалкое и жадное.

В 40ые–50ые года было негласное гонение на евреев в Советском Союзе, вот поэтому, видимо, слово еврей и замалчивалось, не произносилось без необходимости. Тем более, что в нашей деревне не было ни одного еврея. Я лишь много раз слышал, как отец подшучивал над матерью, что в войну в селе появился еврей Фиберглас, который частенько заходил к нам подкармливаться. Он похваливал (отец это пытался передать и интонацией): «Ох, и вкусно же Вы готовите, Екатерина Филипповна. А она ему все подкладывает и подкладывает, а он всё: Ох, и вкусно же Вы готовите, Екатерина Филипповна!». Отец хохочет, а мама в смущении что-то пытается возразить ему в своё оправдание!

Следующая моя занятная встреча с еврейством как таковым произошла в университете. Именно там я, наконец, понял, что есть такая национальность, и в университете эта нация представлена очень солидно не только в количественном выражении, но и в качественном. Среди блестящих студентов подавляющее большинство было евреев. Я не то, чтобы зауважал эту нацию (к национальному вопросу у меня с детства выработалась твёрдая позиция – все люди на земле от одной стаи обезьян; кто от жизни такой побелел, кто пожелтел, кто почернел – это бывает; дерьмо ты или добро – это зависит от тебя, а не от национальности), я заинтересовался её судьбой. Много о судьбе евреев стал читать и вот только теперь вступил на землю обетованную. Правда, при этом, отшагал я все прилежащие земли. Тем сознательнее ступил на им дарованную миром их же землю. Да, сложно и очень трагично всё здесь сплелось и никак не расплетется!

Начало нашего пути – та самая пустыня Негев, по которой Моисей водил 40 лет своих собратьев евреев, чтобы они забыли о лёгкой жизни в египетском «рабстве» и привыкли к жизни тяжёлой. Мудрый был Моисей! Хорошо понимая, что к хорошему человек быстро привыкает, а вот от хорошего к плохому переходит ой как тяжело. Евреям в Египте было замечательно. Они бы там с удовольствием остались навсегда, но стали бы египтянами и исчезли как нация. Вот Моисей и спас нацию, силой убеждения, заставив их уйти из райской долины Нила в ад пустыни Негев.

Пустыня Негев – это пустыня без песка, из глинистого камня, наводит ужас своим видом. Хороша для бедуинов – там им никто не мешает. Там им рай в аду человечества. Евреи используют эту пустыню для экстремального туризма. Проложены специальные тропы для экстремалов, желающих проверить себя: выживут–не выживут.

Но автобус мчит с комфортом по пустынной дороге, и вот уже что-то залито многослойным потоком света. Оказалось – это промзона около Мёртвого моря. Здесь куётся богатство евреев на сдвинутости женщин, взявших моду беспрерывно (утром, в обед, вечером, на ночь, перед куревом, после курева и т.д.) мазаться дорогущими кремами, по всякому поводу и без повода вообще, начиная с детского возраста.

Промзону Дед Си проскочили быстро, и вот мы уже в курортной зоне Мёртвого моря. С десяток фешенебельных отелей спускаются к морю, в котором в виде поплавков спокойно мигрируют туристы, превратившись в больших всеми мыслимыми и немыслимыми болезнями.

Два дня болтались мы с женой поплавками в Мёртвом море. Жена лечила отложение солей (рука уже после первого купания зажила!), а я лелеял свой артроз и то же с большим успехом, но, как оказалось в обоих случаях – лишь на миг.

Но мы не только болтались в Мёртвом море, но и познавали подвиги зелотов на Масаде!

Масада – название местечка, большого холма, на вершине которого веками создавался город-крепость. И сейчас раскопки обнаруживают здесь и полёт мысли, и торжество красоты, и требования бытия, и характеристики тех эпох. Но не этим прославилось это место. Знаков прошлого на этой выжженной солнцем, но богом не проклятой земле, хоть отбавляй. «Не укрепить надёжно славы, куда кровь не пролилась» – каким-то особенным образом.

Жителей Масады того времени называли почему-то зелотами. Вроде бы народность такая. Разбойная, по-видимому, народность. Выгнали зелоты в своё время из Масады не кого-нибудь, а римлян, которые и соорудили этот город-крепость, гордость императора Ирода. Выгнали римлян из города, т.е. с холма. Римляне плюнули на это дело, не стали с ними разбираться. Видно – не до этого было. Делали себе свои дела повсюду кроме этого холма. Но в одно не прекрасное для зелотов время римляне решили, что хватит терпеть такое безобразие на холме, построили огромную насыпь, по которой стали штурмовать зелотов. Когда зелоты поняли, что им не выдержать осады, то решили совершить массовое самоубийство. Сначала глава семьи убивал всё своё семейство, а потом – самого себя.

Римляне взяли город из трюпов. Умрём, но в плен, в рабство не пойдем. Вот этот-то акт массового самоубийства и вошёл в историю как акт торжества национального самосознания, национальной гордости, проявления которой я, например, вижу в действиях камикадзе разных сортов и проявлений, в том числе террористов-смертников.

Парадоксы, парадоксы... На земле, где угроза терроризма не только реальна, не только совершается каждый месяц, но и грозит существованию самого государства, выстрадано множеством поколений, смертники далёкого прошлого возведены в ранг героев, к которым проведена канатная дорога и бесконечным потоком идут автобусы с туристической начинкой!

Побывали мы и в Эйн-Геди – местечке, где из земной трещины выпрыгивает, а точнее, падает струя воды. Этот источник назвали источником Давида – думаю, для этого есть библейское основание, но мы его не услышали, потому что это была наша с женой самодеятельность, не подкреплённая гидовским гоно-раром. А в путеводителе об этом ни слова. Источник Давида и всё! Но нам и этого достаточно. Карабкались мы к нему по какой-то тропке, а вокруг зелёные кустики в пустынном пространстве – вода же течёт! А где кусты и вода, там живность. Бегают по этому пространству, а иногда и тычутся мордой к туристу козлы и газели, какие-то водяные крысы с крысятами. Ночью, говорят, подходят леопарды. Поэтому мы до ночи не были, снова наболтались в Мёртвом море и... в Хайфу на другой конец страны Израиль. На тот конец, где вместо Мертвого – море Средиземное. Оно здесь устроило евреям настоящее празднество в виде шикарной бухты, диаметром километров 50!

На одном (южном) конце Хайфа, на другом (северном) Акко – почти на границе с Ливаном.

Акко в истории наследил в отличие от молодой, семидесятилетней Хайфы, доселе бывшей деревенькой. А вот Акко знает и крестоносцев, и салахетдинов, и Аль-Джезиров, и Наполеона, который в чине генерала штурмовал Акко, и сразу после штурма бросил здесь свои войска и ускакал к себе в Париж добывать чин императора.

Да, этот старый портовый город имел и геноуэзские кварталы, и венецианские, и пизуанские кварталы. Имел и храмы, перестраиваемые то в синагоги, то в мечети. Имел и дворцы романского и готического стиля, которые до сих пор ещё расписываются, реставрируются. Имел и подземные ходы, и подземные реки, по которым, экономя на пошлинах, доставлялись товары. Всё это мы посмотрели, потрогали, послушали вперемежку с личными проблемами Тони Барлам – нашего гида. Он представил себя специалистом по Акко. Пишет сейчас об одном из героев Акко роман. Сам он и архитектор (в прошлом), и медик (в прошлом), и писатель (в прошлом), а может знаменитый деятель архитектуры (в будущем), светила медицины (в будущем), блестящий писатель (в будущем). В настоящем же он наш гид, косит под Шерлока Холмса (шляпа, трубка) и многие годы успешно сидит на шее у жены и тещи, иногда подкармливаясь в

прямом и переносном смысле гидством.

Удачно в Акко вписался хумус на берегу моря за 13 шекелей с душеизливающей беседой Тони Барлам об Акко, себе и его величестве еврействе. Тони называет себя сионистом и мечтает, чтобы всех арабов (которые составляют подавляющее большинство жителей Акко, кстати) разобрали бы к себе жители планеты, и тогда евреям жилось бы распрекрасно. Полёт мысли у Тони завораживающий, но по конкретике – на нуле. Даже гид из него никакой. Ну а Хайфа? Что Хайфа? Хайфа как Хайфа. «Хайфа работает, Иерусалим молится, Тель-Авив веселится». Она и работает. Нефтеперерабатывающая, химическая, текстильная, электрическая, университет, политехнический, вошедший в море институт гидрогеологии. Для туриста – это только внешняя атрибутика. Внутренняя – обшарпанные дороги и тротуары а-ля Русь, жилые кварталы, напоминающие гетто, правда, гетто 21 века из монолитного бетона, но внешне какого-то отталкивающего, даже брезгливого вида.

У морского города есть пляжи, далеко не великолепные в апреле, но вполне... Хорошо смотрится порт. Город связан с горой Кармель. Он раскинулся на её вершине и подножьях горы со всех сторон. Лицевая часть – гора с подножьем в сторону моря. Как ни странно, но визитной карточкой города являются совсем не европейское что-то, не пещеры Ильи пророка, которых здесь насчитывается в количестве 2^{yx} штук, несмотря на то, что библия указывает на пещеры у Иордана, который отсюда за тысячу с лишним километров.

Визитной карточкой являются Бахайские сады и немецкая колония – улица, которую выстроили и обжили немцы в конце 19 века, и которых выгнали отсюда в эпоху Гитлера.

С бахаистами же евреи, на мой взгляд, дали маху. Серьёзно ошиблись ребята. Опять жадность еврея сгубила! Бахаисты хорошо платят. Захватили всю часть горы, спускающуюся к немецкой колонии. Разбили здесь прекрасный парк, вписав в него свои святилища в виде Храма Бабы, греческого типа дворца заседаний бахаистской элиты, определяющей политику бахаизма.

Турист рвется сюда как муха на мёд. Привлекает красота, изысканность, исключительный вкус, гармония природы с созданиями рук человеческих, а заодно интересуется, а что же это такое, что за бахаизм, который может творить такие чудеса? И узнаешь, что это та самая новая религия, которая пытается объединить все существующие религии, объявив единого бога, пророков его в виде Моисея, Христа, Магомета, Кришны, Будды, Бабы, равенства полов, своей дороги у каждого человека к этому единому богу, терпимости, отсутствие необходимости в посредниках, в соблюдении ритуалов, но в соблюдении принципов морали и нравственности. У этой религии трудно найти слабые места, в отличие от баек христиан, иудеев, мусульман и пр. Расслабились иудеи, допустив центр бахаизма в Хайфе, на мой взгляд, недооценили опасности бахаизма для иудеев, и сейчас они снисходительно смотрят на бахаизм, но уже начали ограничивать возможности любознательных, стали замалчивать сущность бахаизма. Но поздно. Бахайские сады Хайфы нельзя игнорировать, ограничить. Они видны отовсюду, всех привлекают. Отныне и я считаю себя не православным, а бахаистом. В Хайфе я, безбожник, стал верующим. Верующим бахаистом. Хайфа: город–работяга, город–курорт, город быстрого роста за счёт строительства массового жилья, но узнаваемый своей безумной архитектурой, город на горе, город–иудейская святыня в виде пещер Ильи пророка, город Бахаизма, город современных торговых центров и магдональдсов. Достаточно много отличительных признаков в его визитной карточке.

Уже несколько дней мы в Израиле, а непосредственно, лично с Христом не соприкасались. Пора бы уж.

Начнём с родины, с детства, с родителей. Едем на родину родителей Христа в арабский город Назарет. Боже, как всё перемешалось. Впрочем, арабы здесь – христиане. Силён, силён дух Христа!

Вот здесь Мария родилась, вот здесь она росла при еврейской синагоге. А вот здесь жил вдовец Иосиф со своими детьми и за него отдали сироту Марию. А вот источник, где ангел шепнул благую весть Марии, а Иосиф поверил ей – безгрешной. Правда, секс у евреев никогда не считался и не считается грехом. Наоборот, грешен тот, кто им не занимается, ибо в Торе – «плодись в радости».

Почему еврейка жена с мужем евреем, которым секс предписан господом богом, им не занимались? Молодой (13–15-летней) жене при старом муже, конечно, очень быстро «ветра» захочется. Он и

случился, случилась Благая весть, и сейчас здесь, на этом месте, стоит прекрасный, высоченный маяк–храм, совершенно современный из монолитного бетона, с выставкой картин художников всего мира на тему девы Марии, которой религия предписывала заниматься радостью секса с мужчинами, а она почему-то вынуждена была с ветром. Это загадка и была той самой фишкой, которая вознесла Марию так высоко, что выше некуда. И хорошо! В общем-то, для Материнства с большой буквой по большому счету неважно, от кого или от чего понести. Для материнства главное не секс, а плод. Может, в этом и есть тайный смысл «ветра» в этой истории? То есть для женщины быть женой совсем не главное. Главное – быть матерью. Ну что ж, кажется, к этому всё идёт. Ход истории, развития общества совсем не противоречат этому. Скорее – наоборот, подтверждают гениальную гипотезу о Благой вести. Церковь Иосифа тут же, но так же мала, как и роль отца в рождении ребенка! Вот это скопление одинаковых, довольно безликих домов на склоне горы, называемое городом Назаретом, и есть та точка, откуда стала зарождаться Новая эра. Вокруг этих мест Новый завет и повествует, разворачивает свой сюжет о молодом Иешуа как строителе, затем проповеднике, которого никто в Назарете всерьёз не признавал (нет пророка в своём отечестве). Посмотрим налево – вот родина Магдалены. Она здесь работала проституткой, а очевидцы утверждают, что проститутка она была никакая – просто блаженная. А вон там, направо, видите, бугорок? Это гора Фавор, где Христос беседовал с Моисеем и Ильёй, а вон там он пятью хлебами накормил 5 тыс. человек, а вот в этом месте воду превратил в вино, а вот здесь он на этой самой лодке вот это самое Галилеезе море переплывал. И так до бесконечности. Устали мы вертеть головами и слушать больного Тони Барлам. Заставили мы отвести нас на Иордан и там повторно приняли Крещение. Теперь уже не у Мертвого, а у Галилеезе озера.

Понравилась, очень понравилась наша прогулка в месте Христова. Долины плодородные, раздольные, все освоены, обрамлены холмами-горами. И Армагедон – место, где погибнет всё человечество. Очень понравилось своим простором в виде циркуля. Здесь не грех погибнуть, умереть, когда придёт твой час!

Но в Израиле была жизнь и места, где Христос совершенно не причём. Например, в Кейсари, древнем городе, построенном Иродом Великим со всем свойственным ему размахом, вкусом, умением. Поползали по акведукам, по амфитеатру, где вскоре ожидаются гастролы Мариинского балета, по ипподрому, превращённому в последствии в театр, где гладиаторы боролись за жизнь на потеху публике. Кейсария выходит на море, дворец Ирода входит в море, мозаика сохранилась даже в банях. Впечатляющий вид раскопанного города. Конечно, от былой роскоши остались только следы, но и этих следов достаточно, чтобы понять уровень цивилизации тех времен. А дальше, вплоть до нашего времени этот город переходил из рук в руки. В прошлом веке барон Ротшильд сделал многое для возрождения города при переселении сюда евреев. В прилегающей местности научил делать вино, открыв первый винодельческий завод. Евреи ему благодарны до настоящего времени. Похоронили его вместе с женой в гробнице типа египетских фараонов. Или можно сказать, это склеп, увеличенный в несколько десятков раз из бетона. Своеобразная пещера, в которой находится гробница его вместе с женой. А склеп-пещера-гробница сама находится в прекрасном парке, гектаров на 20, который весь благоухает в цветах, растениях, газонах английского происхождения.

Здесь нанюхались мы цветов, мяты, Melissa, лаванды и всякой всячины и уехали восвояси.

Пять святынь Израила в этом районе мы забираем с собой: Акко – Хайфа – Кесария – Назарет – Галилеезе море с Иорданом.

Едем по Израилю дальше!

Следующий пункт дислокации – Тель-Авив. Почти столица, но не столица, но всё же столица. У евреев всё не как у людей. Для евреев столица – Иерусалим. Для всего мира столица Израила – Тель-Авив, а Иерусалим – оккупированная Израилем территория. Палестина считает Иордан своей столицей. Так что столица двух государств не является столицей как таковой. Но туристам это также важно, как был ли Христос вообще или его не было вообще. Для туристов Тель-Авив – курортный город на берегу Средиземного моря, где 13 км пляжей – прекрасных, оборудованных, заполненных в шабат людьми так, что яблоку негде упасть. В остальное время здесь круглые сутки кто-то бегают, гуляет, играет. Современный

город с десятком 50 этажных зданий. Большой Тель-Авив, который видят туристы – почти три миллиона жителей, около половины жителей Израиля (7 млн. чел.). Город рынка Кармель, где продаётся всё или почти всё, город, в котором есть город как самый старый из всех известных, действующих портов – Яффа. Местечко–городок Яффа вглубь на десятки метров состоит из ушедших цивилизаций на десятки тысяч лет до нашей эры. Понятно, что те улицы, по которым бродили мы, сделаны для такого транспорта, как осёл. Наполеон здесь зверствовал и потому дальше дошёл лишь до Акко, по соседству. Гид всё время твердит о величественной местной кухне, которую мы, естественно, не пытались оценить. И всё-таки главное богатство для туристов нашего типа – не история (Яффа), не шмотки и фунты (рынок Кармель), не бриллианты, которые ограняют здесь в сумасшедшем количестве (около половины добываемых в мире), в том числе пытались продать и нам от 35 долларов до нескольких миллиардов долларов. Главное наше туристическое богатство – теплое ласковое море, обрамленное отелями, барами, пляжной обстановкой. Здесь у моря завораживающая суматоха молодёжи, которая бегает, играет, хохочет, целуется, балдеет, получает кайф. И мы получили свою порцию кайфа от созерцания кайфа, который можно было почти что потрогать, а не то что, ощутить. Но не за этим же мы ехали сюда. А зачем? Вопрос не праздный. Не за религиозной же благодатью? А может за ней. Но тогда это не Тель-Авив.

Поскольку Благоую весть мы уже получили, то отправились в Вифлеем, но не дорогой волхвов, которые шли за звездой, идущей «чудно с востока на полудня», а современной автодорогой на комфортабельном автобусе. Точнее на двух автобусах: еврейском до самого Вифлеема и на Палестинском – в самом Вифлееме. Между ними – стена, деморкационная линия, колючая проволока, граница. Мы её переходили дважды – туда и обратно. Через себя пропустили взрывоопасность обстановки, прошли через пастушьи поля, откуда пастухи увидели идущих волхвов, возвестивших их о рождении мессии. Дальше мы пошли дорогой волхвов, вошли в пещеру, хижину того времени, где жили и рожали люди, в данном случае Богородица, утепляли новорождённых, переноса их из места появления из чрева в теплое место – хлев, конюшню, в колыбельку, т.е. в ясли, кормушку для скота. Вот такие детали рождения ребёнка 2011 лет назад мы внимательно рассмотрели. Прожил я уже более 65 лет, но такой подробности детали рождения кого-либо, даже своих детей, я больше не знаю. Там, где Иисус, Иешуа выпал из чрева – сейчас звезда 14-конечная. Приложились, перешли к яслям. Напротив них – алтарь волхвов. Значит, увидели мессию уже в яслях, а не выпадающим из чрева – уже хорошо. Как хорошо и то, что вокруг всего этого (чуть не сказал – безобразия) поддерживается святость. Обычно святость любит таинственность. А здесь святость живёт в неприкрытом цинизме. Силён и всемогущ ты, товарищ Христос!

А нам святость повезло сохранить, испытать и почувствовать ещё и через песнопение наших паломников в чёрных рясах. Очень величественно раздавалось православное пение в Вифлеемском храме, где хозяевами чувствуют себя все 5 христианских конфессий. Но как высунешь нос из храма Рождества Христова, то понимаешь, кто здесь настоящий хозяин – Палестинец. Бедный, нищий, попрошайка, но хозяин Вифлеема и всех волхвов вместе взятых со святым семейством.

Скорее назад к нашим евреям. Правда, вослед, пока бежали через границу, несло с Палестинской стороны: «Передайте привет Новомосковску Тульской области, люблю, скучаю!» Бальзам на сердце Хес Болы. Больше границ не переходили. Полностью отдались божественному! Почему-то хочется по порядку, а по какому порядку, разве есть какой-то порядок?

Масличная гора! Здесь усыпальница корней Иисусовых. Ах, вот в каком порядке – от корней, дедов. Все говорят, что Христос – сын Давидов, т.е. еврей по линии царя Давида. Но дед и бабка его вполне конкретные люди. И не Назаретские вовсе, а Иерусалимские Иаков и Анна, которых выгнали из Иерусалима с позором, как бездетных, что позорно. Выгнали в пустыню Иудейскую, где молитвами понесла Анна, родив Марию и в 5 лет отдавшую её туда, в Назарет, где мы с ней подробно знакомимся. Здесь же в Иерусалиме в храме Святой Анны, что в Гефсимании на Масличной горе семейная могила. Здесь и дед с бабкой, и отец с матерью. Всем поклонились. Марию, правда, мы уже хоронили в Эфесе в Турции. Здесь похоронили во второй раз: Богородице это можно.

Отдав должное корням Иисуса, пошли по его божественному пути, начиная с въезда в Иерусалим на белом осле. С той же Масличной горы, через Золотые ворота, заделанные сейчас до самого судного дня.

Судный день пройдет здесь, в этой долине судного дня, что лежит между старинным иудейским и мусульманским кладбищами.

Проводили мы Христа в Иерусалим и поспешили на гору Сион, побывали там на тайной вечере, где Христос омыл ноги своим ученикам и всё, всё, что там было, мы это почувствовали в комнате соборного, готического плана, под которым – могила царя Давида! Вот как! Мало места в Иерусалиме. В одном месте собирают разно вековые события! После горы Сион, т.е. после тайной вечери, снова на Масличную гору, в Гефсиманский сад, площадью 1 сотка с десятком оливковых деревьев. Здесь-то и арестовали Иисуса за проповеди его по наущению то ли предателя, то ли героя Иуды. Сейчас здесь, в Гефсимании (маслодавильне) русский православный храм – красавец в женском монастыре, куда нас с трудом пустили по благословию самой матушки и храм наций или храм страстей господних, ибо здесь плакал Иисус, видя будущее разрушение Иерусалима. В этом храме действительно бушевали страсти господни – службу служили индусы из Гоа, и было, мягко говоря, странно слышать индусские голоса в христианских песнопениях. Поскольку Христа схватили в Гефсиманском саду, то наша дорога – в старый город за крепостной стеной. После проведенного суда – дорога на Голгофу. Храм господень сейчас на Голгофе, где и распяли, сняли с креста в этот же день в честь Пасхи и похоронили вот в этом гробу. Но обмыть не успели. Пришли обмывать, а его уже нет. Вознесся он с того места на Масличной горе, где сейчас убогая часовня в мусульманском ведении. Само вознесение наблюдала Богоматерь, стоя вот у того камня, что сейчас в другом женском православном монастыре на Масличной горе, куда нас пустили только во двор. А в храм и к камню – матушка не благословила.

Ходили, рядили мы по описанному маршруту, а в сознание, в душе росло противоречие между обыденностью ситуации и её святостью.

Это противоречие, наив прослеживался всегда, когда дело казалось сюжета. Но на месте это противоречие достигает уж слишком больших размеров, и роль сюжета становится совсем незначительной, а божественность проявляется почти осязаемо. Этому способствует ощущение высокой трагедии у стены плача, и величественность золотого купола мусульманской мечети со знаками от самого пророка Мухаммеда.

В самом прямом изложении можно сказать, что здесь не только глаза, уши и душа вопиют: «Всё покупается и продается, но есть нечто, и оно божественно». Я это знал и до этого. Зачем приехал я в Иерусалим? Знать-то знал и чувствовать – чувствовал, но сейчас «капнул» поглубже, не в знаниях, конечно – в чувствах.

Песня об Израиле

Страна Авраама, Моисея,
Царей Давида и Соломона
К тебе и от тебя пришёл миссия,
Для всех пророков была домом.

Какой-то символ притяжения
Великого и неземного!
За это – гетто и гонения?
За это – жертвы холокоста?

Жесток, несовершенен мир,
Безумство разум часто прячет,
И вроде б нет уж больше сил,
Еврей прижался к стене плача!

И чудо! Посмотри вокруг,

Окинь глазами современность!
Что видишь – родилось не вдруг,
Здесь нервы, пот и кровь и ... верность!

Та верность, что к земле святой,
К традициям, семье и вере.
И вот в садах уж край родной,
И молоко, мёд не только в Торе, а на самом деле!

Гармония всех четырёх морей,
Хоть плач, по-прежнему, застенный,
Но Магомет, Христос и Моисей
Всё ближе к пониманию вселенной!

Израильские зарисовки

1) Евреи любят над собой посмеиваться. При каждом удобном и неудобном случае рассказывают о себе анекдоты. Любят повторять, что у евреев всё не как у людей. Суббота (Шабат) начинается в пятницу вечером и с первой звездой в субботу заканчивается. Привычный ритм жизни прерывается. Никто не может делать что-либо для своей пользы. Даже вызвать лифт на 30 этаж. Но если лифт остановился сам на 30-ом этаже, то ты можешь в него войти. Поэтому в Шабат в гостиницах лифты ходят останавливаясь сами на каждом этаже. Прикиньте, сколько времени приходится спускаться (или подниматься) с 30-ого этажа!

2) Элат – интересное городишко на берегу Красного моря. С любой точки этого города видны Иордания, Саудовская Аравия, Египет и сам Израиль. Вершиной мира евреи величают смотровую площадку на махонькой обсерватории. Опять не как у людей. Почему – обсерватория, если это цилиндр, погруженный на 6 метров в горе, вокруг которого построены коралловые рифы, а на берегу – зоны с акулами, черепахами, редкими и не очень рыбами и прочей морской флорой и фауной. Да ещё кинотеатр, где тебя потчуют красивыми кадрами морских глубин. Отгородили они себе и в море заповедник – коралловый. Мы с женой, понимающие в этом толк, пытались проникнуть во все уголки коралловых рифов, но тут-то было. Полицейский свисток загонял не туда, куда мы хотели, а туда, куда желал полицейский.

Виды так себе, получше, конечно, чем в соседней Акабе, но не идут в сравнение с другими соседями – египтянами.

В целом же Элат – город из трёх десятков отелей, который лагуной делится на две части.

Одну – иорданскую – фешенебельную, с пляжами и супермаркетами, отелями, ресторанами высочайшего международного уровня, и другую – египетскую – с шумной набережной, дешёвыми ларьками, узкими пляжами, фастфудами. В одной из них течёт размеренная жизнь, в другой – всё бурлит, жизнь бьёт ключом. Как говорится – отдых на любой вкус и кошелёк.

3) Страна четырех морей.

Мёртвое море мертвое и есть. Вокруг пустыня на 400 м ниже уровня океана. Лишь малая часть обустроена десятком отелей – лечебницами, да промышленной зоной.

Галилеево море – пресноводное озеро, окружённое легендами и малыми деревеньками. Место активного отдыха молодёжи. Один городок – Тиверия. От него начинаются Голландские высоты, Ливанская и Сирийская территории.

Средиземное море – старейшие и новые порты (Акко, Хайфа, Яффа, Тель-Авив), это только те, где мы побывали. Широкие пляжи, стали активно складываться курортные лица городов Тель-Авив и Хайфа.

Красное море – уже сложившаяся курортно береговая полоса курорта международного уровня.

4) Песах-Пасха

Длится неделю. Может начаться в любой день недели. В этот раз – в понедельник. Активно празднуются два дня: первый и последний. Основа празднования: садятся всей семьёй за стол, по очереди читают молитвы–рассказы, как и почему происходил исход евреев из Египта. Обряды после очередной молитвы – то мацу откусить, то кошерного виноградного сока попить, то сладкое вино пригубить.

Молитвы длинные – часами, с трапезой, конечно.

Я там был, мацу вкусил, сок виноградный по усам тёк и сладкое вино в рот попало. Всю неделю в стране не пекут хлеб – только мацу.

5) Много детей. Мало семей, где их мал-мала-меньше. Детей воспитывают только лаской, не орут на них, тем более – не шлёпают или бьют. По этому свойству мне кажется, что у моей жены явно еврейские корни.

Эпилог.

Израиль – страна с большим и трагическим прошлым и, уверен, с большим и прекрасным будущим.

Бросается в глаза национальное свойство, которое Дина Рубина называет «настойчивость», а жена наглой самоуверенностью, включающее в себя непримиримость, упрямство, порой доходящее до того, что с пенной у рта доказывается, что белое – это чёрное, противостояние по всем линиям – бытовым, политическим, религиозным не только со всем миром, но прежде всего между собой.

Может, настанет прекрасное будущее и уйдёт это свойство, за которое, как мне кажется, эта нация и занимала, и занимает особое положение в мире – 5.

Для меня лично, это свойство вполне безобидно. Мало ли каких свойств есть у каждой нации. Именно здесь, в Израиле, я по-настоящему уважал этот народ, который так разобцен каждый с каждым, но так монолитен и един как нация. Я, достигнув здорового возраста, всегда уважал все национальности, внутреннюю оценку давал не нации, а конкретному человеку. И не мог не видеть, что подавляющее большинство выдающихся деятелей русской культуры имеют еврейские корни, так же как и многие мои друзья и соратники. Побывав здесь и видя, что нация сделала с этой землей, скажу: еврей – это звучит гордо.

И немного о религии.

Я всегда видел искусственность в христианской трактовке двуединства и триединства, мол, бог – отец, бог – сын, бог – дух святой. Потом как-то пришёл к простой мысли, что триединство можно увидеть в разных вещах. Даже в производственных отношениях. Например, в ВОДГЕО с 1934 года существовало два принципиально разных направления: сантехническое (водоснабжение, водоотведение) и гидравлическое (гидротехника, гидрогеология). Объединенное вместе, они, при правильном руководстве, т.е. если присутствовал бог-дух святой, образуют принципиально новую организацию, способную решать весь комплекс инженерных водных проблем.

Здесь, на Святой Земле, это триединство, казавшееся раньше бредом, открылось мне как гениальное пророчество. Без понимания дуализма света и как частицы и как волны не было бы телевидения, мобильных телефонов. Это аналог единства бога–отца и бога–сына. Думаю, недолго ждать и новые открытия принесут передачу мыслей на расстояние, чтение мыслей других. Появятся принципиально новые технологии, меняющие наше современное понимание мира. Тот дух святой, который ещё предстоит открыть человечеству, приведёт к тому торжеству, которое гениально придумано христианством. А ведь ещё вчера эту мысль я считал бредом. Интересно, бредил я раньше или бред у меня сейчас.

Время покажет – с этим и покидаю я Израиль!

Колониальная рапсодия. Остров Гаити. 31.10.2011 г. – 10.11.2011 г.

Оказались на Гаити не случайно. Слухами Земля пользуется, а значит и жена, которой много чего наговорили...

А вот факты, которые увидел, услышал, почувствовал сам.

Остров Гаити – второй по величине после Кубы в Карибском бассейне, третий – Ямайка.

Христофор Колумб высадился здесь, вот на этом месте, где сейчас трехмиллионный город Сан-Доминго (в честь покровителя испанской королевы Елизаветы, которая спонсировала Колумба). Место высадки отмечено гигантским бетонным сооружением под названием «Маяк», но больше похож на огромный паровоз с двумя вагонами.

Он думал, что открыл новые земли Индии и лишь много позже Америго Веспуччи отдал пальму первенства открытия Америки Колумбу.

Поэтому народы, жившие в Америке, называются индейцами, а Америка называется Америкой.

Но, я ехал сюда не для того, чтобы вспомнить школьный материал, а посмотреть первую улицу в Америке, первый собор в ней (очень даже впечатляет современностью!).

Сейчас Сан-Доминго в целом большой современный город в бедной стране. Обшарпанность и беднота лезут в глаза изо всех щелей, как бы их не замазывали вдоль туристических маршрутов. С маршрутного пути сбиваться нельзя. Предупреждают строго. Ограбят, убьют. В лучшем случае – изнасилуют. Но это страхи экскурсоводов. Турист же видит, что все ему улыбаются, машут рукой, кричат: «Как дела?». Говорят, в городе есть метро – первое в Латинской Америке. Не видел, но верю. В целом Сан-Доминго показали плохо. Думаю, потому, что показывать нечего.

До Сан-Доминго и обратно – путь около 500 км, поэтому было на что смотреть, было время и подумать о местном крае.

Колумб остров назвал Эспаньола (Испанский). Он и его последователи почти сразу истребили все местное население Таинов (дружелюбных). Вместо них из Западной Африки завезли рабов, как скот, который можно заставить делать все, что тебе - испанцу, захочется.

В результате, возникли плантации тростника, кофе, какао, бананов, какао, манго, ананасов и другой для нас экзотики. Кроме черного цвета образовалась тела разного оттенка смуглости – от шоколадного до бронзового, маврового. Все это сохранилось до наших дней – и цвет кожи, и экзотика, и полный пофигизма в характере – выживали только такие рабы.

Заставят – сделаю. В философском смысле – зачем жить богато, надо жить счастливо.

Срывали кофе и какао с деревьев, жарили их в котлах, пробовали на зуб и баловали ими душу. Как и сахарным тростником, который жевали, сосали. Пили то, что вырабатывали быки, кружась вокруг сахаровыжималки. Из остатков тростника замешивали ром, который пили вперемешку с мамахуаной – настойкой на местных пряностях, имеющей целебные свойства.

Живет местное население в каких-то игрушечных домиках, похожих на наши летние сараи, но раскрашенные – веселенькие. С утра до ночи надо рубить тростник, чтобы нарубить тонну и за это получить 200 рублей российских денег. Конечно, с ранчо бегут в отельную службу. Многие пытаются учить русских язык – это возможность работы на 150 долларов в месяц с калпитом.

Для туризма – идеальное место. Бухты, защищенные коралловыми рифами, белый песок, круглогодично теплый океан и воздух, масса желающих из местного населения работать за гроши в службе – все условия для туристического бизнеса. Он здесь и расцвел, цветет и расширяется.

Но это не на всем острове, а только на испанской его части, которая называется Доменикана. Другая часть острова Гаити – государство Гаити. Это французская часть, граница между которыми была установлена в результате франко-испанской войны. В этой части острова французские рабы скинули своих колонизаторов и сами стали управлять государством, в том числе, воевать с Доминиканцами. Поэтому эти два государства на одном острове ненавидят друг друга. В Гаити сейчас совсем хреново. Там не бедность, а нищета, холера и венерическая чума, их долбит землетрясение (Кордильеры местами более 3 тысяч метров). Но этого всего мы не видели.

Мы пребывали в исключительном комфорте, где улыбались, пели, кормили, поили, развлекали и мы отдались этой атмосфере, забыв про рабство, колониальный строй, принимая от предков рабов все радости жизни.

Временами возникало не обременительное чувство колонизатора - вокруг рапсодия звуков, улыбок, движений, предназначенных для твоего удовольствия.

Не все успели съесть, отхватить.

Так и не использованной оказалась джакузи на балконе. Но были романсы при луне и все покрывающие чувство любви ко всему прекрасному в твоей жизни: жене, детям, внукам, работе.

P.S. Самолет взлетел, исчезло чувство колонизатора, но рапсодия Гаити летит со мной.

Чешская быль. 25.11.2012 г. – 13.12.2012 г.

А годы летят...

И уже невозможно не думать о недугах. Думать о них не люблю, поэтому вынужден с ними бороться. Слышал я от классиков, что есть такие Карловы Вары и будто бы из этих Вар выныривают уже молодыми...

И вот, я в гостях у чехов. Вскоре понимаю, что хозяин-то здесь – русский язык, а чешский так себе, на правах бедного родственника.

Уже с 14 века, со времен Карла IV известны эти места как места целебных, горячих, минеральных источников. Бьет гейзер метра на 4 и еще 15 горячих источников. Водопой идет круглые сутки, а, кроме того, тебя купают, обмазывают, трут, обкуривают. Выходишь из всей этой курортно - санаторной чехарды, если не молодым, то, кажется, еле живым, чтобы через пару часов стать молодым.

Как же я благодарен своему недугу, что он меня закинул в эти места.

Само местечко Карловы Вары (по-немецки Карлсбад, по-современному – Ивановы Вары) – один из красивейших городков мира. Все дома – замковой и дворцовой архитектуры раскинулись в ущелье вдоль речки Тепла какими-то продуманными ярусами, за которыми раскинулся лес. Нижний ярус – самый знаменитый, как своими звонкими именами, так и уже историческими сооружениями, связанными с источниками. Звонкие имена - Петр I (куролесил наш пострел), Гете, Шиллер, Дворжак, Гоголь, Достоевский, цари, императоры. А сооружения и сейчас пленяют: садовая колоннада, рыночная колоннада, змеиный источник, колоннада гейзера. Отели – соревнуются друг с другом в роскоши, а они – в каждом доме! Воистину, город - сказка.

Есть на что посмотреть и в округе: замок в Локоте (замок как замок, так себе, но дома Гете и Ульрики рядышком и тайна – дочь или Амелия чудит? – так и без ответа. В ответ поросенок, запеченный в подземной печи.

Замок Хиш - новострой. Восстановленный граф сам подавал мне пиво из своей пивоварни, а графиня угощала драниками.

Рядом курорты – побратимы: Марианские Лазне и Франтишковы Лазне.

Здесь тоже источники, тоже лечат – кого от простаты, кого от бесплодия, кого просто лечат от всего сразу. Марианские Лазне (Марианбад) – это породистый курорт, где на сотнях га природного парка разместились 2-3 десятка пятизвездочных отелей, снабдили их ресторанами, казано, лечебной базой, устроили общественное место: колоннаду, пару беседок. И вот они Марианские Лазне, знаменитый курорт.

Франтишковы Лазне еще меньше и совсем другой. Он очень достойно и скромно глядится, кажется – город без жителей, джентльмен без эмоций.

Франтишок – мальчик, не писающий, но тоже шалун, призывающий забыть о бесплодии.

Городок Франтишковы Лазне рядом с достаточно крупным пограничным чешским городом Хеб. Это бывшая столица сudeцких немцев.

Понравилась площадь с прекрасными улицами, костелом, рождественской ярмаркой, с катком на площади. Говорят, сейчас здесь силу набирают вьетнамцы с наркотой и проституцией. Но не видел и не

чувствовал, хотя с женой и побаловались глинтвейном, глаза смотрели и смаковали все, но этого не видели.

Пока ничего неожиданного: курорты – пиво – воды.

Пиво издревле варили в каждой подворотне. И сейчас домашняя варка существует, но ей ли конкурировать с гигантами - Крушовица, Пльзень, Козел, Старо Прамен. Надо было взглянуть глазом и на это детище. Крушовица лишь мелькнул за окном автобуса, а вот Пльзень - этот завод удалось осмотреть и с внешней стороны, и изнутри, знакомясь подробно с технологией изготовления этого удивительного напитка. Темное пиво на этом заводе – лучшее, что я когда-либо пил. Лучшее в мире! Аналогичный процесс видел в Йокогаме, но в Пльзене понравилось больше. И город Пльзень мне вполне приглянулся – на 7 холмах! Вот старый город, театральная площадь, костелы, соборы, пабы, кафешки – все, что надо для пивопотребления, т. е. смеси ячменя с водой, хмелем и дрожжами. Дерзкая вылазка – самопроизведенная поездка в Пльзень оказалась удачной только благодаря туристскому опыту: успел запрыгнуть в последний автобус, когда он уже двинулся в путь. Хорошо, что на другой день подъехала жена, она всю экскурсионную составляющую лечения взяла на себя. Самозабвенно проводила пешие экскурсии в Карловых Варах, заставляя меня козлом скакать по горам. Скакать, правда, не получалось, но ползти – вполне. Полз и с канатки, и с Вест-энда (фешенебельного района на вершине одного из холмов).

Каков же итог? Карлы Вары – это то достояние, которое оставил весь мир нам, потомкам всех национальностей. Смотрите, учитесь и под гнетом все изумляющей цивилизации не забывайте, не закопайте здравый смысл, сохранившийся для нас в самой архитектуре Карловых Вар, в образе жизни ее обитателей всех времен и народов.

Маленький городок – Карловы Вары - 50 тыс. жителей. Маленькая страна – Чехия - 9 млн. жителей. Около 100 замков, дворцов, городков, входящие в состав каких – либо экскурсионных маршрутов. Но мы соблазнились на Германские городки, которые здесь, поблизости от Карловых Вар. Отчасти потому, что когда мы с женой и Ксюшей обкатывали Германию, то слышали об этих городках, вспомнили о них восхищенные рассказы, но тогда пронесло мимо... А сейчас случай вложил нам эту возможность. И вот уж мы в Регенсбурге на Дунае. Первый в мире каменный мост через Дунай сохранился до наших дней, впечатляющий жителей костел, монастырь и большая площадь в рождественском убранстве. Повезло городу, не разбомбили, остался старый город с 11-12 вековой застройкой.

Как и Бамберг – еще один Баварский городок под Нюрнбергом, значит тоже фракинстанский городок. На тех же семи холмах, на всех их замки-костелы-ратуши. Впечатляющий вид на старый город с вершин холмов – сплошные крыши – так плотна застройка.

Он, как и Регенсбург – в рождественском глинтвейне, колбасках, елках, дедах Морозах. Главное впечатление от посещения городков Германии: старину уважают, жизнь любят и умеют веселиться.

Но, все же Чехия чем-то ближе. Наверное, языком, обилием русских. Хотя и в немецких городках русских достаточно много. Наверно, все же – порядком. Он у чехов ближе к нашему беспорядку, чем к немецкому отлаженному механизму.

Лечение закончено, нога ожила, клюшку забыл в отеле. Мы – в Праге.

То, что Прага – один из красивейших городов в мире, мы знали уже не понаслышке. Несколько раз наскоком брали ее. Но в этот раз решились на серьезный штурм. Вначале – подготовка, распределение ролей. Жена - экскурсовод, для которой ее работа – это праздник; я – турист, который с удовольствием хватается все, что дадут.

И вот экскурсовод наметил 10 маршрутов, пеших, конечно, с включением рождественских празднований на всех площадях Праги. Кроме того, было намечено два из трех вечеров провести в обществе Сметаны, Дворжака, Моцарта, Бетховена и Чайковского. Сразу скажу - это решение мне было ближе всего по сердцу. Я с удовольствием, до самозабвения, переходящего порою в сладкий сон, слушал и смотрел на соревнования этих великих мастеров и с удовольствием отметил, что наш Петр всех их сделал. Его пятая симфония произвела фурор не только на весь огромный, заполненный шикарнейшей публикой зал Сметаны, но и на меня, не говоря уж о жене. Хороши были все, особенно Моцарт, но Чайковский, скажу я вам, в трактовке маленького толстенького японского дирижера и огромного оркестра с дылдой – бара-

банщиком, был бесподобен, как и периодические мои забвения после многочасового созерцания красот Праги. Теперь я ее знаю хорошо. Пражский град, старая площадь, Вацловская площадь, Пороховые ворота, Еврейский квартал, старое место, новое место, Вышеград, Градчаны – что ни возьми, все шедевры.

Мне кажется, я насытился этой архитектурой, раскинутой по обе стороны Влтавы, да и над самой Влтавой не только в виде Карлова моста, старой мельницы, порога, но и набережной и шумом птиц, пением, вечным праздником над Влтавой.

Рапсодия впечатлений вместила в меня все, что могла, и я переполненный и восторженный закончил, будем считать, свое лечение.

Самолет. Прикрыл глаза и вижу, как по Карлову мосту в цилиндре и фраке идет хозяин огня, за которым зажигаются фонари. С высоты Пороховых ворот, раздаются звуки духового оркестра, звенят часы на старой площади, и все приветствуют, не только петух, но и фольклорные глашатае, а ты – ты пьешь и блаженствуешь, пьешь и блаженствуешь лучшие напитки мира – пиво, глинтвейн и бехеровка.

А их удачно сопровождают свиные рульки, утки, гуси и чешская форель. Что это – сладкий сон? Нет – это сказочная быль предрождественской Праги. Быль, которая была и, которой уже нет. Но «прикус» остался и сохранится на всю оставшуюся жизнь!

Американские горки. 21.03.2013 г. – 12.04.2013 г.

А случилось вот что!.. Наконец-то настала пора выполнить своё обещание, которое я дал жене 25 лет назад – свозить её в Австралию! Уже свёрстаны маршрут и бюджет, уже согласованы даты и тут звонок–просьба: организовать Яковлевские чтения и как раз в эти согласованные сроки. Так Австралия демонтировалась, преобразовавшись в Америку, а я сижу в Вашингтонской гостинице с видом на Капитолий и Карандаш и пишу эти строки.

Одиннадцатичасовой перелёт и восьмичасовая разница во времени никак не отразились на силе нашего туристического духа, и вот мы впотымах обследуем окрестности Белого Дома, многочисленные памятники разного масштаба: от одиночных и конных мужиков до мемориальных комплексов Второй Мировой, Вьетнамской, Японской, Гражданской освободительной и других войн.

Дух-то крепок, а тела в разрухе. В результате я так грохнулся на асфальт, что выбил не только плечо, но и бордюр у Белого Дома. Будем считать – это падение было преклонением перед мощью Америки и авторитетом Обамы.

Вашингтон! Теперь я после этого слова ставлю восклицательный знак. Как этому маленькому городу удаётся оставлять ощущение столицы самого мощного государства?

Нет, совсем не потому, что здесь Белый дом, который оставляет впечатление коттеджа нашего олигарха средней руки. Не потому, что здесь Капитолий, сродни Римскому – изысканному, но не грандиозному. Здесь очень удачно сочетание простора и зелени площадей с монументальностью и не высотой зданий, каждое из которых вроде бы обычно, но со своей изюминкой. Эдакий демократ не в смокинге, но в приличной удобной одежде. Город для человека и человек, соединённый с городом. Здесь очень хорошо, спокойно дышится, несмотря на высокую нишу окружающей действительности. Всё прекрасно и ничего лишнего. Но, о господи! Оказалось, что такой Вашингтон слишком прямолинеен, однообразен, как, например, любой замечательный, но не женатый мужчина. Это я понял, как только побывал в Джоржтауне – своеобразном старинном районе, который в пору затевания столицы уже был сложившимся городом со своей прелестной внешностью. И вот, обручившись, новое со старым образовали семью под названием Вашингтон – то есть респектабельность, монументальность, политическая значимость одной половины окрасилась животворностью, умиленностью малых форм домиков–коттеджей на разный вкус и цвет. Всё остальное – их дети.

Это и Кеннеди–центр, где оказались на джазовом концерте, это и Арлингтонское кладбище с поражающим однообразием надгробий, и монументы Вашингтону (карандаш), Джефферсону (мужик в камзоле), Линкольну (классически восседающему) и нескончаемая череда музеев бесплатного, но не ха-

лявного посещения. Кстати, здесь Америка впереди планеты всей, а началось это с англичанина! Умирая с не мерянными миллионами, он завещал их Америке, в которой и не был никогда, и которая была ещё в состоянии войны с Англией. А мораль такая: это будет настолько неожиданным сюрпризом для Америки, что они меня уж точно запомнят. И в точку попал. Теперь его имя помнит каждый американец. Даже тот, который не помнит имя президента. И есть за что! На эти деньги построили десятки монументальных музейных зданий, начинили их экспонатами, и до сих пор на эти деньги они существуют – посещение всех музеев в Вашингтоне бесплатно. А сейчас будущие покойники–толстосумы стоят в очередь, чтобы последовать примеру товарища Смитсона и оставить американцам очередной бесплатный музей. Мани – настоящий нерукотворный памятник!

Кстати, Вашингтон – это, оказывается, для русских, а для американцев – Ди Си округ Каламбия! Вот так-то!

Да, насчёт русских! Из аэропорта нас вёз мужик из Хабаровска – ремонтирует здесь американские туалеты. На жизнь жалуется: работы нет, скука смертная, все по домам сидят, компанию не организуешь. Экскурсовод – выпускница Питерского университета, зубы-губы говорят, сын работает шпионом на американское правительство, муж – физик, но, такой-сякой, не любит бегать вслед за ней, хорошо хоть по концертам, музеям и библиотекам с ней таскается, особенно, на бесплатные концерты. Вообще, семья халяву любит, но на жизнь не жалуется. Из Вашингтона вёз нас казах из аула из-под Алма-Ата. Попал сюда, женившись на американке из Аризоны, разошлись, дочь по-русски, тем более, по-казахски, не разговаривает. Обиженный жизнью, он тешит себя лишь тем, что все народы произошли от казахов, но как-то и от Адама и Евы. Хохлушка Лидия из Харькова вела экскурсию по Балтимору – увлечённо, поговорить, чувствуется, хочется. Говорила на 2 часа больше положенного. Восемь лет тосковала по родному Харькову, но, как съездила туда, тосковать перестала, и сейчас тешит себя в 75 лет экскурсиями на русско-украинском.

Прощай навеки, Вашингтон! В сердце всё изложенное и не изложенное на бумаге, а именно: музей космонавтики с космическим кораблём Штатов, национальная картинная галерея с Рафаэлем, Леонардо, Тицианом, Рубенсом и Боттичеллями разных эпох и калибров, библиотека Сената, что собрала и собирает весь письменный и электронный продукт мира, храм науки и искусства. Из библиотеки Сената проникли в Капитолий, взяли пропуска на заседание в Сенат, но благоразумно не пошли, однако близость народа к правителям почувствовали. Депутаты–слуги народа – вот красная линия демократии по-американски.

Ди Си остался позади, и мы в Балтиморе, далеко от Балтийского моря. Совершенно не ведая о своём российском словесном побратиме, расположился город в штате Мериленд, который чтут как город Американского гимна.

И вот мы уже в Балтиморском форте, что раскинулся на берегу раздольной реки. Здесь состоялось решающее морское сражение с англичанами! Один из участников сражения на клочке бумаги, вдохновлённый стойкостью звёзднополосатого знамени, начеркал слова на модный напевчик моряков - так родился гимн Америки! Теперь сюда, в этот форт, везут учеников со всей Америки. Они могут ничего не знать, но не знать гимн они не могут.

Балтимор подкупил нас Федеральным холмом, откуда прекрасный вид на город и где горожане на халяву могут каждый день смотреть на улице, на специальном экране, кино. Подкупил и своей красно-белой гаммой георгианской архитектуры, памятником Холокоста, Катыни и негритянского гетто, куда нас случайно занесло, сбившись с дороги.

Город первых, как гордо заявляет хохлушка Лида. Здесь первая железная дорога, первая то, сё, пятое, десятое. Но то, что нам в Балтиморе действительно понравилось, – это небольшой участок набережной с кораблём, видевшим Вашингтона, подводной лодкой, сохранившейся после трагедии Пёрл Харбор. Этот уголок – как некий диснеевский мир, где всё ярко, нарядно, шумно, гармонично, людно...

Итак, округ Вашингтон, штаты Коламбия, Мериленд, Дорадо, Нью-Джерси – вся дорога от Ди Си до Нью-Йорка. Впечатлений – масса. От инкубаторской застройки до дикой природы из дикого леса причудливой бабы-ягинской формы, в котором неухоженность, дикость, болотистость так и лезут в глаза. Дикость природы вне рукотворных объектов дополняется стаями диких гусей, отдельными особями оле-

ней, белок. Для меня неожиданность, что нерукотворная Америка – это странноватый пьяный лес какого-то дикого неухоженного вида, набитый живностью! И она гуляет по инкубаторскому поселению!

Но, о боже, что это? Нагромождение небоскрёбов (Манхеттен), окружённое какой-то безликой на этом фоне застройкой. Эта застройка смотрится издали как Каирское кладбище, заселённое людьми в картонных домиках. Такой контраст района небоскрёбов с остальными районами города – первое сильное впечатление от панорамы Нью-Йорка.

Панорама – это внешнее восприятие (рост, габариты, формы, архитектура и пр.) Два дня бродили по внутренностям Нью-Йорка. Утроба его – остров Манхеттен, грубо говоря, 20 км x 30 км. Почти весь в небоскрёбах. Самое яркое место – Таймс-сквер, где Бродвей пересекается с нашей 7-й Авеню (у нас там гостиница Пенсильвания). Рекламный пир – от Русской чайной до мюзиклов всех мастей. Там тусовка с диснеевскими ребятами, с пауками, невидимками и прочей диснеевской нечистью. Рекламный пир на Таймс-сквер и днём, и ночью, бесконечно. Ещё пир немного на 5, 6, 7 авеню и 42 стрит. И всё! Не весь, далеко не весь Манхеттен сверкает. Свернёшь в сторону – споткнёшься о, спящих на асфальте, негров. На Манхеттене (Уолл-стрит) поклонения жертвам 11 сентября. Очень достойный мемориал – из тысяч слёз, уходящих в бездну в двух башнях-близнецах.

Побывали в Организации объединённых наций, на вершине Рокфеллеровского центра, на площади Колумба с театральным центром и центральным парком, что обследовали на велорикше. Осмотрели место убийства Джона Леннона, его дом и мемориал, передали ему привет из Ливерпуля. Окунулись в мир цветов индийского рынка на Бродвее. Когда насытились Манхеттенем, то отдали должное Бруклину, и он отдал нам должное на Брайтон-Бич. То, что там много русских – мы слышали, но не ожидали, что там одни русские и все говорят между собой по-русски. Показалось, что для русских – это лучший уголок Нью-Йорка. Прекрасный пляж с деревянной набережной уходит в Атлантический океан. На каждом углу продаётся всё русское – от кваса до чёрной икры, русского салата оливье до вяленой воблы, пирожки с ливером, селёдка под шубой и без неё. Английский язык не нужен вообще!

Родину дополнил снег, который хлопьями выпал на Брайтон-Бич. Живут здесь всякие – бедняки, середняки, богачи. Но общее впечатление нерадостной жизни на чужбине так и проникает в тебя из каких-то нюансов, не всегда подающихся сознанию.

Завершили изучение Нью-Йорка обзором Гарлема, где негритянским гетто и не пахнет – район выглядит вполне достойно. А резюме, пожалуй, такое: это и город контрастов, и город народов мира, которые учатся друг у друга жить достойно, имея перед глазами и роскошь небоскрёбов, и достоинство высокого искусства, и презираемых бомжей, которые не хотят работать. Им достаточно и на асфальте в коробке, лишь бы не работать. Благо климат позволяет.

Город на реке и океане, город изумительных мостов, город свободы со своим одноимённым символом, город-котёл, в котором варятся все национальности мира умелым и строгим поваром – получается и всем удобно, и не забалуешь.

Дороги на изумление плохие – среднее между Европой и Россией. Дураков, наверное, поменьше, но проблем хватает – иждивенцев развелось много. Нью-Йорк, Нью-Йорк! Суматошный город. Тебя можно или сильно любить, или сильно ненавидеть. Я буду любить!

Чикаго – город Аль Капоне, крестных отцов, бандитов всех мастей, рабочий промышленный город, имеющий выдающиеся команды хоккеистов баскетболистов, регбистов и байдарочников. Вот что в моем багаже до посещения Чикаго.

Переночевал с Чикаго я две ночи, и вот что увожу с собой. Какое-то особое отношение к этому городу... Как же это отношение выразить словами? По смыслу, пожалуй, так: если осуществить виртуальное совокупление Нью-Йорка с Ди Си (Вашингтон) и при этом плод возьмет всё лучшее, что есть в этих городах и отбросит их недостатки, то получится Чикаго!

Высотками он в Нью-Йорк, а шириной улиц – в Вашингтон. При этом высотки, кроме индивидуальности каждой в отдельности, образуют весьма зримую гармонию. Чикагский архитектурный стиль – это таджмахальская воздушность и гармония беспорядка высотного строения. Захватывает дух от изумительной красоты архитектурной, инженерной мысли, художественного вкуса создателей всего, что

видишь с набережных и мостов речки Чикаго, недалеко от впадения ее в Великие озера.

Говорят, впадение её в озеро Мичиган было когда-то. Теперь истечение из озера. Повернули вспять, что сделало озера чистыми! Уверяют, что это единственный в мире осуществлённый проект поворота рек!

В Чикаго обращает на себя внимание площадное архитектурное искусство. Здесь и стена Шагала, и обезьяноподобная птица Пикассо, которую почему-то называют женщиной-лошадью, и ярко красный фламинго в утробе чёрных небоскребов, и ртуль-фасолька, и памятник времени. Всё создаёт вокруг себя атмосферу свободы и вдохновения.

Отдельными районами, участками Чикаго другой – английский. Особенно в районе университета, который высоко котируется не только в Америке, но и в мире. Он размещен по принципу Оксфорда, в монументальных невысоких коттеджах неплотной застройки, обвитой причудливой растительностью. Костелы, некоторые элементы отдельных домов убеждают, что эти места освоены англичанами. Все остальные народы – это их рабы, бывшие, конечно. Кто сейчас барин, кто раб – определяет не национальность, а бабки. Но милостыню просят повсюду и, в основном, чёрные.

Металлургия ушла в Детройт, от этого город не потерял, а нашел – электроника по прибыли сейчас перещеголяла всех, тем более металлургию.

В музеях побывать не удалось. Кроме площадного искусства, обращает на себя внимание береговая линия на 150 километров! Здесь разместились места отдыха, музеи, пляжи, корова, которая подожгла деревянный Чикаго, и водонапорная башня с каланчой, что оказались неподвластными огненной стихии, да смотровая площадка на 103 этаже небоскреба, где от избытка чувств жена хотела на карачках вылезти на стеклянный выступ и посмотреть вниз с этой высоты. С трудом удержал и пошел с ней на этот выступ обычной, не накарачковой, походкой. Ещё та страшилка!

Много видел на земле прекрасных городов. Чикаго – один из лучших!

Небоскребы небоскребы...
Красотой я их объят.
Как в безбрежном гигантизме
Чувства легкости парят?!

Замираешь, застываешь
От безумной красоты.
Как Шагал где-то витаешь
В поднебесности мечты.

Не принижен, не раздавлен
Небоскребами Чикаго -
В детство, будто бы, отправлен,
Будто б приласкала мама!

«Галопом по Европам» – говорят у нас, «американские горки» – у них. Позади Вашингтон, Балтимор, Нью-Йорк, Чикаго, с десятков штатов - от Мэриленд до Иллинойс, Индиана, Мичиган и так далее. Жена молодец – всем восхищается; всё нравится и вжимается вся в себя от увиденной жути, а этого добра здесь тоже хватает (грязь, бомжовник, чернота во всех ипостасях). Она - мой лечащий врач: выбито плечо, каждый день добавляет мне новые мозоли. Она дунет-плюнет, и – вперед, берем новые неизведанные вершины с 7 утра до 12 ночи! Вижу, что устаёт, но не признаётся и не сдаётся. В отеле – только сон с тех самых 12 ночи до 7 утра!

Такие вот американские горки в иносказательном смысле, так сказать. В прямом смысле мы их получили в Сан-Франциско, в Калифорнии, на берегу Тихого океана.

Город на 40 холмах! В визуальном, слуховом и натуральном смысле эти 40 холмов уже в первую

ночь мы исследовали на трамвае позапрошлого века без окон и дверей, облепленном стоящими на подножках по периметру трамвая людьми. В центре такого трамвая стоит громадный негр, и с ужасающим лязгом управляется двумя железными рычагами и педалями, не давая трамваю бежать с холмов по инерции. Полное впечатление какого-нибудь очередного периода Американской депрессии. Да и весь город в первый день из всех щелей демонстрировал нам эту депрессию, какими - то сумасшедшими, постоянно попадающимися у нас на пути.

Это в центре, а вне центра лучше вообще не суйтесь – предупредили нас наши люди. Жена прижалась ко мне и, как мне показалось, периодически замуривалась, но мы всё же, среди лежащих в моче и кале отбросов человеческого общества, но свободных американцев, добрались до отеля.

Говорят, утро вечера мудренее! Скажу также, что с утра Сан-Франциско оказался мудренее вечернего. Нарисуем вначале общее представление, которое сложилось об этом городе. Основные черты:

- На берегу одного из заливов Тихого океана.
- Со стороны его 40 холмов складываются в единый шиш вместе со своими высотками; шиш с основным склоном к океану.
- Великолепные мосты придают городу и значимость, и ажурность. Про один из этих мостов, который называется Золотые ворота, я читал повесть, смысл которой: не стоит искать приключений на свою задницу там, где всё складывается. История, как мужик красил этот мост в Сан-Франциско и за 4 года он его полностью окрашивал и принимался за дело сначала, что соответствовало технологии эксплуатации моста. Ему надоело такое однообразие, и он убедил руководство, что надо красить по-другому и тогда мост будет окрашен в два раза быстрее. В результате через 2 года остался без работы. Я почему-то запомнил эту Сан-Францисскую драму, а теперь и увидел этот первый висячий мост через залив Тихого океана.
- Викторианский стиль домов для обычных жителей. Двухэтажный узкий особняк с круглыми антресолями 2-го этажа и ажурной отделкой входа в дом. Это образец стиля «кантри» – семь сестер.
- Необычная гармония высоток с викторианскими домиками на фоне постоянных спусков и подъёмов.
- Прекрасный парк «Золотые ворота» с двумя крупными музеями и японским садом, отделанным с отменным вкусом.
- Самая извилистая в мире улица; выстроенная серпантинном из-за своей крутизны и серпантинном же озелененная и оцветнённая.
- Делает Сан-Франциско городом-праздником его набережная. Она широкая, раздольная, не обременённая крупными строениями, но снабжённая десятками пирсов, которые уходят в залив. Некоторые из них представляют отдельный сказочный городок с двухъярусной подстройкой кафешек, ресторанов, с лежбищем котиков, великолепным аквариумом, 7D кинотеатром, рыбацким рынком, где царит повсюду праздничное настроение.

Достоинств город накопил достаточно, чтобы его полюбить. Но океан – лишь для красоты, в нём не купаются - холодный! Прекрасное часто соседствует с уродством в виде грязи, перебора с душевно-большими, попрошайками, мусором и копающимися в нем жутковатого вида людьми.

Как говорил Пушкин: «Эх, Сан-Франциско, любил бы я тебя, кабы не жуть, не грязь, не океанский холод!»

Но устриц мы попробовали именно в Сан-Франциско на крестьянском базаре! Есть здесь и где помолиться! Оригинальный протестантский храм с куполом из 4 крестов из витражей, изящным органом.

Русская речь встречается, но не часто. Встретили, как всегда, Чайковского, Онегина, Горбачёва и простились с городом вечной весны, в котором круглый год одна и та же температура 10-15 градусов по Цельсию или 50-60 по Фаренгейту, как принято у них. Прощай навсегда, родина ООН. Мы заглянули в Ной Хилл в гостиницу, где это произошло. От СССР присутствовали Молотов, Берия и Вышинский.

Американские горки не терпят промедления. И вот мы уже в Лос-Анджелесе – городе ангелов, которые на чудотворной иконе святого Франциска. Это было вот здесь на месте этой беседки, которая

является символом начала города. Молился оставшийся здесь для строительства города гарнизон вот в этой церкви, а строили – местное племя индейцев, которые здесь обитали не одно тысячелетие. Так гидша Ольга вела вдохновенный рассказ. Я от него отступлю и поведу свою линию, а именно: что же такое Лос-Анджелес сегодня. Вернее - как мы его увидели. Во-первых, разноликий. 18 городов со своими названиями, которые сохранились, слились в одну нескончаемую сеть домов под именем Лос-Анджелес.

Собственно, Лос-Анджелес – на холме, небоскрёбный с широкими улицами. В этом месте смахивает на Чикаго, но отдаленно, прежде всего, из-за больших перепадов. Эти перепады высот позволили городу быть многоуровневым, так что поднимаешься, например, с улицы на лифте на этаж или два и окажешься в красивейшем парке с фонтанами. Архитекторы очень красиво обыграли холмистость местности. Океанский Лос-Анджелес для нас оказался в городе Санта-Моника, где широченные пляжи, длинный обустроенный пирс, на котором нас крылом задела океанская туча, лучшая пешеходная улица, которую мне доводилось встречать на своем пути. У неё изысканные и вид, и вкус, и атмосфера, и магазины, и путники, и затеи.

Фешенебельный Лос-Анджелес – это Беверли Хиллс. Городок из хижин знаменитостей, рядом с Голливудом. Вот уж для кого поговорка: «Не было бы счастья, да несчастье помогло!» – не в бровь, а в глаз.

Когда-то этот большой участок земли скупил один мужик, считая, что уж нефти-то он здесь накачает – нефтяная лихорадка Калифорнии. Нефти не оказалось, но мужик смекнул, что рядом развивается киноиндустрия, рождаются звезды. Где звезды – туда рекой льются деньги. И он рискнул построить огромный роскошный отель «Беверли Хиллс», где звезды могли оторваться, кто как хотел. В результате образовалась Лос-Анджелесская Рублевка, но их различия – как отличия дня и ночи. Заборы не выше 1 метра, остальное – зелень. Она может скрывать как угодно то, что не хотят показывать. Все дома – не выше второго этажа. Воры сюда не суются – всё просматривается. Даже обычные зеваки не суются – нет тротуаров. Редкие машины с туристами вроде нас с высадкой в определенном месте. Тишина кладбищенская, изысканность небесная, звёздность запредельная. Это и есть городок Беверли Хиллс.

Город Голливуд соседствует с Беверли Хиллс по невидимой границе. Корнями он совсем не связан с кино. Эта холмистая местность приглянулась когда-то одному богатому мужику, который решил отойти от дел. Он скупил эти земли, построил своё поместье, которое жена назвала Голливудом – остролиственным лесом. Стали жить-поживать. Бобы для развлечения сажать. А кино развивалось не здесь, а в Нью-Йорке. Сюда приезжали, сбегая к комфортной погоде. Здесь приятнее снимать.

К этому времени огромные буквы Голливуд Лэнд уже были на своем месте. Вообще – не кино родило Голливуд, а Голливуд дал земли для кино! Теперь здесь разместились все основные киностудии. По одной из них мы прошвырнулись от души. Киностудия Юнион показала нам свои павильоны для съёмок. Здесь и городки прошлого-позапрошлого века, и современные небоскребы, и место крушения самолета, и деревня, затапливаемая цунами, и поле битвы второй мировой, и т. д., и т. п. В общем, различие павильонов с Мосфильмом такое же, как зарплата их и наших звёзд. Целое представление разыграли они перед нами с бандитами и красотками: с взрывами, погонями, драками, быстроходными лодками, водными лыжами. На нас с неба даже самолёт упал. Еще - гоняли нас по каким-то пещерам с привидениями, мертвецами. Включали невероятные скорости и качки в темноте, падения с гор и чудесное спасение на гондоле от всей этой динозавровой нечисти, которая на наших глазах поедала себе подобных, бандиты отрезали руки у наших братьев-туристов, перемещали их на небоскребы и там откусывали им головы. «Да уж!» – как говорил Папанов. Студия дала нам на потребу всё, что мы захотели. А жена хотела, конечно, всё-всё и еще немного. И всё время говорила мне: «Ну, улыбнись ты хоть немного!» Это тогда, когда твоим собратьям головы откусывают. Голливуд, Голливуд! Проезжаешь по этому городку и только успеваешь слушать штучки вроде этих. Вот здесь Джордж Клуни подрабатывал у своей тётки, а здесь, на Родео Драйв Джулия Робертс в «Красотке» ходила по магазинам, а в этой гостинице они с Ричардом Гиром покоряли наши сердца.

Хватит про Голливуд. Ведь есть ещё и Диснейленд. Он, вообще-то, самый известный в мире. И не разочаровал. Не уступает своим молодым собратьям в Париже, Токио. По сути, здесь история Америки для

детей. Экспонаты в виде улиц в 0,35 натуре, что, с одной стороны, придает им достоверность, а с другой – игрушечность. Бродили мы по сказочному миру, где пока ещё всё же побеждает добро. Конечно, трансформеры наступают, а в них я уже не отличаю где оно – это добро – там загрузилось и загрузилось ли. Нельзя рассказать даже о том, что видели в Диснейленде, а еще больше и не видели, например, калифорнийскую историю, Диснеевский мир и т.д. Нельзя объять необъятное. Но что объяли, то наше. Увожу из Лос-Анджелеса ощущение прекрасного города развлечений со своими проблемами одноэтажной Америки – специфической, разнообразной от жути до фешенебельности. А одноэтажная Америка составляет львиную долю того, что зовется Лос-Анджелес.

И вот уже другой штат – Невада... Я помню, как здесь проводили испытания ядерного оружия. Как у нас в Семипалатинске. В Неваду мы попали, перебираясь из Калифорнии в Лас Вегас на авто. Вскоре нас окружила пустыня – самая большая в мире после Сахары – пустыня Мохаве. Сразу за Кордильерами. Поскольку Мохаве не песчаная, а гористо-пустынная, то и не особенно заметен переход от гор к пустыне. Пожалуй, только появление юкки и увеличение её плотности по ходу движения указывало на принадлежность к Мохаве. Юкка – дерево – кустарник! Как маленькая сосна или большой кактус. Но не сосна и не кактус. Потому и юкка. Ствол – помесь пальмы и ветлы, причудливая форма ветвей делает её похожей на кактус, а игольчатость зелени – на сосну. Из юкки индейцы делают свои вигвамы, собирая их в одну точку на высоте порядка двух человеческих ростов, обтягивая или обмазывая это сооружение.

В Неваде индейских резерваций мы не встретили, в них мы оказались позже, побывав на Большом Каньоне. А пока Мохаве превратилась вдруг в сияющий оазис, от которого невозможно глаз отвести! Лас Вегас – около 100 лет зародилась в этом месте пустыни, как ремонтная железнодорожная станция, для только что выстроенной железной дороге Чикаго – Лос-Анджелес! В период депрессии в целях выживания мэр этой железнодорожной станции стал внедрять здесь казино. Нет работы – зато есть время просадить последнее за минутную надежду на лучшую жизнь. Теперь Лас Вегас – настоящая индустрия греха. Вся дрянь, которая сидит в каждом из нас, здесь получает свободу. Это место где человек отдыхает от постоянной работы над собой, от сдерживания того греховного, что заложено в нас по легенде Адамом и Евой.

Лас Вегас – разгул греха, здесь сделано всё, чтобы грех в тебе победил и твой разум, и твою совесть, и загнал добро в тебе в такой тёмный угол сознания, чтобы ты его там больше в этом месте ни за что не нашёл. Интересны пути освобождения греха. Главный козырь – всё для тебя просто так, бесплатно, на халяву. Везде тебе открыта дорога: и к самому большому в мире лазерному экрану с постоянно идущим шоу, и к танцующему фонтану на центральной улице, а других улиц в миллионном городе нет!

Вот для тебя на этой же улице тонет пиратский корабль под женскими чарами, и спасённые этими же чарами пираты занимаются любовными играми на другом корабле мечты. Хочешь – поднимись на лифте на Эйфелеву башню, хочешь, пройди к пирамиде Хеопса и знаменитому сфинксу или к бутылке кока колы размером с небоскреб и лифтами в ней. А может, тебе больше хочется на Манхэттен – иди в Нью-Йорк–Нью-Йорк. Прекрасная Венеция с площадью Сан-Марко, дворцом Дожей с Большим Каналом, по которому плывут гондолы и поют прекрасные итальянские песни. А в Баджио выставка цветов в несколько десятков миллионов долларов. И все цветы для тебя, и всё на халяву.

Луч света из пирамиды Хеопса виден из космоса, прекрасные фламинго подходят к тебе, и тут же подплывают лебеди, разноцветные рыбы разных размеров, лёгкая музыка окутывает тебя вместе с мягкой прохладой. Бесконечное разнообразие прекрасного вокруг тебя сопровождается изысканным однообразием всюду на твоём пути игорных столов и автоматов. Вскоре тебе надоедает многообразие прекрасного и ты тянешься к изысканному однообразию. Всё, цель достигнута, грех на свободе. А уж как ему, где ему и насколько ему развернуться – тут внешних границ нет, а внутренние ограничения пропадают сами собой под влиянием алкоголя, опять же халявного, и азарта, который подгоняется и подгоняется окружающей обстановкой. Наш личный итог: я грех удержал в узде, жена выпустила на время и выиграла 100 баксов за 15 минут. и мы с выигрышем поехали от индустрии греха к чуду природы.

Дорога к чуду природы ранняя, а у тебя в голове ещё и извержение вулкана на твоих глазах, и миражные видения, и все впечатления вчерашнего дня. Я поутру вздремнул в машине, и у меня видение

лос-анджелесского Диснейленда с его Белоснежкой и семью гномами, детской атмосферой добра, тепла и сказки, сказочных героев. Наверное, защитная реакция от лас-вегасовского греховного падения. И я сквозь сон шепчу: и всё же, Лас-Вегас – чудо в пустыне, которое, хорошо бы, увидел каждый человек. Ведь Лас-Вегас – это не только греховный соблазн, но и полигон, выставочный центр индустрии развлечений, а уж ты со своими грехами, пожалуйста, разбирайся сам.

Машина бежит дальше по Мохаве, юкка прибывает. Закончилась Невада, и на границе с Аризоной – гидроэлектростанция на реке Колорадо. Пролазили, прощупали. Меня поразила абсолютная тишина на ГЭС, ощущение не мощного действующего сооружения, обеспечивающего 3 штата электроэнергией, а какого-то макета, сделанного в масштабе. В наших ГЭС мощь передаётся через шум падающей воды, а здесь – как на кладбище. Едем дальше по штату Аризона. Сразу чувствуется влияние военных. Молодёжи (а были ребята из Темрюка, Минска и Босниец из Бельгии, которого моя жена, при случае, готова была взять в любовники), к которым мы прилепились при прокате автомобиля, захотелось пострелять из американского оружия. Пожалуйста! По тормозам! В пустыне – первое встречное кафе! Выбираем любое оружие по вкусу (какие-то бронебойные, огнемётные и ещё чёрт знает какие). Ребята особенно восхищались каким-то пистолетом. Поехали на стрельбище. Постреляли, поехали дальше.

Подъехали к одной из резерваций индейцев. Индейцы продали нам входные билеты, и дальше мы по их резервации передвигались только на комфортабельных автобусах с высадкой в нескольких точках. Индейцы показали нам чудо из чудес – Большой Каньон, о котором могу говорить только в превосходной степени. Это даже не километровые высоты каньона, которые прорубила река Колорадо, не причудливая форма этого каньона в разных направлениях с образованием вообразимых и невообразимых фигур, сооружений грандиозной архитектуры. Для меня главным было изумление, вызванное красками, которые наложила природа на эту грандиозность. Их колоритность, многообразие, натуральность, богатство, уместность, совместимость создаёт такую гармонию, которая соответствует высшим эталонам художественного мастерства. Вместе с грандиозными масштабами это художественное мастерство даёт основание Большой Каньон длиной около 450 км относить к чудесам света.

Это одно из лучших природных явлений, которое мне удалось видеть на нашей земле!

Вот на этой высокой ноте мы и закончили наши Американские горки – галопом по Европам – и приземлились в океане на Майами. Но не тут-то было! Жена говорит, что мало написал про боснийца-красавца, не назвал по имени дамбу Гувера, которая и стала основой Колорадской ГЭС! Кроме того, не донёс до читателей, что основные грандиозные сооружения, отели Лас Вегаса живут не более 50–60 лет, морально устаревают, их взрывают! Да так искусно, что собираются толпы смотреть на красивую смерть их любимых, а они под действием взрыва аккуратно складываются в кучу мусора, чтобы из него появилось нечто еще более грандиозное.

Наконец, мой строгий и единственный читатель был удовлетворён, и теперь на Майами я свободен от Американских горок. Море, солнце, прохлада, никуда спешить не надо – рай. Но вывод оказался поспешным. Наверное, солнце обмануло и пережгло нас. Поэтому, обмазавшись ожоговыми мазями, пошли изучать Майами. Здесь оказался доступным Биг бас с русским языком. Поэтому, созерцая с вершины второго открытого этажа автобуса, мы слушали историю города и каждого дома, находясь около этого дома. Что же получилось? Майами – современный курортный город на берегу Атлантики. Он расположен, кроме материка, на десятках малых островов и полуостровов. Так что ощущение – кругом вода, вокруг вода. Один узкий длинный полуостров с названием Майами был застроен только отелями. Отели идут нескончаемой полосой. Один из них – наш. Перед ним – Саус бич, туристический центр Майами. Его застройку охраняет Юнеско под названием «ар деко» – стиль местной застройки. Обычные прямоугольные двухэтажные особняки, но каждый со своей изюминкой. Они все без крыльца. Пол первого этажа – продолжение улицы. Изюминка – в балкончиках, раскраске, выгнутостях или выпуклостях, но, получается, у каждого свое лицо, и оно нарядно! Весь Саус бич в таких лицах, и в каждом лице кафе, ресторан или магазин. На набережной – Оушен драйв – в полночь народу столько, что это иначе как толпой не назовёшь! Всё это – на полуострове. На островах народу делать нечего. Его туда просто не пускают. Это вотчина миллионеров и миллиардеров. Коттеджи их стоят в зелени на том или ином клочке земли в зависимости от

кошелек и потребности хозяина. Каждая американская звезда стремится иметь здесь свой уголок: прекрасная погода круглый год, купание в море круглый год. Ты на острове, тебе никто не мешает. Перебираешься с полуострова через огромный мост на материк и оказываешься в самом Майами. Деловой центр – из небоскрёбов, прибрежная зона – магазины, кафе с вечно звучащей южноамериканской музыкой, танцами публики. Вечный праздник жизни на этой набережной! Ведь Майами – самый северный город Южной Америки, так любовно называют здесь южноамериканцы приютивший их город. Можно сказать, что это город кубинцев, колумбийцев, венесуэльцев, мексиканцев, аргентинцев, бразильцев, перуанцев, эквадорцев и др. Главный язык в городе – испанский. Живут между собой нормально, но если, например, колумбийца назвать мексиканцем, то можно и в нос получить. В городе Майами есть отдельные городки кубинцев, доминиканцев, итальянцев. Видели, как валит народ на баскетбол. Из окна нашего номера панорама Майами как на ладони. Вот он – деловой центр, вот острова миллионеров, вот туристический полуостров Майами бич и Саус бич. Здесь всё хорошо, но чего-то не хватает. Родины, наверное. Жена предложила поиграть в ощущения. В ощущения городов, которые мы проехали, но выразить эти ощущения одним словом. И вот результат.

Город	Ощущения	
	Мои	Жены
Вашингтон	Респектабельный	Респектабельный
Балтимор	Уютный	Провинциальный
Нью-Йорк	Размахайный	Богатый
Чикаго	Грандиозный	Элегантный
Лос-Анджелес	Многоликий	Развлекательный
Лас Вегас	Изумительный	Азартный
Майами	Изысканный	Уютный
Сан-Франциско	Жизнерадостный	Бесшабашный

Пора подводить итоги.

Еда. Прекрасная кухня народов мира. Американская еда – фастфуд, бутерброд. На другой день уже не лезет в рот. Шлак – как сказал нам наш знакомый кубинец. Но для нас была незаменимой и главной – быстро и дёшево, да ещё видишь, что съешь. Мы очевидцы, что это действительно массово: в кафе на каждом шагу, в магазинах – повсюду и лохани кофе, которые многие почему-то носят с собой.

Жильё. В основном – инкубаторское, прилепленное друг к другу, двухэтажное. Размеры и расположение – в зависимости от кошелька. Сложилось впечатление, что стоимость такого жилья близка к московскими ценами эконом-класса.

Природа. Богатая, разнообразная. К ней бережно относятся везде. Неожиданно для меня много неугодий, которыми они не занимаются, придают им статус национальных заповедников.

Образ жизни. Предпочитают свободное время проводить в домашней обстановке, редко ходят друг другу в гости. Вечером улицы городов пустынь. Не упустят любой момент заработать. Деньги первичны, но внешне пытаются это не афишировать. Проблемы других, особенно международные – до фонаря. Внутренние проблемы, касающиеся его личного интереса – главная тема разговоров. Знают, что как эту проблему решат наверху, так и будет, против закона не попрёшь его не обойдёшь. Поэтому к думским дебатам относятся серьёзно, серьёзней, чем к проблемам взрослых детей. Большие траты – коммуналка и учёба.

Американцы. Нет такой нации де-юре, но есть такая нация де-факто! Это главный козырь Америки. Мы были близки к национальности советский народ, и де-факто это уже даже существовало. Поэтому, де-факто американец – это английского типа, мексиканского, типа берега слоновой кости, то есть, любого типа. Средний американец – это понятие ничего не даёт, как средняя температура по больнице. Сила американской политики в том, что им удаётся создать атмосферу равенства всех людей, не национально-

стей, а людей, независимо от национальности. Слабость России в том, что атмосфера «Россия для русских» в той или иной степени в ней существует, а серьёзные попытки убить эту атмосферу натываются на рост русского национализма. Создаётся впечатление, что именно национальный коктейль и делает Америку сильной. Национальные проблемы как-то растворяются в этом коктейле. Это иллюзия, конечно. Сильной Америку делает политика скупания мозгов в мире вкупе с властью закона. Закон здесь чтут везде. Забота об инвалидах – каждый трамвай, автобус снабжены необходимым для их проезда. Пропаганда здорового образа жизни – не пьют пиво, не курят в общественных местах, а трусцой бегай, где хочешь. Пропаганда свободы – спи, где хочешь, валяйся под забором или в парке, в одежде любой протухлости, заходи в ней в кафе, в любое не дресс-кодированное место.

Море. Купались на Майами в местечке Майами бич. Пляж песчаный, среднего пошиба, водоросли мешают купаться. Их не убирают. Сгорели в первый же день, но искусными манипуляциями жены выбрались из этой сковородки. Только выбрались, как тут же на нас напало нечто похожее на паутину и устроило мне ожог в виде рубца по тому месту, которого коснулось. Серьёзная паутина попала, такой ещё не попадалось.

Сэр и Мэм. Жене очень нравилось, когда к ней обращались: «Мэм». Но, скажу откровенно, меня их «Сэр» никаким местом не трогало. Во всяком случае, обращаясь к мужику, я всё время почему-то говорил: Синьор, а к женщине – Мадам. Нормально откликались!

Упущенные возможности. В последний день мы обнаружили, что за 30 км от Майами есть космодром имени Кеннеди, в котором проводятся экскурсии. Оказалось, что время упущено, группу сколотить уже некогда, а ехать вдвоём слишком накладно. Ну что ж, укажем себе, что надо быть более внимательными в путешествии и не «шляпать» такие возможности, а то ведь можно и всё прошляпать.

Америка. Что такое для меня теперь Америка? Страна, которая достойна уважения, прежде всего за интернационализм, за привитие гражданам чувства свободы, чувства ответственности перед законом и уважение к ним. Заботу о мощи государства они умело сочетают с заботой о человеке, о старом и малом, об убогом. За что следует опасаться Америку – только за желание своё представление о свободе и демократии, которое у них возникло в их обществе, распространить на весь мир. Большевиком на демократический лад. Но таких перекосов у всех хватает. Они, конечно, достойны, чтобы с ними дружить, но идти своим путём.

Своё ничьё (или прихватизация Арктики). 5-20 января 2014 г.

Неисповедимы пути господни на Земле, тем более неисповедимы они для такой противоречивой природы, как Вова – Владимир Прокофьев: экстремал в душе, джентльмен по существу, интернационал по поведению. Он так устал переключать бумаги в офисной Москве, что в конце концов оказался на макушке земли, на архипелаге Шпицберген.

Кроме цветистого названия, я об этой земле не знал ничего, не читал ничего. В общем, я о ней знал столько же, сколько и она обо мне. Но вот взлетел самолёт, и мы в пути к сыну на ту самую макушку. Открыл книгу, пока самолёт разбежался, и закрыл её только, когда самолёт (уже другой – поменяли в Осло) коснулся ледника на Шпицбергене. Для того было интересно читать об этой ничейной земле на земном шаре.

Есть на земле много спорных территорий, на которые претендуют несколько государств. Но это не то. Это – юридически закреплённая территория для всех, т.е. ничья! Поэтому Вова вкалывает здесь на вполне законном основании не как гастарбайтер грёбаный, а как полноправный хозяин этой общей ничейной земли! Вот оно – будущее нашей планеты. Я увидел свет в конце тоннеля. К этому должно стремиться человечество – быть хозяином на любом клочке ничейной земли. А я-то гадал, что там среди белых медведей и куропаток нашёл наш сын. А он, оказывается, нашёл себя, ибо комфортно ему среди экстремалов мира, почуявших себя хозяином на ничейной земле. Да – ветер с морозом, да – неустроенность быта, особенно на первых порах, да – походы до изнеможения с неподготовленным туристом; из него ещё не успела выбить

дурь Арктика, с которой он знаком только несколько часов. В результате обморожения, переломы, вывихи – а ты единственный спасатель и спаситель. На второй раз от романтики уже не остаётся и следа, а только ответственный труд, пот в лютый мороз.

Итак, нас принял гражданин России и всей Вселенной на своей, а, значит, и нашей земле, которой, впрочем, управляет норвежский губернатор. Почему норвежский? Да потому что кто-то всё-таки должен управлять, а Норвегия не только ближе всех, но и продвинулась в освоении этой земли дальше всех. Вслед за Норвегией – мы, русские. Когда-то архангельские и мурманские поморы были здесь полноправными хозяевами – охотились за тюленем, тем самым, за которым охотится и белый медведь. Потом, уже в советское время, здесь выросли три шахтерских городка, два из которых до сих пор живы: Баренцбург и Пирамида. Совсем недавно, до 90-х годов прошлого века, мы здесь были самые крутые: оснащены самой современной техникой, в том числе летательной. Кормежка(коллективное питание - колпит) – бесплатно. Прекрасное место для заработка. Сегодня наши еле-еле выживают, а норвежцы из вчерашней вшивоты превратились в мачо, супергероев. Вот у них-то и обосновался Вова, зарабатывая на английском языке, обучаясь норвежскому, чтобы купаться в уважении местных жителей и достатке.

Но есть в норвежской стороне и свои шипы. У них почему-то законы должны выполняться! По закону приезжий должен остановиться в гостинице или у кого-то из знакомых. А Вова выбил для нас шикарную полярную двухкомнатную квартиру с кухней, душем, туалетом. Выбил по-русски, минуя закон, поэтому очень убедительно просил не поджигать и не орать в три глотки. Рождество справляли вполголоса. Правда, моего вполголоса. После бурной встречи, совместной жрачки от пуза гостинцами вышли погулять в город с одной короткой улицей. Но и этой прогулки было достаточно, чтобы закупиться продуктами от картошки до хамона, выпить по кружке пива в ресторане и полюбоваться прекрасным северным сиянием, которое полыхало недалеко за городом. Впервые почувал полярную ночь, впервые увидел полярное сияние, которое шло из бездны темноты в небо высокое, в небо широкое, постоянно меняясь, искрясь, сверкая, разбиваясь на отдельные лучики и снова собираясь в кучки. Чёрная бездна то выталкивала, то затягивала столбы искр, создавая то самое чудо, именуемое северным сиянием.

Вот тебе, бабушка, и первый день! Ну а мороз? Эта главная достопримечательность проявила себя в полной мере, но мы были готовы к ней и морально, и физически. Морально – это босые ноги в калошах, а по утру морда в снегу. А физически – термостойкие трусы и прочие причиндалы. И всё же после 15 минут на свежем воздухе морда кирпича просит. А мы вместо кирпича использовали две точки цивилизации – магазин и ресторан.

Первая арктическая ночь прошла на ура: я храпел от души, жена улыбалась северному сиянию, а Вова с девушкой гонял на машине на седьмую огнёвку – заброшенную шахту, давшую жизнь городку. А сам городок Лонгиер мне понравился не только северным сиянием и своими двумя точками, но и своей пропагандой бессмертия: тут не рождаются и тут не умирают. Вот так вот! Вот Вам, бабушка, и Юрьев день! Забеременел – на материк, заболел – на материк. Интересное, скажу я Вам, предприятие бессмертия!

Пытаюсь найти причину, почему здесь мне легко, хоть и морозно? И мне ли только? Смотрю, и жена моя порхает. Ну с ней-то ясно – сыночка увидела, сыночку стоговила, сыночка накормила, сыночка спать уложила. Последнее, конечно, для красного словца, ибо когда он приходил – мы и не ведали: то ли в 3 часа, то ли в 4 ночи, конечно, ведь дня здесь нет вообще!

Дома деревянные, воздух чистый, тишина, повсюду ночь, огни, за городом звёзды, сияние, люди приветливо обнимаются с нашим сыном. Какая-то общая приглушённость, полутайна, будто славославие Христа в ночь под Рождество. Вот откуда идут спонтанность и лёгкость на душе. Диво дивное – простота в окружающем нас мире.

Первую экскурсию Вова провёл с нами на машине, постоянно повторяя слова одного из туристов: «Ошен кароша экзкурзия на машина!» Вот центр, где мы живём, с двумя ресторан-бараками, четырьмя магазинами, детским садом, а теперь район Детройта (это я его так назвал, говорит Вова), здесь живу я, а вот район Нью Касл, где живёт мой русский друг из-под Калуги, не знающий ни слова по-английски ли, по-норвежски ли, по-китайски. И как-то живёт вообще без языка! Экскурсия закончилась среди двух летающих тарелок на смотровой площадке действующей шахты и научной обсерватории на вершине горы

около 500м. Туда привело нас буйство северного сияния. Боже, как хорошо стоять на вершине горы с взглядом в безграничную темноту, в безграничное звездное небо при слабом силуэте огромных летящих тарелок и разговорах о белых медведях, песцах, тюленях, куропатках, каяках, фьордах, вечных снегах, просторах и морозах! Что это? Метаморфозы судьбы или неумолимый факт, что в человеке намешано всё, а наша задача состоит лишь в том, чему в данный момент дать свободу?

Совсем недавно Вова убеждал меня в том, что Тайланд – пуп земли, потому что там всегда тепло и всё дёшево! Сегодня он не языком, а делом, походами в морозы со шквальным ветром в полярной ночи убеждает, что Арктика, где всегда холодно и всё дорого, есть пуп земли, достойный того, чтобы отдать ему жизнь!

Хватит философствовать – пора обратиться к фактам. А факты таковы. Архипелаг Шпицберген или Свальбард, по-норвежски, представляет собой огромную, почти как вся Великобритания, территорию, состоящую из гор, прорезанную фьордами: Горофьорды – третье название Шпицбергена, которое я придумал только что. Веками обживались отдельные точки добычи тюленей, моржей, но ничего из этого не выросло, всё превратилось в прах, в могилы – этого при раскопках сколько угодно, даже при условии, что раскопки целенаправленно и не велись. Сейчас только в нескольких точках архипелага горят огоньки. Это так называемые города-деревеньки. Два норвежских: Лонгиербьен и Нью-Олесун. Первый, в котором мы живём, содержит столько жителей, что если их всех собрать вместе и увеличить в 50 раз, то всё это поместится на стадионе в Лужниках. Второй, говорят, ещё в 100 раз меньше.

Есть ещё три точки с огоньками на архипелаге – это русские городки, которые разбросаны по разные стороны от Лонгиера. Это Баренцбург, Пирамида и Груманд. В последнем уже нет ни одного постоянного жителя, на Пирамиде их 3-5 человек. Баренцбург соизмерим с Лонгиером, но меньше его в 2-3 раза.

Вот и всё человечество на этой земле, состоящее, впрочем, из 40 с лишком национальностей!

Об этом и многом другом мы узнали из литературы, которую прихватили с собой из Москвы, а также из музея в Лонгиере, находящегося в одном доме с местным университетом. Музей для города – карлика просто прекрасный. Мы почували жизнь всего архипелага с его моржами, тюленями, за которыми охотятся белые медведи, которых сопровождают песцы. Горы, ледники в десятки метров толщиной и, для таких широт, комфортным климатом. Ведь весь архипелаг опоясывает Гольфстрим. На архипелаге 10-20 мороза, чуть в стороне от него – 30-60!

Музей, конечно, заметная достопримечательность Лонгиербьена! Но не единственная. Знаменитое хранилище семян вся земли на случай глобальной катастрофы... Выполнено в виде какого-то торчка из земли или носа тонущего корабля в морской пучине. Само хранилище – в вечной мерзлоте, которое уходит на несколько сот метров на всём архипелаге. Есть тут и самый большой красный почтовый ящик в мире, который соорудила здесь одна китайка на свои деньги – прочуяла, как здесь ждуть, вернее, ждали почту. В ряд достопримечательностей стало здесь одно из четырёх кафе-баров, где самый большой выбор алкогольных напитков в мире. Кстати, вино здесь в свободном доступе, а свыше 20 градусов – по талонам.

Из 9-ти существовавших шахт осталась одна. Заброшенные шахты, вернее, входы в них, теперь историческая достопримечательность. Местный уголь теперь нужен только местным.

Новелла о русском на каяках

Москва, с отличием школа и МГУ с красным дипломом. Магистр гидрогеологии. Закончил диссертацию, прошёл предварительную защиту и вдруг... почувал отвращение ко всему этому. Не моё! Стал искать себя: журналистика, брокерство, инструктор по фитнесу, массажист, хоккеист, тайландовед, Арктика. Влюбился в Пирамиду, но сбежал к норвежцам, правда, на том же архипелаге. Но любовь затаил и преумножил. Жил в палатке на берегу фьорда, в сарае среди амуниции туристической, заработал на аренду уголка с кухней, туалетом (!), спальней в 2 м². Онорвежился, почував порядок среди разбросанных горных вершин и фьордов. Бесперебойность инфраструктуры, господство закона, безобманная оплата труда, если его найдёшь. В этом – основная проблема, но дорогу освоит идущий и связи, которыми идущий обрастает.

Оброс, укрепился, заматерел, дожил до полярной ночи. Обжился друзьями всех национальностей, любимой арктической женщиной, получил гидство на каяках и в пещеры ледникового происхождения. Выучил в совершенстве английский, на пороге к совершенству – норвежский. Ещё немного – и обретёт уверенность сверхчеловека. Вот что делает Арктика с простым русским парнем, желающим найти себя и жить так, как ему хочется. Сумел убежать от оков московских барышень, приобрёл синдром икоты при воспоминаниях об их салонах красоты, вырастил крылья арктической надежды, оморвежился, оставшись русским.

Его мир – прекрасная природа гор и фьордов, никогда не закрывающихся квартир, улицы, заставленные брошенными кем-то велосипедами, скутерами, лохматыми улыбающимися мужиками, готовыми обнять и расцеловать тебя как лучшего из друзей на земле. Этот исчезающий на земном шаре мир зацепился здесь на Шпицбергене за первобытность природы, укрепился и одаривает русского на каяках, который открытой улыбкой не только вписался в этот мир, но и бережно его возвращает.

Вот и конец новелле, но жизнь продолжается. Полная новыми впечатлениями о встрече с оленями, новыми заревами северного сияния, езды на хасках с итальянцами, немцами, американцами, норвежцами, встречей старого нового года запеченной курицей с шампанским. Сын зубрит норвежский, жена скоблил на кухне, я делаю вид, что работаю. Московская атмосфера в арктической квартирке, которая несколько преобразилась с нашим приездом. Появился бесплатно за рубль купленный телевизор, на стене повисла янтарная рыба из Светлогорска, холодильник забит мною плохо приготовленной пересоленной пищей. Стали традицией прогулки по Лонгиеру то с заходом в церковь с исполнением были, которую возвестил в Соловках инок честной Пятерим, то на каячную базу, где начальник – наш сын и которая в своё время служила ему и домом, и столом, то в магазин за всякой всячиной. Удивительно, но мне показалось в этой полярной ночи, что здесь хорошо коротать старость! Старость? Где – здесь, в Арктике? Да ты с ума сошёл! – Может быть! Ведь факт, я думаю, что в этой сдержанной, открытой и вместе с тем обособленной атмосфере чистого воздуха и чистых помыслов очень комфортно созерцать жизнь, постепенно старея! К каким же неожиданным выводам можно придти, путешествуя по земному шару!

Как в действительности сложится со старостью – посмотрим, но на лицо настойчивость Вовы – приезжайте ещё, да надолго не откладывайте. Жена сразу же наметила дату приезда, и я дал слово приехать, но не празднующимися туристами, а за конкретным делом. Свистни сватов, и я здесь. Так и порешили. Да, кстати, моё знакомство с будущей снохой чуть не обошлось мне инфарктом. Зашёл в бар, взял пиво, сажусь в уголок, ощупывая себя и понимаю, что я без денег. Архипелаг Шпицберген, фьорд Адвентд, местечко Лонгиер, бар Карлсберг, хочу тайно посмотреть на сноху, взял у неё пива, денег нет! Меня пот прошиб мгновенно, до пяткок. Ну, думаю, попал, она по-русски ни бум-бум, я не по-каковски ни бум-бум и как я ей объясню пикантность ситуации? Для начала решил не сдаваться, расслабиться. Постепенно пошла мыслишка. Отошёл, пошла улыбка на лице, инцидент был исчерпан. Сноха признала своего свёкра. Позже Вова объяснил, что здесь можно брать, что хочешь, где угодно, а расплатиться можешь словом «Владимир». Это мне очень понравилось, жаль, что поздно узнал об этом – уже пора домой, в дорогу.

Думая об этом, вышел на крыльцо. Луна играет с тучами словно девица-красавица. Смотрю – то ли олень, то ли собака большая траву щиплет, которой нет, а он щиплет, щиплет, посапывает. Рядом с Вовиным домом. За горой разразилось зарево северного сияния, а я смотрел то на оленя, то в небо, и мне было необыкновенно хорошо. Просто оттого, что это ещё есть на белом свете!

Пришло время самолетов в обратный путь! Сын с другом проводили настолько искренне, насколько это вообще возможно, повторяя: прилетайте, прилетайте, прилетайте. Жена уже в самолёте тихо рыдала навзрыд – так ей не хотелось расставаться с сыном. Она видела, что здесь его мир, здесь его путь, но мир суровый, путь нелёгкий. Вот материнское сердце и разрывалось. Такова планида любящего сердца.

В краю медведей белых
И вечных ледников
Есть и дороги смелых

Колючих мужиков.
Здесь нелегко тропинки
По сердцу отыскать,
Изгваздаешь ботинки
О тот архипелаг.

В собачьей ли упряжке,
В горах ли с рюкзаком –
Ты вечный здесь бродяжка
За койку с тюфяком.

Изгой и исполин ты
В одном и том же лице.
Здесь чудеса природы
У бритвы на конце.

Может, полярной ночью,
Может, полярным днём
Бывает в душе тошно-
Гори оно огнём!

Но вот не шутейный случай,
И ты уж на коне,
Хоть до смерти замучен,
Мечтаешь об огне!

Да, здесь – то в лёд, то в пламень,
То в радости, то в тоске.
Здесь нежным бывает камень,
А близкое – вдалеке.
Как в красоте безмолвной
Здесь отыскать свой путь?
Как в ледниках огромных
Сердцем не затонуть?

Можно ль рецепты счастья
На ледниках добыть?
Да, – подсказал нам Вова:
Надо сие любить!

Подошел к концу визит на Шпицберген к сыну, так сказать, «в своё ничьё»! Много открытий для меня принёс этот визит. Во-первых, открытие семейного масштаба: оказывается, сыну необходимо ощущение нужности в атмосфере международного калейдоскопа; ему важно ощущать себя, своё место в мировом коктейле. Неважно, где. Важно своё место, важно в масштабах земли. «Своё ничьё» к этому подходит как нельзя лучше: мировой коктейль налицо, арктическим экстрим – тоже, в котором найти себя ему не представляет особой сложности. Во-вторых, открытие государственного уровня: Россия может и должна стать главной туристической державой северного Заполярья! В-третьих, открытие вселенского масштаба: «своё ничьё», «земля для всех» – модель, к которой придёт человечество, если по этой дороге не сожрёт себя.

P.S. Осло, снова Осло! Лет 15 назад исходил и написал всё об Осло. Что-то помню, а что-то память не сохранила или перепутала. Вновь восхитился парком скульптур Вагелана с его обнажением детей, женщин, мужчин, стариков и старух в самых разных эмоциональных состояниях: радость, страх, любопытство, смех и слёзы, полное безразличие, волнение и т.д., и т.п. И это передаётся напряжением каждой мышцы на лице, теле, ногах, руках. Всё та же Карл Йохан Гата, что тужится под Елисейские поля, но пока тщетно, набережная с её старой крепостью, приратушным убранством из скульптур, зданием для нобелевских лауреатов и некогда высотным микрорайоном, который теперь высотным и не назовёшь, но где так же мило отделано миниатюрной экспозицией скульптур, тем более уместной теперь при наличии здесь музея современного искусства со скульптурами из пластилина, необычностью всякого рода. Некоторым из них улыбаешься, но чаще недоумеваешь, зная, что никогда этого не поймёшь. Нового было много. Во-первых, оперный театр с пляжем на крыше и Дворжеком внутри, во-вторых, зооботанический музей, который раскинулся на большой территории в маленьких зданиях. Для 5-ти миллионного государства – вполне достойные экспозиции природы, например, русской степи. Вполне достойна и национальная картинная галерея, населённая, главным образом, Эдвардом Мунком с его «Криком» и яркостью портретных красок. Попадались, местами, и Веласкес, и Гойя, и Роден, но, местами русских не было совсем, как не было наших и в олимпийских призёрах в прыжках с трамплина со времён Напалкова.

Наших не было, а мы были! На этом самом олимпийском трамплине Холменколен, где не только любовались пейзажем почти всей Норвегии, но и успешно имитировали прыжки с трамплина и горнолыжный скоростной спуск. Один раз испытал и хватит! Перемещались свободно на поездах, метро, трамваях. И снова – самолёт. Москва. Первая попытка прихватизации Арктики дала обнадеживающие результаты. То ли ещё будет – Арктика.

Сдать жене рукопись с окончанием на этом листе – не удалось. Жена заставила вернуться в Норвегию, которая поразила её добротной, красивой, просторной, в горных перепадах коттеджной застройкой. И норвежцы – своей сдержанной культурой, чувствуется, высокого полёта. Высота культуры – в её простоте и честности, полном отсутствии вычурности, сексапильности, словно им это совершенно не интересно.

Япония! **Край Земли и верх цивилизации**

1. Предисловие

Есть какое-то ощущение необычности на краю Земли. Не то, что ты ощущаешь какой-то край. Нет. Ты ощущаешь, что все, что ты видишь, очень далеко от твоего образа жизни! Так далеко, что ощущение края неизбежно! Первые шаги – в аэропорту. Здесь ты в своей тарелке. Обычный, ничего интересного. У нас не хуже. Но вот при подъезде к Токио уже через какие-то полчаса тебя цивилизация в начале придавливает к сиденью автобуса, а потом – возносит ввысь своей зачарованной мощью, грандиозностью, небывалым сочетанием урбанизации и красоты.

Прекрасная грандиозность технологий и мысли, отсюда, кажется, вот это вышло!!!

Города

1. Токио. Небоскрёбный гигант со своим лицом почти каждого дома в центре. Душа радуется разнообразию форм и высоты. Полное отсутствие какой-либо разрухи, обтрёпанности, обшарпанности. Даже на окраинах, где двух- трёх этажно, но прилично. Но настолько кучно, что с моими габаритами там не просунешься. Оторопь берёт от такой плотной застройки. Ни одной детской площадки не видел! Парков – раз, два и обчёлся. Несколько центров: политический дворец императора, гламурный квартал Гиндза с одноименной респектабельной небоскрёбной улицей. Три молодёжных квартала – Синдзюку, Харадзюку, Сибуя – столпотворение, тусовка, разгул, разврат (Кабуки–Гё), намывной остров из измелённого в порошок мусора – Одайба. Всюду – поражающие воображение своей архитектурой небоскрёбы. Асакуса

привлекает своим национальным колоритом вокруг синтоистского храма. Обрамление – из тех же небо-скрёбов причудливой формы. Есть ещё и деловой центр. Электронный центр, аристократический, рыбный и т.д. Что-то видели, что-то промелькнуло, но ощущение животрепещущего красавца-гиганта – осталось.

Для Токио аналога я в мире не нашёл,
Неделю жить в нём хорошо!
А надо ль больше – сам решай.
Кому сакура, а кому свиной хрящик!

2. Камакура – древняя столица Японии. Здесь и история Японии, и история религии. Маленький, возродившийся на плечах этих двух китов, городишко. Уже было совсем позабытый – позаброшенный. Но вдруг вспомнили, что в XII-XIV веках в запутанных лабиринтах истории этому городку можно приписать звание столицы. Так и сделали. Теперь там отреставрирован и синтоистский и буддийский храмы. Японцы молодцы. Вслед за русскими, которые оставили себе Рождество и Новый год по новому и по старому стилю, японцы пошли дальше и оставили себе как старую (языческую синтоическую религию), так и принесённую корейцами и китайцами, религию и философию (кому как нравится) буддизма. Эти две религии мирно существуют, дополняя друг друга в рамках делегированных полномочий (синтоизм обслуживает роды и свадьбы, буддизм – уход на пенсию и смерть).

Мы побывали в обоих святилищах, поклонились и множеству синтоистских богов и безбожию будды, искали вместе с ним – отдельно стоящим – путь к истине. Как обычно – не нашли. Но отметили прекрасный приём японцев – служить сразу двум самостоятельным богам. Предложили им к этой паре присоединить и другие религии, но пока получили отказ.

Они посмеиваются, но верят и тем и другим, и не верят никому, если нужно! Очень современно. Я, например, пошёл дальше: и христианин, и мусульманин, и кришнаит, и иудей, и буддист, и бахаист, а теперь синтоист!

Тем более, что религия синто делает святой, т.е. освещает идеологию зелёных, с которыми в идейном плане у меня нет никаких разногласий. Запомнился большой будда, выдержавший удары цунами и тайфунов в отличии от здания, в котором находился. Побывали и внутри будды – человек как человек, которому не чуждо ничего человеческое!

На одной земле у одного народа поселились две религии,
Подружились и живут одной семьей.
Неизвестно, кто мужчина, а кто женщина!
Но им хорошо!

3. Хаконэ. Уставшим от святилищ, истории и религии особенно мило в местечке Хаконэ – горном курорте, с прекрасным озером, по которому курсируют помпезные корабли. Такого рода прогулка по озеру всегда хороша, а в солнечный день, когда сама Фудзияма как на ладони, а по берегам зачаровывает сакура – возвышенность чувств обеспечена.

Но колесо впечатлений разворачивается дальше и ты уже на канатной дороге, где и фудзи, и сакура ещё ближе, ещё красивее. Да к ним присоединились гейзеры, чёрные яйца, сваренные в этих гейзерах. И всё же царица – Фудзияма. Будто сделана из картошки ребёнком в виде чуть усечённого конуса и небрежно раскрашено им белой краской. С одной стороны – игрушечная, а с другой – совершенное природное изделие. Есть и с третьей и с четвертой стороны. Ясно одно – вся мировая воспетость Фудзиямы не может сравниться с натурой, впечатлением, ощущением какой-то небесной красоты в небеса и устремленной. Общение с природой продолжается в горячих источниках на воле, в неволе, с шоколадом, чаем, «Мёртвым морем», вином, сакурой и т.д. и т.п.! Все! Переполнен!!!

Фудзияма – королева,
Но и подруга гейзеров, озёр,
Горячих источников.
Теперь и моя подруга!

4. Осака. Большой, портовый, индустриальный, по-своему соперничающий с Токио на манер Москва–Питер. Говорят – смешливый, столица японского юмора, со своим говорком, даже, надменностью по отношению к токийцам. Замок Осака построен на манер крепости в любом конце мира: крепостной ров, стена, ворота, бойница, ловушка, вторые ворота, горячая смола (гид говорит масло) и т. д. и т. п. С башни замка больше смотрели на цветущую сакуру, чем на панораму Осаки, в которой перемежаются небоскрёбы с промзонами. Третий после Токио и Йокогамы город проскакали лихо и унеслись в столичную Нару. Примазались к капсуле, которую заложили на 5000 лет. В надежде, что и через 5000 лет нас поймут и простят.

Приятен образ – рабочий с юморком.
В таком, мне видится, подать рукой до счастья!
А мы бегом – на новые поля.
Мы в поисках! Чего? Чего-то, только не ненастья.

5. Нара. Как человек представляет себе рай? Я слышал и читал разные версии ответа на этот сакраментальный вопрос. Ну, например, такой! Лесная прохлада, поют птицы, цветут деревья, бегают рядом с тобой олени, все улыбаются. Ты заходишь в храм, где тишина, спокойствие, скромные сады камней, проходишь по аллеям с тысячами фонарей, а олени всё сопровождают тебя, подставляют свою шёрстку – погладь меня.

Все кланяются, улыбаются друг другу. Да, такой вариант рая имеет право на вымысел, но в Наре – это было, чистая правда.

Я в раю был,
Саке здесь пил,
Олешек кормил,
И синтоистов, и буддистов оценил.

6. Киото. Это настоящая с 1000-летней историей столица. В ней спрессована вся японистость всех времён. Один из самых своеобразных городов мира.

Разделён рекой (как Лондон, Париж, Москва и т.п.), но японской рекой Киото. На центральных улицах (штук 10) толпы народа, тысячи фонарей. Многие тротуары с навесами (как в Англии). Старинный квартал гейш из двухэтажных деревянных домов-коробок в полумрачной тишине. Со вторых этажей веет высоким интимом.

Знаменитые памятники истории в виде буддистских и синтоистских храмов, связанных с жизнью и бытом их сёгунов, самураев, императоров, их садовников и прочее, прочее. Выделяется золотой павильон на озере, храм чистой воды, где богиня вводит некоторых прихожан в суицидный транс, храм создателя чайной церемонии.

Киото в целом – это сплав патриотичности с цивилизацией, природы с религией и историей, поскольку храмы синтоистские и буддийские связаны напрямую с общественными деятелями, а природа – не дополняет их, а, скорее, составляет их сущность.

Прогулка по Киото
Дарит безмятежную благодать,
Какую-то высокую ноту причастности
К прежнему, важному, возвышенному!

7. Иссе. Заповедное место на берегу океана с множеством маленьких островков. Родина нескольких интересных традиций.

Подкупил нас сразу своим изумительным видом из окон гостиничного номера. Ощущение, что выдающийся дизайнер придумал некий прибрежный пейзаж и воплотил его для тебя, перед твоим окном. На мой взгляд, с гораздо большей выдумкой, чем миллион, миллион алых роз.

Одну из древнейших традиций создала женщина (теперь – богиня!), придумав здесь легенду о зеркале, которое всегда должно быть с тобой, а она через это зеркало наблюдает, как ты живешь! Со временем это зеркало спрятали за четыре стены в синтоистском храме, и рядовых пропускают за первую стену, за хорошую жертву – за вторую стену, императора – за третью стену, а за 4 стеной живёт сама богиня – зеркало, которое всех и вся видит и сегодня.

На такую легенду, поддерживаемую 20-летней периодичностью строительства нового храма на месте старого (рядом стоит копия), народ хлынул из всех деревень и весей, сложилась паломническая традиция, торговая улица, обряды разного рода. Через всю Японию двигались и движутся сюда паломники, чтобы снять грехи своей жизни.

Интересной показалась история с двумя камнями в океане, которые связали канатом, объявив мужем и женой, а канат – крепкими узлами. Прекрасно отделали в гористом берегу дорожку, вдоль которых несколько синтоистских храмов, где проходят, в том числе, свадебные обряды, венчания! Мы видели! Чинно, красиво, достойно. На фоне заканаченой каменной семьи, множества медных лягушек – символ семейного счастья.

Важно и то, что Иссе – родина искусственного жемчуга. Здесь разработали технологию, здесь его производят, продают, демонстрируют, чествуют создателя – господина Микимото.

Вживляют устрице инородное тело (его производит из ракушек реки Миссисипи!), вживляют малую часть различной ткани из другой ракушки, которая размножаясь, обволакивает Миссисипский камушек.

Ныряльщицы показывают своё искусство, а женщины – искусство тратить деньги на жемчуга и кремы!

Маленький заповедный городок Иссе, а впечатления оставляет большие!

Паломники здесь к зеркалу бредут
Лягушки с камнями брачуют и брачуют,
В награду Иссе жемчуг получил,
Достойная, скажу, награда!

8. Нагоя. Видел только из окна электрички, её груды добротных жилищ, нескончаемый вид промзоны, который и есть сердце и сила города. Пересели с обычной электрички (японской – не русской!) на скоростной синкансен, но и из него то же самое – плотный строй добротных инкубаторских двухэтажек.

Вот и всё о Нагое.
Он просто промелькнул.
Но Антверпен, ведь тоже. А помню!
«То современный город небоскребов», –
Путеводитель это утверждал,
Я же видел море двухэтажек,
По книге Гиннеса, большой,
Огромный, первый в мире
Железнодорожный, так себе, вокзал.

9. Йокогама. Второй после Токио и уже давно слился с ним. Каждый раз, когда проезжали через эту никому невидимую границу, наша гидша захлёбывалась от восторга, отмечая этот факт. Самый большой порт. В этом плане ему соперник только Кобе. Запомнился смешением стилей: японский – везде, евро-

пейский – на набережной, китайский – в Чайна-таун, этот квартал по-китайски наряжен (Дао – буддисты), по-японски чист. Создается впечатление прогулки по сказке.

Забрались на самый высокий небоскрёб в Японии и любовались делами рук человека с этой высоты. Здесь же, в Йокогаме, познакомились с пивной маркой «Кирин». Пивной завод не только познакомил с процессом производства пива, но и налил по несколько кружек свежего светлого и тёмного. Всё было хорошо, несмотря на дождь, ураган, закрытый для движения мост и землетрясение – уже в отеле.

Йокогама – небоскрёб показал нам множество вертолетных площадок на крыше. Милый, детский вид слабо, но со вкусом оформленной океанской набережной с намывными островами.

Сказочный Чайна – Таун и нереальную скорость производства пива,
Диво, да и только, эта Йокогама – диво!

Люди. Вежливость видимая, но не показная, чистота врождённая, глубоко внутри сидящая, никакой кичливости, какая-то несовместимая на первый взгляд в характере «сакурность» и «сад камней», соединение скромности с яркостью, заметно уважение к себе, любовь к стране, двойной патриотизм: японистость с американизацией.

Динамику изменения за последние годы, на мой взгляд, лучше всего выразила наша «нетрадиционная» (жёсткая) гидша: прежнее поколение стремилось сделать карьеру и стать богатым, нынешнее поколение хочет спокойно работать и быть счастливым.

Заметно, что в среднем семья состоит из 2,1 человека, т.е. мало детей и много одиноких. Такой всюду царящей чистоты не видел нигде в мире. Они не умеют сорить, но умеют подбирать себе в сумочку любой мусор, который увидят у себя на пути! Невозможно представить, чтобы тебя обсчитали, обманули, обокрали, но могут быть очень жесткими, даже жестокими, если нарушаешь порядок ты. Уважают традиции и с удовольствием их чтят, особенно, если это касается праздничных ритуалов. С каким упоением японцы гуляют, не в смысле прогуливаются, а в смысле «квасят» в саду Уэно вдоль сакурной аллеи! В праздник цветущей сакуры люди расслабляются, становятся нежнее, наивнее, можно сказать, сознательно впадают в детство, а у них это так естественно получается! В целом, некрасивая нация красивых людей! Искреннее желание оказать тебе какую-то услугу, ответить на вопрос. Готовы проводить тебя до того места, с которого ясно, что дальше ты и «сам с усам». Чудеса цивилизации здесь на каждом шагу и всегда очень к месту: от многофункциональных туалетов до такси с самооткрывающимися дверями, от захватывающих вагонов и системы доставки к ним до сверхскоростных лифтов и т.д. и т.п.

Моё неопределённое отношение к японцам изменилось: нация, достойная уважения, глубокая до таких высот, что легко переходит к наиву, к ощущению радости и счастья бытия, нация, в которой есть прочный стержень, безоговорочность в выполнении приказа при строгом и скептическом обсуждении этих приказов потом, после их выполнения.

Ещё раз о врождённой чистоте. Врождённая, приобретённая. В школе нет уборщиц. Всё убирают ученики, за халяву – строгие взыскания.

События. Бродили по ночному Токио каждый день. Есть и пьяные, есть и нищие, но они так редки, что являются, скорее, украшением (для разнообразия), чем уродством. Три раза подряд пытались попасть на рыбный аукцион. Третий раз – попали. Это аукцион по продаже тунца. Покупатели ходят, заглядывают под хвост тунцу, потом под звук колокола происходит стремительное действие, когда один что-то кричит, другие показывают что-то на пальцах, третьи что-то записывают. После этого продолжается неспешный процесс заглядывания тунцу под хвост.

Диснейленд и Дисней Си – две рядом расположенные территории, обустроенные сказочными персонажами, аттракционами, строениями. Именно здесь живет сказка. Я с удовольствием искупался в этой ауре, пожил в сказке, исходил её вдоль и поперёк на своих мозолистых ногах. Время от времени это очень полезно человеку любого возраста.

Кажется, впервые путешествуем со старшенькими. Так получилось, что пока Алёнка росла, было не до путешествий. А когда выросла, ей было уже не до путешествий с нами. Прекрасно сложилось пу-

тешестве. У каждого была нужная в путешествии доля самостоятельности и доля общности. Ксюша была теми дрожжами, которые вносили в поездку ещё и показательный, для будущих поколений, эстафетный смысл. Она молодчина, была с нами и в поездке по Германии – уже сложившийся турист, жаждущий и реализующий: вставать добровольно в три часа ночи при таком режиме ради тунцового аукциона – одно это уже говорит о многом...

Быстро пролетело время. Япония перестала быть «чёрным ящиком». Получилось как-то само собой так, что преклоняясь перед японцами, я стал ещё больше любить русских, любить Родину. Наверное, их патриотизм носит своеобразный вирусный характер.

В поисках хокки:

Токио, пожалуй, изумил
Будущее мира показал.
А где я?

Почему на сердце мило от Киото?
Ведь у гейши не был я в гостях.
В душе свет его фонарей!

Может, и не слышал слова – Нара,
Но сказал – гуляю среди оленей,
Нежусь в храмовой прохладе.

Японские гидши. Всего-то их две:
Одна, как цветок сакуры:
глаза горят, но бестолково,
Другая, как «сад камней».

Моя семья в путешествии по Японии.
Мы с женой, Дима с Алёнкой,
А Ксюша в облаках.

Сад Уэно устал от хокки,
Сакура устала от внимания
А для нас – всё впервые.

Японское чудо – диктатура труда!
И «сбор урожая» со всего мира,
Теперь можно подумать и о счастье!

Весь мир собрался за воротами,
И деликатность бесконечных очередей,
Ну как же хорошо мне от Диснеев!

Зачарован снизу, зачарован сверху,
Зачарован в плане и пространстве
Обилием и разнообразием небоскребов.

Шея женщины!
Она управляет головой!
Нужно было скрестить Иссе с Миссисипи,

Чтобы достойно и её украсить
При слове Йокогама никогда не думал о пиве,
Думал, как красиво звучит.
По-японски!!!
Мало ли о чём я не думал!?

Только сутки был я с Фудзиямой,
Но теперь всё время с ней я сплю!
Не слишком ли? Достоин ли?

А без хокки скажу просто,
Хорошо бы нам в России
По-японски рассуждать
И работать по-японски,

А по-русски лишь гулять!
Вот тогда на просторах
Нашей матушки Руси
Коммунизм бы был построен,
Все бы были богачи!

P.S. Дороги, как дома – в несколько этажей.

Дорогоскрёбы - часто машина, поезд проезжают под окнами энного этажа.

Вокзалы – гиганты, целые страны, побольше Лихтенштейна. При некотором опыте, однако, даже без языка в них не заблудишься.

Про еду японскую можно слагать песни. За каждым приёмом пищи должно быть около 30 разных продуктов! Хозяйки готовят, закладывая в морозильник. Рис для японца как хлеб для русского. Чем больше слипается, тем вкуснее. Едят вперемешку. Нет первого, второго, третьего. Зачем рука потянулась, то и следующее. Школьное питание расписано до калорий на год вперёд и доведено до родителей, чтобы они не дай бог не приготовили то же самое. Японское питание было одним из важнейших событий в поездке: разнообразно, вкусно, всё свежее, даже сырое.

Чистота японцам даётся непросто. Мусор тщательно сортируется, два раза в неделю по часам забирается. Не успел – положил мусор в морозильник.

Вот так и живут японцы.

Как хорошо, что я русский!

Испанские зигзаги. 18.08.2014 г. – 01.10.2014 г.

Растёт семья, усложняются проблемы, рождаются современные методы и приёмы отдыха.

На этот раз в центре оказалась Испания. Не просто Испания, а её помесь из материковой с островной. Но, впрочем, по порядку. Вначале я выступал в качестве деда в течение почти трёх недель на Майорке. Туда, к скалистым берегам Кала Дор отправил меня сын Пётр со снохой и двумя внуками. Настя с Кирой и Улей составили мне незабываемый квартет радости, праздника, улыбок – полноценного отдыха души и тела.

Местечко Кала Дор на Майорке отличается своей скалистостью берегов и наличием глубоких, но узких заливов, которые я называл фьордами. В конце каждого фьорда – пляж с изумительно белым, без примеси пылеватых частиц, песком. При плавании множество рыб окружают тебя, а при наличии с собой хлебushка, они могут запрыгнуть тебе не только на пузо, но и в рот. Кстати, с рыбами у потомственного

рыбака случился казус. Был момент, когда они кинулись грызть меня по-настоящему. На обеих ногах образовались раны, хлещет кровь, я стремглав в панике бегу из моря, и только это спасло меня от полного изжирания. Я вокруг слышал рассказы, что эта привилегия коснулась не только меня. Но, слава богу, не мою свиту. Они и так-то рыб, которые за хлебом бросались мне на брюхо, боялись, как огня!

Пришло время для зигзага. Я сопровождал трансфер семьи Петра на новое место на Майорке. Уж очень Насте хотелось, чтобы Пётр, который должен присоединиться к семье, сделал это не где-нибудь, а в Алькудии и именно в Принц-отеле, где мы этой же компашкой провели три недели прошлым летом.

Трансфер состоялся, и я остался в одиночестве, запрограммированном одиночестве, ведь в это время зигзаги моей семьи развивались где-то и без меня. Жена с внучкой Настей ловила кайф в материковой Испании, округ Валенсия, местечко Бенидорм. Очередной зигзаг согнал их с этого места в испанскую деревню с дачей, где кровати, и те плескались в море.

И вот наконец зигзаг, в котором я тоже стал действующим лицом: по замыслу Маши мы с женой должны были воссоединиться на острове Ибица или Ивиса (читай, как хочешь!). Это как раз между Майоркой и материком. Замысел имел двухмесячную историю, который успешно стал явью. И вот – долгожданная встреча супругов, жаркие поцелуи, туристический раж. Через два часа вся программа глубокого анализа Ибицовчанства (или Ивисовчанства!) с прилегающими островами уже материализовалась в экскурсионные билеты, и началось...

А началось то, что уже многократно повторялось в моей жизни. Утром – встал пораньше, по будильнику и море, а когда упал в кровать – уже 2 часа ночи. Оказывается – иначе на Ивису и нечего плавать. Что же за такой 18-ти часовой рабочий день в течение четырёх суток удалось вобрать? А вот что!

Ивиса – 20х40 км холмистый остров (максимум – около 500 м), покрытый зеленью – соснами. Кстати, «Ивиса» по-гречески – сосна! По берегам, где есть хотя бы намёк на пляжи – отели, отели, отели. Всё для отдыхающих. Всему этому – 50-60 лет от силы. В середине острова – фермерские хозяйства: одиночный дом (белый, кубической архитектуры), окруженный садами, виноградниками.

Кроме Ивисы, еще один городок – Эулавия. Всё остальное – крошечные городки-деревеньки, да пляжно-отельный ландшафт. Промышленность представлена солепромыслом с донашеэровских времён по настоящее время, где и сейчас огромные солеотвалы кристально белого ослепительного цвета. И аэропорт! Ну и морской порт, конечно. Вообще, не так уж мало для крошечной Ивисы!

История богата - греки, римляне, вавилонцы, арабы, вестготы и т.д., и т.п. Переходила из рук в руки, занимаясь своим делом: рыбная ловля, солепромысел, торговля со всем светом. Две ярко выраженные изюминки. Одна изюминка – крепость, обнесенная сохранившейся стеной, внутри которой идёт обычная городская жизнь. Всё пространство застроено. «Сакля на сакле», этажерковый пейзаж, напичканный строениями жилой постройки с традиционным бельём, торчащим изо всех выступов. Крепость видна отовсюду: высота приличная, главенствующая. Вторая изюминка – хиппи-атмосфера. Она кругом расходится от стен крепости по всему старому городу. По-московски, я бы сказал, по всему Китай-городу. Кафе-клубная застройка узких улочек, где к полуночи жизнь только начинается. С уличными похождениями фанатов всех мастей: от битлов до гомосексов. Общий ор, шум, зазывы – индустрия развлечений на всём Китай-пространстве. За этим пространством - современная курортно-отельная атмосфера. Хиппи-атмосфера местами встречается и в других уголках острова. На востоке – хиппи-маркет, по-нашему, «блошиный рынок» из хиппи-товаров хорошего вкуса, не с «блошиной», а с хиппи - обстановкой. Да нудистские пляжи, на которых мы так и не побывали.

Какого цвета Ибица? –
 Спросил бы я себя.
 «Соснового, холмистого,
 Морского, разноцветного,
 Железнокрасноватого,
 С обильем... камыша!»

А запах, вкус у Ибицы
 Почуял ли, познал?
 «Здесь братства вкус
 Без святости. Свободы
 Запах хипповский
 По острову витал».

А что ещё про Ибицу
 Ты детям бы сказал?
 «Почисть себя под Ибицей,
 От жизни, коль устал!»

Устал ты или не устал, это не имеет никакого значения, поскольку туристические тропы уже пошли в сторону Форментеры – очередного острова Болеарских островов (Майорка, Минорка, Ибица, Форментера и ещё несколько сот маленьких первозданных островов). Так вот, Форментера – в 7 раз по площади меньше Ибицы. И что же увидел я там? Можно сказать – ничего, а можно сказать – всё, что вбирает в себя это слово (что оно дословно означает – понятия не имею). Так что ж оно вбирает? Маленькую деревеньку Сан Франциско с крошечной церквушкой, с таким же музеем предметов быта на острове и... халявным гастрономическим изыском от пиццы до творожных коржиков с ибицевским ликёром. Жена была в восторге от халявы и весь тур по Форментере предложила назвать гастрономическим. Может, еще и потому, что форма острова показалась ей похожей на мужские достоинства, которые она в избытке видела в секс-музеях всего мира, не говоря уже о...

На смотровой площадке мы, поедая мороженое, подробно обсудили форму Форментеры, тем более, что весь остров у нас был как на ладони. Находясь на краю острова у маяка на высоте 120 метров, мы наслаждались форментеровским чудом – множеством ящериц цвета морской волны, которые подбегали к нам в поисках воды и пищи: верно, туристы избаловали. Стоя на этом краю острова, почему-то вспоминалась самая западная точка Европы в Португалии, куда в своё время занесла нас судьба.

Юнеско наследил и в Форментере, подобрав нетронутое пространство со времён Адама и Евы. Это оказалась территория старого солепромысла с прилегающими заросшими можжевелевой растительностью участками. Всё это обозвали национальным парком под эгидой Юнеско. Меня впечатлило шумовое оформление национального парка: здесь цикады не стрекочут, а орут как стадо слонов на километровом удалении.

Чтобы угодить жене в её гастрономическом настроении, на пурпурно-белом пляже заказали пазлю на две персоны. До автобуса и перрона уже не шли, а ползли. Такая вот получилась гастрономическая ФорменХера.

Романтическое путешествие, родившееся в Машинном сознании для престарелых родителей, удалось на славу. Мы снова были вынуждены стать молодыми, нам до всего здесь дело, всё хотим пропустить через себя. Мы словно местные ящерицы – во всё суём свой нос, порой даже понимая, что происходит. Последний день, отпущенный нам на Ибицу, мы отдали морю да Китай-городу, что раскинулся вокруг крепостных стен до морского порта, где всё время снуют, шныряют туда-сюда корабли, катера от супергигантов до малявок.

Последний вечер на Ибице! Устроившись за столиком кафе, что на самом бойком углу старого города, мы взахлёб, в течение 4-х часов наблюдали происходящее вокруг. Водоворот людской то замирал, то бурлил, то плескался, захлёбывался и заворачивался в бурунном порыве, то снова замирал уже в обычном броуновском движении. Особое место занимали зазывалы, чьё мастерство здесь отточено до мельчайших нюансов, что, собственно, и определяло успех их работы, который невооружённым взглядом отражался в наполненности заведений. Неподдельный интерес к потенциальной жертве в течение нескольких секунд сменяется к такому же интересу к другой жертве, умение отгадать страну, язык, которым владеет жертва, смена блеска в глазах на безразличие в них и всё мгновенно, по переключателю, встре-

енному внутри профессионала. В общем-то вся Ибица – это сиюминутное притворство некоего прекрасного состояния души, которое не может длиться долго, оно быстро надоедает, утомляет и испытавший его здесь должен быстрее бежать к свойственному состоянию человека. Что мы и делаем – бежим с Ибицы с таким же наслаждением, с которым пребывали в ней!

Бежим с наслаждением... Куда? Дения – городок в Испании, портовый, где недалеко в деревне до сего дня жили Маша с Владом и всем своим семейством. Но именно сегодня они рванули из деревни в городок Вилла Хаёса, что за Бенидормом в 5-10 км, а от Дении – все сто с лишним! Едем на скоростном трамвае, т.е. электричке в 2 вагона, и видим... Видим труд сельского испанца. Возделанная террасами каменная земля, где виноградники, цитрусовые, оливковые. Что брошено, что-то в соку, что-то ещё в молодняке. Ёмкие, содержательные, красноречивые картины из жизни и быта простых испанцев-сельчан.

А в Вилла Хаёса нас ждёт дом на 9 человек с двумя входами, пятиэтажный, шириной в 2 метра. Он – в самом центре рыбацкого квартала, бывшего рыбацкого, а ныне... ныне - я бы в этот уголок заманил Юнеско. Настолько он сохранился, как мне кажется, нетронутым в течение 2-3 веков. Дома - сплошняком, шириною в 2-3 метра, в 2-3 этажа - с узкими улочками, сплошь завешанными бельём и заставленными сидящими, жующими, поющими, ругающимися, играющими и т.д., и т.п. людьми, детьми, кошками, собаками. Говорят все и как-то ухитряются слушать друг друга. В общем, окунулись мы в самое сердце городской провинциальной испанской жизни. Поскольку Маша владеет испанским, то мы даже знаем, о чём вопят испанцы.

Где-то к полночи мы вытаскиваем стол на улицу шириной в 2 метра, по которой время от времени ходят машины, и кайфуем в ночной прохладе за разговором с Тинто де верано и текилой, конечно.

Маша находит силы улыбаться, читать морали старшей, совать сиськи младшей, успокаивать и подтирать сопли и попу средней. При этом рада очень совместному семейному отдыху. Влад, как истинный хозяин большого семейства, затыкает то и дело возникающие дыры, пытается даже подработать, прихватив заказы из отчизны.

Вечереет. Всё просыпается после сиесты. Воздух улицы, пропитанный морем, вековой пылью и дремучестью домов и дорог, испражнениями, жизнью, энергией детворы, разговорами взрослых и молчаливыми взглядами стариков действует как-то по-особенному, создавая атмосферу нищеты, свободы действий, здорового пофигизма к проблемам мира, страны, да и собственным проблемам. Душа и тело отдыхают, а, может быть, наконец-то живут настоящей, не напряженной, послесиестовой жизнью.

А тут ещё в эту атмосферу ворвались свальбардовцы, северные люди: Вова со своей шведской девушкой по имени Сигне! Жена сразу забралась на десятое небо, да так на нём и пребывала до конца отпуска. Пару правильно назвать голубками. Они постоянно ворковали между собой на своём голубином языке, а когда к ним присоединялись Маша с Владом, то мне казалось, что я в двойном кольце: внешнем – испанском и внутреннем, том самом англо-голубином. «Драматик театро», который постоянно возникал вокруг детей, часто сменялся взрывами хохота в нашей таверне – на первом этаже нашей двухметровой кельи. Скандинавская тематика, понятно возникающая сама собой, связанная с интервью Сигне, их шуточного венчания попом Петровичем сменялась рыбными блюдами с местного рыбацкого рынка, кофе, бутербродами – в общем, вполне домашней обстановкой, царившей у нас в старом рыбацком посёлке Виле Хаёса.

Жизнь в этом посёлке протекала не над окнами даже, а прямо в тех же комнатах, где обитали и мы, поскольку всё-всё, от удара по мячу, от стрекача машинки при стрижке цыганской головы, от звука метлы, отодвигающей мусор от чьей-то двери к нашей и до брызг из грязной лужи от проезжающей машины, разлетающихся по нашей кухне-столовой – всё это было слышно, видно, ощутимо, вызывая определённую реакцию. У меня, например, – полный восторг. Я наконец-то почувствовал Испанию, она вошла в мои глаза, уши, печёнку, селезёнку.

А между тем отдых, отпуск на море в Испании подходит к концу. Всё удалось, всё состоялось. И тёплое море, и комфортная погода, и домашняя обстановка, и помощь детям с внуками, и бережное отношение не только жены, но и всех окружающих к моим габаритам и годам, цыганский шарм, и даже чтиво, которому я отдавался любую свободную минуту.

Прощай, счастливое время в Испании. Здравствуй, любимая Россия. Я соскучился, я жду встречи с тобой и всем близким, что я оставил, что ждёт меня.

Испанские зигзаги завершились прямой линией полёта Аликанте–Москва!

P.S. Сдал рукопись издателю, но получил замечания, которые с удовольствием принимаю и исправляю. Оказывается, в рукописи плохо отражены национальные особенности в праздники, когда многолюдная, народная масса ликует, торжествует, бежит куда-то, скачет. Но я этого не видел в отличие от остальных обитателей недвижимости в цыганском квартале. Мне изменил (постарел!!!) туристский дух, и я пропустил, не прочухал местный праздник святого Михаила, о котором говорила Маша. В результате они были свидетелями сельской корриды, где бык бегает за всеми, кто оказался в круге его досягаемости. Визг, восторженный крик, неподдельный испуг. А за пределами корриды – народные гуляния с сюрпризами, аттракционами, весельем тех, кто хочет веселиться. А других среди испанцев нет. К чему, к чему, а к веселью испанцы готовы всегда. В любое время я мог петь любые песни в любом месте, и везде мой крик сопровождался доброжелательными улыбками.

Будь счастлива, Испания!

Армянское радио! 15-19 октября 2014 г.

Не часто дарю подарки жене. Ну, на 8-ое марта, на день семьи, на Новый год, просто, когда забредет в голову и, конечно, на день рождения! Покров день для меня почти всегда выливается в Покровские страдания... с романтическим уклоном! В этом году «уклон» был спровоцирован лжесвадьбой моего школьного друга Василия Куранова, который на 50-летие окончания школы, в зарослях лотоса пригласил нас на свадьбу, приговаривая на ухо моей жене: «Будете только Вы и мы!». Лотос, радость встреч с одноклассниками, градус личной встречи и алкоголя сделали свое дело, и наметили на 11 октября свадьбу в Тихорецке «тэт-а-тэт», так сказать! Жена, с присущей ей скромностью, вспомнила, что там и Покров на носу! А раз так, то от Тихорецка рукой подать до Армении, где она еще не была. Поэтому мой подарок жене на этот раз был зачат Василием в лотосе путем, как я уже говорил, шепота в ухо!

У Василия к октябрю градус выветрился, свадьба отложилась, а «осадок» в виде Армении остался! Самолет приземлился в Ереване. Покровские страдания начались!

О чем же поведало нам Армянское радио, называя себя: «Мы маленький, но гордый народ!», «Мы бедный, но гордый народ!», «Мы гордый и вежливый народ!», «Мы гордый и гостеприимный народ!»?

Справедливость этих утверждений мы видели на каждом шагу! В Армении всего около 3 млн. человек. При этом – треть в столице, Ереване. Бедность, как ее не прикрывай, видна повсюду. Она, как бы, зримо сопровождает тебя везде, даже в самых глянцевых местах. Островки богатства окружены океаном бедности, но, слава богу, не нужды! В самой столице повсюду кафешки с посетителями, которые сидят, общаются за скромным убранством стола. Много начато и брошено, начато и не доделано, а когда будет сделано – знает только Бог!

Вежливость – пожалуй, впервые это понятие встречаю не у отдельных людей, а у народа целой страны! Уже в первые дни пребывания в Армении ты ощущаешь комфортность. Тебе комфортно, главным образом, потому, что тебя окружают вежливые, готовые помочь, с тобой пообщаться, люди. Потрясающий эффект распространения вежливости в городском эфире!

Гостеприимство, конечно, лучше всего воспринимаешь через меню: кормили вкусно, на убой, свежатиной! Да здравствует Армения!

И все же главное, что мы увидели здесь – это Армения – маленький, но древний народ! Раскопки, развалины, пещеры – жилища предков, Ноев Ковчег на горах Араратских, артефакты, датированные даже в районе 20 века до нашей эры, убедили меня, что жили-были люди и даже еще нелюди (молодых девушек убивали, поджаривали, съедали) в этих местах очень давно. Плодородная долина, защита гор, вода в реках – почему бы и не жить здесь человеку!

Древний маленький, гордый народ любит акцентировать, что вот здесь найдена самая древняя кожаная туфля (древней, чем в самой Аргентине!), а вот это – самая первая в мире винодавилня, а вот это черепок древнее египетских пирамид. Потрогайте, это остаток от Ноева Ковчега, а вот здесь мы задолго до вас, русских, приняли Христианство (аж, в четвертом веке!). Именно здесь Римлянка Репсимэ отказала нашему царю, и он ее заслужено порубил на части вместе с другими 33-мя девушками, а Григорий, что сидел вот в этой яме 13 лет, устыдил царя и во искупление грехов своих подсказал принять Христианство! И так далее и тому подобное! Исторические факты, археологические находки, замешанные на легендах – все это составило атмосферу приятной сказочности присутствия, причастности и даже участия в формировании корней человечности! Несмотря на то, что я все детали, даже самые значительные, тут же забываю, ловлю себя на мысли, что боюсь пропустить хоть слово экскурсовода, потому что нравится быть в этой атмосфере, которая поднимает тебя из глубины веков мимо твоего настоящего прямо в небесное, божественное. Это не только в Армении, но именно в маленькой, но гордой Армении, где на каждом пяточке можно найти историю, я в этой атмосфере купался с удвоенным удовольствием. А может – старею, становлюсь все ближе к небесам, и такая атмосфера становится все ближе, все доступнее!

Неожиданно прекрасное впечатление оставил Ереван. Центр города небольшой, но своеобразный, со своим армянским лицом. Если за центр принять площадь перед зданием Оперного Театра и само это круглое монументальное здание, окруженное Хачатурянами, авторами Ануша, то радиально от него отходят знаменитый Армянский каскад, пешеходная улица из высотных для Еревана современных строений (жена шепчет – как Роза Хутор в Сочи!). Эта улица заканчивается зданием, похожим на Оперный Театр. То музей, с поющим цветным фонтаном на величественной площади Республики! Она закольцована министерскими зданиями в стиле сталинского ампира. Обращают на себя внимание окружающие Оперный Театр ряды кафе под виноградной сенью с вкрапленными памятниками Бабаджаняна, Родена и др. Кстати, атмосферу добросердечности Еревана в немалой степени создают такого рода скульптурные композиции, разбросанные по городу: Кавказская пленница, Фрунзик Мкртычан с Мимино и еще рядом персонажей, старик, продающий цветы и много еще чего в таком же духе. Но хватит деталей Еревана! Общее впечатление: розовый город из местного камня, монументальная архитектура – следствие сейсмичности местности. Не грязный, но и не вылизанный. Это центр. Во дворы лучше не заходить – слишком давит бедность. Окраины напоминают арабскую неопрятность.

Как ни крути, но все лучшее, что мы видели, сделано на деньги диаспоры. Без диаспоры Армения и сегодня была бы без света, без тепла. В достатке лишь то, что выращивается крестьянами в своих садах и огородах. Армянская диаспора – это сила, это – цемент, что делают нацию народом! Да, Ереван стал для меня сюрпризом. Он располагает к прогулкам, к неспешной размеренности. В центре всюду скамейки – присаживайся и созерцай!

Но кроме сюрпризов в Армении у нас были встречи и с чудесами! Церковь в скале изумительной красоты и мастерства зодчих; храм Гарни, что как будто в вечном полете; место сошествия Христа и т.д. и т.п. Все чудеса в прекрасном состоянии, несмотря на тысячелетия со дня их рождения! Диаспора разбирается в том, куда деньги вкладывает! Чудесен и Севан, который после Ку Ки Кака – самое многоводное из высокогорных озер. С горы, которая совсем недавно была островом, открывается величественный вид. Он всегда впечатляет, если озеро окружено горами. Но как бы ни были великолепны рукотворные творения, им, как правило, все же далеко до нерукотворных! Повсюду незабываемые виды на горы и долины, заставляющие охать и ахать – дух захватывает! Много раз нам открывался и двуглавый Арагат. Впечатление дружной семьи! Одна вершина парит в динамике, в работе (хозяин!). Другая больше открыта, как бы кокетничает с главою (хозяйка!).

Гора горою, а коньяк коньяком! Впервые на коньячном заводе, на дегустации коньяка! Вспомнились дегустации вин в Масандре, Абрау Дюрсо, под Будапештом, Порто, на Рейне, в Швейцарии, долине Луары, у Депардьё, Франкурте-на-Майне и др. Но там вина, шампанское, кольвадос. А здесь – коньяк! Решено – в Москве пьем только Армянский коньяк. И так после каждой дегустации! Не обошлось в Армении и без дегустации вина, но это конечно, не на древнем Шустовском коньячном заводе, а в какой-то недостроенной забегаловке.

Не могу не сказать о жратве. Обычно, она меня не задевает. Ну, поел и поел, какая разница: сыт, готов к новым путешествиям! Но здесь – даже не ритуал, а какое-то священнодействие! Зелень, от которой запах краше запаха лучших сортов французских духов, 2-3 салата в инсталированной специальной посуде, будто бы передающей вкус прямо на твои соответствующие рецепторы, и ты уже глотаешь слюни только при взгляде на стол! Невозможно оторвать себя от этой салатной вакханалии, хоть ты знаешь о последующем грибном субчике из ароматных белых грибов, о свежем мясе, от которого даже закоренелые вегетарианцы в восторге, да с картошечкой, от которой идет амбре, вызывающее все новые и новые желания! И, конечно, долма! Точно такая, как смачно ее представил Мкрытычан в фильме «Мимино»... Надо ставить точку – живот лопнет! Ан, нет! Наоборот – юношеская легкость в теле!

И все же точку ставить надо! Я приеду сюда еще Ереван, Армения! Тебе не просто – проблемы с соседями: Турция, Азербайджан. Неужели только поэтому мы дружим государствами? Как-то так получается, что у кого есть враги, тем мы друзья. Я твой друг, Армения! Здесь почти все говорят по-русски, да и жена довольна! Значит, подарок понравился! Особенно ей понравилось изречение Черчиля при бочках с коньяком: секрет моего долголетия – сигара, никакого спорта и бутылка Армянского коньяка в день! Секрет Черчиля пришелся и мне ко двору: забыл в Армении про лекарства, которые уже 20 лет пью. Вспомнил о них только когда стали паковать чемоданы. Свадебное путешествие в Покров в честь моего друга Василия и моей возлюбленной удалось на славу! Об этом и сообщает Армянское радио!

Армянское радио спрашивает:

«Какая связь между школой

И знакомством с Ереваном?»

Чтобы найти ответ,

Надо прочитать этот памфлет.

Ах, ты уже прочитал?

А ответ, ответ узнал?

В районном центре Красный Яр –
 Не ярмарка, не скачки, не пожар,
 А сбор давно почтеннейших старперов,
 Уже полсотни после школы лет
 Все бороздят и бороздят Российские просторы.
 Здесь к месту больше чем 100 грамм,
 А значит песня, шум, душевный гам.

На море лотоса рыбацкая уха,
 И раскрывается Василия душа!
 Он шепчет той, что рядом с ним:
 «Мол, в Тихорецк, а дальше в Ереван летим»
 Все выпито и съедена уха
 И надо корректировать слегка!
 Так мимо Тихорецка в Ереван
 Тот шепот наш отправил караван.

А в караване я и та, что была рядом с ним.
 В таком составе и летим.
 Прости Василий! Ты хотел как лучше,
 А получилось – как всегда!
 Но мы по-прежнему – друзья!
 Тем более – мы оба при своих,

Ведь нам уже не до чужих!

А Ереван? Что Ереван!
Он, как всегда, любит «карман».
То любит он, а я с женой
Ему отдался с головой.

Облазил все, что мог.
Да, армянин немного занемог.
Но старина стоит за ним,
А это корни! Поглядим,
Как дальше сложится судьба!

Гостеприимен, как всегда.
Я все, что видел – описал,
Так что, Василий, ты узнал,
Куда меня, мою жену послал!

И благодарен я тебе
За шепот, что моей жене
Ты в лотосе на ухо ...
И я еще со слухом.

Жаль, что задуманное тобой пока не «квасится»,
Но не все же коту масленица!

Цыганочка с выходом! 6-11 июля 2015 г.

День свадьбы! Этот день, так уж получилось, жена умудрилась сделать особенным!

Сначала она наряжалась в свадебное платье, и мы большой семьей, а я в первую очередь, удовлетворяли ее прихоти под громкое: «Горько!». Потом мы, опять же всем кагалом, выезжали в разные места Москвы или области, типа «Поленово». Далее – индивидуальные туры по России.

И вот те нате – цыганочка с выходом: автобусный тур по Румынии!

Не стану отрицать некоторую случайность «цыганочки». Она вылупилась из Камчатки, куда не удалось купить билеты, из Баку, где в этот момент с ума сошли цены. Деваться было некуда, кроме...Европы, той ее части, в которой мы еще не были. А это Ирландия, Болгария и Румыния!

«А», т.е. Ирландия – упала, «Б», т.е. Болгария – пропала, а вот Румыния – осталась на «трубе»! И тут же сюрприз – летели к цыганочке, а прилетели к ... латыни! Язык у румын – на базе латыни. Ничего общего с цыганщиной, кроме фонетической близости звуков: Ромалы и Румыны. Но румыны – это Валахи, Трансильванцы, Буковинцы. Ромалы (цыгане) – это пакистанцы и индийцы из Кашпира, Джерака и др. В Румынии зарегистрированных цыган всего 2,5%. Так что «цыганочка с выходом» - это не тропа к цыганам, а зажигательное путешествие по части Европы!

И вот он – Богурешти, т.е. Бухарест – сановитый бедный родственник в Евросоюзе! Сановитость его видна в монументальных постройках «Гагбургского» стиля. Они, как правило, мрачно – серые, с изысканными излишествами, с колонами, с множеством ступеней, с куполообразной жестяной крышей. Их не много, но ведь бриллиантов много не бывает! Эта россыпь строений вызывает у меня аналогию с детским восприятием мистера Твистера – знатного министра, мистера Твистера – миллионера. Только не в

карикатурном, а в Черчилевском варианте! Однако смокинг у «Черчиля» несколько измызганного вида. Архитектура основной старой застройки вполне тянет на «смокинг», но вот ее состояние как раз и вызывает ощущение «бедного родственника». Да и вряд ли может быть по другому при европейских ценах и средней заработной плате 450 евро. Есть у Бухареста и лицо Сталинского ампира. Это и прекрасный, широкий, в фонтанах проспект «Чуашеску» с самым большим административным зданием в Европе (уступает лишь Пентагону!), и здание прессы – а-ля Сталинская высотка в масштабе Румынии. Конечно, во многих местах Бухареста массовая застройка – это хрущевки. Но есть и еще одно лицо столицы – современная застройка. Вот она одинакова во всех уголках земли: торговые центры, Макдональдсы и прочая «забегаловная» индустрия. Однако она пока еще в зачаточном, детском состоянии. А до высоток пока дело не дошло.

И все же есть в Будапеште и то, что весьма удивило опытного туриста. Это курортная жизнь в столичном городе! Здесь есть один довольно большой район старого города Липиень (Лейпцигский!), который весь заставлен кафешками и где жизнь бьет со скромным интимным сервисом глубоко за полночь, до утра. Пытался я найти аналог увиденному здесь, и не нашел! Только в курортных городках типа Ибица, Ницца. А здесь большой район столичного города! Как если бы все переулки Арбата превратили в нескончаемое пространство удовольствий от Нового Арбата до Остоженки!

Объехав на втором этаже экскурсионного автобуса все достопримечательности двухмиллионного Бухареста, поехали далее обследовать новизну! Бухарест Бухарестом, но мы, вообще-то, путешествуем по Румынии! Поэтому перед нами, естественно, возникают вопросы типа: «А как сложилась страна, кто такие румыны?». Как говорится, «папы этого ответ помещаю в книжке!». Оказалось, что ни о румынах, ни о Румынии я не имею понятия! По полученным автобусным сведениям современная территория Румынии – это самая восточная европейская часть Римской империи. Римляне здесь были вплоть до развала империи. Поэтому, когда после очередной войны, в данном случае – русско-турецкой, стал возможен очередной передел границ, то появилось новое по названию государство – Румыния, т.е. Римское наследие, Римское потомство, Римские корни! Получается, что прародители Румынии – римляне, а родители – Россия, победившая в войне. В состав Румынии вошли Валахия (Бухарест), Трансильвания (часть Австро-Венгрии), западная Буковина. По сути – это межкарпатье, простирающееся до берегов Черного моря. Итак, румыны – потомки римлян, а все, что было до римлян, румыны предпочли забыть, послать на «хутор». Это их полностью отрезало от мадьяр, молдаван, тем более от цыган!

Но нам интереснее разобраться с современной Румынией! Нелегко, но мы трудностей не боимся, преодолеваем их в 38 градусную жару в автобусе с плохо работающим кондиционером. Данное обстоятельство, кстати, воспринимается либо как должное в этой стране, либо при обслуживании русских. Думаю, оба фактора имеют значение. Румыния – некая прокладка между Восточной и Западной Европой. «Прокладывает» и товары и политику, и искусство от Молдовы и Украины до, практически, Австрии. Поэтому здесь в разное время правили и Римляне, и Австро-Венгры, и Турки, и, конечно, местные князьки. Разные части территории государства принадлежали разным силам в разное время. Сейчас же Румыния любит Карпатами и карпатскими долинами, холмами Трансильвании, долиной реки Прахове, что раскинулась от Бухареста до Карпат! Это то, что мы видели. Слышали про устье Дуная, что сродни устью Волги множеством птиц, рыбы, зарослей и русских староверов. Они обосновались там, убегая от революционного котла на родине. Теперь комфортно прибывают в плавнях среди природного естества.

Удивили меня достопримечательности Румынии вне Бухареста. Прекрасно сохранились старинные городки, крепости, соборы – православные, католические, протестантские. Путешествие из Бухареста начиналось с территории Влашского княжества, что римляне называли Данией. Городок Торговиште. Здесь сохранился княжеский дворец. Не весь, но руины чудесным образом не мешали, а скорее подчеркивали значимость увиденного! Монастырь Куртя де Арджеш поразил своей мавританской вязью и белизной, захватывающей дух. Вызвал даже ассоциацию с незабвенным Тадж Махалом! Запомнился и переезд через Карпаты озером, в котором купается снег и мы с женой! Она у меня еще та бабушка! Ей по душе пришлось румынская кухня. Не пропускала чербу (суп) ни с фрикадельками, ни с фасолью, ни с овощами. Была не против медальонов из карне де миел (баранины). Но, конечно, вне конкуренции были

белое холодное вино или красное – кровь Дракулы! Любопытно, что румыны о Дракуле почти ничего не знали, пока он не стал героем литературного произведения! Да, это один мало примечательный член династии правителей на территории Румынии. Его дед Михай слыл храбрым, отец Влад значительно расширил владения, а сын отличился только тем, что любил сажать на кол всех подряд! А избранных сажал на кол с золотым наконечником! Так руками английского писателя была создана туриндустрия имени Дракулы в Румынии. Только после выхода романа, ставшего популярным, румыны раскопали - где родился, где крестился, где жил, где убили деда, отца и самого любителя золотых наконечников. Поэтому, почти каждый туристический объект эксплуатирует образ Дракулы на полную катушку. Но кое-что прибилося и к ЮНЕСКО. Это бастионная крепость Альба-Юлия и резиденция лютеранских епископов крепость – церковь Биертран.

На нашем пути, кроме ЮНЕСКО, были замки Корвинов, Пелеш и, конечно, Дракулы! Все они в хорошем экскурсионном состоянии. Но не они определяли общее впечатление от туристической Румынии. Не они, но все же и они! Разнообразие замков, соборов, костелов, которое определяется функциональным назначением, временем создания, размахом, привело к тому, что был неослабевающий интерес. Замки не надоели! Тем более, что где-то мы успели послушать органнй концерт – молебен в сопровождении самого большого органа, где-то оказались на лыжном курорте с бассейном, а также побывали в настоящем, действующем королевском замке, где только сотни картин, витражей, разной росписи по дереву, каждая из которых стоит миллионы евро! Да ладно стоимось! Весь королевский замок Переш как резиденция – дача королей Румынии представляет собой произведение искусств от потолка и до ковров, от лестницы до гравюр и скульптур.

Но все же это локальные объекты. А вот горы, поля, деревеньки, городки – это и есть страна, страна Румыния! Красоту Карпат описывать мне бессмысленно, ибо сказано-пересказано. Скажу лишь, что Карпаты и лес почти всюду близнецы – братья, неразрывны, за исключением, которого мы и не наблюдали, можно сказать. Впечатление от Карпат одно – дух захватывает от их красоты! Поля – это подсолнух, рожь, пшеница, кукуруза. И еще раз кукуруза (мамалыга!), свекла, хмель, виноградники. Есть и выпасы – овцы, коровы. 22 миллиона овец – на каждого румына по барану! Лошадки еще не перевелись, как и ручной труд на полях, вплоть до косы! Но все же малая механизация начинает превалировать.

Удивили села – тоже прокладка между цивилизованной Европой и Россией. Странно для нашего глаза выглядят села в одну-две улицы, но без дворов, без заборов с прилепленными друг к другу домами. Отличаются цыганские бароны: дома в три этажа с 4-5 ярусной крышей, отделанной жестяной вязью. И яркая, аляпистая или серебристая покраска! Почти все городки дышат спокойствием, достаточным убранством. Особенно, Сигишоара, Сибиу, Брашов.

Типаж румын и румынок – микс, всего понемногу. И смуглых, и белых, и черноглазых, и голубоглазых. Не могу в толпе отличить румына от... Все же нет – от немца, англичанина, итальянца, испанца отличу. А вот от русских, болгар, сербов, венгров – вряд ли! Есть у них что-то и от того, и от другого, и от десятого. Не заметил ни вражды, ни особенного дружелюбия к русским. Ощущение такое, что не важна твоя принадлежность к чему-то, а важен ты сам, твоя сущность.

В последний день прощались с Бухарестом, с его парками, с «Елисейскими полями», Домом народов, где отыскивали арт-музей современного искусства. Ощущение пыжущегося, желающего прослыть богатым бедного родственника осталось. Но все же следует признать богатое прошлое Бухареста, современное желание стать современным! А будущее покажет. Сейчас-то он не на основных торговых путях. Нужен ли он будет кому?

Ненароком я заехал не туда,
Не туда, где в шатрах сидят цыгане.
Не сбылась моя детская мечта!
У румын - совсем другое звание.

Они римляне и с гордостью несут

Вот такое не знакомое мне бремя.
С ним давно они жили и живут.
Ну, так что ж – узнаю это племя.

Я облазил, что мог за неделю.
И в Карпатах бродил с облаками,
И в историю свято поверил,
Любовался, что видел глазами.

Пастушок приглянулся с овечьей отарой
Как он связан с ней нитью незримой,
Что подсолнух и солнце – прекрасная пара,
А жена мне казалась безмерно счастливой!

Может быть, вот за этим и ехали,
А куда – небольшая, наверное, разница
В Трансильванию, к цыганам, румынам ли
Лишь счастливой была бы избранница!

Юбилей Пенсионера. 19.11.2015 г. – 24.12.2015 г.

Всякий знает, что пенсионером он становится по соответствующему приказу президента такого-то числа такого-то месяца такого-то года. А вот Пенсионером с большой буквы каждый становится либо по воле обстоятельств, либо по собственной воле.

Я большую букву на звании Пенсионера нарисовал себе по собственной воле!

А что это за тип – Пенсионер по собственной воле? Вот необходимые условия, позволяющие пенсионера считать Пенсионером:

- желание отойти от дел;
- есть тыл, в котором найдётся для тебя местечко;
- материальное положение позволяет находиться в этом тылу;
- наличие способности заниматься чем-либо, кроме работы.

Отсутствие любого из этих четырех условий оставляет Вас с маленькой буквой. Конечно, кроме необходимых, нужно чтобы выполнялись ещё некоторые условия, которые мы назовём достаточными для награждения большой буквой Пенсионера:

- желание тех, кто тебе дорог;
- отсутствие «хвостов», которые могут помешать твоему комфорту в новой пенсионной роли.

Каждое из шести условий по-своему важно.

Анализируя свою ситуацию, могу сказать без ложной скромности, что вполне соответствую всем необходимым и достаточным условиям для получения... нет, ношения звания Пенсионера с большой буквы.

Пишу эти строки к моменту посадки, куда бы вы думали – в Сингапур – остров-государство. О нём в своё время.

До этого – пересадка в Катаре, том самом государстве, которое подпитывает ИГИЛ. Неделя, как наши бомбят ИГИЛ всем, что имеют, а мы... в Катаре. Самолёт рухнул, но не наш, а тот наш, который из Египта.

Да, такова правда жизни! А Катар, внешне, спокойное, богатое, улыбочливое в аэропорту государство. Летать на их самолётах – сплошное удовольствие. Я за время 12 часового перелёта вместе с пересадкой не только не устал, а чувствую себя отдохнувшим для взятия достопримечательностей Сингапура!

Что значит психология, туристический дух – все болезни долой!

И вот он – Сингапур, остров-государство. Одно из чудес света – экономических чудес! А причина-то чуда – на поверхности.

До второй мировой – Британская Колония, а с 1959 года – независимое государство с главой Ли Куан Ю. Его династия правит до сих пор! Повезло с монархом – в этом и есть главная причина чуда!

Да, президент избирается, да – парламент избирается, но Ли Куан Ю и его династия всегда побеждают. Эффект Лукашенко от Ли Куан Ю!

Китайцы, индийцы, малайцы, арабы и пр. живут в 5 млн. городе-государстве, нищета в прошлом. Сплошная компьютеризация на каждом шагу. Что принесло богатство? Каучук и орхидеи, что мы зрили в Ботаническом саду. Это, конечно, плюс к мудрому руководству! Накопили и вложили в морской порт и аэропорт, и с них кормятся и напрямую, и косвенно - через туризм. Ещё прибыль и её вложили в создание индустрии развлечений! Из малярийного острова сделан парк развлечений. Сюда полностью переехал Голливуд! Один в один он обосновался здесь как в Лос Анжелесе.

Парк бабочек, океанариум, казино, рестораны, бары, праздничный размах, лазерное шоу, зоопарк с речным и ночным сафари и... наконец – Мериан Бей! Так называется залив в месте впадения реки Сингапур в океан. По красоте воздействия на человека, а точнее, «человеков» я бы обязательно поместил это место на одну из лидирующих позиций в списке ЮНЕСКО. Берега залива и реки связаны причудливыми мостами современной (формула ДНК!) и классической архитектуры. Они образуют многоярусную причудливую ажурность! Да, именно так хочется сказать – ажурность. И не только мостов, но и плавучих островов, снующих величаво жёнок с обомлевшими от красоты созерцателей, людьми набережных и кафешек, даже сцены театра Китайской оперы и непрекращающихся представлений на ней. Венцом этой захватывающей картины, фон которой создают не только вода, но и высоты, которые воспринимаются не как высотные здания, а как символ мощи, красоты, устремляющей вас в небо, поражающей своим разнообразием и вкусом. Этот Сингапурский фен-шуй заставил нас отказаться от всего плотского ради того душевного состояния, которое мы испытали, глядя на всё это от символа Сингапура – Милана: Льва с рыбьим хвостом, который здесь и в оригинале, и в копии многократно повторяется на суше и воде. И даже в этой невообразимой красоте есть яркий лидер, притягивающий к себе взгляды как магнит – это ансамбль Мериан Бей, состоящий из трёх столбов, над которыми будто парит огромный корабль. Нос корабля представляет собой гигантскую смотровую площадку, а корпус – пленительные тропические рощи с палубой из водной глади бассейна с, будто бы, не желающей покидать своё место воды.

Лазерное шоу, исходящее из этого ансамбля, довершает апофеоз созданного человеком чуда – Чуда Ее Величества Красоты, захватывающей, завораживающей и устремляющей Вас в божеские высоты.

Всем этим мы наслаждались два вечера подряд, а до этого – тенистые и мягкие красоты Ботанического сада с его неподкупной архидеевой красотой, речные и ночные сафари в зоопарке, изумительной красоты сады у залива, где господствуют ансамбли садового и архитектурного искусства. Всё это, а также китайский, индусский, малайский, арабский и перинаканский кварталы, площади с фонтанами, чистота и величавость сингапурцев – вот что увезли мы с собой... в Австралию.

Австралия! Это слово будоражило нас многие годы. Почему-то рвались в Австралию, на этот, по слухам, зелёный континент, где по улицам прыгают кенгуру, как коровы в Индии.

Первая наша остановка – в Дарвине, но буквально на час. И маленький городок Дарвин с его знаменитым парком «Какаду» остались позади и непознанными.

Но вскоре – Кернс с его Барьерным рифом... К нашему изумлению перед нами предстал аккуратенький двухэтажный городок, который за один час можно пройти пешком вдоль и поперёк.

После Сингапура – это как удар молнии с уменьшительным эффектом. Вскоре, однако, мы поняли всю прелесть этого удивительного комфортного для жизни и отдыха городка. Сердцем города является Эспланада – многофункциональная набережная, с прогулочной приокеанской дорожкой, широкой зелёной

зоной с удивительно демократической атмосферой, где лежат, сидят, жарят что-то типа шашлыков и всё это так просто, автономно и вместе с тем ощущение большой компании не оставляет тебя, хотя ты просто глазеешь на всё это. И, наконец, зона кафешек, где респектабельность и дресс код уже гораздо уместнее, хотя и не требуются. Венцом Эспланады с одной стороны является лагуна – большой бассейн специального типа, где плещатся все кому не лень – и негр преклонных годов, и детишки, и молодежь, разыгрывая «Чапайные» схватки. С другой стороны Эспланады – площадки, спортивные площадки для всего-всего: тенниса, скейтбордов, велобордов, волейбола и т.д. и т.п.

По Эспланаде можно гулять целыми днями и не будет скучно. Но у нас для этого – только вечера. Ведь весь этот уютный Кернс обязан своему существованию Большому Барьерному Рифу (ББР), который и нас занёс сюда, в этот самый приятный во всех отношениях Кернс.

Два дня мы посвятили изучению Большого Барьерного рифа: у острова Фицрой и острова Зелёный. Зелёный – близко к Кернсу, Фицрой – много дальше.

Сами острова представляют собой небольшие клочки земли 2-5 км², точнее – не земли, а непроходимых джунглей, в которых ради туристов отвоёваны небольшие пространства, отделанные в соответствии с требованиями современного туризма. А что же такое ББР?

Ну, во-первых, подтверждаю (если кому-то нужно моё подтверждение), что он Большой, протянувшийся на тысячи километров. Во-вторых, он барьерный. Мелководье, пузо, особенно, моё так и норовит отшлифовать очередной коралл. И, наконец, он Риф – коралловый Риф. Во всём этом мы с женой лично удостоверились, посвящая сноркингу все 100% отведённого времени.

Усталые и довольные мы делились своими совпадающими впечатлениями, а именно: по живописности кораллов он уступает Красному морю; по многообразию рыб и разной нечисти в виде мурен, осьминогов, акул, черепах – уступает Мальдивам; по наличию полезных ископаемых в виде лангустов, ракушек – уступает Кубе. Правда, насчёт ракушек – это ещё вопрос. Думаю, что если поплавать по той части ББР, где «не ступала нога человека», то там ракушек разных сортов да и другой живности будет много больше. Но и здесь мы видели ракушки такого размера, что в одну половину этой ракушки запросто уместится полностью всё содержимое гигантского ювелирного магазина.

За два дня исследования ББР мы испытали всю гамму чувств: от полного разочарования, до восторга. «Средняя температура по больнице» выдаёт – да, сюда стоило стремиться, чтобы увидеть всё собственными глазами. Если Кернс – маленький городок, прижатый горами и джунглями к океану, расположенный в долине устья реки, то вокруг на сотни километров – одни джунгли, зелёное пространство, зелёный континент без признака человеческого жилища. И лишь в одном месте, именуемом Куранда – сохранилось местечко, где когда-то жили аборигены. Под этой маркой валит сюда народ, но ни старой деревни, ни аборигенов здесь не находит.

А находит туриндурию, разбавленную бабочками, попугаями и вызывающими умиление коалами да кенгурушками. Раскрашенные аборигены лишь встречают вас на старом-старом поезде, ударяя в бубны. Поезд везёт своих пассажиров из Кернса в Куранду с неистовым скрипом, что вызывает у кого-то веселье, у кого-то - страх.

Обратно добираемся по канатной дороге, длиною около 8 км. Живописная панорама разнообразна водопадами, ущельями, речками и совсем не утомляет однообразием джунглей, откуда то и дело слышатся крики её обитателей.

В Кернсе жара 30⁰С, но жить можно, не то, что в Сингапуре, где ещё и влажность 100%.

Но ББР, лагуна и кондиционеры, вместе с прелестью курортного города делают наше пребывание здесь приятным, которое не хочется прерывать. Но надо! Жив еще во мне "курилка" - турист! Мы осилили 2/7 объекта в особом исчислении и отправились покорять 3/7 в Аделаиду! Жена так не хотела покидать жаркий Кернс, на холодную Аделаиду! Но «надо, Федя, надо»!

И вот она, приантарктическая Австралия в виде столицы Южной провинции Аделаиды, т. е. жены короля Вильгельма с этим звучным именем: Аделаида, королева Аделаида! Что же это за дива такая?

За время путешествия мы, конечно, познакомились не только с её внешностью, её формами и нарядами, но и с характером этой интересной южно-австралийской дамы, для которой температурный

минимум +5, а максимум +50С. Вот тебе и антарктическая Австралия. И так во всём при сравнении с Россией. Наши арктические Нарьян-Мар, Оймекон, Тикси и Воркута обзавидовались бы, а может и оскорбились бы сравнением такой Антарктики с их Арктикой.

Всё это я пишу только для того чтобы сказать: нас встретила прекрасная комфортная погода. Мы с удовольствием отдохнули от жары и влажности Сингапура, от 30-ти градусных джунглей Кернса в 20 – 25-ти градусной Аделаиде.

Сегодня здесь первый день лета. Скоро будет 40° С!

Зародилась Аделаида в середине 19 века. Англичанин начертил на карте прямые, пересекающиеся под прямым углом линии, а вокруг этой решётки, которая сейчас называется Сити, он нарисовал парки. Он нарисовал, а мы это увидели в натуре.

Нарисованная решётка превратилась в линии 10 - 20 этажных зданий, имеющих свою собственную архитектуру, совершенно не обращающую внимание ни на своих соседей, ни на несуществующие для этого города общие принципы высотного градостроительства. Одна из улиц Сити назначена пешеходной. Здесь отчетливо проявился характер Аделаиды, а именно: для шопинга своё время и место, для веселья - другое и место, и время.

Нарисованные англичанином парки превратились в обширные зеленые территории, занятые ботаническими садами, зоопарками, в которых раздольно играют свадьбы, стадионами, заполненными до отказа зрителями, когда играют в крикет.

Мы с женой попали на грандиозный праздник: финальный матч на звание, ну, например, чемпиона мира по крикету. В финале играли Австралия и Новая Зеландия. Часа 3-4 длился этот матч, в результате которого мы все же поняли, что со счётом 2:0 выиграла команда Австралии! Хотя за всё время игры мы не только не понимали, что там, на поле, делают, а главное - зачем, почему именно так бегают и стоят рослые мужики, одетые в одинаковые одежды, но даже не понимали кто из них в какой команде!

Зато какой восторг охватил нас, когда все стали обнимать друг друга, а на табло вдруг высветилось Австралия - Новая Зеландия 2:0. Мы были счастливы, что нам хоть что-то стало понятно! Стадион огромный, пиво продают на каждом шагу, все зрители пьют, в том числе, не отходя от своих кресел!

Но не Сити определяет характер Аделаиды. Её сущность состоит из одноэтажных, приземистых, часто похожих друг на друга домиков с крошечной вокруг территорией. И вот эта одноэтажная структура, многократно размножившаяся и разбросанная на огромной территории, и представляет собой сущность южно-австралийской королевы. Есть у королевы и свои привязанности, интимные, так сказать, части.

Вот, например, район Гленел-пляж, раскинувшийся на несколько километров, окруженный современными отелями. Это место явно курортно-отдыхательного типа, центральная улица которого идёт не по набережной, а перпендикулярно ей, как бы продолжение пирса с центром - железной дорогой. Здесь, на этой улице, поезд и сейчас воспринимается как развлекательный элемент для посетителей многочисленных кафешек, с блюдами со всего мира, кроме русской кухни.

В определенной степени к интимностям Аделаиды следует отнести старую немецкую деревню Хандорф. В ней сохранилось все добротное, построенное немцами и переоборудованное в современную туриндурию: шоп-кафе, шоп-кафе!

Пожалуй, и порт Аделаиды я отнесу к её особенностям: он почти полностью сохранился таким, каким был задуман и построен 180 лет назад. Стиль 19 века, а значит и королевы Аделаиды, покорила меня. Прежде всего тем, что если убрать современные автомобили и заменить их каретами с дамами в шляпках и своей изысканной сбруе, то... Это оказалось бы машиной времени, умеющей уносить нас на сотню лет назад.

И речной круиз, который совершал пароход того времени, и дельфины тоже, наверное, оттуда - всё это казалось для меня лучшей иллюстрацией всей истории южно-австралийской королевы. И современные главные туристические маршруты - тоже из её истории. Ведь Аделаида - это самый крупный винодельческий район Австралии. Долина Бароссо вся засажена виноградниками, все заняты виноделием, а все туристы дегустируют вина.

Два вечера мы с женой воздавали хвалу Бароссо за его, идеальный для нас, шипучий Мускато!

Ожерельем Аделаиды является остров Кенгуру, расположенный в 200 километрах, и до которого можно добраться только на пароме. Вначале, когда мы шагали на остров Кенгуру, я был шокирован, вспомнив, что на Австралийском севере, в Дарвине, есть остров Какаду, который оказывается, назван не в честь попугаев, а просто переделка из близко звучащего слова (например, попадьё!).

Проездив много часов по острову Кенгуру, я так и не встретил кенгуру! Да, это прекрасный остров, на котором пастбище морских львов, распластанных на песчаном пляже, морских котиков, веселящихся в адмиральской арке, сделанной океанической природой, океанических исполинов, будто рассыпанных гигантом по лысому отрогу в океан.

Здесь и коалы, висящие на деревьях как птицы. Да ещё со своими детёнышами. Даже змеи полутораметровой длины, откуда-то взявшиеся около моих ног. А вот кенгуру - нет. Но вот счастье: увидели трёх лежащих под кустом. Все туристы кинулись фотографировать их, окружили с фотоаппаратами разных стран и лицами разных народностей. Только потом я увидел мирно пасущихся кенгуру на полях вместе с овцами. Во мне успокоился бес, и я сумел воспринять и отдать должное Кенгуру - острову. Особенно после купания в океане, которое устроила мне моя жена, и после которого я почувствовал себя снова молодым, полным сил и готовым отправиться в Сидней.

Чуть не забыл, жена сказала, что надо бы отдать должное лесам острова Кенгуру. Так вот, представьте себе цветную капусту, отрезанную от её основы, добавьте к этому шмоток брокколи и увеличьте это в 10-100-1000 раз, то получите заросли национального парка на острове Кенгуру. Да, кстати, этот остров больше, чем всё государство Сингапур. И оно - не сплошь национальный парк. Там живут крестьяне (600 человек!), выращивают зерновые, занимаются животноводством. Множество овец вперемежку с кенгуру. Стада овец и коров мы встречаем на протяжении всех 200 километров от Аделаиды до острова. Вот откуда берутся "украшения" Аделаиды т.е. её богатства.

Прошли, проехали, прочувствовали 3/7 от юбилея. Полетели в 4/7 - Сидней...

Самолёт задерживается, сидим "курим", ждём, отдыхаем, вспоминаем, пишем. О чём? Есть о чём! Кто такие австралийцы не по книгам, а на нашем пути?

Бросается в глаза их внимательность, я бы сказал, исключительная внимательность и вежливость по отношению к нам. Когда мы пытались что-то спросить на чуркестанском языке, человек останавливался, пытался хоть что-то понять, а поняв - радовался как ребёнок и активно отвечал: кто махнёт рукой, кто начертит на бумаге, кто отведёт за ручку! А одни, филиппинцы, проводили нас на автобусную остановку, ждали пока придёт наш автобус, а когда поняли, что автобуса (последнего!) может не быть вообще - ушли и...приехали за нами, отвезли на своей машине в отель на другой конец города в полночь!

Пытаемся понять этот феномен и понимаем, что они... люди, нормальные, не развращенные террористами, врагами, насильниками. Люди, не ведающие, что в мире всё не так как на их континенте.

Как деревня в смысле чистоты помыслов отличается от города, так и Австралия отличается от всего остального мира, откуда австралийцы или их предки сбежали.

Австралия - это международный коктейль, в котором ведущую скрипку играют те же китайцы, малайцы, всякие прилегающие островные люди и те, предки которых уничтожали местных аборигенов, завоеывая для их величества королей и королев эти земли. Вот эти-то «коренники» и поражали жену своим громадным ростом, а часто, и необъятием фигуры, почти сравнимой с моей! Но я тоже был не в тени. Островитяне пытались всё меня фотографировать, а некоторые, обнаглев, даже просили сфотографироваться с ними. Русский медведь здесь в новинку! На удивление, русской речи в Австралии до сих пор мы пока не встречали. Случайно встретили двух не знающих друг друга старика и старушку с русскими корнями. Их родители в революцию бежали в Китай, а потом уже из Китая - в Австралию. Бойкая старушка сожалела, что у нас нет времени с ней выпить, да и вообще бы, хорошо нас затащить к себе жить, а то одна, не с кем русским словом перекинуться. Спасибо, спасает русская церковь, где они - ей подобные молятся, т.е. тусуются. А мужик, попивая пивцо, всё пытался вспоминать русские слова и как-то горько жалел, что общения не получается. Старушка, расставаясь, причитала: «Здесь хорошо, но чужбина: всё вроде бы то да не то! А доживать как-то надо». Эту формулу чужбины я глубоко понял и принял: всё вроде бы то, да не то! Особенно сейчас, когда половина детей уже испытывают это самое то, да не то!

С этими мыслями мы и оказались в Сиднее!

Оказаться-то оказались, но путеводитель потерял, а наши чаяния, что в Сиднее русских много и можно купить путеводитель на русском языке, оказались совсем далеко от истины. Русскую речь за все время слышали 2-3 раза, а о путеводителе на русском в самых крутых магазинах так трясли головой, что она могла оторваться: мол, не было никогда и никогда не будет!

Даже в экскурсионном автобусе, что ходит по центру, из 8 языков русскому не нашлось места. И совсем, конечно, не потому, что не любят Россию, а просто не востребован наш язык – мало нас в Австралии, в том же Сиднее.

Но наш опыт здесь не подвёл. Освоили популярные автобусные экскурсионные маршруты, а затем пропахали город, его Сити пешком, и Сидней... стал родным. В окрестностях Сиднея нам очень понравился курортный городок Менли с его широкими прямыми прямоугольными улицами и набережной, заполненной вещами серфингистов и пляжного волейбола. Этим же привлекателен и Бонди Бич. А вот красные фонари сильно разочаровали жену – никакого намёка на секс и его атрибутику. Нас просветили – всё внутри, в ночных клубах.

Вообще-то элементы фривольности, распушенности, чем в последнее время славится Европа, здесь не в чести. Скорее, некая цивилизованная сдержанность более подходит для характеристики атмосферы Сиднея. Но не в ущерб веселью! В кафе болтают все и во весь голос, с взрывами хохота. Всё это вместе образуют привлекательный Сиднейский коктейль, в котором тебе комфортно, радостно при полном отсутствии страха в незнакомом городе с непонятным языком!

На удивление, даже в полночь город полон жизни. И при этом много людей при дресс коде, словно вышедших с офисной рекламы. Но самая бойкая жизнь – на рыбном базаре. Здесь разделяют, продают, парят, жарят все существующее в морском мире – от огромных тунцов, скатов, акул до микроскопических креветок. Впечатляют огромные крабы, лангусты, омары и множество устриц, конечно. Здесь господствует не чистота и цивилизация, а демократический хаос, одобренный прекрасным настроением от вкусной сытной пищи!

Жар-Птица Сиднея - его побережье, протянувшееся на несколько километров, сохранившее старые верфи в современном варианте, добавив океанариум, кинотеатры 5-7 Д, тысячи кафе, причал для гигантских судов и т.д. и т.п.

Всё это в окружении 40-60 этажных небоскрёбов, уходящих от бухт вглубь города на несколько километров. Венцом приокеанской части Сиднея являются гигантских размеров мост – Харбор Бридж - и великолепное здание оперы на другом конце Круглой бухты. Любому любопытному глазу бросается в глаза, что они, как бы, не существуют отдельно друг от друга, а образуют неразрывную гармоничную пару. Красавица и Чудовище – так я мысленно называл эту пару, имея в виду знаменитый одноименный мюзикл, где под внешностью чудовища бьётся доброе, отзывчивое сердце... Харбор Бридж!

А красавица, как невеста на свадьбе, разглядывается со всех сторон и предстаёт то парусами на ветру, то жемчужной коллекцией ракушек, то стайей дельфинов, разыгравшихся в океане. Блестящие хозяева были у Сиднея. Сохранились старые районы за пределами Сити и отдельные дома внутри Сити, которые полностью демонстрируют Британское происхождение города, его неразрывную архитектурную связь с Англией и Америкой.

Хочу попрощаться с Сиднеем своим общим впечатлением о тебе, такой далёкий всегда и такой близкий сейчас город. Ты заслуживаешь уважения, поклонения, любви. Ты не так душевен, нежен и чувственен как, например, Сингапур. Ты другой, в других, уже указанных измерениях.

Прощай, мой изумительный друг!

Теперь наш дом – 16 этажный красавец корабль Celebrity Solstice на целых две недели. Он отчалил от Круглой бухты Сиднея, разделяющей «Чудовище и красавицу», и направился в открытый океан.

Прощаясь с Сиднеем, с корабля было видно, как отступают небоскрёбы, а красавица опера слилась со своим прекрасным «Чудовищем» образуя уже для нас неразлучную исчезающую пару. Вскоре исчезло всё, кроме океана вокруг. Свои впечатления о корабле и круизной жизни опишу как-нибудь позже. А сейчас – о Мельбурне, к которому через полтора суток причалил наш гигант.

В Мельбурне всемирно известны три объекта: остров пингвинов, великая океанская королевская дорога с 12 апостолами и сам город.

Мы выбрали, конечно, город. И без экскурсии. На самообслуживании, используя туристический драйв и опыт. Дешево и содержательно. О выборе не пожалели, поскольку удалось почувствовать этот прекрасный город как культурную столицу Австралии.

Пишу эти строки в момент отхода корабля. Общая панорама города, насколько глаз хватает, 2-3 этажная добротная постройка с вкраплением в неё 10-12 этажных зданий, нескольких красавцев мостов причудливой формы, а на расстоянии 3-4 км от океана – Сити, небоскрёбный коктейль, ставший принадлежностью многих крупных городов мира. Панорама города не содержит какой-либо изюминки, в отличие от его внутреннего содержания.

А оно, это внутреннее содержание, так и кричит: я – город праздник. На каждом шагу – здание оригинальной архитектуры, которые завораживают взгляд. Рука так и тянется к фотоаппарату. Фотографировать хочется на все 360°. Толпы народа, множество детишек в каких-то бесконечных очередях к забавам, сказкам, ёлкам, новогодним причудам. Множество уличных музыкантов – на каждой из многочисленных улиц Сити. Океанская набережная обрамляет пляжи, речная набережная дышит уютом, несмотря на толпы людей. Покорила площадь, центральная площадь Федерации, представляющая собой наклонное пространство, на котором как-то по детски раскинуты кубики гигантских размеров космической расцветки.

У подножья наклонной плоскости – сцена, на которой музыканты, сменяя друг друга, заполняют музыкой Мельбурнское пространство. Так и кажется, что люди в этом городе не знают, что такое горе, что такое дело. Зато хорошо знают, что такое счастье! Это чувство тем более удивительно, поскольку преобладают в целом темные, серые цвета зданий. А яркие краски, положенные в нужном месте в нужной гамме создают атмосферу праздника, которую подхватывает и умножает людская толпа. Вот эту атмосферу далёкого Мельбурна, который будоражит моё воображение с юности, когда наши олимпийцы блистали своими результатами здесь, и я тогда чувствовал себя причастным ко всем победам и поражениям Родины, я и уношу с собой! Прощай и ты, спортивный, поющий, праздничный Мельбурн. Зовут нас новые дороги!

Да, с Австралийским континентом мы распростились, наверное, навсегда. Какую же Австралию я увезу с собой?

Кенгуру здесь не скачут по улицам
И коалы Вам руки не жмут.
Здесь цивилизная жизнь Австралийская,
Здесь, как всюду, рыбачат и жнут.
Колорит? Да, он местный особенный,
С уважением к тому, что вокруг.
Постоянно живёшь с ощущением,
Что для всех ты товарищ и друг

Здесь, конечно, своя иерархия:
Всеми признанный Сидней – Король!
Ну, а Мельбурн – его Королева.
Есть и дети. Сказать ли? Изволь!

Дочь – я видел! Аделаида!
В парках, в зелени вся, и в цвету.
Кернс – то сын. Он у Рифа хозяин.
Всё семейство в труде и в быту

Умножает богатство Австралии,
Сохраняя её колорит.

И вот эту, такую империю
Здесь в народном коктейле все чтут!

Кличку «оззи» мы здесь недопоняли -
Толь со злостью, а толь с юморком?
Но желанными здесь были всюду мы,
Будто дома везде и во всём.

Говорят, здесь жестоко с погодой,
То зальёт, то пустыней пахнёт.
А для нас всегда было привольно,
Нам везде обеспечен комфорт

Пусть не бегают здесь кенгуру, где попало
И крокодилы лишь в джунглях, наверно, живут
Здесь как в Европе, а это не мало,
Или как в Штатах, как в России мы тут.

Стала мне ближе Австралия дальняя
И расставаясь, желаю тебе
Я лишь добра, и любви, процветания
С тем и осталась ты «оззи» во мне!

Особое впечатление оставило судно, которое стало нашим домом. И не только своими размерами в 16 этажей, длиной в несколько сот метров, безукоризненной белизной и привлекательным внешним видом, от которого дух захватывает.

Самое сильное впечатление от его внутреннего содержания. У нас каюта типа «Стандарт», но этот стандарт много лучше, чем те стандарты, которые мы имели в отелях на суше в разных городах. А про обслуживание и говорить нечего. Достаточно сказать, что только полотенце тебе меняют несколько раз в день!

Кормят непрерывно по типу «шведский стол» из сотни блюд. А ужин, этот ритуал обжорства, стоит особняком. У каждой каюты есть своё время, и есть свой стол, за который ты, при желании, можешь сесть, и тебя оближут со всех сторон. Даже на русском языке, который почти нигде не был слышен. Но в команде, оказывается, есть небольшая в 20 человек (!) русскоговорящая группа. Мы здесь встретили ребят и девчат из Одессы, Кировограда, Иркутска, Челябинска, Москвы, Ялты, Екатеринбурга. Все говорят, что сюда устроились легко при знании английского. Работа – ежедневно и 14 часов. В зависимости от должности от 2 до 5 тыс. \$ в месяц. Но впечатление от ужина не только в «облизывании», но и от самих блюд. Скажу просто: я за 70 лет ничего подобного не ел. Всё тает во рту, изумляя твои рецепторы вкусом, которые от удовольствия приходят в транс и твои лучшие произведения – шашлык, плов, бок кита, кажутся бледными котятками стейков, лямбов, остер, три лечо и пр.

Где бы ты ни оказался, чем бы ни занимался, тебе 100 раз за день предложат что-либо попить, выпить. Последнее – если ты обладатель какой-то там карточки, которую мы в глаза не видели из-за цифрового ряда долларов. А вот развлекают всех одинаково, почти на каждой палубе. Отдельные концерты вечером и в обед в театрах. Да, да – в театрах. Один зал размером с МХАТовский, другой – размером с Табакерку!

Три бассейна: два открытые, один крытый и с десяток джакузи! Прогулочные палубы, игровые автоматы и казино с десятками игровых столов: карты, рулетка, кубики и что-то ещё непонятное не просвещенным, но, уверен, всё, что изобретено в игровом мире.

Люди толпятся в шоп-киосках за часами, сумочками и пр. На корабле мне постоянно казалось, что мир сошёл с ума. Китайцы всё время фотографируются. Любопытно наблюдать за международным коктейлем в танцах. Разнообразие движений в танцах не профессионалов, а всех нас, грешных, завораживает больше, чем безупречность Моисеевского ансамбля! Вот так прожили мы два дня в Тихом океане, перебираясь из Австралии в Новую Зеландию. Самое сложное в этом броске было понять, сколько же сейчас времени. Ведь на корабле всё идёт по расписанию, по времени местному, которое непонятно когда меняется. Вырубали до поры до времени мобильники, но они вскоре стали показывать, почему-то, то норвежское, то американское время. В океане мобильники сходят с ума, а товарищ Вай Фай кусается по ценам! Но мы радовались, что есть, кроме языковой, хоть ещё и такая трудность. Это занимало ум и время, располагало к преодолению трудностей, проблем, без которых человек не умеет жить! Вот в такой корабельной атмосфере мы добрались, наконец, до Новой Зеландии.

Вначале само судно провело экскурсию по Фьёрдам и проливам Новой Зеландии. По узким проливам мы проплыли Новую Зеландию несколько раз поперёк, выходя то с одной, то с другой стороны океана. Мы осматривали с корабля знаменитый Фьёрд Милфорд, где приютился небольшой городок, в который самолёт, а ля кукурузник, приземлялся один за другим. Своё присутствие демонстрировали Елене Владимировне пингвины, киты и прочая морская прелесть. Фьёрды похожи друг на друга и представляют собой различное сочетание горных вершин в пределах 100-500 метров, на некоторых – виден снег, но большинство всё заросло лесом. Это причудливое сочетание горных облесенных вершин, прорезанных каньонами, заливами, фьёрдами создает природные картины, которыми можно любоваться бесконечно, что мы и делали. Умиротворение природой после двухдневного океанского пейзажа как нельзя лучше подходило к встрече с землёй в Новой Зеландии. И вот – первая гавань, первый порт Данидин – городок золотоискателей!

Когда-то его серьёзно охватила золотая лихорадка. Он за 50 лет расцвёл как на дрожжах, а потом – в период первой мировой, процветал за счёт экспорта сельхозпродукции, т.е. баранины, а сейчас переживает не лучшие времена, предупреждает путеводитель. Но, указывает автор, держит хвост пистолетом. Попробуем разглядеть этот хвост и этот пистолет.

Мы оказались на старой железной дороге, которая увезла нас за 6 км за город, а потом вернула обратно. Несомненно, эта дорога осталась от золотодобытчиков, старателей и пригодилась нам, туристам. Да ещё как пригодилась!

Пейзаж – один краше другого. Каждый просится на полотно художнику, поэтому постоянно и непрерывно щёлкают фотоаппаратом. Невозможно описать все завораживающие природные виды, их бесчисленное множество. При каждом повороте головы, при каждом взгляде видишь всё новое, а значит, тоже красивое. Вот раскинулось жёлто-зелёное полотно, уходящее вниз, а вот удивительный мостик для нашего паровозика, который всё перепрыгивает и перепрыгивает через ущелья, вот появилось вдруг зелёное поле, усыпанное белыми пятнами овец, а вот скалы приняли грозный вид, но на их макушке откуда-то взялась лесная шапка.

И это всё на фоне зелёного ковра, который то исчезает, то появляется со всё новыми и новыми орнаментами. И все картины полны прелести, какого-то магнетизма, не позволяющего оторвать глаза. А надо! Ведь новое, невиданное хранит в себе ещё большие прелести. Нет, не могу в словах я передать природной красоты Нью Зеланд в окрестности Данидина. Только скажу ещё, что разнообразие и очень уместное вносят стада коров, лошадей – в пополах и без, альпийские луга, и одинокие могучие деревья на самой вершине горы. Заполнить себя до отказа красотами природы - так вот встречает нас Нью Зеланд! На обратном пути угощались вином и беседой на чуркестанском с калифорнийцами, мичуганцами, которые кричали нам «Путин» и показывали вверх большой палец, а когда я исполнил «Очи чёрные», то рейтинг Путина подскочил до потолка!

Да и сам городок оказался совсем не захолустьем, а приятным курортного типа городком, где жена отыскала-таки самую крутую по книге Гиннеса улицу, сравнила её с Сан-Францисской и поняла, что они разные. В Сан-Франциско на середине улицы цветочная клумба, она короткая и по ней идут машины. А эта длинная как стрела, уходящая ввысь и ни одной машины.

Прочитав эти строки о Новой Зеландии, каждый скажет, что слишком «сопливо». Да, согласен - «сопливо». Но эти «сопли» я с таким упоением глотал всё время пребывания в Данидине!

На радость «антисопливцам» могу сказать, что на пути встречались вырубки леса и их много. Этот лес мы видели в порту, уже приготовленный на экспорт. Иногда это портило природную картину, но видя, как по соседству после вырубок растут молодые деревья, мой рациум говорит: «Одобрямс!».

Нас встречал и провожал Данидин шотландской волынкой. В память о том, что открыли Новую Зеландию шотландцы.

Только-только стали изучать Новую Зеландию, а оказывается пора прощаться. Хорошо ещё, что не со страной, а только с южным островом – холодной частью Нью Зеланд. Новозеландцы везде демонстрируют свою независимость, гордость и исключительность по сравнению с кем-либо. Чаще всего – по сравнению с австралийцами, с «оззи». Но также южные новозеландцы считают себя более интеллигентными, чем северные. На южном острове Нью Зеланд два более-менее заметных города. Это Данидин, где мы уже побывали и Крайстчерч, куда нас занесет сегодня. В этот город мы отправились из порта Акроа – французского уголка Новой Зеландии. Этот городок в своё время заложили французы, но потом, когда майори заключили договор с англичанами, французам пришлось уйти, а городок-то остался и стоит до сих пор! Читт француз, прикрепив знамя Франции в нескольких местах. Говорят, что в этом городе витает дух юга Франции. Никакого духа Ниццы, как и другого юга Франции мы не унюхали, но прелесть, какой-то сказочный природный напев каждого дворика, каждого домика приподнял наше настроение, и без того высокое после экскурсии, на недосягаемую высоту. Правда, здесь была и доля муската из Аделаиды, но эта доля не столь велика по сравнению с картинной благодатью домиков этого крохотного городка с маорийским, как мне кажется, именем – Акроа. Но главным на сегодня была столица юга Нью Зеланд – Крайстчерч. Эта одно-двух этажная, в основном, столица раскинулась на широком пространстве. Так что только на автобусе, да на местном старинном трамвае и можно её обозреть. Это обозрение не вызвало сколь-нибудь замечательных эмоций. Однако стоило нам попасть в Ботанический сад и музей юга Новой Зеландии эмоции, было давшие нам немного отдохнуть, вновь заполнили всё пространство внутри и вне нас. Музей был проникнут такой любовью к родному краю, что это не могло не захватить. Жизнь маори, мир птиц, пингвинов, огромных пауков, скорпионов, океан ракушек, отделавших целую комнату, первые городские улицы, заполненные только что изобретенным велосипедом, который является новинкой в отличии от лошадей, карет, фарфора и прочее, прочее.

Целый зал Леонардо да Винчи с его изобретениями и картинами. На ботанический сад осталось совсем немного времени, но он так впечатлил, в том числе, деревом папоротника (папоротниковые пальмы!), розарием и множеством причудливых гигантских деревьев, каждый из которых в наших краях считался бы чудом. И это всё на нас обрушилось после отличной работы машины времени. Вот мы в крестьянском, фермерском хозяйстве. Мы в долине, окруженной, сколько хватает глаз, горами. В нашем обозрении где-то 200-300 га земли, фермерская земля, на которой пасутся овцы. Они и рядом и так далеко, и так высоко, что кажутся там белыми точками на зелёном фоне. Хозяин демонстрирует нам выучку собак, которые по его сигналу выполняют практическую работу: прогнать овец из такого-то загона, перегнать из загона в загон и всё это на расстояниях, едва видимых глазом. По сигналу свистка с приёмником, вмонтированным в ошейник собаки, они безошибочно, квалифицированно выполняют задание. Завораживающее зрелище работы собак-пастухов, вызывало у нас бурю аплодисментов в адрес хозяина и его псарни из 8-10 собак Шенки в отдельном загоне, как дети в школе.

Особняком показывают стрижку овец.

Это зрелище дорого было мне возвращением в детство.

Я вспомнил, как мы с мамой занимались этим делом. Сначала я сильно отставал от мамы. Но шли годы, я мужал, мама становилась старше, а овец не становилось меньше. Я уже значительно обгонял маму, приводил и стреноживал ей овец, помогал, если свалялась шерсть. Говорили – шерсть не подошла, свалялась, а в этом случае очень трудно стричь. Да стригли-то мы не электромашинками, а специальными ножницами. Так и говорили – бараньи ножницы.

Я уже умел их точить, а когда-то на всю деревню был один мастер по затачиванию ножниц – мой дед Филипп! Вот так в Новой Зеландии я оказался в детстве, в моём родном селе Забузан. Чем не машина времени!?

Но время существует и само по себе без всякой машины.

И вот мы уже на корабле. Жена увлекла меня в танце и мы лихо отплясывали под оркестр молдавских музыкантов. И каково же было моё удивление, когда зеваки, нависшие и наблюдавшие с разных палуб, устроили нам с женой овации. К ней подходили дамы и благодарили за доставленное удовольствие. По глазам видел, что жене это понравилось ничуть не меньше, чем все прелести Новой Зеландии вместе взятые!

Читаю эти строки жене. Всё правильно, чудесно, не преувеличил, но вот про Антарктику забыл! Я тут же схватил ручку и приписал, что Антарктику видел, видел в музее с её освоением, с её миром. Видел и кусок земли в Новой Зеландии, которая ближе всего к Антарктике, к южному полюсу. Как я забыл об Антарктике – ума не приложу. Ведь жена ежечасно вспоминает в Новой Зеландии о сыне Владимире, живущим на Шпицбергене. Особенно её будоражит, когда мой мобильник начинает показывать норвежское время! Оказывается, там приписан наш корабль. И это всё было бы ничего, но как ставить будильник, чтобы успеть на экскурсии? Так и ставим – наугад: то на Новозеландское, то на Норвежское время! Чудеса господние, да и только!

Но пока никуда не опаздывали, благодаря страстному желанию жены быть везде и всегда.

Ещё раз попрощались с Крайстчерчем. Отдам в очередной раз ему должное, хотя бы, за Резерфорда. Вот его дом, точнее его родителей, а идея строения атома ему пришла не здесь, где-то в Европе. Насколько помню школу – в Голландии. Но вот это уж точно не имеет никакого значения. Но его идеи, помню, меня в своё время восхищали даже больше, чем идеи Эйнштейна. Может быть потому, что тогда мне трудно было представить относительность времени, да и энергию подсчитывать через mc^2 немного страшновато было. Это сейчас, держа мобильник в кармане, многое кажется проще, чем в наши школьные годы, когда фурур производил первый трактор на селе!

Так вот, Резерфорд Резерфордом, а сегодня нам покорялась сама столица Новой Зеландии. Веллингтон – штормовая, по путеводителю, столица. Своё лицо и характер она раскрыла нам за день полностью. Находясь на берегу пролива между южным и северным островом, сильный ветер – наиболее характерная погода, т. е. то солнечно, то хмуро, то дождливо, то ураган, то шторм. Здесь наиболее встречающиеся памятники – поваленная тумба, сломанный навес от солнца, вырванное с корнем дерево, покорёженная надпись из металла. И всё это сделано со вкусом, с юмором, с уважением.

Я думал, что Веллингтон разделяет судьбу Кантберри – безликой столицы Австралии. Нет, это, пожалуй, Американский вариант, где Вашингтон имеет своё столичное лицо, хотя город № 1 – Нью-Йорк.

Здесь тоже № 1 – Окленд, но и Веллингтон – вполне Новозеландская жар птица. Центральное здание – Правительства, прозванное ульем, мне больше напоминает Шотландскую башню в виде шахматной ладьи. Оно окружено вполне достойными зданиями парламента. Но не отдельные здания делают лицо города. Лицо города – это многочисленные улицы и улочки, часто идущие под непонятным углом друг к другу и общий уклон к морю в сотню с лишним метров. Этот перепад высот, удачно обыгранный в архитектуре, делает всё близким друг к другу, одним над другим и всегда разным под разным углом зрения. В своем пешем походе нам удалось посетить скромный, но достойный Ботанический сад с блестящим розарием некой леди, площадь у гавани, обыгранную в стиле модерн с элементами ретро из области деревянного судостроения. Эта площадь отличается неожиданными сходами, мостами и современным блеском высотных зданий с международной шоп-индустрией, кафе. Кроме того, бросается в глаза множество спортивных полей, занятых крикетной молодежью. Всё это и составляет современную столицу Новой Зеландии, показавшей нам и солнце, и серость, и оросительную влагу, и проливной дождь на фоне постоянно меняющейся силы ветра. Здесь хорошо людям с мятежным характером. Тогда город и человек гармонируют, составляют гармоничную пару. Тому, кто любит негу – здесь не место! Я это понял даже несколько раньше, чем познакомился с городом. Корабельное облизывание с постоянной жрачкой, шоу, улыбками и улыбочками незаметно парализует волю. На это и рассчитывает тур-оператор! В результате я

согласился отдать деньги за то, чтобы провезли нас по самым плохим дорогам Новой Зеландии!!! И вот мы уже в джипе. Две американские семьи и мы с женой. Везут нас вдоль моря, где мы должны были разглядеть какие-то красоты. Почти всё время красотами были разбросанные по берегу океана и уходящие в него камни, скалы, которые в безчётном количестве видны нам с нашего корабля, где мы сидим в джакузи или плаваем в бассейне, нежмся на солнце и созерцаем их, эти камни, бесплатно. А здесь в тесном джипе нас болтает из стороны в стороны, мы бьёмся головой, пытаемся хоть как-то удержать равновесие за дополнительные деньги, что бы посмотреть на то, о чём говорят, что смотреть нечего. И это три с лишним часа. В конце, правда, дорогу скрасили морские львы, которых мы уже обсмотрелись в Австралии. Но это же Новозеландские львы!

После экскурсии в страну Кин Конга (оказывается, где-то здесь снимался этот фильм) с одиноким маяком и 2-3 десятками морских львов, лизавших ручки Елене Владимировне, у меня сложилось стойкое убеждение, что Новозеландцы – прекрасные ловцы разомлевших от коммунизма круизных пассажиров и с наслаждением болтают их в джипах, чтобы отрезвели немного от неги и вспомнили - какая она жизнь на самом деле!

Жена предложила отпраздновать моё предстоящее рождение, и вчера мы с ней, на ходу, выпили бутылку Москато за «мою большую любовь ко всему, к чему прикасаюсь» – это ее формулировка, но сегодня мы также на ходу «раздавили» еще одну бутылку за «Большого ученого», которым будто бы отмечился я в жизни. Я не возражал против тостов, поскольку вино было вкусным и нежность жены - бесконечно уютной. Под этот аккомпанемент нам даже экскурсия на джипах по камням Новозеландии показалась исключительно романтической, как сами рожицы усатых морских львов. Да еще энтузиазм жены при проведении экскурсии по городу, по путеводителю привели к мысли, что все удалось на славу, и жизнь хороша.

А на корабле жизнь не только хороша, но и с каждым днем все интереснее и неожиданнее.

Во-первых, мы увлеклись ежедневными шоу, которые проходят на корабле. Эти шоу поражают не только разнообразием, но и очень высоким качеством. После, почти каждого шоу, из нас вылетают приблизительно такие слова: «Пугачева отдыхает, Галкину не дотянуться, ВИАГРЕ расти и расти». Нам так кажется, но по реакции изысканной публики, которая в капитанские дни блистает на корабле как на приеме у Обамы; так вот, по реакции этой публики мы чуем, что мы вряд ли ошибаемся в оценке уровня. Да и сами мы не только что с печи слезли! Оказалось, что есть и во-вторых, и в-третьих, и в-четвертых...

Совершенно неожиданно на нас отразились сверх дружеские отношения Китая и СССР в конце сороковых и пятидесятих годов прошлого века. Эти отношения сделали нас с женой кумирами для большой Китайской диаспоры на судне! Столь крепкие, дружеские, любовные даже отношения можно наблюдать только иногда между матерью и детьми, да еще, оказалось, между китайцами и русскими в 2015 году на корабле CEREBRUTI KRUIS.

В результате теплых отношений Мао Цзе Дуна и Сталина мы с женой купались в искристых лучах любви между народами, распевая русские «Подмосковные вечера», «Катюшу» и даже «На позицию девушка провожала бойца». Это с Американцами Китайского происхождения. Вообще-то на корабле, на мой взгляд, не менее 70% американцев и все они – какого-то происхождения. Китайцев из Хьюстона больше всего, русские из Чикаго, много из Калифорнии, еще 25% - Австралийцы и Новозеландцы. Остальные 5% - отовсюду: из Лондона, Дублина, из России – мы одни, хотя на корабле русскоговорящих, вместе с обслуживанием – процентов 5 или даже 10. Ведь с нами по-русски пытались говорить почти все члены бывшего Варшавского Союза - румыны, чехи, поляки, ну и, конечно, молдаване, украинцы, белорусы.

Но все же наиболее часто встречалась сцена, уже до автоматизма отработанная мной. У меня кто-то очень интересуется чем-то, активно спрашивая и разговаривая. Я с любопытством выслушиваю, кивая головой, а потом уверенно говорю: Раша, Москоу, водка, Путин. Собеседник начинает понятливо мотать головой, улыбка проходит через все лицо и ... тут вступает жена, о чем-то знаками и междометиями общая собеседнику, мол, русские по английски – смол, что с нас взять. На этом, как правило, беседы кончаются. Наступает новый этап с новыми лицами и т. д.

Несмотря на это, мы уже со многими знакомы до такой степени, что обязательно здороваемся и

обязательно улыбаемся с неизменным «Хавао».

Ехали мы ехали и, наконец, приехали к аборигенам, коренным жителям маори. Если смешать китаец с негром, то получится рост и цвет маори, а, если еще придать лицу некую лошадность, то будет точно маори.

На воле мы маори пока не встречали. Повезли для осмотра нас в какую-то деревню. Но боже! По дороге такая красота вокруг. Новозеландские леса, состоящие то из пальмового папоротника, то из 50 метровых деревьев каури, обхватом в 10 метров, то из стройных, будто еловых, посадок, то из огромных, прекорявых, ветвистых деревьев, выходящих почкой из одного корня. Баба Яга со своей избушкой обзавидовалась бы, увидев хоть одно такое дерево. А их видимо-невидимо, целые леса. А поля - не только в традиционных барашках, коровках, олешках, но и засаженных киви.

Оказывается, киви растет как виноград, но только лоза его много толще, листва плетьюми лежит на ветках, от которых вверх, почти в поднебесье уходят нити, по которым киви плетется.

Это самое кивистое место на земле, сообщает, гид, но мы ничего из его болтовни не понимаем, а созерцаем, черпая иногда сведения из путеводителя. Если добавить холмистые местности, многочисленность озер, то получится то самое прекрасное, что некогда облюбовали себе умелые мореходы маори и с которых их известный англичанин Кук решил выгнать, присвоив эти земли к английской короне. Впрочем, современные маори не против: поют себе свое крикливое туристам, пугают их рыками, строят рожи, высовывают далеко за подбородок язык, делают свирепый вид.

Представляю себе, как притихли бы Настя с Кирой и как орали от испуга Уля, Света и Аня, увидев это зрелище! Это все происходит на фоне пара, выходящего из земли на большой площади. В долине реки с горячими водами, гейзерами. Какое-то нереальное, будто выдуманные кинорежиссерами зрелище! Здесь люди здороваются и улыбаются, потираясь носами, здесь пища готовится в кастрюлях, без огня, просто, будучи поставлена, на любой камень. К запаху сероводорода быстро привыкаешь, как и к чувству, что ты ходишь, по тому самому тридевятому царству иноземному государству.

Видели мы и термальные источники, выходящие в озера, а не на сушу. Над озером, у берега клочками струился пар, и ощущение уже вареной рыбы в этом озере почему-то некоторое время преследовало меня. Это на том самом озере, на берегу которого вулкан, извергавшийся 150 лет назад, засыпал англо-маорийскую деревеньку, часть из которой откопали и показали нам, проведя по всем раскопанным объектам: хижинам, печкам, черепкам и т.п. Побывав в гостях у Маори, мне показалось, что господь бог, знал, что делал, посылая Кука в одну из красивейших на земле местностей. Образовавшаяся из англичан, маори и других народностей, устремившихся сюда, Новозеландская нация оказалась гармоничной с природой, не загубила, а преумножила ее красоту. Теперь я точно знаю, что 70% дохода каждому Новозеландцу приносят не уникальные объекты этой страны, которых здесь нет, а их любовь к природе, которую они умудрились не испортить.

Вот и едет человек за тридевять земель, чтобы посмотреть на то, что могло бы быть вокруг него, если бы...

Проехав по Новой Зеландии вдоль и поперек, могу утверждать, что природа здесь красива, радует глаз, но куда более однообразна, чем, например, в России.

Наша природа много богаче. Но здесь она в гармонии с обществом, а мы до сих пор все пользуем и пользуем ее. Работница она нам, а не мать родная. Вот и все отличие между русскими и новозеландцами. Но это различие в корне меняет не только атмосферу жизни, но и представление о счастье, смысле жизни на Земле.

Пишу эти строки в конце своего 70-летия. Вступая в свой восьмой десяток, я не сожалею, что родился и вырос в России. Наоборот я рад, что я не островной человек, неразрывно связанный с природой.

У меня за плечами полная противоречий жизнь с этапами:

- выжить, используя природу;
- взять от природы;
- отхватить от природы;
- подумать о природе;

- сохранить природу;
- жить в гармонии с ней.

В разные этапы жизни, я проходил все эти этапы в том или ином объеме: от злостного браконьера до ученого с позицией зеленого. Все у моей Родины впереди. Еще будут люди мира любоваться природой России, не только ее бескрайними просторами, но и изумительными красотами и нескончаемым разнообразием. Спасибо Новой Зеландии за урок! Прощаясь с глубинкой Новой Зеландии, нам удалось не только прогуляться по Новозеландским джунглям с ее громадными каури, папоротниковыми пальмами, раскоряченными особями разных мастей, размеров, листьев, цветов, поражающих своей длиной и толщиной лиан, но насладиться млечным путем... в одной из пещер Новой Зеландии. Звездное небо, т.е. потолок, в полной темноте и могильном холоде пещеры, производят неизгладимые впечатления сказки там, в загробном мире. Этот эффект производит один из паразитов пещеры - светлячки. Но до чего же красиво и неожиданно! Теперь я знаю, откуда черпают осветители свою идею потустороннего и космического: из новозеландских пещер.

Ну, а собственно прощение с глубиной Новозеландии произошло в месте, где родилась эта страна. На стрелке, в месте впадения речки Вайнанги в океан, там, где и был подписан исторический документ между вождями маори и англичанами!

Ну что же – достойное, скажу я вам, место выбрал я на Земле, чтобы встретить свое 70-летие! В честь этого события, я имею ввиду рождение новой нации, мы с женой сидя в океано-речной воде во время её отлива, обнажившее ил, в который мы и влипли, осушили бутылку сорокоградусной. И нам так радостно было за новозеландцев и за их нацию!

На этом 5/7 пути закончились, и мы покинули наш гостеприимный негопораждающий корабль. Долой корабельную негу, да здравствует, надеюсь, мозольный, Окленд!

Два дня длилось 6/7 нашего путешествия в этом самом крупном городе Новой Зеландии. И вот он – вердикт. Общий облик города – живописно раскиданные одноэтажки по берегу огромной несуразной бухты уходят в бесконечную даль даже с 60 этажа самой большой башни в южном полушарии. Сити – центр 1км x 1км из 20-30 этажных современных строений, не имеющих какого-либо своеобразия. Не блещет Окленд и достопримечательностями. Музей, собор, зоопарк, океанариум – средненькие. Разве только блестящая партия пингвинов, которые доставили истинное удовольствие своим гордым, то неприступным, то юморным, то нелепым, но всегда вызывающим улыбку, видом.

И все же Окленд умеет обращать на себя внимание, если ты стараешься узнать его поближе. Наша шести часовая пешая прогулка по городу превзошла все ожидания. Начали мы ее от «Сада роз», где с удовольствием любовались розовыми полями, а потом еще с большим удовольствием купались в большом публичном открытом бассейне с морской водой.

Продолжили мы её по улицам Парнел, Бродвей, т.е. в районах, далеких от Сити-центра. Именно здесь Окленд и показал нам свою душу.

Почти каждый дом, квартал заставлял меня щёлкать фотоаппаратом, потому что именно этот, а значит, каждый уголок города захотелось увезти с собой. Какое очаровательное разнообразие прелести рассыпано в этом городе!

С трудом отрывались от одного изумительного вида, как тут же попали в другой, а затем в третий и т.д. Когда мы опомнились от окутавшего нас очарования, то поняли, что топать нам до гостиницы до утра. Пришлось ориентироваться на автобус и, как обычно, нам повезло: автобус довез нас прямо, можно сказать, к крыльцу.

Привлекательна, конечно, и набережная бухты, с её огромными кораблями и бесчисленными яхтами, атмосферой пивной свободы в ритме фиш- маркета. Да и сам рыбный рынок не сродни, конечно, Сиднейскому, но возбудил нас многокилограммовыми омарами, лангустами, крабами, одарил нас морскими салатами, которые долго грели наши души через наши желудки

Пришло время заканчивать свои 6/7. Прощай Окленд. Ты особенный не только щедро разбросанной красотой по большому пространству, но и людьми. Они здесь не белые, не черные, не маори. Они – полинезийцы, особая раса, занимающее своё место среди белых, черных, желтых. Людей с особенного

склада фигуры, цвета кожи, склада души.

За всё время пребывания в Новой Зеландии я ни разу не столкнулся и не наблюдал сцен с намёками на грубость, нетерпимость, заносчивость. Прямо-таки, идеальное общество! Жаль, снабжённое общим бичом больших городов – бомжами, но в терпимых масштабах.

Да, люди, как и, сказочная для нас, природа - это то, что составляет главное богатство этой далекой и какой-то чистой во всех отношениях, Земли.

В качестве послесловия к новозеландским заметкам не могу не отметить внешнюю схожесть маори с моей фигурой. Мужчины у них, как правило, очень толстые, с большими, почти женскими, грудями, как у меня. Единственное отличие состоит в том, что мой живот похож на живот беременной женщины, а у маори он бегемотообразный. Ну и нос – мой горбатый нос придется заменить на толстый и приплюснутый, да и чуть у них чернее кожа. А так – я вполне мог сойти за маори.

И еще – о «Киви». Напомню, так часто называют страну в честь несуразной по виду птицы. Может быть ее в лесах Новозеландии и много, но мы не встречали. Нашли двух – в Оклендском зоопарке, в отделе ночной жизни в лесу. Там мы и разглядывали их. Мне киви напоминали внешним видом ежа, которому заменили иголки на пух, вытянули ножки и приставили вместо рожицы шею, заканчивающуюся той самой ежовой головкой, снабженной длинным клювом.

Видели бы вы выражение лица Елены Владимировна, когда она, наконец, увидела, что искала повсюду в Новой Зеландии. А меня её вид не смутил: киви не птица, а Новая Зеландия не страна, не материк, а островное государство.

Пока всё это записывал, самолёт уже завершил свой 11-часовой перелёт от далёкого, крошечного на глобусе, острова - государева – материка Новая Зеландия в еще более крошечный остров - Гонконг.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что государство Гонконг – и остров Гонконг – не одно и то же. Да и Государства такого – Гонконг – тоже нет.

А что же есть?

Чтобы в этом разобраться, нужен краткий экскурс в истории.

В середине 19 века Китайская империя бойко торговала чаем, различными благовониями через Гонконг, где британские купцы, мореплаватели развозили товар по всем странам и весям. Назад тоже кое-что привозили, в т.ч. опиум. Когда император приказал, запретил опиум в своей стране, то британцам это не понравилось, они стали роптать. Император собрал и сжег тонны их опиума. Тогда-то и разразилась, так называемая, первая опиумная война между Британией и Китаем. В результате император сказал – нате Вам остров Гонконг и отстаньте от меня. Так остров Гонконг стал частью Англии, то есть - Британии.

Шли годы, опиум через о. Гонконг продолжал дурманить китайцев. Император возмутился во второй раз, разразилась вторая опиумная война, в результате которой император испугался, что англичане захватят Пекин и в результате переговоров он отвалил англичанам новые территории, раза в два больше, чем остров Гонконг. Таким образом, образовалась современная провинция Гонконг, как часть Британии, взятая в аренду у Китая на 100 лет. 100 лет прошло в 1997 году, и вот 18 лет тому назад бывшая провинция Британии, стала автономной провинцией Китая. Автономия предполагает полную независимость за исключением внешней политики и военных дел. Вот в эту автономную провинцию Китая – Гонконг мы и прибыли. Пока ехали из аэропорта в гостиницу жена как-то вся съежилась, а когда вошли в номер, вдруг выдала: «ужас». И еще несколько раз повторила: «Ужас! Ужас!». А я? А я был, мягко говоря, обескуражен. Это самые первые впечатления. Как говорится – с чем приехали! А с чем уехали?

Если Новая Зеландия поразила своей невидной природой, прежде всего - растительностью, какой-то чистотой и гармонией, Австралия – деликатным соединением городского, сельского, животного мира и красотой океана, подводного мира, Сингапур – блестящим примером красоты урбанистики в утопающем мире красок и цветов, то Гонконг поразил своим контрастом, гармонией жизни во всех проявлениях: от нищеты до роскоши, от грязи и вони, до ослепительного блеска и чистоты.

Когда-то Нью-Йорк был безусловным лидером небоскрёбов, сейчас Гонконг их имеет в 3-5 раз больше.

Небоскрёбы, как и всё остальное в Гонконге, контрастируют не только и не столько с шанхайчи-

ковой застройкой - её осталось мало, но прежде всего – между собой. Огромное количество блестящих небоскрёбов и не меньшее количество небоскрёбов убогих! Впервые вижу убогие небоскрёбы. Очень похожи на наши пятиэтажки - хрущевки, если их поставить «на попа» и друг на друга! Прибавьте сюда толпы народа на узких тротуарах, мусор, грязь, неистребимую вонь китайского происхождения, и вы получите современный Гонконг. Нет, он не однообразен. Нарисованная мной картина типична, но не везде. Есть уютное местечко – городок Стенли, есть своеобразный рыбацкий городок Абергин, есть живописная бухта, откуда бесподобный внешний вид Гонконга, есть карлики - парки, ипподром, как крупный источник налогов, есть несколько доступных спортивных полей в городе.

И всё же контрасты блеска и нищеты небоскрёбов, уличной грязи и потрясающего убранства фешенебельных магазинов, метро и старый трамвай - основное лицо Гонконга.

Гонконг выдумал себе Бродвей, Тайм-сквер, подражая Манхетену, но сходства не добился никакого. Атмосфера Манхетена и Гонконга отличаются не меньше, чем символы Австралии (Кенгуру) и Новой Зеландии (Киви). Совпадает только толпа, да и не только количеством и интернационалом: китайцев много в Гонконге!

Несмотря на контрасты, а может быть благодаря им, Гонконг мне очень понравился. И, прежде всего своей живописью. Жизнь бьёт ключом – это про Гонконг. Безусловно, экономическое чудо жидется на опиумном фундаменте, заложенном в 19 веке. Это заставило из-за недостатка земли строительство барачных для чернорабочих строить ввысь, т.е. размещать их в небоскрёбах! И вот сейчас мы имеем соседство изумительной красоты небоскрёбов с убожеством рабочих небоскрёбов, которые к тому же со временем стали жутко грязными, завешаны внешне грязным и рваным бельём. Так и живут в Гонконге красота и убожество (рука об руку).

Вдоль растянувшегося и прижатого к бухте города на остров Гонконг ходит трамвай, одна единственная линия, которой больше 100 лет. Вот этот-то трамвайный караван, а они идут один за другим, и стал основным средством (нашего) перемещения по городу.

Со временем нос жены принюхался к китайской грязи, и она уже сменила ужас на просто безразличность. Зато как восхищалась ночным видом Гонконга с другого берега бухты. Ну, вот и всё, прощай разнообразный, бурлящий, контрастный Гонконг. Хорошо, что я здесь был и, надеюсь, больше не буду!

Гонконг изучен, но остался один свободный день. И наш путеводитель скомандовал – вперед в Макао! В Макао? А с чем его едят? И тут оказалось, что Макао – это тоже не город и не государство, и не Китай! Чтобы попасть из Гонконга в Макао нам пришлось проходить паспортный контроль.

И это позволило за час на ракете по океану добраться от Гонконга до Макао! Гонконг и Макао – братья по отцу – Китаю! Но матери у них разные. У Гонконга – Британия, у Макао – Португалия. В Макао даже образовалась новая нация – макауейцы, смесь китайцев с португальцами! И это заметно по лицам макауейцев!

Макао, как и Гонконг, Китай отдал в аренду Португалии, т.е. он был колонией Португалии. Сейчас аренда закончилась, и Макао снова стал китайским, но с тем же особым статусом, как и Гонконг!

Но судьба у сводных братьев сложилась по разному. Старший брат – Гонконг имеет гораздо более удобную бухту, поэтому он был богаче и рос быстрее Макао. Когда Макао понял это, понял, что в торговом деле брат-конкурент его «сожрёт», то стал искать выход – жить-то хочется и хочется хорошо жить. И надумал он ещё в середине 19 века, чтобы не конкурировать с братом, заняться вместо торговли опиумом – игорным бизнесом.

И вот посмотрите, к чему это привело.

Лучше всего послушайте аудиозапись Елены Владимировны!

«Ах, ух, боже, дух захватывает» и т.д. в том же духе. Сравните с аудиозаписью по прибытии в Гонконг, и вам многое станет ясно! Много повидал я небоскрёбов, но небоскрёбы Макао – это чудо из чудес, это не 21 век. Как минимум – 22ой.

Причудливые формы зданий в виде цветов, корон, башен и т.д. и т.п. неопикуемой отделки золотом, серебром, драгоценными камнями при бесконечно разнообразных формах подъездов и блеске всего и вся вокруг. Это лишь малая толика того, что приводит тебя в восторг! Мало сказать, что я был изумлён,

поражён – я был восхищён величиим человеческого гения, способного при неограниченных бабках выдумать такое. Как муравей восхищается человеком, так и я восторгаюсь архитектурой этого прекрасного города. Поющие фонтаны, широченные проспекты, нереальные блески серебра, золота, огня. И это не придавило меня. Муравьём я себя не чувствовал, а почувствовал внутренний полёт и торжество разума человеческого!

Однако разума я не потерял! Я видел, как на другом клочке земли, отгороженном невидимой границей, живет другой город из таких же «чернорабочих» небоскрёбов, как и в Гонконге. Здесь, в отличие от Гонконга, блеск и нищета не живут рядом, а отделены друг от друга той самой невидимой границей.

Игорный бизнес победил опиумный. Уж больно рьяно человечество ополчилось на опиум, а игра – она есть игра! Пожалуйста, «просаживай» свои бабки, каким бы путем они не были нажиты. Сумасшедшие деньги, которые по разным причинам падают на избранных, продаются за азарт воротилам казино. Мы облазили лучшие казино Макао, и видели огромное количество людей, прожигающих наживное и награбленное в роскошной ауре Макао!

Макао – достойный финал нашего путешествия. Профессор ошибся, считая, что отправился в путешествие с семью этапами. Макао оказался восьмым. Так что мы перевыполнили наш план, вместо 7/7 получили 8/7 Достойное вознаграждение за туристический 24 часовой стодневный марафон в течение 36 суток и отощавший кошелёк!

Быть может, неразумно это
Детей оставить в юбилей.
Поймут меня, я в том уверен!
Труба зовёт! И я за ней,

За трубным звуком путешествий!
Жар птица наша – самолёт,
Где не бывали никогда мы,
Вновь отправляется в полет!

Мелькают дни, и города, и страны!
Вот и экватор. Сингапур!
И ты уже обозреватель
Чудес природы и культур.
Здесь каучук и орхидеи,
С хвостами львы на нас глядят.
И замирает наше сердце -
Красоты выстроились в ряд

В ночных огнях прелестной бухты
В восторге замер, поражён!
Из океана Диснейлендом
Ты вновь красотами сражён.
А вот и Австралийский Кернс -
Барьерный риф! Мечта волнует!
Аборигенная Куранда
Канаткой, поездом балует

Уютный, милый городок
Нас привлекает Эспланадой.
Лагуна нежит и ласкает,
И ощущение – все как надо!

В Аделаиде - кенгуру,
И даже коттики морские,
А виноградные сады!
И вина, знаешь, не плохие.

А вот Сидней совсем другой:
Нас привлекает Круглой Бухтой,
И Харбор-бриджа красотой,
Театром оперным, и: «Ух ты!»

Восторги плещутся вокруг
От красоты той ошалелой!
А Маркет-фиш, а бич-Манли,
А Зоопарк! Всё это дело

Увозишь ты на корабле,
Что держит путь уже на Мельбурн.
А здесь шедевры есть свои,
И жизнь течёт в потоке бурном!

В суете небоскрёбной гуляет народ,
Заряжаясь рождественской сказкой,
На Кубической площади свой «хоровод» -
Одарил нас культурой и лаской!

Покидая Вас «Оззи», не могу не сказать,
Что теперь я ваш друг и вздыхатель.
Все что смог – я вобрал и смогу передать.
Будь же с вами наш общий создатель!

Корабельная нега дала отдохнуть
От забега Россия-Австралия.
Отдышались немного и снова нам в путь:
Перед нами ведь Новозеландия!

Милфорд Саунд. То ли фьерд, то ль пролив.
Здесь пингвины, киты нас встречали.
Киви-птицы, я знал, в изобилии здесь,
Но их, хоть старались, нигде не видали.
Городок Данидин показал новизну:
Здесь природа совсем неземная.
Золотой лихорадки «достался» кусок
В виде поезда! Шёл покоряя,

Он вершины – одну за другой!
Нас сразили красоты далекого края!
Буду помнить восторг не земной
Пока жив на земле или даже её покидая!

А потом городки Акроа и Крайстчерч
Белизной, чистотой нас встречали.
Здесь на ферме хозяин учил стричь овец,
Показал, как собаки овец загоняли.

А вот и столица, городок Веллингтон!
Одарила нас ветром и ливнем.
Это только добавило красок в «наш дом»,
Чтобы лучше восприняли дух сей отчизны.

Корабль был наш дом две недели подряд,
Но пришла нам пора расставаться.
Распрощался он с нами и дальше пошёл
Мы же в Окленде! Надо остаться!

Здесь почти треть всех жителей этой страны
Где до Англии маори жили.
Были мы и у маори где-то в гостях,
По английским кварталам ходили

Всюду здесь необычно, достойно, в цветах
Всюду глаз за красоты цепляется,
Но пора нам, наверное, честь уже знать -
Возвращаться домой полагается.

А Гонконг? Как же мимо лететь!?
Мы туда, в небоскрёбную эту страну
Здесь увидели блеск, грязь и толпы людей
Свет и тьму, свет и тьму, свет и тьму!

Но отдушиной стал Диснейленд старикам -
Снова с радостью в детстве купались!
Милый кукольный рай душу грел и ласкал
С тем с Гонконгом навечно расстались.

Да ещё был Макао, где мир казино.
Здесь богатство и вкус неразлучны.
Это надо всем видеть, хотя бы в кино.
Всё шедевры! Всё с раем созвучно!

.....

Быть может, неразумно это
Детей оставить в юбилей.
Поймут меня! Я в том уверен!
И возвращаюсь к ним скорей!

Декабрь 2015 г.

Путешествие в семью. 25.04.2016 г. – 31.05.2016 г.

Ветры судьбы унесли семью моего сына на другой край земли – в Канаду, в прелестный городок-миллионник Калгари.

И вот, впервые за свою жизнь, я месяц гостил в своей семье, выполняя классические функции деда. Функции отца уже никому не нужны, и они спокойно отправились в пространство созерцания.

Поскольку к этому времени я был уже опытным дедом – всё же шесть внучек! – то выполнение этих обязанностей доставляло мне массу удовольствий. Особенно, если учесть новизну места и жизненного склада, круглые сутки, которые я все мог посвятить своим внукам Кире и Ульяне. Удовольствие, которое я черпал в общении с ними, настолько велико, что я не доверю изложение его перу и бумаге, а оставлю только в своём сердце.

Бумаге же я хочу доверить из этого путешествия в семью только свои впечатления о городе, стране, внутреннему взгляду о путях становления эмигрантских семей в новых для них условиях, об их чаяниях в этот начальный период новой жизни.

Калгари – город в средней части Канады, приблизительно на широте Москвы. Погоду делают как эти обстоятельства, так и высота – около одного километра над уровнем океана. Окружен невысокими горами. Много солнечных дней, нередко – ветрено. В целом – комфортная погода круглый год. Дожди нечасто и безливневые. Две горные речки бегут через город, по берегам, которых шириной около 1 км в каждую сторону идет заповедная зона. Там идет жизнь в естественных, почти диких условиях, т.е. что выросло, то выросло, что высохло, умерло, то и исчезает естественным путем. Это и делает жизнь в этой городской заповедной зоне почти дикой. Почти связано с тем, что в этой зоне проложены пешеходные и велосипедные дорожки, места для отдыха в самых живописных местах на пригорках со скамьями, обращенными в разные стороны. И места для пикников с оборудованными специальными мангалами для барбекю.

Я пишу об этом подробно только потому, что сам убедился в поразительном эффекте: растительный и животный мир не только мирно сосуществует с людским, но и активно положительно взаимодействуют. Нет, не то, что животные подкармливаются людьми – здесь этого нет, не видел никогда, но видел, как любопытно птицам и зверям наблюдать за людьми. Пожалуй, с не меньшим интересом, чем людям за этой прекрасной дикостью. Вот, например, зарисовка вчерашнего вечера, когда внучки уже стали укладываться спать, а я вышел из дома подышать свежим воздухом, прогуляться. Жилые строения наши находятся на высоте порядка 50 м над долиной, где и раскинулась заповедная зона. Гуляю по периметру нашего застроенного холма и вижу недалеко от себя оленя, который с любопытством оглядывает меня, проезжающие машины, проходящих мимо китайцев с собакой, бурно разговаривающих на своем странном, как показалось оленю, языке, и он не от машин, не от собаки, не от меня, который давно и пристально наблюдал за ним, а от этого писклявого языка поскакал через дороги и кустарники к своим сородичам, которые были где-то в километре от него. Я был поражен, что он, давно гуляя в одиночестве, безошибочно определил место положения своего тоже постоянно перемещающегося стада. Вот это нюх! Наблюдение с холма позволяло мне наблюдать бурную жизнь в заповедной зоне в разных её местах под несмолкаемый гомон птиц: уток, гусей, тетеревов, фазанов и еще множества разномастных и более мелких сородичей. Мне показалось, что и зайцы, которые были недалеко от меня на холме, тоже с интересом наблюдали всё это. Я ловил каждое мгновение этой прелести, переживая какой-то благодатный восторг от происходящего вокруг. А ведь я – деревенский, много чего видел из живой природы. Живой, но не дикой в городской среде – в этом, по-видимому, дело.

Я так подробно пишу о дикой природе, которую вижу каждый день по несколько часов, гуляя с внуками и длинноухим бассетом, только потому, что для меня, пожалуй, впервые эти явления происходят вокруг людей, и все живут своей жизнью, обогащая её. Впрочем, я, кажется, об этом уже говорил.

Я много чего видел на свете и, конечно, видел, например в Лос-Анджелесе, в Сан-Франциско, массовую одно-двух этажную застройку в отдельных районах. Но здесь – это, по сути, весь город! Достижения современной цивилизации показывают, что жизнь в отдельном коттедже – это и есть тот иде-

альный образ жизни, к которому должно стремиться человечество. В Калгари это уже достигли.

Разглядывая город с вершины смотровой башни, я видел вокруг лишь лес, в котором расположились домики и проложены дороги, по которым движется транспорт. Вот и весь город, вот и вся архитектура. А с самолёта я совсем не обратил внимания на зелень. Мне показалось – полупустыня. Это так и есть за пределами города. Только здесь не называют полупустыня, а прерии, где несутся стада коров, лошадей. Овец не видел. А центр? Да, есть центр, площадью около квадратного километра. Я назвал его 9×9, т.е. 9 стрит и 9 авеню. Их я все прошел пешком ходом где-то часа за 1,5. Он состоит из построек современной кубично-стеклянной бетонной архитектуры, не представляющей какой-либо культурной ценности, но нельзя не отметить в этом центре какую-то притягательную силу, которая удерживает тебя здесь. Здесь уютно, комфортно, удобно – вот слово, которое точнее всего характеризует мое восприятие центра Калгари. Здесь удобно! Удобно быть, но не жить. Жить, конечно, же лучше за пределами этого квадратного километра.

А люди, общество, общественная жизнь? Кое-что удалось подсмотреть! Во-первых, поражают школы. Нет, не здания. Они такие же одноэтажные с обилием коридоров лабиринтного плана. Поражают пространства при школах. Каждая школа, которую я видел, а их много, имеет пришкольное пространство, как весь центр Калгари 9×9, т.е. порядка квадратного километра! Здесь умещается три полноценных стадиона (бейсбольный, футбольный и регби), детская игровая площадка и легкоатлетическая зона. Зимой, конечно, заливаются каток, хоккейная площадка.

На этом пришкольном пространстве тусуются все желающие, проводятся постоянные какие-то спортивные соревнования, от карапузов до лысых, спортивные кружки, не имеющие или имеющие отношения к данной школе. Как это удалось сделать в реальном плане застройки города – для меня загадка. Но всё это реально существует, и школа является центром спортивного отдыха всего населения. Конечно, в городе есть и специализированные центры спорта, где закрытые ледовые площадки, бассейны, фитнесы, площадки для бадминтона, волейбола, баскетбола и т.д. и т.п. Но это за деньги, а в пришкольном пространстве об этом и речи нет! За месяц моего пребывания в семье я три раза был свидетелем соревнований, в которых участвовала моя шестилетняя внучка Кира. Она бегала кросс, а соревнования, имеющие какой-то общий статус, проводились на площадках при разных школах. Так что с физкультурой, спортом тут просто прекрасно. Хуже дело обстоит с искусством. Да, Кира пытается удержать то, что дала ей Москва – отточенность движений в танцах, но, по-видимому, тщетные потуги эти. Уровень не тот. На весь город – один музей, один театр, да и те не пользуются особым спросом. В этом плане Канада напомнила мне мои же ощущения в путешествии по Финляндии. Там гиды старались каждое лыко в искусстве вставить в строку достижений, и это выглядело жалко. Нечто подобное мне показалось и тут. Несомненный интерес вызывает канадский людской коктейль. Он всерасовый, всемирный: от малазийских островов и азиатско-африканско-арабской закваски до европейцев и латино-американцев. Много китайцев (а где их мало!), вьетнамцев, индийцев, негров.

Забирая Киру из школы, а Ульяну из садика, я видел молодой срез этого людского коктейля. Белых – 15%, негров – 10% и все остальные – 75% желтый микс, который приобретает интернациональная смесь. И это совершенно не мешает детям общаться. Видно, что для них национальность занимает последнее место в выборе друзей и подруг.

Так что – какого цвета будут мои правнуки, не берусь предсказывать. Но это меня мало волнует, поскольку свои интернациональные наклонности я давно знаю, смирился с ними и комфортно с ними сосуществую, а точнее – живу полноценной жизнью, и они мне серьезно помогли на моем жизненном пути.

Уклад жизни у населения я бы назвал не городским, не деревенским, а коттеджным. Да, коттеджный уклад жизни, со своей спецификой 21 века. Высокий уровень благоустройства территории, дорог, коммуникаций - и транспортных и жилищно-коммунальных- не позволяет диктуемый этим уклад жизни называть деревенским. В то же время плотность застройки, населения, спокойствие, тишина, зайцы и многое другое, связанное с этим никак не вяжется с городским укладом. В этом городе я в яви увидел воплощение в жизнь советского лозунга – стереть грани разницы города и деревни. Стёрли, получили

коттеджный уклад, но в Калгари.

В России лозунги остались, но развитие явно идет по другому пути. На вопрос, хорошо ли это, я точно знаю ответ: «Кому как!» Бог нас создал разными и всем нам нравится что-то свое: кому блондинки, кому брюнетки, кому деревня, кому город, а кому – Калгари. Семейству Петра Калгари явно по вкусу. Они, слава Богу, не хаот Москва. Наоборот, плохое уже подзабылось, а хорошее все настойчивее стучится в памяти. Но Калгари их очаровал, как и меня. Но к очарованию быстро привыкаешь, и трудности жизни, как и везде, выступают на первый план в твоих раздумьях, в твоих действиях, в твоём настроении. А здесь главные трудности, как и в большинстве уголков мира, достойная работа, т.е. работа, которая тебе нравится и за которую тебе платят так, чтобы хватало на жизнь. Вот эту-то проблему здесь и сейчас решают дорогие моему сердцу люди. Дай вам бог удачи на этом пути. Я вижу, что на бога, т.е. на случай, они надеются, но сами не плошают – активно обучаются тому, что им поможет найти желанное. Я верю: кто ищет, тот найдет!

Гуляя по Калгарийскому дикому раю, невольно приходят мысли о Родине. А не предатель ли ты и твои дети?

Здесь, в заповедном парке, легко найти ответ на этот вопрос. Если да, то все гуляющие, бегающие, велосипедисты, вежливо здоровающиеся друг другом, предатели, чего не может быть. Я своими глазами вижу, что это прекрасные люди, сливки человечества. Неужели их можно назвать преступниками? Но тогда, что такое родина? Да, это место, где ты родился и вырос, это страна, в которой ты встал на ноги, стал мыслить, это земля-матушка, по которой ты пытаешься найти свой путь, свою судьбу. Такая трактовка Родины стала возможной не только в силу технических, информационных, коммуникационных возможностей человечества, но и в силу выбранного людьми пути развития общества. Магдональдсы, Старбаксы, Дольче Габаны разбрелись по всему миру, и в них работают люди всех стран и национальностей. Я с детства был уверен в правоте Маяковского – мы будем жить единым человеческим общежитием. Так что «предатели-преступники» могут рассматриваться как авангард будущего развития общества на земле. Находясь в течение месяца в Канаде, я часто мурлыкал:

«Над Канадой небо синее,
Меж берёз дождь косые.
Хоть похожа на Россию,
Только всё ж не Россия».

Грусть этой песни совершенно не отражала моего настроения, но что-то щемящее, что есть в ней, почему-то ложилось на сердце. Наверно, потому, что нельзя всё же скрестить Россию с Канадой. Придётся не на словах, а на деле любить и Россию, и Канаду, и Шпицберген, Норвегию, Швецию. Задача достойная. Будем стараться!

Теперь с любовью к Канаде и канадцам проще. Мне очень понравился их активный образ жизни на природе. Не охота или рыбалка, как у нас, а, по сути, стремление активно проводить время на природе не с целью добыть, а с целью «созерцать», радоваться её торжеству. Вдоль всей горной гряды они расположили островки цивилизации, где можно комфортно размещаться в дикой природе. И эти места не пустуют. Это и есть канадский образ жизни. Этот образ жизни эмигранты принимают с удовольствием. Поэтому здесь нет противоречий между жизненными укладами, нет антагонизма между «понаехавшими» и уже прижившимися. Баранов резать на улице и устраивать стрельбу на свадьбах никому не приходит в голову. Будто-бы Новелла Матвеева с канадцев списана: «Живут как хорошие соседи, люди, кони и медведи!»

Пора уезжать! Закончился срок путешествия в семью.

Я провел новый, счастливый период жизни в моём почтенном возрасте. Да ещё и награду получил за это неслыханную! Точнее, подслушанную. Две моих 4^{ex} и 6th летние внучки Ульяна и Кира шёпотом, чтобы их не услышали, говорят между собой. Одна другой: «А знаешь, дедушка завтра уезжает. Вот бы он у нас пожил хоть 100 лет». А другая возражает ей: «Нет, не 100! Вот бы он тыщу лет пожил с нами». Я быстро отошёл от двери, боясь напугать их слезами умиления, которые брызнули из глаз моих: заставила-таки Канада расплакаться русского матёрого мужика!

Желанные, неведанные жемчужины Индокитая. 5-19 марта 2017 г.

В своей жизни немало встречал я достойных, внушающих полное доверие и безмерное уважение людей. Среди них, несомненно, парень из Вьетнама Фан Лынг Там, с которым судьба подарила мне счастье жить в одной комнате в городе Астрахани во время обучения в аспирантуре. Это были 1972-1974г.г., когда я, обучаясь в заочной аспирантуре, работал сельским учителем математики и физики. Фан Лынг Там (я звал его просто Там) был послан из Вьетнама в советскую аспирантуру по специальности «Промышленное рыболовство». Так что в Рыбвтуз он попал не случайно.

Для меня это была легендарная встреча с человеком, который в свои тридцать с лишним лет всю жизнь прожил в джунглях, воюя с врагами отечества, и, в предчувствии победы над американцами, был направлен на учебу в СССР для активного подъема народного хозяйства Вьетнама. При этом он и ни слова не знал по-русски! Любовь к СССР, к жизни, умение решать серьезные жизненные проблемы, стремление сеять добро полностью пронизывали этого человека, были его сущностью. Рядом с ним немислимо было поступать дурно. Он сам был носителем добродетели и этим умел заражать других. Не ожесточила Тама война вместе со своими родителями против французских колонизаторов, американских захватчиков. Он вышел из войны с любовью к жизни, к людям. Это был один из немногих настоящих коммунистов, которые полностью соответствовали уставным принципам партии. Именно, Там помог мне в 1975г. почувствовать значимость момента победы вьетнамцев над американцами с самой неожиданной, непостижимой доселе стороны. «Теперь мы будем помогать Советскому Союзу и покажем вместе преимущества коммунизма над капитализмом!». Эти его слова, слова победителя, проползшего на пузе все джунгли и всю свою жизнь, я не забуду никогда. Голод ничто перед великой идеей, которая забрежжила в виде победы на любимом клочке земли. Этот идеал нравственности не раз останавливал меня от соблазнов потребительства!

И вот через 45 лет после соприкосновением с Коммунистом, с кладезем жизненной мудрости у меня появился шанс побывать у него на Родине и близким ему местам. Самолет приземлился в главном американском городе того времени Сайгоне, который сразу после победы был переименован в Хошимин, по имени вождя Тама в его борьбе за независимость Вьетнама. Но встреча с Родиной Тама пока откладывалась. Наш путь по Индокитаю начинается с Камбоджи, с центра кхмерской культуры Ангкор Вата.

Что Вам сказать, мой друже, Там? Я не забыл, конечно, помню
 Как слушал я, открывши рот про жизнь твою, про непохожесть.
 Про твою мысль, корнями в джунглях, что воспаряла к небесам!
 Ведь коммунистом я остался из восхищенья к Вам, мой друже, Там!

Итак, мы в камбоджийском городке Сиём Реап, т.е. победитель над Сиамом (Тайландом). Этот городок – ближайший населенный пункт к сокровищам кхмерской культуры, к их храмовым комплексам. Окружившая нас экзотика жизни, быта, транспорта, растений и всего, за что цепляет глаз, сразу покорила, придала сил, подняла дух, несколько подувядший в длительном перелете.

Среди блуждающих моторикшей – тук-туков, легких мотоциклов, мопедов, странных повозок, импровизированных, как попало, точек – рынков, среди нарощенских хибар, мелькают шикарные отели в местном стиле, в стиле буддийских храмов в смеси с современной цивилизацией. Даже наш 3-х звездочный отель покорила нас как внутренним, буддийским убранством, так и подстриженной, ухоженной зеленью и плодами манго, бананов, пальм и других смачных тропических изысков. Открытый бассейн, щебет птиц, улыбающийся и беспрерывно кланяющийся отельный персонал, рикша в улыбке, бесплатно возивший нас в другой отель, дабы мы могли освежиться в водной стихии – наш бассейн, видите ли, не вполне «кондишен». Быстро привыкаем к этому, еще недавно существующему лишь в мечтах, и хотим чего-то большего – нате Вам: танцы камбоджийцев!

Особенностью танцев кхмеров является почти полное отсутствие танца как такового в нашем понимании! Вот она, простоявши долгое время неподвижно и кротко глядя на Вас в некоем ожидании, вдруг

извивает свою ручку – то одну, то другую – то ли в позу лебедя, то ли в позу дракона. Вот она подняла, изогнувшись, «заднюю» ножку, представ перед нами странным божеством. Эти три, основные, элемента танца, его составные части, его основа, повторяются несколько раз не под музыку, а как бог на душу положит, но вполне синхронно. Под такие танцы хорошо медитировать, даже спать хорошо, время от времени отрываясь от Морфея в кхмерские грезы.

Но все это прелюдия! «Людия» Камбоджи состоит на 99% из ее храмов. Сохранились в полне сносом состоянии десятки храмов с гигантами в Ангкоре! Гигантизм развивается как в плане, так и в высоте. Кажущиеся одной – разные составные части храмов вовсе не являются одинаковыми, а основываются на многообразии индуистских богов, на поклонении Брахме, Шиве, Вишне. Христос и Богоматерь, любовь к золоту определяют архитектуру православных храмов. Кхмерскую же архитектуру храмов определяют эти три бога. От времени розовый песчаник стал черным. Темнота, даже – чернота, вот цвет кхмерских святынь сегодня. А далее – свирепость лиц, изобилие драконов, и всей той нечисти, а также добродетели, все отсюда же, из походов Брахмы, Шивы, Вишны.

Что определяет феномен Ангкора? Увожу с собой из Камбоджи впечатление, что Ангкор – это совокупность большого числа храмовых комплексов во главе с Ангкор Ват. Эти храмы по грандиозности постройки, на мой взгляд, превышают египетские пирамиды. Грандиозность Ангкора во всем: в занимаемых гектарах земли (тысячи гектаров!), в высоте сооружений (до сотни метров!), в множественности фигур и сюжетов, в их разнообразии (миллионы!), в скупулесности и высокой художественности резьбы по камню и т.д. Особую значимость всему этому придают огромные, своеобразные и очень выразительные лица на башнях. Некий символ сурового отношения к происходящей действительности! В этих лицах сплелась мудрость веков. Они, как бы, предвидели и их запустение, и разорение всех храмов, и забвение их создателей. Забвение длилось несколько веков! Храмы оказались в глубине джунглей, а их истинное возрождение и доступность для людей всех религий и национальностей началось с эпохи туристического бума. Только во второй половине прошлого века появился источник доходов из «воздуха», т.е. из того, что много веков было заброшено, никому не нужно, исчезло в джунглях. Мысль о том, что современные кхмеры живут за счет труда своих великих предков, все время преследовала меня, когда я лазил по их сокровищам. Но кормят храмы явно не народ, а избранных. Народ же живет в хибах в джунглях в домах из пальмовых листьев. Нищета и попрошайничество среди изобилия цитрусовых, кокосов, среди дешевизны, доступности вызывает какое-то ирреальное чувство, ощущение зазеркалья. Трудно соединить в себе могущество храмов (т.е. могущество прошлого!) с нищетой интернетовской эпохи. «Коррупция!» – поясняет гид.

Показалось, что нашу эпоху в жизни кхмеров мы увидели всесторонне. В городах – смесь блеска отелей, «движухи» местного населения на всем, что шевелится, движется и что продается из растущего на деревьях со шмоточными рынками международного пошиба. Центр гудит Пабстритной пешеходной улицей, толкучкой тук-туков, а вокруг неприглядность, пыль, неухоженность. Прилегающее к чуду света – ангорским храмам – сплошная джунглевая нищета. Поездка на самое большое в государстве озеро показала нам трудовую Камбоджу в рисовых полях. Нищета и здесь лезет из всех щелей, но она несколько иного типа. Скорее, бедность – домики из бамбука, на сваях. Первобытное зрелище в коко-кольном обрамлении предстало перед нами на самом озере, где стихийно образовалась плавучая рыбацкая деревушка бежавшими из Вьетнама в надежде на мир. Здесь на водном просторе сконцентрировались дома, магазины, школы, молельные дома и другие, необходимые для функционального обеспечения поселения заведения. В домах чинят сети, плетут их, ловят рыбу и водоросли, справляют нужду – живут и работают, одним словом. В гости плывут на лодочке, как и в школу, магазин. Вокруг – рыбы в изобилии при безотходной системе: рыба кормит человека, а его отходы кормят рыбу. Запомнилась еще крокодиловая ферма. Она разместилась приблизительно на гектаре земли и оборудована нишами разного назначения: общак, для занятия любовью, для беременных, для грудников, для малышей и т.п. Такого скопища крокодилов не видел никогда. Угощались пальмовым соком, похожим по виду и вкусу на тростниковый.

Прощаюсь с Камбоджей с мыслью: «В эпоху мечей и буйволов строили шедевры, а в ядерную, космическую, компьютерную эпоху живут в нищете. Ведь есть же этому факту какое-то объяснение?».

Через полтора часа полета мы оказались в Лаосе. «Для чего вы едете в Лаос?» - спрашивает нас гид. И отвечает сам же:

- чтобы понять, что такое – целебный воздух;
- полюбоваться древними буддийскими храмами;
- искупаться в водопадах;
- проплыть по Миконгу.

Это предписание мы выполнили полностью. Что же увозим мы из Лаоса? Во-первых, с воздухом здесь весьма неплохо: площадь большая (в два раза больше, чем в Камбодже), населения мало – 6 миллионов, в два, с лишним, раза меньше, чем в Камбодже. И все это – в гористой местности. Во-вторых, в древней столице Лоан Пробан, где мы расположились в прекрасном 3-х звездочном отеле, буддистских храмов оказалось как грязи в России. Этот город является главным носителем истории и культуры Лаоса. Храмы на каждом шагу, и один одного краше. Есть и королевский дворец. Он не произвел впечатления: довольно простенько по сравнению с другими этого же профиля заведениями. Особенность дворца в том, что последний король стоит во дворе огромной устрашающей чугунной глыбой. Его убили, наследники исчезли с лица земли неизвестно как. Так лаосские коммунисты начали свое правление на лаосской земле. Модифицируя под влиянием времени власть под народно-демократическую республику, продолжая или подражая искать свой, не китайский, путь экономического развития.

Буддистские храмы, насчитывая века, сверкая золотом и позолотой, как правило, заполнены множеством сидящих в характерной позе будд разного размера – от нескольких сантиметров до гигантских статуй, упирающихся в потолок. Они, как магнит, привлекают к себе взор, быстро утомляя его, так что уже вскоре начинаешь не улавливать различия храмов. Только и остается – здесь будда больше, чем там.

Ночной рынок расположился на улице, где самый большой храм в городе. Длина этого рынка больше километра. Рынок умеет быстро, можно сказать, мгновенно собираться и разбираться, так что улица тут же превращается в рынок, а рынок – в улицу. Все товары и продавцы – на земле, а покупатели – туристы идут стройными рядами, уткнувшись взглядом в землю. Из городского обихода еще отмечу дома, облик которых остался от французских колонизаторов. Их вспоминают совсем не добром, как во многих странах англичан. Англичане, как правило, грабили, создавая. Французы же просто грабили. Тук-туки здесь тоже в почете, но, конечно, не как в Камбодже. Впечатление такое, что в Камбодже тук-туков, как мух на пропавшем мясе, а в Лаосе, как тех же мух, но в храме, например, или в отеле. Кстати, отели - что в Камбодже, что в Лаосе - очень достойные, окутывают тебя негой, прохладой, прелестными видами ухоженной тропической растительности, бассейновой прелестью жаркого дня.

Обратили на себя внимание не только водопады Лаоса, но и дорога к ним. Особенно меня поразили лотосовые поля. Не знал, что лотос выращивают как с/х культуру. Оказывается, у буддистов лотос очень востребован как элемент, украшающий процесс жертвоприношения. Лотос, от семян, зародышей цветка в разной степени раскрытости, все является продукцией, все является товаром, все годится в ритуалах. А выращивается лотос на таких же полях, как и рисовые поля, т.е. в чеках, в воде. Водопад, который мы наградили своим присутствием и купанием, имеет еще небольшой питомник медведей. И водопад, и купание, и медведи оставили очень неплохое, но все же изгладимое впечатление.

Больше мне понравилось путешествие по Миконгу. Мы воочую увидели и почувствовали коварство реки с ее водоворотами, камнями, где попало, лодочками у берега, привязанными как поплавки на удилище, с огородами по береговому откосу. Пещеры небольшого размера, не более 1000 м³, заставленные буддами разных оттенков и калибров, вполне достойны посещения. Как и винодельческие деревни, где варят брагу, самогон из белого и чёрного риса, шёлковые деревни, где выращивают шелкопряд, формируют коканы, разваривают их, распутывают шёлковые нити, собирая в пучки и окрашивая в любые цвета натуральными красителями. Здесь же из этих нитей плетут, ткнут, вышивают шелковые изделия на любой вкус и кошелёк. Рядом делают бумагу из коры специального дерева, разваривая её в бочках до

ватной основы, а потом, растворив в воде, получают водную эмульсию нужной консистенции, которая оседает на специальные решётки, превращается в бумагу или картон после просушки. Добавив лепестки, например, розы можно получить бумагу с цветами внутри полупрозрачного изделия. Получается картина из замурованного в бумагу гербария. Естественным венцом путешествия по Лаосу явилось зрелище под названием «шествие монахов». Оно начинается рано утром. По улице идут нескончаемой чередой монахи в своих попугаистых оранжевых одеждах, собирая подношения которые им раздают местные жители и туристы. Идут монахи всех возрастов – и старцы, и младенцы 4-5 лет. Проходя места подношения, монахи удаляются в свой монастырь или храм, где продолжают свою службу. Мне любопытно было наблюдать, как стайка пацанов-монахов убирала территорию храма, резвясь как воробушки.

Перечитал про Лаос и в очередной раз посмеялся над пришедшей старостью: что было давно – помню до деталей, что было вчера – не могу вспомнить. Вот и про лotosовые поля написал, что видел их в Лаосе, а на самом деле они поразили меня в Камбодже. Ладно, думаю, проехали. Жизнь продолжается и надо жить так, «...что бы не было мучительно больно...»!

Вьетнам, коммунистический Вьетнам! Он, по сути, тоже начался с изобилия рисовых полей, которые долгое время шли по обе стороны дороги, изредка перемежаясь с овощными, травяными, цветочными полями. Поля шли до самого шахтёрского городка, где русские, в своё время, возвели металлургический комбинат. Уголь добывают открытым способом, т.е. шахтёрами – экскаваторщиками. Первый наш экскурсионный объект во Вьетнаме – это причудливый набор гористых островов в океане. ЮНЕСКО сунула и сюда свой нос и не без основания. Мы целые сутки прибывали в этом местечке, находясь в состоянии очарования красотой скал, магией фьёрдовской таинственности выплывающих из-за островов и туманов будто бы пиратских кораблей. Здесь – и внутренние озёра, и величественные пещеры, и катание на каяках, и песчаные пляжи на острове Германа Титова. Да, да – на острове имени нашего второго космонавта! Они здесь с Хо Ши Мином отдыхали – вот на этом самом островке. А вот и памятник ему, только уж очень массивный. В честь моего любимого космонавта мы с женой с удовольствием отдались купанью на местном пляжике. Но всё же самое сильное впечатление остаётся от панорамы, близкой и далёкой, с участием кораблей, скалистых островов и изрезанности заливов – фьёрдов вьетнамского пошиба, т.е. со своей, как будто бы капитан-куковской аурой. При этом важным действующим лицом оставался туман, подливая и подливая «масла в огонь»! Ночёвка на корабле придавала ещё больший романтический настрой при международном контингенте туристов. Запомнились два брата швейцарца. Здоровые мужики в 50-60 лет, занимаются сейчас волонтерством. Чувствуется, побродили по свету, в том числе по Африке. Один из них – специалист по кесареву сечению. «Доктор Лиза» - называл я его про себя, когда он рассказывал о работе в Лесотто, Зимбабве, Судане. Было много австралийцев, американцев. Под стать туристическому разнообразию была и еда вьетнамской корабельной кухни. Дальше нас ждёт сухопутный Вьетнам.

Фабрика жемчуга, пожалуй, точнее, чем жемчужная ферма. Впрочем, судите сами. Длинный ряд вьетнамок, сидя за столом, держат лотки с устрицами, совершая акт оплодотворения. Этот половой процесс состоит во внедрении во чрево, т.е. в тело, устрицы перламутровый ракушечный маленький шарик (сперма!) вместе с козьячковой мякотью, которая является катализатором роста жемчужины. Устрица, таким образом, беременеет жемчугом, и он быстро растёт в её утробе. Вьетнамцы научились выращивать жемчуг разной крупности и разного цвета и стоимостью от конфетки до мерседеса.

И вот, наконец, столица когда-то Северного, а теперь всего Вьетнама. Это легендарный город Ха Ной. Легендарность ему принесла победа над американцами в 1975 г. Сейчас Ха Ной вобрал в себя 6 миллионов вьетнамцев и, кажется, не меньше мопедов и мотоциклов, на которых снуют во все стороны и по встрече старики и дети, мужчины и женщины, юноши и девушки. Старый город, как и ожидалось, всю свою жизнь сосредоточил на земле – асфальте, кое-что водрузив на картонные коробки. Жизнь кипит на узких улочках, образованных 3-5 этажными нагромождениями причудливой формы. Но есть у Ха Ноя фасадное лицо с огромной площадью и мавзолеем Хо Ши Мина, грандиозными озёрами со старым буддистскими храмами на островах и дамбах, литературный музей Конфуция с множеством черепаш – символами долголетия и мудрости. Мудростью здесь наделяют и птицу феникс. Мне понравилась скульптура

«Феникс на черепахе» - те самые мудрость и долголетие, вместе характеризующие взаимопомощь, взаимовыручку. Феникс тянет черепаху из болота, а в приличном озере черепаха показывает фениксу, где рыба. Такого рода притчи – легенды мы в большом количестве увидели в кукольном театре на воде. Что ещё примечательного в Ха Ное? Пожалуй, собор Нотер Дам. Это - то небольшое, что оставили французские колонизаторы. Остальное – смесь современной эпохи фаст фуда и Сваровских с индокитайским вариантом «сакля на сакле».

Всё это показал нам Северный, некогда, социалистический Вьетнам. А вот мы уже в среднем Вьетнаме, Вьетнаме ЮНЕСКО, которая в 1999 г. раскопала, в прямом и переносном смысле, когда то крупнейший порт Хой Ан, где ещё с 13 века шла бойкая торговля китайцев с японцами. Остались несколько объектов того времени, которые дали толчок развитию туристического бизнеса. Ведь кроме заваленных ещё недавно песком этих сохранившихся 6 домов – объектов, остался тот же океан, песчаные пляжи и расчудесная погода. Отели стали расти как грибы 21 века: с комфортом, уютом, негой, красотой. Бассейны и пальмы, лежаки и лежебоки – их неперменный атрибут. Добро пожаловать толстосумы, и любители со всего мира сюда, во Вьетнам – новую туристическую Мекку! Вот что значат раскопки истории для современной туристической знати! Старый город Хой Ан в новой редакции показался нам экзотической игрушкой на лице Индокитая, вызывая добрую улыбку заполнившей его международной публикой.

Перелет в Южный Вьетнам, в Сайгон, т.е. Хо Ши Мин, от ласкового моря не стал для нас столь огорчительным, как это представлялось. После всего турне по индокитайскому пространству, неожиданно для себя, в Сайгоне мы почувствовали себя на празднике, празднике жизни заполнившей город разномастной публикой. Да, Сайгон – это последнее прибежище США, пытавшимся навязать вьетнамцам свои идеалы жизни вплоть до позорного их выдворения восвояси в 1975 г. Друг мой Там! Я побывал у тебя на родине, а сейчас нахожусь в местах, где ты воевал. Следы твои через общество вьетнамцев, прошедших обучение в СССР, обещал мне найти наш гид Мун. Но даже если эти следы не найдутся, то в душе и сердце моём они останутся навсегда. Откуда взялось ощущение праздника у утомившихся туристов? Во-первых, сам город мне показался молодым, современным, с небольшим включением «хибарного» Вьетнама. Представший передо мной Хошимин – индокитайское исключение, скорее, Европа или Америка с современными высотками, раскиданными по городу. Их как-то удачно раскидали, что несмотря на небольшое их число (10-20), они составляют общую весьма внушительную и привлекательную урбанистическую составляющую всей картины города. Несколько старинных дворцов, пагод, колониальных отелей, буддистских храмов, прекрасное старинное здание театра и собора Нотер Дам, правительственные здания почти в стиле сталинского ампира с Хошиминовской надстройкой и его же памятником – всё это свидетельства исторического прошлого Сайгона, как и большой порт, грязная река Сайгон. Душой же города является её площадь! Когда по площади перекрывается движение, а это мы наблюдали вечером, то она превращается в огромную сцену, на которой туристы и простые вьетнамцы семьями, становятся участниками грандиозного праздничного представления. Фонтаны, музыка, нехитрые забавы включены в атмосферу нескончаемого и неподдельного веселья, превращая Хошимин в город-праздник! Таким он и запомнился мне – эта неожиданная птица в индокитайском гнезде! Ещё мне показалось, что от Хо Ши Мина скоро не останется и названия города, ничего не останется. Город снова станет Сайгоном, единственная сейчас в стране компартия растворится в массе партий демократического толка. Об этом свидетельствуют множество американских флагов и символики вокруг, и не одного российского триколора. Курс на американское развитие общества под коммунистическим флагом вряд ли может долго существовать. Этот курс, принятый правительством Вьетнама в 1986 г. даёт поразительные результаты в экономике. Жизнь становится лучше и веселее ежегодно на 7%, а такой результат на современном этапе заткнёт глотку любой идеологии. Так что, мой друг Фан Лынг Там, ты победил американцев в войне, а они взяли Вьетнам сейчас, спустя 40 лет, мирным путём.

Мирно развивалось и наше путешествие. Жена, как всегда в пути, пребывала на 7-ом небе, я с удовольствием волочился за ней по индокитайской земле. С нами была ещё одна путешественница – Елена Козлова, представитель продвинутой молодёжи России. Она органично добавляла в наш престарелый коллектив современный взгляд на окружающую действительность. В результате нам хорошо было с ней, а

ей, мы видели, с нами. Так что Индокитай мы действительно разглядели всесторонне – и с позиций современного хакера, и с позиций много повидавшей, опытной, но ещё влюблённой в жизнь, и друг в друга, пары. Всё это не помешало нам насладиться индокитайской кухней, которая от страны к стране имеет свою специфику. Мы же не столько пытались вобрать в себя это различие, сколько наслаждались общностью в виде кузнечиков, саранчи, тарантулов, змей, лягушек и прочей прелестью, а так же остротой любого блюда, от которой на долгое время сохраняется опасность класть в рот что-либо!

Особый мир Индокитая, я рад, что повидал тебя!
Ты не блистаешь чистотою. Дом из бамбука – вот стезя,
Что была в прошлом, есть сегодня и будет, кажется, всегда.
Но нет в помине ведь унынья, хоть интернет в твоих руках.
Тебе доступна радость жизни, ты в джунглях, будто в облаках!

Я восхищён твоим Ангкором, великой мудростью веков.
Ангкор – такое ж чудо света, как Таджмахал, в конце концов.
Буддистских храмов разнообразье и мощная река Миконг
Нас покоряют, вызывая эмоции, раздумья и восторг.
Но вот дорожное движение приводят европейцев в шок!

Сиам Реап, Лоан Пробан, Ха Ной – индокитайские создания.
В них блеск и нищета соседствуют со дня образования.
Но есть у каждого своё лицо, и есть стремление к созиданию!
Особняком живут Хой Ан и Хошимин. Хой Ан – жемчужина у моря,
А Хошимин, мне кажется, Сайгоном, американцем станет скоро.

С женою две недели дышали воздухом твоим, Индокитай.
Гостеприимным был. Спасибо! Тебе удачи, теперь уж веданный нам край!

.....
На сегодня, пожалуй, все. Надеюсь, что с путешествиями еще далеко не все позади! Дай-то бог. Тогда есть шанс и для продолжения непутевых путевых дневников.

Что вынес я из странствий дальних,
Что встретил нового и где?
Да то, что счастье наше - в ранних
Побудках дома, при жене,

При детях, внуках, при здоровье!
Не важно - где, а важно с кем!
А мир? Он часто смотрит из-под злобы
На то, что затеваем мы. Зачем,

Зачем бежать за синей птицей,
Стремглав в заоблачные дали?
Ведь там такие ж, в общем, лица
Ее, я знаю, не встречали.

А даль манит! И не жар-птицей –
Своей особой красотой!

То Моисеевской зарницей,
То кенгуру, но – боже мой!

Я понял истину простую
И миражи пошли под слом:
Люблю сторонку я родную,
Люблю семью и отчий дом!

.....
Мир непутевых дневников –
Своеобразный, заветный, немного иллюзорный мир!
Наверно, он скорей для чудаков,
Но он и крылья придает тем, кто пока еще бескрыл!

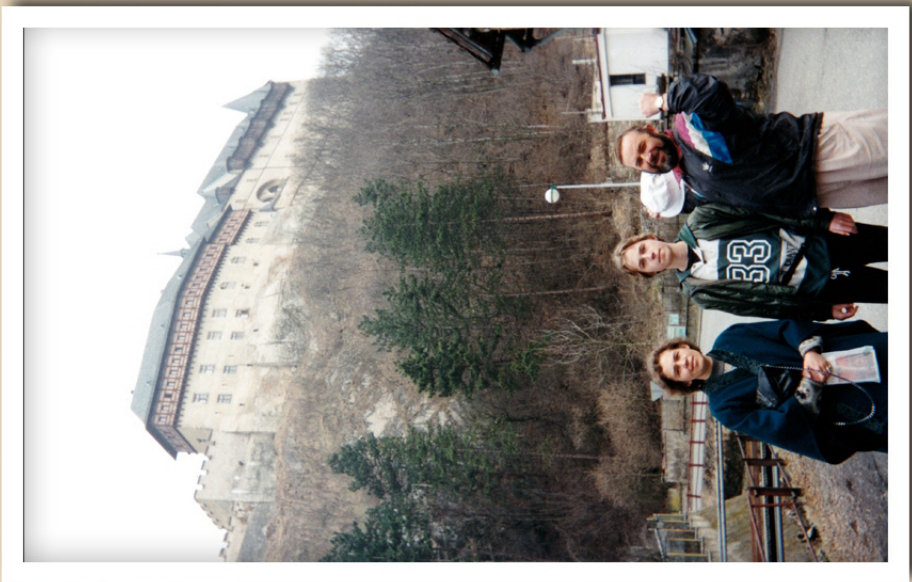

ЭПИЛОГ или НЕМНОГО О СЕБЕ И О ЖИЗНИ

Передо мной оглавление этой книги. Хотел искать ответы на вопрос «Как жить?», а получилась подробная биография. Не случайно, конечно. Освежил в памяти свой путь, чтобы, опираясь на него попытаться ответить на исконно русский вопрос, сформулированный моей дочерью в несколько иной плоскости.

Освежить-то освежил, можно даже сказать – осветил свой путь, однако к ответу на вопрос, кажется, ни сколько не продвинулся. Не хотел же я сказать дочери и читателю – смотри, как прожил я и живи так же. Во-первых, путь, пройденный мной, совсем не идеал, на который можно и нужно равняться, а, во-вторых, я все же не идиот, чтобы не понимать, что все мы разные, поэтому и пути у всех разные. Но ведь для чего-то мой внутренний голос «тащил» меня по биографическому пути в попытках ответить на вопрос: «Как жить?».

А «тащило» меня по пройденному пути искреннее желание попытаться найти свой ответ на этот вопрос. Мог бы я, конечно, умные книги почитать и найти там ответ. Но это был бы книжный, а не мой ответ. Да и читал я эти книги, и ответы читал, с которыми либо соглашался, либо не соглашался! Ответов много и они разные. А мой какой?

Попробую хоть как-то обобщить свой путь, и преломить его через призму вопроса: «Как жить?».

Что же, в конце концов, по большому счету, я могу записать себе в актив?

Ну-ка, попробую:

- трепетную, безграничную любовь к родителям с 1945 г. по настоящее время;
- сотни стогов сена, которые пошли на корм колхозного скота в период с 1950 по 1967;
- десятки гектаров прополотых, политых земель, центнеры выращенных фруктов и овощей на колхозных полях, которые пошли на столы трудящихся в 1950-1964 г.г.;
- около ста килограммов выращенного шелкопряда в 1955-1960 г.г.;
- активное участие в концертах художественной самодеятельности села и школы: драмкружок, хор, солист хора и танцевального ансамбля с 1954 г. по 1960 г.;
- свидетельство об окончании сельской семилетней школы с отличием в 1960 г.;
- страстную любовь к футболу, хоккею, волейболу, баскетболу, легкой атлетике, настольному теннису, шашкам, шахматам с 1950 г. по 1964 г.;
- активное участие в домашнем производстве картофеля, овощей, фруктов, десятков центнеров говядины, свинины, баранины, мяса птицы с 1950г. по 1964 г.;
- опыт работы трактористом в 1963-1964 г.г.;
- участие в работах по выращиванию цыплят в колхозных брудергаузах в 1961-1963 г.г.;
- активное участие в спортивных соревнованиях и художественных олимпиадах района и области в 1960-1964 г.г.;
- аттестат зрелости по окончанию школы с серебряной медалью в 1964 г.;
- дружбу с Коростилевым Саней и его семьей с 1964 г. по настоящее время;
- любовь и женитьба на Нуйкиной Валентине Степановне, 1964-1968 г.г.;
- диплом с отличием по окончанию университета в 1969 г.;
- работа в РЫБВТУЗЕ г. Астрахань на кафедре теоретической механики 1969-1970 г.г.
- рождение дочери Елены в 1969г.;
- переезд из Астрахани в село Забузан в связи с болезнью отца в 1970 г.;
- работа завучем и учителем математики и физики в сельской школе в 1970-1973 г.г.;
- теплые воспоминания о школьных годах нескольких десятков молодых сельчан, которых мне посчастливилось учить математике, физике, жизнелюбию в сельской школе с 1970 по 1973 гг.;
- поступление в аспирантуру, исследовательская работа в 1971-1974 г.г.;

- диплом кандидата наук после защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук в 1975 г.;
- рождение сына Петра в 1976 г.;
- создание лекционного курса по высшей математике и диплом доцента в 1974-1977 г.г.;
- добрую усмешку сотен инженеров, прослушавших мой институтский курс высшей математики в РЫБВТУЗе с 1974 по 1980 г.;
- самозабвенную работу деканом строительного факультета в 1979-1980 г.г.;
- прилив энтузиазма и юношеский порыв в воспоминаниях десятков добровольцев об утренней футбольной команде и атмосфере безграничной дружбы, коллективизма, которая, оказывается, обитает на этой земле и была составной частью этих энтузиастов в футбольной команде, в которой я был бессменным капитаном с 1969 г. по 1980 г.;
- переезд в Москву на работу во ВНИИ ВОДГЕО по конкурсу на замещение вакантной должности старшего научного сотрудника в 1980г.;
- горделивую улыбку двух десяткой теперь уже людей зрелого возраста при воспоминаниях о своем Кучинском детстве, когда до школы в любую погоду они самозабвенно с дядей Колей гоняли футбольный мяч на лесных проталинках в 1980-1994г.г.;
- ощущение безграничного счастья при занятии научными исследованиями в период с 1972г. по настоящее время;
- радость походов со школьниками в выходные и праздничные дни в 1980-1997 г.г.;
- очарование миром гор во время походов по Кавказским горам, включая восхождение на Эльбрус в 1981-1986г.г.;
- работа экспертом-консультантом по выбору площадок под строительство АС в Ливии в районе г. Сирт в 1983г., в Сирии в районе Алеппо в 1987г., на Кубе в районе Ольгин в 1991г.;
- защита докторской диссертации и диплом доктора технических наук в 1986-1987г.г.;
- диплом профессора в 1988 г.;
- любовь и женитьба на Прокофьевой Елене Владимировне в 1988г.;
- фактическое усыновление двух детей: дочери Марии Прокофьевой и сына Владимира Прокофьева в 1988 г.;
- очарование подводным миром в разных морях и океанах: Черное, Красное, Средиземное, Карибское, Южно-Китайское, Аравийское, Коралловое моря, Индийский, Атлантический, Тихий океаны с 1981 г. по 2017 г.;
- звание лауреата премии Правительства России в 1997 г.;
- звание Почетного строителя Российской Федерации в 2004 г.;
- подготовка около двух десятков специалистов высшей квалификации с учеными степенями и званиями в период 1985-2017 г.г.;
- самозабвенное участие в воспитании четырех детей и шести внуков в период 1969-2017 г.г.;
- трепетную безграничную любовь к своим детям и внукам с 1969-2017 г.г.;
- некоторые результаты научной работы, опубликованные более чем в двухстах научных работах в 1972-2017 г.г.;
- создание нескольких научных направлений в области инженерной гидрогеоэкологии в 1975-2017 г.г., а именно:
  - методы решения задач особых возмущений с подвижными границами в теории массопереноса;
  - методика прогноза засоления и рассоления земель при их поливном орошении;
  - теория образования верховодки и новых водоносных горизонтов в слабопроницаемых грунтах;
  - гидродинамическая теория миграции солей в безнапорных потоках;

- теория осушения грунтов вентиляционными, пневмонагнетательными и вакуумными системами дренажей;
  - теория учета влияния капиллярной зоны на оценки величин утечек из водонесущих коммуникаций по данным режимных наблюдений;
  - теория оценки долговечности пористых материалов при фильтрации через них воды или других агрессивных жидкостей;
  - теория фиктивной инфильтрации при решении пространственных задач фильтрации жидкости;
  - интегральная теория риска опасных природных и техноприродных процессов;
  - теоретические основы градопромышленной гидрогеоэкологии и её приложения к проблемам подтопления и загрязнения градопромышленных территорий, включая оценки рисков и наилучших доступных технологий;
  - теория оценки безопасности и риска аварий гидротехнических сооружений;
  - методология обоснования наилучших доступных технологий при инженерной защите территорий от опасных техноприродных процессов и др.
- написание нескольких нормативно-методических документов и ГОСТов;
  - создание и развитие комплексного проектно-изыскательского научно-производственного предприятия по водоснабжению, водоотведению, гидротехнике, инженерной гидрогеоэкологии и охране окружающей среды (АО «ДАР\ВОДГЕО»), ставшего одним из крупнейших и ведущих предприятий в отрасли в 1992-2017 г.г.;
  - заслужил доверие ученого совета и был избран директором Государственного научного центра ФГУП НИИ ВОДГЕО, сметен с этой должности охотниками за государственной собственностью, агрессивными разрушителями отечественной науки в 2003 г.;
  - подал идею и активно участвовал в её реализации о проведении ежегодных Яковлевских научных чтений по проблемам водоснабжения и водоотведения, которые уже много лет проводятся в России разными организациями, начиная с 2005 г.;
  - попытку спасти остатки Ордена Трудового Красного Знамени комплексного научно-исследовательского и конструкторско-технологического института водоснабжения, канализации, гидротехнических сооружений и инженерной гидрогеологии (АО «НИИ ВОДГЕО»), некогда ведущего предприятия СССР и России в отрасли - с 2011 г. по 2017 г.;
  - создание научно-производственного объединения «ВОДГЕО» как будущего флагмана отрасли в руках молодого поколения с 2012 г.;
  - дружбу с Шевчиком Сашей – единомышленником в работе и по жизни с 1975 г. по 2015г.;
  - повышение квалификации, просветительская, рекламная деятельность, обмен опытом и результатами научных исследований путем создания, руководства и активного участия в издательской деятельности ДАР\ВОДГЕО. Выпуск серии сборников по гидрогеоэкологии, гидротехнике, водоснабжению, водоотведению, экологической безопасности строительства и городского хозяйства, а так же выпуск монографий, методических рекомендаций, руководств по профилю деятельности, и т.п. в 2000-2017г.г.;
  - сделал счастливой не на час, а на всю жизнь одну женщину с 1988 г. по настоящее время;
  - горжусь успехами своих детей и внуков с 1970 г. по настоящее время;
  - любовь к путешествиям по стране и миру, их объём и результаты этих путешествий;
  - всю жизнь любил застолье с песней, праздники с детворой, с удовольствием пел и пою, можно сказать, где попало;
  - прожил более 70 лет в гармонии с родными, друзьями, соседями, коллективами, в которых учился, работал, в гармонии с природой, а часто, и с самим собой.

Посмотрел на «актив», который я сам себе приписал без ложной скромности, и расхотелось мне писать «пассив», которого тоже было немало! Что стоят украденный у брата блестящий ножичек, слезы

детей при разводе, разрыв с научным руководителем, пусть на время, потеря связи, даже вражда, с некоторыми одноклассниками и т. д. и т. п. Безусловно, ошибок в жизни мы совершаем гораздо больше, чем «актива». Так устроена жизнь. Мы их совершаем постоянно, поскольку каждый миг, каждый день и год для нас новы, неизведанны. Мы вынуждены все время выбирать свою одну дорогу из множества возможных и, конечно, далеко не всегда нам удается найти оптимум. Поэтому не надо жалеть о не сделанном – ведь мы хотели как лучше! А вот то, что удалось, даже самое малое – это и есть «актив».

Эмоциональное, субъективное обобщение «актива», выразившееся в формулировании огромного числа пунктов, дало возможность мне понять истоки «актива», а именно: мне всегда было интересно делать то дело, которым я занимался сейчас, в этот день, в это время. Я получал удовольствие и от работы на сенокосе, и от чтения лекций, работая доцентом, и от научной работы, и от бизнеса. Я и сейчас получаю удовольствие при написании данной исповеди. А вот это уже ближе к тому, что я хотел, но не сумел сказать тогда, в день своего 53-х летия.

И все-таки: «Как на свете жить?»

Опираясь на свой опыт, скажу: «С удовольствием!». Тогда и «актива» будет больше, и он будет качественнее!

Это просто, если тебе интересно любое полезное занятие – от стирки подгузника до прослушивания Шнитке, решения простейших задачек с детьми, внуками, от попытки помочь, при необходимости, коллеге до решения проблем с безденежьем – как свести концы с концами. Возможно ли такое, и многое другое делать с интересом? Да, конечно, если на данный момент рассматривать происходящее как важнейшее дело, уйти в него с головой. В этом состоянии только шаг до интереса и удовлетворения результатом. Достижимо ли это? Не всегда, конечно. Чаще всего – «не греет», как гениально показал Янковский в фильме «Влюблен по собственному желанию»! Но другого пути нет. Во всяком случае, я шел этим путем, не сознательно, а интуитивно, по «чуху». И выросло то, что выросло!

Как добиться того, чтобы к любому делу относиться с интересом? А это и есть ключ к счастью и у каждого он свой, и каждый пытается найти его на своем пути. Так «делай, что можешь, и будь что будет» – вот такой, оказывается, был у меня лозунг в жизни. Всегда знал – надо делать что можешь, и с удовольствием! Никогда не ставил себе карьерных задач – будь что будет, но верил, что будет все хорошо! Может так и надо жить на белом свете?

Может быть, может быть.....

Во всяком случае, для себя я точно решил, что бог нас создал, в том числе, для того, чтобы по жизни идти в поисках этого вопроса. А отдохновение искать и находить в лоне семьи, занятой поиском своего ответа на все тот же вопрос. Создание семейных традиций, дней семьи очень помогает жить! А вот как жить в современном мире – надо спросить у детей!

Любовь семьи! Своеобразный зонтик,
Защита от невзгод, душевного ненастья.
Глоток прекрасного, дорога к счастью!

Жизнь фирмы! Мощный генератор
Мысли и идей, терпения и воли,
Фундамент гордости, достойной доли!

«Как жить?»- спросили Вы и я ответил,
Что сам не зная – как-то жил на свете,
Перед семьей и делом был всегда в ответе!

«Как в современном мире жить?» - решать Вам, дети!

Н.П. КУРАНОВ

КАК НА СВЕТЕ ЖИТЬ. В ПОИСКАХ ОТВЕТА. ТОМ 2

2017 г.

Научный редактор: д.т.н., проф. Куранов Н.П.
Ответственный редактор: к.т.н. Прокофьева Е.В.
Художественный редактор: к.э.н. Савина Т.В.

Издательство АО "ДАР/ВОДГЕО"
119435 г. Москва, Б.Саввинский пер., д.9, стр.1
<http://www.darvodgeo.ru>, e-mail: info@darvodgeo.ru
Тел.: +7(499) 272-47-25

Лицензия сер. ИД № 05862 от 18.09.2001
Подписано в печать - 05.12.2017 г., заказ №1324/17
Формат 60x90/8. Усл. печ. л. 113
Тираж 50 экз.

ISBN 978-5-98826-016-5

Отпечатано в типографии ООО «Клуб печати»
ИНН 7715446396, КПП 771501001
127018, г.Москва, Марьиной Рощи 3-й проезд,
д.40, стр.1, оф.32

Основную часть книги известного российского ученого в области прикладной гидрогеоэкологии, гидротехники, водного и жилищно-коммунального хозяйства, лауреата премии правительства России, Почетного строителя России, профессора, доктора технических наук Куранова Николая Петровича составляет биографические данные автора. Его путевые заметки во время путешествий по стране и миру проникнуты любовью к жизни, к прекрасному, к Родине, к семье, к женщине. На фоне политических и производственных событий в мире и России в течение последних десятилетий они позволяют не только глубже понять период становления новой Российской государственности в сердцах и мыслях обыкновенных тружеников, но и вычленить, принять и полюбить национальные интересы и особенности россиян.

ISBN 978-5-98826-016-5

